

ВЛАДЛЕН ЛОГИНОВ

ЛЕНИН И РЕВОЛЮЦИЯ

АКАДЕМИЧЕСКИЙ
ПРОЕКТ

В.Т. Логинов

Ленин и революция

«Академический проект»

Москва, 2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Л 69

Л 69 **Логинов В.Т.**
Ленин и революция. — М.: Академический проект, 2018. — 540 с. —
(История России: XX век).

ISBN 978-5-8291-2162-4

В 1917 году Россия находилась на краю пропасти: людские потери в Первой мировой войне достигли трех миллионов человек убитыми, экономика находилась в состоянии глубокого кризиса, государственный долг составлял миллиарды рублей, — Россия стремительно погружалась в хаос и анархию. В этот момент к власти пришел Владимир Ленин, которому предстояло решить невероятную по сложности задачу: спасти страну от неизбежной, казалось бы, гибели...

Кто был этот человек? Каким был его путь к власти? Какие цели он ставил перед собой? На этот счет есть множество мнений, но автор данной книги В.Т. Логинов, крупнейший российский исследователь биографии Ленина, избегает поспешных выводов. Портрет В.И. Ленина, который он рисует, портрет жесткого прагматика и волевого руководителя, — суров, но реалистичен; факты и только факты легли в основу этого произведения.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8291-2162-4

© Логинов В.Т., 2017
© Оригинал-макет, оформление.
«Академический проект», 2018

Глава 1. Возвращение

«Я люблю свою профессию...»

В 1902 году, когда Ленин и Крупская жили в Лондоне, они нередко заходили в тамошний зоопарк и, как рассказывала Надежда Константиновна, подолгу простаивали перед клеткой белого волка. Все звери с течением времени привыкают к клетке: медведи, тигры, львы, объяснил нам сторож. Только белый волк с русского севера никогда не привыкает к клетке — и день и ночь бьется о железные прутья решетки. Этого русского волка Крупская и вспомнила спустя 15 лет, зимой 1916/17 года, в Цюрихе...¹

«В половине февраля [1916 года], — пишет Крупская, — Ильичу понадобилось поработать в цюрихских библиотеках, и мы поехали туда на пару недель, а потом все откладывали да откладывали свое возвращение в Берн да так и остались жить в Цюрихе...

Пошли нанимать комнату. Зашли к некоей фрау Прелог, скорее наминавшей жительницу Вены, чем швейцарку. Объяснялось это тем, что она долго служила поварихой в какой-то венской гостинице. Устроились было мы у нее, но на другой день выяснилось, что возвращается прежний жилец. Ему кто-то пробил голову, и он лежал в больнице, а теперь выздоровел»².

Жилье сняли у семьи социал-демократа сапожника Каммерера в старом — чуть ли не XVI века — мрачном доме. Комната была длинной, неудобной, с окном, выходившим во двор. А так как в подвале работала еще и колбасная фабричка, то со двора воняло тухлятиной и форточку открывали только ночью. «Можно было, — пишет Надежда Константиновна, — за те же деньги получить лучшую комнату, но мы дорожили хозяевами...

Квартира была поистине интернациональная: в двух комнатах жили хозяева, в одной — жена немецкого солдата-булочника с детьми, в другой — какой-то итальянец, в третьей — австрийские актеры с изумительной рыжей кошкой, в четвертой — мы, россияне. Никаким шовинизмом не пахло...»³

Первые пару месяцев продолжали ходить к фрау Прелог обедать. После смерти в марте 1915 года Елизаветы Васильевны — матери Надежды Константиновны, они питались в Берне в дешевой (65 санти-

¹ См.: *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. М., 1990. С. 118.

² Воспоминания о В.И. Ленине: В 5 т. Изд. 3-е. М., 1984. Т. 1. С. 420.

³ Там же. С. 421.

мов за обед) студенческой столовой. И после такой кухни еда венской поварахи очень нравилась. Публика, столовавшаяся у нее, была довольно пестрой. Тут была и больничная сиделка, и проститутка, и какие-то явно уголовные типы. «Очень скоро мы почувствовали, — пишет Крупская, — что попали... в самое что ни на есть цюрихское “дно”... Нас никто не стеснялся и, надо сказать, в разговорах этой публики было гораздо более человеческого, живого, чем в чинных столовых какого-нибудь приличного отеля». Но было очевидно, что тут «легко можно влипнуть в какую-нибудь дикую историю»¹, а для эмигрантов это было вдвойне небезопасно.

Поэтому от услуг фрау Прелог пришлось отказаться. Тем более что новая хозяйка, фрау Каммерер, умудрилась научить Надежду Константиновну тому, чему за все годы эмиграции не смогла обучить ее мать: как быстро, дешево и сытно готовить обед и ужин. «Однажды, — рассказывает Крупская, — во время того, как мы с хозяйкой поджаривали в кухне на газовой плите каждая свой кусок мяса, хозяйка возмущенно воскликнула: “Солдатам надо обратить оружие против своих правительств!” После этого Ильич и слышать не хотел о том, чтобы менять комнату»².

Иногда ходили в гости. В Берне, где рядом жили Зиновьевы, Арманд, Шкловские, это случалось чаще. Особенно привязался Владимир Ильич к Стёпке — сыну Зиновьевых. И в июне 1916 года, уже из Цюриха, Ленин писал: «...привет Стёпке, который, должно быть, так уже вырос, что к потолку подбросить я его не смогу!»³. Ну, а в Цюрихе захаживали к Харитоновым, дочке которых в феврале 1917 года исполнилось лишь два годика.

В этот день — воскресенье 11 февраля (29 января) — Владимир Ильич и Надежда Константиновна загодя пошли покупать подарок. «В магазине игрушек, — рассказывал потом сам Ленин, — у нас глаза разбежались. Смотрим: на полках и стойках кругом множество всяких игрушек; мы растерялись, не знали, что и выбрать. “Купим вон ту красивую куклу”, — говорит Надя. “Нет, не пойдет, — отвечаю я, — не станем мы покупать куклу, поищем что-нибудь поинтереснее”. Продавец все подавал нам игрушки: тут были и зайцы, и кролики, и котята, и мячи и т. д. “Нет, — говорю, — все не то”. Осматриваю полку за полкой и вдруг на самой верхней полке вижу вот эту самую собачонку. Одно ушко у нее торчит кверху, на шее красная ленточка с бубенцом, острая мордочка, и такой у нее шельмоватый р-р-революционный вид. “Вот, — говорю я Наде, — эту собачку мы и возьмем!”

¹ Воспоминания о В.И. Ленине: В 5 т. Т. 1. С. 420, 421.

² *Платтен* Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 117.

³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 256.

— Ну, какова? Нравится? — Владимир Ильич, вспоминает уже сама Харитоновна, при этом так заразительно смеялся, показывая нам игрушку со всех сторон и любуясь ею сам, что мы все пришли в восторг»¹.

В обычные дни распорядок дня был достаточно однообразным. С 9 часов — библиотека. С 12 до 1 часа, когда ее закрывали на обед, шли домой. К 1 часу вновь возвращались в читальный зал и сидели там до шести, до закрытия. По четвергам, когда библиотека после обеда не работала, уходили на гору — Цюрихберг. «Ильич обычно покупал две голубые плитки шоколада с калеными орехами по 15 сантимов... и мы шли на гору. Было у нас там излюбленное место в самой чаще, где не бывало публики, и там, лежа на траве, Ильич усердно читал».

В общем, работал Владимир Ильич много. Здесь, в Цюрихе, он написал для очередных номеров «Социал-Демократа» и «Сборника “Социал-Демократа”» множество статей. Среди них — «О брошюре Юниуса», «Итоги дискуссии о самоопределении», «Империализм и раскол социал-демократии», «О “программе мира”», «О сепаратном мире» и др.

Огромное внимание уделял он регулярной переписке с Русским бюро ЦК РСДРП, Петербургским и Московским комитетами, ссыльными большевиками в Сибири. Организовывал транспорт нелегальной литературы из-за границы в Россию. Поддерживал связь с лидерами интернационалистов европейских стран. Руководил деятельностью Бюро «циммервальдской левой». В апреле 1916 года участвовал в работе международной социалистической конференции в горной деревушке Кинталь. Выступал на интернациональных митингах и собраниях. Ездил с рефератами...

Список можно было бы многократно продолжить. Но это лишь перечень основных направлений его деятельности. А каждое из них сложилось из десятков больших и малых конкретных дел — важных и менее важных, интересных и скучных. От этих каждодневных дел, бесчисленных писем, встреч, разговоров и выступлений можно было заработать, по меньшей мере, головную боль. В 1914 году, в письме к Инессе Арманд, у Ленина как-то вырвалось: «Ох, эти “делишки” подобия дел, суррогаты дел, помеха делу, как я ненавижу суетню, хлопотню, делишки и как я с ними неразрывно и навсегда связан!!» И далее, по-французски, добавил: «Вообще я люблю свою профессию, а теперь я часто ее почти ненавижу»².

Конечно, писалось это, как он сам выразился — в состоянии крайней усталости «и в дурном расположении духа». Такое состояние, как, например, у Зиновьева, могло бы принять хронический характер, если бы...

¹ См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 361, 362.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 285.

Если бы не было у Владимира Ильича своеобразной «отдушины». Если бы его рабочий день в библиотеке зачастую не заканчивался «философскими чтениями»...

Впервые он увлекся такого рода литературой еще в ссылке. Многие труды Гегеля, Фейербаха, Канта и «неокантианцев» были проштудированы им еще тогда. Работа над «Материализмом и эмпириокритицизмом» в 1909 году стала как бы «вторым прочтением» философской классики. Теперь он шел по «третьему кругу». Причем, как и прежде, диапазон был достаточно велик: от Гераклита, Сократа, Платона, Аристотеля до Гегеля, Канта, Фейербаха, Маркса, Энгельса и современных европейских философов.

Ленин переводит на русский язык и конспектирует их труды, выписывая иногда целиком многие страницы текста. Но менее всего он походил на ортодоксального адепта, восторженно внимающего великим учителям. «Великие кажутся нам великими, — записывает он девиз газеты «Парижские Революции» (1789–1794), — лишь потому, что мы сами стоим на коленях»¹.

Странички его записей часто разделены по вертикали пополам. Слева — конспект, справа — не только реплики, но и размышления, спор с только что прочитанным. Тут и критические заметки в адрес Маркса и Энгельса². И несогласие с теми или иными идеями Гегеля, Канта. Иными словами, это своеобразные диалоги с величайшими мыслителями.

К классикам он относился с глубочайшим уважением, старался понять не только суть идей, но и логику их размышлений. «Метко!», «Очень хорошо», «Замечательно!», «Глубоко верно!», «Прелестно сказано!» — это реплики на полях в адрес *материалиста* Фейербаха. «Гениальна основная идея», «Очень глубокая и верная мысль», «Остроумно и умно!», «Замечательно!» — а это об *идеалисте* Гегеле³.

Центральное место в «философских тетрадах» занимает главное сочинение Гегеля «Наука логики». Ленин штудировал все три ее составные части — «Учение о бытии», «Учение о сущности» и «Учение о понятии», в которых анализируются законы, категории, элементы диалектики. И тут пометки его не всегда комплиментарны. Есть, в частности, среди них фраза, мимо которой не проходит ни один околофилософский «лениноед». В «Лекциях по истории философии» Гегель подвергает разносной критике древнегреческого материалиста и атеиста Эпикура. Выхватив у него фразу о том, что душа есть лишь «известное собрание атомов», Гегель, проходя, ядовито замечает, что вся теория познания Эпикура — «скудна», а то, что он пишет об этом, — «пустые слова».

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 18.

² Там же. С. 23, 33.

³ Там же. С. 59, 60, 63, 81, 98, 131, 237.

В ответ на это Ленин пишет: Эпикур размышлял о тайнах мироздания за 2 тысячи лет до Гегеля. И многие его мысли «это гениальные догадки», определившие позднее «пути науке». По существу «Гегель обошел теорию познания Эпикура и заговорил о другом, чего Эпикур здесь не касается... Все будет [скудно], если исказить и обокрасть... Гегель просто *ругает* Эпикура». Это не что иное, как «клеветы на материализм».

И когда Гегель еще и еще раз в этой опубликованной работе пишет, что размышления Эпикура — «жалкие мысли», ибо нет в его картине мира места для бога, для «мудрости творца», Ленин срывается, как срывается болельщик, когда его любимый нападающий с десяти шагов бьет мимо ворот. И на полях конспекта, после нескольких десятков реплик — «Замечательно верно и глубоко», «Очень верно и важно», «Очень хорошо и образно», «Умно и остроумно» появляется запись: «Бога жалко!! Сволочь идеалистическая!!»¹. Это никогда не предназначалось для печати и было лишь сугубо личным эмоциональным выражением досады на великого и почитаемого философа, позволившего себе столь мелкое высокомерие.

Что же касается отношения к Гегелю, то в этих же пометках Владимир Ильич пишет: «Умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм». Гегелевский идеализм «подошел вплотную к материализму, частью даже *превратился в него*»².

Читая записи Владимира Ильича, лишний раз убеждаешься, что философия — это культура сомнения и созидания. Но и в том и в другом случае она антидогматична. Поэтому вывод Владимира Ильича парадоксален: «Итог и резюме, последнее слово и суть логики Гегеля есть *диалектический метод* — это крайне замечательно. И еще одно: в этом самом идеалистическом произведении Гегеля *все меньше* идеализма, *все больше* материализма. “Противоречиво”, но факт!»

И совсем, казалось бы, крамольное для ортодоксального уха: «Мысль о превращении идеального в реальное *глубока*: очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды... Различие идеального от реального тоже не безусловно»; «...мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает изменить его». Иными словами, «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его». А посему, пишет Ленин в другом месте, «продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники»³.

Знал бы он, что пройдет два десятка лет и все эти «гегелевские штучки» будут выведены официальными «теоретиками» за рамки — упро-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 263, 266, 267.

² Там же. С. 248, 250.

³ Там же. С. 104, 131, 194, 195, 215.

щенной для всеобщего понимания — марксистской философии в силу их «непонятности», а диалектика — важнейший инструмент познания действительности — частенько превратится в схоластику, в умение уйти от ответа и запутать самый простой вопрос.

Так что Владимир Ильич в свое время справедливо заметил: «Прав был философ Гегель, ей-богу: жизнь идет вперед противоречиями и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека спервоначалу кажется»¹. Тогда, в 1916 году, Ленин записал: «Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса и особенно его 1-й главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса ½ века спустя!!»²

Гегель действительно сложен, и сам Владимир Ильич иногда помечает: «Темна вода!», «Эти части работы следовало бы назвать: лучшее средство для получения головной боли!»³ Но, как говорится, «лучше с умным потерять, чем с дураком найти». Только глупый человек может испытывать дискомфорт от общения с интеллектуально превосходящим собеседником. Наоборот, для человека умного такой разговор — и школа ума, и удовольствие. Такой диалог устанавливает, как выражался Достоевский, столь «высокий градус» мысли, столь высокую интеллектуальную планку, что этот уровень мышления неизбежно проявляется и при переходе от триад Гегеля или монад Лейбница к решению тех самых «дел» и «делишек», которое обязан брать на себя человек, избравший «профессию» лидера.

Среди многих фраз и афоризмов, выписанных Лениным, есть одна, принадлежавшая Аристотелю: «Лишь после того, как все необходимое было налицо... люди начали философствовать»⁴. Так что, несмотря на удовольствие, получаемое от общения с великими мыслителями, о хлебе насущном надо было думать ежедневно.

В первый год войны проблемы «финансов» не было. В апреле 1913 года у Елизаветы Васильевны Крупской умерла в Новочеркасске сестра — О.В. Тистрова, классная дама, скопившая за 30 лет педагогической деятельности 4 тысячи рублей. Эту сумму, вместе с серебряными ложками, иконами, она завещала Елизавете Васильевне. Денежную часть наследства перевели в один из банков Кракова, где жили Владимир Ильич, Надежда Константиновна и ее мать. Однако с началом войны — как имущество подданных враждебной страны — эти деньги подлежали секвестру. Лишь с помощью ловкого венского маклера, взявшего за

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 219.

² Там же. Т. 29. С. 162.

³ Там же. С. 104, 158.

⁴ Там же. С. 82.

услуги половину, оставшиеся две тысячи удалось получить. На эти деньги, вспоминала Крупская, они и жили¹.

Однако уже в конце 1915 года Надежда Константиновна пишет М.И. Ульяновой: «У нас скоро прекращаются все старые источники существования, и вопрос о заработке встает довольно остро... Надо думать о литературном заработке»².

Как раз в это время Владимир Ильич завершил работу над книжкой «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Вып. 1. Капитализм и земледелие в США». В ней анализировались новейшие статистические данные, полученные им из Америки. В начале 1916 года работа была отправлена в Петроград А.М. Горькому для ее легального издания. Туда же послали и объемистую брошюру Крупской «Народное образование и демократия», в которой европейская школа критиковалась за «обезличивание ученика» и подавление его способности к самостоятельному мышлению.

Владимир Ильич принялся за продолжение своего исследования, за второй выпуск — о земледелии Германии и Австро-Венгрии. Но вскоре выяснилось, что эту работу следует отложить, ибо есть более реальный и срочный заказ.

В конце 1915 года Горький написал в Париж Михаилу Покровскому, что петроградское издательство «Парус» намерено выпустить серию брошюр «Европа до и во время войны». И Алексей Максимович предлагал большевикам-эмигрантам взять авторскую работу на себя. Предложение приняли: Покровский и Лозовский должны были писать о Франции, Ротштейн — об Англии, Луначарский — об Италии, Ларин — о Германии, Зиновьев — об Австро-Венгрии, Павлович — о внеевропейских странах. «Но сразу, — вспоминал М.Н. Покровский, — стал вопрос о вводной брошюре, дающей смысл и освещение всей серии: брошюре об империализме. И ясно было с первого же взгляда, что кроме Ленина некому ее писать»³.

Владимир Ильич согласился, ибо тема была для него не новой. Еще в шушенской ссылке он штудировал новейшую литературу об эволюции современного капитализма. Писал об этом статьи. В 1904 году переводил книгу Д.А. Гобсона «Империализм». А оказавшись вновь в Швейцарии, приступил к изучению данного круга проблем в бернских, а затем цюрихских библиотеках. Поэтому уже 11 января 1916 года Ленин написал Горькому: «Сажусь за работу над брошюрой об империализме»⁴.

¹ См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 396.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 454.

³ Покровский М.Н. Октябрьская революция. Сб. статей. 1917–1927. М., 1929. С. 67.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 170.

Объем работы, проделанной им, трудно учесть — среди новейшей литературы было множество дилетантского хлама, который отбрасывался сразу. Но в 20 «Тетрадах по империализму» содержались выписки: из 148 книг (в том числе 106 на немецком языке, 23 — на французском, 17 — на английском и 2 в русских переводах); из 232 статей (206 немецких, 13 французских и 13 английских), помещенных в 49 периодических изданиях (34 немецких, 7 французских, 8 английских)¹.

В июне 1916 года работа «Империализм, как новейший этап капитализма» была завершена. Пожалуй, главная трудность заключалась в том, чтобы уложить собранный материал в рамки пятилистной книжки, сохраняя при этом легальность и популярность жанра. И когда издатели, вопреки прежней договоренности, потребовали — по примеру других брошюр — сократить объем работы до трех листов, Владимир Ильич отказался. «Весь материал, план и большая часть работы, — пишет он Покровскому, — были уже окончены по заказанному плану на 5 листов (200 страничек рукописных), так что сжать еще раз до 3 листов было абсолютно невозможно... Подзаголовок “Популярный очерк” безусловно необходим, ибо ряд важных материй изложен применительно к такому характеру работы... Изю всех сил применялся к “строгостям” [цензуре]: трудно для меня это ужасно, чувствую, что неровностей тьма из-за этого. Ничего уж не поделаешь!»²

2 июля он посылает рукопись заказной бандеролью Покровскому во Францию. И как раз именно в это время болезнь Крупской, ее, как она выражалась, «базедка», вновь обострилась и надо было немедленно ехать в горы. Буквально через несколько дней они отправились в кантон Сен-Галлен, неподалеку от Цюриха, и поселились километрах в восьми от станции Флумс, в доме отдыха Чудивизе, совсем близко к снежным вершинам.

«Дом отдыха, — вспоминала Надежда Константиновна, — был самый дешевый, 2½ франка в день с человека... Утром давали кофе с молоком и хлеб с маслом и сыром, но без сахара, в обед — молочный суп, что-нибудь из творога и молока на третье, в 4 часа опять кофе с молоком, вечером еще что-нибудь молочное. Первые дни мы прямо взвыли от этого молочного лечения, но потом дополняли его едой малины и черники, которые росли кругом в громадном количестве.

Комната наша была чиста, освещенная электричеством, безобстановочная, убирать ее надо было самим и сапоги надо было чистить самим. Последнюю функцию взял на себя, подражая швейцарцам, Владимир Ильич и каждое утро забирал мои и свои горные сапоги и отправлялся

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. VIII.

² Там же. Т. 49. С. 256, 259.

с ними под навес, где полагалось чистить сапоги, пересмеивался с другими чистильщиками и так усердствовал, что раз даже при общем хохоте смахнул стоявшую тут же плетеную корзину с целой кучей пустых пивных бутылок»¹.

Они много гуляли по горным тропам. Владимир Ильич обговаривал свои статьи, а потом садился и записывал их. Самочувствие Надежды Константиновны значительно улучшилось, и они уже думали о возвращении в Цюрих². Но пришло печальное известие...

25 (12) июля 1916 года, на даче в Больших Юкках, близ финской границы, на руках у Анны и Марии, на 82-м году жизни скончалась мать — Мария Александровна Ульянова. Тело ее перевезли в Петроград и похоронили рядом с могилой дочери Ольги. Гроб несли Марк Елизаров и Владимир Бонч-Бруевич. Владимир Ильич наверняка вспомнил, как за четверть века до этого, 10 мая 1891 года, он шел за гробом Ольги, поддерживая под руку тихую, натянутую, как струна, мать. Они шли «молча, опуская глаза, подавленные до последней степени нелепостью, дикостью, бессмысленностью утраты... Просто как-то не верилось самому себе [точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека]... Когда идешь за покойником, — писал тогда Владимир Ильич, — расплакаться всего легче именно в том случае, если начинают говорить слова сожаления...»³

Вот и теперь, получив известие о смерти матери, он не стал никому сообщать об этом. Ему не хотелось слушать ни слов сожаления, ни слов сочувствия. Владимир Ильич написал лишь два письма сестрам в Питер и «видно было, — вспоминала Анна Ильинична, — какая тяжелая это была для него утрата, как больно он ее переживал и сколько нежности проявил к нам, тоже подавленным этой кончиной»⁴.

Психологи знают — наилучший выход из стрессового состояния дает работа. Поэтому в Цюрих решили пока не возвращаться, а остаться здесь — в Чудивизе. «В доме отдыха, — пишет Крупская, — где цена за содержание 2½ франка с человека, “порядочная” публика не селилась». А от швейцарских трудяг, с их сдержанностью и тактом, можно было не опасаться ни досужих расспросов, ни навязчивых собеседников.

И опять они бродили вдвоем по безлюдным горным тропам. И вновь он обговаривал свои статьи. Потом, вернувшись, садился к окну и уборым почерком записывал их. Дом был старый, деревянный, со скрипучими ступеньками. А под окном, по вечерам, «хозяйский сын играл на

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 426.

² В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 189.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 346–347.

⁴ Там же. Т. 55. С XXX.

гармонии и отдыхающие плясали всюю. Часов до одиннадцати раздавался топот пляшущих»¹. Но беспокоило совсем не это...

В августе Юрий Пятаков, которому в те дни исполнилось 26 лет, прислал статью «Пролетариат и “Право наций на самоопределение...”». Владимир Ильич был рад, когда Пятаков и Евгения Бош, бежавшие из сибирской ссылки через Японию и США, в феврале 1915 года появились в Берне. Вместе с Лениным «японцы» стали издавать журнал «Коммунист». Но вскоре стало очевидным, что по ряду вопросов их позиции расходятся. Началось выяснение отношений. И присланная Пятаковым статья показала, что «молодые» абсолютно не воспринимали критики, а часто и не вполне понимали ее. «Говорим мимо друг друга»², — заметил Владимир Ильич. Было в этом что-то от молодости, но гораздо больше — от теоретического дилетантизма.

Если суммировать статьи и письма Ленина и его оппонентов, то суть разногласий состояла в следующем...

То, что в империалистическую эпоху рамки демократических свобод, как правило, суживались, признавали обе стороны. Используя экономическую зависимость и придавленность массы населения, буржуазия умело манипулирует голосами избирателей. Добываясь необходимых ей решений, она — и прямо и косвенно — подкупает государственных чиновников и само правительство, проститулируя тем самым все и всякие «права человека».

Никто не отрицал и того, что в начале XX столетия под видом «защиты отечества» ведутся, как правило, войны за передел сфер влияния. И уж тем более все понимали, что за тягой угнетенных народов к самоопределению зачастую скрывалась эгоистическая политика национальной буржуазии, стремление к стравливанию различных национальностей, а также мещанское убеждение в том, что «*наши клопы — лучшие в мире!*»

Но значит ли это, как полагал Пятаков, что из факта «неосуществимости» полной демократии в эпоху империализма вытекает отрицание демократии как таковой? Что из факта корыстности национальной буржуазии вытекает отрицание борьбы за самоопределение наций? И значит ли, что понимание сути происходящей империалистической бойни ведет к отрицанию всяких войн вообще? На все три вопроса Ленин дает отрицательный ответ. Он решает опубликовать статью Пятакова в «Сборнике “Социал-Демократа”» № 3, сопроводив ее своей статьей «О карикатуре на марксизм и об “империалистическом экономизме”».

«Революционной социал-демократии, — пишет Ленин, — никто не скомпрометирует, если она сама себя не скомпрометирует». Это изре-

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 426.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 346.

чение всегда приходится вспоминать и иметь в виду», когда на то или иное теоретическое положение марксизма, «*кроме* прямых и серьезных врагов... “набрасываются” такие друзья, которые безнадежно его компрометируют — по-русски: срамят — превращая его в карикатуру»¹.

Проблема Пятакова — непонимание диалектики жизни. «Он хочет отрицание защиты отечества превратить в *шаблон*, вывести *не* из конкретно-исторической особенности *данной* войны, а “вообще”. Это не марксизм»². Ленин поясняет: «Войны вещь архипестрая, разнообразная, сложная. С общим шаблоном подходить нельзя». Он уточняет: «Мы во все не против *вообще* “защиты отечества”, не против *вообще* “оборонительных войн”. Никогда этого вздора ни в одной резолюции (и ни в одной моей статье) *не* найдете. Мы против защиты отечества и обороны в *империалистической войне...*»³

Если с *обеих* сторон, как это было в древности между Римом и Карфагеном, а теперь — между Англией и Германией, целью войны является грабеж: борьба за колонии, за рынки и т. п., тогда отношение к войне подпадает под правило: если «2 вора дерутся, пусть оба гибнут»⁴. А чтобы спасти от неизбежной гибели в такой войне миллионы людей, необходимо повернуть оружие против зачинщиков этой бойни. Против правительства *своей* страны.

В нашей нынешней «исторической публицистике» довольно часто (иногда по незнанию, но, как правило, по умыслу) подменяют «поражение своего правительства» — «поражением России». Между тем «поражение правительства», а проще — его свержение означает совершенно иное.

Даже из школьного курса истории известно, что «поражение правительства», т. е. свержение короля в 1793 году во Франции стало прологом к триумфальному шествию революционной французской армии по Европе. Да и Гучков с офицерами-заговорщиками, намеревавшийся осенью 1916 года добиться насильственного отречения Николая II и отставки его кабинета, тоже полагал, что это предотвратит поражение России.

Разница заключалась в том, что Гучков хотел использовать дворцовый переворот для продолжения войны. А большевики видели в свержении правительства возможность революционного выхода из кровавой бойни. Ибо «всякий победный шаг революции спасет сотни тысяч и миллионы людей от смерти, от разорения и голода»⁵.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 77.

² Там же. С. 65.

³ Там же. Т. 49. С. 288, 369.

⁴ Там же. С. 370.

⁵ Там же. Т. 31. С. 295.

Причем речь шла, подчеркивал Ленин, не о «саботаже войны», не об убийстве царских министров, подобно тому, как в октябре 1916 года Фридрих Адлер застрелил австрийского премьера. Такого рода акции, считал Владимир Ильич, — вредны. Он был убежден, что «только массовое движение можно рассматривать как политическую борьбу... Не терроризм, а систематическая, длительная, самоотверженная работа революционной пропаганды и агитации, демонстрации и т. д. и т. д... *против* империалистов, *против* собственных правительств, *против* войны — вот что нужно»¹.

И это должны делать, полагал Ленин, не только большевики России, интернационалисты «не одной только нации», а всех воюющих государств, как уже делают К. Либкнехт, Р. Люксембург в Германии, Ф. Лоррио, А. Гильбо во Франции, Д. Серрати, А. Грамши в Италии, Д. Маклин в Англии, Ю. Дебс в США и другие.

Но вместе с тем необходимо помнить, что в империалистическую эпоху могут быть и справедливые, оборонительные, революционные войны. И если, к примеру, вопрос стоит «о свержении чужденационального ига» — воевать надо. Так что «если во время войны, — заключает Владимир Ильич, — речь идет о защите демократии или о борьбе против ига, угнетающего нацию, я нисколько не против такой войны и не боюсь слов «защита отечества», когда они относятся к этого рода войне или восстанию»².

Что касается демократии, то и при империализме нельзя отрицать «возможность полнейшей демократии внутри нации богатейшей при сохранении ее господства над нациями зависимыми. Так было в древней Греции, — поясняет Ленин, — на почве рабства». Но главное, «социализм невозможен без демократии в двух смыслах; (1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не готовится к ней борьбой за демократию; (2) нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полностью демократии». И даже диктатура пролетариата «вполне совместима с демократией полной, всесторонней... (вопреки вульгарному мнению)»³.

Конечно, все «разговоры о “правах” кажутся смешными во время войны, — пишет Ленин, — ибо всякая война ставит прямое и непосредственное насилие на место права...» Именно мировая война, утверждает он, породила «эпоху штыка»: «Это факт, значит, и таким оружием надо бороться». Но при этом надо всегда помнить, что «в нашем идеале нет места насилию над людьми». Поэтому, когда Пятаков и его ужасно

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 14, 312, 313.

² Там же. С. 288, 324; Т. 30. С. 262.

³ Там же. Т. 30. С. 128, 386; Т. 49. С. 380.

левые друзья, отвергая право наций на самоопределение, заявили, что надо ориентироваться на экономическую целесообразность, а «воля и симпатии населения» являются «исторически неправомерной сентиментальностью», Ленин ответил, что подобные взгляды не имеют никакого отношения к марксизму и являются не чем иным, как «империалистическим экономизмом». «...Неловко разжевывать азбуку марксизма, — заключает Владимир Ильич, — но как же быть, когда П. Киевский [Ю. Пятаков] не знает ее?»¹

Прошел месяц их пребывания в Чудивизе. Никаких сведений о судьбе брошюры об империализме не поступало. Лишь в начале августа выясняется, что рукопись задержана французской цензурой. Цензор, видимо, насторожило обилие немецких источников и статистических данных («Ах, эти немцы! — шутливо замечает Владимир Ильич, — ведь они виноваты в пропаже! Хоть бы французы победили их!»)². Пришлось заново переписывать 200 страниц и еще раз отправить их, используя на сей раз конспиративные каналы связи «Социал-Демократа»³.

После шестинедельного пребывания в горах Надежда Константиновна совсем поправилась. И в начале сентября решили вернуться в Цюрих. В Чудивизе существовал свой обычай проводов. Часов в шесть утра звонил колокол, собирались отдыхающие и «пели прощальную песню про кукушку какую-то. Каждый куплет, — пишет Крупская, — кончался словами: “Прощай, кукушка!”». Вот и в это утро все «санаторы» собрались на проводы двух русских и спели традиционную «кукушку». «Спускаясь вниз через лес, — продолжает Крупская, — Владимир Ильич вдруг увидел белые грибы и, несмотря на то, что шел дождь, принялся с азартом за их сбор... Мы вымокли до костей, но грибов набрали целый мешок. Запоздали, конечно, к поезду, и пришлось часа два сидеть на станции в ожидании следующего...»⁴

В Цюрихе выяснилось, что рукопись об империализме в Питере получена, но издательские редакторы, среди которых преобладали меньшевики, вычеркнули всю полемику с Каутским и Мартовым. И это было уже не обычной литературной редакцией, на которую Владимир Ильич дал полное согласие, а вторжением в авторский замысел, продолжением тех политических «игр», точнее — склок, в которые нередко превращалась полемика большевиков с меньшевиками и наоборот.

«Исконная политика швали и сволочи, бессильной спорить с нами прямо и идущей на интриги, подножки, гнусности», — заметил как-то Ленин по иному поводу в письме Инессе Арманд. А в другом письме

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 68, 69, 122, 127; Т. 49. С. 27.

² Там же. Т. 49. С. 274.

³ Там же. С. 265, 266, 274.

⁴ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 427.

о такого рода «играх» — еще круче: «Кто *прощает* такие вещи в политике, того я считаю дурачком или негодяем. Я их *никогда не прощу*. За это бьют по морде или отворачиваются. Я сделал, конечно, второе. И не раскаиваюсь»¹.

Но вся эта «резкость слов» лишь в письмах самым близким. А когда Покровский, испытывая чувство вины за то, что не отстоял ленинской рукописи, написал, что, видимо, при встрече Владимир Ильич вполне заслуженно «вздует» его, Ленин ответил: «Грустно! Ей-ей, грустно... Не лучше ли попросить издателей: напечатайте, господа милые, прямиком: *мы*, издательство, удалили критику Каутского... Я, конечно, вынужден подчиниться издателю, но... Пускай издатель отвечает за сокращения, а не я. Вы пишете “не вздуете?” , т. е. я Вас, за согласие выкинуть сию критику?? Увы, увы, мы живем в слишком цивилизованном веке, чтобы так просто решать дела... Шутки в сторону, а грустно, черт побери...»²

Утешением могло бы стать письмо от 12 октября 1916 года, которое Покровский получил от Горького, прочитавшего рукопись Ленина: «Да, брошюра Ильинского действительно превосходна, и я вполне согласен с Вами: издать ее необходимо целиком... Какой прекрасный работник Ильинский, какая это умница, как нужен этот чудесный человек здесь, дома!»³. Но об этом письме Владимир Ильич ничего не знал. И отсутствие вестей о высылке гонорара все более беспокоит его. В октябре 1916 года Ленин просит Александра Шляпникова «нажать» на Горького и добавляет: «О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать, ей-ей!! Дороговизна дьявольская, а жить нечем... Это вполне серьезно, вполне, вполне»⁴.

Н. Валентинов иронизировал по поводу этого письма: мол, на издание нелегальной партийной литературы, на ее транспорт в Россию деньги были! «Неужели же Ленин... предпочел бы “поколеть”, но не коснуться денег, предназначенных для печатания творимых им “тезисов” и “директив”? Предположение настолько и абсурдно, и смешно, что немедленно отпадает»⁵.

Для читателя, наблюдающего нравы нынешней политической элиты, эта «тонкая» ирония может показаться вполне убедительной: иметь доступ к партийной кассе и не запустить туда лапу? Такого не может быть... Оказывается — может. Другие, видимо, были времена и уж точно — другие люди.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 331, 341.

² Там же. С. 344.

³ Вопросы истории. 1969. № 2. С. 29, 30.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 302.

⁵ Валентинов Н. Недорисованный портрет. М., 1993. С. 347.

Ленин строго различал — «партийные деньги» и «личные финансы»¹.

Из партийной кассы он — как член ЦК, редактор ЦО — получал установленную «диету» — 200–300 франков (115–172 рубля). Но для эмигрантской жизни этого было недостаточно. Зиновьев в Берне подрабатывал в одной из университетских лабораторий. Ленин всегда стремился дополнить семейный бюджет литературным гонораром.

Этот, на первый взгляд, не столь уж существенный вопрос — о средствах, которыми располагал Владимир Ильич в данный период, приобрел особое значение в связи с другой специфической проблемой: так называемого «немецкого золота». Сюжет этот всячески эксплуатировался противниками большевиков, утверждавших, что благодаря финансовой поддержке Германии Ленин и его сторонники, если и не купались в золоте, то уж, во всяком случае, никакого недостатка в деньгах не испытывали.

В вышедшей недавно книге Геннадия Соболева «Тайна “немецкого золота”» проблема эта — в который уже раз! — обстоятельно проанализирована. Соболев вновь доказал, что речь идет о грандиозной провокации. Назвал ее заказчиков. Указал заплаченную исполнителям цену. Казалось бы, можно и не возвращаться к данной теме. Но, увы, нам придется еще и еще делать это, ибо поток клеветнической литературы не иссякает. И дело здесь не в трактовке тех или иных документов, а исключительно в чрезмерной «политизированности» авторов.

Политическая ангажированность и связанная с нею приверженность заданной концепции способны сыграть злую шутку даже с опытными исследователями.

Еще в 1931 году известный историк-эмигрант Г.В. Вернадский выпустил в США книгу — «Ленин — красный диктатор». В ней, в частности, он опубликовал некий отчет французского детективного бюро «Бинт и Самбин» управляющему зарубежного представительства российского Департамента полиции о том, что 28 декабря 1916 года Ленин приехал в Берн, «вошел в здание германского посольства и оставался там до следующего дня, после чего вернулся в Цюрих». В 1998 году эту книгу издали в Москве. И с тех пор данный «факт» прочно вошел в нашу «антилениниану», хотя сам Вернадский не только не смог указать на источник его происхождения, но и оставил вопрос о степени достоверности «документа» открытым².

О «французских» документах и роли французской разведки во всей истории с «немецким золотом» сейчас известно достаточно полно и мы еще вернемся к данному сюжету³. Геннадий Соболев прав: «...судя по

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 215, 217, 303, 367 и др.

² Вернадский Г.В. Ленин — красный диктатор. М., 1998. С. 135.

³ См. статью С.С. Поповой: «Французская разведка ищет “германский след”» в сб. Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 264–273.

тому, что данный факт не нашел никакого отражения в опубликованных документах МИД Германии, скорее всего это только “домысленный факт”...»¹

Нам остается лишь добавить факт реальный: именно 28 декабря Ленин провел не в германском посольстве в Берне, а в цюрихском полицейском управлении, где оформлял продление срока своего пребывания в Цюрихе. И факт этот зафиксирован документами абсолютно бесспорными. Именно здесь, когда чиновник сунул ему стандартный «Опросный лист для лиц, уклоняющихся от военной службы», Владимир Ильич написал: «Я не дезертир. Я политический эмигрант после революции 1905 года в России»².

В 1996 году в США вышла книга «Неизвестный Ленин». Ее автор, известный историк Р. Пайпс, утверждает, что он нашел, наконец-то, подтверждение «контактам Ленина с германцами». Вот оно: в письме Арманд 19(6) января 1917 года Владимир Ильич пишет: «Насчет “немецкого плена” и прочее все Ваши опасения чрезмерны и неосновательны. Опасности никакой»³.

Читая эти строки, невольно испытываешь чувство сожаления по отношению к Пайпсу. Ведь достаточно было поставить это письмо в контекст всей давно опубликованной переписки, чтобы понять, о чем идет речь. 16 (3) января 1917 года Ленин пишет Арманд о слухах относительно возможности вступления Швейцарии в войну. В этом случае Женеву, где находилась Арманд, заняли бы французы. Что касается Цюриха, где жил Ленин, то тут возникала опасность немецкой оккупации. Впрочем, он полагал, что покидать Цюрих нет необходимости, ибо подобная «война невероятна». Инесса ответила, что Владимир Ильич недооценивает опасности интернирования и «немецкого плена», а посему надо думать о переезде. Вот Ленин и пишет ей 19 (6) января: «Насчет “немецкого плена” и прочее все Ваши опасения чрезмерны...». На следующий день, 20 (7) января он вновь повторяет, что всерьез опасаться войны на территории Швейцарии нет оснований. Так что совсем не о связях с немцами шла здесь речь. И предположение Пайпса оказывается абсолютно несостоятельным.

Кстати, письмо Ленина 16 (3) января дает реальное представление о том, какими средствами располагали в это время большевики. «...*Партийную* кассу, — пишет Владимир Ильич Инессе, — я думаю сдать Вам (чтобы Вы носили ее *на себе*, в мешочке, сшитом для сего...)»⁴ Представь-

¹ *Соболев Г.А.* Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2003. С. 58.

² В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 3. М., 1973. С. 583.

³ *The Unknown Lenin. From the secret archive.* Edited by Richard Pipes. New Haven and London, 1996. P. 34.

⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 367, 372.

те себе хрупкую Инессу, таскающую «на себе» партийную казну... И вам станет жалко — но не Арманда, а тех, кто пишет о «золотом дожде», пролившемся на большевиков.

Вернемся, впрочем, к «личным финансам» Ленина и «теткиному наследству»...

Позднее, в июле 1917 года, в Питере, при попытке арестовать Ленина, у Крупской изъяли ее чековую книжку Азовско-Донского банка № 8467 на сумму в 2 тысячи рублей. И Надежда Константиновна написала, что это и был остаток теткиного наследства. «Как же так? — “ловит” ее Валентинов. — Всю войну жили на эти деньги, а остаток равен начальной сумме?! Никакая “диалектика”, — ядовито замечает он, — не отменяет арифметику»¹.

Ссылаясь на упоминавшееся письмо Ленина Шляпникову, Валентинов пытается дать психологическую характеристику Владимира Ильича, его «испуга», «растерянности», «паники», «страха перед дороговизной» и т. д. «Ленин в домашних туфлях», — иронизирует он, — *совсем не похож на бога с Олимпа*»². Характеристика эта могла бы быть забавной, если бы... Если бы, желая во что бы то ни стало «изобличить», Валентинов не игнорировал — и вполне сознательно — другие факты.

Всячески препарируя переписку Ленина с родными, Валентинов как раз избегает прибегнуть к простейшему арифметическому действию: сложению всех сумм, приходивших с конца 1916 года в Цюрих от *петроградских издателей* за «Империализм», «Капитализм и земледелие в США» и брошюру Крупской «Демократия и просвещение».

Итак, складываем: 374 франка + 869 + 500 + 808 + 500 франков³. Получается более трех тысяч франков. И это — не считая аванса, полученного от издательства Бонч-Бруевича⁴. Заметим, кстати, что в переписке прямо указано, что деньги эти переводились на текущий счет именно в Азовско-Донском банке⁵. Так что Валентинов прав: никакая «диалектика» действительно не может отменить арифметики. И как говаривал в таких случаях герой средневековых фаблио монах Горанфло: даже самое блестящее остроумие бессильно против фактов. Впрочем, Ленин формулировал это жестче: «Сплетней факта не перешибешь»⁶.

Было бы нелепым полагать, что он углублялся в философию ради собственного душевного комфорта. В сложное, казавшееся многим непонятным время он хотел написать работу «О диалектике», которая

¹ Валентинов Н. Недорисованный портрет. С. 345.

² Там же. С. 349.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 338, 343, 360; Т. 55. С. 365, 367, 368.

⁴ См. там же. Т. 55. С. 365.

⁵ См. там же. С. 368.

⁶ Там же. С. 308.

помогла бы распутать противоречия новой эпохи. И свои книги о капитализме в земледелии, а уж тем более об империализме Владимир Ильич писал отнюдь не ради сиюминутного заработка. Значимость темы он прекрасно понимал. Любой политик-интеллектуал, размышлявший о будущем мира и человечества, должен был прежде всего разобраться в «сущности империализма».

Из книги Гобсона Владимир Ильич выписал примечательную фразу: «Новый империализм по существу ничем не отличается от своего древнего образца (Римская империя)... Он такой же *паразит*... Претензия, будто *империалистическое* государство, насильственно подчиняя себе другие народы и их земли, поступает так для того, чтобы оказывать покоренным народам услуги... заведомо *ложна*: оно вовсе не собирается оказывать равноценных услуг, да и неспособно оказывать их... Но законы природы, обрекающие *паразитов* на гибель, приложимы не только к индивидуумам, но и к нациям. Сложность процесса и маскировка сути дела могут *замедлить*, но не *отвратить* гибель»¹. Но подобного рода «пророчества», определявшие далеко идущие политические выводы, надо было всесторонне обосновать, десятки раз проверив и перепроверив все аргументы «pro et contra».

Владимира Ильича интересовали прежде всего факты, касающиеся концентрации производства и капитала; слияния банковского капитала с промышленным и создания финансовой олигархии; вывоза капитала; образования международных монополистических союзов; окончания территориального раздела мира крупнейшими державами и борьбы за его новый передел.

Делая обширные выписки, Ленин иногда сопровождает их пометками на полях. Чаще всего это: «Хорошо сказано!», «Верно!», «Хороший пример!», «Оригинально!», «Можно и должно взять цифры и факты, но не рассуждения...»² Но порой именно «рассуждения» вызывают пометки иного рода: «Хороший очерк материала. Точка зрения — апологета буржуа, тупого, довольного, самодовольного... Факты подобраны недурно» — это о работе профессора Лифмана о картелях и трестах; о другой монографии того же Лифмана — «Автор — махровый дурак, как с торбой возящийся с дефинициями — преглупыми... Ценны фактические данные, большей частью совсем сырые»; о другой книге другого автора — «Публицистика бойкая, архибойкая, но крайне поверхностная. Рассказ, болтовня, не более»³.

А вот и совсем «неприличные» пометки: о книге Г. Шульце-Геве-ница о немецком банковском капитале — «Тон ликующего германского

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 413–414.

² См. там же. С. 63, 72, 92, 100, 110, 130, 162 и др.

³ Там же. С. 29, 200, 349.

империализма, торжествующей свиньи!!!»; о его же работе об английском капитализме — «Величайший мерзавец, пошляк, кантианец, за религию, шовинист, — собрал некоторые очень интересные факты... и написал бойкую, не скучную книгу... Награбили, гг. англичане, дайте и нам пограбить, “освятить” грабеж Кантом, боженькой, патриотизмом, наукой — вот суть позиции сего “ученого”!!!»¹ Конечно — грубо, ничего не скажешь. Но для инсинуаций на сей счет «ленинородов» — недостаточно. Ибо ни одна из этих пометок не предназначалась для стороннего глаза...

Что же касается текста книги, то в ней корректность была соблюдена вполне. Ну а к цензурным «строгостям» он научился приспособливаться давно: с первых своих научных статей в толстых столичных журналах. Вот и в этом «популярном очерке» Ленин формулирует выводы, далеко выходящие за цензурные рамки.

Производство все более обобществляется, но присвоение остается частным. Национальное богатство становится собственностью кучки монополистов. Главная хозяйственная фигура — уже не «купец», удовлетворяющий спрос покупателей, а «гений» финансовых махинаций, проще говоря — спекулянт. Избыток капитала обращается не на благо народа, а вывозится за границу. Все это обостряет противоречия между олигархами и населением. А поскольку капитализм, делает вывод Ленин, решает противоречия «немирным путем», то и это противоречие будет разрешено «силой»².

Конечно, легальность издания неизбежно оставляет за рамками этой работы многие выводы, которые он опубликует в нелегальных статьях: о неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма; об объективных и субъективных предпосылках социалистической революции; о возможности ее победы первоначально в немногих и даже в одной стране. И, наконец, главный вывод: «На очередь дня, не по нашей воле, не в силу чьих-либо планов, а в силу объективного хода вещей — поставлено решение великих исторических вопросов прямым насилием масс...»³

«Штурм приближается!»

Вечером 7 апреля (25 марта) 1916 года Владимир Ильич пошел в Цюрихский городской театр, где в тот день — в обновленной постановке режиссера Родольфа и под управлением известного дирижера Конрада — исполняли музыкальную драму Рихарда Вагнера «Валькирия».

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 34, 424.

² Там же. Т. 27. С. 321, 322, 360, 394 и др.

³ Там же. Т. 27. С. 346.

Классическую музыку Ленин любил с детства. Крупская писала, что был он музыкален, обладал хорошей музыкальной памятью, что «оперу любил больше балета» и в ряду других композиторов — «очень любил Вагнера». Музыку всегда «слушал серьезно», очень эмоционально. Поэтому «страшно уставал» и нередко «уходил после первого действия как больной»¹.

Но на сей раз он не ушел и в антракте разговорился с польским социал-демократом, большим любителем Вагнера — Владиславом Краевским². Беседу Владислав Германович, к сожалению, не записал. Впрочем, споры о творчестве этого великого композитора не умолкают и по сей день, ибо были в нем такие страницы, как драма-мистерия «Парсифаль», где отрешенность от всего земного сочеталась с мистической символикой и пафосом религиозного служения... Но были и совсем другие — утверждавшие красоту и радость бытия, величие человека, мощь его свободного духа.

В *революционном* пафосе усматривал главное начало эстетики Вагнера Александр Блок. «Новое время тревожно и беспокойно, — писал он. — Тот, кто поймет, что смысл человеческой жизни заключается в беспокойстве и тревоге, уже перестанет быть обывателем. Это будет уже не самодовольное ничтожество; это будет новый человек, новая ступень к артисту... Возвратить людям всю полноту свободного искусства может только великая и всемирная Революция, которая разрушит многовековую ложь цивилизации...»³. Может быть, именно эти ассоциации и привлекали к Вагнеру симпатии Ленина...

Хорошо знавший Ленина меньшевик Федор Дан как-то заметил: «...нет больше такого человека, который все 24 часа в сутки был бы занят революцией, у которого не было бы других мыслей, кроме мысли о революции, и который даже во сне видит только революцию»⁴. Сказал это Дан в яростной полемике, в большом раздражении, и преувеличение было явным. Хотя немалая доля истины в этом утверждении, несомненно, присутствовала.

Но всегда ли так было?

С тех пор как около исторической науки сложилось направление, которое можно было бы назвать «ленинством», нет книжки или статьи, где бы не говорилось о том, что Февральская революция 1917 года стала для Ленина полнейшей неожиданностью. Он якобы не только не ждал, но и был убежден в абсолютной ее нереальности, а посему даже

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 598.

² См.: Дрейден С.Д. В зрительном зале — Владимир Ильич. Новые страницы. М., 1970. С. 236, 237, 241.

³ Блок А. Собр. соч.: В 12 т. М.; Л., 1936. Т. 8. С. 59.

⁴ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 179.

готов был навсегда уехать чуть ли не в Америку... И главный аргумент в пользу данной версии — выступление самого Ленина 22 (9) января 1917 года в цюрихском Народном доме перед молодежью с докладом о революции 1905 года.

Со швейцарской молодежью он встречался не впервые. Некоторые из этих встреч огорчали его. Иногда молодые либо «явно не клевали» на политику, когда Владимир Ильич заводил речь о войне, либо не шли дальше той пошлой истины, что «стену, мол, лбом не прошибешь»¹. Поэтому, когда вокруг 24-летнего секретаря правления социал-демократической партии Швейцарии Фрица Платтена сложилась группа молодых интернационалистов, Ленин с удовольствием стал общаться с ними в Кегельклубе.

Рассказывая им о 1905 годе, он заявил, что эта русская революция является прологом к грядущей европейской, то есть мировой революции, которая освободит «человечество от ига капитала». И добавил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции...»². Если вспомнить, что Ленину в тот момент не исполнилось и 47 лет, то фраза о «стариках» звучала достаточно иронично. Но дело даже не в иронии...

В конце 1916 года он написал для газеты молодых интернационалистов статью «Военная программа пролетарской революции». Содержание ее, видимо, не раз обсуждалось с Платтенем, Вилли Мюнценбергом и другими. В статье формулировался «непреложный вывод: социализм не может победить одновременно *во всех* странах»³. И между победой революции в одной стране и классовыми сражениями в других лежит целая историческая эпоха.

До «решающих битв» мировой революции Ленин действительно не дожил. Но в том, что новая революция близится — он как раз не сомневался. «Нас не должна обманывать теперешняя гробовая тишина в Европе, — сказал он в том же выступлении 22 (9) января 1917 года. — Европа чревата революцией». При этом он имел в виду и Россию. И речь в данном случае шла не о сугубо личном *прозрении*, а о достаточно распространенном в российском обществе убеждении, которое разделяли как сторонники революции, так и ее противники.

После поражения первой русской революции вопрос этот постоянно обсуждался и в прессе, и в Государственной думе, и в правительственных верхах. Когда, начав реформы, Петр Аркадьевич Столыпин провозгласил, что его главная цель — уберечь страну от «великих потрясений», дать России хотя бы «20 лет покоя», такая возможность казалась впол-

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 424, 427.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 327, 328.

³ Там же. С. 133.

не вероятной. Если бы Столыпину удалось хоть как-то решить стоявшие перед страной проблемы, — и прежде всего аграрный вопрос, — это вполне могло бы стать реальностью. Ленин, как и другие политические деятели России, поначалу несколько не исключал вероятности подобного варианта развития¹.

Но этого не случилось...

Как же так? Нынешняя историческая публицистика пытается убедить нас в том, что накануне Первой мировой войны, набрав беспрецедентные темпы развития, страна вошла в один ряд с наиболее развитыми державами мира. И на сакраментальный вопрос — «Какую Россию мы потеряли?» — дается предельно ясный ответ: «процветающую» и «благодатную».

В самом деле, гордиться было чем. Значительно возросли производство зерна, добыча угля и нефти, выплавка чугуна и стали, протяженность железных дорог, численность учащихся. Проценты роста действительно небывалые... Но у цифр есть своя магия. «Если нищему, имеющему три копейки, — иронизировал по этому поводу Ленин, — вы дадите пятак, увеличение его «имущества» сразу будет «громадное»: на целых 167%». Но надо сравнивать «не сегодняшний наш пятак со вчерашним нашим алтыном, а данные, сравнивающие то, что мы имеем, с тем, что *н е о б х о д и м о* цивилизованному государству...». Иначе это будет «глупой казенной игрой в цифирьки...»²

Статистике сегодня мало кто верит, и на то есть причины. Но почитайте вышедшую в 1915 году в Петрограде книгу «Северо-Американские соединенные штаты и Россия». В ней не проценты, а цифры производства на душу населения. Так вот, будучи крупнейшим экспортером зерна, Россия производила его «на душу» почти вчетверо меньше Канады, втрое меньше Аргентины и вдвое — США. Иными словами, страна вывозила хлеб за счет недоедания собственного населения. Столь же удручающими были и другие цифры. По общей численности крупного рогатого скота, лошадей и свиней Россия уступала США почти в 5 раз. По добыче угля — более чем в 17 раз, нефти — более чем втрое, по выплавке стали — более чем в 7 раз, по протяженности железных дорог — более чем в 6 раз, по числу учащихся — почти втрое. И все это без пересчета на душу населения.

Экономический рост хорош тогда, когда он приносит с собой заметные результаты для всего народа. Если же социальная система сохраняет прежние архаические формы, экономический рост лишь увеличивает разрыв в доходах, делает его более зримым и тогда надежды на стабилизацию становятся мыльным пузырем. До каких пор его можно раздувать и когда он лопнет — это уже другой вопрос.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 423; Т. 17. С. 31.

² Там же. Т. 23. С. 20, 125, 126.

Так что с «процветанием» было плохо. Не очень-то получалось и с «благостностью»... И тут многое определял вопрос о земле.

Вне зависимости от того, кто первым сформулировал правительственную аграрную программу, — Н.Х. Бунге, В.И. Гурко, С.Ю. Витте или А.В. Кривошеин, — Столыпин твердо знал, куда надо двигать российскую деревню. В молодости, будучи предводителем дворянства Ковенской губернии, Петр Аркадьевич не раз навещался из своего родового поместья Колноберже в соседнюю Пруссию. Так что в преимуществах хуторской системы он убедился воочию.

Что думает по этому поводу сам «объект реформирования» — крестьяне, этого, естественно, в верхах никто всерьез не принимал. И традиция эта шла издавека. Как писал министр внутренних дел С.С. Ланской накануне «Великой реформы» 1861 года, «Высочайшая воля так ясно выражена в рескрипте... что вовсе неуместно было бы допускать крестьян к изъявлению согласия или несогласия на ее исполнение»¹. А между тем российская деревня имела свое представление о необходимых переменах и о справедливости. Связывалось оно, совершенно независимо от пропаганды левых партий, не с идеей частной собственности на землю, а прежде всего с ликвидацией помещичьей собственности, с «черным переделом».

Это несоответствие представлений о «добре и зле», о желаемой цели и привело к тому, что главным инструментом реформ и столыпинского «умиротворения» стало насилие. К масштабам этого насилия, сравнивая его с некоторыми страницами последующей истории, сегодня относятся несколько иронически. Подумаешь, 1102 человека казнили военно-полевые суды в 1906–1907 годах; 2694 человека повесили в 1906–1909 годах по приговору военно-окружных судов; сколько-то тысяч расстреляли без всяких судов карательные экспедиции Ренненкампа, Меллер-Закомельского, Орлова; 23 тысячи отправили на каторгу и в тюрьмы; 39 тысяч выслали без суда; сотни тысяч подвергли обыскам и арестам. По сравнению с тем, что было *потом* — всего ничего... Но современникам-то приходилось сравнивать с тем, что было до того. А за предыдущие 80 лет казнили — в среднем — по 9 человек в год. И не случайно выдавший виды российский обыватель с горечью повторял: «Какое же сравнение! При Плаве много лучше было!»²

Подлинные масштабы насилия проявились именно при проведении аграрной реформы. Для русского крестьянина основой всего его бытия, его отношений с Богом, государством, с помещиком и «миром» был общинный надел. И к этому мизерному клочку земли никак нельзя отно-

¹ Собственность на землю в России: История и современность. М., 2002. С. 56.

² *Авфех* А.Я. Царизм и третьиюньская система. М., 1966. С. 7.

ситься лишь с сугубо рациональными мерками, как, скажем, к «способу землепользования».

Прежде, когда передел земли в общине происходил, как правило, раз в 12 лет, он каждый раз порождал самые драматические коллизии. Теперь, по закону 1908 года, передел производили по требованию даже одного общинника, пожелавшего выделиться на хутор или уехать за Урал. А такой передел означал передвижку всех крестьянских земель в деревне. Между губернаторами шло соревнование за процент «выделившихся», и они принуждали общинников силой. И это касалось уже не тысяч, а миллионов...

Что же получилось из этой реформы?

Прав был Карамзин, когда писал, что даже самое пламенное желание осчастливить народ может родить бедствия... Прежде всего столыпинская земельная реформа приняла принципиально иное направление. Не выделение «трезвых и сильных» — на что надеялся Столыпин, не создание слоя «крепких хозяев», которые могли бы стать опорой режима, а исход из общины в основном «пьяных и слабых», тех, для кого надел давно уже перестал быть источником существования. Из 15 млн крестьянских дворов из общины вышли почти 26%, т. е. четверть. Но им принадлежало лишь 16% наделной земли. 40% выделенной земли сразу продали. А 2,5 млн хозяев лишь формально вышли из общины, т. е. укрепили свои наделы, но в составе общинных земель. Иными словами, с точки зрения тех задач, которые ставились перед ней, реформа оказалась несостоятельной¹.

Оказавшись недостаточной для решения аграрного вопроса, реформа стала вполне достаточной для того, чтобы разрушить привычные устои деревенской жизни, т. е. жизни большинства населения России. Она сделала то, чего не смогла сделать даже революция 1905 года. Ибо даже в моменты ее наивысшего подъема оставались регионы и социальные слои, стоявшие как бы вне общего движения. Реформа внесла вопрос о собственности, о земле в каждый крестьянский дом. Смута вошла в каждую семью.

Миллионы вышедших из общины, покинувших отчие дома, переселявшихся за Урал, массовая продажа земельных полосок, новые переделы и новое землеустройство — все это создавало атмосферу неустойчивости, всеобщей истерии. А невозможность противостоять издевательствам и насилию, ощущение бессилия против несправедливости, или, как выразился современник, «неотмщенные обиды» — по всем законам социальной психологии — рождали лишь злобу и ненависть. Это и стало

¹ См. статью А.П. Корелина: П.А. Столыпин и российское общество... в сб.: Куда идет Россия? Власть, общество, личность. М., 2000. С. 37–44.

одной из главных причин глубокого нравственного кризиса, в который была ввергнута Россия.

Сегодня нередко пишут о том, что кризис русской духовности и распад нравственных устоев якобы начался после революции 1917 года. Прочтите стенографические отчеты IV Государственной думы за 1913 год. Хотя бы прения по вопросу о «хулиганстве». Популярнейший и вполне дояльный журнал «Нива» так комментировал их:

«Несомненно, во всероссийском разливе хулиганства, быстро затопляющего мутными, грозными волнами и наши столицы, и провинциальные города, и тихие деревни, приходится видеть начало какого-то болезненного перерождения русской народной души, глубокий разрушительный процесс, охвативший всю национальную психику. Великий полуторастамиллионный народ, живший целые столетия определенным строем религиозно-политических понятий и верований, предопределявших весь строй его жизни и внутренних отношений, как бы усомнился в своих богах, извергнулся в своих верованиях и остался без всякого духовного устоя, без всякой нравственной и религиозной опоры. Прежние морально-религиозные устои, на которых держалась и личная, и гражданская жизнь, чем-то подорваны... Широкий и бурный разлив хулиганства служит внешним показателем внутреннего кризиса народной души»¹.

После подавления первой русской революции Столыпин мечтал о «20 годах покоя». Не вышло. В стране вновь назревал революционный кризис. И впереди шел рабочий класс, давший в 1913 и в 1914 годах намного больше политических стачечников, чем в 1905-м, и больше, чем в какой-либо другой стране мира. Тут уж приоритет России был неоспорим.

Летом 1913 года Ленин написал, что весь ход правительственных реформ доказал, что в России нет мирного выхода из тупика, «нет и быть не может. Все это знают, понимают и чувствуют». Страна переживает «состояние плохо прикрытой гражданской войны». Правительство не управляет, а воюет»². О том же в «Новом времени» — под характерным названием «Невоспитанный народ» — пишет в 1913 году и совсем «правый» М. Меньшиков: «Внутри России опять начинает пахнуть 1905 годом...»³.

А весьма умеренный земский либерал Д.Н. Шипов заключает: «Пропасть, отделяющая государственную власть от страны, все растет, и в населении воспитывают чувство злобы и ненависти... Столыпин не видит, или скорее, не хочет видеть ошибочности взятого им пути и уже

¹ Нива. 1913. № 33. С. 659 (подчеркнуто мной. — В. А.).

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 396; Т. 25. С. 65.

³ Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. М., 1981. С. 106.

не может с него сойти». И Шипов полагал, что лишь новый *общественный взрыв* сможет обновить деморализованное общество¹.

Но, может быть, всего этого не знали в «верхах»? Знали. В апреле 1914 года депутат Думы граф Мусин-Пушкин делился своими наблюдениями с заместителем на Кавказе, графом Воронцовым-Дашковым: «Революции никто не хочет и все ее боятся... Но все приходят к убеждению, что она неизбежна, и только гадают, когда она наступит и что послужит толчком»².

Весьма информированный и опытный интриган князь М. Андроников докладывал великому князю Николаю Николаевичу: «Конечно, путем репрессий и всякого рода экзекуционных и административных мер удалось загнать в подполье на время глубокое народное недовольство, озлобление, повальную ненависть к правящим, но разве этим изменяется или улучшается существующее положение вещей? ...В деревне наступает период “самосуда”, когда люди, окончательно изверившись в авторитете власти, в защиту закона, сами приступают к “самозащите”. А убийства не перечеть! Они стали у нас обыденным явлением при длящемся “успокоительном” режиме...»³.

Наконец, в начале 1914 года, за полгода до начала войны, сам Государь получает от члена Госсовета, бывшего министра внутренних дел Петра Николаевича Дурново меморандум, который предупреждает Николая II о близящейся революции и о том, что «Россия будет свергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»⁴.

Уже упоминавшийся идеолог российского национализма Меньшиков, рассуждая о беззаконии, беспорядке и национальном бесславии, в феврале 1914 года написал: «Так, как *теперь мы живем, долго жить нельзя — это надо же наконец понять и оценить*». А один из лидеров думских националистов С.И. Савенко в частном письме заметил: «Большую драму я переживаю в душе, но говорю это только тебе одной: отныне я революции не боюсь — она, даже она, гораздо патриотичнее, чем наше гнусное правительство, чем вся эта паршивая бюрократия, совершенно равнодушная к России»⁵.

Но, может быть, волна патриотизма, прокатившаяся по стране с началом войны, изменила ситуацию? На первых порах — да, особенно в деревне. Но массовые мобилизации, резкое ухудшение социально-экономического положения в тылу и отвратительное снабжение фронта

¹ Куда идет Россия? Власть, общество, личность. С. 43, 44.

² *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. С. 110.

³ Государственная деятельность П.А. Столыпина. Сб. статей. М., 1994. С. 141.

⁴ Красная новь. 1922. № 6. С. 178–179.

⁵ *Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. С. 24, 151.

оружием, боеприпасами, продовольствием, наконец, перенос боевых действий на российскую территорию — все это вновь привело к стремительному росту антиправительственных, антицаристских настроений.

Война действительно стала для России фактором разрушительным. Начатое на 15-й день после ее начала наступление в Восточной Пруссии спасло от немцев Париж, но обернулось поражением для русской армии. 1915 год ознаменовался «Великим отступлением» и полной или частичной оккупацией более десятка российских губерний. Остановить немцев удалось лишь у Риги и в 100 км от Минска.

После успешного взятия Эрзерума на юге мартовское наступление русских войск в районе Двинска и озера Нарочь помогло французам выстоять под Верденом, но и оно завершилось тяжелейшим поражением. Лишь знаменитый «Брусилловский» прорыв в мае 16-го года хоть как-то стабилизировал Восточный фронт.

С самого начала войны «союзники» смотрели на русских солдат как на «пушечное мясо». Посол Франции в России Морис Палеолог не скрывал этого: «При подсчете потерь союзников, — втолковывал он председателю Совета министров Борису Штюрмеру, — центр тяжести не в числе, а в совсем другом. По культурности и развитию французы и русские стоят не на одном уровне. Россия — одна из самых отсталых стран в мире. Сравните с этой невежественной и бессознательной массой нашу армию... Это — цвет человечества. С этой точки зрения наши потери гораздо чувствительнее русских потерь».

Всего в военных действиях русская армия потеряла около 4 млн солдат и 77 тыс. офицеров убитыми и ранеными, более 2 млн числились пропавшими без вести¹. Этого было вполне достаточно, чтобы злорадия, ненависть к тем, кто повинен в кровавой бойне, захлестнули страну.

Начальник Московской охранки сообщал: «Подобного раздражения и озлобления масс мы еще не знали... Настроение 1905–1906 гг., несомненно, являлось для правительства более благоприятным». А добросовестный чиновник Министерства внутренних дел написал на сем: «Больно осторожно составлен доклад, видимо, наиболее острые моменты в нем не отражены»². И этот чиновник был прав.

Выше уже упоминалось, что в 1913 году «Нива» писала о полуторастамиллионном народе, который «усомнился в своих богах, изверился в своих верованиях и остался без всякого духовного устоя...». Война дала в руки этому народу оружие, создала новую, хорошо организован-

¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. VI. С. 561; Независимая газета. Приложение: Независимое военное обозрение. № 43. С. 5.

² Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 82, 83.

ную социально-политическую силу — многомиллионную армию. И эта армия вполне адекватно отражала настроения народа.

По своему составу солдаты были теми же рабочими и крестьянами. Причем крестьяне — с их психологией и навыками — многократно преобладали. Это проявлялось во всем: в постоянных разговорах о земле, о прежних обидах со стороны помещиков и чиновников, о полевых работах, которые легли теперь на баб и стариков. Как отмечали офицеры, даже в рукопашном бою солдаты кололи штыком не как положено — прямо перед собой, а будто вилами снопы кидали — снизу вверх. От деревенской психики шли и те резкие перепады в настроениях, когда одна и та же рота или батальон, вчера еще проявлявшие вполне осознанную слаженность действий и самые «высокие» чувства, на другой день взрывались анархическим пьяным погромом каких-либо винных складов или винокуренных заводиков.

Но говоря о том, что армия — это те же рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели, нередко забывают, что у данной общности существовали и свои особые интересы. Их порождала война, общность жизни и судьбы людей, принудительно соединенных в казармах или окопах, постоянное соседство смерти, а стало быть и желание выжить в этой кровавой мясорубке. Вот почему постепенное осознание того, что это «чужая война», стало главной причиной, с одной стороны, утраты боеспособности и разложения армии, а с другой — превращение ее в ударную (Л.Н. Гумилев сказал бы — пассионарную) силу революции.

О характере войны солдатская масса узнавала не от революционных агитаторов. Современный исследователь Александр Асташов¹ полагает, что особую роль в этом процессе сыграли месячные отпуска с фронта «для устройства домашних дел» и «для участия в полевых работах», установленные для отличившихся солдат или по семейным обстоятельствам Высочайшим повелением от 5 октября 1915-го и 19 августа 1916 года. Неприглядные картины тыла — с роскошью и мотовством одних и беспросветной нуждой других, особенно солдатских семей, — рождали у отпускников лишь злобу и ненависть, стремление покончить с войной и покарать ее зачинщиков.

Военные цензоры, тщательно просматривавшие сотни тысяч солдатских писем, в конце 1916 года констатировали: «Два с половиной года войны, по-видимому, произвели свое действие, озлобив всех»². И это была не обычная злоба людей, раздраженных нуждой и лишениями. Она была гораздо страшнее. Ибо люди эти были вооружены, а война обесценила саму человеческую жизнь.

¹ См.: Отечественная история. 2003. № 2. С. 72–84.

² Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 82.

«Я [прежде] такой глупый был, что спать ложился, а руки на груди крестом складывал, — писал один из солдат. — А теперь ни бога, ни черта не боюсь. Как всадил с рукой штык в брюхо, словно сняло с меня что-то...». Письмо другого солдата: «Я не только человека, курицу не мог зарезать. А теперь... Почему я знаю, может, сотню или больше душ загубил»¹.

Эта психология рождала и убеждение в том, что только с помощью насилия можно решить те проблемы, которые ставила жизнь. «Женка пишет, купец наш до того обижает, просто жить невозможно, — это строки еще одного солдатского письма. — Я так решил: мы за себя не заступники были, с нами, бывало, что хошь, то и делай. А теперь повыучились. Я каждый день под смертью хожу, да чтобы моей бабе крупы не дали, да на грех... Нет, я так решил, вернусь и нож Онуфрию в брюхо... Выучены, не страшно»².

Эта злоба и ненависть приобретала все более конкретный социальный адрес. «Я, крестьянин, — говорилось в письме солдата 42-й Сибирской стрелковой дивизии, — обращаюсь к вам, братья, куда будем губить себя... За какие-то интересы чужие кладем свои головы... Помните, братцы, чтобы убить зверей, которые миллионы губят людей за свой интерес, *надо действовать, пока оружие в руках*. Первое: долой царя, убить его, поубивать пузанов, которые сидят в тылу да в тепле гребут деньги лопатой и губят нас, крестьянина...»³.

Страшно? Конечно, страшно. Назревал переход «количества в качество». Надо было веками угнетать, насиловать, топтать людей и их человеческое достоинство, чтобы пожать в конце концов такие взрывы народной ненависти. А ведь предупреждали... Помните Лермонтова: «Каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами в книгу мщения, и только кровь его могла смыть эти постыдные летописи. Люди, когда страдают, обыкновенно покорны, но если раз им удалось сбросить ношу свою, то ягненок превращается в тигра, притесненный... платит сторицею, и тогда горе побежденным...»⁴. Этот приговор миру насилия и угнетения был написан чуть ли не за столетие до 1917 года.

В 1916 году тема «пугачевщины», «русского бунта — бессмысленного и беспощадного» вновь, как в 1902, 1905, 1906 годах, становится одной из главных тем российской публицистики и частных разговоров. Многие политические деятели России пытались воздействовать на государя, чтобы он «предотвратил»... «предпринял»... «сделал»... Побужда-

¹ Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство. С. 83.

² Там же. С. 84.

³ Там же. С. 82.

⁴ Цит. по: Соловьев Б. Поэт и его подвиг. М., 1973. С. 709.

ли к этому и председателя Государственной думы Михаила Родзянко. Главноуполномоченный Всероссийского Союза городов Челноков писал ему: «Тревога и негодование все более охватывают Россию... Зловещие настроения сменили недавний высокий подъем, с каждым новым днем исчезает вера, рассеиваются надежды». О том же написал Родзянко и главноуполномоченный Всероссийского Земского союза князь Георгий Евгеньевич Львов¹.

Пытались воздействовать и на военных. 15 августа 1916 года Александр Иванович Гучков, возглавлявший Центральный Военно-промышленный комитет, испытывая «смертельную тревогу за судьбы нашей Родины», обратился с посланием к главкому Северо-Западного фронта генералу Алексееву: «Надвигается потоп, а наша дрянная слякотная власть готовится встретить этот катаклизм теми мерами, которыми ограждают себя от хорошего проливного дождя, надевая калоши и раскрывая зонтик»².

10 (23) февраля 1917 года Родзянко получил аудиенцию у государя. Свой доклад «об угрожающей Российскому государству опасности» он, по причине сильного волнения, читал. Закончил словами: «Я считаю своим долгом, государь, высказать Вам свое личное предчувствие и убеждение... Направление, по которому идет правительство, не предвещает ничего доброго... Результатом этого, по-моему, будет революция и такая анархия, которую никто не удержит». Государь ничего не ответил и очень сухо простился. А через два дня Родзянко написал своей подруге Зинаиде Юсуповой: «Эта кучка, которая всем управляет, потеряла всякую меру и зарывается все больше и больше. Теперь ясно, что... русский царь еще более преступен»³.

А саратовский губернатор С. Тверской в эти дни напишет: «Что делается? Точно после 1905 года не прошло 11 лет. Те же персонажи, те же слова, с одной стороны, и тот же паралич власти — с другой. Опять звонкие резолюции о ненавистном правительстве и т. д. Ну, а дальше что? Дальше опять скажет слово мужичок или, вернее, сделает дело мужичок. Настроение прескверное»⁴.

Спустя полгода, характеризуя положение в стране к началу 1917 года, последний царский министр внутренних дел Александр Дмитриевич Протопопов показывал Чрезвычайной следственной комиссии: «Финансы расстроены, товарообмен нарушен, производительность страны — на громадную убыль... Пути сообщения в полном расстройстве, что чрезвычайно осложнило экономическое и военное положение... Наборы

¹ Социал-Демократ. 1916. № 57. 30 декабря.

² Там же.

³ *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. С. 244.

⁴ *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 83.

обезлюдил деревню, остановил землеобрабатывающую промышленность... Деревня без мужей, братьев, сыновей и даже подростков тоже была несчастна. Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций... Товара было мало, цены росли; таксы развиль продажу “из-под полы”, получилось “мародерство”... Искусство, литература, ученый труд были под гнетом... Упорядочить дело было некому. Начальства было много, но направляющей воли, плана, системы не было... Верховная власть перестала быть источником жизни и света»¹.

Но при чем тут Ленин? Все это происходило за тысячи верст от него. А те же солдатские письма — точнейший барометр настроений — были опубликованы лишь много лет спустя. Конечно, что-то просачивалось в либеральную российскую прессу, и Владимир Ильич чуть ли не ежедневно штудировал ее в цюрихских библиотеках. Но существовали ли у него какие-то свои каналы информации?

Да, существовали...

О событиях, происходивших в «верхах», он, к примеру, знал гораздо больше, чем сообщали либеральные газеты. Так, в ноябре 1916 года он получил из Питера копии тех самых документов, которые упоминались выше: письма Челнокова и Львова Михаилу Родзянко и письмо Гучкова генералу Алексееву. Напечатать такое в российской прессе было невозможно. А вот большевистский «Социал-Демократ» 30 декабря 1916 года полностью опубликовал их. Комментируя письмо Александра Гучкова, редакция написала: «Это признание, что *революция идет*. Буржуа ясно видит это и видит свою беспомощность... А революция все же идет»².

В январе 1917 года Ленин рассматривает возможные политические комбинации в случае революционных перемен в России. Вероятно, пишет он, придется «иметь дело с правительством Милюкова и Гучкова, если не Милюкова и Керенского»³. Это предсказание также было опубликовано «Социал-Демократом» и, как известно, оказалось достаточно точным.

Были и другие, может быть, более важные источники информации...

Где-то в середине января 1917 года в Цюрихе объявились двое военнопленных, которые — переплыв Боденское озеро — бежали из немецкого концлагеря. Ленин буквально «вцепился» в них. «Типики, — пишет он Арманд, — один — еврей из Бессарабии, выдавший виды, социал-демократ или почти социал-демократ... Но лично неинтересен, ибо обычен. Другой — воронежский крестьянин, от земли, из старообрядческой семьи. Черноземная сила»⁴.

¹ Падение царского режима. Т. 4. Л., 1926. С. 21, 22.

² Социал-Демократ. 1916. № 57. 30 декабря.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 341.

⁴ Там же. Т. 49. С. 377.

Все это время ему так не хватало живого общения за рамками привычной эмигрантской среды. Не для того, чтобы спорить, убеждать, «влиять». Это стало делом безнадежным, ибо эмигранты-оппоненты уже не слышали и не хотели слышать доводов, не вписывавшихся в их сложившиеся представления. Владимиру Ильичу, как он выразился, не хватало просто нормальных собеседников — «“живых”, эмигрантщиной не изъеденных людей»¹.

И вот теперь перед ним сидели двое солдат, прошедших фронт, побывавших в плену. Ленин внимательно, не перебивая, слушал их рассказы. Сначала о плене. О тех ужасах, которые творились в концлагерях. О той пропаганде, которую вели немцы. Тысячи военнопленных они сгруппировали по национальному признаку и всячески пытались разжечь антирусские, сепаратистские настроения. Для украинцев, например, пригласили галицийских лекторов из Львова. Но результат оказался ничтожным: из 27 тысяч украинцев, сидевших в лагере, лишь 2 тысячи высказались за «самостийность». Остальные, с величайшим удовлетворением отметил Ленин, «впадали в ярость при мысли об отделении от России... Факт знаменательный! Не верить нельзя... Авошь, от “австрийского типа” развития судьба Россию избавит»².

Сидели в лагере и иностранцы. «Французов, — замечает Владимир Ильич, — хвалят (в плену) — товарищи хорошие... Англичан ненавидят: “гордецы; куска хлеба не даст, ежели ему пол не вымыть”». К немцам отношение весьма своеобразное. С одной стороны — «тоже своего кайзера ругают». С другой — есть чему у них поучиться. Из лагеря пленных посылали на работу в богатые крестьянские хозяйства. Воронежец Кондрат Михалев присматривался. «Как у них все налажено, — рассказывал он, — ни одна корка даром не пропадает! Вот вернусь к себе на село — так же хозяйничать буду!» «Все тяготение воронежца, — заключает Ленин, — назад, домой, к земле»³.

К швейцарским рабочим Михалев относился иронически. Когда в Цюрихе его интернировали, стал ходить он на земляные работы «и все удивлялся на забитость швейцарского рабочего люда. “Иду я, — рассказывал он, — в контору получать деньги за работу, смотрю — стоят рабочие швейцарские и войти в контору не решаются, жмутся к стенке, в окно заглядывают. Какой забитый народ! Я пришел, сразу дверь открываю, в контору иду, за свой труд деньги брать иду!”»⁴.

И кто это говорил? Мужик, который еще вчера, как говорится, тележного скрипа боялся. «Был он из староверов, — пишет Крупская, —

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 377.

² Там же.

³ Там же. С. 378; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 438.

⁴ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 438.

дедушка и бабушка поэтому запретили ему грамоте учиться: печать-де дьявола. В плену уж выучился он грамоте»¹. Там же выучился и «политике».

Ленин подробно расспрашивал об отношении к войне. Оба беглеца были решительно против нее. Но «насчет защиты отечества, — отмечает Владимир Ильич, — как... Плеханов... “Ежели немец прёт, как же не защищаться?” Не понимает. Обижен (и он *и еврей!*!) глубоко за то, как нещадно бьют немцы “наших”»².

В остальном политическая ориентация вполне определена: «Сочувствует социализму», — отмечает Владимир Ильич. «...Насчет царя и бога, — записывает он слова Михалева, — все-де 27 тысяч вполне кончили, насчет крупных помещиков тоже». Вывод Ленина: «Озлобленные и просвещенные вернутся в Россию»³.

Впрочем, было и о чем задуматься... До сих пор Ленину приходилось иметь дело в основном с «идейными» и «учеными» оборонцами, использовавшими — и вольно и невольно — фразы о «защите отечества» для оправдания империалистической бойни. Здесь же разговор шел с людьми, ненавидящими войну, испытавшими ее ужасы на собственной шкуре. И очень скоро Владимир Ильич вводит в политический оборот крайне важное понятие — «*добросовестное оборончество*», которое он применяет при оценке настроений широких масс и особенно крестьян.

Всех тем, о которых было переговорено с Кондратом Михалевым, Владимир Ильич не перечислял. Но вполне естественно предположить, что присутствовала среди них еще одна — *братание*. О братании на Западном фронте газеты писали много. Первое состоялось в рождественскую ночь под Парижем, когда, сойдясь на нейтральной полосе, французские, английские и немецкие солдаты вместе распили шампанское, виски и шнапс по случаю наступавшего 1915 года. О братании на Балканах Ленин подробно расспрашивал болгарского социалиста Василя Коларова. А вот о том, как это происходило на Восточном фронте, было известно мало. Владимир Ильич старался выудить информацию из либеральной прессы. Пытался распространить анкеты среди русских военнопленных в немецких лагерях. И вот теперь перед ним был очевидец...

На Восточном фронте братания возникали стихийно. Отправляясь на войну, русский солдат знал, что воевать ему придется или с «басурманом» или с каким-нибудь «киноверцем». Но на юго-западных участках фронта после боев, когда для выноса раненых и уборки трупов устанавливалось затишье, он услышал с той стороны славянскую речь сербов, чехов, словаков, многие из которых, как выяснилось, были к тому же

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 438.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 377.

³ Там же.

православными, «братушками». Это и положило начало «братанию»: встречаем и беседам на нейтральной полосе, а иной раз и в окопах противника, а также солдатскому «бартеру». Тем более что братья-славяне с удовольствием выменивали добротный русский хлеб на спиртное, которого россияне были лишены по «сухому закону» 1914 года¹.

То, что немецкая разведка пыталась использовать братание в своих целях, — факт. Но очевидно и другое: братание хоть на время прекращало братоубийство, устанавливало — пусть на малый срок — перемирие. И происходило это не по приказу генералов и офицеров, а по воле самих солдат.

Так или иначе, но Михалев стал для Ленина не просто источником информации, но и интереснейшим собеседником. И Владимир Ильич был благодарен ему за это.

Не прошли бесследно эти беседы и для Михалева... Он мечтал поступить в народный университет. Но поскольку в Цюрихе такового не оказалось, уехал в Париж. И когда его и других бежавших из плена вызвали в русское посольство, и важные чиновники, увешанные орденами, стали уговаривать подписать воззвание о защите Отечества и продолжении войны, Кондрат решительно отказался: «Встал я и сказал, что войну кончать надо, и пошел. Потихоньку вышли и другие»².

Там, где либералы в терявшем терпение и вековую покорность русском мужике усматривали лишь «пугачевщину», угрозу кровавого хаоса, Владимир Ильич увидел совсем другое: готовность к борьбе, пробуждение самосознания, ума, чести и человеческого достоинства. После встреч с Кондратом Михалевым он получил тому еще одно доказательство. И спор об этом Ленин вынес на страницы печати.

Собственно, предмет спора определился еще в конце предыдущего столетия, когда первые выступления рабочих — не говоря уже о крестьянских бунтах — нередко сопровождались различного рода эксцессами. Как быть? Как относиться к этому?

С первых шагов своей политической деятельности Владимир Ильич размышлял над этой проблемой. Нечеловеческие условия жизни, писал он, низвели положение российского труженика до положения скотины. Именно поэтому его протест «не может не принять буйных форм» и неизбежно выливается либо в «тупое отчаяние», либо в яростные взрывы «дикой местности». И можно, видимо, понять известного либерала Михаила Гершензона, который позднее написал в «Вехах»: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы долж-

¹ См. статью Асташова А.Б.: Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны. Отечественная история. 2003. № 2.

² Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 439.

ны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»¹.

В письме Инессе Арманд Ленин отметил: «Русская революция 1905 г. ...состояла из ряда битв *всех* недовольных классов, групп, элементов населения. Из них были массы с самыми дикими предрассудками, с самыми неясными и фантастическими целями борьбы, были группки, бравшие японские деньги, были спекулянты и авантюристы и т. д.»². Так что же — стать на сторону жандармов, усмиряющих стачки и бунты? Или возможна иная позиция? Да, возможна, считал Ленин.

Мы никогда «не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, нисколько не стирали разницы между “русским бунтом, бессмысленным и беспощадным”, и революционной борьбой...» Но если бунты начались, революционеры не могут «*пройти мимо*» этих протестных выступлений. Свой долг они видят в том, чтобы не отворачиваться брезгливо от «эксцессов», а просвещать и организовывать эту массу, нести в нее «луч сознания своих прав и веру в свои силы», учить на опыте собственных побед и поражений. Только тогда, подчеркивал Владимир Ильич, «оплодотворенная таким сознанием и такой верой, народная ненависть найдет себе выход не в дикой мести, а в борьбе за свободу»³.

Когда в 1896 году Ленин полемизировал по данному вопросу с Михайловским, Юлий Мартов был вполне солидарен с Владимиром Ильичем⁴. Но с тех пор прошло двадцать лет. В 1916 году в ряде районов России на почве голода и дороговизны произошли стихийные массовые волнения, сопровождавшиеся разгромом продовольственных лавок и избиением лавочников. Как должен отнестись к подобным выступлениям революционер? Мартов попытался дать свой ответ на этот вопрос.

«Плоха та революционная партия, — писал он, — которая стала бы спиной к возникающему движению потому, что оно сопровождается стихийными и нецелесообразными эксцессами». С другой стороны, «плоха была бы та партия, которая бы считала своим революционным долгом отказаться от борьбы с этими эксцессами... В целом же «вспыхивающие на почве дороговизны народные волнения... не могут *непосредственно* стать источниками того движения, которое составляет нашу задачу». А посему «кокотничанье» с таким движением, «легкомысленные спекуляции» на нем — «прямо преступны». Остается лишь призывать эти массы «к организованной борьбе», а именно — «к организации ко-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 241, 301, 309–310, 397, 403, 409, 528; Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Изд. 5-е. М., 1910. С. 89.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 54.

³ Там же. Т. 4. С. 416.

⁴ Логинов В.Т. Ленин. Выбор пути. Биография. М., 2004. С. 261.

оперативов, к давлению на городские думы в целях таксации цен и к т. п. паллиативам».

Иной ответ дал Ленин. Революционный социал-демократ, полагал он, в условиях голода и кровавой войны, ежедневно уносящей тысячи жизней, должен был обратиться к массе не с призывом к «организации кооперативов». Он должен был сказать: да, «громить лавочку нецелесообразно», ибо в голоде и войне, которые довели людей до исступления, виноват не этот мелкий лавочник, а виновато правительство. Так давайте «направим свою ненависть на правительство», а для этого организуемся, сговоримся с рабочими других городов, «устроимте посерьезнее демонстрацию», обратимся к солдатам и «привлечем к себе часть войска, желающую мира».

Вот так должен был, по Ленину, действовать настоящий революционер. И через два месяца после публикации этой статьи именно так действовали в Питере рабочие-большевики, меньшевики, эсеры, когда в столице на почве нехватки хлеба и недовольства войной вспыхнули массовые волнения. Борьба закончилась победой Февральской революции...

Впоследствии многие историки утверждали, что Февральская революция родилась из озлобления стоявших в очередях женщин и солдатских «беспорядков». Словом, из «бабьего бунта», слившегося с бунтом солдатским. Этим хотели обосновать мысль об «аполитичности» революции. Советские историки протестовали, стремясь, напротив, подчеркнуть политическую сознательность масс уже на начальном этапе революции. Пожалуй, в обоих случаях допускались «перегибы», хотя невозможно отрицать, что экономические трудности лежали в основе недовольства, породившего социальную напряженность. Как записал Ленин еще в феврале 1917 года, «нужда не признает никаких законов»¹. Но важно понять и другое: стихия стихии — рознь. После того, как миллионы людей прошли школу первой русской революции, стихия стала понятием достаточно относительным.

Когда читаешь воспоминания об этих днях сторонних наблюдателей, складывается впечатление о некоем гигантском муравейнике, не только безликом, но и безымянном. То и дело встречаешь фразы: «Из толпы кричали: “Где вожаки? Ведите нас!”», а потом бросились к “Крестам” освобождать политических»; «На Выборгской толпа разгромила полицейский участок и захватила оружие»; «На Знаменской площади какие-то личности, взобравшись на памятник покойного государя, бросали в многотысячную толпу зажигательные призывы»; «Когда казаки, обнажив шашки, хотели броситься на демонстрантов, из толпы вышла женщина и произнесла речь, после чего казаки повернули вспять...»

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 397.

Сегодня, когда благодаря исследованиям историков можно просматривать ленту февральских событий кадр за кадром, мы видим в этой, казалось бы, безликой толпе знакомые лица. На штурм «Крестов» солдат и рабочих двинул большевик М.И. Калинин. Захватом участка на Выборгской стороне руководил И.Д. Чугурин — ученик Ленинской школы в Лонжюмо, член ПК. На Знаменской площади с памятника Александру III выступали с речами межрайонец К.К. Юренев и меньшевик В. Гриневич. Женщина, бесстрашно вышедшая навстречу казакам, — это работница-большевичка А.И. Круглова... В нужный момент каждый из тех, кто имел за плечами опыт пятого года, не дожидаясь «директив сверху», знал свое дело и был на своем месте.

Но это произошло спустя два месяца, а в декабре 16-го года Ленин писал: «Предположим, что революционер столкнулся с волнениями такой формы, которую он считал нецелесообразной. Ясно, что его правом и обязанностью революционера было бороться против *нецелесообразной* формы... во имя чего? во имя целесообразных *революционных* выступлений...»¹

Незадолго до нового года, 18 декабря, Ленин пишет Арманд: «Получилось сегодня еще одно письмо из СПб. — в последнее время оттуда заботливо пишут... Настроение, пишут, архиреволюционное». Через два месяца, 19 февраля 1917 года он сообщает ей же: «Получили мы на днях отрадное письмо из Москвы... Пишут, что настроение масс хорошее, что шовинизм явно идет на убыль и что наверное будет на нашей улице праздник». А когда, в тот же день, большевик Слава Каспаров сообщает из Берна, что у него появилась возможность возвращения в Россию, Крупская, по поручению Владимира Ильича, сразу отвечает: «Ехать надо немедленно, а то опоздаете к “началу”»². В черновых записях начала 1917 года Ленин еще более категоричен: «Der Sturm naht», — пишет он, — штурм приближается!³

День 15 (2) марта 1917 года складывался как обычно. С утра моросил дождь. В девять Владимир Ильич был уже в библиотеке. В 12 часов 10 минут вернулся домой, пообедал. Надежда Константиновна помыла посуду, и Ленин вновь собрался в библиотеку. Но в этот момент прибежал их знакомый — польский эмигрант Вронский: «Вы ничего не знаете?! В России революция!» — и стал рассказывать о только что вышедших экстренных выпусках газет⁴.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 232.

² Там же. Т. 49. С. 340, 390; Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. М., 1986. С. 169.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 398.

⁴ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 438.

В одном из ранних вариантов воспоминаний Крупская написала: «Ильич как-то растерялся. Когда Вронский ушел и мы несколько опомнились, мы пошли к озеру, где под навесом каждый день расклеивались все швейцарские газеты. Да, телеграммы говорили о революции в России»¹.

Но если знал, ждал, то почему же «растерялся»?

Да потому, что можно знать причины, улавливать тысячи признаков приближения революции, но никому не дано предсказать ее повод, а уж тем более — дату начала. Революции не возникают по чьей-либо воле или в результате планов, выношенных революционерами. Это — результат, как любил говорить Ленин, «объективного хода вещей». Они приходят тогда, когда *власть имущие* не решают назревших проблем народной жизни *мирным путем*. А неприятие существующих порядков *самим народом* в конце концов переполняет чашу терпения. Как, где, когда она переполнится, какое событие станет последней каплей — этого не может предугадать никто...

Об этом Ленин написал в «Социал-Демократе», вышедшем 31 января 1917 года: «Революционная ситуация в Европе налицо. Налицо величайшее недовольство, брожение и озлобление масс». И все-таки — «таких революций не бывает..., чтобы можно было наперед сказать, когда именно революция вспыхнет, насколько именно велики шансы ее победы». Через полтора года Ленин повторит: «За два месяца перед... февралем 1917 года ни один, какой угодно опытности и знания, революционер, никакой знающий народную жизнь человек не мог предсказать, что такой случай взорвет Россию»².

Среди сообщений заграничной прессы о восстании в Петрограде, которые Ленин прочел у озера, одно запомнилось: на знамени кавалерийских войск, демонстрировавших на площади перед Государственной думой, красовался лозунг — «Да здравствуют социалистические республики во всех странах!»³

«План Мартова»

Утром 23 (10) января 1905 года в Женеве Владимир Ильич и Надежда Константиновна точно так же, как обычно, шли в библиотеку. И вдруг увидели бежавших к ним Луначарских. Анна Александровна — жена Анатолия Васильевича — от волнения не могла говорить и лишь беспомощно махала муфтой. Наконец, отдышавшись, они рассказали, что, по сообщениям утренних газет, в России вчера началась революция...

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. М., 1990. С. 118.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 347, 348; Т. 36. С. 496.

³ Там же. Т. 31. С. 70.

Владимир Ильич и тогда — задолго до этого дня — писал о приближении революционного взрыва. «Но одно дело, — замечает Крупская, — чувствовать это приближение, а другое — узнать, что революция уже началась»¹.

Тогда, в 1905 году, в ожидании разрешения на въезд в Россию пришлось сидеть в Женеве почти год. Лишь 8 ноября он приехал в Петербург. К этому времени все уже сложилось и определилось. И хотя его письма и статьи сыграли свою роль в развитии событий, что-то изменить было уже нельзя. Когда ему, в частности, стало известно о подготовке декабрьского восстания в Москве, он написал: «Я склонен думать, что нам вообще выгодно оттянуть его. Но ведь нас все равно не спрашивают»².

И вот опять: в России победила революция, а он сидит в этом «проклятом далеке», за тысячи верст от событий, которых ждал всю жизнь... Медлить было нельзя — в этом Ленин был абсолютно уверен. И уже там — у озера, у витрин с газетами, сообщавшими о событиях в Петрограде, он сказал Сергею Багоцкому: «Надо готовиться к отъезду в Россию».

15 (2) марта Владимир Ильич пишет Инессе Арманд: «Мы сегодня в Цюрихе в ажитации... Что Россия была последние дни *накануне* революции, это несомненно. Я *вне* себя, что не могу поехать в Скандинавию!!»³. Ибо именно через нее лежал путь в Россию.

Приехал из Берна Григорий Зиновьев. Несколько часов, пишет он, бродили по улицам «бесцельно, находясь под впечатлением нахлынувших событий, строя всевозможные планы, поджидая новых телеграмм у подъезда “Новой цюрихской газеты”, строя догадки на основании отрывочных сведений. Но не прошло и нескольких часов, как мы взяли себя в руки. Надо ехать!»⁴

Легальная дорога была одна: через Францию в Англию, затем из Англии на пароходе в Норвегию или Голландию, а оттуда — через Швецию — в Питер. Значит, надо было получить французскую, английскую, норвежскую или шведскую визы и разрешение на пересечение русской границы. И уже тогда, в первые дни, появились признаки того, что эта дорога открыта не для всех и что, как выразился Зиновьев, «мы сидим за семью замками» и в Россию «прорваться будет нелегко»⁵.

Появились слухи, что в российских посольствах имеются на сей счет какие-то «черные списки». Слухи оказались вполне достоверными. Еще в 1915–1916 годах военные представители Англии, Франции и России

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 277, 278.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 100.

³ Там же. Т. 49. С. 399.

⁴ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 121.

⁵ Там же. С. 122.

составили «международные контрольные списки» на лиц, коим запрещался въезд во все страны Антанты. Среди других «нежелательных категорий» в них были внесены и те эмигранты, которые «подозреваются в пропаганде мира». Всего в «черных списках» значилось около 6 тысяч человек¹.

17 (4) марта 1917 года Ленин получает телеграмму из Христиании (Осло) от Коллонтай, Пятакова, Бош и Ганецкого: «Вашу поездку в Россию считаем необходимой...» И Владимир Ильич отвечает: «Сейчас получили Вашу телеграмму, формулированную так, что почти звучит иронией... Мы боимся, что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся»².

Вечером того же дня в заграничных газетах появляется сообщение о том, что Временное правительство России объявило амнистию «по делам политическим и религиозным». Это внушало какие-то надежды. И уже на следующий день Ленин поручает Арманд «узнать тихонечко и верно, мог ли бы я проехать» на родину через Англию. Тогда же, 18 марта, он просит жену большевика Георгия Сафарова — 26-летнюю Валентину Мартошкину — зайти в английское консульство и прямо там прозондировать ситуацию. Ответ английского посланника был прост и прямолинеен: «Через Англию вообще нельзя». И 19-го Владимир Ильич сообщает Арманд: «Я уверен, что меня арестуют или просто задержат в Англии, если я поеду под своим именем... Факт! Поэтому я не могу двигаться лично без весьма “особых” мер»³.

О том, какие это меры, он пишет в Женеву Вячеславу Карпинскому: «Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду *по ним* через Англию (и *Голландию*) в Россию. Я могу одеть парик. Фотография будет снята *с меня* уже в парике, и в Берн в консульство я явлюсь с *Ваши*ми бумагами уже в парике»⁴. Ответ Карпинского разочаровал: оказывается, он уже давно значился во всех проскрипционных списках, ибо когда-то проходил по делу «знаменитого террориста» Камо (С.А. Тер-Петросяна).

«Сон пропал у Ильича с того момента, когда пришли вести о революции, — рассказывала Крупская, — и вот по ночам строились самые невероятные планы. Можно перелететь на аэроплане. Но об этом можно было думать только в ночном полубреду. Стоило это сказать вслух, как ясно становилась неосуществимость, нереальность этого плана»⁵. Да

¹ См. статью Лукашева А.В.: Возвращение В.И. Ленина из эмиграции в Россию в апреле 1917 г. // История СССР. 1963. № 5. С. 5.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 401, 402; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 134.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 403, 404, 405, 409.

⁴ Там же. С. 404.

⁵ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 434.

и сам он понимал это. «Конечно, — пишет Владимир Ильич Арманд, — нервы у меня взвинчены сугубо. Да еще бы! Терпеть, сидеть здесь...»¹

Это было написано утром 19 (6) марта. Но днем произошло событие, которое породило новые надежды...

Сразу после получения известий о революции все российские политические эмигранты, независимо от партийной принадлежности, стали собираться для обмена информацией. Главным предметом дискуссии был тот же вопрос: о путях возвращения на родину. Невозможность проезда через Англию становилась все более очевидной. И на частном совещании представителей различных партийных групп, состоявшемся в Берне 19-го, Юлий Мартов выдвинул план проезда эмигрантов и других российских граждан, застрявших в связи с войной в Швейцарии, через Германию в обмен на интернированных в России немцев.

Ничего необычного в этом предложении не было. В годы войны царское правительство не раз практиковало такой обмен. Кстати, именно так — через Германию и Швецию — вернулся в Россию известный ученый Максим Ковалевский. В Петрограде ему устроили торжественную встречу и сам Милюков, приветствовавший его на вокзале (ставший в марте 1917-го министром иностранных дел Временного правительства), не находил в этом маршруте ничего предосудительного. Вот и участники совещания в Берне 19 марта — лидер меньшевиков Мартов, лидер эсеров Натансон, Бунда — Косовский и представитель большевиков Зиновьев — сочли «план Мартова» о проезде через Германию — «наиболее благоприятным и приемлемым»².

Получив от Зиновьева это известие, Владимир Ильич делает приписку к письму Инессе Арманд от 19 марта с просьбой поискать среди лояльных «богатых и небогатых русских социал-патриотов» тех, кто мог бы «попросить у немцев пропуска — вагон до Копенгагена для разных революционеров... Я не могу этого сделать. Я “пораженец”... Вы скажете, может быть, немцы *не* дадут вагона. Давайте пари держать, что *дадут!*»³

Карпинскому Ленин пишет подробнее: «План Мартова хорош: за него надо хлопотать, только *мы* (и Вы) не можем делать этого прямо. *Нас* заподозрят. Надо, чтобы, кроме Мартова, беспартийные русские и патриоты — русские обратились к швейцарским министрам (и влиятельным людям, адвокатам и т. п.) с просьбой *поговорить* об этом с послом германского правительства в Берне... План, сам по себе, *очень* хорош и *очень* верен»⁴.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 405.

² См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 40, 92.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 405, 406.

⁴ Там же. С. 406.

План Мартова был тем более хорош, что именно в эти дни, как сообщил в Петроград российский поверенный в делах в Швейцарии Ону, по требованию военного министерства Великобритании, английскими консулами была полностью «прекращена виза паспортов на проезд в Россию и скандинавские страны». Граф П.А. Игнатъев доложил из Парижа в Питер данные русской контрразведки: «Установлено, что Ленин и его группа безусловно просили французские паспорта, но в выдаче таковых им было отказано». В свою очередь французская разведка информировала, что Ленин и другие большевики «запросили в вице-консульстве Англии в Лозанне разрешение на право проезда через Англию, но так как им было отказано в их просьбе, они обратились в германское консульство»¹.

Впрочем, это произошло позднее, а пока надо было начинать официальные хлопоты. В предшествующих случаях проезда русских эмигрантов через Германию в роли посредника выступало правительство Швейцарии. И участники совещания в Берне 19 марта обратились к одному из лидеров швейцарских социал-демократов, государственному советнику Роберту Гримму с просьбой прозондировать этот вопрос². Одновременно 20 марта, по поручению Ленина, Зиновьев телеграфирует Пятакову, отъезжавшему из Норвегии, чтобы по прибытии в Петроград большевики добивались от Временного правительства привлечения Швейцарии к переговорам с Берлином о пропуске российских эмигрантов через Германию³.

Между тем, выполняя поручение, Роберт Гримм встретился с лидером либеральной партии, адвокатом, министром Артуром Гофманом, руководившим внешней политикой. Но тот ответил, что «швейцарское правительство не имеет возможности играть роль официального посредника, ибо правительства Антанты могут усмотреть в этом шаге нарушение нейтралитета»⁴. Это не исключает того, добавил министр, что — в качестве *частного лица* — сам Гримм вполне может выступить в этой роли.

А «план Мартова» приобретал с каждым днем все больше сторонников. 23 (10) марта представители различных партийных групп сформировали единую организацию из числа меньшевиков, большевиков, польских, латышских, литовских, еврейских социалистов и социал-демократов, эсеров, анархистов и т. д. Вошли в нее и те, кого называли социал-патриотами. Избрали «Центральный Комитет по возвращению русских политических эмигрантов, проживающих в Швейцарии, на ро-

¹ См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 7–9).

² Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 92, 95.

³ Ленинский сборник. XIII. С. 254.

⁴ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 92.

дину». Председателем ЦК стал меньшевик Семковский, секретарем — польский социал-демократ Багоцкий¹. Этот ЦК и дал полномочия Гримму на ведение переговоров с германскими дипломатами. В тот же день 23 (10) марта Гримм встретился с немецким посланником бароном Гизбертом фон Ромбергом и из Берна в МИД Германии ушла телеграмма: «Выдающиеся здешние революционеры имеют желание возвратиться в Россию через Германию...»²

В театральной режиссуре существует понятие — «симультанное действие». Сценическая площадка или круг разбиваются на несколько секторов, где одновременно происходят те или иные эпизоды пьесы. Персонажи, находящиеся в разных секторах, как бы не подозревают о том, что делается рядом. Но именно одновременность происходящего в разных частях сцены создает единое драматическое действие...

В истории нечто подобное происходит очень часто. И лишь последующие исследования позволяют выявить не только одновременность, но и взаимосвязь различных событий.

Ну чего ради уперлись англичане и французы с этими визами и пропусками? Почему, вопреки обыкновению, швейцарское правительство отказалось от посредничества? А в чем причина той медлительности, которую проявило российское правительство в ответ на просьбы о возвращении эмигрантов? И почему немцы столь оперативно пошли навстречу?

Для ответа на эти вроде бы частные вопросы необходимо, видимо, обратиться к проблемам более общим и более масштабным.

Мировая война длилась уже более двух лет. Жертвы ее исчислялись уже многими миллионами. И каждая из противостоящих сторон нуждалась в скорой и решительной победе. 6 апреля (24 марта) 1917 года в войну — на стороне Антанты — должны были вступить США. На 9 апреля (27 марта) планировалось начало наступления союзных войск во Франции, в Аррасе, в районе реки Эн. Но оно сулило успех лишь в том случае, если не менее 70 немецких дивизий будут скованы на Восточном фронте.

Временное правительство еще 18 (5) марта известило через свои зарубежные представительства, что Россия выполнит свой союзнический долг. Но разведка и послы стран Антанты сообщали, что положение самого российского правительства достаточно шатко. Что «двоевластие», сложившееся в стране, связывает ему руки, ибо реальная сила находится у Советов. И что правительство удерживает власть лишь потому, что во главе Советов стоят те социалисты, которых называют «соглашателями».

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 35, 36, 92, 95; Лукашев А.В. Статья в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 11).

² Солженицын А.И. Ленин в Цюрихе. ИМКА-Пресс, 1975. С. 201.

В таких условиях возвращение в Россию из эмиграции более левых и более авторитетных лидеров, выступающих против войны, могло поколебать неустойчивое равновесие «двоевластия» и сорвать военные планы союзников. Вот почему Англия и Франция заняли столь жесткую позицию по вопросу о возврате эмигрантов и вынуждены были прибегнуть к их «селекции».

Именно поэтому, когда патриарх российской социал-демократии «оборонец» Плеханов решил вернуться в Россию, ему и сорока его сторонникам англичане предоставили военный корабль, который — в сопровождении миноносцев (для защиты от немецких субмарин) — и довез их до Норвегии.

А вот когда из Парижа в Англию, оформив все необходимые документы для отъезда на родину, прибыл лидер эсеров Виктор Чернов, значившийся в «черных списках», его немедленно интернировали и выдворили обратно во Францию. Та же участь постигла и одного из меньшевистских лидеров Льва Троцкого. С группой своих сторонников он попытался выехать из США в Россию на норвежском пароходе. Но в Галифаксе, по приказу английского адмиралтейства, их сняли с корабля, арестовали и интернировали в Канаде¹.

А потом пришло сообщение, что известные революционеры-эмигранты П. Карпович и Я. Янсон, добившиеся разрешения на выезд из Англии в Россию, погибли в результате подрыва их парохода немецкой подлодкой в Северном море. И Вера Фигнер, возглавлявшая в Петрограде Комитет помощи политическим ссыльным, подвела итог: «Теперь нашим изгнанникам есть только два пути возвращения в Россию — через Германию или через смерть»².

Германия стала другой сценической площадкой, где одновременно развивались события, повлиявшие на судьбу швейцарских эмигрантов. Двухлетняя война на два фронта истощила ресурсы страны. Немецкое верховное командование принимало отчаянные меры, чтобы разобщить союзников. Оно тратило сотни миллионов марок на содержание шпионской сети, подрывную работу и прогерманскую пропаганду в Англии, Франции, Италии, Румынии и других странах. Но особое внимание уделялось России. Для противостояния на Западном фронте необходима была прежде всего нейтрализация Восточного. И Германия была готова поддержать любые организации, группы, которые могли бы дестабилизировать обстановку в России.

Шел поиск контактов в придворных и правительственных кругах, среди влиятельных промышленников и банкиров, издателей газет и жур-

¹ См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963, № 5, С. 7).

² Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. Нью-Йорк, 1989. С. 74.

налистов, финских, украинских, кавказских сепаратистов. Через германских и австрийских социал-демократов предложения о денежных субсидиях делались эсерам (Чернову, Камкову), меньшевикам (Чхенкели), большевикам (Коллонтай, Шляпникову). Однако, как сообщала хорошо осведомленная заграничная агентура Департамента полиции, все предложения и эсеры и социал-демократы решительно отвергли¹.

А 12 января 1915 года к Ленину на бернскую квартиру явился меньшевик В.Д. Мгеладзе с письмом из Константинополя от одного из лидеров «Союза освобождения Украины» М.И. Меленевского (Басок). Этот «Союз» уже вступил в контакт с германским генеральным штабом, и Меленевский предлагал большевикам сотрудничество в общей борьбе с царизмом.

В беседе с Лениным Мгеладзе (Триа) проговорился про связь этого Союза с немецким правительством... «Я, — пишет Ленин, — был так возмущен, что немедленно, в присутствии Триа написал ответ Баску... Я заявляя, что так как он вступает в сношения с одним из империалистов, то наши дороги безусловно расходятся и у нас нет ничего общего»². С этим письмом Ленин и выставил Мгеладзе за дверь.

Спрос, особенно неудовлетворенный, всегда рождает предложения. И вот в марте 1915 года в Берлин из Константинополя прибыл известный авантюрист, бывший российский, а затем германский социал-демократ доктор А.Л. Гельфанд, более известный под псевдонимом Парвус. Он и предложил германскому правительству свои услуги «по организации революции в России».

Любопытно, что аналогичное предложение в 1916 году было сделано и царскому правительству России. Некто капитан Брагин представил «Проект организации революционного движения в Германии». Предполагалось с помощью немецких социал-демократов развернуть в германской армии антивоенную пропаганду, а также через широкую сеть агентов вызвать беспорядки на фронте и в тылу. Военный министр одобрил проект, но его советники сочли сумму в 40 млн золотых рублей, запрошенную Брагиным, непомерной и его идея так и не была реализована³.

Однако для немецких чиновников, убежденных в том, что все происходящее на свете возможно лишь как результат указаний начальства и щедрого финансирования, «меморандум доктора Гельфанда» не показался вздором. И ему — под расписку — был выдан один миллион рублей. По заверениям его куратора — немецкого посланника в Копен-

¹ См.: Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 13, 22, 46.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 118; Т. 49. С. 50.

³ Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? М., 2003. С. 163.

гагене Брокдорф-Ранца вся эта сумма целиком была якобы доставлена в Петроград уже к январю 1916 года¹.

На российском горизонте Парвус появился еще во времена «Искры». Позднее он стал активным меньшевиком. В 1905 году — вместе с Троцким — выдвинулся на первые роли в Петербургском совете рабочих депутатов. Был арестован, сослан, бежал, эмигрировал. И уже тогда у него стала складываться дурная репутация человека не порядочного, явно равнодушного к деньгам и «шикарной жизни». Эту репутацию Парвус вполне оправдал, и в годы мировой войны нажил огромное состояние на военных поставках и контрабанде из Турции в Германию, из Германии в Данию, Россию, на Балканы. Но страсть к политике не оставляла его, что и привело к появлению упомянутого выше «Меморандума». Какие-то связи с Питером еще оставались, но их было явно недостаточно даже для имитации предложенного проекта.

Выход был один — установить связь с большевиками, которые, несмотря на репрессии, сохранили общероссийскую организацию. Об отказе Ленина от контактов с Меленевским Парвус наверняка знал, ибо в Константинополе они общались достаточно тесно. Возможно, он был причастен и к самой инициативе Баска. Поэтому, не надеясь на посредников, в мае 1915 года он сам приехал в Швейцарию для встречи с Лениным.

Сведения об этой встрече сохранились в мемуарах Парвуса. Во времена, когда писались его воспоминания, он многое дал бы за то, чтобы приписать Ленина к своим делам. Увы, оснований не оказалось. И Парвус ограничился кислым замечанием о том, что Ленин отказался и от сотрудничества и от предложенных денег. К аналогичному выводу, анализируя данную встречу, приходит и американский исследователь Д. Шуб: «Парвусу не удалось добиться сотрудничества Ленина, и в использовании им нелегальной большевистской организации ему было отказано»².

Мемуары Парвуса считались единственным подтверждением самого факта встречи. Однако существует еще одно свидетельство. Принадлежит оно бывшему эсеру, потом анархо-синдикалисту, а с 1913 года социал-демократу (плехановцу) Артуру Рудольфовичу Зифельдту, жившему в Берне в 1915 году. Причем воспоминания его были опубликованы в Баку в январе 1924 года, то есть до появления мемуаров Парвуса.

Зифельдт рассказывает, как весной 15-го года — а было ему тогда 26 лет — он спешил в столовую и по дороге встретил знакомую меньшевичку [Катю Громан] с каким-то малоприятным толстым господином.

¹ См.: *Соболев Г.А.* Тайна «немецкого золота». С. 38, 39, 41, 42.

² *Новый журнал.* Нью-Йорк, 1967. № 87. С. 306, 307.

Она представила его — Парвус. А тот, в свою очередь, попросил Артура проводить его к Ленину. Но случилось так, что именно в этот момент на улице показались Ленин, Крупская и Каспаров, тоже спешившие в столовую. Парвус сказал, что хотел бы поговорить с Владимиром Ильичем, и Ленин пригласил его домой. «А я, — пишет Зифельдт, — пошел с Каспаровым в столовку обедать, а потом быстрым шагом, раздираемый любопытством, к Ильичу... Вхожу и застаю одного Ильича с Н.К. — “А где же Парвус?” Оказывается, что политическая беседа... была очень коротка. Не успел шейдемановский агент изложить до конца свою “платформу” и свои “предложения”, как Ильич кратко, но выразительно сказал, что им не по пути, и вежливо выпроводил Парвуса, выразив пожелание отныне больше его не видеть, то есть, говоря проще, выставил за дверь»¹.

А в центральном органе большевиков газете «Социал-Демократ» появилась статья «У последней черты», где Владимир Ильич писал: «Парвус, показавший себя авантюристом уже в русской революции, опустился теперь в издаваемом им журнальчике [«Колокол»] до... последней черты... Он лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что немецкий генеральный штаб выступил за революцию в России»². Для человека, мечтавшего о возвращении на роль *публичного политика*, это была убийственная публикация. И Александр Шляпников пишет, что все большевистские организации сразу же прекратили с Парвусом «всякие отношения»³.

Время шло. Революция в России произошла без ведома и «указаний» Парвуса. И немцы уже сожалели о потерянном миллионе. Как вдруг, уже упоминавшаяся телеграмма в МИД, отправленная из Берна 23 (10) марта 1917 года бароном фон Ромбергом — о желании российских революционеров проехать через Германию, — дала Парвусу надежду вновь оказаться причастным к ходу событий.

По поводу телеграммы Ромберга МИД запрашивает мнение германского посланника в Стокгольме барона фон Люциуса, в Копенгагене — посланника Брокдорф-Ранцау, с которыми доктор Гельфанд поддерживал тесные связи. И Парвус рисует им радужные для Германии перспективы в случае возвращения в Россию — с его, конечно, участием — швейцарских эмигрантов.

Вне зависимости от нащептываний Парвуса, Ранцау убеждает в целесообразности «гениального плана: прогнать дьявола при помощи черта» ряд ответственных чиновников: барона фон Мальцана в МИДе, руководителя военной пропаганды депутата рейхстага Эрцбергера, начальника разведотдела генштаба полковника Николаи. А они, в свою

¹ «Бакинский рабочий». Баку, 1924. № 24, 29, 31 (январь–февраль).

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 82, 83.

³ См.: Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 27, 28.

очередь, сумели убедить и рейхсканцлера Германии Теобальда Бетман-Гольвега. И статс-секретарь МИДа Артур Циммерман телеграфирует в ставку верховного командования: «Так как в наших интересах, чтобы в России взяло верх влияние радикального крыла революционеров, кажется уместным разрешить им проезд». 25 марта ставка предложение одобрила и 26 (13) марта МИД направил Ромбергу в Берн телеграмму: «Групповой транспорт под военным наблюдением. Дата отъезда и список имен должны быть представлены за 4 дня»¹.

О всей этой чиновной переписке Ленин, естественно, ничего не знал. Проходили дни, и ему казалось, что надежд на скорое легальное возвращение в Россию становится все меньше. «В Россию, должно быть, не попадем!! — с горечью пишет он Арманд. — Англия не пустит. Через Германию не выходит». И о том же — Ганецкому: «Вы можете себе представить, какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время»².

Ленин опять начинает думать о вариантах нелегальных. Конечно, уже не о аэроплане, но планах не менее курьезных. Он попросил Вронского, рассказывает Крупская, «разузнать, нельзя ли как-нибудь через контрабандиста пробраться через Германию в Россию». Потом он конкретизирует идею. «Получаю вдруг, — вспоминал Ганецкий, — телеграмму от Владимира Ильича с сообщением, что выслано мне весьма важное письмо. Через три дня приходит конспиративное письмо. В нем маленькая записка Владимира Ильича и две фотографии — его и тов. Зиновьева. В записке приблизительно следующее: “Ждать больше нельзя. Тщетны все надежды на легальный проезд. Нам с Григорием необходимо во что бы то ни стало немедленно добраться в Россию. Единственный план следующий: найдите двух шведов, похожих на меня и Григория. Но мы не знаем шведского языка, поэтому они должны быть глухонемые”»³.

Крупская смеялась: «Не выйдет, можно во сне проговориться. Присянтся ночью кадеты, будешь сквозь сон говорить: сволочь, сволочь. Вот и узнают, что не швед». О том же писал и Ганецкий: «Я почувствовал, как томится Владимир Ильич, но, сознаюсь, очень хохотал над этим фантастическим планом. Только отчаяние и горе могли создать подобный план...»⁴

Телеграмма, о которой рассказал Ганецкий, это, видимо, телеграмма Ленина от 23 (10) марта: «Письмо послано. Дядя желает получить под-

¹ См.: *Солженицын А.И.* Ленин в Цюрихе. С. 201; более полный текст см.: *Соболев Г.А.* Тайна «немецкого золота». С. 64; *Мельгунов С.П.* Золотой немецкий ключ большевиков. С. 20, 62.

² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 414, 419.

³ *Платтеи Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 118, 135.

⁴ Там же.

робные сведения. Официальный путь для отдельных лиц неприемлем. Пишите срочно Варшавскому [Вронскому]»¹. Если письмо пришло через «три дня», то это, видимо, 26 или 27 марта.

Трудно сказать, действительно ли смеялся тогда Ганецкий, но задание он выполнил. Среди сотрудников конторы Парвуса в Берлине был коммерсант Георг Скларц. Ганецкий и Вронский знали, что у него довольно тесные контакты с таможенными чиновниками и контрабандистами, но, конечно, никак не думали, что Скларц связан и с германской разведкой. Но самое любопытное, что — судя по немецким документам — ни Скларц, ни Парвус о данной затее ничего своим хозяевам не сообщили.

И основания для этого были...

О ходе переговоров германского МИДа со ставкой относительно «группового транспорта» русских эмигрантов немцы Парвуса не информировали². И у него, видимо, появилось ощущение, что главное опять проходит мимо него. Поэтому, когда Скларц сообщил о запросе Ленина, Парвус решил, что судьба наконец-то дает ему шанс вновь оказаться в центре событий. Фразу Владимира Ильича в телеграмме Ганецкому о том, что «официальный путь для отдельных лиц неприемлем», он игнорировал. Главным было — заманить Ленина в Берлин...

Так или иначе, но в конце марта Георг Скларц примчался в Цюрих. Через свою знакомую Дору Долину он связывается с Михаилом Вронским и предлагает свои услуги для того, чтобы получить разрешение на проезд через Германию Ленина и Зиновьева. Когда Вронский рассказал об этом Ленину, Владимир Ильич насторожился и попросил встретиться со Скларцем вторично, чтобы выяснить — от чьего имени он действует. А Ганецкому 28 (15) марта телеграфировал: «Берлинское разрешение для меня неприемлемо. Или швейцарское правительство получит вагон до Копенгагена или русское договорится об обмене всех эмигрантов...»

Во время второй встречи с Вронским Скларц заявил, что сам довезет Ленина и Зиновьева до Берлина, потом проговорился о Парвусе и, наконец, стал предлагать деньги для переезда. Как пишет Платтен, все это окончательно «убедило Ленина, что посредник по этому делу — агент немецкого правительства, и он тотчас резко оборвал все дальнейшие переговоры». А Ганецкому 30 (17) марта Владимир Ильич вновь телеграфирует: «Ваш план неприемлем... Единственная надежда — пошлите кого-нибудь в Петроград, добейтесь через Совет рабочих депутатов обмена на интернированных немцев». В тот же день, в письме Ганецкому,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 408.

² См.: *Соболев Г.А. Тайна «немецкого золота»*. С. 61, 62.

Ленин еще раз пояснил: «Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю “Колокола” [Парвусу], я, конечно, не могу»¹.

Письмо пришло в Стокгольм 2 или 3 апреля. Ганецкий понял, что фотографии для паспортов уже не понадобятся, «однако фотографию Владимира Ильича, — пишет он, — я сейчас же использовал. Через два дня она красовалась в ежедневной газете наших шведских товарищей “Политикен”...»² Действительно, 6 апреля (24 марта) эта газета опубликовала и портрет Ленина и статью о нем, написанную Вацлавом Воровским.

Так уж случилось, что пятница, 30 (17) марта, стала решающим днем...

Когда 26 марта имперский посланник в Берне барон фон Ромберг получил разрешение МИДа на групповой проезд русских эмигрантов, он тотчас сообщил об этом Гримму и был уверен, что списки отъезжающих получит в ближайшие дни. Но не тут-то было.

Принимая предложение о посредничестве в переговорах, Гримм вынашивал и свои честолюбивые планы. Ему казалось, что, общаясь с официальными представителями России и Германии, он сможет выступить в исторической роли миротворца. Позднее он сам признался, что вступил *«на путь тайной дипломатии»* для того, чтобы ускорить заключение сепаратного мира между Германией и Россией, дабы «спасти русскую революцию»³.

Теперь же, после информации Ромберга, выяснилось, что никаких контактов с официальными представителями не будет. И лишь 30 марта Гримм сообщает объединенному эмигрантскому ЦК о получении разрешения на групповой проезд через Германию. При этом он настаивает на получении соответствующей санкции у Временного правительства, после которой возобновит переговоры⁴. Проблема снова загонялась в тот же тупик.

Как и о чем разговаривал Гримм с Ромбергом? Кто именно настаивает на санкции российского правительства — Гримм или Ромберг? Обо всем этом ничего не было известно. «И вообще, мы не были осведомлены, — пишет Платтен, — насчет того, в какой плоскости велись переговоры Гриммом»⁵.

Ленин решает посоветоваться с многоопытным журналистом Карлом Радеком. Узнав у Вронского, что Карл Бернгардович отдыхает в Да-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 417, 418; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 61, 62, 185.

² Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 135.

³ См. там же. С. 51, 74, 75.

⁴ См. там же. С. 95.

⁵ См. там же. С. 47.

восе, он договаривается о встрече. Радек немедленно приезжает в Цюрих вместе с гостившим у него немецким адвокатом, депутатом рейхстага, левым «циммервальдистом» Паулем Леви, и они обсуждают сложившееся положение.

Что касается отвергнутого нелегального варианта, то — в отличие от Крупской и Ганецкого — Леви смеяться не стал. «Это грозит расстрелом», — сказал он. Радек дополнил: «Риск состоял не только в том, что очень легко было провалиться, но и в том, что неизвестно было, где кончаются контрабандисты, услугами которых предстояло воспользоваться, и где начинаются шпионы правительства...»¹

Значит, оставался только легальный вариант. И для его реализации необходимо было прояснить, готовы ли немцы продолжить переговоры без санкции правительства России. Радек и Леви тут же попросили знакомого корреспондента немецкой газеты «Франкфуртер Цейтунг» доктора Дейнгарта спросить об этом Ромберга. Посланник сразу ответил, что немедленно «снесется с Берлином»².

И, наконец, в тот же день, 30 марта от Ганецкого приходит срочная телеграмма. Из Питера в Стокгольм прибыла партийный курьер М.И. Стецкевич. Она привезла газеты, письма для Владимира Ильича, но главное — и об этом была телеграмма Ганецкого — требование Русского Бюро ЦК большевиков немедленного приезда Ленина в Россию, ибо «нашим не достает руководства» и «каждый упущенный час ставит все на карту»³. Этот вполне официальный вызов стал для Ленина, пожалуй, самым важным импульсом дальнейших решительных действий и, в частности, для того, чтобы взять инициативу в свои руки.

Он вновь и вновь просчитывает все возможные варианты. Взвешивает те политические последствия, которые могла иметь поездка через Германию. «Это был единственный случай, — вспоминал зашедший к Владимиру Ильичу Вилли Мюнценберг, — когда я встретил Ленина в сильном волнении и полным гнева. Короткими и быстрыми шагами он обходил маленькую комнату и говорил резкими обрывистыми фразами... Окончательным выводом всех его слов было: мы должны ехать, хоть сквозь пекло»⁴.

В субботу вечером, 31(18) марта, Пауль Леви сидел в кафе цюрихского Народного дома. Внезапно его позвали к телефону. Звонил сам барон Ромберг. Он сказал, что искал его по всему городу и не может ли господин депутат связаться с Лениным, ибо с минуты на минуту ждет

¹ Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 67; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 127.

² Там же.

³ См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 13, 14).

⁴ Там же.

окончательных инструкций из Берлина на свой запрос 30 марта¹. Ромберг сказал правду. В этот день в Германском генеральном штабе прошло совещание по поводу проезда русских революционеров. Сотрудник имперского разведотдела «Восток» капитан Бурман заявил, что «хотя его отдел и не придает этой акции большого значения, он хотел бы получить список проезжающих как можно быстрее». Остальные участники совещания поддержали его².

Пауль Леви немедленно разыскал Ленина и сообщил ему о звонке из посольства. Надо было решать. Не терять время, не начинать бесконечных словопрений с представителями различных партийных групп, как это делалось до этого, а принимать конкретное решение от имени большевиков, а уж затем ставить его на всеобщее обсуждение.

И Ленин пишет постановление Заграничной коллегии ЦК РСДРП, в котором заявляет, что предложения о групповом проезде, сделанные Гримму, «вполне приемлемы» и являются «единственным выходом». Что «дальнейшая оттяжка абсолютно недопустима». А посему «предложение немедленного отъезда нами принято, и что все, желающие сопровождать нас в нашем путешествии, должны записаться». Постановление подписывают Ленин и Зиновьев. Оно немедленно отправляется в большевистские группы Швейцарии, представителям других партий, объединенному ЦК русских политэмигрантов, а затем печатается листовкой³. Вечером в Берн уходит телеграмма Гримму: «Наша партия решила безоговорочно принять предложение о проезде русских эмигрантов через Германию... Мы абсолютно не можем отвечать за дальнейшее промедление, решительно протестуем против него и едем одни. Убедительно просим немедленно договориться и, если возможно, завтра же сообщить нам решение»⁴.

Если бы где-то в Швейцарии взорвали бомбу, это, вероятно, произвело гораздо меньшее впечатление. Утром 1 апреля (19 марта) позвонил Гримм. Он заявил, что ни в коем случае не возобновит контактов с Ромбергом без санкции Временного правительства и считает «свою миссию исчерпанной». В тот же день из Лозанны Владимир Ильич получает телеграмму Марка Натансона о том, что эсеры будут выступать против решения большевиков⁵.

Но Ленина это не останавливает. Он телеграфирует Ганецкому, просит его выслать 2–3 тысячи крон и сообщает, что выезд возможен в сре-

¹ См.: Мельгунов С.П. Золотой немецкий ключ большевиков. С. 67, 68.

² См.: Соболев Г.А. Тайна «немецкого золота». С. 64, 65.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 83–84; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 93.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 424.

⁵ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 96; см. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 14, 15).

ду 4 апреля (22 марта) и ехать готовы уже минимум 10 человек. А Инессе Арманд пишет: «Надеюсь, что в среду мы едем — надеюсь, вместе с Вами»¹.

Английская и французская разведки внимательно следили за событиями в Швейцарии. Когда, по их мнению, вопрос о поездке русских революционеров сдвинулся с места, они потребовали от российского правительства решительных мер. Министр иностранных дел Милюков ответил английскому послу лорду Бьюкенену: «Единственное, что можно было бы предпринять, — это опубликовать их фамилии и сообщить тот факт, что они направляются через Германию; этого было бы достаточно, чтобы предотвратить их приезд в Россию». Впрочем, этим разговором Милюков не ограничился. В популярной французской газете «Le Petit Parisien» было опубликовано его заявление о том, что каждый, кто вернется на родину через Германию, будет немедленно объявлен государственным преступником и предан суду².

На следующий день, 2 апреля, в рабочем клубе «Eintracht» состоялось собрание представителей эмигрантских центров — меньшевиков, эсеров, групп «Начало», «Вперед» и Польской партии социалистов. После выступления Ленина, обосновавшего решение Заграничной коллегии ЦК РСДРП, начались прения, вернее — не прения, а сплошной крик...

Владимир Ильич прекрасно понимал, что вопросов действительно возникает множество. Не играем ли мы на руку немцам, принимая их предложение? Не используют ли они нас в своих корыстных целях? Верно ли, что российские власти за проезд через Германию собираются сажать в тюрьму? И как воспримет эту поездку российское общественное мнение? Какова будет реакция русских рабочих?

Чтобы ответить, надо было, видимо, сначала определить главное. О чем идет речь — о судьбе, благополучии, комфорте самих эмигрантов? Или о чем-то более существенном? Для Ленина этот вопрос был уже решен...

В России началась народная революция. Идет борьба различных сил за влияние на массы. Там, в Питере, российские цекисты-большевики не могут противостоять таким умудренным политикам, как Милюков, Гучков, Керенский, которые, объявив войну не «империалистической», не «реакционной», а «оборонительной» и «революционной», по-прежнему будут гнать на кровавую бойню миллионы людей. Сама мысль об этом приводила Ленина в ярость. И он считал, что в таких условиях сидеть и ждать милости от такого правительства не только наивно, но и преступно.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 424, 425.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 428; см. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 17).

Что касается тюрьмы, то ее вероятность не исключена. Ведь сослали же в гиблый Туруханский край, при попустительстве IV Государственной думы, за антивоенную пропаганду рабочих депутатов. Ведь сидит же в шведской тюрьме редактор газеты, интернационалист Карл Хёглунд. Сидит же с 1916 года в каторжной тюрьме Люкау, с одобрения немецкого рейхстага, Карл Либкнехт. И англичане и французы «используют» его в своих корыстных целях. Они тайно распространяют по Германии его письма в суд при королевской военной комендатуре в Берлине, его антимилиитаристские памфлеты, разоблачающие германское правительство, призывающие пролетариат к интернациональной борьбе против войны. Английское ли правительство подвергает преследованиям учителя Джона Маклина за антивоенную деятельность, обвиняя его в «пособничестве врагу». Но настоящие революционеры-интернационалисты не могут вести себя по-другому...

Ну, а относительно того, не скомпрометирует ли эта поездка политэмигрантов в глазах русских рабочих, Ленин на собрании 2 апреля сказал: «Вы хотите уверить меня, что рабочие не поймут моих доводов о необходимости использовать какую угодно дорогу для того, чтобы попасть в Россию и принять участие в революции. Вы хотите уверить меня, что каким-нибудь клеветникам удастся сбить с толку рабочих и уверить их, будто мы, старые испытанные революционеры, действуем в угоду германского империализма. Да это курам на смех»¹.

Однако все аргументы Ленина большинством собравшихся были отвергнуты. В принятой резолюции постановление Заграничной коллегии ЦК РСДРП признали политической ошибкой. «По поводу отъезда, — писала Крупская Каспарову, — меньшевики и с.-р. подняли отчаянную склоку... Считают отъезд через Германию ошибочным, надо-де сначала добиться согласия — одни говорят Милюкова, другие — Совета рабочих депутатов. Одним словом, по-ихнему выходит: сиди и жди»². Владимир Ильич отреагировал более жестко: «Я считаю сорвавших общее дело меньшевиков *мерзавцами* первой степени, “боящихся” того, что скажет “общественное мнение”, т. е. социал-патриоты!!!»³

Решение этого собрания не остановило Ленина. Он переходит в комнату правления рабочего клуба, где его ждали Радек и Мюнценберг. Подвели итоги. Теперь, когда «общее дело» сорвано, об отъезде 4 апреля не может быть и речи, а переговоры с немцами нужно вести не от имени объединенного ЦК политэмигрантов, а только от «группы Ленина». А стало быть, надо менять и посредника. Тем более, сам Гримм заявил вчера по телефону, что его «миссия исчерпана».

¹ В.И. Ленин Биографическая хроника. Т. 4. С. 32, 33.

² См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 17).

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 427.

Выбор пал на Фрица Платтена, честность которого была вне всяких сомнений. Ему позвонили. Он пришел в половине второго. И после недолгих уговоров согласился. Теперь было важно, чтобы Гримм представил его Ромбергу как своего преемника. На это можно было рассчитывать, ибо сам Гримм — в том же телефонном разговоре — сказал, что «охотно готов помочь найти посредника, который довел бы до конца переговоры...»¹

С этой проблемой решено было покончить сразу. Быстро оформив выписку о снятии с учета в Цюрихе и отъезде в Россию², Ленин, Крупская, Зиновьев, его жена Лилина в сопровождении Платтена и Радека поездом выехали в Берн. Около 9 вечера Гримма нашли в Народном доме и разговаривали с ним в вестибюле, стоя. Ленин изложил ситуацию и, вопреки ожиданиям, Гримм сразу же заявил, что готов продолжить переговоры. Когда же Владимир Ильич сказал, что эта функция возложена на Платтена, Гримм процедил, что «он бы предпочитал один вести переговоры, ибо Платтен, хотя и хороший товарищ, но плохой дипломат. “А никто ведь не знает, что еще из этих переговоров может выйти”».

«Однако мы, — рассказывает Радек, — поблагодарили Гримма за его услуги, заявив ему, что он перегружен работой и мы его не хотим беспокоить». После фразы о «плохом дипломате» Владимир Ильич «посмотрел очень внимательно на Гримма, прижмурил один глаз, а после его ухода сказал: “Надо во что бы то ни стало устранить Гримма от этих переговоров. Он способен из-за личного честолюбия начать какие-нибудь разговоры о мире с Германией и впутать нас в грязное дело”»³.

Было уже поздно. Ночевать остались в номерах при Народном доме. И Ромбергу позвонили лишь днем 3 апреля (21 марта). Накануне имперскому посланнику пришла шифровка МИД из Берлина: «Согласно полученной здесь информации желательно, чтобы проезд русских революционеров через Германию состоялся как можно скорее, так как Антанта уже начала работу против этого шага в Швейцарии». В этой связи рекомендовалось «в обсуждениях с представителями комитета действовать с максимально возможной скоростью»⁴. Поэтому когда Платтен позвонил, Ромберг сразу принял его и заявил, что готов продолжить переговоры.

Теперь необходимо было выработать условия проезда. Над этим сидели и в ночь на третье и весь последующий день. Видимо, именно к этому времени относится так называемое «письмо Ганецкому» Ленина, так и не понятое его публикаторами. Не Ганецкий был его адресатом, а тот,

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 46, 96.

² См.: Известия. 1926. 12 июня.

³ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 47, 63, 96, 128.

⁴ Соболев Г. А. Тайна «немецкого золота». С. 65.

кому предстояло встретиться с Ромбергом. И не об Англии в нем шла речь — это писалось из соображений конспирации, — а о Германии. Ибо о каком экстерриториальном вагоне можно было договариваться при очень коротком проезде — из порта в порт — через *союзную* России страну. Да и Платтен в качестве официального руководителя поездки появился лишь 2 апреля¹.

Основные пункты условий проезда определились сразу. Во-первых, руководитель поездки Фриц Платтен получает право везти любое число лиц, независимо от их взглядов на войну и без проверки на границе их документов. Во-вторых, вагон с эмигрантами пользуется правом экстерриториальности, что позволит избежать любых контактов с немецкими гражданами. В-третьих, проезд оплачивают сами эмигранты. И, наконец, единственное обязательство, которое они берут на себя — это агитировать в России за соответствующий обмен на интернированных немцев. Особо оговаривалось, что, для полной прозрачности отношений, условия эти будут опубликованы в швейцарской и русской прессе².

4 апреля Платтен вновь был принят бароном Ромбергом, которому и вручил выработанные «условия». Имперский посланник изволил пошутить: «Извините, кажется, не я прошу разрешения проезда через Россию, а господин Ульянов и другие просят у меня разрешения проехать через Германию. Это мы имеем право ставить условия». Тем не менее он внимательно прочел бумагу и возражать не стал. Практически все основные пункты были обговорены еще с Гриммом и теперь «вопрос шел уже только об урегулировании чисто технических деталей»³.

В конце беседы Ромберг допустил оплошку. Он полагал, что может, как это было при встречах с Гриммом, поговорить о мире между Россией и Германией. Барон, рассказывает Платтен, «спросил меня, как я представляю себе начало мирных переговоров. На меня этот вопрос произвел тягостное впечатление, и я ответил, что мой мандат уполномочивает меня исключительно на регулирование чисто технических вопросов и что я на его вопрос не могу дать никакого ответа. Г-н Ромберг заметил, что в этом отношении г-н Гримм держится совершенно определенных взглядов. Я промолчал и раскланялся». А Ромберг, на сей раз довольно сухо, еще раз заявил, что «в дипломатическом мире не принято, чтобы частные лица диктовали правительству какого-нибудь государства условия переезда через его страну. Он заметил, что подобная позиция уезжающих может *затормозить разрешение* на поездку»⁴.

¹ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 417, 418.

² См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 417, 418; *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 48.

³ *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 34, 62, 128.

⁴ Там же. С. 50, 51.

Между тем 4 апреля в Женеве состоялось собрание эмигрантских организаций, которое — как и 2 апреля — отвергло план большевиков. И объединенный ЦК в Цюрихе призвал «все местные организации и отдельные товарищей не вносить дезорганизации в дело возвращения политической эмиграции и дожидаться результата шагов, предпринятых ЦК, как органом политической эмиграции в целом»¹.

5 апреля этот ЦК официально обращается в российскую миссию в Берне с запросом: существуют ли вообще пути возвращения на родину? И в миссии отвечают: «В настоящее время пути для проезда в Россию нет». В тот же день ЦК и отдельно Аксельрод, Мартов, Рязанов, Семковский, Натансон, Балабанова, Луначарский и другие отправляют в Петроград пространные телеграммы Керенскому, Чхеидзе, Вере Фигнер: «Единственный реальный путь — соглашение России с Германией, по примеру практиковавшегося уже во время войны обмена гражданских пленных, о пропуске эмигрантов взамен освобождения интернированных в России гражданско-пленных». К этому и свелись все «шаги», предпринятые объединенным ЦК².

Тогда же, 5 апреля, Ганецкому телеграфирует Ленин. «У нас непонятная задержка», — сообщает он и просит немедленно послать кого-либо в Питер, попытаться еще раз выяснить — возможна ли санкция Совета на поездку, а главное — узнать мнение по этому вопросу Русского бюро ЦК³.

Вне зависимости от этого запроса, Русское бюро ЦК многократно пыталось провести через Совет такое решение. Однако всякий раз наталкивалось на сопротивление меньшевиков и эсеров. Лидеры Совета — Чхеидзе, Скобелев, Дан, Церетели — телеграфировали в Берн своим коллегам-меньшевикам о невозможности поездки через Германию, ибо «это произвело бы весьма печальное впечатление», и заверяли, что добьются разрешения на проезд через Англию⁴.

Поэтому, исходя из ситуации, складывавшейся в Петрограде, Русское бюро вторично направляет в Стокгольм М.И. Стецкевич. Как утверждает член ЦК Шляпников, ей «был дан наказ: В.И. Ленин должен проехать каким угодно путем, не стесняясь ехать через Германию, если при этом не будет личной опасности быть задержанным». А Ганецкому Русское бюро 5 апреля телеграфирует: «Ульянов должен немедленно приехать». В тот же день в Стокгольм, для передачи Владимиру Ильичу, приходит телеграмма его сестры — Марии Ильиничны: «Ваш приезд желателен, но избегайте риска». 6 апреля Ганецкий и Воровский сообщают

¹ См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 18, 19).

² Там же. С. 20, 21.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 428, 429.

⁴ См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 20).

Ленину о телеграммах и от себя добавляют: «Просим непременно сейчас же выехать, ни с кем не считаясь»¹.

Но ускорять события уже не было необходимости. Днем 6 апреля Фриц Платтен получает телеграмму от Ромберга: «Дело улажено в желательном смысле. Отъезд из Готмадингена, по всей вероятности, состоится в субботу вечером». Итак, «условия» приняты безоговорочно. Платтен сообщает об этом Ленину и идет в посольство. Ромберг рассказывает ему, что уже дано распоряжение и у немецкой границы, в Готмадингене, будут стоять два пассажирских вагона II класса, из расчета на 60 отъезжающих. Платтен просит заменить вагоны II класса на один вагон III класса, так как денег у эмигрантов хватит только на такой транспорт. Под сомнение ставится и дата отъезда: к субботе 7-го русские пассажиры явно не успевали².

Нерешенных дел оказалось великое множество. И прежде всего — деньги. 869 франков (500 рублей) прислало Русское бюро ЦК. Более 1000 франков пришло из Стокгольма от Ганецкого. Предложил заем известный швейцарский социал-демократ, адвокат Карл Моор. К вопросу о деньгах Ганецкого и Моора нам еще предстоит вернуться. Пока лишь заметим, что в апреле 1917 года от займа у Моора большевики отказались³, ибо 7-го числа удалось получить ссуду в 3000 франков у Правления швейцарской социал-демократической партии⁴.

Численность отъезжающих росла: от 10–12 до 20–40 человек. Надо было перепоручить остающимся все дела, договориться о каналах переписки, подготовить к отправке в Россию партийные бумаги и книги, наконец, оформить кучу документов. А тут как раз подошла Пасха и из-за этого тоже возникали досадные задержки. Поэтому дату выезда перенесли с 4-го на 7-е, потом стали ориентироваться на 8-е. Но 7-го немцы установили окончательный срок — 9 апреля, отправление в 15 ч. 10 м. из Цюриха⁵.

Те, кто жил в Народном доме (в Берне) в ожидании отъезда, стали перебираться в Цюрих. Отправили телеграммы большевистским группам о времени и месте сбора. По просьбе Ленина Платтен известил о поездке Мартова и показал ему «условия». Однако Мартов ответил, что, во-первых, на документе нет подписи Ромберга, а во-вторых, он связан

¹ В.И. Ленин. Биографическая хроника Т. 4. С. 36, 38; см. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 19).

² См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 52.

³ Naas L. Carl Vital Moor. Ein Leben für Marx und Lenin. Zurich, 1970.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 424, 426, 427; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 53.

⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 425, 429, 430, 431.

общим решением и уверен, что российское правительство поможет им вернуться на родину¹.

Отвергая большевистский план, меньшевики и эсеры с самого начала уверяли, что в случае, если Ленин и другие все-таки решатся ехать, они сделают все, чтобы защитить их от клеветы. Но страсти разгорались и обещание это становилось слишком ненадежным. Тогда Владимир Ильич решает привлечь «общественное мнение» интернационалистов разных стран². 7 апреля в Берне, в Народном доме, Ленин встречается с Анри Гильбо и Фердинандом Лорио (Франция), Паулем Леви (Германия), Фрицем Платтенем (Швейцария) и Михаилом Бронским (Польша). Он подробно информирует их о всех перипетиях переговоров с немцами и предлагает текст «протокола». Согласно этому документу, те, кто подписал его, ознакомившись со всеми обстоятельствами и условиями поездки, убеждены, что «наши русские единомышленники не только вправе, но обязаны воспользоваться представившимся им случаем проезда в Россию», дабы «служить там делу революции». Все пятеро этот текст подписывают как заявление для печати³.

На следующий день, 8 апреля, там же проводится собрание большевиков. Зачитывается и принимается написанное Лениным «Прощальное письмо к швейцарским рабочим». Затем оглашается и утверждается «Протокол собрания членов РСДРП Партии», к которому прилагаются все документы, связанные с поездкой, и Ленин, вместе с другими, подписывает его⁴.

К чему, казалось бы, вся эта «канцелярия»? Решили — значит надо ехать! Но как все указанные документыгодились потом... Ромен Роллан не смог приехать в эти дни в Берн. Но в своем дневнике он записал: «...они знают, что с первого же момента их пребывания в России они могут быть арестованы, посажены в тюрьму, расстреляны... Во главе их стоит Ленин, который считается мозгом всего революционного движения»⁵.

«Пломбированный вагон»

Итак, 8 апреля все обязательные дела были завершены и утром 9-го, с первым поездом, Ленин и Крупская уехали в Цюрих. В запасе было всего лишь несколько часов. Попрощались с хозяевами, побросали самое

¹ См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 45, 98.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 428, 429.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 488; Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 100.

⁴ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 42.

⁵ Там же. С. 38, 39.

необходимое в корзину, вернули книги в библиотеку и отнесли вещи на вокзал. Там уже собирались все те, кто решил ехать.

«Все уезжающие, — рассказывает Платтен, — собрались в ресторане “Церингерхоф” за общим скромным обедом. Из-за беспрестанной беготни взад и вперед и непрерывной информации, делаемой Лениным и Зиновьевым, собрание производило впечатление растревоженного муравейника». После обсуждения информации все собравшиеся решили подписать обязательство, согласно которому ответственность за предпринимаемый шаг каждый из участников поездки брал лично на себя¹.

И тут произошел конфликт. Среди тех, кто намеревался ехать, объявился врач Оскар Блюм, автор книги «Выдающиеся личности русской революции». Согласно договоренности, ни партийная принадлежность, ни образ мыслей не могли служить препятствием для включения в список. И среди отъезжающих, помимо большевиков, были и меньшевики, и впередовцы, и эсеры, и анархисты. Но Блюма подозревали в связях с охранкой. «Ленин и Зиновьев дали ему понять, что будет лучше, если он откажется от поездки... Его желание — опросить всех едущих — было удовлетворено. 14 голосами против 11 включение его в список уезжающих было отклонено»².

Постепенно собрались все. В половине третьего вся группа «направилась из ресторана “Церингерхоф” к вокзалу, нагруженные — по русскому обычаю — подушками, одеялами и пр. пожитками». На перроне уже толпились провожающие. И вдруг выяснилось, что Блюм загодя уже прошел в вагон и преспокойно, с улыбочкой, занял место. Вот тут-то Владимир Ильич, который все это время держал себя в руках, как говорится, сорвался. Он вскочил в вагон и буквально за шиворот выволочил нахала на перрон.

Между тем у вагона собралась толпа эмигрантов, бурно протестовавших против поездки. Вот-вот могла возникнуть потасовка. Но молодые швейцарцы — друзья Платтена и железнодорожные служащие быстро вытолкали бузотеров с перрона. За пару минут до отхода поезда к Зиновьеву «в большом возбуждении» подошел Давид Рязанов: «В.И. увлекся и забыл об опасностях; вы — хладнокровнее. Поймите же, что это безумие. Уговорите В.И. отказаться...»³ Но вступать в дискуссию было поздно.

Стоявший на перроне приятель Платтена, молодой анархист Зигфрид Блох, прощаясь с Лениным, вежливо «выразил надежду скоро снова увидеть его у нас», то есть в Швейцарии. Владимир Ильич рассмеялся

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 53, 55, 125.

² Там же. С. 53, 54.

³ Там же. С. 54, 123.

и ответил: «Это было бы плохим политическим знаком»¹. Отъезжающие уже заняли свои места в вагоне и все ждали сигнала к отправлению...

Поскольку в «ленинградской» литературе даже вопрос о числе эмигрантов, отправлявшихся в Россию, стал предметом политических инсинуаций, приведем их список. Под обязательством, подписанном в ресторане «Церингергоф», стоят фамилии: Ленина и Лениной (Крупской), Зиновьева и Радомысльской (Дибиной), Сафарова и Сафаровой (Мартошкиной), Усиевича и Елены Кон (Усиевич), сотрудников газеты «Наше слово» Ильи и Марии Мирингоф (Мариенгоф), Инессы Арманд и сестры ее мужа Анны Константинович, Миши Цхакая и Давида Сулиашвили, Григория Сокольников, М. Харитонов, Н. Бойцова, А. Линде, Ф. Гребельской, А. Абрамовича, А. Скворца, О. Равич, Д. Слюсарева, эсера Д. Розенблюма (Фирсова), Б. Ельчанинова, Шейнесон, М. Гобермана, Айзенхуда и бундовки Б. Поговской. Итого 29 взрослых и два ребенка: Степан — сын Зиновьевых и Роберт — сын Поговской. Итого: 31 человек. Не было подписи тридцать второго — Карла Радека. Он являлся австрийским подданным и не мог считаться российским эмигрантом. Поэтому Платтен попросил его не мелькать на вокзале, а присоединиться к группе на ближайшей остановке в Шафхаузене, что Радек и сделал².

Наконец прозвенел вокзальный колокол. Провожающие запели «Интернационал». И поезд двинулся в путь...

А те, кто остался, кто считал эту поездку политической ошибкой, доказали ли они возможность иного решения? Нет...

Дни проходили в бесплодном ожидании ответа из Петрограда. «Положение наше стало невыносимым», — телеграфировал Мартов своим коллегам в Россию. 15 апреля произошел раскол. Группа эмигрантов в 166 человек, решивших ждать, выделилась в отдельную организацию. Лишь 21 апреля пришел ответ на телеграмму, посланную 5-го. Ответил Милоков. Он вновь указал, что проезд через Германию невозможен и — в который раз — пообещал добиться возвращения через Англию³.

Эмигранты расценили ответ как издевательство. И 30 апреля заявили, что поедут на родину тем же путем, что и ленинская группа. На вопрос — не использует ли Германия их поездку в своих целях, они смогли повторить лишь то, что говорили большевики: «Нас абсолютно не касается, какие мотивы будут руководить при этом немецким империализмом, так как мы ведем и будем вести борьбу за мир, само собой разумеется, не в интересах немецкого империализма, а в духе интернационального социализма... Условия проезда Ленина, опубликованные Платтеном в “Народном праве”, содержат в себе все нужные гарантии».

¹ Ленинградская правда. 1925. № 17. 21 января. С. 13.

² См.: Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 50.

³ См. там же. С. 38, 39, 40.

Аксельрод, Мартов и Семковский написали еще точнее: «Соображения дипломатического характера, опасения ложного истолкования отступают для нас на задний план перед могучим долгом участвовать в Великой революции»¹.

12 мая (29 апреля) вторая группа эмигрантов 257 человек, в их числе Мартов, Натансон, Луначарский и другие, уехали через Германию в Россию. В Питер они благополучно прибыли во вторник 22 (9) мая.

Впрочем, не все закончилось гладко. Пользуясь в переговорах с Ромбергом услугами того же Роберта Гримма, они привезли его с собой в Петроград для встречи с Временным правительством относительно судьбы оставшихся в Швейцарии эмигрантов. Но Гримм сразу же занялся своей «тайной дипломатией» о возможности заключения сепаратного мира и со скандалом был выдворен из России².

30 июня был третий, потом четвертый «заезды». Точно так же, в «запломбированном» вагоне, через Австрию, русские социалисты уехали из Болгарии. А поверившие Милюкову и дожидавшиеся проезда через Англию швейцарские эмигранты в августе 1917 года с обидой телеграфировали Керенскому: «Циммервальдисты уехали, мы остались»³.

Но все это было потом...

А 9 апреля (27 марта) в 15 часов 10 минут поезд с первой группой политэмигрантов выехал из Цюриха. Прибыли в Тайнген. Здесь швейцарские таможенники учинили досмотр багажа по полной программе. Оказалось, что некоторые продукты — особенно шоколад — превышали нормы вывоза. Излишки были конфискованы. Затем пересчитали пассажиров. «Каждый из нас, — рассказывает Елена Усиевич, — выходил с задней площадки вагона, держа в руках клочок бумаги с начертанным на нем порядковым номером... Показав этот клочок, мы входили в свой вагон с передней площадки. Никаких документов никто не спрашивал, никаких вопросов не задавал»⁴.

Вагон перегнали через границу на немецкую станцию Готмадинген. Сопровождавший группу атташе германского посольства в Берне Шюллер передал свои полномочия офицерам германского генерального штаба ротмистру Арвиду фон Планитцу и лейтенанту, доктору Вильгельму Бюригу⁵. Все опять выгрузились из вагона и вошли в зал таможни, где мужчинам и женщинам предложили стать по разные стороны длинного стола.

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 39, 41, 42; Урилов И.Х. Ю.О. Мартов. Политик и историк. М., 1997. С. 289, 290.

² Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 71, 72.

³ См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963, № 5. С. 21).

⁴ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 66, 148.

⁵ См. там же. С. 52, 56, 57; Хёйфнер К., Ирмтрауд Ш. Ленин в Германии: Пер. с нем. М., 1985. С. 179.

«Мы стояли молча, — пишет Радек, — и чувство было очень жуткое. Владимир Ильич стоял спокойно у стены, окруженный товарищами. Мы не хотели, чтобы немцы к нему присматривались. Бундовка, которая везла с собой четырехлетнего сынишку, поставила его на стол. На мальчика, видимо, подействовало общее молчание, и он вдруг спросил острым ясным детским голоском: “Мамеле, вуси дуэс?”» Ребенок, видимо, хотел спросить: «Что это? Что происходит, мамочка?» И детский «выкрик на... минско-английском наречии» разрядил атмосферу¹. Оказалось, что все это «построение» понадобилось немцам лишь для того, чтобы вновь пересчитать пассажиров.

Затем в зале ожидания III класса подали ужин. «Худенькие, изжелта-бледные девушки в кружевных наколках и передничках разносили на тарелках огромные свиные отбивные с картофельным салатом... Достаточно было взглянуть на дрожащие руки девушек, протягивающих нам тарелки, на то, как они старательно отводили глаза от еды, чтобы убедиться, что давно уж в Германии не видят ничего подобного... И мы, — пишет Елена Усиевич, — совали в руки официанткам нетронутые тарелки с кушаньем»².

А утром подали серо-зеленый вагон II и III класса типа «микст» — наполовину мягкий, наполовину жесткий, три двери которого были опечатаны пломбами. Вагон прицепили к поезду на Франкфурт и путешественники стали размещаться. Первое мягкое купе отдали немецким офицерам. У его дверей провели мелом жирную черту — границу «экстерриториальности». Ни немцы, ни россияне не имели права переступить через нее³. Отдельное купе дали Ленину и Крупской, чтобы Владимир Ильич мог работать. Получили по купе семья Зиновьевых и Погоская с сыном. Отвели купе под багаж. Но когда дележ закончился, выяснилось, что нескольких спальных мест не хватает. Тогда для мужчин составили график очередности сна. Но всякий раз, когда подходил черед на полку Владимира Ильича, очередники категорически отказывались лечь на его место: Вы должны иметь возможность спокойно работать⁴.

Впрочем, со спокойной работой никак не получалось. То в купе по поводу разного рода дел набивалось множество людей. И Ленину приходилось решать даже вопрос о том, как поделить единственный туалет между курящими и некурящими. То в соседнем купе, где ехали Сафаровы, Инесса Арманд и Ольга Равич, Радек начинал рассказывать анекдоты и тоненькие перегородки буквально дрожали от хохота. То моло-

¹ *Платтен* Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 129.

² Там же. С. 149.

³ См. там же. С. 56.

⁴ См. там же. С. 151.

дежь — «у кого голоса были получше и слух не слишком подводил» — шли к купе, как они говорили, «давать серенаду Ильичу».

«Для начала, — рассказывает Елена Усиевич, — мы пели обычно «Скажи, о чем задумался, скажи, наш атаман». Ильич любил хоровое пение, и нас не всегда просили удалиться. Иногда он выходил к нам в коридор, и начиналось пение всех подряд любимых песен Ильича: «Нас венчали не в церкви», «Не плачьте над трупами павших бойцов» и так далее»¹.

Любопытны наблюдения 24-летней Елены, касающиеся личности Ленина: «Никогда мне не приходилось видеть человека, до того естественного и простого в каждом своем слове, в каждом движении... Никто не чувствовал себя подавленным его личностью, даже смущения перед ним не испытывал... Рисовка в присутствии Ильича была невозможна. Он не то чтобы обрывал человека или высмеивал его, а просто как-то сразу переставал тебя видеть, слышать, ты точно выпадал из поля его зрения, как только переставал говорить о том, что тебя действительно интересовало, а начинал позировать. И именно потому, что в его присутствии сам человек становился лучше и естественней, было так свободно и радостно с ним»².

А между тем поезд шел по Германии. «На больших станциях, — пишет Усиевич, — поезд наш останавливался преимущественно по ночам. Днем полиция отгоняла публику подальше, не давая ей подходить к вагону. Но поодаль народ все же собирался группами и днем, и даже по ночам и жадно смотрел на наш вагон. Нам махали издали руками, показывая обложки юмористических журналов с изображением свергнутого царя». И Елене казалось, что они «связывали с проездом через их страну русских революционеров затаенные надежды на скорый конец ужасающей бойни, на мир...»³

Проехали Штутгарт, и сопровождавшие офицеры сообщили Платтену, что в соседний вагон — с ведома высшего военного командования — сел Вильгельм Янсон, член руководства германских профсоюзов, который хотел бы побеседовать с русскими. «Мое сообщение, — пишет Платтен, — вызвало взрыв веселья... Эмигранты заявили, что они отказываются от беседы и не задумаются прибегнуть к насилию в случае повторных попыток». Радек дополняет: «Ильич приказал прогнать его “к чертовой бабушке” и отказался его принять... Несмотря на полученную пощечину [Янсон] очень старался, на всякой станции покупал для нас газеты и обижался, когда Платтен возмещал ему их стоимость»⁴.

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 129, 150.

² Там же. С. 151.

³ Там же. С. 149.

⁴ Там же. С. 57, 64, 130, 131.

Вообще эмигранты, особенно молодежь, почти всю дорогу находились в несколько возбужденном и приподнятом настроении. В коридоре вагона то и дело вспыхивали споры — о положении в России, перспективах революции, а главное, как встретят их — арестуют сразу или потом? Во время такого спора Ленин спросил Платтена: «Какого вы мнения, Фриц, о нашей роли в русской революции?» — «Должен признаться, — ответил я, — что... вы представляетесь мне чем-то вроде гладиаторов Древнего Рима, бесстрашно, с гордо поднятой головой, выходявших на арену навстречу смерти... Легкая улыбка скользнула по лицу Ленина...»¹

Никаких контактов с немцами не было. Даже обед — оплаченные Красным Крестом котлеты с горошком — приносили в вагон. Всю дорогу путешественники смотрели в окна. Поражало отсутствие мужчин — и в городах и в деревнях, серые, с потухшими глазами, усталые лица². Но во Франкфурте произошел неожиданный инцидент...

Когда поезд остановился, офицеры — фон Планитц и Бюриг — ушли в ресторан. Между тем вагон перегнали на другой путь. Тогда Платтен тоже вышел из вагона, отправился в вокзальный буфет, купил «пива, газет и попросил нескольких солдат за вознаграждение отнести пиво в вагон...»

Эмигранты стояли у окон, всматриваясь в лица пассажиров, спешивших к пригородным поездкам, как вдруг, растолкав охрану, в вагон провались солдаты. «Всякий из них держал в обеих руках по кувшину пива. Они набросились на нас, — пишет Радек, — с неслыханной жадностью, допрашивая, будет ли мир и когда. Это настроение солдат сказало нам о положении больше, чем это было полезно для германского правительства... Больше никого мы всю дорогу не видели»³.

Вечером 10 апреля (28 марта) вагон подцепили к поезду и утром прибыли в Берлин сначала на Потсдамский, затем на Штеттинский вокзал. Платформа, на которой стоял поезд, была оцеплена штатскими шпиками до тех пор, пока вагон не отправили в Засниц.

В Заснице Германия кончалась. Отсюда на морском пароме «Королева Виктория» путешественников доставляли до шведского города Треллеборг. Эмигрантов опять пересчитали, и немецкие офицеры, сопровождавшие группу, остались на берегу. Обычно тут высаживались и пассажиры поезда, а потом шли на паром. Местные власти пригласили эмигрантов на ужин, но ленинская группа, дабы не ступить на немецкую землю, отказалась от приглашения и осталась ночевать в вагоне. И толь-

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 58.

² Там же. С. 57, 119.

³ Там же. С. 56, 131; Хёпфнер К., Ирмтрауд Ш. Ленин в Германии. С. 182.

ко когда утром весь состав вкатили в трюм, они вышли на палубу — здесь уже была шведская территория¹.

Тем авторам, которые упорно пишут о том, как германский кайзер принимал личное участие в решении вопроса о проезде эмигрантов и даже давал соответствующие инструкции, на всякий случай напоминая, что именно в этот день, 12 апреля, когда российские революционеры покинули Германию, Вильгельм II был впервые проинформирован о «путешествии» интернационалистов².

На пароме эмигранты разошлись по каютам. «Море было беспокойно, — рассказывает Платтен. — Из 32 путешественников не страдали от качки только 5 человек, в том числе Ленин, Зиновьев и Радек; стоя возле главной мачты, они вели горячий спор». Дело в том, что пассажирам роздали обширнейшие анкеты, и Ленин заподозрил в этом какой-то подвох со стороны шведской полиции. Решили подписывать их фальшивыми фамилиями. Анкеты сдали, но «вдруг появляется с бумажкой в руке капитан и спрашивает, кто из них г-н Ульянов... Ильич не сомневается, что его предположение оказалось правильным и вот его пришли задержать. Скрывать уже нечего — в море не выскочишь. Владимир Ильич называет себя». Оказалось, что это всего лишь телеграмма от Ганецкого, встречающего паром³.

Около 18 часов «Королева Виктория» причаливает в Треллеборге. На пристани Ганецкий и шведский социал-демократ Гримлунд. «Горячие приветствия, вопросы, суэта, крик ребят. У меня, — пишет Ганецкий, — от радости слезы на глазах... Минуты нельзя терять — через четверть часа едет поезд в Мальмё»⁴. Немногим более часа и поезд в 20 часов 41 минуту доставляет путешественников в Мальмё.

Неподалеку от вокзала, в кафе гостиницы «Савой» Ганецкий заказал ужин. «Наша гольфьба, — рассказывал Радек, — которая в Швейцарии привыкла считать селедку обедом, увидев громадный стол, заставленный бесконечным количеством закусок, набросилась, как саранча, и вычистила все до конца, к неслыханному удивлению кельнеров... Владимир Ильич ничего не ел. Он выматывал душу из Ганецкого, пытаюсь от него узнать про русскую революцию все... что Ганецкому было неизвестно»⁵.

В ночь на 13 апреля поездом выехали в Стокгольм. И опять Ленин расспрашивал Ганецкого о последних сведениях из России. Лишь в 4 часа ночи его уговорили немного поспать. Однако уже в 8 утра на станции Сёдертелье в вагон ворвались корреспонденты. «Строго выполняя ре-

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 58, 152, 185; Хёнфнер К., Ирмтфад Ш. Ленин в Германии. С. 182.

² Соболев Г. А. Тайна «немецкого золота». С. 71.

³ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 131, 139.

⁴ Там же. С. 138.

⁵ Там же. С. 131, 138, 139.

шение, — пишет Елена Усиевич, — не отвечать ни на какие вопросы, мы не говорили даже “да” и “нет”, а лишь... тыкали пальцами в направлении Ильича. Полагая, что мы не понимаем вопросов, представители прессы пытались заговаривать с нами на французском, немецком, английском, даже на итальянском языках... Справляясь со словарем, задавали вопросы на русском или польском языках. Мы мотали головами и тыкали пальцами в Ильича. Боюсь, что у западной прессы создалось впечатление, будто знаменитый Ленин путешествует в сопровождении глухонемых...» Все успокоились после того, как Владимир Ильич заявил, что коммюнике для прессы будет передано в Стокгольме¹.

В пятницу, 13 апреля, в 10 часов утра поезд прибыл в Стокгольм. На Центральном вокзале его встречали шведские социал-демократы: бургомистр Карл Линдхаген, депутат риксдага, писатель Фредерик Стрём, русские большевики и множество корреспондентов и фоторепортеров. Корреспондентам Владимир Ильич сказал: «Самое важное, чтобы мы прибыли в Россию *как можно скорее*. Дорог каждый день...» — и передал для опубликования официальное коммюнике о поездке².

С вокзала проследовали в гостиницу «Регина». Здесь состоялось совещание со шведскими левыми. Ленин сделал сообщение об обстоятельствах их поездки. И под «Заявлением», подписанным в Берне интернационалистами Франции, Германии, Польши и Швейцарии, поставили свои подписи уже упомянутые Линдхаген и Стрём, а также редактор «Politiken» Карл Карльсон, журналист Карл Чильбум, поэт и писатель Туре Нёрман и секретарь *норвежского* социалистического союза молодежи Арвид Хансен³.

Все закончилось обильным завтраком, и Радек по этому поводу сострил: «Швеция отличается от всех других стран тем, что там по всякому поводу устраивается завтрак, и когда в Швеции произойдет социальная революция, то будет сначала устроен завтрак в честь уезжающей буржуазии, а после — завтрак в честь нового революционного правительства»⁴.

Надо было решать проблему денег. Владимир Ильич обратился к Стрёму: «Мы взяли в долг несколько тысяч крон для поездки у одного швейцарского партийного товарища-фабриканта». Тут Стрём, видимо, что-то запямятовал или не понял. Ибо поручителем за ссуду в 3 тысячи франков, выданную швейцарскими социалистами, стал не фабрикант, а член Совета кантонов, крайне правый социал-демократ Отто Ланг⁵.

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 139, 152.

² В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 46, 47.

³ Там же.

⁴ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 132.

⁵ Там же. С. 53, 203.

«Не могли бы вы, — продолжил Ленин, — взять в долг несколько тысяч крон у нескольких рабочих организаций; трудно ехать через вашу протяженную страну и через Финляндию». — «Я обещал, — пишет Стрём, — попытаться и позвонил нескольким профсоюзным руководителям, нашему издателю и Фабиану Монссону, чтобы провести сбор денег в риксдаге. Фабиан достал несколько трехсотенных. Он пошел, между прочим, к Линдману, который был министром иностранных дел. “Я подпишусь охотно на сотню крон, только бы Ленин уехал сегодня”, — сказал Линдман. Несколько буржуазных членов риксдага подписались потому, что Фабиан сказал: “Они будут завтра управлять Россией”. В это Фабиан совершенно не верил, но это помогло... Мы собрали несколько сотен крон, и Ленин был доволен... Таким образом, он мог расплатиться за отель и за билеты до Хапаранды»¹. Наконец, в Русском генеральном консульстве Владимир Ильич получил и официальное свидетельство № 109 о проезде всей группы эмигрантов в Россию.

Оставались незавершенными некоторые другие дела. Еще утром Ленин попросил Стрёма похлопотать о свидании с находившимся в тюрьме Карлом Хёглундом. Но власти отказали, и тогда, вместе со Стрёмом, он послал Хёглунду телеграмму: «Желаем скорого возвращения на свободу, к борьбе!» Отправили телеграмму и в Петросовет — Чхеидзе, которую, помимо Ленина, подписали Миха Цхакая и Давид Сулиашвили, с просьбой обеспечить группе беспрепятственный проезд через русскую границу². Подпись Цхакая имела особый смысл: именно он в давние времена вовлек Чхеидзе в ряды российской социал-демократии.

Все, таким образом, складывалось удачно, хотя вполне могла случиться и неприятность. Опасность исходила от того же Парвуса. Зная о том, что канцлер Германии Бетман-Гольвег, статс-секретарь иностранных дел Ягов и министр финансов Гельферих недовольны им за явную бездеятельность³, Парвус примчался в Стокгольм и через Ганецкого попросил Ленина о встрече якобы от имени Главного правления германской социал-демократии. Но когда он пришел в гостиницу, Ленин, предупрежденный Ганецким, уже покинул ее. А Ганецкий, Воровский и Радек составили формальный протокол об отказе российских эмигрантов от каких бы то ни было контактов с Парвусом. Впрочем, это не помешало ему, получив такую пощину и, естественно, умолчав о ней, доложить своему шефу Брокдорф-Ранцау о том, что с русскими большевиками он все-таки встретился⁴.

¹ См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 18).

² См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 48; Заря Востока. Тифлис, 1925. 17 января.

³ См.: *Соболев Г.А.* Тайна «немецкого золота». С. 41, 42, 44, 45.

⁴ См.: *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 132; *Соболев Г.А.* Тайна «немецкого золота». С. 69, 70.

Во второй половине дня Ленин провел совещание. Поскольку оба члена Заграничной коллегии ЦК — он и Зиновьев — возвращались на родину, решено было оставить в Стокгольме Заграничное представительство ЦК в составе Воровского, Ганецкого и Радека. Им были даны все необходимые инструкции и переданы деньги, оставшиеся у Заграничной коллегии — 300 шведских крон и облигации шведского государственного займа той же стоимости, в которые — в свое время — вложил партийные деньги Шляпников¹.

И, наконец, поскольку Радек оставался в Швеции, его место в составе группы возвращавшихся в Россию решено было предоставить польскому социал-демократу, находившемуся в Стокгольме, Александру Гранасу. Поэтому численность группы осталась неизменной — 32 человека².

Все дела были закончены, и Радек потащил Ленина и Зиновьева по магазинам. «Вероятно, добропорядочный вид солидных шведских товарищей, — писал Радек, — вызвал у нас страстное желание, чтобы Ильич был похож на человека». Купили ботинки, стандартный темно-коричневый костюм. И каждый раз Владимир Ильич упирался: «Не думаете ли вы, что я собираюсь открыть в Петрограде лавку готового платья?» Зиновьев вспоминал: «Машинально ходили по улицам, машинально что-то закупами из самого необходимого для поправления неказистого туалета В.И. и других и чуть ли не каждые полчаса справлялись о том, когда же уходит поезд...»³

Вернулись в гостиницу, где шведы устроили прощальный обед, а оттуда, с вещами, двинулись на вокзал. На перроне, вместе с провожающими, устроили митинг. «Когда наши уже погрузились, — пишет Радек, — какой-то русский, сняв шляпу, начал речь к Ильичу. Пафос начала речи, в которой Ильич чествовался как “дорогой вождь”, заставил Ильича приподнять немножко котелок, но... дальнейший смысл его речи был приблизительно таков: смотри, дорогой вождь, чтоб ты там в Петрограде не наделал никаких гадостей. Смущение, с которым Ильич прислушивался к первым лестным фразам речи, уступило место лукавой улыбке». Провожающие запели «Интернационал», и в 18 часов 37 минут поезд тронулся в путь⁴.

«Как только мы расположились в купе, — рассказывает Давид Сулиашвили, — Ленин достал кипу газет, улегся на верхней койке, зажег электричество и начал читать газеты...» Наступила ночь. В купе было тихо и уютно. Слышно было только шуршание газет и негромкие вос-

¹ См.: *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 132, 133.

² См.: *Ермолаева Р.А., Манусевич А.Я.* Ленин и польское рабочее движение. М., 1971. С. 402.

³ *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 123, 132.

⁴ Там же. С. 133.

кличания Владимира Ильича: «Ах, каналы! Ах, изменники!» А утром, когда все проснулись, в коридоре вагона провели собрание. Чтение петерских газет наводило на размышления. Условились, что все переговоры на границе будут вести Ленин и Цхакая, и договорились о том, как вести себя в случае ареста или политического процесса в Петрограде¹. Остаток дня и добрую половину ночи, пока поезд тащился по Швеции, Владимир Ильич вновь сидел над газетами, прихваченными из Стокгольма документами, делал записи, пытаясь собрать воедино все свои мысли о событиях, происходивших в России.

15 (2) апреля «ранним морозным утром, — пишет Елена Усиевич, — мы высадились в маленьком рыбацьем городке Хапаранда и через несколько минут столпились на крылечке небольшого домика, где за гроши можно было получить чашку черного кофе и бутерброд. Но нам было не до еды. Перед нами простирался замерзший еще в это время года залив, а за ним — за ним территория России, город Торнео и развевающийся на здании вокзала красный флаг... Мы молчали от волнения, устремив на него глаза»².

Владимир Ильич зашел в русское консульство и получил на группу 300 крон пособия, полагавшегося — из Татьянинского фонда — всем возвращавшимся политэмигрантам, и заплатил за 32 билета III класса до Петрограда³. Между тем «к крылечку подъехало десятка полтора саней с впряженными в них маленькими мохнатыми лошадаками. Мы стали попарно рассаживаться... Я вдруг вспомнила, — пишет Елена Усиевич, — что в чемодане у меня лежит маленький красный платочек... Я достала его, привязала к взятой у мужа альпийской палке... В это время сани Владимира Ильича объезжали наши, чтобы стать впереди процессии. Владимир Ильич, не глядя, протянул руку, я вложила в нее свой флаг. Все сани сразу тронулись. Владимир Ильич высоко поднял над головой красный флаг, и через несколько минут, со звоном бубенчиков, с поднятым над головой Ленина маленьким флажком, мы въехали на русскую территорию... В Торнео каждого из нас окружила толпа рабочих, солдат, матросов, посыпались вопросы, ответы, разъяснения... “Смотрите, дорвались!” — сказала мне Надежда Константиновна, кивая на нескольких наших особенно горячих агитаторов...”⁴

Но дальше пришлось иметь дело не с приветливыми русскими солдатами-пограничниками, а с английскими офицерами, командовавшими на финской границе. Они были грубы и бесцеремонны. И это сразу испортило всем настроение.

¹ См.: Заря Востока. Тифлис, 1925. 17 января.

² *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 153.

³ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 52.

⁴ *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 153.

Дело в том, что после того, как попытка удержать эмигрантов в Швейцарии лопнула, английские власти решили остановить их в Швеции. Из дневника лидера шведской социал-демократии Э. Пальмшерна известно, что якобы вынашивались даже планы убийства Ленина. Но, взвесив все за и против, решили от «крайних мер» отказаться и организовать в России соответствующую клеветническую кампанию, как говорится, — убить и политически, и морально¹.

Однако отказать себе в удовольствии поиздеваться над политэмигрантами английские офицеры, конечно, не могли. Начали с Платтена. Ему сразу сказали, что в Питере его немедленно арестуют. А когда Фриц ответил, что готов и на это, разговор прервали и заявили, чтобы он под конвоем убирался назад в Хапаранду, ибо в пересечении границы ему отказано. А остальных, тоже под военным конвоем, в 4 часа отправят в Питер².

Случившееся с Платтеном не стало неожиданностью. Возможность такого варианта обсуждалась еще в поезде. Тогда кто-то из молодых затеял спор: а что, если Фрица не пропустят в Россию? Он был всеобщим любимцем, поэтому решили — в знак протеста — русскую границу не пересекать, пока не добьемся для него разрешения. Молодым это показалось ужасно благородным актом солидарности. И они пошли по вагону собирать подписи. Принесли документ Ленину. «Едва бросив на него взгляд, он спокойно спросил: “Какой идиот это писал? Английское и русское правительство сделают все, чтобы не пропустить нас. И мы сами откажемся?” Тут только мы, — пишет Елена Усиевич, — без всяких дальнейших объяснений, поняли, до чего это было глупо...»³

Тем не менее, когда Платтен рассказал о решении англичан, Ленин предложил задержаться всей группе и немедленно послал телеграмму в Питер, в бюро ЦК РСДРП, с просьбой ускорить получение пропуска для Платтена. С Фрицем было договорено, что три дня он будет ждать ответа в Хапаранге. «Однако, — пишет Платтен, — не желая служить препятствием для их дальнейшей поездки, я настойчиво просил оставить меня в Швеции»⁴.

Тогда англичане пошли на другую провокацию... Все, кто писал о том, что происходило тогда в Торнео, особо отмечали: обыск, учиненный англичанами, носил умышленно оскорбительный характер. И только 52-летний Миха Цхакая пояснил: офицеры не ограничились тем, что шарили в вещах и по карманам, они «подвергли нас унижительному обыску, раздев Ильича и меня догола...»⁵

¹ См. статью Лукашева А.В. в журнале «История СССР» (1963. № 5. С. 22).

² Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 59, 60.

³ Там же. С. 150.

⁴ Там же. С. 60.

⁵ Комсомольская правда. 1937. 16 апреля; Красная звезда. 1940. 22 апреля.

Но спровоцировать скандал и на сей раз не удалось. Все эмигранты заполнили опросные листы, а Ленин буквально «впился в газетные столбцы» купленной на вокзале «Правды». Зиновьев рассказывает: «В.И. качает головой, с укором разводит руками: прочел известие о том, что Малиновский оказался-таки провокатором. Дальше, дальше. Настоящую тревогу вызывают у В.И. некоторые недостаточно выдержанные с точки зрения интернационализма статьи в первых номерах “Правды”. Неужели?.. Ну, мы с ними “повоюем”...»¹

А время идет. 16 часов, указанные англичанами для отправки, прошли. Лишь вечером подается состав, и группа начинает грузиться в отдельный вагон. В 20 часов 8 минут Владимир Ильич дает телеграмму сестрам — Марии и Анне Ульяновым: «Приезжаем понедельник, ночью, 11. Сообщите “Правде”»². Английские офицеры слово сдержали: до Питера эмигрантов будет сопровождать вооруженный конвой под командованием поручика.

Всю ночь и весь день поезд шел по Финляндии. «Было уже все милое, свое — плохенькие вагоны третьего класса, — рассказывает Крупская... — На перронах станций, мимо которых проезжали, стояли гурьбой солдаты. Усиевич высунулся в окно. “Да здравствует мировая революция!” — крикнул он. Недоуменно посмотрели на едущих солдаты»³.

Владимир Ильич пытался сосредоточиться, писать. Но не давала покоя мысль, что те, для кого он искал слова, к кому собирался обратиться там — в Петрограде, — они уже здесь, рядом. Что конвойные солдаты, молоденький офицер — это и есть те самые реальные люди, которые совершали революцию. И чувствовалось, что им тоже хотелось бы потолковать с этим «главным революционером».

Командовавший конвоем поручик, бледнея от волнения, несколько раз заглядывал в купе, где ехал Ленин. Но заговорить так и не решился. И только когда Владимир Ильич и Крупская перешли в соседний пустой вагон, подсел и заговорил... «Поручик был оборонцем, — рассказывает Надежда Константиновна, — Ильич защищал свою точку зрения — был тоже ужасно бледен. А в вагон мало-помалу набирались солдаты. Скоро набился полный вагон. Солдаты становились на лавки, чтобы лучше слышать и видеть того, кто так понятно говорит против грабительской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица». Сюда прибежал и маленький Роберт. Он мгновенно «очутился на руках какого-то пожилого солдата, обнял его ручонкой за шею, что-

¹ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 124.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 434.

³ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 119, 120.

то лопотал по-французски и ел творожную пасху, которой кормил его солдат»¹.

«В.И., — пишет Зиновьев, — буквально “впился” в этих солдатиков. Пошли разговоры о земле, о войне, о новой России. Особая, достаточно хорошо известная манера В.И. подходить к рядовым рабочим и крестьянам сделала то, что через самое короткое время установилось великолепное товарищеское взаимоотношение... Но солдаты-оборонцы стоят на своем». Их нисколько не смущает, что собеседник явно из «образованных». У них своя точка зрения.

Собственно, все это — слово в слово — он уже слышал в Цюрихе от Михалева. Значит, то, что говорил Кондрат, — не единичное мнение, а распространенное убеждение. Поэтому и этих солдат «В.И. уже через час беседы окрестил “добросовестными оборонцами”... Первый вывод, который делает В.И.: оборончество — еще большая сила. В борьбе с ним нам нужна твердая настойчивость. Но столь же необходимы терпение и умелый подход»². Так вспоминал об этом эпизоде Григорий Зиновьев. Ему запомнилось то, что сказал Ленин и его политическая оценка собеседников. Но для самого Владимира Ильича главным оказалась другое...

В письме от 26 марта Коллонтай писала ему: «Народ переживает опьянение совершенным великим актом. Говорю “народ” потому, что на первом плане сейчас не рабочий класс, а расплывчатая, разнокалиберная масса, одетая в солдатские шинели. Сейчас настроение диктует солдат. Солдат создает и своеобразную атмосферу, где перемешивается величие ярко выраженных демократических свобод, пробуждение сознания гражданских равных прав и полное непонимание той сложности момента, какой переживаем»³. Оказалось, что Александра Михайловна не совсем права, а в чем-то и совсем не права...

Спустя несколько часов, уже в Петрограде, в разговоре с членами ЦК и ПК РСДРП он вспомнил не о том, как спорил с «добросовестными оборонцами», а о том — как и что говорили эти солдаты: «Надо было слышать, с какой убежденностью они говорили о необходимости немедленного окончания войны, скорейшего отобрания земли у помещиков. Один из них, — продолжал Ленин, — наглядно показал, как надо окончить войну. Он сделал очень энергичное движение рукой, как бы с силой вбивая что-то глубоко в пол, и сказал: “Штык в землю — вот как окончится война!” И тут же прибавил: “Но мы не выпустим винтовок из рук, пока не получим землю”. А когда я заметил, что без перехода власти к рабочим и крестьянам невозможно ни прекратить войну, ни наделить

¹ *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 119, 120.

² Там же. С. 124, 125.

³ РГАСПИ, фонд 134, оп. I, д. 272, л. 48.

крестьян землей, солдаты полностью со мной согласились»¹. Так записал рассказ Владимира Ильича Николай Подвойский.

На следующий день, выступая с «Апрельскими тезисами» перед большевиками, Ленин тоже вспомнил о беседе в вагоне и о том, как этот солдат — крестьянин, не желавший выпускать винтовку из рук, представлял себе аграрную реформу: «Тамбовский мужик [говорил]... За одну десятину платить не нужно, за вторую — 1 руб., за третью — 2 руб. Мы землю возьмем, а помещик не сможет уже ее отобрать»².

Спустя неделю, 23 (10) апреля, в брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции» Ленин напишет: «Войну нельзя кончить “по желанию”. Ее нельзя кончить решением одной стороны. Ее нельзя кончить, “воткнув штык в землю”, употребляя выражение одного солдата-оборонца». Еще через неделю, в статье «Наши взгляды», он повторит: «Войну невозможно кончить ни простым втыканием штыков в землю, ни вообще односторонним отказом одной из воюющих стран». И даже через два года он будет вспоминать об этом разговоре в поезде с безымянным солдатом³.

А тогда, в вагоне, дискуссия продолжалась. Сюда подошли другие эмигранты. Но когда молодые революционеры слишком уж категорично начинают «давить» на собеседников, Ленин, кивая на солдат, укоряет Усиевича, Сафарова, Давида Сулиашвили: «Вы слушайте, слушайте...»⁴ А сам уходит в купе. Первое волнение от встречи прошло. Мысли, вынашивавшиеся с первых дней революции, излагавшиеся в статьях и «Письмах издалека», приобретают еще более четкую форму, выстраиваются в строгой последовательности... И он пишет первоначальный набросок «Апрельских тезисов».

В 9 часов вечера поезд остановился на станции Белоостров. На перроне их встречают: Шляпников, Коллонтай, Сталин, Каменев, Мария Ульянова и другие. Здесь же около четырехсот сестрорецких рабочих, приехавших для встречи во главе с Вячеславом Зофом, Николаем Емельяновым и Людмилой Сталь. Рабочие подхватили Ленина на руки, внесли в станционный буфет, поставили на табуретку, и Владимир Ильич произнес свою первую в России краткую речь. Людмила Сталь предлагает Крупской сказать несколько слов работницам, но от волнения, пишет Надежда Константиновна, «у меня пропали все слова...»⁵

¹ Яковлев Б.В. Ленин. Страницы автобиографии. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 555. Верстка книги, запрещенной цензурой, хранится в РГАСПИ (фонд 71, оп. 51, д. 94).

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 110.

³ Там же. С. 161, 281.

⁴ См.: Заря Востока. Тифлис, 1925. 17 января.

⁵ Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 120, 125.

Поезд, вместе с встречавшими членами ЦК и ПК РСДРП, движется дальше. А «в тесном полутемном купе третьего класса, освещенном огарком свечи, происходит первый обмен мнениями. В.И. забрасывает товарищей рядом вопросов». И в конце — самый животрепещущий: «Будем ли мы арестованы...? Встречающие нас друзья определенного ответа не дают, но загадочно улыбаются»¹. Если бы они знали то, что теперь знаем мы, оснований для улыбок было бы меньше.

Дело не только в том, что в составе воинской команды, сопровождавшей эмигрантов от Торнео, ехали четыре сотрудника контрразведки с документами на всю группу, которую они должны были сдать на Финляндском вокзале в Питере комиссару Временного правительства². Важнее другое: именно в Белоострове могло случиться нечто более серьезное...

Начальник контрразведки Петроградского Военного округа Борис Никитин оставил на сей счет обстоятельные воспоминания. В самом конце марта, рассказывает он, к нему явился представитель английской контрразведки и передал «список предателей в 30 человек, во главе которых стоит Ленин... Их пропустила Германия и они примерно дней через пять придут к нашей границе». Выясняется, что МИД без санкции Совета не может запретить им въезд. Зато Главный военный прокурор генерал Апушкин дает санкцию Никитину: «Делайте, что хотите, только бы добиться результатов».

«Вызываю телеграммой, — продолжает Никитин, — коменданта Белоострова, есаула Савицкого... “Вот вы, — говорю ему, — все просите у меня живого дела. Вам так хочется вынуть шашку и пройти лавой весь Белоостров. Так я вам даю задачу много проще: силой или как хотите, но не пропустите их через границу”». Результат известен: есаул не упомянул о четырехстах сестрорецких оружейниках, а только сказал потом Никитину, имея в виду своих казаков: «Люди не вышли»³.

3 (16) апреля 1917 года в 23 ч. 10 м. поезд прибывает на перрон Финляндского вокзала Петрограда.

Информация «Правды»: «В 11 ч. 10 м. подошел поезд. Вышел Ленин, приветствуемый друзьями, товарищами по давнишней партийной работе. Под знаменами партии двинулся он по вокзалу, войска взяли на караул... Идя дальше по фронту войск, шпалерами стоявших на вокзале и державших “на караул”, проходя мимо рабочей милиции, Н. Ленин всюду был встречаем восторженно». В «царской» комнате вокзала его уже ждали представители Петросовета во главе с Чхеидзе...

¹ *Платтен Ф.* Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 125.

² См.: *Известия.* 1977. 15 апреля. С. 2.

³ *Никитин Б. В.* Роковые годы. Париж, 1937. С. 22, 57, 58.

Дальнейшее живописует Николай Суханов: «Во главе небольшой кучки людей, за которыми немедленно снова захлопнулась дверь, в “царскую” комнату вошел или, пожалуй, вбежал Ленин, в круглой шляпе, с изыбшим лицом и роскошным букетом в руках. Добежав до середины комнаты, он остановился перед Чхеидзе, как будто натолкнувшись на совершенно неожиданное препятствие. И тут Чхеидзе произнес следующую “приветственную речь”... “Мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита революции от всяких на нее посягательств как изнутри, так и извне. Мы полагаем, что для этой цели необходимо не разъединение, а сплочение рядов всей демократии. Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели...” Ленин, видимо, хорошо знал, как отнестись ко всему этому. Он стоял с таким видом, как бы все происходящее ни в малейшей степени его не касалось: осматривался по сторонам, разглядывал окружающие лица и даже потолок “царской” комнаты, поправлял свой букет, “довольно слабо гармонизировавший со всей его фигурой”, а потом, уже совершенно отвернувшись от делегации Исполнительного Комитета, “ответил” так: “Дорогие товарищи солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию, приветствовать вас как передовой отряд всемирной пролетарской армии...”»¹

Встреченный многотысячным «ура», Ленин выходит на ступеньки вокзала. Ему помогают подняться на броневик. Он потоптался на площадке у пулеметной башни, словно проверяя машину на прочность, отдал букет. Но ему явно мешал и котелок, как мешал он потом скульпторам, ваявшим знаменитый памятник на площади у вокзала и заменившим шляпу на пролетарскую кепку. И только сняв котелок, Владимир Ильич начинает говорить...

Информация «Правды»: «...Стоя на броневом автомобиле, тов. Ленин приветствовал революционный русский пролетариат и революционную русскую армию, сумевших не только Россию освободить от царского деспотизма, но и положивших начало социальной революции в международном масштабе...»²

«Тот, кто не пережил революции, — вспоминала Крупская, — не представляет себе ее величественной, торжественной красоты. Красные знамена, почетный караул из кронштадтских матросов, рефлекторы Петропавловской крепости от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, броневика, цепь из рабочих и работниц, охраняющих путь.

...Нас привезли в дом Кшесинской, где помещались тогда ЦК и Петроградский комитет. Наверху был устроен товарищеский чай, хотели

¹ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 2. Кн. 3–4. С. 6, 7.

² Правда. 1917. № 24. 5 апреля.

питерцы организовать приветственные речи, но Ильич перевел разговор на то, что его больше всего интересовало, стал говорить о той тактике, которой надо держаться. Около дома Кшесинской стояли толпы рабочих и солдат. Ильичу пришлось выступить с балкона...

Потом мы поехали домой, к нашим, к Анне Ильиничне и Марку Тимофеевичу [Елизарову]... Нам отвели особую комнату. Мальчонка, который рос у Анны Ильиничны, Гóра, по случаю нашего приезда над обеими нашими кроватями вывесил лозунг: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” Мы почти не говорили с Ильичем в ту ночь — не было ведь слов, чтобы выразить пережитое, но и без слов было все понятно.

Когда мы остались одни, Ильич обвел комнату глазами... Почувствовалась реальность того факта, что мы уже в Питере, что все эти Парижи, Женева, Берны, Цюрихи — это уже действительно прошлое»¹.

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 441, 442.

Глава 2. «Самый безболезненный путь»

«Мои личные тезисы...»

Утром 4 (17) апреля встали рано. Надо было ехать, как договорились вчера, в Таврический дворец, выступать перед большевиками — участниками Всероссийского совещания Советов. Но когда за Лениным и Крупской на машине заехал Владимир Бонч-Бруевич, повернули на Волково кладбище, где были похоронены мать Владимира Ильича и сестра Ольга.

Последний раз он виделся с матерью в сентябре 1910 года в Стокгольме. После недолгой встречи Мария Александровна возвращалась на пароходе в Россию. Держась за корабельные поручни, она молча смотрела на него и плакала. А он стоял на пирсе и даже не мог подняться к ней на палубу. Там была уже русская территория и его могли арестовать...

Прав Бонч-Бруевич: «Тропинка на Волковом кладбище, туда, к этому маленькому холмику, была одной из тяжелых дорог Владимира Ильича»¹. Цветы, которые преподнесли накануне при торжественной встрече, положили на могилы, молча постояли и поехали сначала на квартиру Владимира Дмитриевича, где ждали товарищи, а оттуда — в Таврический...

Было уже совсем светло и на стенах домов, на афишных тумбах ветер трепал свежие плакаты: «Ленина и компанию — обратно в Германию». У тех, кто плакаты заказывал, поэтов получше, видимо, не нашлось. Но после вчерашних восторгов и объятий это все-таки отрезвляло².

В давние годы, в Кокушкино, когда Володе Ульянову было лет 13, пошли они как-то в ночь с двоюродным братом Колей Веретенниковым на пруд. Все предыдущие дни шли дожди. Речушка вздулась, а пруд переполнило так, что мостки всплыли и подойти к купальне было невозможно. Побежали на плотину. Там через верх уже всюю хлестала вода, а поднять затворы (вершняки) у мальчишек не хватало сил.

«Не прошло и пяти минут, — рассказывал Веретенников, — как раздался легкий, как бы предупреждающий треск, за которым вскоре последовал страшный грохот, и вся масса воды с шумом громадными валами устремила с четырехметровой высоты вниз, ломая деревянные

¹ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е. М., 1969. С. 66.

² Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. М., 1990. С. 154.

и размывая земляные укрепления. Когда вода схлынула, на месте симпатичного пруда остались лишь безобразные илистые берега, жидкая зловонная грязь и черные обломки плотины. “Точно после пожара”, — заметил Володя»¹.

Эпизод запал в память. И образ этой всеограшающей стихии всплыл у Ленина в 1905 году, когда по России прокатился первый революционный вал. В плане статьи «Уроки московских событий» он написал: «Когда вода напирает на плотину, брешь вне шлюз (вершняков) есть начало краха...»²

И вот теперь, после бесед с солдатами в вагоне, после ночного разговора с питерскими большевиками в особняке Кшесинской, после беглого просмотра утренних газет, Владимир Ильич вновь услышал, а может быть, и физически ощутил, тот «легкий, как бы предупреждающий треск», вслед за которым прорывается безудержная стихия.

Еще там — в Цюрихе, после первых известий о событиях в Петрограде, встал вопрос: что дальше? Закончится революция отречением монарха или революционный вал покатится дальше? В гидродинамике, исходя из массы, скорости водяного потока, рельефа местности и прочих вполне определенных условий, все это, вероятно, можно рассчитать. Но в социальной борьбе, участниками которой являются миллионы людей, подобная задача куда сложнее. Число факторов, влияющих на такую борьбу, слишком велико, а многие из них столь неопределенны, что вряд ли можно с уверенностью вычерчивать вектор данного движения.

И все-таки еще там — в Цюрихе, Ленин пришел к выводу, что Февраль — лишь начало, лишь первый вал, первый этап революции. За ним неизбежно последует второй этап, второй вал, куда более мощный и крутой. Это понимал не только он, но и другие: и те, кто симпатизировал революции, вроде депутата IV Думы, одного из лидеров Петросовета, меньшевика Скобелева, заявившего, что «Россия стоит накануне второй, настоящей революции»; и те, кто отвергал ее, кто давно предсказывал кровавую смуту.

Уже упоминавшийся экс-министр внутренних дел Петр Николаевич Дурново, обладавший и опытом и интуицией, накануне войны писал государю: в случае начала революции «оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдерживать расхлывшиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию...»³

В конце 1916 года на квартире миллионера Коновалова перед крупнейшими фабрикантами и заводчиками выступил один из лидеров «оп-

¹ Яковлев Б.В. Ленин. Страницы автобиографии. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 43, 44. Верстка книги, запрещенная цензурой, хранится в РГАСПИ: ф. 71, оп. 51, д. 94.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 428.

³ Красная новь. 1922. № 6. С. 178, 179.

позиционно-интеллигентской партии» кадетов В.А. Маклаков. «Ужас грядущей революции» — вот тема его выступления. Это будет, говорил Василий Алексеевич, «революция гнева и мести темных низов, которая не может не быть стихийной, судорожной, хаотичной». Еще раньше, в 1915 году, влиятельнейший промышленник Алексей Иванович Путилов сформулировал ту же мысль еще жестче: революция неизбежна. Но она будет для страны губительна. «Начнется ужасная анархия... На десять лет... Мы увидим вновь времена Пугачева, а может быть, и еще худшие»¹.

Того же мнения придерживался и видный русский интеллектуал Петр Бернгардович Струве — давний знакомый Ленина, проделавший за 20 лет путь от легального марксизма к самому правому либерализму. Как пишет его биограф Ричард Пайпс, с самого начала 1917 года Струве был убежден, что «как только маховик анархии начнет раскручиваться, в России не найдется политической, экономической или социальной силы, способной его остановить. Смута будет терзать страну до тех пор, пока сами основы государства и общества не окажутся в руинах»².

Подобных пророчеств было много. Нередко они совпадали. И на то были свои основания. В первые же революционные дни, еще до того, как какие-либо радикальные партии вышли на политическую арену, по стране прокатилась волна насилия и различного рода эксцессов.

Писатель Александр Станкевич оставил зарисовку одного из эпизодов первых дней революции в Питере: «Барский экипаж привлек внимание. Пара вороных лошадей в сбруе с серебром, на дверцах — гербы... В толпе поднялся хохот, улюлюканье...

— Сворачивай! Кончились ваши прогулочки!

...Внезапно двери кареты распахнулись и оттуда выскочил на мостовую старый господин в шубе. Я узнал в нем члена Государственного совета князя Барятинского. Шуба на нем распахнулась, открыв всемшитый золотом мундир. Наверное, князь подумал, что его величественный вид заставит толпу отхлынуть. Он поднял руку в замшевой перчатке и хрипло крикнул:

— Я еду к князю Голицыну, председателю совета министров! Отпустите лошадей!

— Не командуй, генерал! Нету больше председателей!

Барятинский задыхался, у него не хватило сил сдерживать бешенство.

— Хамы! — закричал он с ненавистью. — Долой с дороги!

Струдившаяся вокруг кареты толпа уже не смеялась, она утратила свое добродушие... Какой-то солдат в затрепанной шинели шагнул

¹ Цит. по статье В. Бушуева в журнале «Свободная мысль» (2004. № 1. С. 128); *Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 172, 173.

² Пайпс Р. Струве. Биография. Т. 2. Струве: правый либерал. 1905–1944. М., 2001. С. 296.

к князю и, подняв винтовку, со всей силой стукнул его прикладом по голове. Бярятинский рухнул. Темная вмятина на лбу наполнилась кровью. Соскочившие с козел кучер и лакей впихнули в карету уже мертвое тело.

— Гляди, товарищи! — закричал кто-то в толпе. — Пожар! — Над Невой распухало, ширилось черное облако дыма. Горело здание Окружного суда»¹.

Современникам запомнились трупы жандармов со вспоротыми животами на февральском снегу в Петрограде. В Кронштадте зверски убили военного губернатора контр-адмирала Р.Н. Вирена, начальника штаба адмирала Бутакова, генерала Стронского и других офицеров. Самосуды над генералами и офицерами имели место в Луге, Ельце, Пскове, Двинске. В Свеаборге убили командующего Балтфлотом вице-адмирала Андриана Ивановича Непенина, контр-адмирала А.К. Небольсина. Жуткая расправа над губернатором произошла в Твери...

Вновь, как и в 1905–1906 годах, запылали барские имения. Жгли прекрасные усадьбы, а вместе с ними уникальные библиотеки и картинные галереи. Горели старинные парки и сады. 19 марта «Правда» писала: «Это не конфискация и даже не захват, это — мщение поработанных людей своим поработителям». Не случайно эксцессы чаще всего происходили именно там, где в 1906–1907 годах свирепствовали карательные отряды. «Прежний режим, — писал Струве, — утвердил в народе традиции ненависти». И мотивом этих эксцессов как раз и были «неотмщенные обиды» и неуверенность в том, что не вернется опять «старый режим». Как выразился один солдат-крестьянин: «Как подумаю, вдруг, [что] все на старое обернется, а я и обиды своей не выплачу, — тут и звереешь»².

Все более учащались случаи прямого вандализма. «После свержения самодержавия, — вспоминал художник П. Нерадовский, — в Петрограде и его окрестностях, в Петергофе, в Ораниенбауме и других местах... подвергались порче или уничтожению памятники искусства, статуи, картины и другие художественные предметы... Такие разрушения имели место в общественных местах — в казенных зданиях, в садах, парках — и в частных домах и квартирах... Слухи и сведения о гибели того или иного произведения поступали почти ежедневно».

Уже 4(17) марта на квартире у Горького на Кронверкском проспекте собрались художники — А. Бенуа, И. Билибин, К. Петров-Водкин, М. Добужинский, Н. Рерих, архитекторы Н. Лансере, И. Фомин, артисты Ф. Шаляпин, И. Ершов — всего более 50 человек и создали специальную комиссию, которая должна была войти в сношения с Временным правительством и Петросоветом относительно незамедлительных мер

¹ Станкевич А.А. Февраль, год 1917. Харьков, 1967. С. 108, 109.

² Пайнс Р. Струве. Биография. Т. 2. Струве: правый либерал. 1905–1944. С. 300.

по предотвращению уже начавшегося массового вывоза художественных ценностей за границу и охране памятников культуры¹.

Ситуация усугублялась тем, что министр юстиции Керенский амнистировал не только «борцов со старым режимом», но отпустил из тюрем и с каторги уголовников. Он, видимо, как и многие другие, полагал, что новое «Царство Свободы» способно перевоспитать любых рецидивистов. Десятки тысяч преступников — «птенцы Керенского», как их тогда называли, — ринулись прежде всего в столицы. Между тем полиция была распущена, а новая милиция еще не создана. И среди тех, кто под видом «революционного патруля» врывается среди бела дня в дома и квартиры, было немало отпетых бандитов и профессиональных воров. Так что очень скоро столичный обыватель будет с тоской вспоминать прежнего городского, который хоть и был нечист на руку, но стекла в приличных домах бить не позволял.

Когда один из руководителей социалистического Интернационала Карл Брантинг в марте 17-го приехал в Петроград, у него в гостинице «Европа» сразу украли два куска мыла — для мытья и для бритья. «Да, — горестно говорил он коллегам — русским социалистам, — вам предстоит еще большая работа для просвещения и морального воспитания запущенного царизмом русского народа»².

«Народ либо безмолвствует, либо говорит языком бунта»³, — полагают и сегодня некоторые историки. Не везде и не всегда!

Тогда, в Феврале, многие опасались — не возмутится ли «царелюбивое» крестьянство низвержением монархии, не станет ли оно опорой «Русской Вандеи»... Каково же было изумление корреспондента газеты «Русское слово», когда он увидел, с какой легкостью восприняла деревня эту весть: «Даже не верится, как пушинку сняла с рукава». А думский отдел сношений с провинцией, обследовав 29 губерний, констатировал: «...широко распространенное убеждение, что русский мужик привязан к царю, без царя “не может жить”, было ярко опровергнуто той единодушной радостью, тем вздохом облегчения, когда они узнали, что будут жить без того, без кого они “жить не могли”». И среди постановлений сельских сходов, принимавшихся в эти дни по всей России, исследователи не обнаружили ни одного, в котором выражалось бы сожаление по поводу свержения самодержавия⁴.

В феврале 1917 года революционные массы России оказались достаточно сознательными и для того, чтобы свести все свои надежды и чая-

¹ Латшин В.П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 73, 74, 76.

² РГАСПИ, ф. 134, оп. I, д. 272, л. 102.

³ Булдаков В.П. Красная смута. М., 1997. С. 125.

⁴ Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. М., 1986. С. 241.

ния к трем лозунгам: «Мир!», «Хлеб!», «Свобода!». В народном сознании они расшифровывались вполне конкретно: немедленное прекращение войны; передача всей земли крестьянам и радикальное улучшение снабжения армии и городов продовольствием; наконец, не только свержение монархии, но и установление реального народовластия. Именно это стремление к народовластию, к подлинной демократии стало причиной, может быть, самого яркого проявления революционной сознательности масс — создания Советов.

Весь предшествующий исторический опыт убедил народ в том, что «начальству» — царю, генералам, помещикам, буржуям и особенно чиновникам — доверять нельзя. Что реализовать свои требования можно лишь при том условии, если власть будет находиться в руках самих трудящихся. И как только, пишет Ленин, в Феврале появилась такая возможность, «по инициативе многомиллионного народа», самочинно и повсеместно, рабочие, солдаты, крестьяне стали создавать «демократию по-своему»¹.

Советы стали возникать сначала на заводах и фабриках, затем в районах — *раньше*, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. В определенном смысле это был спонтанный процесс воспроизводства знакомых форм организации и борьбы, ибо уроки 1905 года прочно вошли в «стихию» народного сознания.

В создании Петроградского совета сыграли свою роль Чхеидзе, Скобелев, Гриневиц, Копелинский и другие, находившиеся в столице на легальном положении. Но общероссийским органом власти Петросовет сделало давление снизу, те ожидания, которые питали рабочие и солдаты, посылая в Совет своих депутатов. И Советы сразу и повсеместно, не вдаваясь в дискуссии о рамках компетенции, заявили о себе как об органах власти. Они брали под контроль охрану порядка, продовольственное снабжение, работу транспорта и т. п. А главное, они не забывали ни о мире, ни о земле.

Но эти конкретные требования были неприемлемы для власть имущих в принципе. В притязаниях на собственность помещиков и прибыли буржуазии со стороны Советов они усматривали лишь проявление бунта и анархии. Расставаться добровольно со своими привилегиями правящая элита, как и прежде, не собиралась. Поэтому, мечтая об умиротворении, стремясь к тому, чтобы спустить массовое движение на тормозах или, как тогда выражались, — «загнать скот в стойло», Временное правительство менее всего помышляло о реализации лозунгов революции.

Многие его члены искренне полагали, что, получив свободу, народ вполне удовлетворится этим и будет терпеливо ждать, когда после по-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 163.

бедного окончания войны ему милостиво ниспосылают «сверху» мир и хлеб. Такое уже бывало. Опыт созыва I Думы — «думы народных надежд» — говорил, что такой вариант возможен. Но он был возможен тогда — в 1906 году. С тех пор прошли четыре Думы и никаких решений насущных вопросов народной жизни не последовало. В 1917 году ждать никто не собирался. Ибо в «диалоге» с властью у народа появился теперь новый аргумент: штык. Как сказал Ленину в вагоне солдат: «Мы не выпустим винтовок из рук, пока не получим землю». Так что вариант стабилизации становился весьма проблематичным.

Основания для апокалиптических настроений были. Во всяком случае, коллега Струве, В.Н. Муравьев, испытал после Февраля именно такие чувства: «Нечто совершалось. Шум грозный родился, и, гулко вздрогнув, огласилась им тишина... Звуки росли громче, и то был уже не шум людей, а ропот моря. И море, казалось, вздымается и бушует, и ревет ревом вопиющим, с возрастающим, с силой чудовищной разбивая окрестные берега. И я понял, что то не моря рев, но рев народа... Как вал грохочущий, надвигался он на меня, и я знал, сейчас я буду во власти стихии и я тоже буду реветь голосом нечеловеческим... И волна настигла меня, и я отдался ей, пожирающей. И подхватила она меня, и понесла на своем гребне. И я увидел, что вся она из таких, как я...»¹

Григорий Зиновьев не отличался столь образным мышлением. Но когда в полночь 3 (16) апреля он и Ленин вышли с вокзала на площадь, от которой исходил гул человеческих голосов, а лучи прожекторов выхватывали из тьмы тысячи голов, острия штыков, башни броневиков и колышущиеся на ветру знамена, Зиновьев вдруг ощутил нечто похожее: «С этой минуты нахлынула могучая человеческая волна. Первое впечатление: мы — щепочки в этой волне»². Разница состояла лишь в том, что если в Муравьева эта человеческая волна вселяла нечеловеческий ужас, то у Григория Евсеевича она вызывала прямо противоположное чувство — восторженную эйфорию.

В этом чувстве он был не одинок. В первые послефевральские дни и недели эйфория победы вообще стала господствующим настроением. Казалось, все то, что веками давило, угнетало, разъединяло, — царский деспотизм — исчезло, рухнуло сразу, сметенное могучим ураганом. Даже ужасы войны как бы отодвинулись в глубь сознания, заслоненные тем новым, необычайным и радостным, что, наконец, свершилось... Свобода!

Один из эсеровских лидеров — Владимир Зензинов записал: «Улицы — тротуары и мостовые — во власти толпы. Все куда-то спешат... Все

¹ Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 187, 216, 217.

² Платтен Ф. Ленин. Из эмиграции в Россию. С. 126.

возбуждены, взволнованы... Ощущение какого-то общего братства. Как будто пали обычные перегородки, отделявшие людей, — положением, состоянием, культурой, люди объединились и рады помочь друг другу ... Это ощущение братства было очень острым и определенным — и никогда позднее я его не переживал с такой силой... То было воистину ощущение общего народного праздника»¹. С некоторой долей иронии о том же вспоминал академик К.В. Островитянов: то были дни «какого-то всенародного ликования. Многим казалось, что исчезли все классовые противоречия и настало царство Исаяи, когда “волк почитет со агнцем”. Все нацепили красные бантики, всюду реяли огненные революционные флаги — все окрасилось в цвет революции...»²

В февральские дни, на какой-то момент, действительно «дружно» слились разнородные потоки: борьба рабочих и солдат против царя и войны и борьба либеральной буржуазии за устранение обанкротившейся власти. Усилия всех партий были направлены в одну точку. Этот момент, как выразился Владимир Ильич, «всеобщего слияния классов против царизма» как раз и стал одной из главных причин головокружительной эйфории, быстроты и относительной «бескровности» (около 2 тысяч убитых) победы³.

Именно эта разнородность борющихся сил сразу же породила *двоевластие*. С одной стороны, было создано Временное правительство, включившее в себя «цвет» либеральной интеллигенции: кадетов — П. Милюкова, Н. Некрасова, А. Мануйлова, А. Шингарева, В. Набокова, октябристов — А. Гучкова, В. Львова, И. Годнева, «независимых» — М. Терещенко, Г. Львова и трудовика А. Керенского. С другой — Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов, общероссийским центром которых стал Петросовет.

За Временным правительством, помимо буржуазии, помещиков, правых и либеральных партий, стоял достаточно мощный старый государственный аппарат, церковь, армейская верхушка — генералитет, часть офицерского корпуса. Это были вполне серьезные силы. И с какой радостью они раздавили бы народное восстание... «С первого мгновения этого потопа отвращение залило мою душу, — писал Василий Шулгин, — и с тех пор оно не оставляло меня во всю длительность “великой” русской революции... Боже, как это было гадко! Так гадко, что, стиснув зубы, я чувствовал в себе одно тоскующее, бессильное и потому еще более злобное бешенство.

— Пулеметов бы сюда! Да, да, пулеметов... Только язык пулеметов доступен уличной толпе, только свинец может загнать обратно в его

¹ Анин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Рим, 1971. С. 156, 157.

² Островитянов К.В. Думы о прошлом... М., 1967. С. 164.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 1, 16; Т. 32. С. 246; Т. 34. С. 76.

берлоги вырвавшегося на свободу страшного зверя... Увы, этот зверь был... Его величество русский народ!»¹

Шульгину казалось, что достаточно одного надежного полка и решительного офицера, чтобы разогнать этот «сброд». Такой офицер нашелся. Полковник Александр Павлович Кутепов собрал отряд числом более тысячи человек пехоты и кавалеристов с 12 пулеметами и решил всех восставших — от Литейного проспекта до Николаевского вокзала — «загнать к Неве и там привести в порядок». Но как только «каратели» вошли в соприкосновение с толпами народа, «большая часть моего отряда, — рассказывал сам Кутепов, — смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может»².

Тогда, в первые послефевральские дни, для того, чтобы «привести в порядок» народ, силенок у них не хватало. А те, что имелись, были несопоставимы с гигантской народной массой, которая стояла за Советами. Существенным оказалось и то, что Петросовет, вопреки противодействию его президиума, утвердил составленный армейскими депутатами «Приказ № 1», согласно которому солдатам предоставлялась вся полнота гражданских прав, оружие — в том числе те самые пулеметы, о которых вспомнил Шульгин, — бралось под контроль ротных и батальонных солдатских комитетов, а во всех политических выступлениях воинские части подчинялись не офицерам, а только своим комитетам и Петросовету.

9 марта новый военный министр Александр Иванович Гучков сообщил генералу Алексееву: «Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, как допускает Совет раб. и солд. деп., который располагает важнейшими элементами реальной власти, т. к. войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует лишь пока это допускается Советом...»³.

Но параллельное существование двух общероссийских центров власти было невозможно. Оно неминуемо должно было завершиться единовластием одного из них. И с попустительства меньшевистско-эсеровских лидеров Петросовета правительство начало постепенно прибирать власть к рукам.

И тогда, и позднее соглашатели говорили, что они стремились сохранить «общенациональное единство» для борьбы со «старым режимом». Слов нет, в желании сплотить против общего врага широкие слои населения, в стремлении избежать гражданской войны никакого грехо-

¹ Шульгин В. В. Дни. Белград, 1925. С. 183.

² Исторический опыт трех российских революций. Кн. 2. М., 1986. С. 189, 190.

³ Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С. 429, 430.

падения не было. Ради этого можно и должно идти на компромиссы. Но какой ценой?

Две ночи напролет, до полного изнеможения, вместе с либеральными лидерами они выработывали условия передачи власти. В конце концов, в «условиях» не оказалось ни слова о прекращении войны, ни слова о демократической республике, ни слова о земле, то есть именно тех требований, ради которых совершалась революция.

Конечно, была на сей счет «теория»: раз революция буржуазная, значит и власть должна принадлежать буржуазии. Николая Романова могут сменить лишь политические деятели типа Родзянко или Милюкова. Только им может подчиниться старый чиновный аппарат, худо-бедно обеспечивающий жизнедеятельность страны.

Но теоретические формулы часто прикрывают и нечто более личное. К примеру — нерешительность, а то и просто страх. Когда председателя Петросовета Николая Чхеидзе спросили — готов ли он возглавить правительство? — он в ужасе отшатнулся: «Упаси господи, что я, сумасшедший?!» Положение страны было катастрофическим. На фронтах армия терпела поражение. Надвигалась разруха. Поэтому не только «догма», но и элементарная боязнь взять на себя ответственность за судьбу страны определила поведение меньшевистско-эсеровских вождей, добровольно — «от имени революции» — передавших власть буржуазному правительству.

Это и позволило правительству, как выразился Ленин, «положить ноги на стол». Через российских послов Милюков заверил союзников, что война будет продолжена. В Кронштадт, Свеаборг и другие места, где имели место эксцессы, для наведения порядка направили правительственных комиссаров. А для усмирения бунтующих крестьян послали воинские команды. Так что «царство Исаяи» кончилось довольно быстро. Но хотя «слияние классов» кончилось, эйфория все еще оставалась. Она проявилась и в ночной встрече Ленина с питерскими большевиками в особняке Кшесинской, пока Владимир Ильич не оборвал поток приветствий и вместо этого предложил высказаться «о той тактике, которой надо держаться»¹.

4 (17) апреля в Таврический дворец Ленин и его спутники приехали в 12 часов. Владимира Ильича сразу подхватили старые и новые знакомые. Были тут и кожевник Иван Присягин, и уже упоминавшийся рабочий завода «Айваз» Иван Чугурин — давние ученики Ленина по школе Лонжюмо. И вернувшийся из ссылки рабочий — депутат IV Думы Федор Самойлов. Пришли Шляпников, Коллонтай... Но больше виделось лиц совсем незнакомых, смотревших с любопытством и ожиданием. Круп-

¹ Воспоминания о В.И. Ленине: В 5 т. Изд. 3-е. М., 1984. Т. 1. С. 442.

ская заметила, как Владимир Ильич отыскал глазами Присягина, улыбнулся ему — было у них «какое-то понимание с полуслова» — и начал выступление...¹

«Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, — писал на следующий день Ленин, — я мог, конечно, лишь от своего имени и с оговорками относительно недостаточной подготовленности выступить на собрании 4 апреля с докладом о задачах революционного пролетариата».

Выступил «сначала на собрании большевиков. Это были делегаты Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, делегаты, которые должны были разъезжаться и поэтому никакой отсрочки дать мне не могли. По окончании собрания председатель его, т. Г. Зиновьев, предложил мне, от имени всего собрания, повторить мой доклад тотчас на собрании и большевистских и меньшевистских делегатов...

Как ни трудно мне было повторять немедленно мой доклад, я не считал себя вправе отказаться, раз этого требовали *и мои единомышленники* и меньшевики, которые из-за отъезда действительно не могли дать мне отсрочки».

«Единственное, что я мог сделать для облегчения работы себе, — и *добросовестным* оппонентам, — было изготовление *письменных* тезисов. Я прочел их и передал их текст тов. Церетели. Читал я их очень медленно и *дважды*: сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков и меньшевиков»².

Мария Костеловская — секретарь Краснопресненского РК РСДРП Москвы, хорошо запомнила, *как* выступал Владимир Ильич «на фракции большевиков в комнате № 13, на хорах Таврического дворца. Было человек 40. Вот его прежняя манера двигаться во время речи вперед — назад... Перед ним был длинный стол, а сзади — деревянные лавки. Когда Ленин пытался назад, он наткнулся на эти лавки и каждый раз с некоторым удивлением оглядывался на них. Мы с трудом растащили лавки в сторону, и Ленин стал ходить вперед к столу и назад, пытаясь к стене шагов пять-шесть, прижимая к себе локти и слегка сжимая кулаки.

Как только он кончил, сейчас же мы все перешли вниз, в думский зал, где уже собралось объединенное заседание большевиков и меньшевиков. Народу было человек 500. Здесь Ленин снова повторил свой доклад и предложил свои тезисы о задачах пролетариата в русской революции»³.

¹ Воспоминания о В.И. Ленине: В 5 т. Изд. 3-е. М., 1984. Т. 1. С. 442.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 113, 131.

³ От Февраля к Октябрю (Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1957. С. 205.

Весь опыт прежней политической борьбы, вся та теоретическая работа, которую Ленин вел в предшествующие годы — штудирование философских трактатов, анализ новой эпохи, мирового революционного процесса, те мысли, которые — уже после Февраля — излагал он в «Письмах из далека», — все это было теперь четко сформулировано в десяти тезисах.

И первый из них давал оценку продолжавшейся войне.

Эта война, говорил Ленин, впервые в истории поставила перед целыми странами и народами проблему выживания: «Война привела все человечество *на край пропасти*, гибели всей культуры, одичания и гибели еще миллионов людей, миллионов без числа». Что касается России, которая несет в этой войне наибольшие потери, то продолжение боини приведет страну лишь к полной катастрофе, разорению и распаду¹.

Можно считать вполне доказанным, считал Ленин, что Временное правительство, опутанное по рукам и ногам обязательствами перед союзными державами, тесно связанное со старым генералитетом и теми буржуазными кругами, которые получали на военных поставках колоссальные прибыли, не сделает никаких реальных шагов к миру. Оно вообще не собирается отказываться от дальнейших военных действий, от захвата чужих территорий. А это означает, что война по-прежнему остается антинародной.

Ее нельзя кончить, полагаясь на добрые пожелания отдельных лиц или добываясь смены наиболее «воинствующих» министров. «Обращаться к этому правительству с предложением заключить демократический мир, — писал Ленин, — все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели». Войну вообще нельзя окончить усилиями лишь одной из воюющих сторон, а тем более — воткнув штык в землю и бежав с фронта. Реализовать это главное требование народных масс можно лишь передав всю полноту власти самому народу².

Наивно ждать от Временного правительства и спасения от надвигающегося экономического краха. Его признаки, проявившиеся в расстройстве народного хозяйства, росте инфляции, сбоях в снабжении армии и тыла, множились изо дня в день. И одновременно, у всех на глазах, росли прибыли промышленников и спекулянтов, наживавшихся на народном бедствии.

Многие полагали, что в условиях войны борьба против буржуазии, сосредоточившей в своих руках управление экономикой, пагубна и необходимо лишь поддерживать ее попытки предотвратить кризис. Но

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 24, 182.

² См. там же. С. 49, 105, 161.

и этот довод Ленин считал чистейшим ребячеством. «Капиталисты не могут, — отмечал он, — отказаться от своих интересов, как не может человек сам себя поднять за волосы». Это правительство никогда не захочет «возложить тяготы войны на богачей», а посему — не даст народу хлеба. Оно «сможет в лучшем для него случае *оттянуть* кризис, но избавить страну от голода *не сможет*»¹. Иными словами, и эту задачу можно решить лишь передав власть самому народу.

Таким образом, итожит Ленин, существующее правительство — «олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно *не может* дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы...». И второй и третий пункты тезисов фиксируют позицию: «Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний». Ибо эти «обещания — единственная вещь, которая очень дешева даже в эпоху бешеной дороговизны». И задача «текущего момента в России состоит *в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии... — *ко второму ее* этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»².

Придумывать или создавать такую власть заново — не надо. Она существует. Она создана народом. Это — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Беда в том, что ни их лидеры, ни большинство самих депутатов не осознали их сути. Не поняли, что это не органы контроля за деятельностью Временного правительства и тем более не органы местного самоуправления, что Советы — это и есть новая государственная власть.

С точки зрения прежних демократических канонов — все в них было не так. Во-первых, они были «незаконны», ибо не было закона, определявшего их статус, порядок выборов. Но точно так же было незаконно и Временное правительство, которое, уж точно, никто не выбирал и не утверждал. И когда 2(15) марта на митинге в Таврическом Милюкову крикнули: «Кто вас выбирал?», он с пафосом ответил: «Нас выбирала русская революция!»³ Он был прав. И Советы и Временное правительство возникли в результате революции, свергнувшей «старый режим» со всеми его нормами и понятиями о государственном устройстве. По-иному и не могло быть.

Во-вторых, Советы являли собой некий новый тип государственности — «прямую власть»⁴, где не было классического «разделения властей». И это тоже не было случайностью. За подобным «разделением» народ имел возможность наблюдать все десять предреволюционных лет.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 50, 63, 73, 143.

² См. там же. С. 36, 114, 147.

³ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 243.

Конечно, Государственная дума по своему составу и функциям была «ублюдочным» парламентом. Но по накалу политических страстей, по части «говорения» она нисколько не уступала аналогичным европейским учреждениям. И этот российский опыт «толчения воды в ступе», бессилия против правящей бюрократии в немалой мере развеивал в глазах народа парламентские иллюзии.

Ведь даже европейский парламентаризм, отмечал Ленин, будучи для всего человечества гигантским шагом вперед в развитии демократии по сравнению с политическими структурами феодализма, вместе с тем показал, что эта форма представительной демократии все-таки не решает главной проблемы: отстранения, отчуждения власти от народа и использования государственной машины против народа.

Напоминая об опыте прежних революций, Ленин говорил, что они «только усовершенствовали *эту* государственную машину, только передавали *ее* из рук одной партии в руки другой партии». Отсюда и результат: «Революции делались, а полиция оставалась, революции делались, а все чиновники и проч. оставались. В этом причина гибели революций... Законы важны не тем, что они записаны на бумаге, но тем, кто их проводит...» И такое «разделение» всегда таит в себе опасность формирования авторитарно-бюрократического режима¹.

Вот почему, выдвигая требование свободы, революционные массы вкладывали в это понятие не только свободу слова, печати, но и надежды на реальную демократию, то есть участие в управлении государством. Вот почему, не доверяя чиновной бюрократии, они стали с помощью Советов строить «демократию *по-своему*». Демократию, которая не только проводила бы политику от имени народа и в интересах народа, но и исходила от народа и осуществлялась не казенным «начальством», а самим народом.

«Жизнь создала, — пояснял Ленин, — революция создала *уже на деле* у нас, хотя и в слабой, зачаточной форме, именно это, новое “государство”... Это *уже* вопрос практики масс, а не только теории вождей». И в пятом тезисе Владимир Ильич заключает: не парламентарная республика, а республика Советов снизу доверху по всей России, ибо «выше, лучше такого типа правительства, как Советы рабочих, батрацких, крестьянских, солдатских депутатов, человечество не выработало и мы до сих пор не знаем»².

Многие оппозиционные платформы обычно грешат одним недостатком. Блистательно критикуя существующую власть и ее политику, они — при изложении своей конструктивной программы — либо обнаруживают полную беспомощность, либо скатываются к чистой демагогии.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31 С. 40, 109, 110, 151, 163.

² См. там же. С. 4, 108, 147, 180.

Нынешние «лениноеды», повторяя зады той критики, которая была обрушена на «Апрельские тезисы» весной 1917 года, твердят — одни об «отходе от марксизма», другие, наоборот, о «тупом доктринерстве», которые якобы и положили начало «социалистическому эксперименту». Жаль, что у подобных критиков не хватило времени на то, чтобы эти тезисы перечитать.

Между тем, комментируя их, Ленин особо отмечает, что Февраль создал ситуацию, в которой нет ни места для «доктрины», ни времени для «социалистического эксперимента». И только тупой педант может в такой обстановке заниматься схоластическими выкладками относительно того, соответствуют ли той или иной «доктрине» те или иные практические решения.

«Не в том дело сейчас, — подчеркивает Владимир Ильич, — как их теоретически классифицировать. Было бы величайшей ошибкой, если бы мы стали укладывать сложные, насущные, быстро развивающиеся практические задачи революции в прокрустово ложе узко понятой “теории” вместо того, чтобы видеть в теории прежде всего и больше всего *руководство к действию*»¹. И предлагая конкретные меры по выходу из кризиса, Ленин исходит не из «доктрины», а из реальной мировой практики. Война породила множество народнохозяйственных проблем во всех воюющих странах. Наиболее развитые из них — Германия, Англия, Франция, а отчасти и Россия — решали эти проблемы на путях создания «военно-государственного капитализма», то есть государственного регулирования производства и распределения.

На практике это означало не только свертывание свободной конкуренции и рынка, жесткую централизацию производства и снабжения, государственный контроль банковского дела, но и общегосударственную мобилизацию труда, то есть всеобщую трудовую повинность, государственное регулирование рабочего времени на предприятиях, государственные закупки по твердым ценам продовольствия у крестьян, нормированное снабжение городского населения и т. д. «Шаги эти, — отмечал Ленин, — с безусловной неизбежностью предписываются теми условиями, которые создала война и которые даже обострит послевоенное время...»²

Но позволяя буржуазии, хотя бы на время, решать некоторые экономические проблемы, указанные меры решали их в интересах милитаризма, продолжения кровавой бойни — *за счет трудящихся*. Поэтому, предлагая ряд шагов, апробированных Европой и действительно целесообразных в экстремальных условиях войны, Ленин ставит вопрос

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31 С. 44, 45.

² См. там же. С. 44, 56, 168.

политический: кто и в чьих интересах будет осуществлять их? Ибо в интересах народа их можно использовать, лишь передав власть самому народу.

Такой подход сразу придает трем «экономическим тезисам» (6, 7 и 8), взятым, казалось бы, из арсенала «военно-государственного капитализма», принципиально иной характер. Он предлагает — немедленный переход к *контролю со стороны Советов* за общественным производством и распределением продуктов. Далее — слияние всех банков страны в один общенациональный банк и *контроль над ним со стороны Совета рабочих депутатов* с привлечением «советов банковских служащих».

О таких Советах Ленин упомянул не случайно. Позднее, в мае, в Петрограде собиралось Всероссийское совещание работников кредитных учреждений. Накануне его один из членов большевистской фракции совещания Дон Маркович Соловей пришел к Владимиру Ильичу за советом. Ленин ответил, что важно «узнать о настроениях среди банковских работников. Кого из них можно приблизить к нам, кого можно будет использовать в будущем, когда власть перейдет в руки Советов...» Эта мера особенно важна, поясняет в «Апрельских тезисах» Владимир Ильич, ибо «банки — нерв, фокус народного хозяйства. Мы не можем взять банки в свои руки, но мы проповедуем объединение их под контролем Совета рабочих депутатов».

И, наконец, национализация *всех* земель в стране и *передача их в распоряжение* Советов крестьянских и батрацких депутатов. А дабы мера эта не приобрела «погромного» характера, подчеркивает Ленин, необходимо, чтобы Советы «строжайше соблюдали *сами* порядок и дисциплину, не допускали ни малейшей порчи машин, построек, скота, ни в каком случае не расстраивали хозяйства и производства хлеба, а *усиливали* его, ибо солдатам нужно в *двое* больше хлеба, и народ не должен голодать»¹.

Что касается угрозы распада и сохранения целостности России, то Ленин прямо указывает: «Пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся... Но этой цели она хочет достигнуть не насильем, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций». Для этого необходимо избавиться от «предрассудков старины, заставляющих видеть в других народах России, кроме великорусского, нечто вроде собственности или вотчины великорусов». А во-вторых, «чем демократичнее будет республика российская, чем успешнее организуется она в республику Советов рабочих и крестьянских депутатов, тем более

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 110, 115, 116, 136, 167, 202; О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900–1922. М., 1963. С. 269.

могуча будет сила *добровольного* притяжения к такой республике трудящихся масс *всех* наций»¹.

Так в чем же дело? Если сила на стороне Советов, если есть программа действий, то, казалось бы, стоит направить к Мариинскому дворцу роту солдат, а еще лучше — матросов, арестовать, а еще проще — разогнать Временное правительство и проблема будет решена. Но в том-то и дело, считал Ленин, что проблема заключалась совсем не в «захвате власти». Она лежала в совершенно иной плоскости.

Революция выявила не только сильные стороны массового движения, его способность к организации и самоорганизации. Революция сделала явными и недостатки этого движения, его слабость. Прежде всего то, что за рамками сознательности и различных форм революционной организованности оставалась гигантская политически неразвитая масса, податливая посулам и демагогии.

«Один из главных, научных и практически — политических признаков *всякой* действительной революции, — пояснял Ленин, — состоит в необыкновенно быстром, крутом, резком увеличении числа «обывателей», переходящих к активному, самостоятельному, действительному участию в политической жизни... Так и Россия. Россия сейчас кипит. Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десять лет, политически забитые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, *проснулись и потянулись* к политике». Эта гигантская волна «захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно...»². Грех соглашательских партий как раз и состоял в том, что, опасаясь потерять поддержку масс, они поддались этой «волне или не осилили, не успели осилить волны»³.

«Буржуазия обманывает народ, играя на благородной гордости революцией и изображая дело так, будто *социально-политический* характер войны со стороны России изменился от... замены царской монархии гучково-милюковской почти республикой. И народ поверил...». Но необходимо четко различать и отделять тех, кто вполне сознательно дурачит народ, от тех, кто одурачен ими, ибо массы *иначе* поддаются иллюзиям, «чем вожди, и *иначе*, иным ходом развития, иным способом высвобождаются»⁴.

Временное правительство и господа генералы вполне сознательно «ведут войну в интересах русского и англо-французского капитала». А лидеры Советов и прочие господа «советские» интеллигенты — интеллектуально обслуживают их. Они, «невзирая на их добродетели, знание

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 159, 167, 168.

² Там же. С. 156.

³ Там же. С. 157.

⁴ Там же. С. 124, 159.

марксизма и проч.», бессовестно обманывают народ фразами о «защите революции». Они «грозят, усовещевают, заклинают, умоляют, требуют, провозглашают...» И переубеждать их бессмысленно, ибо они прекрасно знают, что нельзя изменить характер войны, «не отказавшись от господства капитала»¹.

Совсем другое дело — те, кого они дурачат. «Массовые представители революционного оборончества *добросовестны* — не в личном смысле, а в классовом, т. е. они принадлежат к таким *классам* (рабочие и беднейшие крестьяне), которые *действительно* от аннексий и от удушения чужих народов не выигрывают»². Вот с ними, с теми, кто признает «войну *только по необходимости*», партия и должна работать. И делать это надо терпеливо, обстоятельно, просто, избегая «латинских слов» и псевдоученого умствования³.

Народу необходимо сказать правду. И не только правду о буржуазном правительстве. Но и — в первую очередь — правду о самом народе. О том, что в массе своей он недостаточно организован и сознателен. Что ум его замусорен невежеством и множеством «предрассудков старины». Что по привычке, вековой забитости он тянется за прежними хозяевами жизни, верит им на слово. И что, имея возможность взять власть, он сам дал себя «мирно обмануть» и передал власть буржуазии «по темноте, косности, по привычке терпеть палку, по традиции»⁴.

Что, обидно слушать? «Да, — отвечает Ленин, — это горькая правда. Но это правда. Народу надо говорить правду. Только тогда у него раскроются глаза, и он *научится* бороться против неправды». Главная задача большевиков как раз и состоит в том, чтобы «избавить массы от обмана»⁵.

Для того чтобы все это сказать публично весной 1917 года, надо было — помимо честности — иметь мужество. Февраль вывел на поверхность политической жизни множество демагогов, озабоченных не столько бедствиями страны, сколько стремлением к политической карьере. Миллионы фальшивых слов, восхвалявших «Его Величество Народ», обрушились на рабочих, солдат, крестьян, приятно кружа им головы.

Естественно, что стремление плыть «против течения», иная «правда о народе», говорил Ленин, не принесет партии, особенно на первых порах, популярности и не прибавит ей голосов в Советах. Но большевики должны бороться за единовластие Советов вне зависимости от того, кто будет стоять во главе Советов и какие партии составят там большинст-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 158, 160, 243.

² Там же. С. 160.

³ См. там же. С. 105, 107, 160.

⁴ См. там же. С. 159, 242.

⁵ См. там же. С. 113; Т. 32. С. 19.

во. «Если даже придется остаться в меньшинстве — пусть. Стоит отказаться на время от руководящего положения, не надо бояться остаться в меньшинстве»¹.

Поворот в сознании масс неизбежен. И он станет следствием не только, даже не столько, большевистской пропаганды. К нему приведет сама жизнь. «Мы не хотим, — говорил Ленин, — чтобы массы нам верили на слово. Мы не шарлатаны. Мы хотим, чтобы массы *опытом* избавились от своих ошибок». Поэтому и агитацию надо строить не на «доктрине», а на разъяснении того, что даст власть Советов для прекращения войны и разрухи, ибо к этим вопросам «массы подходят не теоретически, а практически». И если интересы народа нами поняты правильно, если именно их выразит партия, то поддержка ей обеспечена. И в конечном счете — «к нам придет всякий угнетенный, потому что его приведет к нам война, иного выхода ему нет»².

Временное правительство вполне заслужило, чтобы его свергли и заменили властью Советов. Но его нельзя свергнуть, ибо Советы — и фактически и формально поддерживают это правительство. Значит, на первый план выступает другая задача: разоблачение политики Временного правительства и завоевание большинства в Советах. А эту задачу никак не решишь ни с помощью флотского экипажа, ни с помощью солдатских штыков.

Ленин многократно повторяет эту мысль: «Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством»³. Имея за спиной реальную силу, Советы — без всякого восстания — могут взять в свои руки всю полноту власти. И никто — в том числе Временное правительство — не способен воспрепятствовать этому. Вот почему в России, как «нигде в мире, — заключает Ленин, — не может быть совершен так легко и так *мирно* переход всей государственной власти в руки *действительно* большинства народа...»⁴

Вот так ниточка, тянувшаяся от разговоров с воронежцем Кондратом Михалевым в Цюрихе, с тамбовским крестьянином в вагоне поезда, от десятков других встреч, которыми будет насыщен каждый день после возвращения в Россию, и приведет Ленина к пересмотру его позиции по вопросу о перспективе развития революции. Там, в Цюрихе, он полагал, что сам факт вооруженного восстания в Петрограде, свергнувшего царизм, положил *начало* превращению войны империалистической в граж-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 105.

² См. там же. С. 104, 107, 108.

³ См. там же. С. 138, 147.

⁴ Там же. С. 264.

данскую¹. Но рожденное этим же восстанием двоевластие создало возможность иного — мирного пути. И прежний лозунг *гражданской войны был теперь Лениным снят.*

Спустя четыре года Ленин рассказывал: «В начале войны мы, большевики, придерживались только одного лозунга — гражданская война и притом беспощадная. Мы клеймили как предателя каждого, кто не выступал за гражданскую войну. Но когда мы... вернулись в Россию и поговорили с крестьянами и рабочими, мы увидели, что они все стоят за защиту отечества, но, конечно, совсем в другом смысле, чем меньшевики, и мы не могли этих простых рабочих и крестьян называть негодяями и предателями. Мы охарактеризовали это как “добросовестное оборончество”... Я напечатал тезисы, в которых говорил — осторожность и терпение». И мы выступили «против лозунга гражданской войны...».

«Кадеты, — продолжал Владимир Ильич, — которые являются тонкими политиками, тотчас же заметили противоречие между нашей прежней и новой позицией и назвали нас лицемерами». Но там, где они увидели лишь «тонкий ход», «политиканство», стояло иное: реальность, рожденная самой жизнью. «Наша первоначальная позиция в начале войны, — отмечает Ленин, — была правильной, тогда важно было создать определенное, решительное ядро. Наша последующая позиция была также правильной. Она исходила из того, что нужно было завоевать массы. Мы тогда уже выступали против мысли о немедленном свержении Временного правительства. Я писал: “...Его нельзя свергнуть немедленно, так как оно опирается на рабочие Советы и пока еще имеет доверие у рабочих. Мы не бланкисты, мы не хотим управлять с меньшинством рабочего класса против большинства”»².

Задолго до 1917 года и Маркс, и Энгельс, и Ленин писали о предпочтительности мирного взятия власти трудящимися, как пути наиболее гуманном и ценном, наиболее соответствующем интересам народа. Писали они и о том, что история крайне редко предоставляет такую возможность, ибо господствующие классы, защищая свою власть и привилегии, всегда первыми прибегают к вооруженному насилию.

Именно их сопротивление ставило под вопрос реальность мирного пути и на сей раз, ибо — в отличие от Ленина — они отнюдь не собирались отказываться ни от вооруженного насилия, ни от гражданской войны. Когда в первый день революции Шульгин зывал к небесам о пулеметах для того, чтобы «загнать обратно в берлогу вырвавшегося на свободу страшного зверя... Его Величество Русский Народ!», и когда Кутепов двинул против восставших тысячный отряд с пулеметами — их

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 67, 73, 161.

² См. там же. С. 57–61.

намерения не стали реальностью, началом гражданской войны лишь потому, что не было у них тогда ни сил, ни возможностей. Как справедливо заметил Ленин, они «были за гражданскую войну в их пользу, они *против* гражданской войны в пользу народа, т. е. действительного большинства трудящихся»¹. Но это бессилие толкало их не к примирению с новой действительностью, а наоборот — к жгучему желанию реванша. Реванша любой ценой. И с первых послефевральских дней началось собиране сил и формирование армии контрреволюции.

Именно этим, став военным министром, сразу же занялся Александр Иванович Гучков. Надо отдать ему должное — в людях он разбирался. И со всеми героями будущей гражданской войны общий язык был найден уже в марте и апреле 1917 года. В конце марта Гучков вызвал с фронта генерала Антона Ивановича Деникина и назначил его начальником штаба Главковерха. В середине апреля встретился в Одессе с командующим Черноморским флотом вице-адмиралом Александром Васильевичем Колчаком. Тогда же в столицу был вызван и генерал Петр Николаевич Врангель. Но главные надежды военный министр связывал с генералом Корниловым, вступившим в должность командующего Петроградским военным округом уже 5(18) марта.

Настроения в этой генеральской среде были вполне определенными: необходимо с помощью надежных фронтовых частей «расчистить» Петроград, покончить — «не без кровопролития» — с Советами и установить власть, способную «навести порядок». Определелись и источники финансирования, необходимого для такого рода «собирания сил». В начале апреля один из ведущих финансистов и промышленников России Алексей Иванович Путилов вместе с директором-распорядителем Международного коммерческого банка Александром Ивановичем Вышнеградским основали «Общество экономического возрождения России», в которое вошли руководители ряда крупнейших банков. ОЭВР изъявило готовность финансировать начинания Гучкова и — через журналиста и предпринимателя Василия Степановича Завойко — установило контакты с Корниловым².

Впрочем, готовность генералов и банкиров применить насилие против народа создавала лишь *возможность* гражданской войны. Для ее начала необходима была хоть какая-то массовая опора. И Гучков вскоре убедился в этом сам...

В начале апреля в 26-й корпус Румынского фронта прибыло пополнение. Командир корпуса генерал Миллер, увидев на шинелях солдат красные банты, пришел в ярость и приказал немедля содрать их. Но солдаты

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 28.

² См.: Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 40, 45, 46, 47; Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 160, 266.

«взбунтовались», арестовали самого генерала и посадили на гауптвахту. Гучков, объезжавший в это время Румфронт, встретился с ними и после беседы понял, что «бунтовщикам» лучше не перечить. Он вынужден был даже одобрить поступок солдат¹.

Так что с реализацией плана «расчистки» надо было повременить. И все-таки постепенно, в определенной мере даже стихийно, «точки опоры» начинали складываться. В ряде городов, особенно в столице, стали формироваться — чаще всего из офицеров — тайные группы и группочки, завязываться связи между теми, кто не принял революции, кто считал, что «хватит звонить в колокола и пора бить в набат». Но это «белое дело» только-только зарождалось. И пока можно было просчитывать варианты мирного развития революции в России.

Ленин всегда иронизировал над «паразитическим легкомыслием» и «самоуверенностью» тех — склонных к «социальному прожектерству» — интеллигентов, которые «рассуждали всегда о том, какой путь для отечества должны “мы” избрать, какие бедствия встретятся, если “мы” направим отечество на такой-то путь, какие выходы могли бы “мы” себе обеспечить, если бы миновали опасностей пути, которыми пошла старуха-Европа, если бы “взяли хорошее” и из Европы, и из нашей исконной общинности и т. д. и т. п.»².

И теперь, в «Апрельских тезисах», Владимир Ильич писал не о том, как «облагодетельствовать» или куда «вести» народ, а о том, каков будет вектор развития самого движения, куда оно придет, вернее — куда приведет революционная борьба за реализацию насущных требований народа.

Поскольку вопрос о социалистической перспективе русской революции и тогда и теперь вызывает наибольшие сомнения и критику, сошлемся на авторитетное мнение экс-министра внутренних дел Петра Николаевича Дурново, который еще в 1913 году писал государю: «Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма... Политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое... Русский простолюдин, крестьянин и рабочий, одинаково не ищет политических прав, ему и не нужных и не понятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужой землей, рабочий — о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вождения не идут»³.

¹ См.: *Старцев В.И.* Революция и власть. М., 1978. С. 89.

² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 539.

³ Красная новь. 1922. № 6. С. 195, 196.

Ленин был более осторожен: необходимо полностью отдавать себе отчет в том, пишет Владимир Ильич, что осуществление всех перечисленных в «Апрельских тезисах» мер, удовлетворяющих нужды народа и проводимых Советами в борьбе с буржуазией, неизбежно выведет революцию за рамки чисто демократического переворота, а «в своей сумме и в своем развитии эти шаги были бы *переходом к социализму*, который непосредственно, сразу, без переходных мер, в России неосуществим...»¹

Он вновь и вновь поясняет: «Такие меры *еще не социализм*». Они решают «только то, что практически назрело»... «Подобный переворот сам по себе не был бы еще отнюдь социалистическим». Он предостерегает от любых попыток «социалистического эксперимента». Но уже сейчас надо знать, куда, в конце концов, ведет эта дорога, и «вопрос не в том, как быстро идти, а куда идти». Ибо социализм в России «в результате такого рода переходных мер» и при поддержке европейского пролетариата вполне осуществим².

Те, кто полагает, что пафос «Апрельских тезисов» был связан исключительно с надеждами на поддержку революции в России социалистической революцией в Европе, пусть еще раз перечитают эти тезисы. Их пафос *в надежде на разум и жизненный опыт народных масс самой России*.

Еще в Цюрихе Ленин писал: «Когда рабочие и весь народ настоящей массой возьмутся за дело практически, они во сто раз лучше разработают и обставят его, чем какие угодно теоретики». В Питере он повторил: «Обычно возражают: русский народ еще не подготовлен... Это — довод крепостников, говоривших о неподготовленности крестьян к свободе... — Чем меньше у русского народа организационного опыта, тем решительнее надо *приступать* к организационному строительству *самого народа*, а не одних только буржуазных политиканов и чиновников... Ошибки в новом организационном строительстве самого народа неизбежны вначале, но лучше ошибаться и идти вперед, чем *ждать*, когда созываемые г. Львовым профессора-юристы напишут законы... об удущении Советов рабочих и крестьянских депутатов»³.

Комментируя «Тезисы», он еще раз повторяет: «Я «*рассчитываю*» *только* на то, *исключительно* на то, что рабочие, солдаты и крестьяне лучше, чем чиновники, лучше, чем полицейские, справятся с *практическими* трудными вопросами... Я глубочайше убежден, что Советы рабочих и солдатских депутатов скорее и лучше проведут самостоятельность *массы* народа в жизнь...»⁴

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 56.

² См. там же. С. 44, 56, 92, 123, 124.

³ Там же. С. 42, 163, 164.

⁴ Там же. С. 143.

Эту особенность «Апрельских тезисов» по-своему ухватил Милюков. «Дворянин Ленин, — говорил он, — только повторяет дворянина Кириевского или Хомякова, когда утверждает, что из России придет новое слово, которое возродит обветшавший Запад, сорвет это старое знамя научного социализма и поставит на его место новое знамя прямого внепарламентского действия голодающих масс, действия, которое непосредственно, физической силой заставит человечество взломать, наконец, двери социалистического рая»¹.

При всем своеобразии революций, которые знала история человечества, есть некие общие — если и не «законы», то во всяком случае общие тенденции их развития. До определенной точки революционная волна набирает все большую силу, сметая все на своем пути. Но, пройдя эту точку, она начинает замедлять свой ход. Для революционного процесса точка эта определяется реализацией *основных требований* борющихся масс. Лишь удовлетворив их, можно добиться умиротворения и направить вырвавшуюся наружу энергию и инициативу масс не на разрушение, а на созидание, начав тем самым новую конструктивную эпоху в истории России.

Если же требования народа не будут удовлетворены, тогда кровавая смута и анархистская бестолочь — неизбежны. И поскольку удельный вес сознательных элементов в этой многомиллионной массе недостаточен, движение будет приобретать все более буйный характер. Вот откуда исходила опасность настоящего «русского бунта» и реальной «пугачевщины». Тогда страна действительно могла пойти вразнос.

Возможен был, впрочем, и третий вариант: контрреволюция. Она выжидала и надеялась, что, консолидировав свои силы, используя политическую неразвитость масс, сумеет остановить революционный поток. Тогда выходом из смуты мог бы стать лишь кровавый авторитарный режим во главе с генералом-усмирителем либо опять — та же монархия. А возможно — «и» — «и». Но и тогда Россия имела бы дело лишь с «отложенным спросом», как это произошло после подавления первой русской революции.

Между прочим, эти «законы» революции понимал не только Ленин. За 10 лет до того Павел Николаевич Милюков писал, что если бы английский абсолютизм во время революции XVII века «мог добросовестно подписаться под требованиями конституционной монархии тогдашнего парламентского большинства, логическое развитие английской революции остановилось бы на торжестве просвитериян; не дошло бы дело до торжества республиканских тенденций индипендентов, ни до борьбы Кромвеля». Точно так же и во времена Французской революции «логи-

¹ Речь. 1917. 19 октября.

ческое развитие событий едва ли привело бы к тем же последствиям — республике и военной диктатуре, если бы возможно было честное соглашение между Людовиком XVI и конституционными монархистами»¹.

То есть тогда, в 1906 году, Милюков понимал, что стабилизация невозможна без удовлетворения требований революции. Тогда он все еще оставался историком, а не только политиком. Теперь, в 1917-м, он стал министром. И был убежден, что уступать напору масс — нельзя. Но ведь ясно было, что и удержать их невозможно...

Складывался таким образом исторический парадокс: те, кто громче всех твердил о своем стремлении предотвратить смуту, избежать междоусобия и распада, по существу, вели именно к такому исходу. А те, кого обвиняли в подстрекательстве, в подталкивании страны к анархии, на самом деле предлагали путь, который давал шанс избежать и хаоса, и распада, и ширококомасштабной гражданской войны.

И обращаясь к большевикам, Ленин писал: «Поймем же и мы задачи и особенности новой эпохи. Не будем подражать тем горе-марксистам, про которых говорил Маркс: “Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох”»².

Позднее партийные эрудиты вспомнят, что Ленин выступил с «Апрельскими тезисами» 400 лет спустя после того, как Мартин Лютер в 1517 году приколотил к дверям виттенбергской Замковой церкви свои знаменитые 95 тезисов против догматов католицизма. Энгельс заметил, что эти тезисы послужили сильнейшим толчком к революции, оказав на общественное сознание такое же действие, как *удар молнии* по бочке с порохом.

Весной 1917 года об этом случайном совпадении никто не вспомнил. Было не до исторических аналогий. К тому же все твердо знали, что «нет пророка в своем отечестве». Нет и быть не может.

«Против течения»

Когда политическая борьба достигает особой остроты, нередко проявляется определенная «закономерность»: политические лидеры, оппонирова друг другу, не только перестают понимать, но и слушать противника. Они просто не воспринимают любые идеи, не укладывающиеся в принятую ими схему. Диалог сменяется яростными монологами, при случае переходящими в брань, а то и в «рукопашную». И что любопытно, особые страсти зачастую возбуждают не главные, коренные явления реальной жизни, а сюжеты либо побочные, либо сугубо доктринальные.

¹ Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907. С. 350.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 181.

Но 4 (17) апреля, закончив выступление перед большевиками и меньшевиками, участниками Всероссийского совещания Советов, Ленин все-таки надеялся, что дискуссия развернется по существу тех проблем, которые он поставил. Шансов на это было мало. Большевики преобладали в зале. И, судя по всему, с самого начала настроились на скандал. Сидевший рядом с трибуной меньшевик Борис Богданов буквально неистовствовал: «Ведь это бред, — прерывал он Ленина, — это бред сумасшедшего!.. Стыдно аплодировать этой галиматье, — кричал он, обращаясь к аудитории, бледный от гнева и презрения, — вы позорите себя! Марксисты!»¹

Но, как ни странно, надежду на деловое обсуждение подал другой инцидент. В тот момент, когда Владимир Ильич излагал свои тезисы о войне, один из фронтовиков, сидевших в зале, подскочил к трибуне и, как пишет Бонч-Бруевич, стал ругаться «самым отчаянным образом». Ленин выждал, пока «страсти улягутся», и продолжил: «Товарищ излил свою душу в возмущенном протесте против меня, и я так хорошо понимаю его. Он по-своему глубоко прав... Он только что из окопов, он там сидел, он там сражался уже несколько лет, дважды ранен, и таких, как он, там тысячи... За что же он проливал свою кровь, за что страдал?.. Ему все время внушали, его учили, и он поверил, что он проливает свою кровь за отечество, за народ, а на самом деле оказалось, что его все время жестоко обманывали... Да ведь тут просто с ума можно сойти! И поэтому еще настоятельней мы все должны требовать прекращения войны...»²

Этот фронтовик был не согласен с «Тезисами». Но он спорил «по делу» — о способах окончания войны. И спустя несколько дней, видимо, под впечатлением этого выступления, Ленин напишет: «Массовый представитель оборончества смотрит на дело попросту, по-обывательски: “Я не хочу аннексий, на *меня* «прет» немец, значит, я защищаю правое дело, а вовсе не какие-то империалистические интересы”. Такому человеку надо разъяснять и разъяснять, что дело не в его личных желаниях, а в отношениях и условиях массовых, *классовых*, политических, в связи войны с интересами капитала... Только такая борьба с оборончеством серьезна и обещает успех — может быть, не очень быстрый, но верный и прочный»³.

Владимир Ильич видел, что ему собирается оппонировать вся «тяжелая артиллерия» меньшевиков, сидевшая в президиуме. И он надеялся, что уж они-то продолжат разговор по существу. Увы! Вместо этого он услышал снисходительно-поучающие речи о том, что «тов. Ленин»

¹ Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 2. Кн. 3–4. С. 16.

² Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969. С. 78, 79.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 160.

слишком долго не был в России и к тому же не очень тверд в азах марксизма.

Первым взял слово Ираклий Церетели. Он стал говорить о том, что в «Тезисах» отсутствует классовый анализ, что «народные массы не подготовлены к пониманию таких мер, которые предлагает т. Ленин». В ход пошел Энгельс, его предупреждение о том, что класс, рано захвативший власть, гибнет. А посему, заключал Ираклий Георгиевич, даже если русские рабочие «захватят власть», то через 3–4 дня крах неизбежен, а он приведет к поражению революции в России и в Европе. Потом Федор Дан долго говорил о том, что «Тезисы» — это удар по единству и «похороны партии». А Юрий Ларин, как «истинный интернационалист», стал доказывать, что Ленин противоречит самому Карлу Либкнехту...¹

Как всегда, особенно обидно выступали бывшие товарищи. Иосиф Петрович Гольденберг (Мешковский), избравшийся от большевиков в состав ЦК РСДРП, а в годы войны перешедший к плехановцам, заявил: «Ленин ныне выставил свою кандидатуру на один трон в Европе, пустующий вот уже 30 лет: это трон Бакунина! В новых словах Ленина слышится старина: в них слышатся истины изжитого примитивного анархизма». Он «поднял знамя гражданской войны внутри демократии», ибо сеет раскол среди социалистов. Юрий Стеклов, тоже ходивший в прежние годы в большевиках, оказался более снисходительным: «Речь Ленина состоит из одних абстрактных построений, доказывающих, что русская революция прошла мимо него. После того как Ленин познакомится с положением дел в России, он сам откажется от этих своих построений»².

Еще во время выступления Ленина Матвей Скобелев замечает: «Его друзья и сторонники, даже наиболее убежденные, обмениваются тревожными взглядами, ибо развиваемая Лениным идея кажется мало соответствующей условиям...» В кулуарах Матвей Иванович обменивается мнениями с Сухановым. И когда к ним подходит Милюков и, как бы между прочим, начинает расспрашивать о разногласиях между «социалистами», Суханов отвечает: «Ленин в настоящем его виде до такой степени ни для кого неприемлем, что сейчас он совершенно не опасен». Скобелев выразился жестче, сказав, что оценивает Ленина «как совершенно отпетого человека, стоящего вне движения»³.

«Ленина, — продолжает Суханов, — поддержала одна (недавняя меньшевичка) Коллонтай... Эта поддержка не вызвала ничего, кроме издевательств, смеха и шума... Серьезное обсуждение было сорвано»⁴. Слушать все это было не столько обидно, сколько скучно и неинтересно.

¹ См.: Ленинский сборник. VII. М.; А., 1928. С. 307, 308.

² Суханов Н.И. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 16.

³ Там же. С. 19; Рабочая Москва. № 38. 16 апреля.

⁴ Суханов Н.И. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 17.

И, договорившись о встрече с большевиками, приехавшими с мест, Ленин ушел, не воспользовавшись даже своим правом на заключительное слово.

Эта встреча, состоявшаяся на следующий день, в той же комнате 13 на хорах Таврического дворца, порадовала. Москвичка Мария Костеловская рассказывает: «...Слово получил шахтер из Донбасса. Он был высокий, черный, с проседью, коренастый, лет под 50, с большой черной бородой. Он смотрел на Ильича влюбленными глазами, как на родного, и сказал примерно следующее:

— Все, что тут товарищ Ленин предлагает, все это правильно. Надо брать нам фабрики и заводы и прогонять капиталистов. Вот у нас хозяев нет. На нашем руднике 10 тысяч рабочих, и мы теперь работаем сами... Поставили охрану рудника, весь порядок исполняем, работаем без хозяина. Но только ораторов у нас нет... Когда соберется народ, требует, чтобы я, как я есть большевик, объяснил им все. Ну я только одно могу сказать и говорю им всегда: “Братцы, держитесь крепче”. А больше я ничего не могу сказать... А Ленин во всем, что он говорил, во всем прав.

Во время этой речи Ильич вел себя очень бурно. Он радовался, вскакивал, садился, подавал реплики, смеялся¹. И менее всего его симпатии привлекла комплиментарная часть речи. Огромное впечатление на него произвело то, что этот вполне зрелый рабочий пришел к мысли о контроле над производством, не штудиря «умные» книжки, а непосредственно от реальной жизни, от необходимости сохранить шахту и накормить людей.

Об этом выступлении донецкого шахтера Н.И. Дубового Ленин вспомнил через три недели на Всероссийской конференции РСДРП: «Я кончу ссылкой на одну речь, которая произвела на меня наибольшее впечатление. Один углекоп говорил замечательную речь, в которой он, не употребив ни одного книжного слова, рассказывал, как они делали революцию. У них вопрос стоял не о том, будет ли у них президент, но его интересовал вопрос: когда они взяли копи, надо было охранять канаты для того, чтобы не останавливалось производство. Затем вопрос стал о хлебе, которого у них не было, и они также условились относительно его добывания. Вот это настоящая программа революции, не из книжки вычитанная»².

После Дубового слово дали Костеловской. Она говорила о «самочинных захватах» предприятий рабочими и земли крестьянами в Центральном районе. О том, что все это происходит стихийно, что массы гораздо «левее» партии. «И опять на мою долю, — вспоминала Мария

¹ От Февраля к Октябрю. С. 206.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 358.

Михайловна, — так же как и на долю моего предшественника — шахтера, досталось немного одобрительных восклицаний Ильича. Он тыкал в воздух указательным пальцем и кричал: “Слушайте, слушайте”. Смеялся, хлопал. Он одобрял, радовался, шутил и вставлял язвительные словечки по адресу Каменева и других»¹.

«Язвительные словечки» не были случайными. О том, что ему придется столкнуться с оппозицией в большевистских рядах, Ленин догадывался еще в Цюрихе. Из четырех «Писем из далека», отправленных им в марте, «Правда» опубликовала лишь первое, да и то с большими купюрами. А беглый просмотр «Правды» в Торнео, беседа с Каменевым, Сталиным и другими цекистами сначала в вагоне, а затем в Питере, окончательно убедили Владимира Ильича, что бой предстоит не только с партиями буржуазии, не только с эсерами и меньшевиками, но и с вполне сложившимися настроениями и даже предрассудками в большевистской среде.

Эти настроения и предрассудки проявились уже на площади Финляндского вокзала после выступления Ленина с броневика. Мария Костеловская, стоявшая в оцеплении, рассказывает, что «тут же начались и споры: “Как же так, ведь социалистическая революция у нас возможна лишь после того, как она начнется где-либо на Западе”. И мы чуть не подрались тут же с одним из товарищей, с которым шли рядом, держа цепь»².

О том, что в предреволюционные годы *во всех* российских нелегальных партиях — по идейным, организационным или иным мотивам — шла острая фракционная борьба, написано много. Попытки свести причины этих разногласий к соперничеству лидеров, склокам — несерьезны и за версту отдают пошлостью. Крайняя сложность непрерывно менявшейся в стране обстановки не поддавалась простым, однозначным оценкам. И это неизбежно сказывалось при выработке практических решений.

Безусловно, эти споры затрагивали прежде всего эмигрантскую среду и находившиеся там партийные «верхи». Но каждый раз, когда возникали распри, лидеры апеллировали к массе российских партийцев. В ходе дискуссий местные организации самоопределялись, принимали сторону той или иной руководящей группы и, в конечном счете, именно там, «в низах», решался исход внутривнутрипартийной борьбы.

Однако все эти разногласия порой изрядно надоедали партийцам на местах. Особенно в тех случаях, когда сам предмет спора был им не очень понятен. Известная фраза Сталина — «буря в стакане воды» — по поводу философской дискуссии между Лениным и Богдановым в 1909 году

¹ От Февраля к Октябрю. С. 207.

² Там же. С. 204.

достаточно полно характеризует эти настроения. Поэтому в партийной среде и возникало определенное противопоставление «теоретиков-заграничников» и «российских практиков».

Слова — «мы, практики» — Сталин не раз повторял и тогда, когда речь заходила о его разногласиях с Лениным в 1917 году. «Ильич велик» — этого он никогда не отрицал. Но «нам казалось, — говорил Сталин, — что все овражки, ямы и ухабы на нашем пути нам, практикам, виднее»¹.

Впрочем, после возвращения из ссылки 12 (25) марта отношения с питерскими «практиками» — членами Русского бюро ЦК Шляпниковым, Залуцким, Молотовым — у него сложились не сразу. Его конфликты с товарищами по туруханской ссылке были им известны и, когда встал вопрос о вхождении Сталина в состав Бюро, решили: «Он состоял агентом ЦК в 1912 г. и потому являлся бы желательным в составе Бюро ЦК, но ввиду некоторых личных черт, присущих ему, Бюро ЦК высказалось в том смысле, чтобы пригласить его с совещательным голосом»².

Однако уже на следующий день, 13 марта, по настоянию депутата IV Думы Матвея Муранова, Сталин становится не только полноправным членом Бюро, но и вводится в редакцию «Правды», которая с 14 марта начинает регулярно печатать его статьи.

Извлекать уроки из своих ошибок он тогда умел и никаких следов «надменности», за которую его упрекали в ссылке, за ним уже не замечалось. Наоборот, он был простым и свойским в отношениях и с питерским большевистским активом, и с «практиками», приезжавшими из провинции. Наладились нормальные рабочие отношения и с руководителями Петросовета — Чхеидзе, Церетели, Чхенкели. Сталин знал их по прежним временам, но теперь они буквально упивались той ролью «государственных мужей», которую им довелось играть.

Александра Коллонтай после возвращения в Питер записала: «Меня поразило, что о “днях революции” говорили как о чем-то прошлом, уже пережитом, будто с отречением царя и образованием Временного правительства все войдет в свою обычную колею». В письме Ленину 26 марта Александра Михайловна отметила: «Слишком громко звучит нотка уже достигнутого торжества, будто дело сделано, уже закончено... “Мы уже у власти”, таково самодовольно-ошибочное настроение у большинства в Совете. И этим опьянением достигнутыми успехами конечно пользуется гучковское правительство, склоняясь лицемерно перед волей и решением Совета в частности, но, разумеется... удерживая в руках своих бразды правления»³.

¹ *Сталин И. В.* Соч. М., 1947. Т. 4. С. 317.

² Вопросы истории КПСС. 1962. № 3. С. 143.

³ РГАСПИ, ф. 134, оп. 1, д. 272, л. 28, 48.

В статьях Каменева, фактически возглавившего «Правду», а отчасти и Сталина подобные настроения нашли свое отражение. Поэтому и ленинские «Письма из далека», привезенные 19 марта Коллонтай, встретили в редакции настороженно. 21 и 22 марта со значительными сокращениями опубликовали лишь первое письмо. И еще в Белоострове, увидев Каменева, Владимир Ильич сказал ему: «Что у вас пишется в “Правде”? Мы видели несколько номеров и здорово вас ругали...»

Позднее большевики не любили вспоминать об этих разногласиях. Федор Раскольников ограничился фразой: доклад Ленина 4 апреля в Таврическом «переполошил... некоторых партийных товарищей. Не все так скоро могли понять казавшийся почти максималистским призыв к социалистической революции». Старый большевик В. Залежский был более определен: «Основные положения тезисов, — пишет он, — настолько ошеломили даже руководящую верхушку петербургской организации, что в своем выступлении Ленин не нашел сторонников даже в наших рядах». Суханов вспоминает, что прямо там — в Таврическом — один из большевиков открыто заявил, что речь Ленина «не углубила, а, наоборот, уничтожила разногласия в среде социал-демократии, ибо по отношению к ленинской позиции между большевиками и меньшевиками не может быть разногласий»¹.

Видимо, это был *бывший* большевик, перешедший в годы войны к меньшевикам, Владимир Савельевич Войтинский. 5 апреля он писал в плехановском «Единстве» о Ленине: «Мы все объединимся без него и против его программы, придуманной в поезде».

Анатолий Луначарский, причислявший себя в то время к «межрайонцам», добавляет: когда Ленин на собрании 4 апреля изложил свои тезисы, «не только элементы, колеблющиеся среди социал-демократов, но даже люди из очень старой большевистской среды дрогнули. Стали толковать, что Ленин со своим радикализмом может погубить революцию, толковать, что он зарвался... Почти у всех была смута на душе»².

Действительно, если верить Суханову, именно в эти дни «Ленин созвал совещание из старых большевистских “генералов”, современные взгляды которых ему были неизвестны, но которые — в случае солидарности с ним — могли составить превосходное боевое ядро для создания будущей армии... В числе приглашенных были заслуженные, но в большинстве не активные ныне большевики — Базаров, Авилов [Глебов], Десницкий [Строев], кажется Красин, Гуковский и не помню, кто еще.

¹ Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.; Л., 1925. С. 54; Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 17; Залежский В. Из воспоминаний подпольщика. М., 1931. С. 178.

² Луначарский А.В. О Владимире Ильиче. Сборник статей и воспоминаний. М., 1933. С. 23.

По словам участников, Ленин на этом совещании был вконец охрипшим и совершенно не мог говорить. Но более чем вероятно, что это и не входило в его планы: он уже достаточно высказался и хотел *послушать*, что скажут ему старые “маршалы”... “Маршалы” произнесли по речи. Ни один не высказал ни малейшего сочувствия. Все до одного оказались преисполнены предрассудками марксизма и старого социал-демократического большевизма»¹.

Судя по всему, Красина на этом совещании не было. Они встретились позже. А организовать эту встречу Владимир Ильич попросил Александру Коллонтай.

Леонида Борисовича и его брата Германа он знал еще с 90-х годов. В 1905 году Леонид Красин возглавлял боевую техническую группу при ЦК РСДРП, на III и IV съездах избирался членом ЦК, а на V — членом Большевистского центра. Его всегда отличала увлеченность работой, которую он вел — будь то организация нелегальных типографий, мастерских по изготовлению бомб или подготовка восстания. Он всегда целиком отдавался тому делу, которое избрал для себя.

Но после поражения революции Красин стал отходить от партийной работы. Теперь он увлекся электротехникой, с которой не терял связей и прежде — после окончания Харьковского технологического института. В Берлине как инженер он приобрел авторитет даже среди самых высококвалифицированных немецких специалистов фирмы «Сименс и Шуккерт». А когда вернулся в Россию, возглавил отделение этой фирмы в Петербурге и «Электростанцию акционерного общества 1886 года» в Царском Селе.

Здесь они и встретились. Электростанцию Ленин посещал впервые. Его искренний интерес был для Красина в радость, ибо здесь было теперь его любимое дело. Он водил Владимира Ильича из помещения в помещение, рассказывал об устройстве всех агрегатов и механизмов. И Ленин потом говорил Коллонтай: «Красин... сейчас по уши влюблен в свою электростанцию... Умница... И так это смачно рассказывает про новую технику, что я шесть часов бродил с ним по заводу, времени не заметил... В будущем, когда начнем строить новую Россию, нам такие как Красин нужны будут. Да не десятки, а тысячи Красиных».

Но чем больше Леонид Борисович рассказывал о светлых перспективах электрификации, тем больше удивляла Ленина его отстраненность от того, что происходило за стенами станции. «Странные люди эти инженеры, — говорил потом Владимир Ильич Коллонтай. — Красин был инициативный и бесстрашный партиец, а сейчас... важно ему одно, что-

¹ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 20.

бы турбины да генераторы работали без отказа... Ни о чем другом не думает. Будто нет революции, не слышит он ее».

Но оказалось, что слышит... Но совсем по-другому. Его пугала та самая «пугачевщина», о которой писала большая пресса. И Леонид Борисович стал просить Ленина похлопотать в ЦИК, чтобы помогли ему «в случае эксцессов» вывезти семью — жену, дочерей — в Англию. Владимир Ильич обещал помочь. На том и расстались. И Коллонтай заметила, что рассказал он ей все это «с оттенком удивления, но без порицания»¹.

Осадок все-таки остался. Спустя несколько месяцев, когда борьба действительно обострилась до крайности и страх перед народной стихией для многих интеллигентов стал заслонять все остальное, Ленин, не упоминая фамилии, вспомнил в одной из своих работ: «Разговор с богатым инженером незадолго до июльских дней. Инженер был некогда революционером, состоял членом социал-демократической и даже большевистской партии. Теперь весь он — один испуг, одна злоба на бущующих и неукротимых рабочих. Если бы еще это были такие рабочие, как немецкие, — говорит он (человек образованный, бывавший за границей), — я, конечно, понимаю вообще неизбежность социальной революции, но у нас, при том понижении уровня рабочих, которое принесла война... это не революция, это — пропасть».

Он готов был признать социальную революцию, если бы история подвела к ней так же мирно, спокойно, гладко и аккуратно, как подходит к станции немецкий курьерский поезд. Чинный кондуктор открывает дверцы вагона и провозглашает: «Станция социальная революция. Alle aussteigen (всем выходить)!»².

До сих пор никто не расшифровывал — о ком идет речь в этих ленинских строках. Да, о Леониде Борисовиче Красине. И это нисколько не умаляло в глазах того же Владимира Ильича заслуг Красина в последующие годы, когда он активно включился в советскую работу. Тем более что тогда — в апреле 1917 года — Ленин поначалу не находил общего языка не только с ним.

6 (19) апреля на заседании Бюро ЦК против «Апрельских тезисов» выступил Каменев. Мысль Ленина о том, сказал он, что на смену империализму идет социализм — теоретически бесспорна. Но у нас «революция буржуазная, а не социальная. Не оценен момент, конкретный для России». Поэтому сравнивать российские Советы с Парижской Коммуной 1871 года неправомерно. В целом ленинская «общая социологическая схема не наполнена конкретным политическим содержанием» и не дает «конкретных указаний». Каменева поддержал Сталин. И хотя он

¹ РГАСПИ, ф. 134, оп. 1, д. 272, л. 88, 89.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 321.

коснулся лишь национального вопроса, вывод был тот же: «Схема, но нет фактов, а потому и не удовлетворяет». Шляпников пошутил: «Вас, Владимир Ильич, надо немного бы придержать за фалды, вы хотите двигать события слишком быстрыми темпами». Но Ленин шутки не принял. «Быстро ходя взад и вперед по комнате», он ответил, что «удерживать его за фалды никому не придется», ибо не он будет «двигать события», а партия будет вынуждена считаться с неизбежными «грядущими событиями»¹.

Когда вопрос об отношении к ленинским тезисам поставили на заседании Петроградского комитета, лишь двое поддержали их. 13 проголосовали против и один воздержался. На заседании ЦК решили по отношению к лидеру быть более гибкими: постановили начать общепартийную дискуссию и подвести ее итоги на Всероссийской конференции РСДРП. «И тезисы и доклад мой, — писал Ленин, — вызвали разногласия в среде самих большевиков и самой редакции «Правды»... Мы единогласно пришли к выводу, что всего целесообразнее *открыто* продискутировать эти разногласия...»²

7 (20) апреля «Правда» опубликовала «Апрельские тезисы» с редакционным примечанием, что они отражают лишь взгляды Ленина, а отнюдь не позицию партии. А на следующий день в «Правде» печатается статья Каменева «Наши разногласия», содержащая критический анализ «Тезисов», которые рассматривались как сугубо «личное мнение» Ленина, причем противоречащее решениям, принятым мартовским Общероссийским совещанием большевиков накануне приезда Владимира Ильича.

Каменев и его единомышленники избрали, казалось бы, беспроигрышную позицию: они-де стоят на почве общеизвестных партийных решений и старых принципов большевизма, а Ленин, с его революционным нетерпением, пытается их ревизовать. Между тем буржуазная революция не завершена. Республика не узаконена. Аграрный вопрос не решен. Значит, буржуазная демократия еще не изжила себя. Значит, рвать блок с мелкобуржуазными партиями рано. Пусть *они* докончат свое дело. А уж потом возьмемся *мы* и будем думать о переходе к революции социальной.

Пока же наше место — это место добропорядочной оппозиции, которая будет поддерживать лишь конкретные шаги правительства, соответствующие интересам народа. Все это звучало убедительно и мило.

¹ См.: Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1984. Т. 1. С. 424; О Владимире Ильиче Ленине. Воспоминания. 1900–1922. М., 1963. С. 238.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 131; Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992. С. 49.

Но, увы, телега российской революции уже катилась с грохотом совсем не в ту сторону.

Относительно верности «старым большевистским решениям» Каменев не столь уж грешил против истины. Но в этом доктринерстве как раз и заключалась слабость его позиции. Прежние «формулы» большевизма, отвечает ему Ленин в «Письмах о тактике», прежние «большевистские лозунги и идеи *в общем* вполне подтверждены историей, но *конкретно* дела сложились *иначе*, чем мог (и кто бы то ни был) ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее». Одновременное существование буржуазного правительства (а это «законченная» буржуазная революция) и Советов («революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства») создало не тот коллаж, в котором один цвет плавно переходит в другой. Сложилась сразу «двухцветная» действительность.

«Игнорировать, забывать этот факт, — продолжает Владимир Ильич, — значило бы уподобляться тем “старым большевикам”, которые не раз уже играли печальную роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно *заученную* формулу вместо *изучения* своеобразия новой, живой действительности». Старая формула, — заключает Ленин, — «никуда не годна. Она мертва. Напрасны будут усилия воскресить ее». Того, кто пытается делать это, «надо сдать в архив “большевистских” дореволюционных редкостей (можно назвать: архив “старых большевиков”)». И он напоминает любимую фразу из «Фауста» Гёте: «Теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни»¹.

В общем, ответ Каменеву и его единомышленникам получился достаточно жестким. Но Владимир Ильич откладывает эту работу — «Письма о тактике» — для издания отдельной брошюрой. А в «Правде» публикует чуть ли не ежедневно по две-три-четыре статьи, разъясняющие основные идеи «Апрельских тезисов».

Итак, дискуссия в большевистской печати началась. И велась она в достаточно сдержанных, товарищеских тонах. А вот за ее рамками обсуждение ленинской позиции с каждым днем все более превращалось в кампанию откровенной травли.

26 мая Ленин пришел в Зимний дворец давать показания Чрезвычайной следственной комиссии по делу Малиновского. С того момента, когда были опубликованы документы охранки о его провокаторстве, буржуазная пресса не переставала травить Ленина за то, что он якобы укрыв Малиновского от этих обвинений еще в 1914 году.

«В залах Зимнего дворца, занятого Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, — рассказывает очевидец, — царило большое возбуждение. Нарядные машинистки, работавшие раньше в се-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 133, 134, 139, 140.

нате, лица, прикомандированные к комиссии для производства следственных действий — следователи, товарищи прокуроров и т. д., — оставили свои кабинеты и делали вид, будто они прогуливаются в коридорах... Даже придворные лакеи сбросили с себя личины равнодушной и тупой важности». Другой очевидец дополняет: «У нас в комиссии был переполох. Все стремились посмотреть на “продавца России” и хоть вслед ему плюнуть — на большее пороку ни у кого не хватало. Ждали скандала».

«Почти минута в минуту, в назначенный час, вызванный свидетель поднялся по дворцовой лестнице, предъявил свою повестку и был проведен к судебному следователю сквозь строй жадно любопытных и остро неприязненных взоров». Отвечая на вопросы присяжного поверенного Н.А. Колоколова, Ленин рассказал, что тогда — в 1914 году — ЦК РСДРП создал специальную комиссию для проверки слухов о провокаторстве Малиновского. От партийной работы его сразу отстранили. Однако ни улики, ни серьезных фактов о связях с охранкой не выявили. Да, теперь, спустя три года, стало известно, что Малиновский — провокатор. Но тогда, в 14-м, для столь страшного обвинения доказательств не было. Были лишь догадки, слухи и сплетни весьма сомнительного свойства. Начавшаяся война прервала расследование¹.

О «презумпции невиновности» Колоколов знал хорошо, и ответы Ленина его удовлетворили. Полковник Коренев, присутствовавший при этой беседе, написал: «Ленин оказался на допросе не только приличным, но и крайне скромным... Он приводит данные, излагает свои соображения, которые объясняют, почему он доверял, не мог не доверять Малиновскому».

По ходу разговора выясняется, что в 1914 году о провокаторстве Малиновского доподлинно знал председатель Думы. Но он даже не намекнул, не предупредил об этом «левых» депутатов. Вот кого, считал Ленин, надо привлечь к ответственности за преступное укрывательство и навсегда исключить из числа «незапятнанных граждан» России.

Каков же итог? В последующие дни солидные «Биржевые ведомости», меньшевистские «День», «Новая жизнь» и другие газеты напечатали, что на допросе в ЧСК Ленин, якобы так и не поверив в провокаторство Малиновского, всячески пытался его обелить. Такова была «объективность» свободной российской прессы².

Особенно интенсивно использовались ею два сюжета: призыв Ленина к «захвату власти» и немедленное «введение социализма» в России. К этой кампании присоединился и Георгий Валентинович Плеханов, за-

¹ См.: *Розенталь К.С.* Провокатор Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996. С. 135.

² См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 353, 354, 510, 511, 512; Труд. М., 1924. № 255. 7 ноября.

явивший, что тезисы Ленина являют собой «безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на Русской Земле»¹.

Поскольку ни первого, ни второго, ни третьего утверждения в тезисах не содержалось, можно было бы игнорировать подобную критику. «Я бы назвал это “бредовыми” выражениями, — заметил Владимир Ильич, — если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение»². Но ведь эту прессу читали люди. Она воздействовала на их умы. Значит, надо было отвечать и вновь и вновь — не оправдываться, а *разъяснить* свою позицию.

Плеханов, Дейч и Засулич выступают с воззванием против тех, кто ведет антивоенную пропаганду. Такая пропаганда, считают они, аморальна, ибо «Россия не может изменить своим союзникам. Это покрыло бы ее позором...». Их позиция вполне укладывалась в рамки кампании, проводившейся либеральной прессой, которая оценивала нежелание солдат воевать как отсутствие патриотизма и нравственную деградацию.

Противоположные позиции неизбежно рождали разную логику рассуждений. Почему умирать за Константинополь и проливы — это патриотизм, а нежелание погибать за чужие интересы — это позор? Согласно той логике, которой Плеханов, Дейч и Засулич придерживались в прежние времена, если общество разделено на богатых и бедных... если богатые не считаются с бедными и блудят лишь свои корыстные интересы... если во имя этих интересов они заключают соглашения с такими же эксплуататорами из других стран, то почему эти соглашения должны быть обязательными для трудящихся. Ведь у них есть другие обязательства.

«Между рабочими всех стран, — разъясняет Ленин, — *есть* другой договор, именно Базельский манифест 1912 года (Плехановым тоже подписанный и — преданный). Этот “договор” рабочих называет “преступлением”, если рабочие разных стран будут стрелять друг в друга из-за прибылей капиталистов». И для всей массы трудящихся это соглашение предпочтительней, нежели те, которые заключались монархами России, Англии, Италии и т. д.³

Поскольку отношение большевиков к войне стало излюбленным сюжетом, эксплуатировавшимся буржуазной прессой, Ленин уделял ему особое внимание. Еще 17 (30) апреля, выступая на заседании солдатской секции Петросовета, он сказал: «Желтая пресса пишет, что я, Ленин, призываю солдат сложить оружие и разойтись по домам. Не так, това-

¹ Амин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Рим, 1971. С. 248.

² Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 31. С. 117.

³ Там же. С. 328.

рищи. Я призываю солдат крепче держать в руках винтовку и направлять ее туда, откуда грозит опасность нашей революции. Если грозит опасность со стороны немецкой буржуазии, направлять винтовку туда, а если грозит опасность со стороны русской буржуазии, направляй винтовку в нее». Так записал его выступление член солдатской секции Петросвета Михаил Жаворонков¹.

Позднее Владимир Ильич пояснял: «Мы были пораженцами при царе, а при Церетели и Чернове мы не были пораженцами. Мы выпустили в “Правде” воззвание, которое Крыленко, тогда еще преследуемый, опубликовал по армии... Он сказал: “К бунтам мы вас не зовем”. Это не было разложением армии. Разлагали армию те, кто объявил эту войну великой... Мы армии не разлагали, а говорили: держите фронт...»²

При разъяснении позиции по отношению к войне и способам ее прекращения один вопрос более всего беспокоил Владимира Ильича — о «братании». Именно вокруг него разгорались страсти на митингах и в прессе. Из-за него произошел и упомянутый выше конфликт с фронтовиком при чтении «Апрельских тезисов» в Таврическом дворце. И Ленин попросил руководителей большевистской Военной организации, сформировавшейся еще в марте 1917 года, связать его с солдатами. Со сколькими фронтовиками беседовал он на эту тему — неизвестно. Судя по всему, со многими. И запись одной из таких бесед сохранилась.

Беспартийному солдату Андрею Немчинову, заместителю председателя комитета 2-го гвардейского стрелкового полка, стоявшего под Луцком, было под тридцать. В Питере он находился проездом, так как дали ему отпуск в родные пермские края. Когда его привели в редакцию «Правды», Владимир Ильич спросил: «Вы, товарищ, с фронта? Как там с братанием?»

И вот запись ответа: «Говорят, что немцы братаются для того, чтобы выведать наши силы, но мы никакой неискренности со стороны немецких солдат, таких же крестьян и рабочих, как и мы, не видели. Наоборот, многие немцы и австрийцы со слезами на глазах жали руки нашим солдатам и по их измученным лицам видно было, как издергала их эта проклятая война. Немецкие офицеры, так же, как и наши, не хотят брататься, и солдаты-немцы идут наперекор их приказаниям... По-видимому, озлобление солдат против офицеров достигает крайней степени. Немецкие офицеры другой раз открывают стрельбу по русским солдатам. В таких случаях немецкие солдаты сплошь и рядом предупреждают нас, махая шапками, чтобы мы спрятались». Уходя, Немчинов сказал: «“Так что войну мы почти кончили...” “Вот это хорошо! Сам народ кончает

¹ Яковлев Б.В. Ленин. Страницы автобиографии. С. 570.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 114, 115.

войну!» — одобрительно заметил мой собеседник». О том, что он разговаривал с Лениным, Андрей Ильич не знал¹.

А Владимир Ильич в «Правде» 28 апреля в статье «Значение братанья» написал: «...братанье есть революционная инициатива *масс*, есть пробуждение совести, ума, смелости угнетенных классов... Хорошо, что солдаты проклинают войну... Хорошо, что они, ломая каторжную дисциплину, сами начинают братанье на всех фронтах... Надо, чтобы солдаты переходили теперь к такому братанью, во время которого обсуждалась бы ясная политическая программа. Мы не анархисты. Мы не думаем, что войну можно кончить простым “отказом”, отказом лиц, групп или случайных “толп”. Мы за то, что войну должна кончить и кончит *революция*...»²

В который уже раз, объясняя свое отношение к власти, Ленин пишет, что в тезисах нет призыва ни к свержению Временного правительства, ни к насилию вообще. Наоборот, «я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от... всякой *игры* в “захват власти” рабочим правительством... Я свел дело в тезисах с полной определенностью к *борьбе за влияние в н у т р и* Советов... А Советы рабочих и т. д. депутатов *заведомо* есть прямая и непосредственная организация *большинства* народа». И действовать в Советах можно *только* разъяснением, пока кто-либо не перешел к насилию над массами». Стало быть, заключает Ленин, если вы ратуете за свободу и демократию, то у вас не может быть возражений против мирного «перехода политической власти к большинству населения России!»³

Что касается немедленного «введения социализма», то и тут «Тезисы» утверждали нечто прямо противоположное. Разве национализация земли, спрашивает Ленин, это «социалистическая революция? Нет. Это *еще* буржуазная революция...»... А «слияние всех банков в один?.. Есть ли это социалистическая мера? Нет, это *еще не* социализм». Ну, а если бы «синдикат сахарозаводчиков перешел в руки государства, под контроль рабочих и крестьян и чтобы цена сахара понизилась?» Тем более что именно этот синдикат *стоял уже* под контролем “государства”... еще при царизме. Будет ли переход синдиката в руки демократически-буржуазного, крестьянского государства социалистической мерой? Нет, это еще не социализм»⁴.

Как раз в эти апрельские дни приехал старый — еще по 1907 году — знакомый Сергей Малышев, которого избрали председателем уездного

¹ Солдатская правда. 1917. № 36. 14 июня (1 июня ст. стиля). С. 4; В.И. Ленин и Пермский край. Пермь, 1970. С. 238–241.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 459–461.

³ Там же. С. 138, 218, 302.

⁴ Там же. С. 302, 303.

Совета в Боровичах близ Петрограда. Приехал он по делу. Был у них в Боровичах керамический завод, принадлежавший швейцарским хозяевам. С их ли ведома или нет, но управляющие приступили к ликвидации предприятия, кормившего тамошних рабочих. Вот Совет и порешил: не допустить закрытия и взять завод под свой контроль.

Разговор доставил Владимиру Ильичу удовольствие. После скучнейших споров о том, что есть марксизм и достаточно ли зрел российский капитализм, Сергей Васильевич был просто интересен. Как тот донецкий шахтер Дубовой, который столь же увлеченно и деловито толковал о канатах, без которых, мол, шахта может стать. Вот и Малышев приехал совсем не за директивами о том, как «строить социализм», а для того, чтобы посоветоваться: сможет ли он, установив контроль над заводом, прокормить уезд.

«Во время рассказа о заводе, — пишет Малышев, — Владимир Ильич два раза прерывал меня и спрашивал: “Ну, что же, вы думаете взять завод, а как крестьяне на это смотрят? Вы узнали? Что для них от этой вашей реквизиции завода? Выгода какая-нибудь для них получится от этого?”» Сергей Васильевич стал доказывать, что выгода будет. Тогда, подумав, Ленин задал главный вопрос: «А ежели у вас ничего не выйдет?» Я ничего другого не мог ему ответить кроме того, что сказалося у меня как-то само собой: “Ну, что ж, Владимир Ильич, был бы мой начин, а там хоть выпись на мне”. — “Как, как?” — оживленно спросил он. Я еще раз произнес эту фразу полностью. Он, смеясь, повторил: “Был бы мой начин, а там хоть выпись на мне... Ну, делайте, делайте, посмотрим, что у вас выйдет из этого дела”»¹.

Основания для опасений — справятся ли рабочие с контролем — конечно были. Но вместо того, чтобы подумать, как помочь рабочим решить эту проблему, прежние коллеги Ленина, Борис Авилон и Владимир Базаров, выступили в «Новой жизни» с упреками насчет отхода Владимира Ильича от марксизма к синдикализму.

«Ничего подобного юмористическому переходу, — отвечал он, — железных дорог в руки железнодорожников, кожевенных заводов в руки кожевенных рабочих у нас нет и следа, а есть *контрфоль рабочих*, переходящий в полное регулирование производства и распределения рабочими... В том-то и суть, что от конкретных задач, поставленных живой жизнью... от этих конкретных задач люди, превратившие марксизм в какое-то “буржуазно-деревянное” учение, *уклоняются...*»

Так как же помочь рабочим в осуществлении контроля? Ленин дает ответ: он предлагает создавать органы рабочего контроля «при

¹ Малышев С.В. Встречи с Лениным. М., 1933. С. 19, 20; Власть Советов. Ставрополь, 1929. № 8. 20 января; В.И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1973. Т. 4. С. 136, 137.

обязательном привлечении к участию как не отошедших от дела предпринимателей, так и технически научно образованного персонала...» Сложившаяся обстановка, вновь и вновь повторяет в своих статьях Ленин, «ставит на очередь дня не осуществление каких-нибудь “теорий” (об этом нет и речи, и от этой иллюзии всегда предостерегал Маркс социалистов), а проведение самых крайних, практически возможных мер, ибо без крайних мер — гибель, немедленная и безусловная гибель миллионов людей...»¹

«Так в чем же дело? Откуда эта ярость полемики и погромная агитация... Чего боитесь, господа, зачем вы лжете? — спрашивал Ленин, обращаясь к либеральной прессе. — Мы хотим только *разъяснить* рабочим и беднейшим крестьянам ошибки их тактики. Мы признаем *Советы* единственно возможной властью. Мы проповедуем необходимость власти и обязательность подчинения ей. Чего же вы боитесь?.. Вы боитесь именно правды». Плеханову Ленин отвечает персонально: «Попасть в смешное положение — наименьшее наказание тому, кто по образцу печати капиталистов сам себе рисует “врага” вместо точной ссылки на слова тех или иных политических противников»².

Между тем «погромная агитация» стала выходить за рамки газетной полемики. Прежние «союзы» черносотенцев вроде бы перестали существовать. Но погромщики остались и были готовы действовать. В орбиту их влияния стала попадать наименее сознательная часть солдатской массы. И угрозы «поднять Ленина на штыки» или бросить бомбу в особняк Кшесинской все чаще раздавались на улицах Петрограда.

Большевичка Прасковья Куделли рассказывала, что как только где-либо собиралась толпа, тут же появлялись «подозрительные личности», которые «сеяли темные, нелепые слухи о Ленине. Говорили, что он очень богатый человек, что у него прииски на реке Лене — откуда и его фамилия... Говорили, что он получил от Вильгельма 17 миллионов, чтобы поднять гражданскую войну». А когда старого рабочего Бориса Жукова, знавшего Ленина еще по «Союзу борьбы...», спросили, что говорят о большевиках, он ответил: «Что о нас говорят? Говорят, что продали Россию, привезли два вагона золота да особняк заняли». В деревне того хуже. «У нас по деревне, — рассказывала крестьянка Е. Бычкова, — распространился слух, что приехал в запечатанном вагоне из Германии какой-то каторжник. Хочет подбить народ, чтобы прогнать Временное правительство и самому на царство сесть»³.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 45; Т. 32. С. 196, 293.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 219, 301.

³ О Ленине. Воспоминания / Под ред. Н. Мещерякова. М.; Л., 1925. Кн. IV; Вечерняя Москва. 1925. № 30. 6 февраля; Работница и крестьянка. 1926. № 2. С. 7.

И задерганный, испуганный обыватель, нутром чувствовавший, что грядет нечто неведомое, верил. «Идешь по Петроградской стороне, — пишет Крупская, — и слышишь, как какие-то домохозяйки толкуют: “И что с этим Лениным, приехавшим из Германии, делать? В колодези его, что ли, утопить?” Конечно, ясно было, откуда идут все эти разговоры о подкупе, о предательстве, но не так их было весело слушать. Одно дело, когда говорят буржуи, другое дело, когда это говорят массы». Но вывод ее парадоксален: «Травля Ленина способствовала быстрой популяризации тезисов»¹.

«...17 апреля, — рассказывает Суханов, — в Петербурге состоялась грандиозная манифестация *инвалидов*, которая произвела большое впечатление на обывателей... Огромное число раненых из столичных лазаретов — в повязках, безногих, безруких — двигалось по Невскому к Таврическому дворцу. Кто не мог идти, двигались в грузовых автомобилях, в линейках, на извозчиках. На знаменах были подписи: “Война до конца”... “Наши раны требуют победы”... Несчастные жертвы бойни ради наживы капиталистов, по указке тех же капиталистов через силу шли требовать, чтобы для тех же целей еще без конца калечили их сыновей и братьев. Это было действительно страшное зрелище!» А по городу — в этот и предшествующие дни — «стали ходить толпы каких-то людей, бурно требовавших ареста Ленина. Это были уже беспорядки и вообще довольно большой, даже слишком большой успех черносотенной кампании. “Арестовать Ленина”, а затем и “Долой большевиков” — слышалось на каждом перекрестке»².

Лидеры Петросовета прекрасно знали, что если погромщиков не остановить, то вопрос будет стоять лишь об очередности: сегодня большевик Ленин, а завтра и меньшевик Матвей Скобелев, и эсер Виктор Чернов, не говоря уж о таких «инородцах», как Чхеидзе или Церетели.

И еще 15 (28) апреля, высказав «резко отрицательное отношение к платформе Ленина», Исполком Петросовета вместе с тем указал на «недопустимость применения какого-либо насилия над личностью Ленина и его единомышленников». Исполком Совета солдатских депутатов был более категоричен. Признав «невозможным принятие репрессивных мер» против пропаганды, он квалифицировал пропаганду «так наз. ленинцев... не менее вредной, чем всякая контрреволюционная пропаганда справа». Узнав об этом, Владимир Ильич немедленно заявил, что «берет всю ответственность за пропаганду ленинцев на себя»³.

Так уж случилось, что именно 15 апреля во время заседания Петроградской конференции большевиков пришло известие — в Михайлов-

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 444, 449.

² Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 43.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 275, 278, 279.

ском манеже митинг. Пущен слух, что большевики «продались Вильгельму» и солдаты требуют самого Ленина... Владимир Ильич поднялся из-за стола президиума: «Я поеду». Опыт встречи с солдатами у него уже был. 10 апреля он с успехом выступил в казарме Измайловского полка. Но тот митинг был организован Петербургским комитетом большевиков, державшим ситуацию под контролем. Теперь же речь шла о митинге явно антибольшевистском.

«— А вдруг найдется провокатор и крикнет: Бей Ленина? — спросил кто-то. — Зачем же мы возвращались в Россию? — ответил Ильич. — Чтобы принять участие в революции или беречь собственную жизнь?»

Когда Ленин входил в Манеж, солдаты — в расхристанных гимнастерках — стаскивали с трибуны очередного оратора, изрядно намяв ему бока. «Что-то мрачное и грозное представляла эта толпа вооруженных людей, — рассказывал член ПК Владимир Иванович Невский, сопровождавший Ильича. — Какое-то безотчетное чувство ненависти и вражды блистало в глазах потных, чем-то раздраженных людей, какое-то возмущение и недовольство царили здесь, и казалось, что вот-вот прорвется это чувство...»

Потом «Солдатская правда» напишет: «тов. Ленин подробно разъясняет причины войны и цели войны... Подробно говорит, что такое Совет рабочих и солдатских депутатов и что такое Временное правительство...»

А Невский рассказывает: «Владимир Ильич говорил недолго, минут тридцать, не больше. Но уже минут через пять можно было слышать полет мухи: такое молчание воцарилось в огромном манеже. Солдаты и все мы стояли как прикованные... Какое-то чудо совершалось с толпой». И когда Ленин умолк, солдаты с ревом кинулись к трибуне, а через мгновение над бурлящей толпой появилось смущенное лицо Владимира Ильича. Под гром оваций его на руках отнесли к автомобилю¹.

Примерно то же самое происходило и в тех заводских аудиториях, где, казалось, было достаточно велико влияние эсеров и меньшевиков. Вот бесхитростный рассказ рабочего Трубочного завода: «Появление на трибуне т. Ленина вызвало форменное рычание со стороны противников... Ленин пытался начать говорить, но ничего не выходило, речь перебивалась... Стоящим вокруг трибуны на охране т. Ленина пришлось теснее сомкнуть ряды и быть готовыми ко всему. На нас напирала, дело доходило чуть не до рукопашной. [Тогда] тов. Ленин быстро учел и начал не с доклада, а с того, как мне помнится дословно, что заставить его замолчать и выражать негодование, а может быть, сделать насилие ни-

¹ Каторга и ссылка. 1927. № 7 (36). С. 19, 20; Великая Октябрьская социалистическая революция. Сб. воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957. С. 4–9.

когда не поздно и когда угодно это можно сделать и просил послушать пять минут. После этого он приступил к речи. Были возгласы, но очень немного. А когда прошли эти пять минут, то прокатилась первая волна аплодисментов... Толпа все время росла и вместе с тем тишина делалась все больше и больше. Рабочие... притихли, и эта речь стала обрываться не возгласами негодования, а все чаще и чаще бурным поощрением. И когда т. Ленин кончил речь — поднялась буря возгласов и рукоплескания»¹.

Владимир Невский, рассказавший о выступлении Владимира Ильича 15 апреля на солдатском митинге в Михайловском манеже, — сам великолепный оратор — так сформулировал причину этого успеха: «Ленин был близок этой массе, дорог ей, понятен и выражал так просто и ясно то, что хотела выразить она сама, чего желала и чем жила и что хотела видеть воплощенным в действительности»².

Через день Владимир Ильич выступал в Таврическом на солдатской секции Петросовета по поводу ее резолюции о злобности «пропаганды ленинцев». Ему ограничили время. Попытались устроить obstruction. Бросали провокационные вопросы и реплики. Но он уложился в регламент и изложил все, что хотел. А солдатам, пошедшим его провожать, сказал: «Опыт жизни — это самое лучшее»³.

На следующий день, 18 апреля (1 мая), Петроград проснулся рано. Было холодно и необычно тихо. Молчали фабричные трубы. С Ладоги шел лед. Но уже в 10 часов грянули духовые оркестры и густые колонны демонстрантов двинулись к Марсову полю. Майское солнце высвечивало в многотысячных толпах красные юбки, шарфы, косынки работниц. Над головами реяли сотни знамен, плакатов, штандартов. И в первой шеренге рабочих Выборгского района вышагивал Ленин...

Ему пришлось выступать и на Марсовом поле, и на Дворцовой площади. Вечером поехал на многотысячный митинг рабочих, солдат и матросов на Охтенских пороховых заводах. Там пришлось полемизировать с Федором Даном. Так что после вот такой 12-часовой напряженной работы домой вернулся он поздно. «В этот день, — пишет Крупская, — я лежала в лежку и выступления Владимира Ильича не слышала, но приехал он не радостно возбужденный, а какой-то усталый»⁴.

Россия впервые открыто отпраздновала международный праздник солидарности людей труда. И точно так же, как в Питере, адели знаменами улицы Москвы и Благовещенска, Вятки и Баку, Киева и Ташкента,

¹ Канонада. Ежемесячный журнал 1-й Ленинградской артшколы. 1925. № 14. Январь. С. 2.

² Каторга и ссылка. 1927. № 7 (36). С. 19, 20; Великая Октябрьская социалистическая революция. Сб. воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. С. 4–9.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 277.

⁴ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. I. С. 446.

Кишинева и Минска, Тифлиса и других городов. И везде лозунгами демонстрантов стали требования окончания войны и заключения демократического мира.

По иронии судьбы именно в этот день министр иностранных дел П.Н. Милюков «от имени народа» официально заверил правительства Англии, Франции и США в том, что Россия продолжит боевые действия на всех фронтах до «победного окончания настоящей войны».

Днем 19 апреля (2 мая) премьер-министр князь Львов прислал «Ноту Милюкова» в Петросовет «для сведения». «Я получил пакет, — рассказывает Иракий Церетели, — в присутствии Чхеидзе, Скобелева, Дана и некоторых других членов Исполкома и прочитал вслух текст, который нас ошеломил... Чхеидзе долго молчал, слушая негодующие возгласы окружающих, и потом, повернувшись ко мне, сказал тихим голосом, в котором слышалось давно назревшее глубокое убеждение: “Милюков — это злой дух революции”»¹.

Преувеличения в этой оценке не было. Столь желаемая политическая стабильность напрямую зависела от наивной веры солдат и рабочих в то, что правительство, отказавшись от каких-либо аннексий, делает все возможное для скорейшего заключения мира. И вот теперь рабочим и солдатам, что называется, «плюнули в душу».

Кто-то из коллег Милюкова назвал его «гением бестактности». Но дело было не в отсутствии такта. «Он был абсолютно чужд и враждебен идее мира без аннексий и контрибуций, — писал управляющий делами Временного правительства Владимир Набоков. — Он считал, что было бы и нелепо и просто преступно с нашей стороны отказаться от “самого крупного приза войны” (Константинополь и проливы) во имя гуманитарно-космополитических идей интернационального социализма. А главное — он верил, что этот приз действительно не вышел из наших рук». Напрасно Владимир Дмитриевич убеждал Милюкова в том, что «трехлетняя война осталась чуждой русскому народу, что он ведет ее нехотя, из-под палки, не понимая ни значения ее, ни целей, что он ею утомлен, что в том восторженном сочувствии, с которым была встречена революция, сказала надежда, что она приведет к окончанию войны»². Переубедить Павла Николаевича было невозможно.

Что же касается *надежд народа*, то тогда Милюков искренне полагал, что *политика* — не дело масс. Парламентаризм в том и состоит, что народ передает ее в руки профессиональным политикам. А уж они — с помощью дискуссий, кулуарных переговоров, консультаций с иностранными послами, намеков и якобы случайно брошенных фраз за «круглыми

¹ Анин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей. С. 253, 255.

² Там же. С. 214; Архив русской революции. Т. 1. М., 1991. С. 61.

столами» или за «чашкой чая» — будут решать судьбы страны и добиваться *возможно*.

Во времена, когда народ «безмолвствовал», так оно и было, вернее — казалось, что было так. Теперь же, когда революция началась, надеяться на нечто подобное не приходилось. И лидеры Петросовета прекрасно поняли это. В противовес большевику Шляпникову, межрайонцу Константину Юреневу и меньшевику Богданову, требовавшим на заседании Исполкома апелляции к массам и выступления против правительства, Чхеидзе, Церетели и Скобелев сделали все, чтобы замять скандал. «...Нам легко поднять массы против правительства, — говорил Церетели. — Но очень сомнительно, что, развязав эту энергию, мы окажемся в состоянии удержать движение под своим контролем и помешать его превращению в общегражданскую войну». Трудовик Брамсон был еще более определен: «Нельзя же из-за бестактности одного министра ставить на карту судьбу общенациональной революции»¹.

Так, может быть, все бы и обошлось, если бы... Если бы «Нота Милюкова» 20 апреля не попала в прессу.

Уже утром к правительственной резиденции — Мариинскому дворцу — стали стекаться толпы солдат, матросов, рабочих. Днем в походном строю, с оружием, сюда пришел и гвардейский Финляндский полк. Естественно, что ни о каких «Апрельских тезисах» солдаты и слыхом не слыхивали. Все они были, писал на следующий день Ленин, «исполнены негодования. Они *почувствовали* — они не поняли еще этого вполне ясно, но они почувствовали, что они оказались обмануты»². И над толпами появились плакаты, требовавшие отставки Милюкова и военного министра Гучкова.

«Роль большевистской партии в апрельских событиях, — писал Церетели, — была очень незначительна... Главным инициатором манифестации оказался тогда еще мало кому известный Федор Федорович Линде. Это он привел Финляндский полк к Мариинскому дворцу. Буржуазная пресса утверждала, что он большевик, но на самом деле он был беспартийный, идеалистически настроенный интеллигент. Математик по образованию, он был мобилизован во время войны и был солдатом Финляндского полка... Под непосредственным впечатлением ноты Милюкова он, возмущенный до глубины души, по собственному почину призвал полк манифестировать против правительства»³.

Собравшийся днем большевистский ЦК принимает резолюцию Ленина, поддерживающую выступление масс. Но в ответ на требование отставки двух министров ЦК заявляет, что персональные перетасовки

¹ Аниин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей. С. 257, 258.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 316.

³ Аниин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей. С. 262, 263.

лиц, «даже если бы все они, как выразился Владимир Ильич, были лично ангелами добродетели, бескорыстия и любви к людям», не могут дать результата. Только переход власти к Советам «при поддержке большинства народа... в состоянии быстро закончить войну истинно демократическим миром»¹.

Однако те большевики, которые находились в гуще возмущенных манифестантов, взяли, по определению Ленина, «чутьочку полее». Члены ПК РСДРП Сергей Багдатов и Михаил Лашевич, члены Петросовета рабочие М. Крымов, И. Маврин и другие поддержали лозунг «Долой Временное правительство!». Этот лозунг не получил широкого распространения, он все-таки был ошибочным, ибо в столь раскаленной обстановке вполне мог быть истолкован как призыв к свержению правительства. Большевистский ЦК квалифицировал данный поступок как попытку «авантюристического характера»². Но пресса уже вела кампанию, обвинявшую большевиков в объявлении «гражданской войны». Кадеты выпустили воззвание: «Мы стоим на краю пропасти. Граждане! Выходите на улицы, спасайте страну от анархии!»

Ленин подробно записывает хронику этих дней: «20 и 21 апреля Питер кипел. Улицы были переполнены народом; кучки и группы, митинги разных размеров образовывались всюду и днем и ночью; массовые манифестации и демонстрации продолжались непрерывно... Демонстрации начались, как *солдатские* демонстрации, с противоречивым, несознательным, ни к чему не способным повести лозунгом “Долой Милюкова”... Это значит, что широкая, неустойчивая, колеблющаяся масса... колебнулась *прочь от* капиталистов *на сторону* революционных рабочих. Это колебание или движение массы, способной по своей силе *решить все*, и создало кризис».

Одновременно с этой стихийной протестной волной по призыву кадетов на улицу вышли и контрманифестанты. «Буржуазия, — продолжает свой рассказ Владимир Ильич, — захватывает Невский — “Милюковский” по выражению одной газеты — проспект и соседние части богатого Питера, Питера капиталистов и чиновников. Манифестируют офицеры, студенты, “средние классы” за Временное правительство, из лозунгов часто попадается надпись на знаменах “долой Ленина”»³. Рабочих и солдат среди контрманифестантов не было. И когда спустя несколько дней решили наградить военнслужащих, выступивших в поддержку правительства, георгиевский крест, будто на смех, удалось вручить лишь одному солдату⁴.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 291, 292, 314.

² Там же. С. 319, 337.

³ Там же. С. 324, 325.

⁴ См.: Старцев В.И. Революция и власть. С. 214.

О том, что контрманифестанты поминают его лично «недобрым словом», Владимир Ильич знал не из газет. Мария Ильинична рассказывает, что когда антибольшевистская колонна подошла к помещению «Правды», Ленин на извозчике, в сопровождении солдат, уехал вместе с нею из редакции «на квартиру одного знакомого на Невском, 3. В этой квартире было несколько комнатных жильцов. Когда Владимир Ильич вошел в прихожую, ему навстречу выбежали две барышни и, не узнав его (в комнате был полумрак), направились к выходной двери с возгласом: “Идем бить Ленина”»¹.

О том же вспоминала Крупская: «Ближе к Морской, около Полицейского моста, было засилье котелков. Среди этой толпы из уст в уста передавался рассказ о том, как Ленин при помощи германского золота подкупил рабочих, которые теперь все за него. “Надо бить Ленина!” — кричала какая-то по-модному одетая девица. “Перебить бы всех этих мерзавцев”, — кипятился какой-то котелок. Класс против класса!»²

Ленин подтверждает: на улицу вышли «крайние элементы... буржуазия и пролетариат... Пролетариат поднимается из *своих* центров — из рабочих предместий... Рабочие манифестации заливают небогатые, менее центральные районы города, затем частями проникают на Невский». И еще одна зарисовка Крупской: «21 апреля... я прошла пешком весь Невский. Из-за Невской заставы шла большая рабочая демонстрация. Ее приветствовала рабочая публика, заполнявшая тротуары. “Идем! — кричала молодая работница другой работнице, стоявшей на тротуаре. — Идем, всю ночь будем ходить!”»³

Корреспондент кадетской «Речи», описывая рабочую демонстрацию на Невском, увидел совсем другое: «Впереди около сотни вооруженных; за ними стройные ряды невооруженных мужчин и женщин — тысячи человек. Живые цепи по обе стороны. Пение. Поразили меня их лица. У этих тысяч одно лицо, исступленное, монашеское лицо первых веков христианства, непримиримое, безжалостно готовое на убийства, инквизицию и смерть».

«На Невском, — продолжает хронику событий Ленин, — доходит до столкновения. Рвут знамена “враждебных” демонстраций. В Исполнительный комитет телефонируют из нескольких мест о том, что с обеих сторон стреляли, что были убитые и раненые; сведения об этом крайне противоречивы и не проверены»⁴.

В этой хронике не хватает одного сюжета, который стал известен много лет спустя. Утром 20-го, получив информацию о выступлениях,

¹ Ульяновы Д.И. и М.И. О Ленине. М., 1934. С. 79.

² Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 433.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 325; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 446.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 326.

Гучков собрал в своем кабинете генералов Алексеева, Рузского, Корнилова и адмирала Колчака. Обсудили вопрос — нельзя ли использовать ситуацию для того, чтобы ликвидировать двоевластие и сосредоточить власть целиком в руках Временного правительства. По генеральским расчетам они могли опереться «на 3,5 тысячи надежных войск». А этого, как им казалось, было вполне достаточно, чтобы разогнать весь этот «сброд»¹.

Днем, в том же кабинете Гучкова, заседало правительство. Александр Иванович поставил вопрос: или мы сдаем власть Совету — или «даем отпор назревавшему восстанию». «Министры, — пишет Гучков, — некоторое время молчали. Наконец, Терещенко заметил, что в случае пролития крови он вынужден будет уйти. Я посмотрел на остальных, и у меня создалось впечатление, что один Милюков готов был защищаться, а все остальные подали бы в отставку... Эта сцена ошеломила меня. Я увидел, что выраставшие перед нами задачи — *необходимость контрреволюции и военных действий* — с этим составом Временного правительства неосуществимы»².

Между тем лидеры Петросовета начали переговоры с членами правительства. Вдохновленные поддержкой контрманифестантов и решимостью Гучкова, министры на отставку Милюкова не соглашались. А поскольку все, что происходило на улицах, у них тоже ассоциировалось с именем Ленина, Терещенко заявил: «Так что решайте, господа, кого долой: Милюкова или Ленина». 21 апреля на заседании правительства Милюков вновь стал настаивать, дабы избежать «распада государства», на том, чтобы взять курс на захват всей полноты власти с помощью вооруженной силы. Керенский тут же заявил об отставке и Павел Николаевич предложил Львову принять ее. Одновременно — с ведома Гучкова — командующий округом Корнилов приказал вывести на Дворцовую площадь войска с кавалерией и артиллерией. И вот тут-то весь заговор и лопнул, как мыльный пузырь³.

Не только солдаты, но юнкера Михайловского артиллерийского училища отказались выполнять приказ. Они сообщили об этом в Петросовет, который вывод войск категорически запретил. Гучков — через генерала Алексеева — телеграфировал командующим фронтами с просьбой о поддержке. Но ни поддержки, ни ответа не получил⁴.

Премьер — Георгий Евгеньевич Львов терпеть не мог «левых» и с удовольствием отправил бы Керенского в отставку. Он помнил, как на одном из заседаний правительства Александр Федорович бросил

¹ См.: *Старцев В.И.* Революция и власть. С. 174.

² Там же. С. 174, 175, 176.

³ См. там же. С. 196, 207, 209, 231.

⁴ См. там же. С. 210, 212.

сквозь зубы: «Когда же уберут эту старую калошу?» Но у князя хватило благоразумия, ибо он понимал, что выход из кризиса можно найти лишь в соглашении с Советом. На переговорах с лидерами Петросовета и «общественностью» Львов резко сбавил тон и заявил: «Временное правительство взято под подозрение. При таких условиях оно не имеет никакой возможности управлять государством... Оно слишком хорошо знает лежащую на нем ответственность перед родиной и во имя ее блага готово сейчас же уйти в отставку, если это необходимо»¹.

Известный историк Виталий Иванович Старцев писал: «В этот день существование [Временного правительства] могло быть прекращено одним решением Петроградского Совета, опирающегося на большинство вооруженных солдат и рабочих, а в России могла быть провозглашена Советская власть». Но как раз этого более всего и боялись руководители Исполкома.

Объявив запрет на любые демонстрации в столице, в досталь наговорившись о том, что «народ надо готовить к власти», после двухдневных переговоров они сумели свести конфликт политический к вопросу сугубо кабинетному. Милюкову, отказавшемуся принять пост министра просвещения, и Гучкову пришлось уйти в отставку. Ушел и генерал Корнилов, оскорбленный вмешательством Совета в «его дела». А состав правительства, помимо прежних десяти министров, дополнили пятью социалистами: близким к эсерам П.Н. Переверзевым (министр юстиции), эсером В.М. Черновым (министр земледелия), народным социалистом А.В. Пешехоновым (министр продовольствия), меньшевиками М.И. Скобелевым (министр труда) и И.Г. Церетели (министр почт и телеграфа). Шестой «социалист» Александр Федорович Керенский занял пост военного министра.

Эта коалиция, писал Суханов, стала «формальным бракосочетанием» буржуазных министров с мелкобуржуазным большинством Совета; «любви тут не было, но был явный и очевидный расчет... Дело было в приданом. А в приданое [Совет] должен был принести армию, реальную власть, непосредственное доверие и поддержку... Поистине это была несладкая свадьба»².

В тех условиях занятые социалистами правительственные кресла были, пожалуй, наиболее «жесткими». Поэтому договорились считать милюковский «инцидент исчерпанным» и впредь быть более осмотрительными. Относительно этой договоренности Владимир Ильич заметил: «Темным мужикам извинительно требовать от капиталиста “обещаний”, чтобы он “жил по-божецки”... Вождям Петроградского Совета...

¹ Старцев В.И. Революция и власть. С. 184, 232.

² Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 152.

вести такую политику — значит поддерживать самые вредные, самые губительные для дела свободы, для дела революции обманчивые надежды народа на капиталистов». Губительные потому, что «причины кризиса не устранены, и повторение подобных кризисов неизбежно»¹.

Кстати сказать, ни Гучков, ни Милюков, ни Корнилов покидать политическую арену не собирались. Павел Николаевич все еще питал иллюзии и надежды на то, что кадетской партии удастся организовать средний класс интеллигенции и противопоставить его народной стихии...» Александр Иванович был, как ему казалось, более реалистичен: «Я ставил себе целью вернуться на фронт... чтобы подготовить там кадры для похода на Москву и Петербург. Словом, я ставил себе задачу, которую потом так неудачно пытался осуществить генерал Корнилов»².

Когда смотришь сегодня телевизионные «круглые столы», касающиеся событий 1917 года, видишь, что участники их никак не могут взять в толк, что не существовало тогда в России либеральной «демократической альтернативы». Что вести прекраснодушные разговоры о том, как было бы чудесно, кабы после Февраля всё остановилось на конституционной монархии английского фасона или демократической республике — на манер французской, это не только чистейшая маниловщина, но и элементарное незнание истории. «Красное колесо» уже покатилося. И либералы, даже при их готовности прибегнуть к насилию, не могли его остановить.

Поэтому отставка Гучкова и Милюкова «знаменует не больше, не меньше, — писал французский посол Морис Палеолог 1 мая 1917 года, — как банкротство Временного правительства и русского либерализма». Виталий Старцев дополняет: «Потерпела крах целая эпоха русского либерализма... Русская буржуазия в лице ее ведущей партии оказалась не в состоянии управлять страной одна. Претензия на лидерство, заявленная П.Н. Милюковым еще в 1903–1905 гг., оказалась совершенно несостоятельной»³.

Апрельские события явились, таким образом, одновременным выступлением и революции, и контрреволюции. Многих подробностей того, что происходило в эти дни за кулисами Временного правительства, Ленин не знал. Но он сразу почувствовал главное: «на улицах Петрограда готова была закипеть гражданская война»⁴. Виновники ее были очевидны. Большевистская «Рабочая газета» 21 апреля писала: «Сигнал к гражданской войне дают уже не последователи Ленина, а Временное

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 305, 319.

² Старцев В.И. Революция и власть. С. 59, 177.

³ Там же. С. 233, 241.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 1.

правительство, опубликовав акт, являющийся издевательством над стремлениями демократии. Это поистине безумный шаг...»

Ленин сделал все для того, чтобы ввести движение в рамки мирного политического процесса. «Кризиса, — подчеркивает он, — нельзя изжить насильем отдельных лиц над другими, частичными выступлениями маленьких групп вооруженных людей, бланкистскими попытками “захвата власти”, “ареста” Временного правительства и т. д.» Уже 21 апреля ЦК РСДРП принял его резолюцию: «Партийные агитаторы и ораторы должны опровергать гнусную ложь... будто мы грозим *гражданской войной*... Пока капиталисты и их правительство не могут и не смеют применить насилие над массами, пока масса солдат и рабочих свободно выражает свою волю, свободно выбирает и смещает *все* власти, — *в такой момент* наивна, бессмысленна, дика всякая мысль о гражданской войне, — в такой момент *необходимо подчинение воле большинства населения* и свободная критика этой воли недовольным меньшинством; если дело дойдет до насилия, ответственность падет на Временное правительство и его сторонников»¹.

Революционные эпохи примечательны тем, что теоретические выкладки политиков проверяются практикой очень быстро. Апрельский кризис подтвердил главное в прогнозе Ленина: если требования революционного народа не будут удовлетворены, стихийно-бунтарский протест масс — независимо от воли любых харизматических лидеров или «оппозиционно-интеллигентских» партий — будет нарастать. И при очередном кризисе, указывает Владимир Ильич, «неизбежен новый взрыв возмущения, и если этот взрыв будет несознательен, то он легко может оказаться очень вредным», т. е. приобрести погромный характер. Поэтому *все силы партии* необходимо «отдать делу просвещения отсталых... еще не прозревших трудящихся слоев!»²

«То, что мы спорим, — очень ценно»

24 апреля в доме № 6 по Архирейской улице, где помещался Женский медицинский институт, в 10 утра открылась VII Всероссийская конференция РСДРП. Однако через два дня институтская профессура, узнав, что в их родных стенах собираются *те самые* большевики и *тот самый* Ленин, «отказала в гостеприимстве». Пришлось перебираться в помещение Высших женских курсов Лохвицкой-Скалон в Кузнечном переулке. А последнее заседание 29 (12 мая) апреля провели в особняке Кшесинской³.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 309, 327.

² Там же. С. 316, 320, 327.

³ См.: Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 г. М.; Л., 1925. С. 63–66.

По сравнению с февралем партия выросла втрое. И около 80 тысяч ее членов представляли 152 делегата. Старейшим из них не исполнилось и 50 лет: тифлисскому делегату Ф.И. Махарадзе было 49, В.И. Ленину — 47, питерским делегатам Л.Н. Михайлову-Политикусу, Л.Н. Сталь и москвичу А.А. Сольцу — по 45. Самыми молодыми были — 19-летний С.М. Гессен (в партии с 1916 г.), 21-летний С.Г. Рошаль (в партии с 1914), 22-летний И.К. Наумов (в партии с 1913) и 23-летний С.И. Петриковский (в партии с 1911).

Лишь несколько человек из делегатов вступили в большевистские ряды в феврале 1917 года — москвичи Е.И. Бумажный и Б.И. Магидов. Большинство составляли те, кто работал в партии еще до 1905 года. За плечами у каждого из них стояли годы подполья, тюрьмы и, кстати сказать, — «тюремные университеты». Многие знали друг друга, и споры, достигавшие порой большой остроты, носили товарищеский характер совместного поиска истины.

Конференция заслушала доклады В.И. Ленина — о текущем моменте; по аграрному вопросу; о пересмотре программы партии; В.П. Ногина — об отношении к Советам; о «мирной» конференции; Г.Е. Зиновьева — об отношении к Временному правительству; о положении в Интернационале и задачах РСДРП; И.В. Сталина — по национальному вопросу. Были заслушаны также доклады с мест.

Характеризуя «текущий момент», Ленин затронул всю сумму вопросов, связанных с отношением к войне, Временному правительству и Советам. По предложению Феликса Дзержинского, выступившего от имени тех, кто «не согласен принципиально с тезисами докладчика», сразу же был заслушан и содоклад Каменева. И поскольку резолюция по «текущему моменту» была принята лишь в последний день работы, этот вопрос определил направление всей дискуссии и на конференции, и в ее секциях.

«Горячие схватки, — рассказывает В. Алексеева, — продолжались и в кулуарах. Участники конференции разделились на две неравные группы: основная масса — ленинцы, незначительная часть — каменевцы». Впрочем, судя по воспоминаниям Марии Костеловской, такое соотношение сил сложилось не сразу. Поначалу положение было «весьма неопределенным», пока не приехали уральцы во главе с Яковом Свердловым. «С их приездом сразу повеселело. Они стали организующим центром на конференции и подтянули к себе всех одиночек-ленинцев из всех других делегаций»¹.

Накануне конференции казалось, писал Суханов, что Ленину «не под силу произвести идейный переворот среди своей собственной паствы... Казалось, большевистская партийная масса основательно ополчи-

¹ От Февраля к Октябрю. С. 207, 208.

лась на защиту от Ленина элементарных основ научного социализма... Увы! Напрасно обольщались многие, и я в том числе... Ленин победил очень скоро и по всей линии».

В чем же дело? Прежде всего, полагал Суханов, в личной «гениальности Ленина», его «сверхчеловеческой» способности убеждать, «заставить своих товарищей признать в конце концов черное белым и обратно». А во-вторых, в «серости» большевистских функционеров, не обладавших якобы «высоким социалистически-культурным уровнем». У большевиков, иронизировал Суханов, «в облаках сидит громовержец Ленин, а затем... вообще до самой земли нет ничего». Отсюда якобы и страх перед «самой мыслью пойти против Ленина»¹. Подобного рода анализ, по-видимому, следует назвать *пошлостью*, ибо в объяснении явлений действительно сложных автор предлагает такие простые и плоские по своей доступности ответы, как — чего уж тут мудрить — умышленная недоразвитость его оппонентов.

Что касается того, как Суханов понимал «гениальность» Ленина, то к этому вопросу мы еще вернемся. Ну, а насчет «серости» и «страха» перед начальством, то писать об этом можно было лишь тогда, когда протоколы конференции еще не были изданы. И тем, кто представляет себе большевистскую партию 1917 года как жесткую, единообразную организацию с запретом всякого «инакомыслия», где все «нижестоящие» смотрели в рот «вышестоящим», было бы недурно перечитать эти протоколы.

Казенного «единомыслия» на конференции не было ни по одному вопросу. Буквально по каждому Ленину противостояли либо содокладчик, либо иное мнение. Дело даже не в том, что «большевистские функционеры» обладали более чем высоким «социалистически-культурным уровнем». А в том, что в ходе дискуссии идеи ленинских тезисов сталкивались с реалиями российской жизни, с которыми имели дело делегаты с мест. И именно эта живая жизнь оказалась самым «гениальным» учителем.

После апрельских событий отношение к войне уже не вызывало среди большевиков прежних разногласий, и соответствующая резолюция была принята всеми при 7 воздержавшихся. Не вызвал споров и тезис Ленина о методах и формах предстоящей борьбы: «До тех пор, пока русские капиталисты и их Временное правительство ограничиваются только угрозами насилия против народа... до тех пор, пока капиталисты *не* перешли к насилию над свободно организующимися и свободно сменяющимися и выбирающими *все* и всякие власти Советами... — до тех пор наша партия будет проповедовать отказ от насилия вообще...»²

¹ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 20–23.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 350.

Оценка Временного правительства вызвала разногласия с московской делегацией, характеризовавшей его, как «контрреволюционное». Ленин возразил: «Общую характеристику правительства, как контрреволюционного, я бы считал неправильной. Если говорить вообще, то надо выяснить, о какой революции мы говорим. С точки зрения буржуазной революции, этого сказать нельзя, так как она уже окончилась. С точки зрения пролетарско-крестьянской — говорить это преждевременно...»¹ Москвичи уступили, и в резолюции было записано, что правительство, являясь органом господства помещиков и буржуазии, явно содействует организуемым силам контрреволюции, которые «уже начали атаку против революционной демократии».

Было бы неверным полагать, что, опираясь на большинство своих сторонников, Ленин добился прохождения написанных им резолюций с помощью «машины голосования». Достаточно сравнить проекты с принятыми текстами, чтобы убедиться, насколько продуктивной была полемика и насколько более четкими стали многие положения. Был, например, изменен и уточнен тот пункт резолюции о войне, в котором говорилось, как именно окончить эту кровавую бойню. Были учтены замечания, связанные с оценкой внешней политики правительства, и многие другие предложения.

Так, в ходе дискуссии Каменев сформулировал важную мысль. «Продолжение войны, — сказал он, — несовместимо с той степенью свобод, которыми пользуется сейчас революционная мелкобуржуазная масса... Воевать в атмосфере митингов, это вещь никогда не виданная и обреченная на всяческое поражение... И это неизбежно толкнет Временное правительство на борьбу с этой свободой... Ибо: или революция прекратит войну, или война посягнет на завоевания революции». Упомянул он и ту конкретную фигуру, с которой связана подобного рода опасность для демократии и Советов: «Сегодня мы эту власть имеем, а завтра Корнилов ее у нас отнимет»². И в текст резолюции конференции вошло положение о том, что дальнейшее затягивание войны «несет величайшую опасность завоеваниям революции».

Говорить о «машине голосования» нет оснований и потому, что в ряде случаев делегаты — сторонники «Апрельских тезисов» не только критиковали те или иные ленинские предложения, но и целиком отвергли их. Так, при обсуждении резолюции о положении в Интернационале Ленин решительно выступил против представительства РСДРП на международной конференции «циммервальцев» с участием европейских

¹ 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. М., 1958. С. 344.

² Там же. С. 67, 82, 84.

«центристов». Однако его аргументы не были восприняты делегатами, и резолюцию приняли всеми голосами против одного — Ленина.

Точно так же не всеми были восприняты и его аргументы в защиту проекта резолюции по докладу Сталина о национальном вопросе. Ряд представителей партийных организаций национальных регионов выступили против права наций на отделение. От их имени содоклад сделал Пятаков. Его поддержал Махарадзе: «У нас этот вопрос, — говорил он, — вот где сидит (показывает на горло)... У нас получится настоящее столпотворение, получится такая каша, которую трудно будет расхлебать». Против проекта резолюции выступил и Дзержинский. И хотя Ленин доказывал, что сепаратизм растёт прежде всего потому, что правительство не даёт национальным окраинам «полной автономии», что «если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся, а если у нас будет республика Милюкова, они отделятся»¹ — при голосовании ленинского проекта резолюции — за высказалось 56, против — 16, воздержались — 18.

И все-таки в ходе полемики круг разногласий сужался. В конце концов Каменев заявил, что он расходится с Лениным лишь по одному вопросу — о контроле над Временным правительством. Ленин согласился. «Я думаю, — сказал он, — что наши разногласия с тов. Каменевым не очень велики, потому что, соглашаясь с нами, он становится на другую позицию... Мы с тов. Каменевым идем вместе, кроме вопроса о контроле»².

Аргумент Ленина: «Контроль без власти есть пустейшая фраза!.. Если я напишу бумажку или резолюцию, то они напишут контррезолюцию»³ — был воспринят не всеми даже среди его сторонников. Андрей Бубнов из Иваново-Вознесенска говорил, например, о необходимости «стального» контроля со стороны масс⁴, что дало возможность Каменеву острить о его согласии даже на контроль «каменный». Бубнов ответил, что «контроль, о котором говорю я, ничего общего не имеет с тем, который предлагает т. Каменев; это не бумажный контроль, а контроль масс». Но, как заметил Зиновьев, не только «каменный» и «стальной», но даже контроль «бронзовый» и «чугунный» могут превратить Советы в не что иное, как «хор при Милюкове»⁵. В конечном счёте делегаты отклонили каменевский «контроль» и против ленинской резолюции об отношении к Временному правительству проголосовало лишь трое при

¹ 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 219, 224, 226; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 434, 436.

² 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 166, 227, 232; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 361, 362.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 345, 346.

⁴ См.: 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 94, 95.

⁵ См. там же. С. 96, 100, 105.

восьми воздержавшихся. Но о содержании работы Советов продолжали дискутировать до конца конференции.

Поставленные перед необходимостью решать уйму вопросов, связанных с нуждами населения, Советы — через различного рода «контрольные» комиссии — втягивались в «деловое» сотрудничество с органами управления правительства. Причем делегаты отмечали, что эти органы стараются спихнуть на Советы наиболее острые вопросы: продовольственный, транспортный, топливный, а в некоторых провинциальных городах и чисто полицейские функции¹. «Ведь буржуазия, — говорил Бубнов, — рассуждает так: нужно Совет приручить, нужно эту власть унижить, нужно силу Совета соединить с той властью, которая есть у Временного правительства». Тактика буржуазии очевидна: «Совет надо сделать не противодействующим органом, а органом содействующим, приобщить его к государственной власти»².

Эта тенденция особенно отчетливо проявлялась в столичных Советах, за что они подверглись критике со стороны делегатов с мест. «В Петрограде у Совета р. и с. депутатов власти нет, — сказал кронштадтский делегат Артём Любович, — и в этом все его развращающее влияние на провинциальные Советы». Самокритичным было выступление члена исполкома Моссовета Петра Гермогеновича Смидовича: «Совет находится в каком-то приниженном настроении. Власть не в его руках, но он проникнут какой-то государственностью... Сотрудничество с буржуазией создает настроение враждебного чувства к нам. Быть там трудно». Главное же, заметил Смидович, за сутолокой повседневных дел, на которые уходит вся энергия, — «улетучивается способность революционного углубления и расширения революции». «Совершенно верно», — бросил реплику Ленин³.

Смидовичу ответила секретарь Пресненского райкома Москвы Костеловская: «В Московском Совете только пожинают то, что сеяли. Вместо того, чтобы заниматься организацией, сговариваться с массой, они пошли сговариваться с правительством... Это завело их в тупик, сделало их прислужниками буржуазии (Ленин с места: “Правда”. Аплодисменты)... Московский Совет, — продолжала Костеловская, — разошелся с массой, на которую он должен бы опереться. Масса левее Совета, а Совет левее президиума»⁴.

Анализируя эти выступления, Ленин отметил, что стремление буржуазии интегрировать Советы в систему консолидирующейся бур-

¹ См.: 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 128, 129.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 135, 137.

⁴ Там же. С. 142.

жуазной власти — несомненно. Эта опасность отчетливо проявляется в столице и других крупных центрах, где состав Советов был менее пролетарским. Будучи втянутыми в «большую политику», эти Советы начинали переносить свои взаимоотношения с Временным правительством из сферы «контроля» в плоскость «делового» партнерства, порождая тем самым усиление политической зависимости от аппарата буржуазной власти. А это, в свою очередь, вело к таким опасным тенденциям, как *бюрократизация* революционного движения и сужение инициативы самих масс. И если такого рода тенденции разовьются, то сама постановка вопроса о власти Советов станет «бессмысленна», ибо, как выразился Ленин, «если нужна буржуазная республика, то это могут сделать и кадеты»¹.

Характерно, что к такому выводу, как вполне естественному, пришел и сам автор доклада об отношении к Советам, член партии с 1898 года, товарищ председателя Московского Совета Виктор Павлович Ногин. Советы, говорил он, стали «государственными учреждениями», а также выполняют ряд задач, свойственных профессиональным союзам. Но постепенно политические функции перейдут к партийным организациям. Административные — к органам городского самоуправления, земствам и т. д. Затем «будет создано Учредительное собрание, а за ним парламент. Естественно, что... именно они будут представлять собой российскую демократию, они будут тем центром, который будет решать очередные вопросы. Таким образом, выходит, что постепенно наиболее важные функции Советов отмирают...»²

Его поддержал Смидович: «И я думаю, что перспектива намечается совершенно иная, чем это рисуется в резолюции... Влияние и роль Совета рабочих депутатов ослабнет, власть к нему не перейдет... Возможно, что нам придется идти совсем другим путем... Созыв Учредительного собрания произойдет раньше и предупредит захват власти Советами. Поэтому нам необходимо подготавливать массы к Учредительному собранию».

Та же Костеловская ответила ему: «Наши товарищи воспитаны совершенно на ином, к чему их призывает жизнь. Они готовятся к демократической республике и готовятся к борьбе избирательных списков. Жизнь шагнула дальше, и мы уже перемахнули через демократическую республику. Пришла живая, реальная жизнь, и старые навыки губят дело, во главе которого они (товарищи) становятся»³.

Эту новую, реальную жизнь обрисовали выступления делегатов с мест. «В Кронштадте, — заявил Артем Любович, — вся власть, админи-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 357, 358, 378, 380, 382.

² См.: 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 102, 103.

³ Там же. С. 90, 143.

стративная и оборонная, фактически в руках Совета р. и с. депутатов — и это не приводит ко вреду, а только на пользу... Верхи (Петроград) нам портят дело»¹. О том же говорил делегат Е.И. Бумажный: «Вся власть в Орехово-Зуеве в руках рабочих... Крестьяне идут рука об руку с рабочими... Питерский Совет идет в хвосте, а провинция его перещеголяла, потому что соотношение сил там благоприятное»².

Ту же мысль высказал Василий Кураев: «Провинция во многих отношениях ушла дальше Петрограда. Здесь, в Петрограде, стоит вопрос: брать или не брать власть, а в провинции она уже взята. В Пензенском уездном Совете р. и с. депутатов преобладают большевики, и мы диктуем свою волю. Правительство не управляет и не может управлять Пензенской губернией»³. Аналогичную картину нарисовали делегаты от Урала, Центрального промышленного района, Юга, то есть крупнейших пролетарских регионов, где «Советы инстинктивно идут за большевиками». Конечно, в этих сообщениях присутствовал и элемент увлечения. И когда один из делегатов заявил, что Советы в Томске и Донбассе уже «представляют зачатки коммунистической жизни», Ногин иронически заметил: «Я согласен, что на местах идет дальше развитие революции... Я против той постановки, что мы уже сейчас творим социализм... Можно творить жизнь, но можно и творить... легенды... Нам не надо легендарных убеждений»⁴.

Из выступлений делегатов картина складывалась довольно пестрая. О слабости Киевского и ряда других крупных советов, которые «идут на поводу у буржуазных элементов», говорил, например, украинский делегат М.М. Майоров⁵. О том же рассказал один из руководителей I съезда безземельных крестьян Латвии, делегат-фронтовик П.И. Эйланд. «Так как у нас революция пришла сверху, — заявил он, — это служило причиной того, что она у нас поверхностна». Что касается Советов, «это дитя революции, это переходные организации и мы не знаем, во что они превратятся — превратятся ли в партийные организации или в определенные организации самоуправления. Но пока они — самые авторитетные организации. И они должны взять в России судьбу государства в свои руки...»⁶.

Но при всей пестроте общероссийской картины резолюция конференции определила две тенденции в развитии Советов. Первая, проявлявшаяся в столицах и больших городах, где «резче наблюдается поли-

¹ См.: 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 135, 136.

² Там же. С. 134.

³ Там же. С. 132.

⁴ Там же. С. 147.

⁵ Там же. С. 141.

⁶ Там же. С. 143, 144.

тика соглашательства с буржуазией, политика», нередко тормозящая революционный почин масс и ослабляющая их самостоятельность». Вторая — характерная для провинциальных регионов, где «революция идет вперед путем самочинной организации пролетариата и крестьянства в Советах, самочинного устранения старых властей», то есть уже осуществляя на деле *единовластие* Советов¹.

Первая тенденция отражала стремление буржуазии перевести взаимоотношения с Советами из взаимной конфронтации в сотрудничество, при котором Советы будут интегрированы в систему буржуазной власти. В этом случае у них нет никакой перспективы, ибо их роль будет сведена к нулю и они либо развалятся сами, либо будут разогнаны. Вторая тенденция открывала для Советов возможность создать по всей стране самостоятельную структуру власти, противостоящей Временному правительству и его органам управления. Таким образом, у Советов, заключал Ленин, «есть только два пути: вперед к решительным экономическим и политическим мероприятиям или назад — к небытию. Третьего не дано»².

Ленина в данном вопросе поддержал Зиновьев: «Нам говорят, что Советы, может быть, отомрут. Да, может быть. Если нам не удастся осуществить то, что мы задумали, если в них будет действительно осуществляться политика Церетели и Чхеидзе, то в таком случае очень возможно, что Советы отомрут и что Милюков и Гучков сумеют расправиться с ними... Мы должны попытаться и сделать все возможное, чтобы повернуть Советы на другие рельсы, чтобы они взяли власть в свои руки, создали свою республику...»³.

Исходя из этого, конференция в резолюциях «О Советах рабочих и солдатских депутатов», «Об отношении к Временному правительству» поставила перед партией три задачи: 1) увеличение числа Советов по всей стране; 2) сплочение внутри Советов всех подлинно революционных элементов вокруг большевиков; 3) укрепление реальной силы Советов путем развития на местах самочинных действий, направленных к смещению контрреволюционных властей, к осуществлению свобод, к проведению мероприятий экономического характера. «Двигать революцию вперед, — пояснял Ленин, — значит осуществлять самочинно самоуправление... Да, мы должны быть централистами, но есть моменты, когда эта задача передвигается на места, мы должны допускать максимум инициативы на местах»⁴.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 382, 385.

² 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 259, 260; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 360.

³ 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 104, 105.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 249.

Проведение данного решения в жизнь открывало перед страной перспективу создания «государства небуржуазного», способного сделать первые шаги для постепенного перехода к социализму. Необходимости борьбы за такой переход никто из делегатов не отрицал. «Здесь нет никого, — говорил тот же Каменев, — кого можно было бы отклонить от этого курса... Но если мне предлагают сделать этот путь к социалистической революции на аэроплане, то я откажусь, потому что в таком случае я приеду один, а я хочу прийти к ней с массами». Его поддержал Алексей Иванович Рыков: «Все мы стремимся... к социалистическому строю». Но сейчас «рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции невозможно», ибо партия рискует превратиться в «пропагандистскую кучку»¹.

Ленину пришлось вновь терпеливо разъяснять, что ни о каком немедленном «введении» социализма нет и речи, что государственное регулирование производства и распределения, контроль над банками и синдикатами, национализация земли сами по себе еще никакого социализма не означают, что подобные суждения — дань предрассудкам и старым представлениям и о капитализме, и о социализме. «Мы должны, — говорил Ленин, — ставить теперь вопрос о социализме иначе, чем он ставился, из области туманного мы должны перенести его в конкретнейшую область...»².

Да, было время, когда капиталистическое хозяйство рисовалось как некое царство хаоса, порожденного свободной конкуренцией. Тогда идея планомерности экономического развития связывалась исключительно с социализмом. Но с появлением трестов, монополий — и на это обращал внимание еще Энгельс — такая точка зрения стала архаизмом. Ибо функционирование трестов предполагает и регулирование производства, и его планомерность. Точно так же постанова под контроль общенационального банка и промышленных синдикатов не выходят за пределы буржуазного строя. И практическая польза, выгодность для народа подобных мер, позволяющих, например, влиять на уровень цен или получать на льготных условиях ссуды для ведения хозяйства, вполне может быть разъяснена каждому рабочему и крестьянину³.

Оживленная дискуссия развернулась вокруг национализации земли. Специальный доклад по аграрному вопросу, обосновывавший данное требование, сделал Ленин. Его оппонент — Н.С. Ангарский воспринял национализацию как меру сугубо социалистическую, вполне приемлемую в будущем. Но в настоящих условиях, говорил он, это скорее «ка-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 356, 357; 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 106–110.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 446.

³ См. там же. С. 302, 355, 357, 444.

тегория идеологическая, а не материальная», ибо «идеи национализации в крестьянстве нет». Наоборот — «нет большего собственника, чем крестьянин»¹.

То, что крестьянин является собственником, отвечал ему Ленин, в этой общей истине сомнений нет. Но необходимо понять, что реально стоит за всеобщим требованием крестьянства о «божией земле». Когда крестьянин говорит, что земля должна «принадлежать богу» — это прежде всего означает, что она не может быть собственностью помещика. Но не только это. Помещичьи бурмистры, стольпинские чиновники запутали старыми полукрепостническими связями, создали невероятную чересполосицу и в крестьянском землевладении. Поэтому каждый крестьянин понимает: «Жить по-старому нельзя... все старое землевладение долой». И это желание крестьянина-собственника самостоятельно хозяйствовать на земле, разгороженной по-новому, разгороженной без помещиков, и не чиновниками, а им самим, как раз и составляет «материальную основу стремлений к национализации земли»².

С подобной оценкой экономических мер, предлагаемых Лениным, большинство соглашалось. Но некоторые на этом и останавливались. Например, Багдатов так и заявил: «Я думаю, что т. Ленин слишком рано отказался от старой большевистской точки зрения. Мы всегда думали, что национализация земли, банков, железных дорог не выходит за пределы капитализма, не приведет нас к социалистическому строю... В том-то и дело, что у нас на очереди еще продолжение буржуазной революции». И Ленин опять разъясняет одну из центральных идей нового подхода к социализму, подхода, порожденного новой эпохой и особыми условиями русской революции. Да, все предлагаемые меры «экономически вполне назрели, технически безусловно осуществимы немедленно, политически *могут* встретить поддержку подавляющего большинства...» Да, это еще не социализм, «но осуществление таких мер в связи с существованием Советов Р. и С.Д. сделает то, что Россия одной ногой станет в социализм...». Потому, что эти меры будут проводиться в жизнь не буржуазным правительством в интересах капитала, а рабоче-крестьянской властью, т. е. для народа и руками самого народа³.

Ленин ответил и на еще один старый аргумент против национализации, государственного контроля за производством и распределением: не потребуют ли они «создания гигантского надзирающего аппарата и не превратят ли они тем самым социализм в “массовое чиновничест-

¹ См.: 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 191.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 424.

³ См.: 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 77, 78; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 445.

во” и “массовые казармы”)? Такая опасность была бы вполне реальной, если бы речь шла о канцелярско-бюрократических методах проведения реформ. Но поскольку центр тяжести ложится на Советы, сам «характер этих учреждений гарантирует не полицейско-чиновничье осуществление преобразований, а добровольное участие организованных и вооруженных масс пролетариата и крестьянства в регулировании своего собственного хозяйства»¹.

Новый подход к социализму, признание необходимости длительного переходного периода, по иному ставил и вопрос о взаимосвязи между пролетарской борьбой на Западе и революцией в России. Повторяя традиционные представления, Алексей Рыков говорил на конференции, что Россия, в силу ее отсталости, может дать лишь толчок для социалистической революции на Западе. «Инициатива социалистического переворота принадлежит не нам». Но мы должны «сделать так, чтобы дать размах началу». Ленин ответил: «Революцию нельзя ни сделать, ни установить очередь. Заказать революцию нельзя — революция вырастет... А в какой очереди, в какой момент и с каким успехом, этого мы не знаем». Поэтому сейчас «нельзя сказать, кто начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм»².

Теоретические споры, в которых рождалась новая тактика партии, показали высокий интеллектуальный уровень многих выступавших. Но решающее слово было за практикой. Вот почему Ленин с нетерпением ждал докладов с мест. И его надежды не были обмануты. То, о чем он говорил как о теоретически возможном и желательном, на деле уже становилось жизненной реальностью.

«Начался саботаж заводчиков и фабрикантов в производстве, — рассказывала делегат от Екатеринослава Серафима Гопнер, — началось прекращение работ в разных местах — то нет топлива, то нет сырья... Напуганные тем, что рабочие подняли голову, предприниматели желают закрыть предприятия». Какова реакция рабочих? На некоторых заводах «рабочим пришлось взять в свои руки производство... и самочинно управлять им». Яков Свердлов доложил, что аналогичные процессы происходят и на Урале: «8-часовой рабочий день введен почти повсюду. Контроль над производством осуществляется тоже почти везде». Мало того, существует мнение, что необходимо «в случаях отказа капиталистов вести предприятия — приступить через Советы р. и с. депутатов после опроса рабочих к захвату»³.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 452.

² См.: 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 107; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 363, 398.

³ См.: 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 124, 125, 138, 139.

«В Иваново-Вознесенске и Самаре, — сообщал Бубнов, — мы имеем целый ряд фактов, которые говорят, что Советы накладывают руку на общественное производство и на распределение продуктов... То же самое делается и в Юрьеве: там осуществляется непосредственный контроль и ставится вопрос и о реквизиции тех предприятий, которые их хозяева хотят остановить». А делегат из Саратова дополнил: «В области промышленности осуществлен контроль над производством и распределением материалов. Создалась особая “контрольная заводская комиссия”. На трубочном заводе (22 тысячи рабочих) рабочие являются фактически хозяевами этого завода»¹.

О том же информировал делегат от Донбасса: «Проведен 8-часовой рабочий день. Заработная плата увеличена. Организовывается продовольственный комитет и совет старост... Шахтеры — полноправные хозяева рудников». То же самое происходило в Центральном промышленном районе, где многими Советами был поставлен вопрос «о захвате контроля над производством и распределением и об изъятии всех продовольственных организаций из частных рук». В Баку рабочие контролировали нефтепромыслы. Даже в далеком Геленджике, по рассказу делегата от Кавказа, Совет «взял власть в свои руки. Продовольственный вопрос в его руках. 8-часовой рабочий день проведен. Уравнена заработная плата мужчин и женщин. Учреждена контрольная комиссия над заводом»².

«Фактически рабочие во многих местах, — говорила Костеловская, — берут в свои руки производство, распределение продукции его. Так обстоит в Донецком бассейне, где рабочие не только организуют производство, продовольствие, но уже разрешают вопрос, куда направлять эти продукты производства... Мне хочется направить упрек нашему партийному органу — «Правде», — который этот материал не собирает. Мало говорить о грядущем социализме — его надо творить. Мы уже чувствуем дыхание новой жизни»³.

Отметил Ленин и опыт казанцев, которые в своей практической деятельности «прямо подходят к задачам социалистической революции». Но более всего его интересовал реальный результат подобного рода мер. «В Нижегородской губернии, — отмечает он, — 8-часовой рабочий день ввели, производство увеличилось. В этом залог. Иначе нельзя из разрухи выйти. Для этого нужно гигантски работать»⁴.

Большое впечатление произвела на Ленина и привезенная Василием Кураевым резолюция Пензенского губернского крестьянского съезда.

¹ См.: 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 157.

² Там же. С. 158, 160, 162.

³ См. там же. С. 142.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 378, 380.

Самовольно захватывая и засеивая господскую землю, крестьяне захватили и помещичий инвентарь. Но они не стали растаскивать его по дворам, а обратили в своего рода общественную собственность. «Они устанавливают известную очередь, правило, чтобы этим инвентарем обрабатывать все земли. Прибегая к этим мерам, они руководствуются интересами повышения сельскохозяйственного производства. Этот факт имеет гигантское принципиальное значение вопреки помещикам и капиталистам, кричащим, что это анархия». И Ленин заключал: «Крестьяне показывают, что они хозяйственные условия и общественный контроль понимают лучше, чем чиновники, и во сто раз лучше его применяют»¹.

Значит, прав был он, когда говорил, что вопрос о социализме необходимо ставить не как вопрос о внедрении той или иной «доктрины», не как проблему некоего исторического «прыжка» в туманное будущее, а как подсказываемый самой жизнью способ избежать краха. В этом Ленин видит «гвоздь» решения. «Социализм ставится нами, — вновь подчеркивает он, — не как прыжок, а как практический выход из создавшейся разрухи»².

Выступления делегатов позволили скорректировать курс партии в сфере экономической политики. Если в начале конференции Ленин говорил главным образом о необходимости «проповедовать» социализм, то теперь, после докладов с мест, в резолюции формулируется мысль о том, что меры по контролю и регулированию производства должны не только обсуждаться, но и осуществляться «местными революционными органами всенародной власти, когда к этому представляется возможность». В общегосударственном же масштабе их можно будет провести в жизнь лишь при непременном условии «перехода всей власти в стране в руки трудящихся»³.

Ленин предупреждал при этом о недопустимости какой бы то ни было «политики скоропалительных шагов». Отличие от политики соглашателей, говорил он, состоит не в том, что «она говорит “осторожность”, а мы — “быстрота”, мы говорим “еще бо́льшая осторожность”». И в резолюцию конференции «О текущем моменте» записывается: «В осуществлении названных мероприятий необходима чрезвычайная осмотрительность и осторожность, завоевание прочного большинства населения и его сознательного убеждения в практической подготовленности той или иной меры...»⁴.

За ленинскую резолюцию «О текущем моменте», завершившую дискуссию, проходившую на конференции, голосовал 71 делегат, про-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 420.

² Там же. С. 446.

³ См. там же. С. 357, 446.

⁴ См. там же. С. 343, 380, 446.

тив — 39, воздержались — 8. Прогноз Зиновьева, полагавшего накануне конференции, что «партия мыслит едино», оказался чрезмерно оптимистичным¹.

Особым пунктом повестки дня на конференции предполагалось обсудить организационный вопрос и новый Устав партии. Потребность в этом была очевидной. Большевики всегда отрицали саму возможность создания некой универсальной формы партии, одинаково пригодной для любых условий работы. Наоборот, изменение конкретной обстановки, задач борьбы требовало и изменения старой формы организации.

С этой проблемой большевики столкнулись уже в Феврале, когда партия вышла из подполья. Розалия Землячка рассказывала на конференции: «В первые дни революции Московская организация пережила период той растерянности, какую можно было видеть и в других местах. Она совершенно не была приспособлена к той широкой политической работе, делать которую представилась возможность. Прежние методы и навыки оказались совершенно непригодны для новых условий»².

Это был период бурного роста всех политических организаций, широко открывших двери для всех желающих. Партии разбухали, как на дрожжах. Старое «ядро» (если оно существовало) растворялось и отеснялось потоком новоиспеченных членов, нередко записывавшихся в организации лишь под влиянием сиюминутного настроения, «моды» или стремления сделать политическую карьеру. В результате партии превращались в нечто рыхлое и бесформенное. Такого рода процессы особенно наглядно прослеживались, например, у социалистов-революционеров, численность которых уже весной 1917 года достигла нескольких сот тысяч человек.

«В открывшихся для всех входных дверях этих партий, — писал Виктор Чернов, — происходила неимоверная давка; партии так разбухали от наплыва новобранцев, что вожди уже начали смотреть на этот наплыв с тайным ужасом: во что превратятся эти партии, когда старая их гвардия распустится в серой, политически неопытной, наивно-доверчивой массе? Не будут ли решения этих масс совершенно случайными, не потеряют ли партии всякое лицо, не станут ли они неустойчивыми соединениями, флюгерообразно вертящимися под ветром настроений бесформенной улицы?»³

Втрое, как уже отмечалось, выросла и большевистская партия. Возвращались те, кто в предшествующие годы по разным причинам отходил от активной работы. Вступили те, кто раньше значился в «сочувствующих» и кого знали по участию в стачках и демонстрациях. Принимали

¹ См.: 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 59, 258.

² Там же. С. 152.

³ *Алип Д.* Революция 1917 года глазами ее руководителей. С. 221.

и тех, кто проявил себя в февральские дни. А за ними пошла и более широкая масса, как говорили тогда, — «новорожденных» большевиков¹. Партийные структуры поначалу опирались на те ячейки, которые существовали еще в подполье. Но затем начался бурный процесс самоорганизации новых ячеек.

«В первые дни, докладывал на конференции питерский рабочий Василий Шмидт, — организация насчитывала несколько тысяч человек... Постепенно количество членов росло... Не хватало сил... организовать вступающих в нашу партию новых членов, которые прибывали с каждым днем... Для идейного руководства у нас еще не было достаточно силы. Теперь насчитывается 16 тысяч членов... Наблюдается массовое устремление в нашу партию. С некоторых заводов к нам приходили даже товарищи рабочие, записавшиеся в меньшевистскую партию, и спрашивали, каким образом им переписаться из этой партии в большевистскую. И это не единственный факт»².

В окрестностях Петрограда, судя по докладу Ивара Смильги, многие организации оформились лишь в марте. В Кронштадте насчитывалось около 3 тысяч членов партии, в Выборге — 560, в Петергофе 50. «Организации состоят из рабочих и из военных... Работа классово-социал-демократическая сейчас только начинается. Сначала нужно было сорганизовать массы, приходилось приноравливаться к ним». Делегаты от Центрального промышленного района доложили, что на их областной конференции было представлено 20 крупных организаций с 23 тысячами членов. Из них 7 тысяч приходилось на Москву, а 12–13 тысяч на московскую областную организацию, включавшую 13 губерний³.

Наиболее характерная ситуация сложилась в Московской губернии: «Организация сложилась снизу... В некоторых районах сложились партийные ячейки, которые слились в подрайонные комитеты, районные комитеты. Главные пункты партийной работы — фабрично-заводские районы. Как щупальца, распространяются наши партийные организации на заводах. Богородск... Многие стремятся стать в ряды партии. Было 2000 членов, а теперь — 4000... Орехово-Зуево. Партийная организация лучше, строже требования. Количественно силы партии меньше — 300–400 членов... Подольск. В организации — 260 членов... Серпухов. Влияние партии здесь несколько меньше, потому что старых работников пятого года не сохранилось. Есть молодежь, есть обыватель рабочих»⁴.

То же самое происходило на Урале. Накануне революции, рассказывал Свердлов, здесь было лишь девять действующих подпольных ор-

¹ См.: 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 134.

² Там же. С. 201, 203.

³ См. там же. С. 125, 157, 158.

⁴ Там же. С. 126.

ганизаций. Теперь — 43. «Сначала принимали знакомых с программой и Уставом... В 43 организациях — 16 тысяч членов, но рост этого числа идет так быстро, что сейчас, возможно, членов партии гораздо больше»¹.

У Ленина этот рост вызывал определенную тревогу. Революционная волна подняла к политической жизни самые разнородные элементы. Но одно дело, когда к большевикам, как наиболее радикальной партии, стали тянуться «сознательные революционеры» или «возмущенные борцы». И совсем другое дело, когда в партию стали «записываться» элементы авантюрные, несознательные и просто недовольные, как, скажем, солдат, «тоскующий по своей хате и не видящий конца войны, иной раз прямо боящийся за свою шкуру человек», способный на любые эксцессы. Таких Ленин спустя несколько недель назвал «лжебольшевиками» и требовал «раз навсегда отгородиться» и от «лжебольшевиков» и от «нелепейших извращений большевизма»².

Рост численности организаций вызывал беспокойство и у старых партийцев. Причем в Петрограде, еще до общероссийской конференции, выявились две противоположные точки зрения. Сторонники первой считали, что необходимо шире открыть двери партии, ибо «школой является сама партия, уже внутри ее человек обучается». Другие полагали, что «необходимо принимать либо старых работников, либо вообще с большой строгостью, признавая ограничения». Тогда же появилось и предложение о необходимости при вступлении в партию двух рекомендаций ее членов.

На Петроградской конференции вокруг этого разгорелся спор. Исходя из принципа — «не количество, а качество», Василий Шмидт отстаивал необходимость рекомендаций. «Опыт европейских организаций, — говорил он, — нам доказывает, что широкое открытие партии для всех ведет к тому, что в партию входит нежелательный элемент». Ему возражал Сергей Багдатыев: «Двери партии должны быть открыты. Пример германской партии неоснователен... Этот пункт о членстве должен быть выпущен. Утверждение [приема в райкоме] тоже не годится. Говоря принципиально, наша партия должна быть широкой и демократической»³.

В принятом Уставе петроградской организации, который позднее стал образцом для многих других организаций, положение о двух рекомендациях было закреплено, но пункт об утверждении членства районным комитетом сняли. Устав утверждал демократическое выборное начало для избрания всех партийных органов и предоставлял достаточно

¹ 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 123, 124.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 256.

³ 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 29.

широкую автономию районам, которые, по мере необходимости, могли создавать подрайонные и заводские партийные коллективы.

Апрельская общероссийская конференция РСДРП не стала вырабатывать новый Устав. Новый тип организации только-только начинал вырисовываться. Однако необходимость сохранения принципа демократического централизма никем не оспаривалась. Важно было лишь понять, что сам этот принцип был живым и динамичным. На различных этапах борьбы, в зависимости от условий, необходимо было каждый раз находить наиболее оптимальное соотношение между централизмом и демократизмом. А условия 1917 года, потребовавшие усиления инициативы, самостоятельности, ответственности от каждой организации и каждого большевика, диктовали необходимость резкого расширения демократических начал в организации партии.

Нужно было, в частности, преодолеть и пассивное ожидание директив из центра, о котором на конференции говорил делегат из Подольска И.И. Матрозов: «Когда жизнь ставит вопрос, провинция отвечает: “Послушаем, что скажет центр”... Мы должны указать, как эту психологию оглядки на центр устранить»¹.

Это отнюдь не умаляло ни роли ЦК, ни общепартийной дисциплины. Наоборот, апрельский кризис, вскрывший многие недостатки сугубо организационной работы, показал, что без единства действия партия вообще не сможет добиться успеха. Но и сам централизм можно было создать теперь не в результате «давления сверху», а лишь снизу, почином самих организаций. Призывая рабочих строить партию «тотчас же, снизу, повсюду», не боясь «частных ошибок и недостатков», Ленин писал: «В каждом районе, в каждом квартале, на каждом заводе, в каждой роте должна быть крепкая, дружная организация, способная действовать как один человек. От каждой такой организации должны быть прямые нити к центру, к ЦК, и нити эти должны быть крепкие, чтобы враг не мог разорвать их первым ударом...»².

Апрельская конференция положила конец попыткам какого бы то ни было объединения с меньшевиками. О мартовском «объединительном угаре» говорилось много. Да и среди самих делегатов от Поволжья, Юга и Кавказа было несколько человек, представлявших объединенные организации. Но если раньше, при колебаниях части большевиков по отношению к войне, эта тенденция еще имела под собой определенную почву, то теперь такая почва была полностью ликвидирована. Хотя борьба с «объединенчеством» продолжалась и после апреля, прав был питерский делегат Иванов, когда заявил, что «объединительный угар

¹ 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 139.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 337, 338.

под влиянием т. Ленина идет насмарку»¹. Конференция постановила — «признать объединение с партиями и группами, проводящими эту политику, безусловно невозможным» и, наоборот, признала необходимым «сближение и объединение с группами и течениями, на деле стоящими на почве интернационализма».

29 апреля конференция, впервые после пятилетнего перерыва, выбрала новый — первый легальный — состав ЦК. С принятием резолюций разногласия по основным теоретическим вопросам были в значительной мере преодолены: раз есть решения, надо их выполнять. Но теперь, когда предстояло избрать лидеров, все прежние трения между «заграничниками» и «практиками», между «верхами» и «низами» вновь вылезли наружу.

Главное же — ослабление связей между региональными организациями в годы войны привело к тому, что делегаты одних регионов плохо знали лидеров других. Все это и объясняет тот факт, что на тайное голосование было предложено девять списков, «причем, — как указывалось в протоколе, — большинство без подписи».

Ленин поначалу предполагал включить в ЦК ядро прежнего Заграничного и Русского бюро, дополнив его партработниками с мест. В связи с этим он предложил расширить ЦК с 9 до 13 человек. Но большинство делегатов проголосовало против.

Тогда, дабы не оставлять выборы в поле кулуарных решений, Зиновьев предлагает перед голосованием открыто обсудить каждую кандидатуру, если этого потребуют хотя бы 10 делегатов. «Слышатся возражения против этого, — записано в протоколе, — ибо голосование покажет, какие товарищи больше всего известны и считаются дельными работниками». Однако большинством в два голоса предложение Зиновьева принимается².

Началось обсуждение. Всего на тайное голосование выдвинули 26 кандидатур. Первая — Ленин. Его, а заодно и Зиновьева, принимают без обсуждения. А вот вокруг Каменева разгораются страсти. Напрасно Роберт Слассер пишет, что их разжег «дерзкий» и «неизвестный» Соловьев. Василий Иванович Соловьев был хорошо известен в партии по дореволюционной «Правде», в 1917-м он являлся членом Московского окружного комитета.

Напомнив об ошибках Каменева в 1915 году и в марте 1917-го, Соловьев сказал: «В нем нет той кристальности, нет той выдержки, которые требуются от вождя РСДРП. Поэтому считаю кандидатуру Каменева невозможной». Столь же открыто говорили делегаты и другим товарищам

¹ См.: 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 53.

² См. там же. С. 207, 208.

по партии все, что о них думали. Филипп Голощекин, указав на мартовские колебания Ивана Теодоровича, проходившего, судя по всему, по «ленинскому» списку, заявил: «Раньше т. Теодорович был видная фигура, но десять лет каторги и оторванность от партийной жизни наложили определенную печать, и человек не способен к работе».

Возникла опасность того, что чем более известен кандидат, тем вероятнее критика в его адрес. А в такой ситуации неизбежен разброс голосов. Трудно сказать, кто изначально фигурировал в «ленинском» списке. Но, оценив положение, Ленин, во-первых, включает в него Свердлова — явного лидера уральских делегатов (позднее он шутя заметит: «К счастью, снизу нас поправили»). А во-вторых, поддерживает кандидатуры Каменева и Сталина.

Отвечая Соловьеву, Владимир Ильич сказал: «В свое время поведение т. Каменева было осуждено ЦК... Нельзя из-за проступка, за который т. Каменев был уже привлечен к суду и достаточно оценен и осужден, нельзя возражать против его кандидатуры. Инцидент исчерпан. Что же касается споров при выработке нынешнего партийного курса, то они не только не вредны, но и полезны. «То, что мы спорим с т. Каменевым, — заметил Ленин, — дает только положительные результаты... так как дискуссии, которые веду с ним, очень ценны. Убедив его, после трудностей, узнаешь, что этим самым преодолеваешь трудности, которые возникают в массах»¹.

Ленин взял слово и при обсуждении кандидатуры Сталина. В марте, вместе с Каменевым и другими товарищами, он допустил уже упоминавшиеся ошибки и колебания. Но после приезда Владимира Ильича в статьях, опубликованных «Правдой» 11 и 14 апреля, Сталин стал переходить на позиции «Апрельских тезисов». В их защиту он выступил против Каменева и на самой конференции. Поддерживая его кандидатуру в ЦК, Ленин сказал: «Тов. Коба мы знаем очень много лет. Видали его в Кракове, где было наше бюро. Важна его деятельность на Кавказе. Хороший работник во всяких ответственных работах»².

В результате тайного голосования, в котором участвовало 109 делегатов, в ЦК были избраны: Ленин (104 голоса), Зиновьев (101), Сталин (97), Каменев (95), Милютин (82), Ногин (76), Свердлов (71), Смилга (53), Федоров (48). Кандидатами в члены ЦК избрали пятерых. Первые два — Теодорович и Бубнов получили соответственно 41 и 32 голоса. Последние два — Глебов-Авилов и Правдин — по 18 голосов. Фамилию третьего, набравшего 20 голосов, установить пока не удалось.

¹ См.: 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 322, 323; Слассер Р. Сталин в 1917 году. М., 1989. С. 97–101.

² 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Протоколы. С. 323.

Тот факт, что для прохождения в кандидаты оказалось достаточным 18 голосов из 109, свидетельствует о том, что избежать разброса мнений и оценок не удалось. Но даже столь минимального количества голосов не собрали члены последнего Русского бюро ЦК Шляпников, Залуцкий, Молотов и др. Не прошли и три женщины: Арманд, Землячка и Крупская.

30 апреля в 4 часа утра пением «Интернационала» конференция завершила свою работу. На состоявшемся вскоре пленуме избрали Бюро ЦК. Роберт Слассер привел достаточно убедительные доказательства создания такого органа. В него вошли Ленин, Зиновьев, Сталин, Каменев, со значительным отрывом опередившие при голосовании других цекистов. Стоит заметить, что попытки доказать, будто данное Бюро положило начало будущему Политбюро ЦК — неосновательны. Его функции были точно очерчены в одном из протоколов ЦК конца 1917 года. В связи с тем, что в ЦК входили руководители местных организаций, Бюро предоставлялось «право решать все экстренные вопросы, но с обязательным привлечением к решению всех членов ЦК, находящихся в тот момент в Смольном»¹.

Кстати сказать, об этом Бюро Ленин упоминает уже 10 мая в связи с переговорами с Троцким и «межрайонцами». Троцкий вернулся в Россию 4 мая и сразу вошел в Комитет «межрайонцев», существовавший в Питере с 1913 года. В составе этой группы РСДРП были Луначарский, Володарский, Урицкий, Мануильский, Юренев и другие старые социал-демократы, опытные публицисты, ораторы — представители той партийной интеллигенции, в которой так нуждались и большевистская пресса и организации. Тесные контакты с «межрайонцами» были у большевиков уже налажены. Но появление Троцкого поначалу насторожило.

Сам он позднее писал: «Ленин встретил меня сдержанно и выжидательно». И это было вполне естественно, если учесть, что за предшествующие 15 лет именно Троцкий являлся одним из главных противников большевизма в рядах социал-демократии. Написано об этом много. И надо признать, что в ходе политической борьбы обе стороны наговорили друг другу массу обидных и оскорбительных слов.

Однако первые же выступления Троцкого показали, что по главным вопросам его точка зрения вполне совпадает с позицией большевиков. Он солидаризировался с ними 5 мая на заседании Петросвета. А 7 мая, выступая на конференции «объединенных социал-демократов», заявил: «Мы ставим себе ясную и определенную задачу — переход всей полноты власти в руки Совета РСД... Мы категорически отказываемся от всякой поддержки новому Временному правительству»².

¹ Ленинский сборник. IV. М., 1925. С. 301; Протоколы ЦК РСДРП (б). М., 1958. С. 155, 157; Слассер Р. Сталин в 1917 году. С. 111–115.

² Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 321.

Для Ленина политический блок или объединение никогда не были вопросами выяснения личных отношений или личных договоренностей между лидерами. Любое соглашение должно иметь принципиальную базу. И если такая существует, то все прочее, «личностное» должно быть отброшено.

10 мая Владимир Ильич приходит на конференцию «межрайонцев», обсуждавшую вопрос об объединении с большевиками. Держался он чрезвычайно спокойно. А вот Троцкий явно нервничал. Ему, видимо, казалось, что вхождение в большевистскую партию, с которой он столь долго боролся, могут воспринять как «потерю лица». И он искал аргументы, чтобы как-то оправдать этот шаг.

Ленин записывает некоторые его фразы: «Русский большевизм интернационализировался. Большевики разбольшевичились — и я называться большевиком не могу... Признания большевизма требовать от нас нельзя». Устраивать с Троцким дискуссию о «разбольшевичивании большевизма» означало — переводить важное практическое дело в склоку. И Владимир Ильич набрасывает «от своего имени и некоторых членов ЦК» конкретные предложения.

1. «Объединение желательно немедленно». 2. «Межрайонцы» могут рассчитывать на место в Бюро ЦК, место в редакции «Правды» и два места в оргкомиссии по созыву в июле партийного съезда. 3. Внутри партии свобода дискуссии по спорным вопросам обеспечивается изданием дискуссионных листков и свободой дискуссии в центральном партийном журнале. Все это оказалось для «межрайонцев», как заметил Ленин, «приемлемо».

Объединяющиеся величины были несоизмеримы. Но умерить амбиции «межрайонцы» не смогли, и они приняли свою резолюцию, одобрявшую объединение «под знаменем Циммервальда и Кинталя» (правда, умалчивающую о сроках). Судя по всему, прошло предложение о том, что оно произойдет «не путем автоматического вхождения, а через Всероссийский съезд».

Настороженность к Троцкому со стороны ряда большевиков сохранялась. Но большинством голосов ЦК РСДРП одобрил предложения Ленина. 18 мая «Правда» их опубликовала вместе с резолюцией «межрайонцев» для обсуждения в среде «рабочих-интернационалистов». А Ленин сопроводил публикацию замечанием: «Политические резолюции межрайонцев в основном взяли правильную линию... При таких условиях какое бы то ни было дробление сил, с нашей точки зрения, ничем оправдать нельзя»¹.

Во «Введении» к резолюциям конференции Ленин написал: «Положение неслыханно трудное... Не верьте словам. Не давайте увлечь себя

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 112, 113; Ленинский сборник. IV. С. 301, 302, 303.

посулами. Не преувеличивайте своих сил. Организуйтесь по каждому заводу, в каждом полку и в каждой роте, в каждом квартале. Работайте над организацией ежедневно и ежечасно, работайте сами, этой работы нельзя передоверить никому. Добивайтесь такой работой, чтобы полное доверие масс к передовым рабочим складывалось постепенно, прочно, неразрушимо. Вот основное содержание всех решений нашей конференции»¹.

Уже после конференции, готовясь к собранию петроградской организации и размышляя о новых формах организации и пропаганды, Владимир Ильич записал: «Как? *Не знаю*. Но знаю твердо, что без этого *ничего и толковать* о революции пролетариата». Ответ могла дать только практика. И еще он записал: «Максимум марксизма = максимум популярности и простоты... Именно марксизм — гарантия...»².

«Окажите доверие нам»

Ленин был прав, когда писал о том, что двоевластие Советов и Временного правительства не могло продолжаться долго. Или-или. Это прекрасно понимали и его противники.

Выход они усматривали в активизации боевых действий на фронте, в наступлении. Любой его исход, полагали они, будет им на руку. В случае успеха, опираясь на волну патриотических и шовинистических настроений, можно будет задавить Советы или, выражаясь деликатно, «поставить их на место». А при неудаче — свалить все на те же Советы и прежде всего на большевиков, повинных якобы в разложении армии.

22 мая Верховным главнокомандующим был назначен генерал Алексей Алексеевич Брусилов. На свет извлекли план наступления, подготовленный при его участии еще зимой 1916 года и согласованный с союзниками. Началось спешное переформирование воинских частей, подготовка к выводу из столицы революционно настроенного гарнизона. А для общего укрепления воинской дисциплины новый военный министр Керенский 11 мая обнародовал «Декларацию прав солдата», которую тут же окрестили как «декларацию бесправия». Особенно настораживало то, что офицерам предоставлялось право — при неповиновении солдат — применять оружие, т. е. расстреливать³.

«Солдатский телеграф» сработал быстро и слухи о готовящемся наступлении молниеносно распространились по частям. «Декларация» Керенского лишь усугубила положение. 16 мая Кронштадтский Совет заявил о непризнании Временного правительства. И хотя 24 мая, под

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 455, 456.

² Там же. Т. 32. С. 442.

³ См.: Собокин А.М. К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 46.

давлением Петросовета, это постановление отменили, власть правительства в городе и крепости полностью восстановить так и не удалось. А в большевистскую военную организацию, созданную еще в марте, уже с середины мая стали поступать требования солдатских комитетов столичного гарнизона о проведении внушительной акции протеста.

23 мая вопрос этот в Военной организации обсудили. Ее руководители, Владимир Невский и Петр Дашкевич, поначалу усомнились, что такая акция будет поддержана большинством частей. Но солдаты заверили, что их опасения несостоятельны, и решительно заявили, что в случае отказа полки *«готовы сами выступить, если не будет принято решение из центра»*. В Центральном Комитете партии Невскому посоветовали не торопиться, а основательней прозондировать обстановку в гарнизоне. И уже 1 июня, после совещания с представителями полков и кронштадтцев, Военная организация представила в ЦК списки частей (до 60 тысяч человек), готовых к выступлению. Но и после этого Невскому было указано, что без ведома Центрального Комитета никаких действий он предпринимать не должен¹.

Нежелание ЦК и Ленина форсировать события было очевидным. И на то существовали серьезные причины. Владимир Ильич прекрасно понимал, что Питер и Кронштадт это далеко не вся Россия...

Еще 4(17) мая в оперном зале Народного дома открылся I Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Более 1300 делегатов представляли самые удаленные уголки страны. Большевик Андрей Кучкин, посланный гарнизонами Вятской и Пермской губерний, вспоминал: «Для человека из глухой провинции, не видевшего крупных городов, Петроград казался гигантом. Машины, трамваи, ломовики, пролетки, тележки. Люди, люди без конца. Словно муравейник!»². И в самом Народном доме — угрюмые часовые, зло настроенные швейцары. Было от чего растеряться...

Большевиков среди делегатов насчитывалось человек девять. Хозяевами на съезде стали эсеры. Они санкционировали голосами крестьян вхождение социалистов в состав правительства, провели оборонческую резолюцию о войне. Камнем преткновения был аграрный вопрос. По словам одного из эсеровских лидеров Наума Быховского, делегаты приехали «с полной уверенностью, что отсюда они возвратятся уже «с землей» и привезут эту радостную весть пославшей их крестьянской массе; они верили, что здесь, на этом съезде, в той или иной форме, но вопрос будет «порешен». Формальная и конституционно-правовая сторона их не интересовала... Именно в этом вопросе делегаты обнаруживали наибольшее нетерпение»³.

¹ См. там же: Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992. С. 64.

² Пролетарская революция. 1927, № 8–9. С. 295.

³ Лавров В.М. Крестьянский парламент России. М., 1996. С. 71.

Вместе с меньшевиками-интернационалистами большевики подали заявку на выступление по аграрному вопросу Ленина. Но проходили дни, недели... 17 мая большевики распространили на съезде «Открытое письмо к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов», написанное Владимиром Ильичем. 20-го он даже приезжал на съезд. Но лишь утром 22 мая ему предоставили слово¹.

Солдат-большевик Дмитрий Гразкин рассказывает: «Все ждали Ленина, причем крестьяне, судя по их разговорам, представляли себе Ленина высоким, черным, курчавым, с длинными волосами». А как же? После не имевшего особого успеха выступления 11 мая на съезде Зиновьева им, видимо, казалось, что уж у «главного большевика» волосы не только курчавые, но и, непременно, длинные. «Когда Авксентьев сказал, что “от фракции большевиков слово предоставляется Ленину”, весь зал замер...» Опасаясь эксцессов, двое большевиков вышли с Владимиром Ильичем на эстраду, а трое встали у трибуны. А когда «на трибуне появился человек простого русского типа, — продолжает Гразкин, — делегаты стали друг у друга спрашивать: “А где же Ленин?” Мы стали громко указывать: “Да вон же, на трибуне”... По залу прокатилось: “Это Ленин?!” Ленин стоял, выжидая, чуть улыбаясь. Это сразу как-то купило делегатов»².

О том же рассказывает и другой делегат — Андрей Кучкин: «В начале речи Ленину летели с правых скамей реплики. Но потом они смолкли... Крестьяне напряженно всматривались в лицо и жесты Ленина. Как будто они хотели уловить в нем что-то чужое, не русское, а немецкое. Ведь так много говорили и писали о Ленине как о немецком агенте! А Ленин расхаживал по возвышенности взад и вперед... И глазами все время бегал по головам делегатов. Голос его звучал сильно. Слова четкие, ясные, всем понятные. И нет ничего в этом человеке чужого, а все свое, родное»³.

«У нас с нашими противниками, — говорил Ленин, — основное противоречие в понимании того, что есть порядок и что есть закон. До сих пор смотрели так, что порядок и закон — это то, что удобно помещикам и чиновникам, а мы утверждаем, что порядок и закон — есть то, что удобно большинству крестьянства... Помещичья собственность была и остается величайшей несправедливостью. Бесплатное владение крестьянами этой землей, если владение это будет по большинству, не есть самоуправство, а есть восстановление права. Вот наша точка зрения...»⁴

А в это время в Таврическом шло обычное заседание Исполкома Петросовета. Эсер Сергей Мстиславский рассказывал: обычные, рутин-

¹ См.: *Лавров В.М.* Крестьянский парламент России. С. 28, 35, 83, 87.

² От Февраля к Октябрю. С. 130.

³ Пролетарская революция. 1927. № 8–9. С. 303, 304.

⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 174, 176.

ные, текущие дела. Остывшие стаканы с чаем. Скука. И вдруг весть — Ленин выступает на крестьянском съезде. «Сразу смахнуло сонливость. Сдвинулись с мест. Заскрипели стулья. Заболтались ложечки в стаканах... Кто-то сказал неуверенным баском: “Сойдет... От крестьян это отскочит”. Александрович, левый эсер, не удержался, фыркнул: “Отскочит — вам в голову... рикошетом”». Начался торг — кому ехать? Чхеидзе, Богданов — отказались. Отказалась и Спиридонова. Александрович опять пошутил: «“Пошлите Брешковскую. Выйдет совсем по-крестьянски, стиль пейзаж: икону против пожара”... А с телефона новая эстафета: “Кончил. Хлопают. Рев стоит”»¹.

Такая реакция была вполне объяснимой. «Чрезвычайно популярная по изложению речь Ленина, — писал эсер Быховский, — произвела большое впечатление на делегатов, несмотря на несомненно существовавшее ранее предубеждение съезда против Ленина, как большевика, да к тому же проехавшего через Германию “в plombированном вагоне”... Аргументация Ленина в пользу немедленного захвата земли весьма совпадала с настроениями и суждениями деревни. Он подводил теоретический и логический фундамент под то, что подсказывал крестьянам их классовый инстинкт»².

Крупный помещик Сергей Илиодорович Шидловский, заседавший в этот момент в Главном земельном комитете с Черновым и другими эсеровскими лидерами, пишет, что их как ветром сдуло, ибо стало известно, что на съезде «крестьяне пожелали немедленно вотировать» резолюцию, предложенную Лениным. Лидеры подоспели вовремя. Был объявлен перерыв. На следующий день выступил Виктор Чернов, заявивший, что он гарантирует «неприкосновенность земельного фонда до Учредительного собрания». Речь, произнесенная «с значительной экспрессией», вызвала бурные аплодисменты. Крестьяне стали качать своего министра. После чего два дня — и в самом Народном доме, и в общезжитиях им, как говорится, «пудрили мозги». Как выразился депутат Д.П. Оськин, спорить с «таким обилием умных и больших людей... стало страшно. Легче идти в штыковую атаку на фронте...»³

А 3 (16) июня в помещении Первого кадетского корпуса открылся I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Более тысячи делегатов представляли на нем губернские, областные и районные Советы, объединенные рабочие, солдатские и крестьянские организации, действующую армию, флот и тыловые гарнизоны. Подавляющее большинство на этом съезде причисляло себя к эсерам (285 мандатов)

¹ О Ленине. Воспоминания. Кн. IV. М.; Л., 1925. С. 100, 101.

² Лавров В.М. Крестьянский парламент России. С. 93.

³ См. там же. С. 100, 101, 103.

и меньшевикам (248 мандатов). И лишь 105 делегатов зарегистрировались как большевики.

О составе съезда Николай Суханов писал: «Это были “настоящие” солдаты, мужички, но больше было мобилизованных интеллигентов. Не одна сотня была и прапорщиков, все еще представлявших “огромную часть действующей армии”. И что тут были за фигуры! Само собой разумеется, что все они были “социалисты”. Без этой марки представлять массы, говорить от их имени, обращаться к ним было совершенно невозможно... В кадетском корпусе была толчея. По кулуарам бродили шумные вереницы; около бойких ораторствующих людей собирались группы; была давка у раскинувшихся в нижнем этаже книжных лавочек и киосков; стояли длинные хвосты за чаем и обедом в низкой и мрачной столовой»¹.

Начался съезд со скандала. Швейцарский социалист Роберт Гримм, сопровождавший при проезде через Германию «эшелон» Мартова, Натансона, Луначарского и др. (257 эмигрантов), был выдворен из России за его «тайную дипломатию» в пользу сепаратного мира. Мартов попросил слова для объяснений. Увы! Слушать его не стали...

«Конечно, — пишет Суханов, — большинство собрания не имело понятия о том, кто такой Мартов, какой он партии, что он доселе делал на свете — пока его слушатели при царизме мирно поживали и добра наживали... Поднялась вакханалия, в залах начался патриотический вой; “негодование” и “гнев” против немецких пособников стоном стояли в зале... Мартов был взволнован открывшейся перед ним картиной. У его ног волновалась темная стихия, которая была живой контрреволюцией. Казалось, эта темная сила физически нападает на трибуну и вместе на революцию, а щуплая фигурка Мартова, угловатая, скромная, невинственная, героически противостоит жадному, нечленораздельному, бессмысленно рычащему чудовищу. Даже Троцкий не выдержал этого зрелища.

“Да здравствует честный социалист Мартов!” — закричал он, подбежав к трибуне... Глядя на “определившийся” съезд, волновался мой сосед — увядший, истрепанный травлей Стеклов: “Эх, надо бы им ответить! Эх, я бы выступил!” — “Так выступите”, — не подумав, сказал я. “Что вы, разве мне можно появиться! — ответил Стеклов. — Разнесут, разорвут...”»²

На следующий день съезд слушал доклад Либера об отношении к Временному правительству. «Переход всей власти в руки Совета РСД, — сказал он, — попытка осуществления этого лозунга обозначала бы во

¹ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 250.

² Там же. С. 259.

всероссийском масштабе... не усиление власти революционной в стране, а... распад единой революции, полную изоляцию рабочего класса... А за пределами организации рабочей демократии... область авантюры, сепаратных выступлений отдельных городов, область всероссийской анархии и военных диктатур»¹.

Прения по докладу продолжались *пять дней*. Говорили красиво и долго. Слушать эти речи было невозможно, и Ленин, приехав на съезд, разговорился в кулуарах с левым эсером, членом Петросовета Петром Васильевичем Бухарцевым. Многих левозэсеровских лидеров Владимир Ильич хорошо знал еще по эмиграции. Но с активным левым эсером из числа «практиков» беседовать не приходилось.

В разговоре, пишет Бухарцев, «Ильич интересовался настроениями эсеров и особенно левого крыла. Он спрашивал о взаимоотношениях Виктора Михайловича Чернова с левым крылом и, дело прошлое, буквально выпытывал, имел ли Чернов к организации левого крыла с.-р. какое-либо отношение. “Хитрый мужичонка Чернов... Со всеми заигрывает и никогда не узнаешь, с кем он будет”, — смеялся Ильич». Но потом сказал: «На этом съезде делать нечего и большевикам можно было бы и уйти... Да хочется переговорить с Черновым, авось друг от друга чему-нибудь научимся».

К ним подошел другой левый эсер, делегат от Инсарского гарнизона, офицер Павел Федоров. В ходе разговора он, между прочим, показал Владимиру Ильичу крестьянские и солдатские наказания, которые он получил, отправляясь на съезд. Ленин просмотрел их и был приятно удивлен: «Ого! — сказал он Павлу Алексеевичу, — да вы в Инсаре, судя по наказу, требуете социализации не только земли, но и фабрик и заводов!» Федоров не только подтвердил, но и добавил, что они готовы отстаивать эти требования с оружием в руках².

А в зале по-прежнему лились речи. Слово предоставляли прежде всего социалистическим министрам. «Церетели, Скобелев и Чернов выступали каждую минуту, казалось, по нескольку раз по всякому вопросу, и оставались на трибуне целыми часами... Это было, — рассказывает Суханов, — нестерпимо не только для здравомыслящих людей, но начинало выводить из себя и весь кадетский корпус. Одни начали лояльно вздыхать, другие не столь лояльно ворчать себе под нос, третьи откровенно покрикивать: довольно, слышали, дайте послушать людей с мест!.. От пошлого и тупого хвастовства контрреволюционной политикой коалиции тошнило, конечно, не одних большевиков»³.

¹ Первый Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет. М., 1930. Т. 1. С. 51, 52.

² РГАСПИ, ф. 70, оп. 4, д. 197, л. 19.

³ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 260.

Было ужасно скучно. И Луначарский стал рисовать: средневековый рыцарь в стальных доспехах с обнаженным мечом... Анатолий Васильевич подписал рисунок: «Таким будет буржуазный диктатор России» и передал Ленину. Владимир Ильич внимательно посмотрел, перечеркнул надпись и быстро написал: «Диктатуре буржуазии в революционной России не быть»¹.

А на трибуне, артистично жестикулируя, говорил Ираклий Церетели: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место... Такой партии в России нет!» Стенографистка Надежда Никифоровская вспоминала: «Оратор сделал паузу, как бы любуясь эффектом, который произвели его слова на делегатов... Тишина. И вдруг, как удар грома, раздались слова: “Есть! Есть такая партия!” — По залу прокатился гул, все пришло в движение. Многие повставали с мест, чтобы увидеть того, кто бросил такую реплику». А Владимир Ильич, попросив у президиума слова от фракции большевиков, уже шел к трибуне².

Суханов пишет: «В непривычной обстановке, лицом к лицу со своими лютыми врагами, окруженный враждебной толпой, смотревшей на него как на дикого зверя, Ленин, видимо, чувствовал себя неважно... К тому же над ним тяготели жесткие 15 минут, отведенные для фракционного оратора. Но Ленину и вообще не дали бы говорить, если бы не огромное любопытство, испытываемое каждым из провинциальных мамелюков к этой знаменитой фигуре...»³

Речь Ленина на съезде стала одним из тех его выступлений, смысл которых всячески извращался и тогда — в обстановке истерии, поднятой бульварной и черносотенной прессой, и теперь — спустя почти столетие, современными «лениноедами». Начиная с Суханова, они вычитывали в ней лишь одно: заявление о готовности большевиков в любую минуту взять власть в свои руки, а говоря проще — о *«захвате власти»*⁴.

Но перечитайте эту речь... В ней говорится о том, что программа буржуазной республики и реформ, предлагаемых соглашателями, не может решить проблем, стоящих перед Россией. Их нельзя решить ни резолюциями — «в бумажках можно написать что угодно», ни нудными докладами, которые здесь, на съезде, «делают министры, ссылаясь на то, что они вчера говорили, завтра напишут и послезавтра обещают. Это смешно». Такое толчение воды в ступе уже привело «к застою и к тем шагам назад, которые мы теперь видим в нашем коалиционном прави-

¹ В.И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1973. Т. 4. С. 216.

² См.: Яковлев Б.В. Ленин. Страницы автобиографии. С. 579.

³ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 260.

⁴ См. там же. С. 260.

тельстве, во всей внутренней и внешней политике, в связи с готовящимся империалистическим наступлением»¹.

Революция создала иной тип власти — Советы, непосредственно выражающие волю народа. Они могут создать новый, *небуржуазный* «более демократический тип государства, который мы назвали в наших партийных резолюциях крестьянско-пролетарской демократической республикой... Напрасно думают, что это вопрос теоретический». Напрасно припутывают Маркса и рассуждают о том, «можно ли в России вводить социализм, вообще совершать коренные преобразования сразу — это все пустые отговорки, товарищи. Доктрина Маркса и Энгельса, как они всегда разъясняли, состоит вот в чем: “наше учение не догма, а руководство к деятельности”». Поэтому в политике надо руководствоваться реальной жизнью. А в этой жизни «чистого капитализма, переходящего в чистый социализм, нигде в мире нет и быть не может во время войны, а есть что-то среднее, что-то новое, неслыханное...» И вопрос стоит не о верности доктрине, а о том, «чтобы сделать тот шаг, который нам сейчас нужен»².

Каждый делегат съезда должен сделать выбор: он за буржуазное правительство с чиновно-бюрократической машиной управления или за власть Советов? А если вы за Советы, то и тут предстоит выбор. Ибо Советы многопартийны, внутри советского правительства, «в недрах Всероссийского Совета неизбежны трения, борьба партий за власть»³.

Все партии, претендующие на выражение воли народа, свои программы выработали. Сформулировали ее и большевики. И они говорят, «как всякая партия говорит: окажите доверие нам, и мы вам дадим нашу программу». Поэтому, когда «предыдущий оратор, гражданин министр почт и телеграфов... говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть... я отвечаю: “есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту готова взять власть целиком”. (Аплодисменты, смех.)»⁴.

Итак, не о «захвате власти» говорил Ленин, а о ее переходе к многопартийным Советам. И о готовности большевиков предложить программу и сформировать советское правительство в том случае, *если Советам им будет оказано доверие*.

Через несколько дней Владимир Ильич специально разъяснит этот вопрос в «Правде»: чтобы удовлетворить требования народа, «надо быть властью в государстве. Станьте ей, господа теперешние вожди Со-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 264, 265, 273.

² См. там же. С. 264, 266.

³ См. там же. С. 265.

⁴ См. там же. С. 266, 267.

вета, — мы за это, хотя вы наши противники... Пока у вас нет власти общегосударственной, пока вы терпите над собой власть 10-ти министров из буржуазии, — вы запутались в своей собственной слабости и нерешительности»¹.

По истечении 15 минут после начала речи председатель прервал Ленина: «Ваше время истекло». Но в зале поднялся такой шум, что пришлось ставить на голосование. «Большинство за продление речи», — констатировал президиум. И Владимир Ильич продолжил...

Отличие политики соглашателей от политики революционной он продемонстрировал на простом примере. Вся пресса писала в те дни о неумных аппетитах олигархов, зарабатывавших на военных поставках до 500–800 *процентов прибыли*. В министерских кругах и в газетах гадали — каким же образом, при новой-то власти, им удастся так обделывать свои дела?

Если вы действительно заботитесь о жизни и благе народа, отвечал Ленин, то «опубликуйте прибыли господ капиталистов, арестуйте 50 или 100 крупнейших миллионеров [Суханов, естественно, написал: 200–300. — В. А.]. Достаточно продержать их несколько недель, хотя бы на таких же *льготных условиях*, на каких содержится Николай Романов, с *простой целью* заставить вскрыть нити, обманные проделки, грязь, корысть, которые и при новом правительстве тысяч и миллионов ежедневно стóят нашей стране»².

Что же это — покушение на капитализм? Нет! Потому что в России мы имеем дело с явлениями *аномальными* даже для капитализма.

Когда сегодня пишут о том, что большевики разрушили процветающую российскую рыночную экономику европейского типа, то забывают о том, что таковой просто не существовало. В годы войны сложился какой-то иной — «дикий» капитализм.

Известный экономист Владимир Александрович Базаров как раз в эти дни писал: «Война и вызванная ею экономическая и финансовая разруха создали такое положение вещей, при котором частный интерес частного предпринимателя направлен не к укреплению и развитию производительных сил страны, а к их разрушению. В настоящее время выгоднее — в ожидании повышения цен — держать в бездействии материальные составные части капитала, нежели пускать их в оборот; выгоднее производить на самых разорительных для страны условиях никуда не годные предметы военного снабжения, нежели добросовестно обслуживать насущные потребности народных масс... Можно ли удивляться, что так называемое “народное хозяйство” превратилось у нас в разруха-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 340.

² Там же. С. 267, 268.

бистую вакханалию мародерства, промышленной анархии, систематического расхищения национального достояния?»¹

И соглашаясь с Базаровым, Ленин пишет: «*Вакханалия* мародерства — нет иного слова для поведения капиталистов во время войны. Эта вакханалия ведет к гибели всю страну. Нельзя молчать. Нельзя терпеть»². Именно эту аномальность капитализма Владимир Ильич и разъясняет делегатам Всероссийского съезда Советов. Прибыли в 500–800 процентов, говорит он, российские промышленники берут «не как капиталисты на свободном рынке, в “чистом” капитализме, а по военным поставкам». Поэтому предлагаемые большевиками меры — это не «анархия» и «не социализм. Это — открытие глаз народу на ту настоящую анархию и ту настоящую игру... с достоянием народа, с сотнями тысяч жизней, которые завтра погибнут... Я знаю, что вы этого не хотите, что большинство из вас этого не хочет и что министры этого не хотят, потому что нельзя этого хотеть, так как это — избиеение сотен миллионов людей. Но... это связано с вопросом о власти»³.

И не надо бояться угроз гражданской войной. «Вы... знаете, что революция по заказу не делается, что революции в других странах делались кровавым тяжелым путем восстаний, а в России нет такой группы, нет такого класса, который бы мог сопротивляться власти Советов. В России эта революция возможна, в виде исключения, как революция мирная»⁴.

Что же касается целостности России, то «тут ближе подходит к истине даже Крестьянский съезд, который говорит о “федеративной” республике и тем выражает мысль, что русская республика ни одного народа ни по-новому, ни по-старому угнетать не хочет, ни с одним народом... не хочет жить на началах насилия. Мы, — заявил Ленин, — хотим единой и нераздельной республики российской с твердою властью, но твердая власть дается добровольным согласием народов»⁵.

«Оставляя в стороне прапорщиков, либеральных адвокатов и прочих подобных, — пишет Суханов, — у *рабоче-крестьянской части* собрания классовый инстинкт был, пожалуй, даже на стороне Ленина, хотя предубеждение мешало этому проявиться...» И президиуму пришлось немедленно вытащить на трибуну Керенского, который «в глазах большинства... одержал над ним блистательную победу. Керенскому после Ленина стоило немного нарядиться в тогу демократизма и благородства, сыпать фразами о свободе, щедро сулить мир всему миру — и раз-

¹ Новая жизнь. 1917. 24 мая.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 203.

³ Там же. С. 267, 269.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Там же. С. 269.

бойникам-капиталистам, и товарищам-пролетариям. В ответ на проект Ленина арестовать ради скорейшего мира (?) сотню-другую (?) биржевых магнатов Керенский, пожиная бурю аплодисментов, бросил: “Что же мы, социалисты или держиморды?..”

...А когда левый сектор ответил на “держиморду” шумом и топаньем, то деревянный, с неповоротливыми мозгами председатель Гегечкори, любезный кавказскому сердцу старика Чхеидзе, разъяснил, что “держиморда” — это литературное слово. На этом основании сменивший Керенского Дуначарский с места в карьер назвал Гегечкори держимордой...» Прав был Суханов: «в *этих* собраниях убедить друг друга речами было нельзя»¹.

А за стенами Съезда Советов обстановка все более накалялась. 4(17) июня несколько сот кронштадтцев прибыли на Марсово поле. К ним присоединились несколько сот солдат гарнизона. Повод был вполне основательным: почтить память тех, кто пал в дни Февраля. Выступали только большевики — Николай Крыленко, от моряков — Федор Раскольников и от Военной организации — А.Я. Семашко. По тем временам демонстрация была не столь уж многочисленной, но она явно свидетельствовала о нарастании возмущения и революционных настроений в массах².

Через два дня, 6 июня, состоялось совместное заседание ЦК, Исполнительной комиссии ПК и «военки». Николай Подвойский и Владимир Невский, опираясь на те данные, которые Военная организация представила ЦК, вновь подняли вопрос о санкции на проведение демонстрации. Цель — наглядно показать делегатам Всероссийского съезда решимость солдат и рабочих в борьбе против войны и, как выразился Подвойский, — «пробить брешь на съезде».

Цифры, приведенные «военкой» — о готовности к выступлению 60 тысяч солдат, видимо, произвели впечатление на Владимира Ильича. Он высказался за подготовку к демонстрации: если «таково мнение солдат и пролетариата», то их надо поддержать, «их лозунги — наши лозунги». За демонстрацию выступил Яков Свердлов: «Надо дать организованный выход из того настроения, которое есть в массе». «За» были члены ЦК Сталин и Григорий Федоров. При этом Федоров особо подчеркнул, что манифестанты должны быть безоружны.

Однако по данному вопросу сразу же выявились разногласия. Невский заявил, что если демонстранты выйдут без оружия, то шествие будет «кустарным» и не произведет должного эффекта. Другой представитель «военки» Сергей Черепанов был еще более категоричен: «Солда-

¹ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 253, 260, 261.

² См.: Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 65, 66.

ты не пойдут без оружия. Вопрос решен». И это утверждение перенесло обсуждение вопроса о выступлении совсем в иную плоскость.

Член ЦК Виктор Ногин прямо сказал, что если демонстранты с лозунгом «Вся власть Советам!» будут вооружены, то это может стать не демонстрацией, а революцией. Его поддержали Каменев и Зиновьев. Поворот массы в сторону партии, говорили они, только начался, рабочие пока не рвутся в бой и такая манифестация «может нас погубить», ибо ставит «на карту голову партии». Даже Крупская полагала, что поскольку демонстрация «не будет мирной, потому ее, может быть, не надо проводить». Решили собрать информацию о настроениях в рабочих кварталах и вновь обсудить вопрос 9 июня с представителями полков, заводов и профсоюзов¹.

После окончания заседания ЦК дискуссию продолжили в Петербургском комитете уже без Ленина. Невский довольно решительно заявил, что в гарнизоне бушуют страсти, которым нужен выход, и — хочет того партия или нет — демонстрация состоится. Вопрос лишь в том, кто возглавит ее. И, по его мнению, лучше пойти на риск неудачи, нежели отказаться от лидерства. С ним согласился Володарский: «Если мы не поддержим солдат в их конкретных требованиях, они отвернутся от нас». О том же заявил и один из руководителей Выборгского райкома Мартын Лацис: военная демонстрация будет проведена независимо от того, примут в ней участие большевики или нет. Что касается рабочих, то и они готовы выйти на улицу.

Некоторые члены ЦК стали возражать. По их мнению, демонстрация должна была состоять исключительно из солдат. «У солдат, — говорил Михаил Калинин, — есть повод для недовольства, у рабочих такого факта нет. Революционное настроение среди рабочих есть, но оно выражается в длительной работе сознания». Однако его не поддержали. Вновь, как и на заседании ЦК, были высказаны опасения: сумеют ли большевики направить демонстрацию в организованное русло и, как выразился В.Б. Винокуров, «куда может вылиться такая демонстрация?».

«Настроение классового антагонизма, — говорил Михаил Томский, — так высоко — понаблюдайте в трамваях, — что нельзя предполагать, что демонстрация протечет мирно. Представьте себе, что же может выйти из столкновения сотен тысяч людей, может выйти больше, чем демонстрация... Оперирование с настроениями широкой массы есть оперирование с несколькими неизвестными». И хотя член ЦК Сталин заявил, что бояться не надо, ибо «при виде вооруженных солдат буржуазия попрячется», решение так и не приняли. Всем членам ЦК лишь

¹ См.: Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 66, 67; Собокин А.М. К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 46, 47.

указали на необходимость обсудить вопрос о выступлении с рядовыми партийцами на предприятиях и в полках¹. Но принимать решение пришлось не через три дня — 9 июня, а вечером 8-го, ибо события развивались гораздо быстрее...

Когда 6 июня на заседаниях ЦК и ПК говорилось о том, что вооруженная демонстрация может состояться и без руководства большевиков, то имелись в виду вполне конкретные «конкуренты» — *анархисты-коммунисты*. Как раз в мае — июне их организация развернула активную деятельность в Питере, Кронштадте и Гельсингфорсе. Влияние анархистов росло, и без их лидеров Иосифа Блейхмана и Ленина не обходился, пожалуй, ни один матросский, да и солдатский митинг. Между прочим, ирония истории заключалась в том, что штаб-квартирой анархистов стала захваченная ими дача П.Н. Дурново — того самого, который преждед государя о кошмаре «беспросветной анархии».

С большевиками они не конфликтовали. «Общей платформой, — писал позднее член ПК Владимир Залежский, — позволившей большевикам работать вместе с анархистами-коммунистами, явилась борьба против Временного правительства и его политики... за социалистическую революцию». Поэтому «фактически анархисты шли не только рука об руку с большевиками, но скорее за большевиками»².

Это утверждение верно лишь отчасти, ибо в тех случаях, когда большевики — по тем или иным причинам — начинали притормаживать выступления масс, анархисты вырывались вперед. Да и «платформа» у них не была столь определенной. С 17 марта они стали выпускать журнал «Коммуна». Судя по этому изданию, никакими теоретическими изысканиями анархисты-коммунисты не занимались. Большую часть журнала занимали пространные статьи Н. Павлова, Я. Алого (Суховольского) и Н. Солнцева (Блейхмана) чисто митингового характера. «Россию, — говорилось в редакционной статье № 3, — никому не удастся поставить на путь капиталистического строя... Только в школе социальной революции найдется истинный путь к освобождению человечества...» И не более того...³

Впрочем, денег на издание «Коммуны» в чужих типографиях явно не хватало. И 5 июня 80 анархистов с бомбами и пулеметом захватили печатный станок правой газеты «Русская воля». На следующий день две роты, посланные министром юстиции Переверзевым, вернули станок на место, а 7-го анархистам предъявили ультиматум: освободить дачу Дурново в 24 часа. Анархисты и пришедшие им на помощь вооруженные кронштадтцы заняли оборону. А поскольку на даче помимо них разме-

¹ Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 67–70.

² Залежский В.Н. Из воспоминаний подпольщика. М., 1931. С. 180, 181.

³ Коммуна. 1917. № 3. Май. С. 1.

щалась рабочая милиция, профсоюз булочников и группа эсеров-максималистов, 8 июня в их поддержку забастовало 28 предприятий столицы, Петергофа и Ораниенбаума, а в Выборгском районе прошли *вооруженные демонстрации* протеста.

Василий Анисимов и Абрам Гоц, прибывшие от имени Съезда Советов на дачу Дурново, ни о чем с анархистами договориться не смогли. И вечером 8-го, по предложению Евгения Гегечкори, Съезд принял обращение к рабочим Выборгского района о неприемлемости вооруженных демонстраций без санкции Петросовета¹. Хотя это решение фактически имело в виду выступление анархистов, оно несколько изменило ситуацию. И вместо 9 июня большевики собрались в тот же вечер 8-го. Присутствовали члены ЦК, ПК, районов, «военки», представители полков, заводов, профсоюзов — всего человек 150–170. Не было лишь членов фракции Съезда Советов, которые оставались на вечернем заседании.

Сохранилась запись Мартына Лациса о ходе этого совещания: Выборгский район заявляет, что, помимо бастующих, «другие заводы с трудом удалось удержать от выступления... Опрос представителей [прочих районов и полков] показал, что настроение местами очень приподнятое, а местами не поддается учету». Ленин ограничился вступительным словом. Позиция его была определена еще на заседании 6 июня: все определит «мнение солдат и пролетариата». На голосование поставили три вопроса.

Первый: есть ли в массах такое настроение, что они рвутся на улицу? 58 человек голосовало «за», 37 — «против», 52 — воздерживаются. Видимо, это несколько охладило пыл. Ставится второй вопрос: выйдут ли они на улицу, несмотря на отговаривание Сов. Раб. Депутатов? 47 — «за», 24 — «против», 80 представителей воздержались. Результат достаточно сомнительный. Тогда ставится третий, решающий вопрос: устраивать ли демонстрацию? Ответ совершенно определен: 131 — «за», 6 — «против» и лишь 22 воздерживаются. Итак, «на совещании решили организовать демонстрацию из войсковых частей и рабочих, наметив ее на субботу в 2 часа дня». В решении ЦК, принятом тут же, особо оговорили, что «демонстрация должна быть мирной». Совещание закончилось в час ночи 9 июня, когда все большевистские газеты этого дня были уже набраны. Поэтому призыв к демонстрации решили опубликовать в газетах утром 10-го, а 9-го выпустить листовки².

Поскольку санкции на демонстрацию до этого не требовалось, Петросовет официально извещать не стали. Была в этом и маленькая «военная хитрость», ибо в реакции лидеров Совета никто не сомневался.

¹ Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 74, 75.

² См.: Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 103; Соколин А.М. К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 48.

Но говорить на этом основании о «тайном заговоре» вряд ли есть основания. Вопрос о выступлении *открыто* обсуждался в полках и на заводах. И трудно предположить, что члены Петросовета ничего не ведали об этом. Скорее наоборот, памятуя о решении, принятом 8-го, и зная о разногласиях в большевистской среде, они, видимо, надеялись, что все обойдется.

А утром 9 июня Ленин вновь выступил на I съезде Советов с речью о войне. Фактически, он стал читать делегатам лекцию об империализме, об экономических и политических причинах вызревания мировой войны, о ее связи с интересами определенных классов, банковского и, в частности, российского капитала. Самое удивительное — его не только слушали, но и прерывали аплодисментами. А когда председатель заявил: «Ваше время прошло», в зале стали кричать — «Просим... Просим».

«В мертвой схватке, — говорил Владимир Ильич, — схватились две гигантские группы. Либо служи одной, либо другой, либо свергай обе эти группы, никакого иного пути тут нет... Мы говорим: выход из этой войны только в революции... Все остальное — посулы или фразы, или невинные добрые пожелания». Если же вы против революции, то в других странах «никто нам не поверит и никто нас не возьмет всерьез, о нас скажут — вы наивные русские дикари, которые пишете слова, превосходящие сами по себе, но не имеющие политического содержания, или подумают еще хуже, что вы лицемеры». Ленин предупредил, что «наступила пора перелома во всей истории русской революции», ибо переход в *наступление на фронте* будет означать переход от ожидания и подготовки мира к открытому «возобновлению войны». Закончил он цитатой из письма крестьянина Г. Андреева: «Нужно побольше напирать на буржуазию, чтобы она лопалась по всем швам. Тогда война кончится. Но если не так сильно будем напирать на буржуазию, то скверно будет. (Аплодисменты.)»¹

Ленин мог радоваться, что как оратор имел столь явный успех. Но он прекрасно понимал, что от сиюминутного успеха до признания этой массой большевистского политического руководства очень и очень далеко...

Многие из тех, кто слушал Ленина и симпатизировал ему, через несколько месяцев станут левыми эсерами и большевиками. Но это будет потом... А теперь они терялись под напором говорливых и агрессивных лидеров, старых, действительно заслуженных борцов за народное дело. И большинством голосов соглашательские резолюции о поддержке Временного правительства, о войне были приняты. Предложение Бориса Позерна — обсудить вопрос о готовящемся наступлении — тем же большинством отвергли без обсуждения.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 273, 275, 282, 286, 291.

Но проголосовав таким образом, некоторые из солдат написали «отзыв благодарности господину Ленину»: «Мы выводим из Ваших слов, сказанных в Вашей речи, видно только Вы один имеете сочувствие к настоящей свободе и сочувствие об измученных солдатах. Господин Ленин, Ваши слова произнесенной Вашей речи вполне соответствуют правильностью». А тот же крестьянин Г. Андреев отметил в своем письме: «Я был эсер с 1905 года, но как стали они говорить, что не нужно землю у барина захватывать, то у меня мысль стала отпадать от них... Приехал я после Пасхи в Москву, пошел в Кремль, а там кадеты. Я не знал, что они за господа, думал, что теперь все люди хорошие. Я и скажи несколько слов в защиту себя, а они на меня: “Ленинец ты”. — “Нет, говорю, я смоленский”. — “Значит, ты шпион германский”. — “Нет, говорю, я крестьянин”. Я не знал, что такое Ленин, и думал, что это губерния. Но потом понял... Всем крестьянам и рабочим я советую следовать примеру большевиков, а не травить их, как собак... У мужика замычка большевика, но он еще не достиг узнать все; в уме у него есть, да объяснить не может»¹.

Требование этого крестьянина, процитированное на съезде Советов Лениным, — «побольше напирать на буржуазию, чтобы она лопалась по всем швам», как выяснилось, вполне адекватно отражало мнение *столичных* рабочих, солдат и матросов, готовившихся к демонстрации 10 июня. И опять, как в апреле, их решимость идти в борьбе до конца, отразилась в настроениях некоторых членов ПК и «военки».

В своем дневнике за 9 июня Лацис пишет: «Настроение тревожное. Выяснилось, что войска без оружия на демонстрацию не выйдут и демонстрация получится вооруженной. Да и рабочие, имеющие револьверы, обязательно возьмут их с собой. Это совершенно несомненно. А отсюда явствует, что демонстрация может вылиться в вооруженную борьбу и положить начало открытой гражданской войне, если только буржуазия задумает чинить демонстрантам какие-либо препятствия».

Днем 9-го эти опасения еще более усилились. Лидеры Петросовета узнали о предстоящем выступлении «благодаря одному наборщику, доставившему им воззвание Центрального Комитета партии об устройстве демонстрации». Они тут же обратились к большевикам, и Лацис пишет, что «Исполнительный Комитет [Петросовета] прямо-таки умолял не выступать...». О том же стала просить ЦК и фракция Съезда Советов. Около 9 вечера члены ЦК, «военки» и ПК собрались в особняке Кшесинской и, как рассказывает Лацис, «был поднят вопрос об отсрочке демонстрации. За это высказывались т. т. Ногин и Каменев. Но большинство

¹ Рабочий путь. Смоленск, 1930. 17, 21 января; Правда. 1917. № 68. 28 мая.

все же признало, что демонстрацию отложить нельзя. Следует лишний раз подчеркнуть, что демонстрация должна быть мирной». За это проголосовало 14 из 16 собравшихся¹.

Между тем известие о предстоявшем выступлении дошло и до Временного правительства. Допустить его оно никак не могло. Именно на 10 июня Брусилов намечал начало наступления на Юго-Западном фронте. И Керенскому удалось добиться его отсрочки, лишь пообещав благословение Съезда Советов, т. е. «поддержки народа». Поэтому правительство тут же заявило, что демонстрация запрещается и «всякие попытки насилия будут пресекаться всей силой государственной власти». Со своей стороны, Исполком Петросовета и президиум Съезда Советов подготовили обращение к народу, подтвердившее этот запрет и предлагавшее введение в столице чрезвычайного положения. Обо всем этом Чхеидзе доложил на вечернем заседании Съезда, который принял решение о запрещении на три дня любых выступлений и объявлении нарушителей данного постановления «врагами революции»².

В такой ситуации надо было думать не о «престиже» партийного решения, а о том — смогут ли демонстранты удержаться в рамках мирного выступления. В конце дня стало очевидным, что такой уверенности нет, ибо несмотря на все, как выразился Лацис, «увещевания» большевиков, демонстранты будут вооружены.

«Хотя почти все говорят, — записывает в дневнике Мартын Иванович, — что демонстрация будет мирная, но совершенно определенно явствует, что это может быть не так. Стоит контрреволюционерам сделать хотя бы провокационные попытки напасть на невооруженную часть демонстрации, как начнется борьба. Заговорят винтовки, затрещат пулеметы, револьверы вылезут из внутренних карманов... Большинство товарищей почему-то на это закрывают глаза и не дают себе отчета, что же делать в таком случае... Один лишь Смилга предложил не отказываться от захвата почты, телеграфа и арсенала, если события развернутся до столкновения. *Но это правильное предложение отклонили.* Какое легкомыслие!»

И дальше, несмотря на решение ЦК, Лацис демонстрирует ту самую эйфорию, которая и представляла наибольшую опасность: «Я с этим примириться не могу. Должен же я иметь ответ на всякий исход. Ну, так и буду действовать. Сговорюсь с т. Семашко (1 пул. полк) и Рахья, чтобы в случае необходимости быть во всеоружии и захватить вокзалы, арсенал, банки, почту и телеграф, опираясь на пулеметный полк.

¹ См.: Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 104; 1927. № 6. С. 114; Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 82, 94.

² См.: Собокин А. М. К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 49.

Что-то тревожно кругом... Но страха нет»¹.

Слухи о подобного рода настроениях отдельных, самых «левых» членов ПК, видимо, и дали основания — тогда Церетели, а позднее Суханову — утверждать, что большевики готовили переворот и даже арест Временного правительства. Однако никаких фактов, подтверждающих это, нет. И тот же Суханов, хотя и с оговорками, пишет, что «Ленин в тот момент не ставил перед собой задачу непосредственного захвата власти...»²

Дальнейшие события разворачивались стремительно. Стало известно, что в городе выставлены военные патрули. После объявления на Съезде Советов перерыва Ленин и Зиновьев приехали в Кадетский корпус. Каменев от имени фракции заявил им, что на Съезде вопрос может встать об изгнании большевиков из Советов и решение об отмене демонстрации надо принимать немедленно. «Вся наша фракция, — рассказывал Зиновьев, — была единогласно против демонстрации... Нам дали один час для решения. Мы бросились сюда [в особняк Кшесинской], думая, что здесь перманентное дежурство членов Петербургского комитета, но ошиблись и должны были решить вопрос самостоятельно. Нас было пять человек. Из них трое высказались за отмену, двое воздержались от голосования». Голосовали уже во фракции, куда вернулись Ленин и Зиновьев. Трое «против» — это Каменев, Зиновьев и Ногин. Двое воздержавшихся — Ленин и Свердлов³.

«Заседание фракции, — рассказывает один из ее членов, — затягивается глубоко за полночь. ЦК большевиков заседал отдельно. Часа в три ночи пришли члены ЦК. Первым мне бросился в глаза Ильич. Спокойный, твердый, решительный. Спрашивает, как решили. Ему говорят, что у большинства мнение — отложить выступление. Он говорит: “Я не вижу в этом необходимости, но если вы все за снятие вопроса, я не настаиваю”. Итак, выступление, назначенное на 10 июня, отменяется»⁴.

Было невесело, вернее — ужасно обидно. И молодой делегат из Иваново-Вознесенска Аркадий Осинкин разразился гневной тирадой в адрес лидеров Съезда Советов, которые, мол, не имели *права*, потеряли всякую *честь* и *совесть*, ибо «не верят нам, своим товарищам по борьбе». Молодым, искренним революционерам Ленин симпатизировал всегда. Но сейчас были нужны не эмоции. Все эти высокие понятия — «честь», «право» и т. п., сказал он, для наших противников мало что значат. Это лишь ширма, которой буржуазия пользуется «только для достижения

¹ Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 104, 105.

² См.: Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 83, 92, 101.

³ См. там же. С. 80, 85, 94.

⁴ Знамя рабфаковца. Ежемесячный журнал отдела и студенчества рабфаков. 1924. № 1–2. С. 145, 146. Воспоминания о В.И. Ленине за подписью: М. З.

своих целей, там, где это ей выгодно». И сегодня — в который уже раз — мы убедились в том, что «если эти понятия ей мешают, она их выкидывает, как ненужную ветошь...» А самому Аркадию Владимировичу Ильичу сказал: «Это хорошо, когда у революционера горячее сердце, но этого мало. Революционеру надо иметь горячее сердце и холодную голову, которая управляла бы сердцем... Надо иметь мужество и умение смело изменить намеченный план, если налицо новые обстоятельства, которые коренным образом изменяют обстановку...»¹

Было около 3 часов ночи. Большевистские газеты были уже набраны, но тираж еще не пошел. И вот в наборе спешно изымали обращение с призывом к *мирной демонстрации* и заменяли решением ЦК о ее отмене. Лишь в «Солдатской правде» не успели (или не захотели?) снять прежнюю передовую о марше протеста и инструкции о маршрутах движения колонн. «Это были жуткие часы, — вспоминал об этой ночи один из руководителей кронштадтских большевиков Иван Флеровский. — Для меня лично эти часы были, пожалуй, наиболее трагичными во всей жизни... Отвратительно слово — “отмена”, способное насмарку свести плоды всей нашей работы»².

Лацис в своем дневнике пишет: «С 8 утра по всему городу разъезжают на автомобилях члены С.Р. и С.Д., устраивают собрания на заводах и в войсковых частях, разбрасывают листовки и усиленно агитируют против демонстрации... Стало ясно, что они хотят опозорить большевиков, делая вид, что они отговорили рабочих и солдат от демонстрации, что массы большевиков *не послушались*. Но повсюду эта меньшевистская и эсэровская братия получила такую нахлобучку, что пора бы им призадуматься... На мою долю выпало отчитать Чхеидзе в пулеметном полку. Ушел он с позором. Все негодуют по поводу постановления Ц.К. Не знаю, чем это кончится. В «Старом Парвайнене» некоторые члены в возмущении разорвали свои членские билеты... «Старый Промет» вынес резолюцию, порицающую Ц.К.»³.

Не менее драматично развивались события в Кронштадте. Рано утром по сигналу общегарнизонной тревоги на Якорную площадь для погрузки на суда пришли тысячи вооруженных матросов в белых форменках, солдат в серо-зеленых гимнастерках, рабочих в темных блузах. «Казалось, — пишет Флеровский, — сегодня площадь не вместит всех. При других условиях картина солнечной площади, массы с рдяными знаменами, ликующие громы труб — какой бы восторг вызвали они, какую бы гордость за силу нашего влияния на массу. А теперь?»

¹ Яковлев Б.В. Ленин. Страницы автобиографии. С. 581.

² Пролетарская революция. 1926. № 7. С. 63; Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 76, 77.

³ Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 105.

Первым стал говорить председатель Совета Артём Любович. «Только близкие к трибуне хорошо расслышали его и сначала не поняли, не поверили, а затем, когда до сознания их дошло — “отмена”, они ответили негодующим ревом, и Любович покинул трибуну». Вторым выступает Флеровский. «На этой любимой трибуне, — пишет Иван Петрович, — я чувствовал себя как, должно быть, чувствуется на эшафоте». Говорил о том, что «обстоятельства сложились иначе... но чувствовал, как из моих рук выпадает масса, как она *не верит* мне».

На трибуне анархист-синдикалист Ефим Ярчук. Он поддерживает решение об отмене. Но его сменяет делегат от «дачи Дурново» анархист-коммунист Аснин и он за то, чтобы идти на «помощь» Питеру. «Черный длинный плащ, мягкая широкополая шляпа, черная рубашка взабой, высокие охотничьи сапоги, пара револьверов за поясом, в руке наотмашь винтовка... Не помню лица, только черная клином борода... К счастью, великолепный экземпляр из кампании “дурновцев” оказался косноязычным... Успеха не имел». Единственное, чего удалось добиться большевикам, — избрать 200 делегатов и послать на разведку в Петроград. А в самой столице, как отмечает Лацис, к вечеру тоже «ропот успокаивается. Начинают примиряться и понимать, что при создавшемся положении, пожалуй, другого выхода нет»¹.

В общем и целом, большевистские организации выдержали этот трудный экзамен. Но их противники, уверенные в деморализации «ленинцев», решили добивать до конца. Днем 11 июня состоялось совместное закрытое совещание президиума Съезда Советов и представителей всех его фракций, Исполкомов Петросовета и Совета крестьянских депутатов. Ленин был против участия в нем: «Ни в каких совещаниях по таким вопросам (запрещение манифестаций) не участвуем», — заявил он. Но большевистская фракция Съезда Советов все-таки выделила своих делегатов.

Первым на совещании выступил Федор Дан. Он предложил осудить большевиков, запретить вооруженные демонстрации в будущем, а тех, кто не подчинится, выдворить из Советов. Каменев ответил ему: «О чем шум? Была намечена мирная демонстрация, лозунгов о захвате власти не было. Единственным практическим лозунгом был “Вся власть Советам!”», а демонстрация была отменена сразу, как только об этом попросил Съезд»².

Но тут на трибуну, вне всякой очереди, поднимается Иракий Церетели. «Он бледен, как полотно, сильно волнуется. В зале воцаряется напряженное молчание... То, что произошло, — говорит он, — является

¹ См.: Пролетарская революция. 1926. № 7. С. 64–67; 1923, № 5. С. 105.

² Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 89, 90.

не чем иным, как заговором, заговором для низвержения правительства и захвата власти большевиками... Заговор был обезврежен в момент, когда мы его раскрыли... Оружие критики сменяется критикой с помощью оружия. Пусть же извинят нас большевики, — теперь мы перейдем к другим мерам борьбы... Большевиков надо обезоружить».

Иракий Георгиевич был человеком вполне искренним и, видимо, верил в то, что говорил. Но это несколько не помешало ему озвучить *сплетню*. «Господин министр, если вы не бросаете слов на ветер... арестуйте меня и судите за заговор против революции, — заявляет Каменев. Большевики покидают собрание. Напряжение достигает высшей точки»¹.

Церетели поддерживают эсеры Керенский, Авксентьев, трудовики Знаменский и Виленкин, меньшевик Либер. Против выступают меньшевики-интернационалисты Мартов и Суханов, межрайонцы Троцкий и Дуначарский, эсер Саакьян, трудовик Бронзов, меньшевик Шапиро. «Волнение в зале все больше и больше увеличивается. С одним из присутствующих офицеров делается истерический припадок».

Во время выступления Либер, говорившего о «преторианских войсках, набранных большевиками», в зале вдруг явственно прозвучало: «Мерзавец!» Все ахнули. Воцарилась тишина. Поднялся бледный Мартов и объяснил, что его не расслышали: он-де сказал не «мерзавец», а «*версалец*», а это не бранное слово, а политическая характеристика.

Выступая с трибуны, Юлий Осипович сказал, что всякий осел может управлять с помощью осадного положения. Но «не забывайте, что вы имеете дело не с кучкой большевиков, а с громадной массой рабочих, которые стоят за ними... Вместо применения силы не следует ли сказать рабочим, что их недовольство законно и что съезд ускорит проведение в жизнь назревших реформ»². В конечном счете предложение Церетели было отвергнуто.

А на заседании Петербургского комитета, где в это время присутствовал Ленин, страсти разгорелись никак не меньше. Нервничали, впрочем, не только члены ПК. Накануне подали в отставку члены ЦК Сталин и Смилга, но эта отставка принята не была³. Весь предыдущий день партийный актив столицы мотался по воинским частям и заводам, уговаривая, упрашивая, выслушивая оскорбления, призывая к отмене демонстрации и спокойствию. Что они думали о решении ЦК — там не говорили. И вот теперь члены ПК, как говорится, излили душу.

¹ Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 89, 90.

² Там же. С. 90, 91; Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 290.

³ См.: Собокин А.М. К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 52.

Заметим, что при всей слаженности работы конфликт между ЦК и ПК стал вылезать еще в мае. Хотя взаимоотношения партийного центра и крупнейшей большевистской организации и до 1917 года носили сложный характер, ЦК не раз приходилось предпринимать определенные усилия для того, чтобы доказать свое право на руководство, ибо право это могло опираться не на слепое «повиновение», а исключительно на авторитет. Признавая за ЦК приоритет в вопросах общепартийных, члены ПК были убеждены, что настроения заводов и казарм, потребности реального движения они знают лучше. Мало того, им казалось, что ЦК и «Правда» не уделяют должного внимания столице, а посему необходимо создать, независимо от «Правды», свою популярную питерскую газету.

Разговор об этом состоялся на заседании ПК 30 мая. Необходимость популярной газеты никто не оспаривал, ибо, как заметил Ленин, «если мы не поставим популярного органа, массу возьмут другие партии и будут с ней спекулировать». Но именно поэтому, считал Владимир Ильич, такая газета не может быть сугубо питерской: «Петербург как отдельная местность не существует. Петербург — географический, политический, революционный центр всей России. За жизнью Петербурга следит вся Россия. Всякий шаг Петербурга является руководящим примером для всей России. Исходя из этого положения, жизнь ПК нельзя сделать местной жизнью»¹.

Предложение ЦК, внесенное Лениным, о создании двух органов ЦК («Правды» и «Народной правды») с одной редакцией и увеличении в них объема столичной информации, отвергли и 16 голосами против 12. И это лишь усугубило конфликт. На следующий день, 31 мая, Владимир Ильич обращается с письмом к районным комитетам питерской организации. «Особый орган ПК, — пишет он, — неизбежно затруднит полное согласие в работе, может быть, даже породит различие линий (или оттенков линий), а вред от этого — особенно в революционное время — будет очень велик... Если у вас есть, товарищи, веские и серьезные основания не доверять ЦК, скажите это прямо... Если же нет такого недоверия, тогда несправедливо и неправильно претендовать на то, чтобы ЦК не имел предоставленного ему на съезде партии права *руководить работой* в партии вообще и в столице особенно»².

Письмо Ленина обсуждалось в организациях первую неделю июня. Но события последующих дней оттеснили проблему газет на второй план. И вот теперь, 11 июня, она выхлестнула наружу, но уже как проблема взаимоотношений ЦК и ПК. Повторюсь: тем, кто представляет

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 225, 226.

² Там же. С. 237, 238.

себе большевистскую партию 1917 года как организацию с запретом всякого инакомыслия, где все «нижестоящие» смотрят в рот «вышестоящим», было бы недурно перечитать протокол данного заседания¹.

Выступление Зиновьева о событиях 9 и 10 июня собравшихся не удовлетворило. От имени ПК со своим анализом того, что произошло, выступил Володарский. Если в 8.30 вечера ЦК принимал одно решение, а в 2 часа ночи — другое, то «что, спрашивал он, изменилось в промежуток времени между двумя решениями ЦК? Ровно ничего».

Ленин ответил, что ЦК побудили отменить демонстрацию: 1) формальный запрет съезда и угроза исключения большевиков из состава Съезда Советов; 2) информация о подготовленном контрвыступлении черносотенцев и офицеров, которое грозило кровавым побоищем. «Даже в простой войне, — сказал он, — случается, что назначенные наступления приходится отменять по стратегическим причинам, тем более это может быть в классовой борьбе... Надо уметь учитывать момент и быть смелым в решениях».

Но угроза кровавого побоища менее всего смутила питерцев. «Мы, — возразил Михаил Томский, — не закрывали глаза на то, чем может кончиться демонстрация... Мы учитывали то, что Петроградский Совет и съезд [Советов] примут против нас самые решительные меры... Думать, что демонстрация будет мирная, было младенчеством... Лучше быть разбитым, чем отказаться от борьбы». Тут же со своей идеей захвата почт и арсенала выступил Мартын Лацис: «Надо было предвидеть, — сказал он, — что демонстрация может вылиться в восстание. Если мы к нему не готовы, то надо было отнестись к решению вопроса о демонстрации отрицательно с самого начала».

Когда Н. Суханов написал о том, что 10 июня Ленин намечал вооруженный захват власти, протоколы ПК еще не были изданы. И Николай Николаевич никак не предполагал, что настроения Лациса он приписывает Владимиру Ильичу. Тем не менее и после публикации этих протоколов в 1927 году версия о попытке «захвата власти» повторяется и российскими, и зарубежными историками. Между тем, как видим, ни на уровне ПК, ни тем более ЦК, вопрос этот даже не поднимался. Сам Ленин на заседании ПК 11 июня особо отметил: «Мы шли на мирную демонстрацию, чтобы оказать максимум давления на решения съезда — это наше право, — а нас обвиняют, что мы устроили заговор, чтобы арестовать правительство».

Успокоить членов ПК поначалу так и не удалось. Антон Слуцкий прямо сказал Ленину и Зиновьеву, что «они сделали все, чтобы подо-

¹ Все цитаты из выступлений на этом заседании даются по: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 330, 331, а также по кн.: Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 92–100.

рвать нашу организацию». Сформулировал свой вывод и Томский: «Никто не станет отрицать, что ЦК допустил не только политическую ошибку, он проявил недопустимое колебание. Неважно, что в широких кругах появилось недоверие к Центральному Комитету. Важно, что у нас, ответственных работников, подорвана вера в руководство». Секретарь большевистской фракции Петросовета И.К. Наумов добавил еще круче: «Дай бог, чтобы [доверие] совсем подорвалось: надо верить только в себя и в массы».

Ленин прекрасно понимал, что чувствовали и что пережили — всего сутки назад — члены ПК. И ему, видимо, импонировал их боевой настрой. Он знал и то, что настрой этот — не проявление личных петушинных амбиций, а отражение настроений части столичного пролетарского авангарда. Поэтому, заканчивая свое выступление, Владимир Ильич сказал: «ЦК не хочет произвести давление на ваше решение. Ваше право — право протестовать против действий ЦК законно, и ваше решение должно быть свободным».

Но решая проблемы, касающиеся всей партии, надо было думать не только о столице, а о всей России. И к мнению большевистской фракции съезда Ленин прислушался не потому, что «переоценивал», как утверждали Глеб Бокий и Томский, место парламентской фракции в партии, а по той простой причине, что в нее входили делегаты от фронта и периферийных губерний, которые знали настроения окопников и российской глубинки. В этой связи толково выступил Михаил Калинин. Он сказал, что ПК «судит действия ЦК с узкой петербургской точки зрения, тогда как это акт общегосударственной важности... Съездовская фракция имеет у нас значение, и она объявила: Ваше выступление заставит нас выйти из Совета, то есть переведет партию на нелегальное положение... В этой демонстрации все оказались против нас, мы были изолированы».

К концу заседания все выговорились и действительно «отвели душу». И когда Иван Стуков, обругав всех выступавших, предложил закончить прения и обсудить накопившиеся проблемы на очередной городской конференции, все согласились.

«Сегодня революция, — сказал на этом заседании Владимир Ильич, — вступила в новую фазу... Положение гораздо серьезнее, чем мы предполагали». Соотношение сил таково, что рабочие должны проявить «максимум спокойствия, осторожности, выдержки, организованности и памятования, что мирные манифестации — это дело прошлого». Но они не должны отказываться от мирных средств борьбы первыми. Пусть первыми нападают наши противники. «А жизнь за нас, — в который уже раз повторил Ленин, — и еще неизвестно, как удастся им нападение...»

Долго ждать не пришлось. 12 июня большевики собирались огласить на Съезде Советов подготовленное при участии Ленина заявление:

«Фикция военного заговора, — говорилось в нем, — выдвинута членом Временного правительства для того, чтобы провести обезоружение петроградского пролетариата... Рабочие массы никогда в истории не расставались без боя с оружием, которое они получили из рук революции. Стало быть, правящая буржуазия и “социалистические” министры сознательно вызывают гражданскую войну»¹. Однако прочитать это заявление не дали, а приняли резолюцию, осуждающую большевиков.

Те, кто стоял у власти, и даже «полувласти», как лидеры Съезда, постепенно теряли чувство реальности. Им стало казаться, что резолюции и аплодисменты в залах заседаний — это и есть всенародное одобрение. И, вопреки отдельным скептическим голосам, президиум Съезда голосует решение о проведении — как бы в противовес большевикам — 18 июня общероссийской демонстрации в поддержку своей политики.

13 июня большевистский ЦК принял решение участвовать в этой политической акции и постараться «превратить демонстрацию против воли Совета за то, чтобы власть перешла к Совету». В ПК мнения опять разошлись, были голоса за бойкот, но потом сошлись на том, что участвовать надо и, как сказал Иван Рахья, «необходимо воспроизвести точную копию... не состоявшегося 10 июня шествия»².

В оставшиеся дни столичные большевики вновь бросают все свои силы на заводы и в казармы. Туда же направляется около сотни делегатов собиравшейся Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП. Ленин сам проводит в ЦК совещание районных работников, инструктирует большевистских ораторов и агитаторов, проверяет подготовку плакатов, знамен. Он понимал, что предстоящая демонстрация покажет и вектор развития революции и реальное соотношение борющихся сил.

Утро 18-го выдалось отменным: было тепло и ясно. И уже в 9 утра началось движение колонн от сборных пунктов к центру. На Невском проспекте под звуки «Марсельезы» во главе демонстрантов шли лидеры и делегаты Всероссийского съезда Советов. На Марсовом поле у братской могилы они вышли из колонны, дабы «принять парад» столичного пролетариата. А с окраин мерной, тяжелой поступью по улицам Петрограда сюда же двигалось небывалое шествие — около полумиллиона рабочих и солдат. Лидеры и делегаты Съезда Советов стали читать и считать тексты плакатов... «Первые большевистские лозунги, — пишет Троцкий, — были встречены полушутливо... Но те же лозунги повторялись снова и снова. “Долой 10 министров-капиталистов!”, “Долой наступление!”, “Вся власть Советам!” Улыбка иронии застывала на ли-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 508, 509.

² Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 110, 111.

цах и затем медленно сползала с них. Большевистские знамена плыли без конца. Делегаты бросили неблагодарные подсчеты»¹.

Владимир Иванович Невский стоял на трибуне рядом с эсеровским лидером Николаем Дмитриевичем Авксентьевым. Накануне, на митинге Путиловского завода, вспоминал Невский, «Авксентьев, обращаясь ко мне, гордо заявил: “За нами идут массы, а за вами — кучка крикунов, потому вам и не удалась демонстрация 10-го”». И вот теперь, «отвечая на приветствие проходящих тт. солдат, я сказал ему: “Ну что, кто за нами идет?” Самоуверенный кандидат в министры изрек: “Это не народ, а отбросы Петербурга”»².

«Во время этой демонстрации, — рассказывал Георгий Валентинович Плеханов, — я стоял на Марсовом поле рядом с Чхеидзе. По его лицу я видел, что он нисколько не обманывал себя насчет того, какое значение имело поразительное обилие плакатов, требовавших низвержения капиталистических министров»³. Суханов дополняет: «Кое-где цепь большевистских знамен и колонн прерывалась специфическими эсеровскими и официальными советскими лозунгами. Но они тонули в массе; они казались исключениями, нарочито подтверждающими достоверность правила»⁴.

А вот свидетельство большевички Прасковьи Куделли: «Солнце палит неумолимо. Мерным шагом двигаются колонны рабочих... У могил жертв революции весь в сборе эсероменьшевистский штаб: ходульный Керенский, величавый Церетели, подтягивающийся за ним Чхеидзе... А в сторонке, в значительном отдалении стоит небольшая группа большевиков и в середине Ленин. Лицо его серьезно, зорко оглядывает он дефилирующие колонны».

Да, это была победа и, как заметил Плеханов, большевики чувствовали себя «настоящими именинниками». Мало того, успех опять начал кружить им головы. И та же Прасковья Куделли, рисуя портрет Владимира Ильича, заканчивает с пафосом: «Ленин остро и сосредоточенно наблюдает, вдумчиво смотрит перед собой, и изредка из его прищуренных глаз вырываются и сверкают огненные искры...» Вот так!⁵

Между тем никаких «огненных искр» он не излучал, никакой эйфории не испытывал и настроение у него было совсем иное. Ленин чувствовал и понимал, что революция неумолимо движется к переломной точке своего развития. Сравнивая эту демонстрацию с первоймайской,

¹ Троцкий А.Д. История русской революции. М., 1997. Т. 1. С. 494.

² Невский В.И. Военная организация и Октябрьская революция // Красноармеец. 1919. № 10–15. С. 37.

³ Цит. по: Троцкий А.Д. История русской революции. М., 1997. Т. 1. С. 431, 432.

⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 301.

⁵ Сб. «О Ленине». Кн. IV.

он пишет: «Первое мая было *праздником* пожеланий и надежд... 18 июня было первой политической демонстрацией *действия*, разъяснением — не в книжке или в газете, а на улице, не через вождя, а через массы — разъяснением того, как разные классы действуют, хотя и будут действовать, чтобы вести революцию дальше»¹.

Внушительные и зримые силы — полмиллиона рабочих и солдат мирно потребовали от лидеров Советов взять власть в свои руки. Но эти лидеры сделали вид, что ничего не произошло. Они полагали, что опять смогут народу что-нибудь пообещать, принять соответствующую резолюцию, а если нужно, то и декларацию. В который уже раз надежды на мирный исход событий были обмануты.

Спустя два часа после демонстрации на квартире у Елизаровых собрались несколько членов ЦК и «военки». Среди всеобщего ликования Ленин был задумчив и серьезен. Николай Подвойский задал вопрос — что делать дальше? Владимир Ильич ответил, вспоминает Николай Ильич, «что демонстрацией пролетариат ничего не добился. Он (пролетариат) должен с нею вместе похоронить иллюзию на мирную возможность передачи власти Советам». Теперь надо остерегаться, что буржуазия употребит все усилия на то, чтобы спровоцировать массы на такое выступление, которое будет разбито. Поэтому главная задача на ближайшее время — организация, организация и еще раз организация масс².

На следующий день газеты принесли известия о том, что 18-го демонстрации — при явном преобладании большевистских лозунгов — прошли в Москве, Риге, Ревеле, Гельсингфорсе, Минске, Киеве, Харькове и других городах России³. Это еще более прибавило настроения большевикам. Но когда стало известно, что именно 18-го, несмотря на все антивоенные выступления, на фронте все-таки началось наступление, последемонстрационное ликование сменилось негодованием и яростью.

К тому же днем, в связи с победными реляциями с фронта, на улицы и площади Петрограда хлынули все проправительственные элементы. С лозунгами «Война до победы!» они двинулись к Мариинскому дворцу демонстрировать свои патриотические чувства и лояльность правительству.

Под портретом «героя дня» Керенского в одной из колонн шагал сам Плеханов. Другую — привел к английскому посольству Милоков. Во всех церквях служили молебны.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 360, 361.

² Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 125; Красная летопись. М.; Пг., 1923. № 6. С. 76.

³ См.: Собокин А.М. К истории июньской демонстрации 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1966. № 5. С. 54.

Поведение Милюкова никого не удивило. А вот Плеханов... В знак благодарности ему нанесли визиты Родзянко, Колчак и Пуришкевич. Михаил Владимирович Родзянко сказал: «Я пришел с Вами познакомиться, т. к. мне говорили, что Вы очень умный человек». Но говорить оказалось не о чем. Александр Васильевич Колчак, рассказывая о деморализации армии, «плакал, как дитя» и заявил: «Если надо, я буду служить вам, социалистам-революционерам... Сознаюсь, социал-демократов я не люблю». А когда Плеханов заметил, что он и есть социал-демократ, Колчак смутился, но, оправившись, добавил, что он в этом «ничего не понимает». Ну а лидер черносотенцев Владимир Митрофанович Пуришкевич стал упрашивать Георгия Валентиновича вообще взять на себя управление страной: «Вы мой политический враг, но я знаю, что вы любите Родину»¹.

Черносотенцы в этот момент резко активизировались. Но их призыв — «Никакой пощады врагам русского народа!» — адресовался не немцам, а «врагу внутреннему». Стоило прохожему солдату или рабочему что-то возразить им, как тут же раздавалось: «Ленинец! Бей его!» — и в ход шли кулаки и палки. Питер от кровопролития уберегло. А вот в Старом Петергофе, когда юнкера устроили манифестацию, на улицу с оружием вышел батальон 3-го запасного полка. Если верить газетам, то в кровавой свалке человек десять было убито и еще больше покалечено².

Обстановка в столице накалилась до предела. Слова Зиновьева, сказанные на конференции фронтовых и тыловых большевистских организаций: «Перед нами выбор — смерть в окопах во имя чуждых нам интересов или на баррикадах — за наше дело», — передавались из уст в уста. Солдаты уже плохо слушали доклады и, как пишет Подвойский, «время от времени на трибуну стали подниматься делегаты от Петроградского гарнизона с требованием прекратить обсуждение стоящих перед конференцией вопросов и превратить ее в оперативный штаб вооруженного восстания»³.

Утром 20 июня на конференцию приехал Ленин. Многие делегаты ожидали, что Владимир Ильич одобрит их «революционность», рассказывает Мария Сулимова, однако для «разгоряченных голов» его речь «сыграла роль ливня». «Мы должны быть, — сказал Ленин, — особенно внимательны и осторожны, чтобы не поддаваться провокации... Если и удалось бы сейчас власть взять, то наивно думать, что, взявши ее, мы сможем удержать. Мы не раз говорили, что единственно возможной формой революционного правительства являются Советы... Каков же

¹ Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. С. 254.

² См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 308.

³ *Рабинович А.* Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 123, 124.

удельный вес нашей фракции в Советах?.. Мы в ничтожном меньшинстве... Чтобы серьезно, не по-бланкистски идти к власти, пролетарская партия должна бороться за влияние внутри Советов, терпеливо, неуклонно, изо дня в день разъяснять ошибку масс, их мелкобуржуазные иллюзии. Сорвать эту нашу линию хотят контрреволюционеры, они всяческими средствами пытаются спровоцировать нас на преждевременное, сепаратное выступление, но мы на эту удочку не пойдем, нет, мы не доставим им такого удовольствия... Время работает на нас¹.

Убедил он не всех. Делегат Северного фронта Александр Васильев сказал: «Нам кажется, что т. Ленин недостаточно осветил положение масс, находящихся на фронте. Он не указал конкретно выхода... Наступление на фронте одобрено властью. Армия не может отнестись к этим фактам безучастно. И разумеется, она ждет от нас активных шагов. Нам кажется, что ЦК действует слишком медлительно... Ясно одно: “лучше рабочим умирать здесь на баррикаде, чем там на фронте, — за цели, пролетариату совершенно чуждые”. Эти слова Зиновьева — лучший ответ на поставленный мной вопрос... Поверьте, фронт нас поддержит. На фронте — настроение не большевистское, нет, там настроение антимилицейское. И этим сказано все».

Однако большинство делегатов аргументы Ленина убедили. Делегат саратовской организации солдат Лазарь Каганович сказал: «Захват власти в Петрограде еще не означает захвата власти в России... Совет рабочих и солдатских депутатов не стоит на нашей точке зрения. А до тех пор все наши попытки будут неудачны. Наша задача — оказать давление на Совет, добиваться перевыборов». «Единичные выступления, — подвел итог делегат Юго-Западного фронта прапорщик Николай Крыленко, — могут привести лишь к отрицательным последствиям. Но чтобы создались эти массовые выступления, нам нужно заняться усиленной агитацией своих идей. И лишь когда идеями большевизма будут объаты широкие войсковые массы, следует перейти от слов к делу²».

Казалось бы, все в порядке. Но состоявшееся 22 июня совещание членов ЦК, ПК и «военки» вновь выявило то самое «революционное нетерпение», которого больше всего опасался Ленин. И член ПК, старший унтер-офицер Михаил Лашевич решительно заявил, что «надо сдерживать горячие головы от эксцессов... Мы теперь должны быть особенно осторожны и сдержанны в своей тактике, а в выступлениях последних дней как раз этого нет. Зачастую невозможно разобраться, где кончается большевик и начинается анархист». Его поддержал член ПК Харитонов: понять разницу между большевиком и анархистом трудно потому, что

¹ Записки Института Ленина. 1927. Т. 2. С. 48, 49; Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 131, 132.

² Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. С. 133, 134.

среди тех, кто идет за партией, много таких, кто теории большевизма не разделяет. И Владимир Невский позднее вспоминал, что именно 22 июня он понял, что «сдержать солдат от выступления мы не сможем»¹.

В этот день Владимир Ильич еще раз перечитал статью экс-министра Милюкова в «Речи». «Если при прежнем составе правительства, — писал Павел Николаевич, — возможно было хотя некоторое руководство ходом русской революции, то теперь, видимо, ей суждено развиваться далее по стихийным законам всех революций». Перспектива такова: «Взяв “всю власть”, Советы скоро убедятся, что у них очень немного власти. И они должны будут восполнять недостаток власти испытанными в истории... якобинскими приемами... Захотят ли они... скатиться вниз до якобинства и террора или сделают попытку умыть себе руки?»

Комментируя Милюкова, Ленин пишет: «Историк прав. На днях или не на днях, но вскоре должен решиться именно этот вопрос. *Либо* наступление, поворот к контрреволюции, успех (надолго ли?) дела империалистской буржуазии, “умывание рук” Черновым и Церетели. *Либо* — “якобинство”. Историки буржуазии видят в якобинстве падение... Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших *подъемов* угнетенного класса в борьбе за освобождение». Что касается террора, то в том же июне Владимир Ильич написал: «“Якобинцы” XIX века не стали бы гильотинировать капиталистов — подражание хорошему образцу не есть копирование»².

В общем, было ясно, что кризис близится, задуматься было о чем, а вся круговерть Петрограда, ежеминутно вторгавшаяся в жизнь, мешала этому. К тому же Ленин просто устал от ежедневных перегрузок. В первые месяцы после возвращения они с Надеждой Константиновной пытались сохранить цюрихский режим прогулок. Но с прогулками, как пишет Крупская, «плохо выходило. Раз ходили на Елагин остров, но показалось там оченьлюдно и толкотливо. Ходили сидеть на набережную Карповки. Потом взяли привычку ходить по малолюдным улицам Пестербургской стороны»³.

Но в конце июня времени на прогулки уже не хватало, да и гулять стало просто опасно. По решению ЦК в квартире Елизаровых на Широкой улице установили охрану из рабочих завода «Старый Парвизайнен», и Ленин был весьма удивлен, застав их однажды на кухне: «Не слишком ли много хлопот?» — заметил он. А в самых последних числах июня, когда опасность усилилась, ему иной раз приходилось уходить на ночлег из редакции «Правды» к Стасовым на Фурштадскую. В конечном счете,

¹ Рабинович А. Кровавые дни. С. 138, 139.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 307, 373.

³ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 446.

в четверг 29 июня Ленин вместе с Марией Ильиничной уезжают на дачу Бонч-Бруевича в деревню Нейвола близ станции Мустамяки.

Зная потребность Владимира Ильича иногда оставаться в совершенном одиночестве, хозяева отвели ему две небольшие полумансардные комнатки и условились принаравливать к его привычкам, делая это совершенно незаметно, ибо знали «величайшую деликатность Владимира Ильича, его стеснительность...». В первый же вечер, когда наступила предночная тишина, Ленин задумался, ушел в себя. «Как хорошо, — чуть слышно сказал он и вновь не то погрузился в глубокую думу, не то слушал тишину... — Как хорош воздух, прямо замечательно хорош, — сказал он, выйдя в сад. — Здесь, я чувствую, хорошо можно отдохнуть...»¹

Но и здесь Владимир Ильич продолжает работать. И именно здесь он приходит к окончательному выводу: «...Положение *объективно* революционное... Реформами не поможешь. Пути реформ, выводящего из кризиса — из войны, из разрухи — *нет*»².

А в свободное время Ленин ходит гулять к большому озеру. Пловец он был отличный. «Бывало, — пишет Бонч-Бруевич, — жутко смотреть на него: уплывет далеко-далеко и там где-то ляжет и качается на волнах». Владимир Дмитриевич предупреждает: здесь глубоко, холодные течения, в омутах тонет много людей... Владимир Ильич смеется: «Глубоко?.. Очень хорошо!.. Дна не достал... И нырял глубоко: ни травы, ни дна, ничего не видно, даже темно в воде...» И еще: «Тонут, говорите, — переспрашивает Владимир Ильич. — Ну, мы не потонем...»³

Рано утром 4 (17) июля за Лениным приезжает Макс Савельев: необходимо срочно возвращаться в Петроград.

¹ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е. М., 1968. С. 96–99.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 407.

³ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. С. 99, 100.

Глава 3. «Мятеж»

«Принимай власть, коли дают!»

Макс Савельев огорошил первой же фразой: «В Питере восстание». Ленин тут же отреагировал: «Это было бы совершенно несвоевременно». Но потом, когда Владимир Ильич, Мария Ильинична, Бонч и Савельев уже ехали в Питер в поезде и Максимилиан Александрович пытался подробнее рассказать о событиях, цельная картина так и не складывалась. Так, по крайней мере, показалось Бончу: «Выходило так, что и есть восстание, и нет восстания. Оказалось, что ПК никаких директив не давал, а что как-то самочинно поднялись массы... Толпы демонстрантов идут к [Таврическому дворцу]... На улицах раздаются выстрелы... Каждую минуту можно ожидать столкновения»¹.

На пограничной станции Белоостров Ленин и его спутники вышли из вагона, купили газеты, выпили в буфете кофе. Газеты радовали мало. Незадолго до этого «Новое время» написало: «Почему в дни свободы протянулась откуда-то эта черная рука?.. Ленин!.. Но имя ему легион. На каждом перекрестке выскакивает Ленин. И очевидно становится, что здесь сила не в самом Ленине, а в восприимчивости почвы к семенам анархии и безумия». Владимир Ильич тогда ответил: «...Если “на каждом перекрестке” именно эти взгляды находят сочувствие, так причина тому — правильное выражение этими взглядами... интересов всех трудящихся и эксплуатируемых»². Теперь примерно то же, что и «нововременцы», писала либеральная «Речь». Но это было в порядке вещей. Озадачила «Правда»: на первой полосе, где обычно шла информация от ЦК партии, зияло пустое белое пятно...

Проверку документов прошли благополучно. Ульяновы никого не заинтересовали, а вот о Ленине, когда вернулись в вагон, разговоров среди пассажиров было много: «Опять этот Ленин...», «Пора его...», «Когда же, наконец, наведут порядок?» Владимир Ильич заслонился от публики раскрытой газетой, а Савельев продолжал негромко рассказывать, вспоминая все новые и новые эпизоды последних дней...

В революционные эпохи время настолько уплотняется, что события следуют непрерывной чередой и порой трудно понять, где кончается одно и начинается другое. Какая-то цепь событий формирует главный сюжет развития революции. Но за ним всегда присутствуют второй,

¹ Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е. М., 1969. С. 105.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 309.

третий планы со своими сюжетами и героями. А в какой-то момент, как только главный сюжет начинает терять темп, именно второй и третий планы выпирают вперед.

Поэтому американский историк Алекс Рабинович, обстоятельно исследовавший июльские события 1917 года, вынужден был проследживать одновременно около десятка сюжетных линий: ЦК, «военка» и ПК большевиков, правительство, генералитет и Исполком Петросовета, анархисты, гарнизон, Выборгский район и т. д.¹

Казалось, демонстрация 18 июня (главный сюжет) — прошла мирно и конфликтов вроде бы не предвиделось. Лишь одна колонна, под черными знаменами анархистов, была вооружена (сюжет второго плана) и прямо с Марсова поля двинулась к «Крестам». Анархисты силой освободили — арестованных еще 9 июня за статьи против наступления — редактора большевистской «Окопной правды» Флавиана Хаустова и его товарищей. Под шумок из заключения бежало и более 400 уголовников (сюжет третьего плана). Правительство решило пресечь самоуправство. В ночь на 19-е к даче Дурново подтянули роты Преображенского и Семеновского полков, казаков и броневик. Во время стычки убили одного из анархистских лидеров — Ленина и ранили матроса — анархиста Анатолия Железнякова. Более 60 рабочих, солдат и матросов арестовали².

Оставлять эту акцию правительства без последствий анархисты не захотели. Сердобольные старушки из рабочих кварталов остались с поминальными свечками у гроба Ленина, а агитаторы анархистов двинулись на предприятия и в казармы. Уже 19-го на заводах Выборгского района начались стачки протеста. Но особый успех призыв к выступлению имел в 1-м пулеметном полку. 20 июня здесь получили приказ о выделении более половины личного состава и до 500 пулеметов для отправки на фронт. Общее собрание полка постановило выделить 10 пулеметных команд, но одновременно представители пулеметчиков начали зондировать обстановку в других частях гарнизона «на предмет немедленного восстания», *независимо от того, что скажет об этом большевистский центр*³. Вот так вроде бы боковая ветвь событий стала все более выпирать на первый план.

После выступления 20 июня на конференции фронтовых и тыловых организаций Ленина, призвавшего к выдержке и дисциплине, Военная организация, казалось бы, держала ситуацию под контролем. Но условность этого контроля многие, в том числе и Владимир Ильич, понимали.

¹ См.: Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992.

² См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 2. Кн. 3–4. С. 302, 307.

³ См.: Рабинович А. Кровавые дни. С. 126, 127.

Нередко, рассуждая о перипетиях 1917 года, забывают, что все послефевральские месяцы война продолжалась. В газетах регулярно печатали списки убитых. С фронта шли эшелоны с ранеными. С началом июньского наступления число жертв возросло. Каждый день в городах и селах России какие-то семьи оплакивали потерю кормильцев — отца, брата, сына. А от бесконечных дискуссий о войне, которые велись на различных съездах и конференциях, совещаниях и заседаниях, собраниях и митингах, рождалось ощущение не только заболтанности, но и бесстыдного обмана, ибо для солдат война была проблемой не слов, а жизни и смерти. Как писал в «Солдатской правде» солдат А. Чубунов: «Время настало не спать, а дело делать!.. Гоните буржуев от власти и всех их на фронт, раз они кричат “война до полной победы!” Все мы намучены войной, которая унесла миллионы жизней, сделала миллионы калеками, принесла с собой неслыханные бедствия, разорение и голод»¹.

Казалось, так просто — сбросить «министров-капиталистов», передать власть Советам и сразу придет мир. Но кто и как заключит его? Кто и как будет править страной? — эти вопросы оставались покрытыми туманом. Особенно подвержены были радикальным настроениям кронштадтцы. В городе фактической властью обладал Совет. Имевшегося у них арсенала оружия хватило бы на целую армию. И, как писал Иван Флеровский, матросы «наивно думали, убежденные в том, что достаточно напора их энтузиазма, чтобы власть Советов осуществилась по всей земле Российской»².

В общем, настроение отчаянной решимости играло куда большую роль, чем апелляции к здравому смыслу, призывы к организации и выдержке. Но как всякие эмоциональные всплески, подобные настроения были подвержены резким перепадам — от безудержной ярости к апатии и наоборот. Это и создавало почву для спонтанного бунтарства и анархистских призывов.

Солдатская масса давила своими настроениями и на большевистский актив, а более всего на «новоиспеченных» партийцев, чей политический опыт исчерпывался считанными месяцами. Каменев справедливо писал в «Правде» 22 июня о молодых кадрах, для которых большевизм ассоциировался лишь с радикализмом. Они выступали с требованием «о немедленном воплощении в жизнь лозунгов, сложность которых им не всегда понятна. И им мы говорим: дело обстоит не так просто, товарищи, чтобы одного вашего сочувствия нашей партии было достаточно для ее немедленной победы. Задача, стоящая перед пролетариатом России, во много раз труднее, чем это может показаться».

¹ Солдатская правда. 1917. 2 июля.

² Пролетарская революция. 1926. № 7. С. 58.

Давление подобных настроений испытывало на себе и руководство Военной организации. ЦК был для них коллегией политических руководителей, безусловно авторитетных, но сугубо штатских и не всегда понимающих их военную специфику. Заметим, что когда в июне Ленин поставил перед ними конкретные «военные» вопросы — численность частей и вооружений, соотношение сил, дислокация подразделений и т. п., — руководители «военки» ответить не смогли. «Тогда, — пишет Невский, — мне казалось это неважным, мелочным... Начинай демонстрацию и баста»¹. Только подобными настроениями можно объяснить тот, впрочем, никем не подтвержденный факт, мимоходом упомянутый лишь Невским, что, придя к выводу о невозможности удержать солдат, «мы взяли на себя выработку плана вооруженного выступления: пусть это будет, — решили мы, — первая попытка восстания»².

Собравшаяся 1 июля 2-я общегородская конференция тоже началась с демонстрации «независимости». Зная об отрицательном отношении Ленина и ЦК к изданию особой столичной газеты, 51 делегат проголосовал за ее создание, 19 — против и 16 — воздержалось. А когда — через день — на заседание явились представители 1-го Пулеметного полка и заявили, что готовы выступить против правительства, конференция, вопреки мнению ЦК, поддержала предложение: «в случае необходимости возложить на ПК руководство выступлением гарнизона и рабочих города Петрограда»³.

В воскресенье днем, 2 июля, в 1-м Пулеметном полку, в связи с отъездом на фронт очередной команды, прошел концерт-митинг с участием полкового струнного оркестра. Ораторы и местные поэты, сменявшие друг друга, накалили многотысячную аудиторию до предела. И чем круче они брали, тем громче аплодировали и кричали солдаты. Впрочем, кончился митинг лишь грозной антиправительственной резолюцией. Собравшаяся в тот же день большевистская военная организация, по свидетельству Подвойского, решила быть наготове, но о возможности вооруженного выступления вопрос не ставился⁴.

Его поставили другие. Руководство анархистов-коммунистов, заседавшее тоже 2 июля, — И. Блейхман, Н. Павлов, А. Федоров, П. Колбушкин, Д. Назимов и другие — о настроениях солдат знали. Знали и о настроениях в рабочих кварталах. С 1 июля в Питере сократили продажу по карточкам мяса до $\frac{1}{2}$ фунта, а масла до $\frac{1}{4}$ фунта в неделю. Еще $\frac{1}{2}$ фунта мяса и $\frac{1}{8}$ фунта масла для лиц, занимающихся физическим трудом, можно было купить по дополнительным карточкам, которые,

¹ Красная летопись. 1922. № 4. С. 144.

² Рабинович А. Кровавые дни. С. 139.

³ Там же. С. 168, 169.

⁴ Там же. С. 153, 154.

впрочем, отоваривались лишь при наличии данных продуктов. Утром 2 июля настроения рабочих проявились в стихийной вспышке: они избili тухлым мясом хозяина продовольственной лавки и протащили его по улицам. «В Выборгском районе, — записал в дневнике Мартын Лацис, — тревога: изловили мясника-спекулянта и хотели кончить самосудом. Мертвая зыбь выходит наружу. Начинается...» Видимо, так же рассудили и анархисты. Решили утром 3 июля, опираясь на 1-й Пулеметный полк, призвать солдат к восстанию¹.

Об этом решении в «военке» узнали в тот же день. Владимир Невский писал, что большевик-прапорщик А.Я. Семашко подтвердил, что в Пулеметном полку «уже невозможно сдерживать солдат, и, хотя ему были даны строгие приказания сдерживать массу от выступления, для всех было очевидно, что это безнадежно... Бюро военных организаций обратилось за указаниями в ЦК и получило категорическое предписание выступления не предпринимать и принять все меры к его предотвращению... По всем полкам разошлись агитаторы, и к вечеру 2-го июля казалось, что выступления не будет... В ночь со второго на третье произошло совместное заседание ПК и Бюро военных организаций... Мнения разделились, часть была за выступление, но Бюро все целиком высказалось против... Решено было подчиниться ЦК»².

Казалось бы, все в порядке. Но большевики недооценили анархистов. Всю ночь в казармах Пулеметного полка чистили оружие и толковали о выступлении. Смысл агитации анархистов был прост: соглашатели «нас продали», большевики оторвались от масс, а посему надо самим брать власть. «Большевицких ораторов, призывавших к спокойствию, — писал Подвойский, — выслушивали очень сочувственно, соглашались с ними, но по их уходе снова поднимали разговор о вооруженном выступлении»³.

Утром 3(16) июля начался митинг. Троцкий рассказывает: «На собрании появился анархист Блейхман, небольшая, но колоритная фигура на фоне 1917 года. С очень скромным багажом идей, но с известным чутьем массы, искренний в своей всегда воспламененной ограниченности, с расстегнутой на груди рубахой и разметанными во все стороны курчавыми волосами, Блейхман находил на митингах немало полуиронических симпатий... Солдаты весело улыбались его речам, подталкивая друг друга локтями и подзадоривая оратора ядреными словечками: они явно благоволили к его эксцентричному виду, его нерассуждающей решительности и его едкому, как уксус, еврейско-американскому акценту... Блейхман плавал во всяких импровизированных митингах как

¹ См.: *Рабинович А.* Кровавые дни. С. 153, 163; Речь. 1917. № 152. 1 июля.

² Красноармеец. 1919. № 10–15. С. 39.

³ Красная летопись. 1923. № 6. С. 78.

рыба в воде. Его решение всегда было при нем: надо выходить с оружием в руках. Организация? — “Нас организует улица”. Задача? — “Свергнуть Временное правительство...”¹

Ну а после выступления анархистов П. Колобушкина и Н. Павлова митинг, как говорится, понесло. Предложение большевиков отложить выступление для лучшей подготовки хотя бы на день — отвергли. Тут же создали Временный революционный комитет, в который вошли и анархисты и большевики. Во все воинские части и на заводы на грузовиках, ощетилившихся штыками и пулеметами, были направлены эмиссары, чтобы призвать солдат и рабочих к 5 часам вечера выйти с оружием на улицу.

Около 4 часов известие о выступлении получили в большевистском ЦК. Члены ЦК высказались против участия в демонстрации. Каменеву и Зиновьеву поручили опубликовать в «Правде» соответствующее обращение. О решении ЦК проинформировали московских большевиков. Сообщили его и президиуму Петроградской конференции. Но когда Володарский сказал об этом делегатам пулеметчиков, они решительно заявили, что «лучше выйдут из партии, но не пойдут против постановления полка»².

Выступил Михаил Томский: «Наш ЦК приглашает членов и сочувствующих удержать массу от дальнейших выступлений... Мы должны подчиниться решению ЦК, но не нужно бросаться по заводам и тушить пожар, так как пожар зажжен не нами, и за всеми тушить мы не можем. Мы должны выразить наше отношение к событиям и ждать их развития»³.

Но взаимопереплетение казалось бы разнородных событий было таково, что ситуация менялась непрерывно. Именно в этот момент, днем 3 июля, князь Львов сообщил прессе о разногласиях в правительстве по вопросу об Украине и о выходе из состава кабинета кадетов А.И. Шингарева, А.А. Мануйлова, В.А. Степанова, князя Д.И. Шаховского и Н.В. Некрасова, который, впрочем, покинув партию кадетов, в правительстве остался.

Проблема украинской суверенизации, безусловно, интересовала рабочих и солдат Питера. Но вывод они сделали совсем другой. До этого в правительстве было 6 представителей социалистических партий, входящих в Советы, и 10 так называемых «министров-капиталистов», которые якобы и являлись причиной всех зол. Теперь пятеро из них ушли сами. Осталось скovyрнуть еще пятерых и — если как следует нажать на «соглашателей» — власть перейдет к Советам. Важно лишь не упустить

¹ Троцкий Л.Д. История русской революции. М., 1997. Т. 2. Ч. 1. С. 22.

² См.: Красная летопись. 1923. № 7. С. 96; Рабинович А. Кровавые дни. С. 169.

³ Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. Протоколы. М.; Л., 1927. С. 50.

момент. Может быть, столь определенно масса и не формулировала свою задачу, но вновь поднявшаяся революционная волна имела именно такой вектор движения.

Роль «пожарных», о которой упомянул Михаил Томский, вообще отвергалась в большевистских низах. Тот же Лацис записал в своем дневнике: «Снова нам быть пожарной кишкой. Докуда же это так продлится?» Линия ЦК на «удерживание» наталкивалась на открытое противодействие. Так на Путиловском заводе, где Орджоникидзе и Антон Васильев выступали от имени ЦК, они получили отповедь от Сергея Багдатьяна. А когда в Кронштадте Федор Раскольников спросил Семена Рошалья: «А что, если партия решит не выступать?» — Рошаль ответил: «Ничего, мы их отсюда заставим».

Каменев дозволился до Раскольникова и сказал, что выступление проводится «без санкции партии» и надо удержать кронштадтцев. «А как сдерживать их? — пишет очевидец. — Кто сдержит катящуюся с вершин Альп лавину? Выступал Рошаль. Но вскоре этот стихийный человек сам поддался настроению масс и вместо “назад” закричал “вперед”». Взяли «левее» и некоторые руководители Военной организации. Спустя много лет, в 1932 году, Невский написал: «Когда В.О., узнав о выступлении пулеметного полка, послала меня, как наиболее популярного оратора военки, уговорить массы не выступать, я уговаривал их, но уговаривал так, что только дурак мог бы сделать вывод из моей речи о том, что выступать не следует»¹.

Видимо, отчасти поэтому и шли от пулеметчиков самые противоречивые донесения. «С утра, несколько раз побывавший в полку т. Семашко, — вспоминал Подвойский, — доложил, что там все утихомирилось, но к двум часам получилось известие, что полк намерен выступить и вооружается. Ввиду этого туда были направлены все лучшие ораторы... и последнее известие от них в 5–6 часов гласило, что полк окончательно решил не выступать. Однако в 8 часов он был уже у дворца Кшесинской»².

Действовать пулеметчики начали около 7 часов. Заняли Финляндский вокзал, подходы к Троицкому и Литейному мостам. К ним присоединились рабочие Выборгского района, солдаты Московского полка и других частей. В Михайловском училище силой захватили 4 орудия. Очевидец рассказывает: «Под красными знаменами шли только рабочие и солдаты; не было видно ни кокард служащих, ни блестящих пуговиц студентов, ни шляпок “сочувствующих дам”». Вот другой очевидец: «Вид демонстрации был несомненно внушительный: артиллерия, оркестр московцев, плакаты с лозунгами “Долой 10 министров-капиталистов”, “Вся

¹ См.: *Рабинович А.* Кровавые дни. С. 153, 164, 165.

² Красная летопись. 1923. № 6. С. 78.

власть Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов”, “Помни, капитализм, пулемет и булат сокрушат тебя”, “Долой Керенского и с ним наступление” и, наконец, сопровождавшие шествие грузовики с пулеметами — все это производило значительный эффект на перепуганного обывателя и буржуазию»¹.

В штабе большевиков в особняке Кшесинской царил неразбериха. Тарасов-Родионов, прибывший сюда из офицерской школы Ораниенбаума, рассказывает: «Военка шумит, но никто ничего толком не знает. Какой-то пожилой солдатик в рваной шинели, потев и размахивая руками, старается всех убедить, что все равно дальше удержать нельзя... “Не надо мешать! — горячится он. — Пусть выступают”... Быстро начинают прибегать все новые и новые люди, держащие связь гарнизона и заводов с Военкой и ПК... “На Выборгской не останавливай! И слушать не хотят!”, “Путиловцы уже строятся... Пришлось с ними согласиться и их одобрить”. — “Без санкции ЦК?!” — “Да, без санкции ЦК... Массы сдержат больше нельзя, да и незачем, пожалуй!”»²

На общегородской большевистской конференции ситуация та же: «Большинство районных делегатов, — писал Александр Ильин-Женевский, — находились в крайне возбужденном состоянии... Часть настаивала на необходимости вооруженного восстания. “Какая тут может быть мирная демонстрация?” — кричал, сильно жестикулируя, какой-то высокого роста делегат: “На улицах стрельба. Это новая революция!”»³

Дело в том, что около 11 вечера, когда колонны демонстрантов проходили мимо Гостиного двора, впереди раздался взрыв ручной гранаты и началась стрельба. Сразу застрочили пулеметы. Солдаты открыли ответный огонь. Были убитые и раненые. «Изучение всей массы взаимосообщающих друг друга газетных сообщений, документов и мемуаров, — заключает Алекс Рабинович, — наводит на мысль, что, вероятнее всего, в этом в равной степени повинны все — воинственно настроенные демонстранты, провокаторы, правые элементы, а подчас и просто паника и неразбериха»⁴.

Представители заводов и воинских частей ставят на конференции вопрос: что делать? Остаться в стороне? И конференция решает продолжить демонстрацию на следующий день, но уже под руководством большевиков. При этом особо оговаривается, что «демонстранты никаких самочинных выступлений к захвату правительственных учреждений не должны предпринимать». Военная организация направляет в воинские части предписание: «...Сегодняшнее выступление произошло сти-

¹ Пролетарская революция. 1922. № 6. С. 161; Красная летопись. 1930. № 3. С. 105, 106.

² Известия. М., 1922. 18 июля.

³ Рабинович А. Кровавые дни. С. 176.

⁴ Там же. С. 182.

хийно, без призыва нашей организации, но, желая предупредить возможность разгрома выступивших товарищей со стороны контрреволюционных сил, мы, уже после выяснившейся невозможности задержать выступление, предложили всем товарищам солдатам и рабочим поддержать революционные части войск, вышедших на улицу. В данный момент мы призываем... без призыва В.О. никуда не выступать...»¹

Мартын Лацис недоволен. «На Невском трещат пулеметы, — записывает он в дневнике, — а здесь [на конференции] разговаривают о мирной демонстрации. Я высказываюсь за вооруженную демонстрацию. Но в конце концов решили не говорить ни про мирную, ни про вооруженную, а сказать просто: “демонстрация”. Может быть, для внешнего употребления это и нужно, но для членов партии эта неопределенность вредна»²

Между тем, оправившись после перестрелки, колонны демонстрантов к полуночи заполняют улицы вокруг Таврического дворца. «Положение скверное, — вспоминал член ВЦИК Владимир Войтинский. — Кучка вооруженных людей, человек 200, могла без труда овладеть Таврическим дворцом, разогнать Центральный Исполнительный Комитет и арестовать его членов»³. Но этого не произошло.

Около часа ночи в Таврическом, в комнате большевистской фракции Совета, состоялось совещание членов ЦК, ПК и «военки» с участием членов Межрайонного комитета РСДРП. Обсуждали предложение ПК о продолжении демонстрации. Каменев и Троцкий пытались убедить собравшихся в том, что надо, не вступая в конфликт с ВЦИК и Исполкомом Петросовета, провести митинги по районам. Но было поздно. К 2 часам ночи к Таврическому подошло около 30 тысяч рабочих-путиловцев, а из Кронштадта позвонил Раскольников и сообщил, что утром матросы будут уже в Питере и помешать этому не сможет никто. Только после этого ЦК принял решение — возглавить «мирную, но вооруженную демонстрацию» с утра 4 июля⁴. Тогда же послали за Лениным Савельева, а из набора «Правды» изъяли обращение ЦК с призывом к сдерживанию масс. Потому-то «Правда» утром 4 июля и вышла с белой «дырой», которую узрел в вагоне Владимир Ильич.

Около 11 утра поезд прибыл на Финляндский вокзал. До особняка Кшесинской Ленин добрался на извозчике. Трамваи стояли. В магазинах, банках и других учреждениях двери были закрыты. На улицах уже толпились демонстранты, а около 10 тысяч кронштадтцев с оружием, знаменами, санитарной командой и оркестром выгружались с буксиров,

¹ Рабинович А. Кровавые дни. С. 176, 178.

² Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 113.

³ Рабинович А. Кровавые дни. С. 183.

⁴ См. там же. С. 185.

барж и траулеров у Николаевского моста. «Лозунг был один, — пишет Иван Флеровский, — “За власть Советов!” — Заставить соглашателей подчиниться народной воле, разорвать с буржуазией... А как это будет — никто ясно не представлял, и эта неясность создавала настроение тревоги»¹.

А у особняка Кшесинской уже шел митинг. Настроение было приподнятое. «Со всех сторон, — вспоминала работница Соловьева, — слышались крики “ура!” Я с радости вместо своей товарки обняла совершенно незнакомую женщину, которая меня оттолкнула и обозвала “дурой”, но я в этот момент готова была обнять весь мир»².

В самом особняке, наверху, в огромной бывшей спальне балерины, где обосновался большевистский штаб, Ленин подробно расспрашивал Свердлова, Сталина, Подвойского о всех перипетиях этих дней. В это время к дворцу подошли кронштадтцы и «Подвойский попросил тов. Ленина выступить перед ними... Но все наши просьбы тов. Ленин отклонил, подчеркивая тем, что он против демонстрации...»³ Однако, когда наверх поднялись делегаты матросов и попросили о том же, Владимир Ильич согласился.

Когда он вышел на балкон, его встретили криками «Ура!» и громом оваций. Речь была короткой. Ленин передал «привет революционным кронштадтцам от имени питерских рабочих», призвал к «выдержке, стойкости и бдительности» и выразил уверенность, что «лозунг “Вся власть Советам” должен победить и победит несмотря на все зигзаги исторического пути»⁴.

Это было не совсем то, чего ожидали кронштадтцы. Они полагали, что услышат призыв к штурму, а не слова о «зигзагах» истории. «Не только анархисты, но и часть большевиков, — писал Артем Любович, — не представляла себе, как вооруженная колонна, жаждавшая ринуться в бой, может ограничиться мирной демонстрацией». Поэтому других ораторов слушали уже плохо. «Матросы, — вспоминал Подвойский, — стали выкрикивать: “сейчас не до слов”, “сейчас не до агитации”, “сейчас необходимо во что бы то ни стало добиться передачи власти Советам”. Речь Луначарского пришлось скомкать, а матросы, вскинув на плечи винтовки, с оркестрами направились к Таврическому дворцу»⁵.

Туда же решено было перенести и большевистский штаб, ибо стало известно, что именно к Таврическому целыми заводами идут рабочие и воинские части, а рабочая секция Петросовета еще ночью приняла ре-

¹ Пролетарская революция. 1926. № 7. С. 77.

² Работница и крестьянка. 1925. № 11 (29). С. 26.

³ Красная летопись. 1923. № 6. С. 79.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 23, 24.

⁵ Ленинградская правда. 1925. 16 июля; Красная летопись. 1923. № 6. С. 79.

золюцию, поддерживавшую выступление и требование о переходе власти к Всероссийскому Съезду Советов.

К часу дня к дворцу подошли рабочие Выборгского района и солдаты 1-го пулеметного полка. Затем — рабочие Нарвского района и солдаты 2-го пулеметного полка. 30 тысяч путиловцев, явившихся сюда с женами и детьми, поклялись, что не уйдут, пока ВЦИК не арестует «министров-капиталистов» и не возьмет власть в свои руки.

А колонны манифестантов все шли и шли. Но настроение у них было уже иное, ибо опять пролилась кровь. Когда 60-тысячная колонна рабочих и солдат проходила мимо угла Садовой и Апраксина переулков, из окон раздались выстрелы. Появились первые убитые и раненые. А около 3 часов, когда кронштадтцы шли по Невскому и Литейному проспектам, по ним с крыши ударили из пулемета. И опять убитые и раненые. Матросы бросились наверх и подозреваемых в стрельбе убивали на месте. «Когда мы подошли к Таврическому дворцу, — рассказывал анархист Ефим Ярчук, — все были настолько взбудоражены, что я подумал, что матросы пойдут на его штурм». Некоторые из них и впрямь начали ломать ворота¹.

А в самом Таврическом члены ВЦИК выслушивали представителей заводов и полков. Из 90 пришедших сюда делегатов слово дали лишь пятерым. Среди них были Мартын Лацис и Сергей Багдатьян. Речи их были вполне определенны: «Вы видите, что написано на плакатах. Тот же вопрос обсуждался на всех заводах... Мы требуем ухода десяти министров-капиталистов. Мы доверяем Совету, но не тем, кому доверяет Совет». И все требования сводились к одному: «Вся власть Всероссийскому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!» Рабочих делегатов поддержал лидер меньшевиков-интернационалистов Юлий Мартов: «История требует, чтобы Совет взял власть в свои руки». О том же заявили лидеры левых эсеров — Мария Спиридонова и Борис Камков².

«Один из рабочих, классический санкиот, в кепке и короткой синей блузе без пояса, с винтовкой в руке, вскакивает на ораторскую трибуну, — рассказывает Суханов. — Он дрожит от волнения и гнева и резко выкрикивает, потрясая винтовкой, бессвязные слова: “Товарищи! Долго ли терпеть нам, рабочим, предательство?! Так знайте, рабочий класс не потерпит!.. Мы добьемся своей воли! Никаких чтобы буржуев! Вся власть Советам!”»³

А на балконе зала, у комнаты большевистской фракции, стояли Ленин, Зиновьев и Троцкий. Владимир Ильич, как пишет Зиновьев, смеясь, спросил: «А не попробовать ли нам сейчас?» Но тут же, посерьезнев,

¹ См.: Рабинович А. Кровавые дни. С. 201, 202, 203.

² См. там же. С. 209, 210, 211, 212.

³ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 336.

ответил: нет. Это невозможно. Ни провинция, ни фронт не поддержат, «фронтовик придет и перережет питерских рабочих». Позднее Ленин напишет: «3–4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти... Несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках... армия и провинция... могли пойти и пошли бы на Питер»¹.

В своих мемуарах, ссылаясь на какие-то более поздние разговоры с Луначарским, Суханов пишет, что еще 3 (!) июля Ленин и Троцкий предполагали свергнуть правительство и сформировать большевистский кабинет министров. Луначарский решительно опроверг эти утверждения. Но байка осталась и кое-кто из историков по сей день пользуется ею.

Конечно, некоторые руководители «Военки» и ПК, не говоря уж об анархистах, не соглашались с Лениным и думали по-иному. Об их обвинениях ЦК в «нерешительности» упоминалось выше. Но это всего лишь факт их личной биографии и отражение определенных настроений.

Спустя два года Владимир Невский написал: «События развертывались так быстро, что каждая минута нерешительности была поражением: Военная организация... исполняла приказание ЦК, а директива ЦК была таковой, что доводить дело до конца и пускать в ход силы нельзя»². Иными словами, речь по-прежнему шла не о захвате власти большевиками, а о том, чтобы ВЦИК, Советы взяли власть в свои руки. И лучше всех это выразили сами манифестанты. Когда к ним вышел лидер эсеров Виктор Чернов и стал призывать к спокойствию, один из рабочих, поднеся огромный кулак к его лицу, решительно заявил: «Принимай власть, сукин сын, коли дают!»³ Фраза, как видим, вполне точно передавала смысл приводившегося выше июньского призыва Ленина: «Станьте [властью], господа теперешние вожди Совета, мы за это, хотя вы наши противники».

Положение правительства было катастрофическим. В распоряжении генерала Половцева остались несколько казачьих частей, охранявших Зимний дворец и Генеральный штаб. Даже лояльные прежде Семеновский, Преображенский, Измайловский полки заявили о нейтралитете. Так что приказ Половцева о разоружении «мятежников», подписанный днем 4 июля, оказался пустой бумажкой. Однако к вечеру положение стало меняться.

«Вдруг над Петербургом, — рассказывает Суханов, — разразился проливной дождь. Минута, две, три — и “боевые колонны” не выдержали. Очевидцы-командиры рассказывали мне потом, что солдаты-по-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 244; Зиновьев Г.Н. Ленин. Владимир Ильич Ульянов. Очерк жизни и деятельности. Пг., 1918. С. 56, 57.

² Красноармеец. 1919. № 10–15. С. 40.

³ Миллюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 198.

встанцы разбегались, как под огнем, и переполнили собой все подъезды, навесы, подворотни. Настроение было сбито, ряды расстроены. Дождь расплыл восставшую армию... Командиры говорили, что восстановить армию уже не удалось, и последние шансы на какие-нибудь планомерные операции после ливня совершенно исчезли»¹.

Дело было не только в дожде. Холодный душ помог, видимо, даже самым наивным, миролюбивым рабочим и солдатам понять ту истину, которую Владимир Ильич сформулировал еще 18 июня: демонстрациями, даже вооруженными, ничего не добьешься. И бесполезно требовать брать власть от *этого* руководства ЦИК. А если так, то вся толкотня вокруг Таврического — бессмысленна. И надо идти по домам и казармам сушиться и думать о том, что же делать дальше. Именно так и сказал, отчитываясь перед Кронштадтским Советом, левый эсер Г. Смолянский: «Наша задача была пойти к Таврическому дворцу и передать наши требования... Мы хотели толкнуть его [Совет] взять власть. Когда наш протест не был принят во внимание, мы не сочли возможным оставаться»².

Митинги около Таврического все еще бурлили. Но движение явно шло на спад. А в городе продолжалась стрельба и вооруженные стычки, в которых на стороне правительства принимали участие казаки и юнкерские патрули, офицерские группы. На подходах к Выборгскому району солдаты 1-го пулеметного полка строили против них баррикады. А у Литейного моста произошел настоящий бой между 1-м пехотным запасным полком, возвращавшимся в казармы, и казаками, которые приволокли сюда и орудие. Вылез наружу уже упоминавшийся «третий план», ждавший своего часа: уголовники, выпущенные из тюрем, грабители — свои питерские и «гастролеры», съехавшиеся из других городов. Начались погромы магазинов, грабежи квартир. Пришлось браться за оружие и столичному обывателю. Всего за эти дни в стычках и перестрелках было ранено и убито около 700 человек³.

А в Таврическом дворце продолжались бурные дебаты. Лидеры меньшевиков и эсеров отвергали любые предложения о переходе власти к Советам. В час ночи, рассказывает Суханов, «послышался какой-то отдаленный шум. Он становился все ближе и ближе... Уже ясно был слышен в окружающих залах мерный топот тысяч ног... В зале опять волнение. На лицах беспокойство, депутаты вскочили с мест. Что это такое?.. Но на трибуне, как из-под земли, вырастает Дан. Он так переполнен торжеством, что хочет скрыть хоть часть его и придать себе несколько более спокойный, объективный, уравновешенный вид, но это ему не удается.

¹ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 332.

² Рабинович А. Кровавые дни. С. 222.

³ См.: Рабинович А. Кровавые дни. С. 213, 214; Соболев Г.А. Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2002. С. 144.

— Товарищи! — провозглашает он. — Успокойтесь! Никакой опасности нет! Это пришли полки, верные революции, для защиты ее полномочного органа ЦИК... — В Екатерининском зале грянула могучая «Марсельеза»¹.

Что же произошло?

Еще днем 4 июля Бонч-Бруевичу позвонил сотрудник министерства юстиции Н.С. Каринский, который сообщил, что его министр, П.Н. Перверзев, уже подготовил для печати экстренное сообщение, якобы избличавшее Ленина и Зиновьева в связях с немецкой разведкой, и на их арест санкция будет дана. Эти документы разослали редакциям всех газет, а в помещение Генерального штаба вызвали представителей Преображенского, а затем других нейтральных полков. «Весть о том, что большевистское восстание, — писал эсер Н. Арский, — служит немецким целям, немедленно стала распространяться по казармам, всюду производя потрясающее впечатление. Ранее нейтральные полки постановили выступить для подавления мятежа».

Итак, полки пришли к Таврическому, «в зале энтузиазм, лица мамелюков, — как пишет Суханов, — просветлели... Они в избытке чувств хватают друг друга за руки и в упоении, стоя с обнаженными головами, тянут «Марсельезу». А ЦИК незамедлительно принимает резолюцию Гоца, отвергающую «переход всей власти в руки Совета» и подтверждающую, что «вся полнота власти должна остаться в руках теперешнего правительства...»²

Около двух часов ночи там же, в Таврическом, собираются члены большевистского ЦК, ПК, Военной организации и Межрайонного комитета РСДРП. Получено известие, подтвержденное членом ЦИК, меньшевиком Василием Анисимовым, об отправке в столицу верных Временному правительству частей с Северного фронта. Руководители «военки» все еще хорохорятся: «надо идти до конца», «достаточно ввести в устье Невы один хороший корабль...» Но Ленин обрушивает на них град вопросов: «Назовите части, которые безусловно пойдут с нами? Какие колеблются? Кто против нас?» И эти вопросы, как рассказывает Константин Мехоношин, «сразу привели нас в трезвое состояние. Решено: после того как воля революционных рабочих и солдат продемонстрирована, выступление должно быть прекращено. В духе этого решения составляется воззвание»³.

Сталина направляют к Николаю Чхеидзе: необходимо немедленно остановить распространение клеветы против Ленина и большевиков. И Николай Семенович начинает обзванивать редакции больших газет

¹ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 339, 340.

² См.: Рабинович А. Кровавые дни. С. 208, 212, 214, 215, 216, 218.

³ См. там же. С. 218, 219, 227; Сталин И.В. Соч. М., 1946. Т. 3. С. 164, 165.

с просьбой не публиковать «материалы», присланные Переверзевым. Большевистский ЦК принимает и другое решение: Ленину и Зиновьеву покинуть Таврический. Владимир Ильич договаривается с Григорием, что если «разоблачения» все-таки будут напечатаны, Зиновьев утром выступит с соответствующим заявлением на бюро ЦИК и немедленно скроется. «Запомнилось далее, — пишет Зиновьев, — как через несколько часов мы с Владимиром Ильичем мчимся на автомобиле из Таврического дворца в редакцию “Правды”... На крыльях и на подножках автомобиля с обеих сторон по несколько наших моряков-большевиков, вооруженных до зубов, с наставленными штыками винтовок». В редакции Ленин успевает подредактировать обращение ЦК, вставить его в уже готовый номер газеты и после этого они разъезжаются по домам. А минут через десять в помещение «Правды» ворвались юнкера...¹

Редакции больших столичных газет просьбу Чхеидзе выполнили. И только бульварное «Живое слово» публикует переверзевские материалы о «немецких шпионах». «Утром, когда мы только еще вставляли, — рассказывает Мария Ильинична, — к нам пришел Я.М. Свердлов и, рассказав о происшедшем ночью, стал настаивать на необходимости для Ильича немедленно скрыться... Яков Михайлович накинул на брата свое непромокаемое пальто, и они тотчас же ушли из дому совершенно незамеченными»².

А Зиновьев, явившись на заседание бюро ЦИК, «не садясь, прямо подошел к Чхеидзе и попросил слова в экстренном порядке. Он получил слово вне очереди: “Товарищи, совершилась величайшая гнусность. Чудовищное клеветническое сообщение появилось в печати и уже оказывает свое действие на наиболее отсталые и темные слои народных масс... Мне не надо доказывать, что ЦИК должен принять самые решительные меры к реабилитации тов. Ленина и к пресечению всех мыслимых последствий клеветы... С этим поручением я явился сюда от имени ЦК нашей партии”.

Зиновьев закончил и, не садясь, ждал... На многих лицах была ирония, на других — полное равнодушие... Чхеидзе немедленно ответил от имени ЦИК, что... все меры, доступные ЦИК, конечно, будут приняты безотлагательно. Тон Чхеидзе был ледяной». Это рассказ Суханова. А вот продолжение Зиновьева: «...Ясно запомнил выступление “народного социалиста” Чайковского. Благообразный высокий старик с длинной седой бородой, с постно-народническим лицом, — он не мог скрыть злорадства и чувства мести. Запомнился лейтмотив его гнусной речи: “дыма без огня-де не бывает”. Эти слова он повторил несколько раз. Раз

¹ См.: *Зиновьев Г.* Ленин и июльские дни // Пролетарская революция. 1927. № 8–9. С. 62, 63.

² Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1984. Т. I. С. 162.

Ленина и других обвиняют в германском шпионаже — значит, “что-то есть”»¹.

Между тем Свердлов привел Ленина на набережную Карповки, в квартиру одного из руководителей «военки» С.Н. Сулимова. Здесь Ильича ждал сюрприз. У Сулимовых жил старый товарищ — Григорий Шкловский с двумя младшими дочерьми, незадолго до того вернувшийся из Швейцарии. Там, в Берне, Владимир Ильич любил играть с его детьми. Но сейчас было не до игр. Приехал из Таврического Зиновьев, рассказавший о том, как вели себя члены ЦИК. «Этого и следовало ожидать, — ответил Ленин. — Неужели от этих господ можно было ожидать чего-либо другого?» Подошли член ЦК Ивар Смилга, члены ПК Михаил Томский и Глеб Бокий. Выяснилось, что в некоторых полках все еще ведут агитацию за продолжение выступления, а Петропавловская крепость и особняк Кшесинской готовятся к обороне. «В.И., не колеблясь ни минуты, заявил, что сдача неизбежна и что затягивать дело — значит только увеличивать поражение. Настроение, — вспоминал Зиновьев, — было достаточно подавленное»².

Зиновьев, Смилга, Томский и Бокий уехали в особняк Кшесинской, где собрались члены ЦК, ПК и Военной организации. После недолгих пререканий с членами «военки» большинство проголосовало «не пересматривать решение о прекращении демонстраций». Для переговоров пригласили представителя ЦИК Либера, с которым было достигнуто соглашение о сдаче Петропавловки, возвращении броневиков в бронедивизион, а матросов — в Кронштадт. Со своей стороны, ЦИК Советов гарантировал *непринятие дальнейших репрессивных мер* против большевиков и демонстрантов³.

Однако столь «мирный» исход событий уже не устраивал ни правительство, ни руководство ЦИК. На рассвете 6 июля верные правительству части выстраиваются на Дворцовой площади. Их напутствуют члены ЦИК эсеры Авксентьев и Гоц. Отсюда войска направляются для окружения Петропавловской крепости и захвата «штаба большевиков». Но солдаты и матросы, находившиеся в особняке Кшесинской, перебегают в крепость и вместе с ее гарнизоном занимают оборону.

Когда Михаила Либера спрашивают о причине такого поворота ЦИК, тот патетически восклицает: «Железная необходимость властно требует этого!» А причина ясна: под звуки оркестров в город стройными колоннами с артиллерией и броневиками уже вступает большой сводный отряд казаков и солдат Северного фронта под командованием члена ЦИК, поручика-меньшевика Григория Мазуренко.

¹ Пролетарская революция. 1927. № 8–9. С. 63, 64.

² См. там же. С. 63, 64; Правда. 1924. 16 июля.

³ См.: Рабинович А. Кровавые дни. С. 229, 230.

У Петропавловки складывается дикая ситуация, способная в любую минуту стать еще одним эпизодом гражданской войны: солдаты, требующие перехода власти к Советам, готовятся к бою с солдатами, подчиняющимися ЦИК Советов. А уж то, что снаряды крепостных орудий зацепят и город, — в этом сомнений нет. В Петропавловку приходит член ЦК Сталин и после его уговоров и проведенного голосования гарнизон складывает оружие. Казалось бы, все — точка поставлена. И все-таки на заседании кабинета министров 6 июля принимается официальное постановление об аресте и привлечении к суду «всех участвовавших в организации и руководстве вооруженным выступлением против государственной власти»¹.

Оставаться на квартире одного из лидеров «военки», Сулимова, было опасно. При разгроме особняка Кшесинской в руки правительственных войск попали списки большевистской Военной организации. Помимо хозяина квартиры в них значилась и жена его — Мария. Так что впору было ждать «гостей». «Вас, т. Сулимова, — грустно пошутил по этому поводу Владимир Ильич, — самое большое — арестуют, а меня повесят». И уже утром 6 июля Ленин, вместе с зашедшей за ним Крупской, переходит на Выборгскую сторону в квартиру рабочего Василия Николаевича Каюрова. Отсюда днем он идет на Большой Сампсоньевский в Выборгский райком, а оттуда на завод «Русский Рено», где в помещении сторожки находился завком. Здесь он встречается со Сталиным и членами Исполнительной Комиссии ПК. Мартын Лацис предложил для продолжения борьбы немедленно объявить всеобщую стачку. Но Владимир Ильич осадил его и сам написал от имени ПК воззвание с призывом к рабочим — с утра 7 июля выйти на работу².

Возвращаться к Каюрову не имело смысла. Сын его, пишет Крупская, «был анархист, молодежь возилась с бомбами, что не очень-то подходило для конспиративной квартиры». Пошли к давней знакомой Надежды Константиновны — Маргарите Фофановой. Сюда же привезли заболевшего Зиновьева с женой — Зинаидой Лилиной. Обсудили за чаем ситуацию и решили пока оставаться на нелегальном положении. Вечером Ленин ушел к Николаю Гурьевичу Полетаеву — рабочему депутату III Государственной думы, которого он знал еще по «Союзу борьбы...». А утром 7-го перебрался на 10-ю Рождественскую улицу к Сергею Аллилуеву — рабочему Электростанции акционерного общества 1886 года.

Еще 5 июля — *по настоянию большевистской фракции* — ЦИК создал специальную комиссию для расследования обвинений, выдвинутых

¹ См.: Рабинович А. Кровавые дни. С. 231, 233, 235.

² См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1973. Т. 4. С. 278; Известия ВЦИК. 1918. № 243. 6 ноября; Правда. 1924. № 159. 16 июля.

против Ленина, Зиновьева и других. Уезжая из Таврического дворца, Владимир Ильич передал через Каменева, что он и Зиновьев требуют от комиссии выслушать их показания. Соответствующее письмо ночью 6 июля было передано и члену комиссии А.Р. Гоцу. Рано утром 7-го Каменев передал Ленину, что члены комиссии ЦИК придут на условленную квартиру в 12 часов дня¹.

Квартира Аллилуевых Владимиру Ильичу понравилась. И хозяйке — Ольге Евгеньевне, с которой познакомился у Полетаевых, он сказал: «У вас хорошо. Теперь гоните — не уйду». Но шутовское настроение пропало, когда пришли Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Они принесли две вести. И обе плохие...

Ночью пришли сообщения, что наступление на фронте, начавшееся 18 июня и выдохшееся уже в первую неделю, закончилось поражением. 6 июля германские войска нанесли мощный контрудар в стык 7-й и 11-й армий Юго-Западного фронта, осуществив так называемый Тарнопольский прорыв. По опубликованным позднее данным, русская армия потеряла 1968 офицеров и более 56 тысяч «нижних чинов». Начался беспорядочный, порой панический отход русских войск.

Генералам важно было снять с себя вину за поражение. А на кого она падет — легко догадаться. «Разве можно вести дело, — сетовал Корнилов Милюкову, — когда правительству шагу не дают ступить Совдеп и разнузданная солдатня». Так уж в России повелось, что вслед за словом «поражение» очень часто появлялось другое слово — «измена». И то, что решение правительства об аресте «предателей» — руководителей и участников июльского «мятежа» — было принято в ночь на 7 июля, говорило само за себя.

Вторая дурная весть лишь подтверждала это. Той же ночью на квартире Елизаровых был повальный обыск. Мария Ильинична рассказала, как подъехал грузовик, из него вывалились солдаты, юнкера, офицеры и «вся наша квартира наполнилась этой свирепой толпой...». Искали «немецкого шпиона» Ленина. Один из офицеров «особенно настойчиво допрашивал об этом Надежду Константиновну. “Ведь и по старым царским законам, — заметила Мария Ильинична, — жена не обязана была выдавать своего мужа”». Стали допрашивать домработницу Аннушку, но она заявила, что вообще никаких «Олениных» не знает. А в комнатах всюду шуровали солдаты и юнкера. Искали «всюду, где только можно было предположить, что может спрятаться человек: под кроватями, в шкафах, за занавесками...».

«А двое солдат сидели в это время у стола... Там было немало писем с фронта от солдат, и большинство из них было полно восторга и благо-

¹ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 212.

дарности Владимиру Ильичу...». Одно из них Мария Ильинична позднее опубликовала: *«Солдат хотят уверить, что Вы враг. И постоянно жужжат нам в уши, что Вы — враг народа и России. Но солдаты этому не верят и сочувствуют Вам»*. «Я знала эти письма, — вспоминала Мария Ильинична, — и, глядя теперь на читавших их солдат, видела на их лицах выражение удивления. Как! Немецкому шпиону, предателю интересов родины, которого они пришли арестовывать... солдаты из окопов пишут такие письма!»¹

Выслушав все это, Владимир Ильич пишет заявление в Бюро ЦИК: «Сейчас только, в 3¼ часа дня, 7 июля, я узнал, что у меня на квартире был сегодня ночью обыск, произведенный, вопреки протестам жены, вооруженными людьми, не предъявившими письменного приказа. Я выражаю свой протест против этого... Считаю долгом официально и письменно подтвердить то, в чем, я уверен, не мог сомневаться ни один член ЦИК, именно: в случае приказа правительства о моем аресте и утверждении этого приказа ЦИК-том, я явлюсь в указанное мне ЦИК-том место для ареста»².

В это время к Аллилуевым приехали Зиновьев, Сталин, член ПК Орджоникидзе и москвичи — член ЦК Виктор Ногин и секретарь Московского областного бюро Варвара Яковлева. Орджоникидзе пишет, что, узнав о заявлении Ленина, «Ногин робко высказался за явку. Сталин против». И основания для сомнений были, ибо становилось все более неясным — можно ли надеяться на беспристрастное следствие и вообще, дойдет ли дело до суда.

Надежда Константиновна была против явки: если бы, считала она, во время обыска юнкера застали Ильича, — «они бы его разорвали на части». Мария Ильинична тоже стала отговаривать: во время обыска, когда солдаты лазили в шкафы, корзины, сундуки, они, не открывая их, прокалывали штыками, будто и не нужен им был живой Ленин. А старший дворник, суетившийся тут же, все приговаривал: «Да если бы я знал раньше, я бы его такого-сякого собственными руками задушил!» Владимир Ильич выслушивал все это, но «приводил доводы за необходимость явиться на суд»³.

Но тут пришла Стасова, и ее информация положила конец спорам. «Заходит Елена Стасова, — пишет Орджоникидзе, — и сообщает о вновь пущенном слухе по Таврическому дворцу, что Ленин якобы по документам архива департамента полиции провокатор. Эти слова на Ильича произвели невероятно сильное впечатление. Нервная дрожь перекосила его

¹ См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 162, 163; Рабочий путь. Смоленск, 1930. № 17. 21 января.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 445.

³ См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 163, 455, 456.

лицо и он со всей решительностью заявил, что надо ему сесть в тюрьму. Ильич заявил это нам тоном, не допускающим возражений». Орджоникидзе и Ногина послали в Бюро ЦИК обговорить условия сдачи, а Ленин стал собираться.

Он написал записку Каменеву, которая начиналась со слов: «Entre nous [между нами]: если меня укокошат...» Эти минуты хорошо запомнила Крупская: «“Мы с Григорием решили явиться, пойдешь скажи об этом Каменеву”, — сказал мне Ильич... Я заторопилась. “Давай попросимся, — остановил меня Владимир Ильич, — может, не увидимся уж”. Мы обнялись»¹.

А может, зря боялся? Может быть, перепуганные женщины просто паниковали, а у страха, как говорится, глаза велики? — Именно так рассуждают нынешние ленинороды, полагающие, что в «демократической России» бояться самосуда не было оснований.

Ан нет, не зря!

Орджоникидзе и Ногин, приехавшие в Таврический договариваться об условиях сдачи Ленина и Зиновьева, для начала встретились с членом президиума ЦИК, меньшевиком из Донбасса Василием Анисимовым. Стали толковать о гарантиях. Но Василий Анисимович был человеком рабочим, врать не умел и тянул нечто неопределенное. В конце концов у него вырвалось, что никаких гарантий нет и он «не знает, в чьих руках будет завтра сам»².

Причины для пессимизма у него были. Член особой «Военной комиссии ЦИК для восстановления и поддержания революционного порядка в Петрограде» Владимир Войтинский писал, что фактически уже с 5 июля столица стала ареной «настоящей оргии контрреволюции» и «разгул черносотенства грозил уничтожить плоды нашей победы над бунтарской стихией»³.

О поведении контрреволюционных групп в Питере Сталин писал в те дни: «От атаки большевиков они уже переходят к атаке всех советских партий и самих Советов. Громят меньшевистские районные организации на Петроградской стороне и на Охте. Громят отделение союза металлистов за Невской заставой. Врываются на заседание Петроградского Совета и арестуют его членов (депутат Сахаров). Организуют на Невском проспекте специальные группы для ловли членов Исполнительного комитета»⁴. И — о ужас! — обвинение в связи с немцами и получении от них денег выдвигается против «столпа советской демократии» Чернова. Виктор

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 455, 456; Правда. 1924. № 71. 23 марта; Заря Востока. 1926. 7 ноября.

² См.: Правда. 1924. № 71. 23 марта; Заря Востока. 1926. 7 ноября.

³ Рабинович А. Кровавые дни. С. 225.

⁴ Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 106.

Михайлович был вынужден уйти в отставку до окончания расследования. Тотчас началась и травля «циммервальдиста» Церетели.

Известный литератор Иванов-Разумник писал: «Во главе этой разнуздавшейся ныне улицы идут в ногу “Маленькая газета” и “Живое слово”. Ограничусь первой из них... [Она] называет “агентами Вильгельма” все социалистические партии и группы. И неудивительно, — продолжает газета, — ибо что же такое та власть, “которая создана Всероссийским Съездом С.Р. и С.Д.?” “Это — собрание людей, среди которых большинство составляют евреи... Мы не разжигаем национальной розни, храни вас Бог!” — восклицает газета, но тут же рядом прибавляет: “Куда же дальше?! Что же за правительство родится из Советов такого состава! Тоже с большинством евреев?! Мы не антисемиты, но — “благодарим покорно за Русь!”»¹

Утром 6 июля Иван Авксентьевич Воинов, рабочий-интеллигент, писавший очерки о жизни ярославской деревни еще в довоенную «Правду», вышел продавать «Листок Правды», выпущенный взамен разгромленной газеты. На Шпалерной группа юнкеров и франтоватой молодежи сбила его с ног. «Бей большевистскую тварь!» — крикнул кто-то. И молодые люди с остервенением били тростями, юнкера — сапогами. Так и забили до смерти².

Командующий Петроградским военным округом генерал Петр Александрович Половцев менее всего думал в эти «дни затмения» о законности и правопорядке. В своих воспоминаниях он откровенно рассказал, как офицер, направлявшийся им для ареста Ленина, спросил: «Желаю ли я получить этого господина в цельном виде или в разобранном... Отвечаю, с улыбкой, что арестованные очень часто делают попытки к побегу»³. Так что указание было ясным, и Крупская была недалеко от истины, заметив, что если бы офицеры и юнкера застали Владимира Ильича дома, «они бы его разорвали на части».

Об аналогичном «эпизоде» поведал и начальник контрразведки Петроградского военного округа Борис Владимирович Никитин: «... Подходят ко мне сотник с двумя казаками-урядниками и таинственно отводят в сторону. “Мы понимаем ваше положение: вам неудобно. Мы хотим убрать Ленина и только что получили сведения, где он находится. Мы не просим от вас никакой бумажки. Люди наши. Дайте только два грузовика”. В этот момент открывается дверь и входит начальник Генерального штаба генерал Ю. Романовский... Отвожу его на шаг в сторону, рассказываю ему о предложении... Романовский смотрит

¹ Соболев Г. А. Тайна «немецкого золота». С. 152, 153.

² См.: Страницы славной истории. Воспоминания о «Правде» 1912–1917 гг. М., 1962. С. 321.

³ Половцов П. А. Дни затмения. Париж, 1918. С. 143.

на меня несколько секунд, опускает голову, [потом] вдруг хватает за руку, трясет и восклицает: “Валяйте!” Спускаюсь с казаками вниз, даю два грузовика»¹.

От «демократов» в форме не отставали и «демократы» в штатском. Князь Сергей Евгеньевич Трубецкой рассказывает в своих мемуарах о том, как помощник министра народного просвещения О.П. Герасимов в разговоре «с глазу на глаз» с премьером Львовым заявил: «Я предлагаю Вам такую комбинацию. Оставаясь во главе Временного правительства, назначьте меня министром внутренних дел. Я обязуюсь немедленно и “без вашего ведома” арестовать Ленина, который “при попытке к бегству” будет тут же убит...»²

Значит, не зря опасались за судьбу Ленина. И, прервав бесполезные переговоры с Анисимовым, Орджоникидзе решительно заявил: «Мы вам Ильича не дадим!» После возвращения Орджоникидзе и Ногина на квартиру Аллилуевых, где их ждали Ленин, Зиновьев и Сталин, долго обсуждали ситуацию. Ленин и Зиновьев пишут заявление в Комиссию «по делу обвинения большевиков в сношениях с германцами»: «Утром (в пятницу 7 июля) Каменеву было сообщено из Думы, что комиссия придет на условленную квартиру сегодня в 12 ч. дня. Мы пишем эти строки в 6½ ч. вечера 7 июля и констатируем, что до сих пор комиссия не явилась и ничего не дала знать о себе. Ответственность за замедление допроса падает не на нас»³.

Невозможно понять, почему эту записку в нашей литературе прежде не публиковали. А между тем она свидетельствует: Ленин не знал о том, что после создания утром 7 июля следственной комиссии Временного правительства «по делу об организации вооруженного восстания в г. Петрограде 3–5 июля» комиссия ЦИК, как говорится, «умыла руки», сложила свои полномочия, то есть фактически передала «дело Ленина» в руки контрразведки.

Впрочем, Орджоникидзе рассказал, что, уезжая с Ногиным из Таврического, они встретили Луначарского. И Анатолий Васильевич попросил передать Ленину, чтобы он «ни в коем случае не садился в тюрьму, ибо в данный момент в руках коалиции власть находится только формально. Фактически она в руках корниловцев, а завтра, может быть, и формально перейдет к ним»⁴. В конце концов, уже вечером, как выразилась Крупская, «убедили» Владимира Ильича от добровольной сдачи отказаться и перейти на нелегальное положение. «Мы переменили свое намерение, — писал Ленин, — подчиниться

¹ Никитин Б.В. Роковые годы. Париж, 1937; М., 2000. С. 155.

² Трубецкой С.Е. Минувшее. Париж: Имка-Пресс, 1989. С. 153.

³ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 212.

⁴ Правда. 1924. 23 марта; Заря Востока. 1926. 7 ноября.

указу Временного правительства о нашем аресте... Никаких гарантий правосудия в России в данный момент нет... Отдать себя сейчас в руки властей значило бы отдать себя в руки... разъяренных контрреволюционеров, для которых все обвинения против нас являются простым эпизодом в гражданской войне»¹. Итак, выбор сделан, решение (4 члена ЦК) принято.

Незадолго до июльских дней Владимир Ильич писал: «Надо точно, юридически отличить понятие сплетника и клеветника от разоблачителя (требующего установления точно намечаемых фактов)... *Партия* не должна отвечать на сплетни и клеветы (иначе как повторением, что клеветники суть клеветники)...»² И все-таки в последующие дни Ленин опять возвращается к этому вопросу. В «Листке “Правды”» он печатает ряд статей, в которых разъясняет свою позицию. А главное — вновь и вновь анализирует мнения своих оппонентов и более всего — оппонентов «добросовестных».

Их логика очевидна: мы живем в демократической России, где есть суд — открытый, правильный и праведный. «Я не сделал ничего противозаконного. Суд справедлив. Суд разберет. Суд будет гласный. Народ поймет. Я явлюсь». Вполне логично и честно, *если...* «Если считать, что в России есть и возможно правильное правительство, правильный суд... тогда можно прийти к выводу в пользу явки».

Но все события 5, 6, 7, 8 июля «нагляднейшим образом показали, что... правильного суда в России нет и быть (теперь) не может.

Суд есть орган власти. Это забывают иногда либералы. Марксисту грех забывать это.

А где власть? Кто власть?

Правительства нет... Оно бездействует».

Поведение контрреволюционеров в столице говорит о том, что «о “суде” тут смешно и говорить». А посему рассуждение сторонников явки, надеющихся на то, что «какой-нибудь суд при таких условиях может что-либо разобрать, установить, расследовать?? Это — рассуждение наивное до ребячества. Не суд, а травля интернационалистов, вот что *нужно власти*». И Владимир Ильич повторяет: «Дело не в “суде”, а в *эпизоде гражданской войны*»³.

Но, может быть, все эти рассуждения излишне усложнены? Вот генерал Волкогонов написал просто: «Ленин почти никогда лично не рисковал», и в июльские дни 1917 года его обуяло «обычное человеческое чувство страха»⁴. Об истоках подобного рода умозаключений писалось

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 8, 9; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. I. С. 456.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 441, 442.

³ Там же. Т. 32. С. 433, 434.

⁴ Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 226, 227.

много: мещанин, даже если он увенчан академическими лаврами, пытается низвести великого человека до своего уровня, приписать ему собственные мелкие, эгоистические чувства.

Любая точка зрения имеет право на существование. Кроме той, которая основана на неправде. Волкогонов цитирует записку Ленина Каменеву: «в случае своей гибели...» Но ведь нет таких слов в записке. Там другое: «если меня ужокошат...» Почему вместо трагического — «если меня убьют» или патетического — «если я погибну» — это ироническое «ужокошат»? Да потому, что политик, избравший путь революционной борьбы, знает — зреет, тюрьма и даже смерть — неизбежные спутники его профессии. И не надо каждый раз, когда возникает опасность, впадать в театрално-трагедийный тон. Так что, «если меня ужокошат», — сделайте то-то и то-то. И всё... «В жизни часто Ильич стоял на краю смерти, — заметила как-то Надежда Константиновна. — Это тоже отпечаток свой кладет, тоже *страхует от мелких чувств*»¹.

«Бычий хлоп» — крепкий мужик — так прозвали его сокамерники *уголовной* тюрьмы в Новом Тарге в 1914 году. В записках, предназначенных для врачей, а не для печати, Крупская написала о том же: «Был боевой человек... Ни пугливости, ни боязливости. Смел и отважен». Она вспоминала, как в 1907-м уходил он по льду от царских ишек из Финляндии. «Лед, несмотря на то, что был декабрь, был не везде надежен. Не было охотников рисковать жизнью, не было проводников. Наконец Ильича взялись проводить двое подвыпивших финских крестьян, которым море было по колено. И вот, пробираясь ночью по льду, они вместе с Ильичем чуть не погибли... А Ильич рассказывал, что когда лед стал уходить из-под ног, он подумал: “Эх, как *глупо* приходится погибать”»².

Тогда, в 1907-м, случай помог — выбрались. А теперь? По точному юридическому определению, пишет Ленин, добровольная сдача в данных условиях есть не что иное, как «*юридическое убийство из-за угла*». Оно является не признаком бесстрашия, а лишь свидетельством глупости. Поэтому «пусть интернационалисты работают нелегально по мере сил, но пусть не делают глупости добровольной явки!»³

А из Питера надо было уходить. 8 июля после отставки премьера — князя Львова, министром-председателем правительства стал Керенский, сохранивший за собой пост военного и морского министра. Судя по всему, «страха ради», он решил продемонстрировать решительность и беспощадность. В тот же день был подписан приказ № 28, требовавший при наведении порядка в стране и армии «не

¹ Рядом с Лениным. Воспоминания о Н.К. Крупской. М., 1969. С. 224.

² См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 311, 312, 394–396, 599.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 434; Т. 34. С. 7.

останавливаться перед применением вооруженной силы». Подтверждалось распоряжение Временного правительства от 6 июля об аресте и предании суду «за государственную измену» лиц, повинных в беспорядках. Для этого учреждалась специальная следственная комиссия с чрезвычайными полномочиями. А через несколько дней (12 июля) появился и приказ о введении на фронте смертной казни и «военно-революционных судов».

8 июля Керенский приказал арестовать руководителей Центробалта (Центрального Исполнительного комитета советов моряков Балтийского флота), а заодно и командующего Балтфлотом, контр-адмирала Дмитрия Николаевича Вердеревского за отказ 4 июля отправить боевые корабли на усмирение кронштадтцев. В столице вводился запрет на уличные собрания и владение оружием частными лицами. Весь гарнизон был разделен на три категории: активно участвовавших в выступлении — они подлежали расформированию и отправке на фронт; участвовавших в беспорядках лишь частично — в них расформировывались лишь отдельные батальоны, роты и проводилась общая чистка от «подрывных элементов»; и, наконец, оставшиеся лояльными правительству — их ожидала лишь чистка¹.

8 июля для обывателей и прочей публики было устроено грандиозное шоу: под усиленным конвоем 1-й Пулеметный полк был разоружен, выведен на Дворцовую площадь, заклеен позором и расчленен для отправки на фронт. Публика была в полном восторге. А солдаты? «Я видела, — пишет Крупская, — как разоруженный полк шел на площадь. Под узду вели разоруженные солдаты лошадей, и столько ненависти горело в их глазах, столько ненависти было во всей их медленной походке, что ясно было, что глупее ничего не мог Керенский придумать»². На следующий день такая же экзекуция ждала Гренадерский, 1, 3, 176 и 180-й пехотные запасные полки.

В большевистском ЦК решили Ленина и Зиновьева переправить к Сестрорецку, в рабочий поселок близ станции Разлив. Вечером 9-го Владимир Ильич сбрил бороду и подкоротил усы — совсем как на фотографии 1910 года. Григорий, не брившийся эти дни, подстриг пышную шевелюру, а усы и бороду оставил. Аллилуев дал Ленину серую кепку и свое рыжеватое пальто, в котором Ильич «походил на финского крестьянина или на немца-колониста». Зиновьеву досталось «пальто-клэш яркого пестрого рисунка», делавшее его похожим «на прибалтийского коммивояжера».

¹ Рабинович А. Кровавые дни. С. 235, 236, 238, 239.

² Воспоминания о В.И. Ленине. Т. I. С. 457.

К Приморскому вокзалу пошли пешком по Рождественским, Преображенской, Кирочной улицам, потом через Литейный мост по набережным. Шли гуськом, держа дистанцию: впереди член ЦИК сестрорецкий рабочий-оружейник Вячеслав Зоф, за ним Ленин и Зиновьев, а замыкали Аллилуев и Сталин. Шли мимо казарм, патрулей, караулов. Но обошлось. У Большой Невки их встретил сестрорецкий рабочий Николай Емельянов. Через товарные ворота, под вагонами, вышли на перрон. Сопровождающие остались, а Емельянов, Ленин и Зиновьев сели в последний, как его называли — «пьяный поезд». «Посреди дороги, — рассказывает Николай Александрович, — на станции Пагулы, сели какие-то молодые люди и стали петь про Владимира Ильича разные хулиганские песни — они здорово выпили. Молодцы на следующей станции слезли. Мы благополучно добрались до места в три часа ночи»¹.

Дома Николай Александрович еще раз осмотрел гостей. «У нас все финны бреются», — сказал он. Пришлось Ленину сбрить усы, Зиновьеву и усы и бороду, а жена Емельянова, Надежда Кондратьевна постригла их машинкой наголо — «под ноль». Узнав, что у Емельяновых семеро сыновей и четверо из них дома, Владимир Ильич спросил — не болтнут ли? — «Скорее язык себе вырвут, чем лишнее скажут», — отрезал Емельянов. После этого «гостей» отвели в сарай на сеновал, где спали сыновья Николая Александровича, дали на подстилку по одеялу, «чтоб сено не кусалось» и по простыне — укрываться. А утром переодели в рабочую одежду. Емельянов считал, что так они стали более похожими на финских крестьян².

На чердаке сарая поставили стол, чтоб можно было работать. А вскоре прибыли и связные ЦК. Правда, о пароле договориться забыли, и Владимир Ильич долго разглядывал их через щели сарая, а потом махнул рукой: «Шут с ними, что будет, то будет. Зовите их». Но оставаться в поселке было все-таки опасно — уж слишком здесь на виду каждый сторонний человек. Надо было уходить. За озером Сестрорецкий Разлив Емельянов нанял за 3 рубля покос. И почти за неделю до приезда «гостей» после работы с кем-либо из сыновей выкашивал участок. Сложили большой стог, шалаш. Теперь все было готово и, видимо, уже вечером 10 июля, нагрузив Ленина и Зиновьева рыболовными снастями, косами и граблями, сели в двухвесельную лодку и быстро добрались до места³.

Вот здесь действительно было тихо и спокойно...

¹ Аллилуев С. Как у меня скрывался Ленин // Огонек. 1927. № 27. 3 июля. С. 1; Емельянов Н. А. Мои воспоминания о работе в партии и встречах с Ильичем // История пролетариата СССР. 1933. № 4 (16). С. 146–170.

² См.: Голос рабочего. Ногинск, 1935. 21 января.

³ См.: Сб. «История пролетариата СССР». 1933. № 4 (16). С. 164–168.

Клевета

После полумиллионных демонстраций, многотысячных митингов, после высоких трибун Всероссийских съездов Советов, где сотни людей жадно ловили каждое его слово, после трех месяцев открытой и захватывающей политической борьбы — шалаш, острый запах скошенной травы, дымок от костра, над которым в котелке всегда что-то булькало, пение птиц и тихая гладь большого озера...

Однако напряжение не спадало. Вести из Питера приходили тревожные. 9 июля сдался властям Каменев. 10 июля Троцкий опубликовал открытое письмо с опровержением слухов о его якобы «отречении» от Ленина и его тоже арестовали. А днем 10-го юнкера вновь ворвались в квартиру Елизаровых. И опять начался обыск с протыканием штыками чемоданов, корзин и даже дров для печи, сложенных в поленницу. «Возмущенная Аннушка, — рассказывает Крупская, — им заметила: “Еще в духовке посмотрите, может, там кто сидит”». В квартире оставили засаду, а «нас забрали троих — меня, Марка Тимофеевича и Аннушку — и повезли в генеральный штаб. Рассадили там на расстоянии друг от друга. К каждому приставили по солдату с ружьем. Через некоторое время врывается рассвирепелое какое-то офицерье, собираются броситься на нас. Но входит тот полковник, который делал у нас обыск в первый раз, посмотрел на нас и сказал: “Это не те люди, которые нам нужны”... нас отпустили... Добрались до дому лишь к утру»¹.

Каменев и Троцкий тоже оказались не совсем «теми людьми», которых искала контрразведка. Нужен был Ленин и те, кто ехал с ним в «пломбированном вагоне». Впрочем, и Каменева и Троцкого, а затем и Луначарского бросили в «Кресты», где уже находилось около 200 руководителей «военки» и кронштадтцев. А Александру Михайловну Коллонтай упрятали в женскую Выборгскую тюрьму. К этим новостям Емельянов добавил свои: в окрестных поселках идут облавы, газеты пишут, что «по следу Ленина» пущены собаки, в их числе знаменитая ищейка Треф, а 50 офицеров «ударного батальона» поклялись: или найти этого «немецкого шпиона» — или умереть.

Так что нервы и у Ленина, и у Зиновьева все еще были напряжены до предела. И когда на следующий день, 11 июля, как показалось совсем неподалеку, вдруг началась частая и все более приближавшаяся стрельба, они решили, что их все-таки выследили. «Решаем уйти из шалаша, — пишет Зиновьев. — Крадучись, мы вышли и стали ползком пробираться в мелкий кустарник. Мы отошли версты на две... Выстрелы продолжались. Дальше открывалась большая дорога, и идти было некуда. Помню

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 165, 456.

слова В.И., сказанные не без волнения: “Ну, теперь, кажется, остается только суметь как следует умереть”. Твердо запомнил эти слова Ильича... Оружия с собой у нас не было».

Однако и на сей раз обошлось. Стрельба стала затихать. Ленин и Зиновьев вернулись к шалашу. А вскоре приплыли на лодке сыновья Емельянова. Они рассказали, что еще ночью юнкера и рота Финляндского полка под командованием штабс-капитана Гвоздева при поддержке 6 броневиков окружили Сестрорецкий завод, помещение Красной гвардии, заводской клуб и клуб анархистов. Они потребовали сдачи оружия. Завком согласился и, подменив винтовки красногвардейцев, выдал со склада около тысячи выбракованных стволов. Офицер из заводоуправления шепнул о подмене. И тогда — для доказательства годности оружия — началась «проба»: стали палить в небеса. Гвоздев потребовал заодно сдать и личное охотничье оружие. И грузовик для его сбора, сопровождаемый броневиками, двинулся по поселку, останавливаясь у каждого двора. Тут пальбы еще более прибавилось. Ибо, как шутили рабочие, выдаче подлежали лишь старые ружья, а уж никак не патроны. Вот эта-то канонада, звучавшая — через озеро — совсем рядом и была слышна у шалаша. И ребята вместе с Лениным и Зиновьевым «весело смеялись над тем, как сестрорецким рабочим удалось надуть юнкеров...»¹

В один из последующих дней Николай Александрович привез из дома припрятанное охотничье ружье. Пошли в лесок, «а Ильич и говорит: “Давненько я не стрелял. Может, уже и разучился. Дай-ка попробую”. Я прикрепил газету, — рассказывает Емельянов. — Ильич отошел шагов на 30–40, прицелился спокойно. Трах — и как раз почти весь заряд попал в центр газеты. “Ничего, — сказал Ильич, — еще сумею, когда понадобится, попасть в цель”. Решил попробовать и Зиновьев. Он «нацелился-то правильно, но когда взялся за скобку, чтобы спустить курок, начал потихоньку отворачивать голову... Трахнул выстрел, и весь заряд пошел по деревьям».

Григория Евсеевича это, видимо, заело. И он стал — один или с кем-либо из сыновей Емельянова — ходить в лес. Но «пристреляться» так и не успел: напоролся на лесника, который у него ружье отобрал. Вернул лишь самому Емельянову-отцу. И при этом «работника» его обругал: «Всякая чужна тут шляется, по-русски хотя бы слово тьякнул»². И слава Богу, что не «тьякнул». Иначе бы вся конспирация рухнула.

¹ См.: Пролетарская революция. 1927. № 8–9. С. 67–70; Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. Документы и материалы. М., 1959. С. 76; Речь. № 161. 1917. 12 июля.

² См.: Красный Флот. 1924. № 2. С. 43, 44; Сб. «История пролетариата СССР». С. 146–170.

После всех этих перипетий жизнь вроде бы пошла на лад. Владимир Ильич ложился спать рано и рано вставал. Купался в озере. Лежал на солнышке. Гулял в ближайшем леске. Но все мысли были еще там — в недавних бурных событиях. «Целые дни, — рассказывает Зиновьев, — мы перебирали в памяти малейшие эпизоды протекших с калейдоскопической быстротой двух с половиной месяцев и, в особенности, последних дней *пребывания на воле*. Много-много раз Владимир Ильич возвращался к вопросу о том, можно ли было, все же, 3–5 июля поставить вопрос о взятии власти большевиками. И, взвешивая десятки раз все за и против, каждый раз он приходил к выводу, что брать власть в это время было *нельзя*»¹. О том, что у него возникли разногласия с Лениным, Зиновьев почему-то не написал...

Прессу в первые дни Ленин почти не читал. Ее пересказывал Зиновьев. «В это время газеты, — вспоминал он, — в том числе и “социалистические”, были полны рассказней про “мятеж” 3–5 июля и главным образом про самого Ленина. Такое море лжи и клеветы не выливалось ни на одного человека в мире. О “шпионстве” Ленина, о его связи с германским генеральным штабом, о полученных им деньгах и т. п. печаталось в прозе, в стихах, в рисунках и т. д. Трудно передать чувство, которое пришлось испытать, когда выяснилось, что... ложь и клевета разносится в миллионах экземпляров газет и доносится до каждой деревни, до каждой мастерской. А ты вынужден молчать! Ответить негде! А ложь как снежный ком нарастает... И уже по всей стране, из края в край, по всему миру ползет эта клевета...”².

Подготовка дела о «шпионстве» Ленина началась до возвращения Владимира Ильича в Россию. Еще в конце марта к начальнику контрразведки штаба Петроградского военного округа Борису Владимировичу Никитину явился офицер филиала 2-го бюро французской разведки капитан Пьер Теодор Лоран и вручил ему «список предателей в 30 человек, во главе которых стоит Ленин». Однако, как уже рассказывалось, предотвратить въезд Ленина в Россию не удалось³.

В апреле, при переходе линии фронта, был задержан прапорщик 16-го Сибирского полка Д.С. Ермоленко, завербованный немцами в одном из концлагерей для военнопленных. На допросах он показал, что в лагере шпионил за своими товарищами, а теперь получил задание вести пропаганду сепаратного мира среди русских солдат. Как заурядного шпиона его могли бы тут же и расстрелять. Но поскольку прежде Ермоленко ра-

¹ См.: Пролетарская революция. 1927. № 8–9. С. 67–70.

² Там же.

³ См.: Никитин Б.В. Роковые годы. С. 57, 58; Независимая газета. Независимое военное обозрение. 1998. № 34. С. 7.

ботал в военной разведке и в полиции, он знал (а может, его и надоумили), как набить себе цену.

В протокол допроса от 28 апреля включили «конфиденциальные сведения», якобы сообщенные ему офицерами Германского генерального штаба о том, что по их указанию такую же подрывную работу ведут в России — один из лидеров «Союза освобождения Украины» А.Ф. Скоропись-Иелтуховский, а также лидер большевиков Ленин. И оба они «получили задание в первую очередь удалить министров Милюкова и Гучкова». 16 мая этот протокол генералом Деникиным был направлен военному министру. Позднее в Питер препроводили и самого Ермоленко. «Я увидел до смерти перепуганного человека, — пишет Никитин, — который умолял его спрятать и отпустить». Версия о том, что германские генштабисты назвали рядовому шпику своих «суперагентов», не годилась даже для бульварного детектива. Борис Владимирович, будучи профессионалом, оценил ее как весьма «неубедительную», и петроградская контрразведка «категорически отмежевалась от Ермоленко»¹.

Однако дело не заглохло. Французский министр-социалист Альбер Тома направил в июне французскому атташе в Стокгольм предписание: «Нужно дать правительству Керенского не только арестовать, но дискредитировать в глазах общественного мнения Ленина и его последователей... Срочно направьте все ваши поиски в этом направлении...»².

Долго ждать не пришлось. «Расследование, однако, приняло серьезный характер после того, — пишет Никитин, — как блестящий офицер французской службы, капитан Пьер Лоран вручил мне 21 июня первые 14 телеграмм между Стокгольмом и Петроградом, которыми обменялись Козловский, Фюрстенберг, Ленин, Коллонтай и Суменсон. Впоследствии Лоран передал мне еще 15 телеграмм». Впрочем, поначалу и тут случилась неувязка. Оказалось, что особая служба телеграфного контроля в Петрограде давно уже следила за указанной перепиской. Ее вывод: «Телеграммы, которыми обменивался Я. Фюрстенберг с Суменсон, коммерческого характера. Задолго до революции они показались подозрительными всего лишь с коммерческой точки зрения, так как товары, предлагавшиеся Я. Фюрстенбергом для Суменсон, могли быть немецкого происхождения (салол, химические продукты, дамское белье, карандаши и т. д.)»³.

¹ Никитин Б.В. Роковые годы. С. 103, 104.

² См. статью: Попова С.С. Французская разведка ищет «германский след» // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 266.

³ См.: Никитин Б.В. Роковые годы. С. 111; Попова С.С. Французская разведка ищет «германский след» // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. С. 268, 269.

Однако это препятствие преодолели легко. Министр юстиции Павел Николаевич Переверзев настойчиво теребил Никитина: «Положение правительства отчаянное; оно спрашивает, когда же ты будешь в состоянии обличить большевиков в государственной измене?!» А поскольку интересы совпадали, то французский военный атташе в Петрограде полковник Лавернь и Никитин сошлись на том, что коммерческий характер переписки следует считать лишь хитроумным шпионским кодом. 1 июля в контрразведке у Никитина состоялось совещание, на котором порешили: расследование около тысячи дел по немецкому шпионажу прекратить, а всех сотрудников сконцентрировать на одном — «усилить работу против большевиков». Тут же составили список на 28 большевистских лидеров. На каждого из них, начиная с Ленина, Борис Владимирович — от имени главнокомандующего — подписал ордер на арест. Дополнительно составили списки на арест еще 500 большевиков. «Я предвидел большое потрясение, — пишет Никитин, — но о нем-то мы и мечтали!» И когда через несколько дней начались июльские события, тут уж совсем стало не до «юридических тонкостей». И Переверзев взмолился: «Докажите, что большевики изменники, — вот единственное, что нам осталось»¹.

Дождаться завершения расследования он не стал. Утром 4 июля Переверзев встретился с бывшим большевиком, ставшим заядлым «оборонцем», известным скандалистом Григорием Алексеевичем Алексинским и передал ему материалы и о Ермоленко и о телеграммах Фюрстенберга (Ганецкого), Суменсон и Ленина. Днем 4-го сообщение для газет — «Ленин и Ганецкий — шпионы» — с помощью сотрудников контрразведки было изготовлено. Для солидности его подписал и эсер, старый шлисельбуржец Василий Семенович Панкратов, работавший в штабе военного округа. Но после того, как Чхеидзе по просьбе Сталина обзвонил редакции, эта публикация, как уже рассказывалось, появилась 5 июля лишь в бульварном «Живом слове». А уж на следующий день о ней трубила вся «большая пресса» и на стенах домов были расклеены специальные плакаты².

Приехавший 5 июля с Западного фронта Керенский, вступив в должность министра-председателя, снял со своих постов и командующего округом генерала Половцева, и министра юстиции Переверзева. Первого — за «бездеятельность», второго — за избыточное рвение: публикацию «сырого» материала. А 21 июля в газетах появилось сообщение от прокурора Петроградской судебной палаты Н.С. Каринского — того самого, который предупредил Бонч-Бруевича, — официально предъяв-

¹ Никитин Б.В. Роковые годы. С. 120–122; Соболев Г.А. Тайна «немецкого золота». С. 165.

² См.: Розенталь И.С. Звездный час Григория Алексинского // Россия XXI. 2002. № 4. С. 160, 161.

лявшее Ленину и большевикам обвинение в мятеже и попытке свергнуть правительство, а также в получении денежных средств из Германии, то есть в государственной измене.

Напрасно Керенский беспокоился о том, чтобы придать обвинениям хоть какую-то видимость достоверности. Дифференциация и глубочайший разрыв между теми, кто поддерживал правительство, и теми, кто прислушивался к большевикам, после июльских дней лишь усилились. И сторонники правительства даже не пытались усомниться в правдивости газетных обличений. Они сразу приняли обвинения как данность, как факт.

Ответственный сотрудник МИД, человек вполне интеллигентный — Г.Н. Михайловский написал: «Никогда еще уверенность, что чужая рука движет этими людьми, направляет их и оплачивает, не принимала у меня такой отчетливой формы. После июльских дней всякая тень сомнения в германской завязи большевистского движения у меня исчезла». А будущий советский историк, академик Юрий Владимирович Готье размышлял в своем дневнике: «Участь России — околевшего игуанодона или мамонта... Большевики — истинный символ русского народа, народа Ленина, Мясоедова и Сухомлинова — это смесь глупости, грубости, некультурного озорства, беспринципности, хулиганства и, на почве двух последних качеств, измены... Кстати, об измене. С большевиков маска сорвана»¹. Упоминавшаяся выше житейская мудрость «премудрого пескаря», сформулированная почтенным Николаем Васильевичем Чайковским — «дыма без огня не бывает... Раз говорят, значит что-то есть» — сбавляла и на столь высоком интеллектуальном уровне.

Впрочем, не у всех. Владимир Галактионович Короленко 23 июля написал: «...Что хотите — в подкуп и шпионство вождей [большевиков] я не верю... Старая истина — нужно бороться только честными средствами, а Алексинский в этом отношении далеко не разборчив»².

Ну а те, кто не верил правительству, был против него, те, кого Готье назвал «народом Ленина», — отбрасывали любые доводы, исходившие «сверху». Резолюции, принятые на заводах и фабриках, рабочих и солдатских митингах Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Екатеринбурга, Донбасса, Баку, Тифлиса, Батума и других городов, печатались в уцелевших большевистских газетах. Они требовали прекратить «грязную травлю» и заявляли, что «никакая клевета желтой прессы... не сможет подорвать авторитет и доверие к т. Ленину и всему революционному течению соц.-дем. (большевикам), так как их позиция есть позиция

¹ *Соболев Г.А.* Тайна «немецкого золота». С. 153, 154.

² *Мельгунов С.П.* Золотой немецкий ключ большевиков. Изд. 2-е. Нью-Йорк, 1989. С. 125.

рабочего класса и бедноты»¹. Но точно так же, как «низы» не воспринимали импульсов, исходивших «сверху», так и правительству были глубоко безразличны все эти резолюции. «Дело Ленина и К^о» все более пухло, обрастая новыми сюжетами и персонажами.

Конечно, можно было бы вообще не реагировать на те наветы, кои исходят от людей, для которых данное «дело» всего лишь «эпизод гражданской войны». Умом понимаешь, что переживать надо лишь тогда, когда хула исходит от тех, чье мнение и отношение дороги тебе. Владимир Ильич вспоминает стихотворение «Блажен незлобивый поэт» Некрасова: «Он ловит звуки одобренья / Не в сладком ропоте хвалы, / А в диких криках озлобленья!» Да, это так. Но если ты знаешь, что невиновен, — все равно противно и обидно до слез. И при всех вариантах надо бороться, отстаивать честь свою и своей партии.

Но как? Апеллировать к «общественному мнению»? Взывать к совести прокурора? Рвать на груди рубаху и клясться в невиновности? Наивно и глупо. И Владимир Ильич берется за дело не как «потерпевший», а как юрист-профессионал, который ищет в обвинениях наиболее уязвимые места и уличает прокурора в фальсификации дела.

Современные исследователи нередко упрекают Владимира Ильича в том, что, отвечая прокурору, он не всегда полностью раскрывает карты и не говорит полной правды. Он отрицал, например, что имел с Ганецким «денежные дела», хотя таковые, как упоминалось выше, имели место еще в Швейцарии. Но совершенно очевидно, что ответы Ленина целиком определялись его отношением к данному судилищу.

30 марта 1896 года, когда жандармский полковник Филатьев и прокурор Кичин допрашивали Владимира Ульянова, он отрицал все, даже самое очевидное. «Чистосердечные признания» были здесь неуместны. И на сей счет существовали правила поведения на допросах и в суде, считавшиеся в демократической среде этической нормой.

Вот и теперь, признавая суд «неправедным», он не стал сдавать Ганецкого. «Было бы, конечно, величайшей наивностью принимать “судебные дела”... против большевиков за действительные судебные дела. Это была бы совершенно непростительная конституционная иллюзия», — написал Ленин. И при таком «тенденциозном процессе» обязанность защитника состоит отнюдь не в том, чтобы чистосердечными признаниями помогать прокурору совершать «юридическое убийство из-за угла»².

Выше уже отмечалось, что глубокий анализ всего корпуса интересующих нас документов дан в книге Геннадия Леонтьевича Соболева «Тай-

¹ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 283, 286, 291, 293, 297, 301, 305.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 7, 32.

на немецкого золота», которую наши «лениноеды» всячески пытаются замолчать. Еще бы! Промышляя данным сюжетом, они попросту могут остаться без заработка... Но большинство документов, использованных Соболевым, стали известны значительно позже. Ленин же должен был исходить из того, что есть под рукой. И прежде всего — из враждебной ему буржуазной прессы.

Отметая обвинения в инициировании мятежа, он приводит не только резолюции большевистского ЦК о сдерживании движения, но и «Речь» (№ 154), которая 4 июля писала: «Большевики в данном случае показали свое бессилие: они не могли удержать полки от выступлений на улицу». Ленин цитирует «Биржевые ведомости» (№ 16317), которые свидетельствуют, что «стрельбу начали *н е* демонстранты, что первые выстрелы были *п р о т и в* демонстрантов!!» Он использует, наконец, хронику событий, опубликованную «Рабочей газетой» (№ 100) 7 июля, из которой очевидно, что «организация большевиков имела одна только моральный авторитет перед массой, побуждая ее отказываться от насилий... Она имела полную возможность приступить к смещению и аресту сотен начальствующих лиц, к занятию десятков казенных и правительственных зданий... Ничего подобного сделано не было»¹.

Что касается дел «шпионских», то тут все было сложнее, ибо газета «Русская воля» и еженедельник Алексинского «Без лишних слов» опубликовали лишь часть телеграмм Ганецкого к Суменсон. Ссылаясь на «зашифрованность» их текстов и тайну следствия, прокурор в официальном заявлении ограничивался лишь намеками. Но смысл их был ясен: речь якобы шла о денежных потоках, направлявшихся из Германии через Стокгольм в Питер. Любопытно, что спустя почти сто лет эту версию, а точнее — сплетню повторяют и наши «лениноеды». А покойный А.Н. Яковлев с экрана телевизора уверял, что указанные телеграммы есть не что иное, как «расписки Ганецкого» в получении немецких денег и пересылке их через Суменсон Ленину.

Вот бы «почтенному ученому мужу» почитать эти «расписки». О необходимости данной процедуры как раз и написал еще 7 июля Ленин: «Коммерческая и денежная переписка, конечно, шла под цензурой и вполне доступна контролю *целиком*». А спустя две недели добавляет: «...Если прокурор... знает, в каком банке, сколько и когда было денег у Суменсон (а прокурор печатает пару цифр этого рода), то отчего бы прокурору не привлечь к участию в следствии 2–3 конторских или торговых служащих? Ведь они бы в 2 дня дали ему *п о л н у ю* выписку из всех торговых книг и из книг банков?.. Когда именно, от кого именно Суменсон получала деньги... и кому платила? Когда именно и какие именно

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 25, 26.

партии товара получались?.. Это не оставило бы места темным намекам, коими прокурор оперирует!»¹.

Те, кому надо было опорочить Ленина, естественно, такой работы не проделали. Не сделали этого и те, кто позднее десятки лет занимались «лениноведением», они просто «стояли на страже!» Сделал это американский историк С. Ляндрес в статьях и в книге «К пересмотру проблемы “немецкого золота” большевиков», вышедшей в США в 1995 году². Он тщательно проанализировал весь комплекс телеграфной переписки между Стокгольмом и Петроградом, но оперировал не 29 (как Никитин), а всеми 66 телеграммами, коими располагала следственная комиссия Временного правительства и прокурор Каринский.

Первая «сенсация» — для легковерных читателей — состояла в том, что, как оказалось, *все денежные переводы всегда шли из Петрограда в Стокгольм*, «но никогда эти средства не шли в противоположном направлении». Вторая «сенсация» — опять-таки для легковерных — заключалась в том, что указанная переписка не была «закодированной», а действительно носила *сугубо коммерческий характер*. И когда в телеграммах шла речь об отправке таинственной «муки», то имелась в виду совершенно конкретная мука для детского питания фирмы «Нестле», а под «карандашами» — самые обыкновенные карандаши, кои в годы войны стали в России дефицитом. Иными словами, добросовестные царские служаки — цензоры, упоминавшиеся выше, оказались правы: никакого шпионского «шифра» не было³.

В первой главе уже отмечалось, что Яков Станиславович Ганецкий с лета 1915 года работал в экспортной фирме Парвуса в Копенгагене. Когда российская цензура и французская разведка заподозрили фирму в контрабанде, они, видимо, дали знать об этом датским властям. И хотя после тщательной проверки каких-либо следов контрабанды в ее торговом обороте обнаружено не было, Ганецкого оштрафовали за вывоз в Россию без лицензии термометров и в январе 1917 года выдворили в Швецию. Там Парвус назначил его управляющим такой же экспортной фирмы в Стокгольме.

Надо сказать, что, зная о пронемецкой социал-патриотической позиции Парвуса, Ганецкий с самого начала сомневался в том, можно ли принимать его предложение. Но все знакомые социал-демократы убеждали, что Парвус никогда не путает свой бизнес с политикой и в этом смысле ему можно вполне доверять. Д. Шуб, изучавший широкий круг материалов о Парвусе, подтверждает, что сотрудники его контор действительно не подозревали о связях шефа с немецкими властями.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 425; Т. 34. С. 31.

² См. статью С. Ляндреса «Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 г.» // Отечественная история. 1993. № 2. С. 128–143.

³ См.: Соболев Г.А. Тайна «немецкого золота». С. 187, 189.

Ганецкий принял предложение, а контрагентом в Петрограде поставил Екатерину Маврикиевну Суменсон, работавшую до этого в такой же фирме в Варшаве у его брата Генриха. По принятой тогда торгово-экспортной схеме Ганецкий направлял ей из Швеции списки товаров для оптовой продажи в Россию. Суменсон распределяла их между российскими перекупщиками. Те, в свою очередь, получив из Швеции требуемый товар, переводили деньги на текущий счет Суменсон в Петрограде. А уже оттуда эти деньги направлялись фирме Ганецкого в Стокгольм на счета «Ниа банкен».

За эту работу Яков Станиславович получал жалованье в 400 крон (200 рублей) и приличный процент с продаж. А поскольку оборот фирмы, поставлявшей, помимо медикаментов, женское белье и канцтовары, был значительным, Ганецкий считал своим долгом, по возможности, оказывать из этих личных средств финансовую помощь польской социал-демократии (САКП), где он являлся одним из лидеров левого крыла, и большевикам, с которыми его связывали долгие годы совместной борьбы¹.

В конце 1917 года, когда роль Парвуса стала вполне очевидной, специальная комиссия САКП, рассмотрев «дело Ганецкого», заключила: «факт личных сношений и совместных торговых операций [с Парвусом] не влечет за собой факта политического сотрудничества». А посему комиссия «констатирует полную неосновательность обвинений Ганецкого в политическом сотрудничестве с Парвусом». К аналогичному выводу пришли и члены большевистского ЦК. Николай Бухарин в этой связи написал: «Я не знаю ни одного факта, который подтверждал бы выдвинутое против т. Ганецкого обвинение в спекуляции (поскольку под спекуляцией понимается нечто большее, чем обыкновенная торговля). Вопрос о допустимости торговли вообще можно обсуждать с той точки зрения, удобно или неудобно для социал-демократа (в моральном смысле) заниматься ею, но, во всяком случае, занятие торговлей не бросает никакой политической тени на т. Ганецкого»².

Сравнительный анализ материалов следственной комиссии Временного правительства и мемуаров Б.В. Никитина показал, что почтенный Борис Владимирович нередко шел на прямые передержки. Он писал, к примеру, о том, что одним из главных каналов перевода «немецких денег» от Суменсон к большевикам являлся Мечислав Юльевич Козловский — член ПК и Исполкома Петросовета. Ему, якобы по указанию Ганецкого, был открыт у Суменсон неограниченный кредит и регулярные единовременные выдачи достигали 100 тыс. рублей каждая. Между

¹ *Соболев Г.А. Тайна «немецкого золота»* С. 110, 111, 120, 121, 189, 406–408, 412, 415, 416; *Новый журнал*. 1967. № 87. С. 309.

² *Соболев Г.А. Тайна «немецкого золота»*. С. 402, 403, 416.

тем следствие установило, что за весь период 1916–1917 гг. присяжный поверенный Козловский — как юрисконсульт этой фирмы, получил у Суменсон в качестве гонорара лишь 25 424 рубля. Геннадий Соболев деликатно замечает: «В данном случае автора [Никитина] подвела не память, а версия, предложенная французской разведкой в июне 1917 года и с готовностью принятая им. В свою очередь Никитин подвел многих маститых историков, черпавших и продолжающих черпать из его книги доказательства в пользу этой версии»¹.

В специфической литературе, изобличающей заговоры «международного еврейства», до сих пор эксплуатируется также версия о поддержке большевиков «известным сионистом», владельцем «Ниа банкен» Олофом Ашбергом, который якобы направлял им миллионы из Стокгольма в Петроград. Однако и эта легенда не выдержала проверки. Установлено, в частности, что 2 миллиона, действительно переведенных Ашбергом в Питер, предназначались не большевикам, а являлись его личным вкладом в «Заем свободы» Временного правительства, с которым он весьма тесно сотрудничал².

Несостоятельным оказалось и обвинение в том, что на немецкие деньги издавалась большевистская «Правда». При разгроме ее редакции в руки контрразведки попала вся финансовая документация газеты и заведующий ее издательством К.М. Шведчиков. Все бумаги тщательно изучили эксперты, а Константина Матвеевича избили, а потом, — используя старый жандармский прием, — несколько дней задавали один и тот же вопрос: «Откуда брали деньги на издание?» И каждый раз он разъяснял, что «Правда» издается на рабочие сборы, которые всегда — с 1912 года — составляли ее финансовую базу. Что именно эти сборы, отчеты о которых ежедневно печатались в газете, позволили приобрести типографию. Что газета дает даже некоторую прибыль: при ежемесячных расходах примерно в 100 тысяч распространение ее тиража в июне дало 150 тысяч. Проверка отчетности подтвердила показания Шведчикова и его вынуждены были освободить. Подтвердили эти данные и более поздние подсчеты историков: с 5 марта по 25 октября 1917 года в фонд газеты «Правды» действительно поступило около 500 тысяч рублей³.

Рассыпались и другие аналогичные обвинения: на столь ненавистную «Окопную правду» деньги были отпущены Исполкомом Советов солдатских депутатов 12-й армии. На гельсингфорскую «Волну» средства поступили из судебной кассы броненосца «Республика» («Павел I»)⁴.

¹ Соболев Г.А. Тайна «немецкого золота». С. 185, 186.

² См. там же. С. 193, 194.

³ См. там же. С. 98, 182, 183.

⁴ См.: От Февраля к Октябрю. М., 1957. С. 122; Залежский В. Из воспоминаний подпольщика. М., 1931. С. 185; Соболев Г.А. Тайна «немецкого золота». С. 99.

Большевиcтский «Наш путь» субсидировал из казенных средств главноком Северного фронта генерал В.А. Черемисов, а главноком Юго-Западного фронта генерал А.Е. Гутор выделил для аналогичной цели 100 тысяч рублей.

А где же «немецкое золото»? Или не было его вообще? Конечно, было. В начале книги уже говорилось о том, что в годы войны каждая из воюющих держав тратила огромные суммы не только на ведение «открытых» боевых действий, но и на фронт «невидимый», на содержание шпионской сети, поддержку оппозиционных сил в стане противника и т. п. По данным Юрия Фельштинского, на так называемую «мирную пропаганду» Германия израсходовала 382 миллиона марок. Причем на Румынию или Италию было потрачено куда больше, чем на Россию. Но, видимо, даже такие большие деньги оказались недостаточными для таких небольших стран. Ибо они не помешали потом и Румынии, и Италии выступить в войне против Германии¹.

Что касается России, то когда военный атташе Франции в Стокгольме получил доступ к шведским банковским счетам, он якобы обнаружил там чековые книжки службы немецкой пропаганды, которые «использовали для оказания поддержки борьбы русских прогрессивных партий против царизма, они же обеспечивали субсидиями и некоторых крупных чинов царского правительства, находившихся за границей, с целью склонить их к мысли, что продолжение войны для России губительно»².

После Февральской революции, помимо расширения шпионской сети, значительные немецкие субсидии были направлены на подкуп редакторов некоторых солидных российских газет. Для этой цели был использован известный авантюрист Иосиф Кошько, выдававший себя за «либерального писателя» и бывший в свое время чиновником по особым поручениям у Витте. Им было получено 2 миллиона рублей, но его усилия не увенчались успехом. Деньги Кошько быстро истратил, успев — до своего ареста в мае 1917 года — приобрести на свое имя лишь газету «Петербургский курьер»³.

С российскими политическими партиями дело обстояло еще сложнее. Когда директор Федерального резервного банка Нью-Йорка У. Томпсон, прибыв в Россию во главе миссии американского Красного Креста, сунул Брешко-Брешковской конверт с 50 тысячами рублей на расходы по своему усмотрению, она спокойно приняла их. Ее поставили во главе «Гражданского комитета грамотности», на нужды которого Томпсон тут же перевел более 2 миллионов рублей, пообещав выделить еще 2 миллиона долларов. Благодарная Екатерина Константиновна зая-

¹ См.: Фельштинский Ю. Г. Крушение мировой революции. Лондон, 1991. С. 33.

² Соболев Г. А. Тайна «немецкого золота». С. 193.

³ См. там же. С. 28–30; Никитин Б. В. Роковые годы. С. 71, 72.

вила, что для «просвещения нашего темного народа» она готова принять любые суммы.

Между тем проблемы просвещения русского народа менее всего интересовали американцев. Деньги ассигновались на пропаганду, цель которой тот же Томпсон сформулировал ясно: удержать русских солдат в окопах и оттянуть на Восточный фронт максимальное количество немецких дивизий. Бывший американский госсекретарь Э. Рут, прибывший в Петроград в июне, требуя от Белого дома увеличения ассигнований на подобную пропаганду до 5 миллионов долларов, был еще более циничен: «Это стоило бы дешевле, чем содержание пяти американских полков, а перспектива удержания на фронте против Германии 5 миллионов русских во много раз ценнее пяти полков». Таким образом, заключал он, эти расходы обернутся для США «огромной выгодой».

Кстати, и Екатерина Константиновна не собиралась тратить на «просвещение нашего темного народа». Из полученного ею миллиона долларов большая часть ушла на создание эсеровской прессы в провинции и поддержку «Воли народа» — фракции Брешко-Брешковской в эсеровской партии. Но и это не считалось зазорным, ибо деньги все-таки исходили от «союзников»¹.

Что касается «немецкого золота» на «мирную пропаганду», то брать его в открытую рискнули лишь некоторые организации сепаратистского толка вроде финских «активистов» или украинских «самостийников». С другими так просто не получалось.

Уже упоминавшийся Карл Моор, безуспешно предлагавший в марте Ленину деньги на переезд в Россию, писал 4 мая 1917 года своим германским кураторам, что после бесед с некоторыми большевиками, меньшевиками и плехановцами он пришел к убеждению, что русские социалисты могут принять помощь лишь «из не вызывающего подозрений источника». Под таковым он имел в виду прежде всего самого себя и в мае, приехав в Стокгольм, вновь предложил свои услуги и кошелек большевикам².

В обширной «ленинградской» литературе стало уже общим местом утверждение о том, что большевики ради своих целей якобы никогда не брезговали даже самыми «темными» деньгами, что неразборчивость в средствах борьбы была вообще возведена у них в принцип. Спорить с подобными авторами нет смысла, ибо поиск истины менее всего интересует их.

Отметим лишь, что в данном случае, получив письмо Ганецкого о предложении Моора, Ленин в конфиденциальном письме отвечает:

¹ См.: *Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914–1917. Л., 1969. С. 358–360; *Соболев Г.А.* Тайна «немецкого золота». С. 218–220.

² См.: *Соболев Г.А.* Тайна «немецкого золота». С. 83, 84.

«Но что за человек Моор? Вполне ли и абсолютно ли доказано, что он честный человек? Что у него никогда и не было и нет ни прямого ни косвенного снюхивания с немецкими социал-империалистами? Если правда, что Моор в Стокгольме, и если Вы знакомы с ним, то я очень и очень просил бы, убедительно просил бы, настойчиво просил бы принять все меры для строжайшей и документальной проверки этого. Тут нет, т. е. не должно быть, места ни для тени подозрений, нареканий, слухов и т. п.». И когда позднее вопрос о предложении Моора поставили в ЦК, решение было резко отрицательным именно «ввиду невозможности проверить действительный источник предлагаемых средств и установить, действительно ли эти средства идут из того самого фонда, на который указывалось в предложении, как на источник средств Г.В. Плеханова...»¹.

Увы, письмо Ленина, отправленное в Стокгольм после 26 августа, а тем более решение ЦК от 24 сентября запоздали. 23 августа (5 сентября) в Стокгольме открывалась III Циммервальдская конференция, на которую съехались делегаты из многих европейских стран и Америки. А денег — ни на аренду помещения, ни на кормежку — не было. После ареста Суменсон и разгрома фирмы Ганецкого в России никаких средств из Петрограда не поступало. В этой критической ситуации, не имея никаких связей с ЦК, Радек, Ганецкий и Воровский взяли у Моора ссуду — около 200 тысяч швейцарских франков (38 430 долларов США по тогдашнему курсу)².

После завершения конференции 30 августа (12 сентября) у ее организаторов осталось 83 513 датских крон. Возможно, именно в связи с этим Николай Семашко, приехавший в сентябре из Стокгольма, и обратился в ЦК. Однако, как уже указывалось, ЦК отказался от «мооровских» денег и в Россию из них не попало ни кроны. Вопрос этот «закрыли» в январе 1926 года, когда «ссуда» Моора была полностью возвращена ему как сугубо частный заем³.

Американский историк Ляндрес, исследовавший и этот сюжет, остроумно заметил: «Принимая во внимание цели конференции и состав ее участников, можно с уверенностью сказать, что “немецкие деньги”, на которые она была устроена, были использованы в не меньшей мере против правительства кайзеровской Германии, чем против Временного правительства А.Ф. Керенского...»⁴

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 447; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 70.

² См.: Бордюгов Г., Козлов В., Логинова В. Личность, доктрина, власть // Коммунист. 1990. № 5. С. 64.

³ См.: Отечественная история. 1993. № 2. С. 134, 141, 142.

⁴ Ляндрес С. Немецкое финансовое участие в Русской революции. Россия в 1917 году. СПб., 1993. С. 63.

Выходит так, что наиболее важным каналом немецкой «поддержки революционного движения» являлась, видимо, деятельность, так сказать, штатных германских агентов в России. Борис Никитин рассказывает, как его сотрудники из числа старых профессиональных шпииков выследили некоего Степина, работавшего в немецкой компании «Зингер», который якобы просто платил за участие в антиправительственных выступлениях.

По сведениям русской контрразведки, в Германии печатали для этого мелкие купюры, они-то и пускались агентами в оборот. Причем, раздавая пятерки матросам и солдатам, Степин открыто заявлял, что «он “первый человек” у Ленина, что последний ему во всем доверяет и сам дает деньги». Никитин утверждает, что именно эти купюры были изъяты при июльских арестах у некоторых участников событий. Именно у «некоторых», ибо на всех «мятежников» не хватило бы и германской казны.

Злые языки утверждали, впрочем, что никаких «немецких денег» в карманах арестованных не было и под этим предлогом их просто обирали. Но сама версия о подобного рода действиях германских агентов вполне вероятна. А вот принять всерьез то, что Степин был «первый человек» у Ленина и именно от него получал фальшивые пятерки и десятки, можно было лишь при самой избыточной «ангажированности»¹.

Возможен был и другой — окольный путь проникновения «немецкого золота». Среди множества документов, введенных в оборот за последние десятилетия для доказательства «шпионства» Ленина и большевиков, основную массу составляет информация о расходах германского МИД и Генштаба на «мирную пропаганду в России», «для политических целей в России» и т. п. — без указания получателей данных средств. И лишь несколько документов действительно имеют отношение к интересующей нас проблеме.

Один из них — телеграмма статс-секретаря иностранных дел фон Кюльмана представителю МИД при Ставке 5 декабря 1917 года: «...Цель той подрывной деятельности, которую мы могли вести в России за линией фронта — в первую очередь поощрение сепаратистских тенденций и поддержка большевиков. Лишь тогда, когда большевики начали получать от нас постоянный приток фондов через разные каналы и под различными ярлыками, они стали в состоянии поставить на ноги их главный орган “Правду”, вести энергичную пропаганду и значительно расширить первоначально узкий базис своей партии»². Телеграмму эту Кюльман послал тогда, когда долгожданное перемирие на Восточном фронте

¹ См.: Никитин Б. В. Роковые годы. С. 104–107, 167, 246.

² Шуб Д. Политические деятели России (1850–1920-х гг.). Сб. статей. Нью-Йорк, 1969. С. 231.

стало, наконец, фактом. И вечный спор о том, кто сыграл в этом явном успехе более важную роль — дипломаты, шпионы или генералы, а стало быть, и крайнее преувеличение своих заслуг каждой из сторон было вполне естественным.

В марте–апреле 1917 года, когда возобновлялось издание «Правды», в кассе большевистского ЦК было действительно лишь 15 тысяч рублей. Текущие расходы составили около 10 тысяч. Поэтому для выпуска газеты ЦК занял у профсоюза трактирщиков 20 тысяч. И сразу же начались пожертвования и уже упоминавшиеся сборы по заводам и воинским частям. Повторим: с марта по октябрь они дали около полутора миллиона рублей¹.

Получило ли издание субсидии от немцев? На этот вопрос в июле ответила русская контрразведка: нет, не получило, «специальная экспертиза документов, изъятых в редакции, установила непричастность к изданию газеты “Правда” германского капитала»². Но слова Кюльмана о «разных каналах» и «различных ярлыках» все-таки необходимо учесть. И лазейку давали как раз сборы и пожертвования. Их перечень публиковался почти ежедневно и в подавляющем большинстве случаев указывалось, от какого цеха, мастерской, завода, воинской части, роты, команды они поступили и сколько человек в сборе участвовало. Эти данные вполне поддавались проверке. Были и совсем курьезные пожертвования: например от известного миллионера Нобеля³. Но были и поступления анонимные. Причем иногда довольно крупные — по 100, 300 рублей. Проверить их источник невозможно, хотя очевидно, что в общей сумме сборов они составляли мизерную часть.

Вероятно, прав был Суханов, когда писал об июльских днях: «В эти дни толковали, между прочим, что финансовые дела “Правды” в полном беспорядке, источники доходов из категории пожертвований и сборов не всегда точно установлены, и совсем не исключена возможность, что спекулирующие на большевиках темные элементы, хотя бы и германского происхождения, могли *без их ведома* подсунуть большевикам те или иные суммы ради усиления их деятельности и агитации. Это всегда могло случиться с любой партией или газетой в положении большевиков и “Правды”». Суханов полагал, что результатом деятельности правительственной следственной комиссии как раз и должна была стать полная реабилитация. «Ничего подобного, насколько я знаю, все же не было никогда установлено относительно Ленина и его партии»⁴.

¹ См.: *Соболев Г. А.* Тайна «немецкого золота». С. 97, 98.

² См. статью: *Анисимов Н. А.* Обвиняется Ульянов-Ленин // Военно-исторический журнал. 1990. № 11. С. 7.

³ См.: Речь. 1917. 1 и 9 июня.

⁴ *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 346.

В конце концов даже генерал Волкогонов, проштудировав 21 том материалов следственной комиссии, вынужден был признать: «Следствие пыталось создать версию прямого подкупа Ленина и его соратников немецкими разведывательными службами. Это, судя по материалам, которыми мы располагаем, маловероятно»¹.

В отличие от генерала, Ленин не знал о содержании указанных томов. Но он был уверен, что и следователи, и прокуроры, и вся «большая пресса», смаковавшая дело о «шпионстве», знают о лживости обвинений. И в те июльские дни он написал: «Контрреволюционная буржуазия... столько же верит в наше “шпионство”, сколько вожди русской реакции, создавшие дело Бейлиса, верили в то, что евреи пьют детскую кровь. Никаких гарантий правосудия в России в данный момент нет»². И вся история со «шпионством» есть действительно лишь «эпизод гражданской войны», когда по отношению к противнику не брезгают даже самыми грязными средствами.

Но нет ли в такой оценке преувеличения? На этот вопрос ответил экс-премьер-министр Львов. Уходя в отставку, он дал интервью журналистам...

На фронте еще продолжалось немецкое наступление. Еще считали убитых и раненых. А Георгий Евгеньевич откровенно заявил: «Наш “глубокий прорыв” на фронте Ленина имеет, по моему убеждению, несравненно большее значение для России, чем прорыв немцев на нашем юго-западном фронте». Сколько сентиментальных слов было излито со страниц либеральной и соглашательской прессы против опасности гражданской войны? И сколько обвинений в этой связи было адресовано большевикам? «А когда дошло до серьезного, решающего момента, — пишет Ленин, — князь Львов сразу и целиком признал... что “победа” над классовым врагом внутри страны важнее, чем положение на фронте борьбы с внешним врагом». Он оценивает «внутреннее положение России именно с точки зрения гражданской войны... Два врага, два неприятельских стана, один прорвал фронт другого — такова правильная философия истории князя Львова». Именно ради этой победы «буржуазия облила своих классовых врагов, большевиков, морями вони и клеветы, проявив в этом гнуснейшем и грязнейшем деле оклеветания политических противников неслыханное упорство»³.

Ленин не знал тогда, что за словами Львова стояло не только понимание «философии истории», но и вполне конкретные действия. 8 июля Верховный главнокомандующий Алексей Алексеевич Брусилов направил письмо всем командующим фронтами. И он тоже писал отнюдь не

¹ Волкогонов Д. Ленин. М., 1999. Кн. 1. С. 220, 221.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 8.

³ Там же. С. 18–20.

о положении на фронте. Нисколько не обольщаясь кажущейся «победой над большевиками», Брусилов понимал, что гражданская война неотвратима и готовиться к ней необходимо уже сейчас. А начинать надо с создания воинских частей, способных вести гражданскую войну. «События идут, — говорилось в письме, — с молниеносной быстротой. Повидимому, гражданская война неизбежна и может возникнуть ежеминутно... Несомненно, что с последним выстрелом на фронте все, что теперь еще удастся удержать в окопах, ринется в тыл, и притом с оружием в руках. Эта саранча, способная все поглотить на своем пути... К этому надо быть готовым так же, как и к надвигающейся гражданской войне, и противодействовать этому можно тоже, имея только части, сохранившие порядок. Время не терпит...» — заключал Главковерх.

А 11 июля Брусилов направляет ультимативное письмо Керенскому с требованием немедленного введения смертной казни. Генерал решил не пугать его гражданской войной, а сослаться на исторический прецедент. «История повторяется, — писал Алексей Алексеевич. — Уроки Великой французской революции, частью позабытые нами, все-таки властно напоминают о себе... И у них и у нас армия стала быстро разлагаться, и стройные ряды ее угрожали превратиться в опасную толпу вооруженных людей... Десятимиллионная темная масса не может оставаться без твердого руководства, и что нет власти, если она не может опереться на силу. Надо иметь мужество сказать решительное слово, и это слово — *смертная казнь*. Французы пришли к тому же выводу, и их победные знамена обошли полмира»¹.

Письмо, видимо, произвело впечатление. 12 июля смертная казнь была введена. А 16 июля в Ставке состоялось совещание. Присутствовали: министр-председатель Керенский, министр иностранных дел Терещенко, Верховный главнокомандующий Брусилов, начштаба Главковерха — генерал Романовский, главком Западного фронта — генерал Деникин и его начштаба — генерал Марков, главком Северного фронта — генерал Клембовский, комиссар Юго-Западного фронта Борис Савинков, генералы — Алексеев, Рузский, Гурко, Драгомиров, генерал-квартирмейстеры Романовский и Плющевский-Плющик, начальник морского штаба адмирал Максимов и капитан 1-го ранга Немиц, инспектор инженерной части генерал Величко и другие.

Совещание началось в 14 час. 40 мин. Прежде всего генералы выложили все свои обиды и, как говорится, излили душу. «Надо понять, — говорил Клембовский, — что делается в душах несчастных офицеров». Командира Сухинического полка ударили камнем по лицу. Ротного командира просто избили. «Стоит только офицеру слово сказать, как все

¹ Красная летопись. М.; Пг., 1923. № 6. С. 10, 11, 16.

вопят: “В окоп его, в окоп...” Только и слышно — “буржуй” да “взять в штыки”». Общую боль собравшихся выразил Антон Иванович Деникин. Положение офицерства чудовищное. В 703-м Сурамском полку солдаты убили героя войны генерала Носкова. В 182-м полку ранили командира полка. Офицеры подвергаются «нравственным пыткам, издевательствам... Их оскорбляют на каждом шагу, их бьют. Да, да, бьют. Но они не придут к вам с жалобой, — корил он Керенского. — Им стыдно, смертельно стыдно. И одиноко, в углу землянки, не один из них в слезах переживает свое горе...»¹.

Деникин не преувеличивал. Сохранился интереснейший дневник одного офицера. В нем поручик А.И. Лютер записал: «Сидишь как пень и думаешь... о грубости и варварстве. Не будь его — ей-богу, я бы был большевиком... Будь все сделано по-людски, я бы отдал им и землю, и дворянство, и образование, и чины, и ордена... Так нет же: “Бей его, мерзавца, бей офицера (сидевшего в окопах), бей его — помещика, дворянина, бей интеллигента, бей буржуя...” И, конечно, я оскорблен, унижен, истерзан, измучен»².

За годы войны офицерский состав армии изменился. В 1913 году он считывал немногим более 52 тысяч человек. Среди генералов дворяне составляли 89%, среди штаб-офицеров — 72,6% и обер-офицерства — 50,4%. К осени 1917 года численность офицерского корпуса достигла 296 тысяч. Из них 208 тысяч — на фронте. И все-таки доля дворян оставалась высокой. По данным конца 1916 года, они составляли в пехоте 43%, в артиллерии — 72, кавалерии — 76 и инженерных частях — 90% среди всех офицеров³.

Однако жупелом было не дворянство. Брусилов с горечью заметил, что в солдатских головах вся армия разделилась на «буржуев» и «пролетариев». И офицеров они «окрестили буржуями. Но по существу офицер — не буржуй. Он — самый настоящий пролетарий». Генерал Рузский добавил: «И генералы — пролетарии». Вот только солдаты никак не могут понять этого. «Я — генерал, главнокомандующий, — рассказывал Клембовский. — При встрече со мной, я часто видел, как у солдат тянется рука, чтобы отдать честь, но затем, подумав, он закладывает руки в карманы и вызывающе смотрит... В глазах их так и читаешь: “Плевать мне на тебя, хоть ты и главнокомандующий”». Брусилов согласился: во всех цивилизованных странах «отдание чести — это известный привет людей одной и той же корпорации. Для нашего простонародья не отдавать честь кому-нибудь значит — ему “плевать” на него»⁴.

¹ Красная летопись. С. 28, 29, 31, 61.

² Лютер А. Дневник офицера. Памятники Отечества. 1992. № 25. С. 156.

³ См. статью: Солнцева С. А. 1917: кадровая политика революции в российской армии // Отечественная история. 2004. № 3. С. 115.

⁴ Красная летопись. № 6. С. 29, 39, 40.

Впрочем, дело было не в оскорбленном самолюбии. Развал дисциплины, считали генералы, привел к развалу армии и полной утрате ею боеспособности. Об этом сказали все, но наиболее впечатляюще опять-таки Деникин. Он зачитывал оперативные донесения о жутких сценах отступления, об отказе от выполнения приказов, самовольном оставлении позиций, самострелах, массовой сдаче в плен, буйствах, грабежах, разгромах винных заводов при бегстве. «Третьего дня, — говорил Антон Иванович, — я собрал командующих армиями и задал им вопрос: “Могут ли их армии противостоять серьезному (с подвозом резервов) наступлению немцев?” Получил ответ: “Нет...” Я скажу больше: у нас нет армии»¹.

Его поддержал Рузский: «Картина нравственного состояния армии... не только грустная, но, я скажу прямо, гнусная... Из нашей армии сделали орду баранов... Сейчас у нас, как выразился главнокомандующий Западным фронтом, армии нет...» Согласился с ними и генерал Брусилев: «На фронте у нас армии нет, в тылу тоже...»²

Естественно, каждый говорил и о причинах. Керенский ожидал, что они прежде всего укажут на большевиков, о которых в эти дни говорили и писали все газеты. Ан нет! «Я слышал, что большевизм разрушил армию. Я это отвергаю, — решительно заявил Деникин. — ...Разрушили армию другие, проводившие разрушавшее армию военное законодательство последнего времени, люди, не понимающие быта и условий существования армии». И прежде всего — это кадровая чехарда, устроенная *Временным правительством*, когда «оплевывались офицеры и... до главнокомандующих включительно изгонялись, как прислуга». Это — солдатские *советы и комитеты*, породившие «дискредитацию власти начальников» и «многословие и многовластие в военной иерархии». И это, наконец, полная безнаказанность за тягчайшие военные преступления³.

Комиссар Борис Савинков попытался переложить вину за развал армии с Временного правительства на тяжкое наследие прошлого. «От старого режима, — сказал он, — нам в наследство досталась темная масса солдат, не веривших своему командному составу, неграмотная. Армия боялась и молчала. Угроза рухнула, и скрытые чувства вырвались наружу»⁴.

Однако относительно кадровой чехарды Деникин был прав. Современный исследователь С.А. Солнцева приводит данные о том, что с марта по август 1917 года от должности отстранили 140 генералов. Гучков начал с Романовых, уволив из армии, помимо государя, великих князей Николая Николаевича, Николая Михайловича, Сергея Михайловича,

¹ См.: Красная летопись. № 6. С. 21, 23, 53, 58.

² См. там же. С. 36, 37, 39.

³ Там же. С. 12, 22–25.

⁴ См. там же. С. 34.

герцога Мекленбург-Стрелицкого. А потом пошла всеобщая чистка или, как говорили в армии,— «избиение младенцев». Со своих постов были сняты 2 Верховных главнокомандующих, 5 командующих фронтами, 7 — армиями, 26 командиров корпусов, 56 начальников пехотных и 13 кавалерийских и казачьих дивизий, 13 — артиллерийских бригад и т. д. Такая кадровая политика, как рассказывал Деникин, породила «революционный карьеризм», когда в надежде получить повышение старшие офицеры «неистово машут красным флагом и по привычке, унаследованной со времени татарского ига, ползают на брюхе перед новыми богами революции так же, как ползали перед царями»¹.

В понимании того, что надо делать, генералы опять-таки были единомышленны. Прежде всего правительство должно подтвердить статус корпуса офицеров, улучшить их материальное положение, а главное — восстановить единоначалие и дисциплину. Далее, запретить всякие митинги. «Всякая агитация на фронте, — говорил генерал Рузский, — должна быть прекращена. Жонглирование словами, которых солдаты не понимают, очень вредно отражается на умах солдат, вносит смущение в их мозги, которые и без того шевелятся с трудом и едва понимают даже самые простые слова»².

Главное же — ликвидировать Советы и солдатские комитеты. «Их необходимо уничтожить, — заявил Алексеев, но, зная реальный расклад сил, тут же добавил: — Конечно, сразу сделать этого нельзя, к этому надо прийти постепенно». Брусиллов дополнил: «Что касается до войсковых комитетов, то их уничтожить нельзя, но комитеты должны быть подчинены начальникам, которые могут, в случае надобности, разогнать комитет». Деникин предложил начать их ликвидацию с ограничения функций «вопросами хозяйственными, бытовыми и просветительскими», предусмотрев суровые меры, карающие за превышение указанных полномочий. К комиссарам Временного правительства генералы отнеслись более терпимо, но и их предлагалось поставить в жесткие рамки, ибо, как заметил Деникин,— «в армии не может быть двухголовья, в армии должна быть одна голова и одна власть»³.

Итак, цели были определены. Оставалось лишь указать на методы их достижения. И поскольку Керенский был не только штатским, но и демократом, генералы стали втолковывать ему, что решить указанные вопросы можно лишь с помощью насилия и расстрелов. «Управление армией... не может основываться лишь на словесном убеждении массы», — говорил Клембовский. «Необразованных, неразвитых людей, — разъяс-

¹ См.: Отечественная история. 2004. № 3. С. 103, 104; Красная летопись. 1923. № 6. С. 61.

² Красная летопись. 1923. № 6. С. 38.

³ См. там же. С. 22, 31, 36, 40, 52, 62.

нял Брусилов, — нельзя сделать сразу разумными гражданами. Их надо привести к послушанию. Даже в Соединенных Штатах существуют такие суровые меры, как распинание солдата на земле (наподобие Андреевского креста), сажание на цепь. Сама по себе война, — справедливо заметил Алексей Алексеевич, — явление жестокое, неестественное, поэтому жестокими, неестественными мерами надо заставить солдат слушаться»¹.

Иных мер, кроме расстрела, утверждали генералы, в нынешних российских условиях не существует. В 5-й армии арестовали 8 тысяч солдат. Из них лишь 200 пойдут под суд. Теперь представьте себе, объяснял Владислав Наполеонович Клембовский, что военно-полевые суды станут приговаривать к самым суровым срокам наказания. И что? «Предавать суду? — Но тогда половина армии окажется в Сибири. Солдат каторгой не испугаешь. “На каторгу? Так что ж? Через пять лет вернусь, — говорят они, — по крайней мере, цел буду”». Причем все генералы требовали введения смертной казни не только на фронте, но и в тылу. Прежде всего по отношению к запасным частям, ибо «это, — как выразился генерал Алексеев, — толпы бездельников, вечно митингующих, а в остальное время лежащих и спящих». Александр Сергеевич Лукомский добавил: «Смертная казнь должна бы быть распространена на гражданских лиц, которые разлагают армию»².

Генералы с трудом сдерживали себя. Страсти разгорелись вокруг вопроса — для штатского человека, казалось бы, второстепенного. Перед наступлением воинским частям торжественно вручили новые красные знамена. Генералы, стиснув зубы, промолчали. И вот теперь все неприятие новых порядков выплеснулось наружу. «Мы выставили впереди красные знамена, заменив ими наши старые, славные знамена, — с горечью говорил Николай Владимирович Рузский. — За старыми знаменами люди шли, как за святыней, умирали. А к чему привели красные знамена? К тому, что войска теперь сдавались целыми корпусами, целыми корпусами бежали в тыл. Это — позор».

А с Антоном Ивановичем Деникиным просто случилась истерика. «Ведите Россию к правде и свету под красным знаменем свободы, — бросал он в лицо Керенскому, — а нам дайте возможность вести наши войска под нашими старыми знаменами, обвешанными победами... Не бойтесь начертанных на них остатков самодержавия: они давно уже стерты нашими руками. Вы — втоптали их в грязь, наши славные боевые знамена, вы и поднимите их, если в вас есть совесть...» Далее секретарь, подполковник Тихобразов, записал: «В сильном волнении генерал Деникин просит разрешить выйти на некоторое время. Министр-председа-

¹ См.: Красная летопись. 1923. № 6. С. 13, 39.

² Там же. С. 28, 30, 31, 34, 35.

тель жмет руку генералу Деникину и благодарит генерала за откровенно и правдиво выраженное мнение»¹.

Надо сказать, что тон и содержание речей Керенского во многом определялись составом аудитории. Будь перед ним солдаты, он, наверное, стал бы говорить о «великих идеалах свободы». Но здесь сидели старые боевые генералы. И любой намек на нерешительность, боязнь крови задевали Александра Федоровича, как говорится, за живое. «Я не буду, — начал он, — отвечать на нападки и вступать в область, носящую характер политического спора и сведения счетов с настоящей политической системой... Я объехал фронт не только, как говорил генерал Рузский, чтобы устраивать митинги... Кто первый усмирил сибирских стрелков? Кто первый пролил для усмирения непокорных кровь? Мой ставленник, мой комиссар».

Керенский стал рассуждать о том, что «недоверие к власти — болезнь общая, оставшаяся после старого режима. В армии это вылилось в отношениях к офицерам... То же сказалось и у рабочих, такое же недоверие к власти проявилось и в интеллигентских кругах. Я это испытываю на себе». Далее Александр Федорович заявил: «Я лично ничего не имею против того, чтобы сложить с себя должность военного и морского министра, отозвать комиссаров, закрыть комитеты. Но я убежден, что завтра же начнется в России полная анархия и резня начальствующих лиц. Такие резкие переходы не могут иметь места». А посему надо считаться «с историческим моментом и с тем, что возможно сделать в сегодняшний день... Вчера у меня были французы и англичане и провели параллель между французской и нашей революцией. Это не так. Мы не копируем вовсе французскую революцию, а повторяются лишь законы революции... Да, мы введем в армию революционный террор, но не для восстановления старого, а для поддержания нового». Главное сейчас: «учесть, что при данном соотношении реальных сил возможно сделать и чего нет»².

Этот мотив подхватил Терещенко. «Надо выждать, — говорил он. — Еще месяц назад введение смертной казни представлялось невозможным. Теперь она правительством принята единогласно, и введение ее никаких осложнений не вызвало, и население встретило это спокойно. Вводить же смертную казнь в тылу сейчас нельзя... Уничтожить комитеты сейчас нельзя. К этому надо прийти постепенно». Михаил Иванович намекнул генералам, что правительство уже «занято теперь разработкой мер, которые идут иногда даже дальше, чем предлагает генерал Деникин... Все мероприятия должны быть проведены постепенно, а не

¹ См.: Красная летопись. 1923. № 6. С. 27, 36.

² Там же. С. 41–44.

сразу, по мере пробуждения национального чувства, которое заметно выросло за последние 1,5–2 месяца»¹.

Заверение правительства о готовности принять предлагаемые меры успокоило генералов. «Напрасно вы, Александр Федорович, — сказал Рузский, — все принимаете на свой счет... Не вами испорчено, но все равно исправить-то дело нужно, иначе Россия погибнет. Было бы очень хорошо, — вырвалось вдруг у него самое сокровенное, — если бы правительство отрешилось, наконец, от боязни возврата к старому, — но, словно опомнившись, добавил: — Боязни не может быть, так как возврата к прошлому быть не может». Брусилов сказал более тактично: «Не в том дело, что будет у нас — республика или монархия, дисциплина все равно необходима, без нее армии нет»².

Обсудили вопрос о возможной эвакуации Петрограда. В прессе он уже обсуждался как вопрос о переносе столицы в исконно русский центр. Генералы заверили, что пока угрозы для Питера со стороны немцев нет, хотя теперь, сделал оговорку генерал Алексеев, когда вместо армии «осталась одна пыль человеческая, ни за что ручаться нельзя». А вот для ликвидации очага революционной заразы нужно вывезти из Питера вглубь России крупные предприятия, часть рабочих направить на рытье окопов и завершить расформирование гарнизона³.

Опасность со стороны немцев, предупредил Алексеев, угрожает Риге и Полоцку, «в этих местах возможен прорыв нашего фронта, что заставит нас отойти от Двины». Мысль о том, что армия не удержит фронта, высказал и Брусилов. Деникин сказал еще жестче: развал армии таков, что, возможно, придется иметь дело *«даже с отступлением к далеким рубежам»*⁴.

Все генералы одобрили предложение Брусилова о формировании особых частей — «ударных батальонов» и «батальонов смерти» — из числа «идейных офицеров и наиболее надежных и сознательных солдат», которые могли бы стать опорой в надвигавшейся гражданской войне. Деникин лишь дополнил: они пригодятся и при наведении порядка в самой армии «на случай необходимости применения вооруженной силы против неповинующихся». Комиссар Савинков и генерал Клембовский пошли еще дальше: необходимо уже сейчас «образование в тылу фронта крупной боевой единицы (корпус, если не целая армия) вполне надежной в смысле боеспособности», а также сосредоточить «всю мощь» военной власти в руках Главкома.

Совещание закончилось в 23 часа.

¹ Красная летопись. 1923. № 6. С. 45.

² Там же.

³ См. там же. С. 49–51.

⁴ См. там же. С. 39, 49, 62 (выделено мною. — В. А.).

Генерал Корнилов на нем не присутствовал. Сославшись на занятость, он остался на своем Юго-Западном фронте, где положение и на самом деле было сложным. Но он прислал телеграмму, которую по просьбе Лукомского огласили на совещании. Ее текст убеждает в том, что все необходимые меры, видимо, уже не раз обсуждались генералами между собой. Предложения Лавра Георгиевича совпали с высказываниями его коллег: поднять авторитет и материальное обеспечение корпуса офицеров, восстановить полностью их дисциплинарную власть, военно-полевые суды и смертную казнь на фронте и в тылу для военнослужащих; свести права солдатских комитетов к вопросам хозяйственным и внутреннего распорядка, карая любые попытки выйти за эти рамки; воспретить собрания, митинги, игру в карты и «ввоз» в воинские части большевистской литературы и агитаторов¹.

Программа Корнилова отражала мнение генералитета. Его авторитет в этой среде еще более вырос не столько в результате успешного начала наступления, сколько благодаря поведению при отступлении. Не дожидаясь санкций правительства и Главкома, он поставил на путях бегства заградотряды и, как рассказывает Деникин, — «приказывал расстреливать солдат, выставляя трупы их с соответствующими подписями на дорогах и видных местах»².

Никаких дерзостей в адрес правительства — на манер генералов Деникина или Гурко — телеграмма Корнилова не содержала. Ультиматумов — в отличие от Брусилова — Лавр Георгиевич не ставил. И 19 июля именно он был назначен новым Верховным главнокомандующим.

Ленин, естественно, ничего о совещании в Ставке не знал. Не знал он и о письме Брусилова от 8 июля командующим фронтами относительно необходимости подготовки к гражданской войне. Но даже из газет было очевидно, что вектор развития после июльских событий повернул не в сторону мирного демократического процесса. Наоборот, государственная власть в России явно сдвинулась к военной диктатуре. И уже 10 (23) июля, на чердаке емельяновского сарая, Владимир Ильич пишет четыре тезиса — «Политическое положение», которые позднее в партии станут называть «Июльскими тезисами».

Первый из них констатировал, что контрреволюция в России «укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки». Речь идет о военной диктатуре, которая направлена не только против большевиков. Суть ее политики состоит прежде всего «в подготовке разгона Советов».

Второй тезис обосновал вывод об окончании периода двоевластия. После Февраля оно существовало лишь потому, что за Советами стояла

¹ Красная летопись. С. 26, 31, 32, 52.

² См. там же. С. 17.

вполне конкретная сила. Но эсеро-меньшевистские лидеры, обладавшие большинством в Советах, оказались политическими банкротами. Они предали дело революции. «Узаконив разоружения рабочих и революционных полков, они отняли у себя всякую реальную власть». И бессильные «советские вожди» обрекли себя на роль пустейших говорунов до той поры, когда реакция «докончит свои последние приготовления к разгону Советов».

Третий тезис утверждал, что мирный период развития русской революции, тот путь, который большевики отстаивали с апреля 1917 года, кончился. Нынешняя власть не решит мирно ни одной из задач, поставленных после свержения самодержавия. Она не даст ни скорого мира, ни хлеба, ни земли крестьянам. Она не сможет предотвратить разруху и распад страны. Она не позволит самому народу участвовать в управлении производством и государством, то есть не допустит действительной демократии и свободы.

Весь арсенал средств, которыми контрреволюция будет добиваться своих целей, уже продемонстрирован: введение смертной казни, каторжные тюрьмы, применение внесудебных репрессий и массовых арестов, разоружение рабочих, разгром газет политических оппонентов и массированная клеветническая кампания против большевиков. А уж коли контрреволюция завладела этой властью силой, значит и отстранить ее от власти можно лишь с помощью насилия, то есть путем вооруженного восстания. И его необходимость определяется не чьим-то коварным умыслом или злой волей. «Объективное положение, — пишет Ленин, — либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих...»

Но из этого вытекает и другой вывод: нынешние Советы, отказавшись брать власть, утратили реальную силу, стали лишь «фиговым листком», прикрытием сговора соглашателей с контрреволюцией. А посему лозунг мирного периода — «Вся власть Советам!» — утратил прежний смысл и стал «уже неверен». Эти Советы не могут возглавить восстания. Памятуя об уроках июльских событий, Владимир Ильич пишет, что условия победы «теперь страшно трудны, но возможны...». Возможны в том случае, если восстание будет связано «с глубоким массовым подъемом против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны». И победа станет реальностью, если такая борьба создаст общенациональный кризис «в действительно массовом, общенародном размере».

А до этого — сплочение сил и организованность. Не поддаваться на провокации. Никаких авантюр или бунтов. Никаких заговоров и мятежей. Никаких разрозненных действий и безнадежных попыток по частям противостоять реакции. Главное сейчас — «ясное сознание положения,

выдержка и стойкость рабочего авангарда...» В этой связи в *четвертом* тезисе Ленин предлагает партии, «не бросая легальности, но и ни на минуту не преувеличивая ее... *соединить* легальную работу с нелегальной, как в 1912–1914 годах». Цель: «собрать силы, переорганизовать их и стойко готовить к вооруженному восстанию...»

К этим тезисам Зиновьев приложил записку о том, что «с некоторыми пунктами» он не согласен. И в тот же день, 10 июля, связные доставили ленинский документ в Питер¹.

«Крутой поворот»

С «Июльскими тезисами» путаница продолжалась довольно долго. Достаточно сказать, что на протяжении более чем 40 лет их вообще считали утерянными. И только в результате анализа, проведенного Александром Михайловичем Совокиным, удалось установить, что статья Ленина «Политическое положение» из кронштадтской газеты «Пролетарское дело» от 20 июля 1917 года это и есть искомый документ².

Тезисы Ленина, как уже отмечалось, в Питере получили 10 июля. И, если верить Володарскому, в тот же день они обсуждались на заседании ПК. Однако состав его участников был не полон. На нем явно отсутствовали выборжцы. И, судя по дневниковым записям Лациса — члена Исполнительной комиссии ПК, — он о тезисах тоже ничего не знал³. Содержание тезисов оказалось для многих питерских лидеров столь неожиданным, что решили обсудить их на расширенном совещании ЦК. Такое совещание ранее предполагали провести 10 июля для обсуждения проекта программы партии. Однако теперь проект отложили, а на обсуждение поставили те вопросы, которые необходимо было решить безотлагательно.

Расширенное совещание ЦК состоялось 13 и 14 июля. На нем присутствовали члены ЦК Сталин, Свердлов, Ногин; от Военной организации — Подвойский; от ПК — Володарский, Молотов, Савельев, Бокий; от МК — Ольминский и Бубнов; от Московского областного бюро — Бухарин, Рыков, Сокольников. Кто-то представлял и «Межрайонную организацию». Возможно — Урицкий или Иоффе, введенные в состав Оргбюро по созыву VI съезда.

¹ См.: Революционное движение в России в июле 1917 года. Июльский кризис. Документы и материалы. М., 1959. С. 186.

² См. статью: *Совокин А.М.* Расширенное совещание ЦК РСДРП(б) 13–14 июля 1917 года // Вопросы истории КПСС. 1959. № 4. С. 125–138.

³ См.: Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г. Протоколы и материалы. М.; Л., 1927. С. 56, 143; Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 114, 115.

Протоколы совещания до сих пор не обнаружены, но повестка дня известна: 1) о созыве съезда партии; 2) о тезисах Ленина; 3) о явке Ленина и Зиновьева на суд. Первый и третий вопросы споров не вызывали: съезд назначить на 25 июля, а Ленину и Зиновьеву «ни в коем случае не являться для ареста благодаря возможности насилия со стороны верных слуг старого строя и Керенского с компанией». Так изложил на заседании МК 15 июля это решение Ольминский. В обсуждении, возможно, участвовала и Крупская. Фраза: «Передают, что во время обыска у Ленина юнкера сказали: хорошо, что не нашли, а то повесили бы его» — вполне могла принадлежать ей¹.

Что касается второго вопроса, то именно он стал камнем преткновения и для участников совещания, и для многих историков, писавших о нем. А.М. Совокин, разделив всех участников дискуссии на «ленинское ядро» и «антиленинцев», утверждает, что в основу решений совещания легли ленинские тезисы. Сравнивая тексты, он приходит к выводу, что «почти все идеи В.И. Ленина нашли более или менее удовлетворительное решение в резолюции... [хотя и] в более осторожных, чем в тезисах, формулировках». Единственным вопросом, который не нашел «должного разрешения», стал вопрос «о снятии лозунга “Вся власть Советам!”»².

Иного мнения придерживались сами участники совещания. Спустя два дня, 16 июля, возобновила работу Вторая общегородская петроградская конференция большевиков. И в ходе обсуждения резолюции, принятой на совещании 14 июля, Савельев предложил поправку, начало которой, как он заявил, «почти дословно заимствовано из тезисов т. Ленина, отвергнутых на совещании, на котором победила точка зрения московской группы». Член ПК Глеб Бокий возразил: «На совещании никакой точки зрения московской группы не было. Против тезисов т. Ленина голосовало 10 человек, а представителей Москвы было всего 5». Председательствовавший на конференции Володарский подвел итог: «Поправка т. Савельева излишняя. Тов. Савельев хочет, чтобы мы, отвергнув тезисы т. Ленина, сделали ему словесную уступку»³.

Итак, 14 июля «Июльские тезисы» на совещании ЦК поддержки не получили. И дело было отнюдь не в кознях «антиленинцев». Американский историк Роберт Слассер, анализируя выступление Сталина на городской конференции, пишет: «Сравнивая доклад Сталина от 16 июля со статьей Ленина, написанной 10 июля, нельзя не заметить, что Сталин

¹ Революционное движение в России в июле 1917 года. Июльский кризис. Документы и материалы. С. 187.

² См.: Вопросы истории КПСС. 1959. № 4. С. 126, 128, 132, 133.

³ См.: Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г. Протоколы и материалы. С. 85, 86.

либо не сумел понять смысла ленинских положений, либо просто не желал их поддержать»¹.

Элемент недопонимания, конечно, был — это очевидно. Ольминский, к примеру, смысл дискуссии на совещании изложил так: «О Советах — обсуждался вопрос, как быть нашим товарищам после этой позорной травли; решили пока не выходить из Совета, а также и не подчиняться Совету. Выход связан и с другими Советами, т. е. провинцией, где наших большинство»². Но ни слова о «выходе из Советов», точно так же — это уже к историкам — как и указания «о снятии лозунга “Вся власть Советам!”», о чем пишет Совокин, ни «требования резко порвать с Советами», как утверждает Слассер, в ленинских тезисах не содержалось.

Когда нет ясности в мыслях, изложение их неизбежно становится крайне пространным. Если Ленину для характеристики положения потребовалось лишь 4 тезиса, то резолюция совещания состояла из 11 пунктов. Но и они не отвечали на вопрос — в чьих руках находится власть. У Ленина говорилось, что она перешла в руки контрреволюции и грозит военной диктатурой. В резолюции утверждалось, что власть обладает *двойственным* характером: с одной стороны, это мелкобуржуазная демократия, с другой — это представительство буржуазии и помещиков. И между ними идет торг, в ходе которого *усиливаются* позиции контрреволюции. Что касается Советов, то отметив, что их роль «падает», резолюция по-прежнему призывала к «сосредоточению всей власти в руках революционных пролетарских и крестьянских Советов». И, наконец, тезис о вооруженном восстании заменялся в данном документе на «подготовку сил к решительной борьбе», что, как оказалось, открывало простор для самых различных толкований³.

Впрочем, было бы наивным сводить разногласия лишь к «недопониманию». Оно само объяснялось прежде всего сложностью новой обстановки. И членов ЦК можно понять. В ряде регионов, например на Урале, откуда приехал Свердлов, или в Центральном промышленном районе, который представляли москвичи, во многих Советах большевики уже располагали большинством. Их голос в местных делах имел решающее значение. А о возможности «муниципального» пути развития революции в апреле говорил сам Ленин. Да и в «советском центре» — ЦИК не все казалось столь плачевным. Сталину, который после ареста Каменева частенько заглядывал туда, приходилось выслушивать сетования Чхеидзе на правительство, на разгул черносотенцев, на угрозы разгона. И он склонен был считать, что ЦИК еще не полностью интегрировался

¹ Слассер Р. Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции. М., 1989. С. 191.

² Революционное движение в России в июле 1917 года. Июльский кризис. Документы и материалы. С. 187.

³ Там же. С. 77, 78.

в новую правящую структуру; Советы «сохранили еще крупицу власти» и стремятся вернуть утраченные позиции.

Ленин не раз писал о том, что, находясь в гуще борьбы, будучи всецело поглощенным текущими событиями, трудно порой уловить происходящие глубинные сдвиги. Поэтому фраза — «со стороны виднее» и встречается столь часто в его статьях. «Дистанция», дающая иной угол зрения и иной масштаб мышления, бывает нужна и в политике. Шалаш в Разливе в какой-то мере давал ему такую «дистанцию».

«Шагах в полуторах от шалаша, — рассказывает Емельянов, — рос густой кустарник — ивняк... Такая была чаша, что не пройти... В гуще ивняка я вырубил несколько кустов, и получилась зеленая беседка. Подойдешь вплотную — никого не увидишь». Вот тут-то, вдали от «суетни, хлопотни, делишек», о которых Владимир Ильич писал когда-то Инессе Арманд, он и работал, сидя на чурбачке и положив бумагу на колени¹.

О резолюции, принятой 14 июля, Ленин узнал в тот же или на следующий день. И он сразу садится писать статью «К лозунгам». Совокин прав: эта работа — прямой ответ на решения совещания ЦК. «Слишком часто бывало, — пишет Владимир Ильич, — что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл “внезапно” настолько же, насколько “внезапен” был крутой поворот истории». Коренной вопрос всякой революции, продолжает Ленин, есть вопрос о власти. Но власть бывает формальной и *реальной*. Расхождения между ними весьма существенны. С 27 февраля по 4 июля «власть находилась в колеблющемся состоянии. Ее делили, по добровольному соглашению между собой, Временное правительство и Советы... Оружие в руках народа, отсутствие насилия извне над народом — вот в чем была *суть* дела». Тогда лозунг «Вся власть Советам!» открывал возможность наиболее *желательного* и самого *безболезненного* мирного пути развития революции².

Теперь колеблющееся состояние власти, отмечает Ленин, прекратилось. И не только потому, что обессилели Советы, но и потому, что в противоборствующем стане «буржуазия об руку с монархистами и черной сотней», консолидировавшись, отдала фактическую государственную власть в *решающем месте*, в столице, в руки военной клики, опирающейся «на привезенные в Питер реакционные войска, на кадетов и на монархистов». И взять эту власть мирно сейчас уже нельзя³. То, что

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 285; Сб. История пролетариата СССР. 1933. № 4 (16). С. 159.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 10, 11.

³ Там же. С. 12, 13.

в Кыштыме или Кунгуре, или даже в Иваново-Вознесенске или Кронштадте большинство в Советах шло за большевиками, проблему власти в *стране* не решало. Когда в июльские дни в Нижнем Новгороде, Твери, Владимире, Липецке некоторые воинские части попытались выступить, Керенский направил в Нижний карательную экспедицию во главе с командующим Московским военным округом полковником Верховским, который 7 июля силой — тоже, между прочим, с согласия Советов — принудил «смутьянов» разоружиться.

Не правы были те участники совещания ЦК, которые считали, что отношение Ленина к Советам связано с их соучастием в «травле большевиков». Предполагать, замечает Владимир Ильич, что из чувства «мести» партия не станет поддерживать Советы против попыток их разгона, означало бы перенесение «мещанских понятий о морали» на политику рабочего класса. Против контрреволюции, «для пользы дела», большевики поддержат и эти эсеро-меньшевистские Советы. Но сам факт того, что лидеры ЦИК жалуются на угрозу разгона, а тот же Федор Дан патетически призывал «*вырвать штык из рук военной диктатуры*», лишний раз показывает, пишет Ленин, что «они — ноли; они марионетки, что реальная власть не у них... В данную минуту эти Советы похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат. Советы *теперь* бессильны и беспомощны перед победившей и побеждающей контрреволюцией». И полагать, что можно «подтолкнуть» их, заставить «исправить ошибку» и вернуть утраченную власть, было бы наивным ребячеством.

Это в детской игре, напишет позднее Владимир Ильич, вполне возможна ситуация, когда Катя «по собственному желанию» уступает мячик Маше. И поскольку это игра, то возможно, что Маша «вполне легко» вернет мячик Кате. «Но на политику, на классовую борьбу переносить эти понятия кроме российского интеллигента не многие решатся»¹.

Пройдет всего несколько дней и 21 июля, настаивая на вхождении кадетов в состав нового правительства, Керенский заявит об отставке. «Принять отказ Керенского, — пишет Милуков, — ввиду его тогдашней репутации в стране было невозможно, а разыгрывать сцену из Бориса Годунова тоже не хотелось...». И вот на ночном заседании в Малахитовом зале Зимнего дворца начался торг. Кадеты настаивали на полном отстранении Советов от власти. Чхеидзе отчаянно сопротивлялся. Вдруг, в разгар прений, Максим Винавер сорвался: «Так возьмите всю власть себе, — адресовался он к Чхеидзе, — мы вам ее отдаем; вместо того, чтобы критиковать власть, несите за нее и ответственность». Смущенный

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 12, 15, 17, 125; Речь. 1917. № 160. 11 июля. С. 3.

вид Чхеидзе, — замечает Милюков, — и его несвязный ответ, конечно, сразу показал, что предложение попало в самую точку... Из прений было вынуто жало, и тон их сразу упал. Оставалось придумать приличную формулу, чтобы без обиды для партийных самолюбий преподнести Керенскому диктатуру»¹.

Об этих торгах Ленин не знал. Но продолжая рассуждать о «детских играх» Кати и Маши, он написал: «В политике добровольная уступка “влияния” доказывает такое бессилие уступающего, такую дряблость, такую бесхарактерность, такую тряпичность, что “выводить” отсюда, вообще говоря, можно лишь одно: кто добровольно уступит влияние, тот “достоин”, чтобы у него отняли не только влияние, но и право на существование». Политика — это не детская игра. Власть не «дают», а тем более «не отдают». Поэтому лозунг перехода власти к Советам, оставленный совещанием ЦК 14 июля, пишет Ленин, может быть истолкован как требование передачи власти *этим* Советам. Он «звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг, объективно, был бы обманом народа...» Он лишь укрепляет иллюзию, «будто можно бывшее сделать небывшим»².

Из цензурных соображений Ленин принимает замену Сталиным слов «вооруженное восстание» на «решительную борьбу». Но он выступает против тех, кто на совещании ЦК опасался, что «говорить сейчас о решительной борьбе значит поощрять разрозненные выступления...» Владимир Ильич пишет: «Рабочие России уже достаточно сознательны, чтобы не поддаваться на провокацию... Что решительная борьба возможна лишь при новом подъеме революции в самых глубоких массах, это тоже бесспорно». Ясно и то, что впереди «будут еще многообразные этапы» и в случае «окончательной победы контрреволюции», и в случае «нового подъема новой революции». Задача партии как раз и состоит в том, чтобы из этих «многообразных» вариантов реализовался второй. А для этого «не достаточно говорить о подъеме революции... Надо учесть именно наши уроки. А этот учет даст именно лозунг решительной борьбы против захватившей власть контрреволюции»³.

Дата написания статьи «К лозунгам» давалась слишком неопределенно — «середина июля». Между тем есть основания полагать, что она была готова утром 16 июля для передачи Сталину. Именно 16-го он должен был выступать с докладом на Второй общегородской конференции. И, возможно, именно к этому моменту относятся воспоминания Орджоникидзе...

¹ Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 180, 181.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 12, 13, 125.

³ Там же. С. 16, 17.

Он рассказывает, что примерно «через несколько дней» после отъезда Ленина из Питера, Сталин послал его к Владимиру Ильичу за «директивами». Приехал он в Разлив ночью, и сын Емельянова на лодке отвез его на другой берег озера. «...Пошли по кустарнику. Я решил, что т. Ленин живет на какой-нибудь даче. Вдруг мы остановились около сенокоса, где стоял небольшой стог сена. Мальчик окликнул по имени кого-то. Вышел какой-то человек. Он оказался отцом этого мальчика. Поздоровался с ним. Объяснил ему в чем дело... В этот момент подходит ко мне человек, бритый, без бороды и усов. Подошел и поздоровался. Я ответил просто, сухо. Тогда он хлопает меня по плечу и говорит: “Что, т. Серго, не узнаете?” Оказалось, что это тов. Ленин... Беседу перенесли в “апартаменты” Ленина и Зиновьева. Таковыми оказался стог сена... Долго я рассказывал, что делалось в городе в их отсутствие, каково настроение среди рабочих, солдат, что делается в нашей организации, в Петроградском Совете, в меньшевистском ЦИК и т. д. Владимир Ильич, выслушав меня и задав ряд вопросов, сказал: “Меньшевистские советы дискредитировали себя... Власть у них отнята. Власть можно взять теперь только путем вооруженного восстания, оно не заставит ждать себя долго”»¹.

Мы знаем, что, принимаясь за статью «К лозунгам», Ленин имел в своем распоряжении резолюцию совещания ЦК 14 июля. Вероятно, именно ее и привез 15-го Орджоникидзе. Его пересказ слов Владимира Ильича достаточно близок к содержанию статьи «К лозунгам» — и здесь он вполне точен. Возможно и то, что во время данной встречи Ленин действительно посоветовал питерцам «перенести центр тяжести на фабзавкомы». А вот когда Серго пишет, что в шалаше не было никакой еды, кроме черного хлеба и селедки, то это — чистейшее мифотворчество. Весьма сомнительно и его утверждение о том, что Владимир Ильич якобы был уверен, что «не позже августа — сентября власть перейдет к большевикам и что председателем правительства будет Ленин». Размышления Ильича в статье «К лозунгам» о предстоящих «многоэтапных» и возможности «окончательной победы контрреволюции» никак не вяжутся с данной версией. Видимо, разговор подобного рода произошел во время второго приезда Серго в Разлив. Но об этом — позже...

Беседа с Орджоникидзе продолжалась довольно долго. «Свежее сено, — пишет он, — пахло великолепно, было тепло... [И] разговор был прерван, так как я от усталости незаметно уснул. Утром вместо 6 часов я проснулся в 11. К этому времени Владимир Ильич приготовил ряд маленьких статей, письма к Сталину и другим товарищам. Я взял их, по-

¹ Воспоминания о В.И. Ленине: В 5 т. Т. 2. М., 1969. С. 148.

прощался и ушел»¹. Так что в Питер Серго опоздал. И когда утром 16-го конференция открылась, Сталин «директивы» еще не получил. Поэтому он, вопреки повестке дня, предложил сначала выступить с отчетом ЦК об июльских событиях, а основной «Доклад о текущем моменте» сделать на вечернем заседании. Так и поступили.

В основу доклада Сталин положил мысль о том, что характерной чертой данного момента является третий кризис власти. Первый — февральский — был кризисом царской власти. Второй — апрельский — кризисом первого Временного правительства. В июле произошел кризис коалиционного правительства, контрреволюция победила. «Мирный период развития революции кончился. Настал новый период, период острых конфликтов, стычек, столкновений. Жизнь будет бурлить, кризисы будут чередоваться». Основные задачи: 1) выдержка; 2) возобновление и расширение организаций; 3) шире использовать легальные возможности работы².

Возможно, так бы все и обошлось. Но оказалось, что делегаты конференции знали об «Июльских тезисах» Владимира Ильича. «Группа конференентов, — записано в протоколе, — просит огласить тезисы т. Ленина. Сталин сообщает, что у него нет с собой этих тезисов, но они сводятся приблизительно к трем положениям: 1) контрреволюция победила; 2) [измена вождей мелкобуржуазных партий] и 3) “Вся власть Советам!” — является в настоящей обстановке донкихотским лозунгом...»³. Подобное резюме весьма упрощенно толковало ленинские тезисы. Но фраза Сталина о «донкихотском лозунге» повторила текст статьи Владимира Ильича «К лозунгам». Значит, получил он ее...

Делегат конференции Масловский задает Сталину вопрос: «При будущих конфликтах, а возможно и вооруженных выступлениях, в какой мере будет содействовать наша партия этому и выступит ли она во главе вооруженного протеста?» Затем следует вопрос делегата Иванова: «Каково наше отношение к лозунгу “Власть Советам”?» То есть те главные вопросы, которые Сталин хотел обойти, были заданы, как говорится, прямо в лоб.

Масловскому он ответил достаточно уклончиво: «Надо предполагать, что выступления будут вооруженные и надо быть готовыми ко всему. Будущие конфликты будут более острые, и партия умыть руки в них не должна». Ответ Иванову был более определен: «Можем ли мы остаться при старом лозунге: “Вся власть Советам”? Само собою нет.

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 418, 419.

² См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 3. С. 120, 121.

³ Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г. Протоколы и материалы. С. 71; *Совокин А.М.* Расширенное совещание ЦК РСДРП(б) 13–14 июля 1917 года // Вопросы истории КПСС. 1959. № 4. С. 129.

Передавать власть Совету, который на деле молчаливо идет рука об руку с буржуазией, значит работать на своего врага»¹.

В начавшихся прениях против снятия прежнего лозунга выступили Харитонов, Володарский, Вейнберг, Ровинский, Медведев. И главный их аргумент состоял в том, что говорить о победе контрреволюции рано. Ленинские тезисы защищали Савельев, Молотов, Павлов и Слуцкий. В заключительном слове Сталин обострять дискуссию не стал. Он предложил принять резолюцию расширенного совещания ЦК 14 июля, которая теперь не дотягивала даже до его собственных выступлений на этом заседании.

Голосование, проходившее на следующий день без него, выявило, между прочим, ту группу, которая сплоченно сопротивлялась принятию данной резолюции. От имени делегатов Выборгского района рабочий Виктор Николаевич Нарчук сделал заявление: «Так как не были оглашены тезисы Ленина и резолюцию защищал не докладчик, они воздерживаются от голосования». К ним присоединились и некоторые делегаты Московского и других районов. Результат получился почти скандальным: резолюцию ЦК приняли 28 голосами против трех и 28 воздержавшихся².

Судя по всему, «фигура умолчания» относительно ленинских тезисов не была случайной. На прошедших до середины июля большевистских конференциях Юго-Западного края, Урала, Донбасса, на V съезде социал-демократии Латышского края отмечали и переход контрреволюции в наступление, и предательство меньшевиков и эсеров. Но о коренном переломе в развитии революции не говорилось ни слова. Разосланные на места резолюции совещания ЦК 14 июля и Второй петроградской конференции — с теми или иными поправками — были приняты Калужской губернской, Владимиро-Гусевской районной, Средне-Сибирской районной, Бакинской конференциями. Но урок голосования на питерской конференции даром не прошел. Тезисы Ленина — в отредактированном Сталиным варианте, решили опубликовать как сугубо авторскую статью. 19 июля в кронштадтской газете «Пролетарское дело» печатается статья Сталина «Торжество контрреволюции». А на следующий день, 20 июля, за никому не известной подписью «W», под названием «*Политическое настроение*» — тезисы Владимира Ильича.

По существу в партии вновь началась дискуссия. Но если в апреле тезисы Ленина получали все большую поддержку по мере приближения к партийным «низам», то теперь именно с «низов» шли резолюции рабочих и солдатских собраний, поддерживающих большевиков, осуждавших соглашателей, но по-прежнему требовавших передачи всей власти

¹ См.: Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г. Протоколы и материалы. С. 68, 69.

² См. там же. С. 88.

Советам¹. Вопрос о форме будущей власти заслонил главное — оценку перелома, произошедшего в развитии революции. Итог этой «странной» дискуссии — странной потому, что в отличие от апрельской, суть ее всячески затушевывалась, — должен был подвести VI съезд РСДРП.

В «Биографической хронике» Ленина указывается, что накануне съезда Сталин встретился с Лениным. Ссылка на архив — ЦПА ИМА, ф. 4, оп. 3, д. 813. И Роберт Слассер с грустью заметил, что «пока не будут полностью открыты архивные материалы, мы можем лишь догадываться о содержании их беседы». Увы, о содержании их беседы мы не догадаемся никогда. Ибо есть основания полагать, что такой встречи не было вообще².

Документ, который имели в виду составители биохроники, есть не что иное, как поздний вариант воспоминаний Н.А. Емельянова, который — со всеми сопутствующими материалами — хранится в бывшем ЦПА, а ныне РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 599, 601. Этот пакет документов рассказывает достаточно характерную для 30–50-х годов прошлого века историю...

Во всех первых вариантах воспоминаний, написанных в 20-х и начале 30-х годов, Николай Александрович ни разу не упомянул о посещении шалаша Сталиным, Свердловым, Дзержинским — тех, кого с 30-х годов стали именовать «ленинским ядром ЦК». И в вышедшем в 1935 году первом томе «Истории гражданской войны в СССР», в главе о VI съезде, авторы были вынуждены ограничиться замечанием: «Ленин был связан с руководителями съезда и давал им необходимые советы»³.

Но по мере того, как все более усиливался «культ личности», такое положение становилось нетерпимым. И в том же 1935 году Емельянов, его жена, а потом и сын Николай — неизменный спутник Владимира Ильича в Разливе — были арестованы. После допросов 64-летний Николай Александрович заболел, оглох и «вспомнил», что Сталин приезжал в шалаш «раза два». Его и Надежду Кондратьевну выпустили, а Николай погиб. С тех пор — даже после смерти Емельянова в 1958 году — во всех интервью и «литературных записях» его воспоминаний всегда содержалось упоминание о приезде Сталина, Дзержинского, Свердлова и т. д.

В 1946 году, когда издавались сочинения Сталина, директор ИМЭЛ В. Кружков написал помощнику Сталина Поскребышеву о том, что Емельянов вспомнил о двух приездах Иосифа Виссарионовича в Разлив. По-

¹ См.: *Знаменский О.Н.* Июльский кризис 1917 года. М.; Л., 1964. С. 180, 247–250, 258.

² См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 304; *Слассер Р.* Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции. С. 193; РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 601; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 412.

³ См.: Красная летопись. 1922. № 4; Красный флот. 1924. № 2. С. 44; История пролетариата СССР. 1933. № 4 (16); История гражданской войны в СССР. М., 1936. Т. 1. С. 190.

скребышев ответил: «Тов. Сталин подтверждает приезд к Ленину в Разлив *дважды*». В 3-й том сочинений Сталина этот факт не включили. А вот в исторической литературе он стал фигурировать. Лишь в 1982 году сын Емельянова Александр Николаевич официально заявил «со всей партийной ответственностью, что И.В. Сталин (Джугашвили) к В.И. Ленину не приезжал»¹.

Достоверным источником об этих днях являются воспоминания рабочего Александра Шотмана, знакомого Владимиру Ильичу еще по питерскому «Союзу борьбы» и II съезду РСДРП. В 1921 году, когда все участники событий были живы, он опубликовал в «Правде» статью «Тов. Ленин в подполье (июль—октябрь 1917 г.)»². Шотман пишет, что он «получил приказ ЦК переправить тов. Ленина» в Финляндию. Решение это, судя по всему, последовало после публикации 22 июля уже упоминавшегося сообщения прокурора Петроградской судебной палаты. Связи с финнами у Александра Васильевича были обширными. Существовали и другие причины, объясняющие — почему выбор пал на него. За членами ЦК и ПК, которые «оставались в Питере на свободе, — отмечает Шотман, — была установлена тщательная слежка... Малейшая неосмотрительность могла привести к аресту, а в то время арест для Ленина был равносителен убийству».

Далее Шотман описывает, как он приехал в Разлив и как сынишка Емельянова повез его на лодке. «После путешествия около получаса по заливу и десятиминутной ходьбы среди болотистого кустарника мы подошли к огромному стогу сена... После данного мальчиком сигнала к нам вышли два человека... О том, что т. Зиновьев находится вместе с Лениным, я знал раньше, поэтому не удивился, увидев их вместе».

В 1924 году, когда после смерти Ленина вокруг истории Октября разгорелась острейшая дискуссия, «Правда» опубликовала цитированные выше воспоминания Орджоникидзе. В них он упоминает, что после первого визита в ночь на 16 июля «мне еще раз пришлось съездить к Ильичу: возил к нему тов. Шотмана, который устроил переезд Владимира Ильича в Финляндию, и больше Владимира Ильича я не видел до 24 октября...»³

Тогда же Шотман вновь публикует свои воспоминания. Он подтверждает, что постановление ЦК о переезде Ленина получил от Орджоникидзе. Но в Разлив ездил один. «После этого, — пишет Александр Васильевич, — я в продолжение двух с лишним недель, через день — два приезжал к ним из Питера, носил провизию, газеты и пр.». Ленин уехал

¹ РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 599.

² Правда. 1921. № 251. 6–7 ноября. С. 6.

³ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 419.

из Разлива не позднее 6 августа. Значит, первый визит Шотмана состоялся примерно 23–25 июля.

И все-таки отрицать возможность второго приезда Серго в Разлив — если и не в первый визит туда Шотмана — не стоит. Но состоялся он в другой связи и немного позже — во время VI съезда партии. Любопытно, что и Орджоникидзе, и Шотман буквально дословно излагают один и тот же эпизод. Накануне поездки к Ленину Шотман якобы услышал в ПК фразу Михаила Лашевича: «Вот посмотрите, Ленин в сентябре [у Серго: «в августе–сентябре». — В. А.] будет премьер-министром!» И когда Александр Васильевич рассказал об этом, «Ленин очень спокойно ответил: “В этом нет ничего удивительного...” Я, признаться, немного опешил... Заметив мое удивление, Владимир Ильич стал обстоятельно мне объяснять, как будет развиваться русская революция»¹. Достоверность фразы Лашевича в пересказе Орджоникидзе и Шотмана вызывает определенные сомнения. Есть третий свидетель — Маргарита Фофанова. Она рассказывает, как после июльских событий они собрались как-то в ПК и стали корить Лашевича, как одного из руководителей «военки», за поражения. И отвечая на нападки секретаря Выборгского райкома Жени Егоровой, сидя на подоконнике и болтая ногами, Михаил сказал: «А все-таки скоро власть будет в наших руках»².

Как видим, ни упоминания о «премьерстве» Ленина, ни каких-либо сроков эта фраза не содержала. Но всем хотелось в этот момент «чего-то оптимистичного». И слова Лашевича, переходя «из уст в уста», определенным образом трансформировались. В таком виде они и дошли до Орджоникидзе и Шотмана, которых в тот момент в ПК не было. Тем более что во второй половине июля для оптимизма действительно появились некоторые основания.

21–22 июля в Петрограде прошло совещание, история которого освещалась явно недостаточно. Роберт Слассер вообще относил сам факт его проведения к «фантазиям» Троцкого. Между тем отчет об этом совещании опубликован в газете «Рабочий и Солдат» № 3, 26 июля 1917 года...

С середины июля в столицу стали приезжать солдаты-фронтовики с наказами, «протестующими против смертной казни, против всех последних мер усмирительного “спасения” революции... Голос фронтовиков вопиющей правдой резанул по ушам верховных пастырей ЦИК, последние взяли фронтовиков под подозрение, обозвали самозванцами и не допустили для доклада на собрание пленума ЦИК... Несколько дней околачивались они в Таврическом дворце». Впору было возвращаться обратно в окопы ни с чем. Но...

¹ См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 418, 422, 423.

² РГАСПИ, ф. 4, он. 2, ед. хр. 2152.

21 и 22 июля на Выборгской стороне «глухо, почти подпольно» прошло совещание. В нем участвовали упомянутые выше делегаты 29 полков всех фронтов, 35 делегатов моряков и солдат Кронштадта и его фортов, еще 12 — от заводов Кронштадта и окрестностей Питера, а главное — 103 представителя 90 столичных фабрик и заводов и 15 делегатов от заводских организаций. Всего 200 человек. Проверили полномочия присутствующих. Оказалось, среди фронтовиков есть делегаты не только полковых, но и армейских комитетов, что некоторые из них считают себя эсерами и меньшевиками. Но когда начались выступления, их голоса слились в общий хор. «На совещании говорили преимущественно солдаты, простые, не искусные в ораторстве. Но речи их потрясали своей бесхитростной, беспощадной повестью о том, что творится в армии. И звучали как неумолимый приговор...»

В конце первого дня совещания составили список вопросов делегатов к ЦИК Советов. Ответ, полученный на следующий день, вызвал всеобщее возмущение. «С трудом удалось присутствовавшим рабочим-большевикам, — говорится в отчете, — сдерживать фронтовиков». В конце концов *единогласно* была принята резолюция, отразившая и настроения и пестроту состава данного собрания. В ней содержались требования отмены смертной казни и расследования случаев ее применения, прекращения арестов рабочих и матросов, а также покушений на права солдатских комитетов со стороны командных верхов, возобновление издания закрытых рабочих и солдатских газет и т. д. Что касается общеполитических требований, то призывы к ЦИК прекратить переговоры с кадетами о новой коалиции и «*взять власть в свои руки*» соседствовали с обширными фрагментами из резолюции совещания большевистского ЦК 14 июля о необходимости «подготовки сил к решительной борьбе» и сосредоточении «всей власти в руках революционных Советов».

В опубликованном отчете о совещании нет ни малейших следов присутствия на нем большевистских лидеров. А вот о том, кем были те рабочие-большевики, которые собрали делегатов и, по сути, определили ход обсуждения, говорит уже знакомая нам подпись секретаря совещания: Виктор Николаевич Нарчук.

Необходимо отметить, что для тех, кто нашел отмычку для анализа поступков Ленина в его якобы «безудержном стремлении к власти», рассказ Шотмана о скором «премьерстве» Владимира Ильича стал сущей находкой. Но вот беда: в том, что события ведут именно к такому результату, были уверены не только Лашевич и Ленин. Даже его непримиримый оппонент Милюков полагал, что после июльских событий «за Керенским уже вырисовывался либо Корнилов, либо Ленин». По всем своим «законам», считал он, революция — если Корнилов не остановит ее силой оружия, — неизбежно докатится до логического конца, до реа-

лизации своих требований, которые в сознании масс все более связывались с именем Ленина. Поэтому альтернатива и сводилась к этим фигурам: или Корнилов, или Ленин. И затяжка с решением главных вопросов революции — о мире, о земле, о национальном и государственном устройстве России — все более склоняла чашу весов в пользу Ленина. Ибо «чем дальше, тем больше выяснялось, — отмечал Павел Николаевич, — что во многих вопросах нельзя далее ждать, ибо ожидание было равносильно *предрешению* вопроса»¹.

Наверное, о тех же «законах» революции, хотя и по-иному, говорил Шотману и Владимир Ильич. Разница лишь в том, что приведенные выше строки Павел Николаевич написал уже в эмиграции, спустя много лет. А тогда, в июле, он был непримирим. «Мы считали необходимым, — заявлял Милюков, — чтобы министр-председатель [Керенский] или уступил место, или во всяком случае взял бы себе в помощники авторитетных военных деятелей. И чтобы эти авторитетные деятели действовали с подобающей самостоятельностью и независимостью». На заседании кадетского ЦК 19–20 июля его предложение об установлении диктатуры без «социалистов» поддержали П.И. Новгородцев, А.А. Кизеветтер, Д.Д. Протопопов. Но большинство ЦК, особенно провинциалы, настаивали на том, чтобы коалицию сохранить. Общие опасения сформулировал самарский кадет А. Васильев: «Уход социалистов — это крах армии, бунты в городах, поджоги в деревнях». Но, что еще важнее, такой же точки зрения придерживался английский посол сэръ Джордж Бьюкенен: «Кадеты не имеют на своей стороне армии, а потому для них преждевременно принять на себя управление с надеждой на успех». Значит, оставалось, как выразился Милюков, — «наименьшее зло» — Керенский².

В конце концов после сложных интриг, шантажа отставками, ночных переговоров в Малахитовом зале Зимнего дворца с членами ЦК кадетов, радикальных демократов, народных социалистов, эсеров и меньшевиков, заявив о том, что он будет подбирать членов кабинета *индивидуально*, Керенский 24 июля сформировал новое коалиционное правительство.

Оставив за собой пост премьера, военного и морского министра, он включил в него двух эсеров — Н.Д. Авксентьева (министр внутренних дел) и В.М. Чернова (министр земледелия), двух народных социалистов — А.С. Зарудного (министр юстиции) и А.В. Пешехонова (министр продовольствия), двух меньшевиков — М.И. Скобелева (министр труда) и А.М. Никитина (министр почт и телеграфов). «Нефракционный социалист» С.Н. Прокопович стал министром торговли и промышленности. Вчерашний кадет, а теперь «радикальный демократ» Н.В. Некрасов

¹ Милюков П.Н. История второй русской революции. С. 246, 471.

² См.: Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 179, 180, 186.

заял пост заместителя премьера и министра финансов; второй «радикальный демократ» И.Н. Ефремов — председателя Малого Совета министров и министра государственного призрения; кадеты П.П. Юренев — министра путей сообщения, С.Ф. Ольденбург — министра просвещения, А.В. Карташев — обер-прокурора Синода, а ближайший соратник Милюкова Ф.Ф. Кокошкин — государственного контролера.

Оставив за социалистами все «горячие» посты, кадеты получили возможность контролировать правительство, дабы оно не качнулось «влево». Как торжественно заявил в эти дни на IX съезде кадетской партии П.И. Новгородцев, «мы» никогда не вступили бы в состав кабинета, который стал бы проводить «социалистический курс». Ну а Керенский, в свою очередь, вновь получил возможность лавировать между «левыми» и «правыми» в таком кабинете. «Он стал главой государства, — с иронией заметил Суханов, — не в качестве представителя организованной демократии, а сам по себе, воображая себя надклассовым существом, призванным и способным спасти Россию»¹. И 25 июля «организованная демократия» на объединенном заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Совета крестьянских депутатов поддержала новое правительство.

Итак, к концу июля появились признаки оживления массового протестного движения. И, как показало совещание 21–22 июля, оно коснулось и фронтовиков, которыми пугали и которые действительно подавляли «мятеж». Их симпатии к Советам были очевидны. С другой стороны, обилие «социалистов» в правительстве, оказавшемся, как трубила пресса, «левее всех предыдущих», создавало иллюзию, что угроза диктатуры миновала, что с демократией все в порядке, что кризисные для Советов дни миновали и «двоевластие» может возродиться вновь.

Все эти дни Ленин внимательно следит за событиями. Его точка зрения формулируется в статьях: «О конституционных иллюзиях», «Уроки революции», «Начало бонапартизма». В них речь о тех же «законах» революции, о которых он разговаривал с Шотманом и о которых позднее писал Милюков.

Февральская революция заявила свои требования: мир, хлеб, свобода. Это была воля большинства народа. Но Советы, призванные выразить эту волю, отдали власть буржуазному правительству. А оно вступило на путь обещаний и проволочек, не решая ни одной из насущных проблем. И пока «социалистические» вожди, вошедшие в правительство, купались «самовлюбленно в лучах министерской славы», буржуазия создавала свои «контрреволюционные организации... генералов и офи-

¹ Дужова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 179, 180, 186; Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. Кн. 3–4. С. 361.

церов действующей армии». В июле они дали бой. И выиграли его, нанеся удар в решающем месте. Выиграли ценой того, что Россия была «на волосок от гражданской войны». Контрреволюция доказала, что в открытой схватке судьбы страны решает не «воля *большинства*», а «более организованное, более сознательное, лучше вооруженное *меньшинство*», за которым стоит сила «богатства, организации и знания». И сделала это «контрреволюционная военная шайка, действующая от имени “контрразведки”...»¹

Полагать, что в таких условиях возможен «конституционный, правовой, нормальный порядок», было бы наивностью или хуже того — самообманом, боязнью «самопознания эсеров и меньшевиков». Конечно, если считать, как они, что демократия сводится к свободе «говорения», и не считать запрета левых газет, собраний и демонстраций, то особых ограничений не появилось. Соглашателям и теперь было дозволено — в стенах Таврического дворца — «сверкать, шуметь, пожинать лавры...». Но чего стоила свобода «говорения», если с тем, что было говорено, реальная власть не считалась?²

Министр Федор Федорович Кокошкин, отчитываясь перед московскими кадетами, — не без ехидства — заметил: «За месяц нашей работы совершенно не было заметно влияния на нее Совдепа. Влияние левых партий не мешало работе правительства. За этот месяц на заседаниях совершенно не упоминалось о решениях Совдепа, и постановления правительства не применялись к ним». Об этом отчете Ленин, естественно, не знал, но он отметил, что такая «демократия» сможет просуществовать недолго. Решение проблем, стоявших перед страной, переместилось с арены мирного состязания противоборствующих сил на поле боя. Ибо цель буржуазии была очевидна: передача «власти, сначала военной, а потом и государственной вообще, в руки контрреволюционных командных верхов армии»³.

Но это возможная перспектива. А в данный момент сложилось определенное равновесие сил, когда «буржуазия рвет и мечет против Советов, но она *еще* бессильна сразу разогнать их, а они *уже* бессильны... оказать серьезное сопротивление буржуазии». Это положение как раз и стало основой для политики *бонапартизма*: «лабиринтирование опирающейся на военщину (на худшие элементы войска) государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга». И задача революционных сил — «выбрать такую тактику и такую форму или такие формы организации», которые

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 40, 46, 49, 57, 58, 61–63.

² См. там же. С. 33, 40, 41.

³ Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 185; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 43.

могли бы противостоять реализации планов контрреволюции. А для этого «надо сметь, уметь, иметь силу наносить беспощадные удары контрреволюции». Ибо «в революционное время, — заключает Ленин, — недостаточно выявить “волю большинства”, — нет, надо *оказаться сильнее* в решающий момент в решающем месте, надо *победить*»¹.

Из указанных трех ленинских статей лишь «Начало бонапартизма», подвергавшееся редактированию, было опубликовано 29 июля в «Рабочем и Солдате». Статья «О конституционных иллюзиях» увидела свет 4 и 5 августа, а «Уроки революции» 30 и 31 августа, когда VI съезд давно закончил работу. И есть основания полагать, что у членов ЦК, находившихся на свободе, было явное намерение отправить Владимира Ильича в Финляндию, не дожидаясь начала съезда. Из Разлива Ленин и Зиновьев ушли не позднее 6 августа. А айвазовский рабочий Эмиль Кальске, участвовавший в данной операции, отмечает, что первоначально их отправка в Финляндию намечалась на 23–25 июля, т. е. за две недели до этого².

На сей счет есть и другое свидетельство. Дмитрий Иванович Лещенко — старый партийный работник, увлекался фотографией. Числа 12 июля ему передали сверток с париками и предупредили, что за ними пойдет женщина, которой, помимо париков, надо дать фотоаппарат и научить, как делать снимки для документов. Этой женщиной была Надежда Васильевна Полуян, но пришла она лишь 23 июля. До этого по поручению ЦК ей пришлось съездить в Гельсингфорс к Густаву Ровио и попросить подыскать надежную квартиру для Ленина и Зиновьева. 23-го, получив у Лещенко все необходимое и выслушав инструкцию по съемке, она уехала в Разлив.

Спустя «несколько дней» после этого визита, после начала съезда — вероятнее всего, 26 или 27 июля вечером — к Лещенко подошел Шотман: «Съемка не удалась», — сказал он и попросил немедленно выехать для фотографирования Владимира Ильича. Заехав домой и взяв аппарат, Дмитрий Иванович в сопровождении Шотмана поехал в Разлив. Там его передали сыну Емельянова и уже ночью на лодке доставили к шалашу.

Они проговорили с Владимиром Ильичем до самого рассвета о питерских делах и о съезде. Ленин передал ему для съезда какую-то рукопись. А когда взошло солнце, приступили к съемке. Но тут выяснилось, что света недостаточно, нужна выдержка и придется аппарат держать на груди. Однако видоискатель — матовое стекло для наводки на фокус, находился у камеры сверху и смотреть в него можно было лишь сверху вниз. А при такой позиции лицо Ленина в объектив не попадало.

¹ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 37, 40, 49, 51.

² См.: *Летопись революции.* 1923. № 5. С. 299; *Правда.* 1921. № 251. 6–7 ноября.

Тогда Владимир Ильич предложил: «А если я стану на колени, то тогда ведь мое лицо будет находиться как раз на одном уровне с объективом». Вот так и простоял он на коленях, пока Лещенко делал снимки.

Стать на колени для удобства фотосъемки Ленин мог. А вот уехать от Питера — после всей полученной информации — никак не мог. И вместо Финляндии все эти две недели, как пишет Шотман, «Ленин был занят работами VI партийного съезда...». В 30–50-е годы исследователи выявили ряд *косвенных* подтверждений данного факта. Но существовали и прямые доказательства.

«Работой VI съезда нашей партии, происходившего в Петрограде полунелегально, Владимир Ильич руководил из нашего шалаша. Здесь набрасывались основные пункты важнейших резолюций VI съезда... За резолюциями приезжал, кажется, тов. Орджоникидзе». Это свидетельство Зиновьева¹. Но поскольку упоминать эту фамилию по цензурным условиям было нельзя, как и сам факт пребывания его в Разливе вместе с Лениным, приходилось искать иные доказательства. И они, как увидим, были...

Итак, VI съезд открылся 26 июля (8 августа) на Выборгской стороне. 157 делегатов съезда с решающим голосом и 110 — с совещательным представляли 162 организации, действовавшие во всех крупнейших регионах страны. За три месяца, прошедшие после Апрельской конференции, численность партии возросла втрое и достигла примерно 240 тысяч. Средний возраст делегатов составил 29 лет. Группа «старейших» — от 40 лет и выше — была невелика: 7,6%. Но и самых молодых — тех, кому не исполнилось и 25 — было не столь уж много — 17,5%. По партийному стажу преобладали вступившие в партию накануне и во время Первой русской революции: 52,6% (до 1905 года — 23,4%), а в 1908–1914 годах — 34,5%. Со стажем менее года было лишь четверо участников съезда.

По национальности на первом месте стояли русские — 53,8%, затем евреи — 16,9%, латыши, эстонцы, литовцы — 14,0%, поляки — 4,6%, украинцы и грузины — по 3,5% и т. д. По социальному положению — 40,9% были рабочими, а 26,3% — интеллигентами (литераторы, преподаватели, врачи, юристы). Преобладали делегаты с высшим и средним образованием — 55,0% (с законченным и незаконченным высшим — 32,3%, со средним — 22,8%). Таким образом, делегаты являли собой «цвет» партии и им предстояло определить дальнейшую тактику большевиков.

Накануне, 25 июля, на частном совещании делегатов наметили президиум: Свердлов, Ольминский, Ломов, Юренев, Сталин. И теперь съезд

¹ Пролетарская революция. 1927. № 8–9. С. 68, 69.

единогласно проголосовал за них. Но тут же встал Глеб Бокий и предложил избрать почетным председателем Ленина. Тогда Свердлов дополнил: такими же почетными председателями сделать Зиновьева, Каменева, Троцкого, Коллонтай и Луначарского. Единоголосно приняли и это дополнение. «Съезду придется отказаться, — сказал Яков Михайлович, — от тех докладчиков, к голосу которых мы привыкли прислушиваться... Во всяком случае, будет сделано все, чтобы получить резолюции отсутствующих товарищей и выяснить их отношение к предлагаемым резолюциям»¹.

Повестку дня загрузили до предела. С отчетом о деятельности ЦК выступали трое: с политическим — Сталин, организационным — Свердлов, финансовым — Смилга. Доклад «О текущем моменте» вначале предполагали дать Троцкому, но после его ареста этот пункт повестки дня поделили сначала надвое, а потом натрое: доклад «Война и международное положение» должен был сделать Бухарин, «Политическое положение» — Сталин и «Экономическое положение» — Милютин. Помимо этого необходимо было заслушать Глебова-Авилова — «О профессиональном движении», а также доклады секций съезда и 18 докладов о работе крупнейших местных организаций.

Три делегата — от 12-й армии, Самары и Питера — предложили дополнить повестку дня вопросом о «неявке т.т. Ленина и Зиновьева на суд». Но межрайонец Константин Юренев заметил, что считает это обсуждение «несвоевременным», а председательствующий решительно заявил, что надо «не обсуждать вопрос о деле т. Ленина, а выразить прямо протест против этого дела». На следующий день, 27-го, с политическим отчетом ЦК должен был выступить Сталин, и Свердлов попросил делегатов «завтра, ровно в 10 часов, быть на местах и не запаздывать».

Однако, придя к 10 часам, делегаты обнаружили, что ни членов ЦК, ни руководителей ПК, ни части президиума и самих делегатов на месте нет. Пришел Свердлов, сказал, что заседание задерживается, и тут же ушел. Лишь в 10 ч. 45 м. собрались все, и Ольминский предоставил слово Сталину.

Роберт Слассер заподозрил в этом опоздании определенную игру. Цитируя один из более поздних текстов Сталина о том, что «великий человек» должен запаздывать на собрания, дабы делегаты «с замиранием сердца ждали его появления», Слассер предполагает, что именно такое шоу и было устроено утром 27 июля². Но почему же тогда задержались другие — чуть ли не половина съезда? Нет, подобные игры стали возможными лишь совсем в другие времена и совсем с другими делегатами.

¹ РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 599, 1164; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 428–437.

² Слассер Р. Сталин в 1917 году. Человек, оставшийся вне революции. С. 201.

А эти делегаты (34 человека) сразу заявили протест против нарушения регламента. И судя по тому, что среди них была Крупская, подписанты знали в чем дело.

Статью «О конституционных иллюзиях» Владимир Ильич написал 26-го. Значит, либо поздно вечером того же дня, либо рано утром 27-го она уже была в Питере. И причиной задержки заседания съезда могло стать совещание членов ЦК, ПК и руководителей ряда делегаций, обсудивших создавшееся положение. Разногласия с Лениным были очевидны. Но, судя по всему, решили продолжить съезд в обычном порядке.

Главным был вопрос об оценке политического положения. Об этом, выступая с приветствием от большевистской фракции ЦИК, напомнил Василий Кураев: «События были настолько серьезны, что заставляли нас задумываться об изменении тактики, и потому мы с таким нетерпением ждали съезда, который наметит новые лозунги». Однако в политическом отчете ЦК, с которым выступил Сталин, ни о каких «новых лозунгах» сказано не было. Накануне, 26-го, в передовой статье «Рабочего и Солдата» он написал: «Было время, когда... Временное правительство шло на поводу у Советов... Теперь наступило время, когда... ЦИК, этот представитель всех Советов, идет на поводу у Временного правительства... Роли, очевидно, переменялись, и переменялись они не в пользу Советов». Не более того... А 27 июля в программной статье «К выборам в Учредительное собрание», опубликованной за его подписью, Сталин написал: «...Мы за то, чтобы вся власть в стране была передана в руки революционных Советов рабочих и крестьян, ибо только такая власть способна вывести страну из тупика...»¹

И выступая в тот же день на съезде, он лишь повторил этот тезис: «Прежде чем перейти к докладу о политической деятельности ЦК за последние два с половиной месяца, я считаю нужным отметить основной факт, определивший деятельность ЦК. Я имею в виду факт развития нашей революции, ставящей вопрос о... передаче власти из рук буржуазии в руки Советов рабочих и солдатских депутатов»².

О Ленине в докладе было упомянуто лишь вскользь в связи с июльскими событиями: «Между прочим, о Ленине. Он отсутствовал: уехал 29 июня и приехал в Петроград только 4 июля утром, после того как решение о вмешательстве в движение было уже принято. Наше решение Ленин одобрил»³. А вот о смене лозунга «Вся власть Советам!» не было сказано ни слова.

¹ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. М., 1958. С. 3; *Сталин И.В.* Соч. Т. 3. С. 147, 148, 154.

² Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. С. 14.

³ Там же. С. 18, 19.

Всего за десять дней до этого, выступая на общегородской петроградской конференции, Сталин поддержал данный тезис Ленина. Он даже с пафосом процитировал американского поэта Уолта Уитмена: «Мы живы, кипит наша алая кровь огнем неистраченных сил». Что же произошло? Есть основания полагать, что помимо тех иллюзий, которые воскресли в связи с созданием нового коалиционного правительства, определенное влияние на доклад могли оказать другие члены ЦК и делегаты с мест, прибывавшие на съезд.

В частности, процитированный выше пассаж о Советах Роберт Слассер считает редакционной вставкой, вероятнее всего сделанной Свердловым. Во всяком случае, в сочинениях Сталина его нет. Ну а то, о чем он умолчал в докладе, сформулировал в ходе прений другой член ЦК Владимир Павлович Милютин: «Мы не должны падать духом, — сказал он. — Поскольку лозунги являются воплощением тех процессов, которые выдвигает жизнь, они являются не демагогическими, а лозунгами, организующими жизнь. Наш лозунг: “Вся власть Советам!”», так испугавший вначале правящие партии, теперь становится общепризнанным, и от него отказываются только те, кто боится взять власть...». А член ЦК Виктор Павлович Ногин, не касаясь существа данного вопроса, заметил, что вообще линия ЦК «была линией нашей партии. Мы должны признать, что ЦК всегда был с нами»¹.

Видимо, это придало Сталину большую уверенность и в заключительном слове он сказал: «Никто из товарищей не критиковал политической линии ЦК, никто из ораторов самих лозунгов не опротестовывал... Эти лозунги снискали себе симпатии среди рабочих масс и солдат. Эти лозунги оказались верными, и мы, борясь на этой почве, не потеряли масс»².

А заключая недолгие прения по докладу, Сталин, поставив вопрос «об уклонении товарищей Ленина и Зиновьева от явки к властям», заявил: «В данный момент все еще не ясно, в чьих руках власть. Нет гарантии, что, если их арестуют, они не будут подвергнуты грубому насилию. Другое дело, если суд будет демократически организован и будет дана гарантия, что их не растерзают... Пока положение еще не выяснилось, пока еще идет глухая борьба между властью официальной и властью фактической, нет для товарищей никакого смысла являться к властям. Если же во главе будет стоять власть, которая сможет гарантировать наших товарищей от насилий... они явятся»³.

Этот неожиданный пассаж Сталина вызвал замешательство среди делегатов. Ведь на предыдущем заседании они сняли данный вопрос.

¹ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. С. 22, 23, 25.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. 27, 28.

Почувствовав это, Сталин предложил не обсуждать его отдельно, а «отнести к вопросу о текущем моменте». Однако Орджоникидзе тут же выразил протест. Коль скоро «этот вопрос выплыл, — заявил он, — мы должны немедленно разрешить его». И по предложению Серго съезд дополнил повестку дня.

Поэтому дневное заседание 27 июля началось с информации Орджоникидзе о всех обстоятельствах данного дела. Закончил он словами: «Мы ни в коем случае не должны выдавать т. Ленина... Мы должны приложить все усилия к тому, чтобы сохранить в безопасности наших товарищей до тех пор, когда будут даны гарантии справедливого суда». Иными словами, при всей эмоциональности его речи, Серго вслед за Сталиным ставил вопрос о явке в зависимость от гарантий «справедливого суда»¹.

Прения получились достаточно бурными. Делегатам было предложено *четыре* проекта резолюции: Сталина, Володарского, Бухарина и Шлихтера. Проект Сталина подверг критике секретарь Центрального совета фабзавкомов, старый партиец Николай Скрыпник: «В резолюции, предложенной т. Сталиным, было известное условие, при котором наши товарищи могли бы пойти в республиканскую тюрьму, — это гарантия безопасности. Я думаю, что в основу резолюции должны лечь иные положения... Мы одобряем поведение наших вождей... Мы не отдадим их на классовый, пристрастный суд контрреволюционной банды».

О том же сказал Дзержинский: «Мы не доверяем Временному правительству и буржуазии, [мы] не выдадим Ленина и Зиновьева до тех пор, пока не восторжествует справедливость... этого позорного суда не будет». О том же говорил Бухарин: «В вопросе о выдаче и невыдаче тт. Ленина и Зиновьева мы не можем стать на почву схоластики. Что значит “честный буржуазный суд”? Разве честный буржуазный суд не будет стремиться прежде всего отсечь нам головы? Если результатом революции у нас будет паршивая мещанская республика, то о каких гарантиях может идти речь? Если же будет Республика Советов, то суд отпадает».

Проект Сталина критиковал и Володарский: «Малейший ложный шаг, — сказал он, — может сыграть роковую роль. Один пункт резолюции т. Сталина неприемлем: честный буржуазный суд». Это слишком неопределенное понятие. В существующих условиях добровольная явка даст лишь «самосуд со стороны кучек подкупленных и науськиваемых черносотенной прессой громил». Но отвергать явку на суд в принципе — нельзя: «масса нас не поняла». И он сформулировал условия, при которых Ленину и Зиновьеву можно разрешить «отдать себя в руки власти»,

¹ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. С. 28, 31.

а на суде дать бой обвинителям. Тогда «партия выйдет победительницей из этого процесса»¹.

Его поддержал «межрайонец» Дмитрий Мануильский: «Вопрос о явке тт. Ленина и Зиновьева нельзя рассматривать в плоскости личной безопасности. Если бы вопрос разрешался в этой плоскости, каждый член партии сказал бы, что Временное правительство скорее перешагнет через наш труп, чем получит Ленина. Но приходится этот вопрос рассматривать в другой плоскости — с точки зрения интересов революции... Мы должны принять этот бой. Этого требуют интересы революции и престиж нашей партии». Поддержал резолюцию Володарского и Лашевич, предложив передать вопрос «на решение ЦК и тт. Ленину и Зиновьеву».

Ему ответил красноярский делегат, член партии с 1891 года Александр Шлихтер: «Ленин и Зиновьев не только наши вожди, но и члены партии, и, как у таковых, у них нет личной воли. И не существует вопроса, можно ли явиться при такой обстановке... Бывают моменты, когда следует являться, опасаясь быть растерзанным. Но вопрос: имеет ли партия право лишать себя указаний главных вождей?.. В резолюции мы должны сказать, что мы, с презрением отбрасывая клевету, говорим — не как обыватели, боясь репрессий, — не отдадим Ленина, а как представители пролетариата — не отдадим потому, что Ленин нам нужен, что революция не закончена... Мы переносим тяжесть обвинения с плеч Ленина на плечи партии»².

В конечном счете все сошлись на компромиссной резолюции Бухарина, заявлявшей о том, что в существующих условиях «нет абсолютно никаких гарантий не только беспристрастного судопроизводства, но и элементарной безопасности привлекаемых к суду». И эту резолюцию приняли единогласно.

Позднее, в 30-е годы, в прениях по этому вопросу выискивали «злоскозненный умысел» тех или иных «антিলенинцев». Это было чистейшим вздором. Те, кто выдвигал вопрос о «гарантиях», исходили из того, что обсуждать их «надежность» можно до бесконечности. И об этом прямо сказал Лашевич³. Но в самой постановке вопроса о «гарантиях» проявилось другое — то, что Ленин называл «конституционными иллюзиями», — поиски правовых гарантий в неправовом государстве, где верховодила военная клика.

О разногласиях между Лениным и членами ЦК, проявившихся после июльских событий, особенно о разногласиях со Сталиным, у нас долгое время ни писать, ни вспоминать не любили и не могли. Отсюда и стрем-

¹ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. С. 31, 34.

² Там же. С. 33, 35.

³ Там же. С. 33, 34.

ление всячески их преуменьшить и замолчать. Между тем сам Сталин этого не скрывал. В 1924 году он заявил: «После июльского поражения между ЦК и Лениным действительно возникло разногласие по вопросу о судьбе Советов. Известно, что Ленин, желая сосредоточить внимание партии на подготовке восстания вне Советов, предостерегал от увлечения Советами, считая, что Советы, опоганенные оборонцами, превратились уже в пустое место. Центральный Комитет и VI съезд партии взяли более осторожную линию, решив, что нет оснований считать исключенным оживление Советов»¹.

Нетрудно заметить, что суть разногласий изложена Сталиным весьма неточно. Ленин отнюдь не исключал возможности «оживления Советов». Наоборот, советуя временно снять лозунг «Вся власть Советам!», он исходил из того, что Советы неизбежно возродятся вновь и, в случае победы, власть перейдет именно в их руки. Но это будут «не старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы»². Иными словами, разногласия возникли не по вопросу о «судьбе Советов», а об оценке данных Советов в данный момент.

Но вполне возможно, что так, как изложил Сталин в 1924 году, толковали об этих разногласиях и на самом VI съезде партии. Стало быть, задача, которую надо было решать Ленину не медля, состояла в том, чтобы довести свою позицию до сведения делегатов.

Была ли у него для этого реальная возможность? Да, была...

Говоря о связях Ленина, Шотман особо отметил: «Кроме меня, насколько мне известно, провизию, белье и проч. возила из города только А.Н. Токарева — петербургская работница»³. Однако Александра Николаевна Токарева осталась как-то незамеченной исследователями. Между тем, являясь членом партии с 1904 года и активным работником Выборгского райкома, с которым была тесно связана Крупская, она возила Ленину не только продукты, но и документы. А от него не только бельешко, но и рукописи статей⁴. Да и Шотман не ограничивался тем, что возил харчи и газеты. При первой же встрече Ленин вручил ему копию рукописи статьи «К лозунгам». С момента получения Серго этой статьи прошла уже неделя, а признаков ее публикации заметно не было, хотя с 23 июля в Питере, взамен «Правды», стала выходить газета «Рабочий и Солдат».

Через работника ПК А. Иодко Шотман передал рукопись в Кронштадт. Там ее отпечатали 5-тысячным тиражом. И «через несколько дней» Александр Васильевич привез в Разлив готовую брошюру. Расходы на ее

¹ Сталин И.В. Соч. М., 1947. Т. 6. С. 340, 341.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 17.

³ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 421, 423.

⁴ РГАСПИ, ф. 124, оп. 1, д. 1933.

издание были востребованы из кассы ЦК позднее: 31 июля и 2 августа, хотя на VI съезде она была распространена *до 31 июля*¹. Таким образом, Шотман связывал Владимира Ильича с ЦК и ПК, а Александра Николаевна давала прямой выход на тех авторитетнейших рабочих-партийцев, которые устроили столь демонстративное голосование на общегородской конференции.

Роль рабочих-выборщиков в самом созыве VI съезда была велика, и на первом заседании Свердлов особо отметил, что в сложившейся ситуации были серьезные сомнения в том, удастся ли провести его в столице. И «только благодаря энергии Выборгского красного района удалось осуществить созыв съезда здесь, в Петербурге». Кстати сказать, и сам Центральный Комитет был вынужден перебраться в этот район (на Финляндский проспект, 8) под защиту выборгских рабочих. Заметим, что в небольшой комнате на третьем этаже, где разместился ЦК, постоянно работала Мария Ильинична Ульянова. И это был для Ленина еще один канал связи².

Опыт «воздействия» на делегатов общегородской питерской конференции у Владимира Ильича уже имелся. Но передать им июльские тезисы тогда не удалось. Теперь ситуация была иная. Делегаты VI съезда получили его брошюру «К лозунгам», доставленную Мусняченко из Кронштадта. На 29 июля в номер «Рабочего и Солдата» поставили ленинскую статью «Начало бонапартизма». А главное — «Тезисы доклада о политическом положении», написанные Владимиром Ильичем, тоже были доставлены до 29 июля³.

Эта дата не была случайной. 28-го на утреннем заседании съезда Свердлов предложил «прервать доклады с мест и перейти к докладу о текущем моменте». Но делегаты отклонили это предложение. Лишь после утреннего и дневного, в самом конце вечернего заседания решили: «поставить 1-м пунктом порядка дня завтрашнего заседания текущий момент».

Но, как говорят в таких случаях, человек предполагает, а господь располагает. 28 июля была опубликована резолюция съезда «О неявке т. Ленина на суд». В тот же день Временное правительство постановило: предоставить министрам военному и внутренних дел право закрывать любые съезды. Какой съезд имелся в виду, сомнений не было: утром 28-го кадетская «Речь» напечатала материал «Съезд большевиков», из которого явствовало, что и о самом съезде и о его ходе имеется достаточно полная информация.

¹ См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 3. С. 183; *Совокин А.М.* В преддверии Октября (подготовка победы вооруженного восстания). М., 1973. С. 306.

² См.: *Летопись революции.* 1923. № 6. С. 303.

³ *Совокин А.М.* В преддверии Октября. С. 306, 341.

Собравшиеся утром 29 июля делегаты прочли в газетах постановление правительства и поняли, что над съездом нависла угроза разгона. Решили вновь, как и перед первым заседанием, провести совещание президиума съезда и руководителей ряда делегаций. Позднее в анкете Истпарта Сталин назвал это совещание « пленумом съезда ». На нем был сформирован « *Малый съезд* со всеми правами пленума, который, как помнится, и произвел выборы ЦК по тайному голосованию или, кажется, наметил кандидатов ». Малый съезд лишь наметил кандидатов в ЦК. Но он обсудил и два других вопроса: о переносе заседаний съезда с Выборгской стороны за Нарвскую заставу, а также о « Тезисах доклада о политическом положении » Ленина¹.

Необходимо отметить, что само существование этих тезисов долгое время подвергалось сомнению, хотя на сей счет имелась и записка самого Владимира Ильича, и прямые указания целого ряда делегатов (Джапаридзе, Ровинский, Подвойский, Ашкенази, Скрыпник и другие). Лишь анализ обширного круга источников позволил Александру Совокину установить и сам факт существования, и содержание данного документа².

Тезисы, или — как их еще называли — « Основные мысли » доклада, были розданы участникам Малого съезда утром 29 июля. Возможно, что до этого, как и обещал на первом заседании Свердлов, с ними ознакомили « отсутствующих товарищей » — тех, кто сидел в тюрьме. Так что изменения и поправки в данном тексте могли быть внесены и на этом этапе. Важнее другое: судя по всему, именно здесь, не мудрствуя лукаво, порешили — в докладе Сталина о политическом положении держаться ленинских « Основных мыслей », а сами тезисы сделать проектом съездской резолюции.

После этого на утреннем заседании съезда провели выборы ЦК: 21 члена ЦК и 10 кандидатов. В списке претендентов на членство в ЦК оказалось 40 человек, а кандидатов — 22. После обсуждения каждого остались 31 и 19. Делегат от Гусь-Хрустального К.А. Козлов записал: « Закрытое заседание... Кандидатуры в ЦК... Присутствуют 148 делегатов с решающим... 72 человека с совещательным. Результаты выборов не оглашаются. Подсчет поручается президиуму »³. Однако после подсчета голосов президиум на последнем заседании все-таки огласил состав четверки лидеров. Из 134 бюллетеней, признанных действительными, Ленин получил 133 голоса, Зиновьев — 132, Каменев — 131, Троцкий — 131. Как видим, в отличие от выборов на Апрельской конференции, Сталин

¹ См.: Источниковедение истории Великого Октября. М., 1977. С. 13, 14; Совокин А.М. В преддверии Октября. С. 61.

² Совокин А.М. В преддверии Октября. С. 336–341.

³ Вопросы истории КПСС. 1965. № 11. С. 89.

в состав «четверки» не попал. Но вошел Троцкий, лишь на этом заседании принятый — вместе с другими «межрайонцами» — в большевистскую партию.

Кроме Ленина, Зиновьева, Каменева и Троцкого, в ЦК избрали: Артема (Ф.А. Сергеева), Я.А. Берзина, А.С. Бубнова, Н.И. Бухарина, Ф.Э. Дзержинского, А.М. Коллонтай, Н.Н. Крестинского, В.П. Милютина, М.К. Муранова, В.П. Ногина, А.И. Рыкова, Я.М. Свердлова, И.Т. Смилгу, Г.Я. Сокольников, И.В. Сталина, М.С. Урицкого и С.Г. Шаумяна. Кандидатами в члены ЦК стали: П.А. Джапаридзе, А.А. Иоффе, А.С. Киселев, Г.И. Ломов, Е.А. Преображенский, Н.А. Скрыпник, Е.Д. Стасова, В.Н. Яковлева. Фамилии двух кандидатов в члены ЦК установить не удалось.

Средний возраст членов ЦК составлял 35 лет. Моложе было лишь 9 человек. От 36 до 40 лет — 8 человек. Свыше 40 — четверо, в том числе самым старшим — Коллонтай 45 лет и Ленину — 47. Большинство — 14 человек — вступили в РСДРП до 1903 года. Даже у самого молодого — двадцатипятилетнего Ивара Смилги был десятилетний партийный стаж.

Среди 29 членов и кандидатов в члены ЦК большинство — 20 человек — имели высшее и незаконченное высшее образование, полученное на юридических, философских, экономических, инженерных, сельскохозяйственных, физико-математических факультетах университетов и других высших учебных заведений Петербурга, Москвы, Киева, Берлина, Цюриха и Парижа. Трое — Киселев, Муранов, Ногин являлись рабочими. Более половины — 16 человек — были русскими, 7 — евреями, двое — латышами, двое — грузинами, один — поляком и один — армянином.

Таким образом, увеличившийся более чем вдвое состав членов ЦК включал представителей не только Петрограда и Москвы, но и Центрального и Южного промышленных районов, Урала, Прибалтики и Кавказа. Все они за годы подполья и в послефевральский период 1917 года приобрели общепартийную известность и пользовались авторитетом в большевистской среде.

Уже после окончания съезда Пленум ЦК избрал «узкий состав ЦК»: Сталин, Сокольников, Дзержинский, Милютин, Урицкий, Иоффе, Свердлов, Муранов, Бубнов, Стасова, Шаумян (а до его приезда — Смилга). В отличие от Бюро ЦК, сформированного после Апрельской конференции, которое — в определенной мере — могло претендовать на политическое руководство, этот «узкий состав» должен был функционировать как организационный центр. Поэтому часть членов и кандидатов ЦК была тут же распределена для кураторства регионов. Но все это произошло позже, после съезда, 4 и 5 августа¹.

¹ См.: Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 6.

А тогда, 29 июля, вопреки ожиданиям, день закончился благополучно. И на 9-м заседании 30 июля приступили к обсуждению текущего момента. Первым, с докладом о международном положении, выступил 29-летний Николай Бухарин. Он отметил, что после вступления в 1917 году в войну США и Китая она действительно стала мировой. Война повсюду передала власть в руки милитаристских клик. «Корнилов окреп на фронте, крепнут Корниловы и в тылу... Сейчас в России царит такая же военная диктатура, как в Англии, Франции и во всех остальных странах». Поэтому «перспективы заключения мира действительно демократическим путем стали исчезать». Выход из войны теперь может дать лишь пролетарское восстание.

«Победа контрреволюции у нас в России, — продолжал Бухарин, — победа временная... И мы будем иметь новый большой подъем революционной волны». Если «наша крестьянско-пролетарская революция победит раньше, чем вспыхнет революция в Западной Европе... Если нам удастся починить разрушенный хозяйственный организм, мы перейдем в наступление. Но если у нас не хватит сил... мы будем вести революционную войну оборонительную... Такой революционной войной мы будем разжигать пожар мировой социалистической революции... скольких бы жертв она нам ни стоила»¹.

Пыл молодого Бухарина пытался остудить еще более юный Смилга. «Борьба у нас, — сказал он, — и борьба у западноевропейских интернационалистов — две вещи разные». И стремление к нивелированию «неверно по существу». Харитонов добавил: «Получается впечатление... как будто над нашей революцией ставится точка, и остается только возможность международной пролетарской революции». Об иллюзорности надежд на скорый «всемирный пожар» сказал и костромич Николай Растопчин: «Перед нашей революцией 1905 г. нам казалось часто, что Европа задыхается в обстановке капитализма. И тем не менее наша революция не дала толчка развитию революционного движения в Западной Европе, а, наоборот, разрядила атмосферу».

Инесса Арманд предложила: поскольку Бухарин затронул «весь политический момент... удобнее было бы заслушать сперва второй доклад и потом открыть прения»². После нескольких выступлений объявили перерыв на 10 мин. и потом предоставили слово Сталину.

А.М. Совекин доказывает, что Сталин положил в основу доклада тезисы Владимира Ильича и фактически выступил лишь в роли ретранслятора. В том, что он действительно использовал тезисы, сомнений нет. Мало того, по ходу доклада Сталин *зачитывал* их как проект

¹ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. С. 99, 100, 113, 104, 105.

² Там же. С. 106, 107.

резолюции. Но текст доклада все-таки принадлежит ему и ленинские идеи он излагал своим языком, в свойственной ему манере и стилистике.

А специфика его стилистики состояла в том, что любой сложный вопрос Сталин стремился максимально упростить. К этому, в частности, его приучила работа в «Правде», где за послефевральские месяцы им было опубликовано около трех десятков популярных статей и заметок. Желание сделать понятными для масс сложнейшие вопросы политики более чем похвально. Надо лишь помнить, что упрощать их можно лишь до известного предела. Сталин, к примеру, правильно изложил в докладе мысль Ленина о том, что в России, в силу условий, созданных войной, революцией и разрухой, рабочему классу придется брать на себя контроль за производством и решать другие задачи, которые на Западе решала буржуазия. «В этом, — говорил Сталин, — реальная основа постановки вопроса о социалистической революции у нас в России». Но его вывод о «необходимости *перешагнуть* через революцию буржуазную к революции социалистической» — никак не соответствовал постановке данного вопроса Лениным.

После формирования нового коалиционного правительства Ленин пришел к выводу: «Если мы скажем *только* то, что в России наблюдается временное торжество контрреволюции, это будет отпиской». Он анализирует первые шаги *бонапартизма* как особой формы власти, опирающейся на военщину и лавирующей между уравновешивающими друг друга силами¹. Размышления о бонапартизме, видимо, показались Сталину излишне сложными и он сформулировал проще: Временное правительство «это — жалкая ширма, за которой стоят кадеты, военная клика и союзный капитал — три опоры контрреволюции». И все. Будто накануне и не было ленинской статьи. Вопрос о лозунге «Вся власть Советам!» он вообще решил обойти. И лишь комментируя резолюцию, заметил: «Теперь, после того как контрреволюция организовалась и укрепилась, говорить, что Советы могут мирным путем взять власть в свои руки, — значит, говорить впустую»².

В общем, если у Сталина и были ленинские тезисы, то доклад лишний раз подтвердил старую истину: для хорошего исполнения певцу недостаточно иметь «хорошие ноты»... Подтвердились и опасения, высказанные на заседании 27 июля старым партийцем Александром Шлихтером: «На этом съезде нет с нами т. Ленина и нет надежды, что все будет исчерпывающим образом освещено. Может быть, это плохо, что мы так связаны, но это факт».

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 50, 51.

² См.: Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. С. 114.

Съезд отреагировал на доклад Сталина довольно бурно. Сравнивая доклад и проект резолюции (тезисы), уралец Евгений Преображенский сразу же отметил, что «тов. Сталин эту резолюцию защищает не во всех пунктах». Юренин обнаружил в докладе «ряд коренных противоречий». А москвич Николай Ангарский заявил, что тезис Сталина о «перешагивании» через буржуазную революцию — это «не тактика марксизма, а тактика отчаяния...».

На следующее утро, 31 июля, от имени группы делегатов было оглашено внеочередное заявление: «Ввиду того, что вчерашние прения по докладу т. Сталина доказали, что некоторые тезисы доклада в силу их неясной формулировки возбуждают разноречивые толкования, мы предлагаем...» вновь предоставить слово Сталину для ответа на конкретные вопросы. Во-первых, что «предлагает докладчик вместо Советов?» Каково «наше отношение к существующим Советам» как рабочих, так и крестьянских депутатов? И, наконец, как относиться к тем Советам, «где мы сейчас в большинстве?»

Сталину дали слово вторично, и то, о чем он умолчал в докладе, было теперь изложено. «Если мы предлагаем снять лозунг “Вся власть Советам!” — сказал Сталин, — откуда еще не вытекает: “Долой Советы!”» Но Советы «не единственный тип революционной организации. Это форма чисто русская... Вообще говоря, вопрос о формах организации не является основным. Будет революционный подъем, создадутся и организационные формы». Мы будем противостоять попыткам разгона Советов, «но *сила* уже не в Советах... Вопрос теперь не в завоевании большинства в Советах, что само по себе очень важно, но в сметении контрреволюции»¹.

Эти несколько декларативные доводы убедили не всех. Разница между положением в столице и на периферии, как заметил в прениях Смилга, вообще породила в стране «фронду провинции против центра». На съезде представителями такой «фронды» стала группа москвичей, к которой потянулись некоторые делегаты с мест.

«Тов. Сталин отождествляет Советы с Центральным Исполнительным Комитетом, — сказал бакинец Джапаридзе. — Это — перенесение петербургских условий в провинцию». Говоря о Советах в Поволжье, саратовец Михаил Васильев-Южин отметил: «В маленьких городах их влияние по-прежнему сильно, и объясняется это тем, что, каков бы ни был [их] состав, они с самого начала взяли на себя роль полновластных органов, и это их спасло». Против формулы о «гниении» и «разложении» Советов высказался москвич Василий Соловьев: «Подобная квали-

¹ Шестой съезд РСДРП. С. 35, 115, 117, 121, 122, 123, 124.

фикация совершенно не подходит к провинциальным Советам, где они продолжают развиваться»¹.

Под иным углом зрения подошел к этому вопросу Ногин. «...Взрыв революции в России произойдет скорее, чем в Западной Европе, — сказал он. — Где же наши союзники? Пока что нам обеспечено лишь платоническое сочувствие западноевропейского пролетариата. Зато крестьяне, находящиеся в армии, непременно пойдут за нами». Но единственной формой их организации являются Советы. Других нет. «Иначе сказать, активную поддержку мы найдем только в “гнилых” Советах... И наш лозунг “Вся власть Советам!” остается революционным и поведет за нами массы». О том же говорил Юренев: «Если наша партия примет резолюцию Сталина, мы пойдем быстро по пути изоляции пролетариата от крестьянства и широких масс населения... Эта резолюция (последняя часть ее) — сплошной крик отчаяния... Вне передачи власти Советам — выхода нет». Володарский добавил: «...Нельзя вместе с водой выплескивать ребенка. Когда на другой день после революционного взрыва вы скажете массам: “Выбирайте новые Советы”, — вам скажут: “Опять Советы, которые вы же сами так клеймили”»².

Если бы в докладе были четко сформулированы ленинские мысли о поддержке Советов против контрреволюции, о возможности их возрождения с новой революционной волной и переходом власти в их руки, — многих споров, вероятно, можно было бы избежать. Именно это и пытался сделать москвич Григорий Сокольников. «Я не знаю, — говорил он, — в каком сборнике узаконений для марксистов написано, что революционными органами могут быть только Советы? Ведь органы восстания могут быть и совершенно иными». Временное снятие лозунга «Вся власть Советам!» не означает «Долой Советы!». Напротив, «надо поддерживать и отстаивать Советы, но не как органы власти, т. к. власти у них теперь нет, а как органы массовой организации. Но недоверие к Советам мы должны зафиксировать...».

Его поддержал ивановский делегат Андрей Бубнов: «Советы не имеют теперь никакой власти, они гниют... И если раньше мы говорили о “переходе” власти, то теперь этот термин устарел, надо накапливать силы для решительного боя, для “захвата” власти... Нельзя цепляться за старые формы... Лозунг “Долой империалистическую диктатуру” является поэтому наиболее содержательным и своевременным». А когда, отвечая Юреневу, призывавшему к осторожности, Ивар Смилга сказал, что даже при задержке революции на Западе «никто не имеет права лишать нас инициативы... И я напомним т. Юреневу слова Дантона, говорившего,

¹ См.: Шестой съезд РСДРП. С. 90, 125, 131, 248.

² Там же. С. 117–119, 129.

что в революции нужна смелость, смелость и еще раз смелость» — его слова встретили аплодисментами, не столь уж частыми на этом съезде¹.

Тех, кто выступал за снятие лозунга «Вся власть Советам!» на съезде окрестили «левыми», а тех, кто против — «консерваторами». И хотя за последними шло меньшинство делегатов, возникли опасения, что единства сохранить не удастся.

Ленин был в курсе того, что происходит на съезде. То, что у него была возможность своими записками корректировать его ход, — вполне вероятно. Об этом писал Емельян Ярославский, которому Орджоникидзе на съезде «шепнул на ухо», что «Ленин спрятан в очень хорошем месте, что с ним установлена связь и можно от него получать директивы и указания. Серго Орджоникидзе рассказал, что Ленин очень внимательно следит за всеми политическими событиями и за ходом съезда»².

Но, возможно, были и другие каналы связи. 31 июля, в самый разгар прений по докладу Сталина, хорошая знакомая Крупской Вера Слуцкая зачитала достаточно категорическое приветствие рабочих-большевиков Трубочного завода. Они выразили «глубокое соболезнование о невольном отсутствии товарища Ленина» на съезде, надежду, «что все его идеи и мысли послужат основанием для всех работ съезда, в особенности по наиболее животрепещущим и важным вопросам переживаемого нами момента»³.

И когда после этого председательствовавший Георгий Ломов назвал «консерваторов» — «группой Юренева и Ногина», Ногин тут же выразил протест: «В партии нет резких разногласий, различие лишь в оттенках, и клички создают только недоумения». Надо было искать компромисс, и Джапаридзе предложил сдать в редакционную комиссию и резолюцию Сталина, и «московскую» резолюцию. Сталин заявил, что они несовместимы. В таком случае, напомнил ему Милютин, добиться единства не удастся. Выход нашел Бухарин: взять за основу проект Сталина, но в комиссию включить представителей «всех течений». Это предложение и было принято⁴.

На вечернем заседании 31 июля заслушали третий доклад по текущему моменту — об экономическом положении в стране. Докладчик, тридцатитрехлетний Владимир Павлович Милютин учился в Петербургском университете, был грамотным экономистом и использовал для анализа ситуации и официальные данные, и труды известных ученых — М.В. Бернацкого, Н.Н. Купера, А.А. Мануйлова и других. По этим данным, сказал Милютин, национальный долг России в 1917 году достиг-

¹ См.: Шестой съезд РСДРП. С. 126, 132, 139, 141.

² *Совокин А.М.* В преддверии Октября. С. 56.

³ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. С. 121.

⁴ См. там же. С. 134, 144, 145.

нет 60 млрд рублей и «финансовое банкротство страны уже налицо». Кризис переживает вся промышленность: упала добыча топлива, на 40 % сократила производство металлургия и на 20 % текстильные фабрики. Продовольственное положение усугубляется неурожаем в Поволжье и полным расстройством транспорта. Это говорит о том, что «голодные бунты в городах... факты недалекого будущего».

Опыт Германии, Англии, Франции доказал, что предотвратить крах можно лишь с помощью государственного регулирования экономики. И меньшевики, и эсеры как правительственные партии, продолжал Милютин, «старались путем ряда уступок войти в соглашение с буржуазией, заставить ее пойти по западноевропейскому пути...» Но те меры, которые строились не на инициативе и самостоятельности самих трудящихся, оказались лишь бюрократическими «подновленными проектами старого режима». В итоге у правительства не оказалось «никакой системы, которая дала бы возможность бороться с экономическим кризисом»¹.

Главный вывод Милютина: экономическое положение России требует «революционных экономических мероприятий». Это доказывала сама жизнь, ибо в тех местах, где явочным порядком вводился рабочий контроль, он оказывался действенным средством «в борьбе с разрухой, и там... положение действительно улучшалось». Было бы целесообразным привлекать в органы контроля «инженеров, а в некоторых отраслях даже предпринимателей». Но этому мешает саботаж с их стороны. Аналогичная ситуация в деревне. «Когда мы, — говорил Милютин, — выставляли лозунг захвата земель, для нас совершенно ясно было, что помещики будут саботировать... Нас ругали демагогами. Но вот пример: в Поволжье, где был широко проведен захват земель, в то время как у помещиков более 50 % земель осталось незасеянными, у крестьян посевная площадь увеличилась на 20 %». И это тоже убеждает, что «только государственная власть, опирающаяся на рабочих и народные массы, сможет справиться с экономическим развалом»².

Взвешенный доклад Милютина бурных прений не вызвал, и разговор по существу. Харитонов говорил о том, что принципиальная оценка всего арсенала средств государственного регулирования экономики, испробованного на Западе — национализации, прогрессивного подоходного налога, частичного изъятия прибылей капиталистов, всеобщей трудовой повинности и т. д., — зависит от того, в чьих руках находится власть и кем они вводятся: «если пролетариатом — это мера социалистическая, если буржуазией — это каторжные цепи для рабочего класса». Ломов предупреждал от возможных иллюзий, будто рабо-

¹ Шестой съезд РСДРП. С. 150–153.

² См. там же. С. 150–152, 154.

чий контроль не во всероссийском масштабе, а «на отдельных фабриках может привести к улучшению положения». И в этой связи Валерьян Осинский вообще усомнился в целесообразности — до взятия власти — лозунга контроля, а Артем Сергеев — требования всеобщей трудовой повинности¹. Большевик-экономист Дмитрий Боголепов отметил, что инфляция, при существующей государственной монополии на хлебную торговлю, «превращает крестьян поголовно в спекулянтов. При этой системе в центральных губерниях голод может наступить даже в урожайный год». А это «может привести не только к голодным бунтам, но и к полной анархии — голодной революции». И в такой экстремальной ситуации, с которой правительство явно не справится, «необходим решительный план, вплоть до введения голодного коммунизма»².

Разброс мнений и оценок был достаточно широким. Но необходимость единства была осознана. И оно складывалось в ходе свободного обмена мнениями. Резолюцию, определявшую требования и детали меры, необходимые для предотвращения общенациональной экономической катастрофы, приняли 102 голосами при двух воздержавшихся. Точно так же 3 августа на последнем, 15-м, заседании всеми голосами при четырех воздержавшихся приняли выработанную комиссией резолюцию «О политическом положении».

Ее компромиссный характер был очевиден. Но это был «здоровый» компромисс. В 8-й пункт включили фрагмент резолюции Московской областной конференции о необходимости расширения влияния и защиты всех массовых организаций — и прежде всего Советов — от посягательств контрреволюции, который нисколько не противоречил ленинским тезисам. В конце резолюции указывалось, что пролетариат «должен направить все усилия на организацию и подготовку сил [слова: «к решительному бою», которые были в тезисах, сняли. — В. А.] к моменту, когда общенациональный кризис и глубокий массовый подъем создадут благоприятные условия для [слов «такого боя» — нет. — В. А.] перехода бедноты города и деревни на сторону рабочих — против буржуазии... Задачей этих революционных классов явится тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки...»³.

Слово «бой» осталось в другой фразе: «Пролетариат не должен поддаваться на провокацию контрреволюции, которая очень желала бы в данный момент вызвать его на преждевременный бой». И когда Юренев из цензурных соображений предложил и в этом месте заменить слово «бой» на «выступление», Сталин ответил ему: «Съезд не может исходить из “криминальности” того или иного выражения. Если мы заменим

¹ Шестой съезд РСДРП. С. 156–158, 160, 161.

² См. там же. С. 156.

³ Там же. С. 244, 249.

слово “бой” словом “выступление”, то создается впечатление, будто мы отказываемся от всяких выступлений (демонстраций, стачек и т. д.)...»¹.

Так что общепринятое утверждение о том, что VI съезд «нацелил партию на вооруженное восстание», не вполне корректно. Съезд «нацелил» рабочий класс и его союзников на «взятие государственной власти». Он констатировал, что осуществить это мирно и безболезненно — невозможно. Но какими именно методами будет ликвидирована «диктатура контрреволюционной буржуазии», съезд заранее не определял.

И еще об одной общепринятой легенде... Многие десятилетия партию большевиков 1917 года именовали «РСДРП(б)». Но достаточно взять «Правду» за этот год, чтобы убедиться, что называлась она — «РСДРП» без всяких скобочек. И это было продолжением дореволюционной традиции, когда большевики считали себя не раскольниками, отпочковавшимися от РСДРП, а преемниками исторических традиций революционной российской социал-демократии. При открытии съезда Михаил Степанович Ольминский напомнил об этом. И на последнем заседании Преображенский предложил назвать съезд — «VI съездом РСДРП». «Мы, — заявил он, — представители большинства пролетариата — имеем право назвать этот съезд съездом партии и восстановить счет съездов, утерянный меньшевиками»².

После принятия резолюции «О политическом положении» Сталин огласил список кандидатов, выдвигаемых съездом на выборы в Учредительное собрание: Ленин, Зиновьев, Коллонтай, Троцкий, Луначарский.

Заключительное слово для закрытия съезда предоставили Ногину. «Как бы ни была мрачна обстановка настоящего времени, — сказал он, — она искупается величием задач, стоящих перед нами как партией пролетариата, который должен победить и победит. А теперь, товарищи, за работу!»

Делегаты встали и запели «Интернационал»: «*Это будет* последний и решительный бой...»

Бой пришлось принять раньше, чем это мог кто-либо предположить...

Генеральский путч

Из Разлива пора было уходить. Весь июль бульварная пресса писала о том, что Ленин — то ли на аэроплане, то ли на подводной лодке — удрал в Германию и теперь «гоняет чай с кайзером в Берлине». Зацепок у контрразведки не было. Но в заметке, которую «Речь» опубликовала

¹ Шестой съезд РСДРП. С. 244, 250.

² См. там же. С. 251, 252.

28 июля о съезде большевиков, зацепки появились. «Сильное впечатление на съезде, — писала газета, — вызвало сообщение, что Ленин и Зиновьев, вопреки сообщению газет, за границу не выезжали и находятся в России в постоянном контакте с ЦК фракции большевиков», что свои статьи Ленин печатает в «Рабочем и Солдате», то есть находится где-то рядом с Питером. Даже в нелепейших слухах и то стали называть места весьма близкие. То говорили, что Ленин — с рыжей бородой и в красной рубашке — торгует огурцами рядом с Разливом на станции Курорт. А то и совсем близко: что работает он слесарем на Сестрорецком заводе. «Все газеты, — вспоминал Шотман, — подняли вой и с утроенной энергией стали требовать немедленного ареста Ленина»¹.

«Дело Ленина и др.» поручили вести опытнейшему следователю по особо важным делам Петроградского окружного суда П.А. Александрову, которого ради этого отозвали из отпуска. Керенский, хорошо знавший его, попросил Павла Александровича форсировать арест Ленина, а полковник Никитин передал в его распоряжение группу агентов наружного наблюдения контрразведки. Спустя 22 года, на допросе в НКВД, Александров говорил о том, что сразу «установил неосновательность улик», а затем и «необоснованность обвинения». Но тогда, в июле — августе 1917 года, он повел дело решительно. Сам допросил арестованных — Коллонтай, Троцкого, Луначарского и других. А во все губернии и уезды России пошли секретные циркуляры военным и гражданским властям о розыске и препровождении Ленина в столицу к следователю Александрову².

Уходить из Разлива надо было скорее. Уже в конце июля по ночам стало холодать и даже теплые вещи, привезенные Надеждой Кондратьевной, и газеты, которые подсовывали под сено, не спасали от холода и сырости. «Накрываемся, — рассказывает Зиновьев, — стареньким одеялом, которое раздобыла Н.К. Емельянова. Оно узковато, и каждый старается незаметно перетянуть другому большую его часть, оставив себе поменьше. Ильич ссылается на то, что на нем фуфайка и ему без одеяла нетрудно обойтись».

С озера, нагоняя волны, дул пронизывающий ветер. Емельянов вспоминал, как однажды, когда они ждали его жену, разыгралась чуть ли не буря. С Владимиром Ильичем они вышли на берег и увидели, как Надежда Кондратьевна «в лодке борется с волнами... Владимир Ильич побежал вдоль озера в ту сторону, куда относил лодку. И как только ее

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 422; РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 601, л. 28.

² См. статью Н.А. Анисимова в «Военно-историческом журнале» (1990. № 11. С. 7); Никитин Б.В. Роковые годы. С. 16, 17; В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 328, 394, 396.

стало прибывать к берегу, бросился в одежде в воду и помог жене сойти на сушу».

Комары, несмотря на дым костра, ели нещадно. А тут еще пошли обложные дожди и сидеть в темном шалаше, не имея возможности ни читать, ни писать, было невыносимо. Да и шалаш стал подтекать. Зачастили незваные «гости» — то косари заглянут, то охотники. И каждый раз, заслышав голоса, Владимир Ильич напяливал свой парик и брался за косу, а Емельянов или его сын уводили «гостей» подальше. Но однажды ночью, когда никого из Емельяновых не было, какой-то охотник забрел прямо в шалаш. «Мы постарались, — рассказывает Зиновьев, — незаметно спрятать под сено свою “библиотеку”, т. е. несколько книжек и рукописей, которые успели у нас накопиться... Ильич притворился спящим». А Григорий отвечал невнятно и, как положено финну, односложно. Естественно, что «в каждом таком охотнике, — замечает Зиновьев, — мы подозревали шпиона». Поэтому, как только VI съезд закончился, стали собираться в дорогу.

Емельянов привез пять подлинных удостоверений, которые выдавались рабочим Сестрорецкого завода. Ими пользовались и при переходе границы. Удостоверения были уже заполнены, и он дал их Владимиру Ильичу на выбор. Ленин выбрал документ на имя Иванова Константина Петровича. То, что выбрал «Иванова», — это понятно. На Ивановых, как говорится, вся Россия держится. А «Константина Петровича» запомнить было легко. Он уже был «Николаем Петровичем», когда в 1894 году впервые появился в рабочих кружках за Невской заставой. На это удостоверение приклеили фотографию, сделанную Лещенко, и поставили настоящую печать сестрорецкой милиции. Так что документ получился вполне надежным¹.

В предшествующие дни Шотман, Рахья и Емельянов проверили несколько вариантов перехода финской границы. Решили, что надежнее всего пройти из Разлива пешком верст 10–12 до станции Левашево. Оттуда поездом доехать до Удельной. Там переночевать у айвазовца Эмиля Кальске, а вечером на паровозе машиниста Гуго Ялавы — давнего друга Шотмана — переехать границу. По всем прикидкам получалось вполне складно, и Ленин одобрил этот вариант.

5 или 6 августа, когда собрались, появился сосед по покосу — Леонтьев. Был он мастером на Сестрорецком заводе, и в прежние времена рабочие подозревали его в шпионстве. Он стал упрашивать Емельянова уступить ему косарей и все рвался поговорить с ними сам. Но Николай Александрович ответил, что чухонцы уже возвращаются к себе в Финляндию, да и по-русски не говорят ни слова. Еле спровадили его,

¹ См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 413.

а Владимир Ильич пошутил: «Спасибо, Николай Александрович, что в батраки не отдали»¹.

Около половины десятого вечера все вещи, газеты и книги уложили в лодку и отправили в поселок. А Ленин, Зиновьев, Емельянов, Шотман и Рахья двинулись гуськом через кустарник вдоль залива. Вышли на безлюдный проселок. Потом свернули на лесную тропинку. Емельянов, то и дело приговаривавший, что знает тут каждый пенек, пошел впереди и почти сразу, в темноте, сбился с пути. Уперлись в какую-то речку. Пришлось раздеться и переходить вброд. Дальше — хуже: «...попали на болото, обходя которое незаметно очутились среди торфяного пожарища. После долгих поисков дороги, окруженные тлеющим кустарником и едким дымом, рискуя ежеминутно провалиться в горящий под ногами торф, набрали на тропинку, которая и вывела нас из пожарища. Чувствуем, что окончательно заблудились».

Но тут где-то поблизости прогудел паровоз. «Емельянов и Рахья отправились на разведку, а мы, — пишет Шотман, — уселись под деревом... У меня в кармане было три свежих огурца, но хлеба и соли не догадался захватить. Съели так. Минут через 10–15 вернулись разведчики с сообщением, что мы находимся близ станции, *кажется* у Левашево...» Владимир Ильич молчал, когда они переходили вброд невесть откуда взявшуюся холодную речку. Молчал, когда в кромешной тьме плутали по лесу. Молчал, когда выбирались из пожарища. Но это «*кажется*» вывело его из себя: все «абы как», все на «авось» да «небось»... «И ругал он нас за плохую организацию, — пишет Шотман, — пресвирепо».

Пошли к станции. Оказалось, не Левашево, а Дибуны — в 7 км от границы, где как раз вероятнее всего и можно было напороться на стражу. До отхода последнего поезда к Удельной в 1 час 30 мин. оставалось немного, Ленин, Зиновьев и Рахья ушли под откос, в темноту, а Шотман и Емельянов остались на платформе.

Загудел приближающийся паровоз, и из станционного помещения высыпало с десятков вооруженных гимназистов и штатских милиционеров во главе с офицером. Стали проверять документы. Шотмана с его финскими документами отпустили, но чуть ли не штыком — чтобы убрался скорее — посадили в подошедший состав, а Емельянов, дабы отвлечь внимание на себя, стал грубить милиционерам и его поволокли в помещение. Этим и воспользовались Ленин, Зиновьев и Рахья, успешно вскочить в головной вагон.

Не зная об этом, Шотман ужасно расстроился и вместо Удельной вышел в Озерках. Так что опять пришлось ему плестись верст шесть.

¹ Пролетарская революция. 1927. № 8–9. С. 71; Ленинградская правда. 1940. 21 апреля; 1955. 20 апреля; сб. «История пролетариата в СССР». № 4 (16). 1933. С. 161.

А когда добрался до квартиры Кальске — «не поверил своим глазам: на полу лежали и хохотали над моим растерянным видом Ленин, Зиновьев и Рахья... Они поужинали и уже почти засыпали, когда я пришел».

Весь следующий день прошел в разговорах. Решили, что Зиновьев, измотанный ночными приключениями, останется у Кальске, а Ленин двинется дальше. Вечером Рахья, Шотман и Владимир Ильич опять пошли к Удельной. Дождавшись поезда, который вел Ялава, Ленин быстро взобрался в паровозную будку и тут же, как заправский кочегар, стал шуровать в топке и подбрасывать в нее поленья. Рахья и Шотман сели в пассажирский вагон.

Перед границей документы проверяли в Белоострове. Но Ялава, отцепив паровоз, увел его от станции в темноту — набирать воду. А вернулся к составу как раз к третьему звонку. Через 15 минут миновали границу. В Териоках Ленина и его спутников уже ждали лошади, а в 12 верстах, в деревне Ялкала, уютный дом родителей жены Рахья — Лидии Петровны Парвияйнен¹.

Ее отец работал литейщиком в Питере. В доме говорили по-русски, было по-фински удивительно чисто и спокойно. Владимиру Ильичу отвели комнатку, в которой умещались лишь кровать и стол. Но после Разлива — это были просто хоромы. Из маленького окошка открывался вид на ухоженные огороды и перелески. И когда Лидия Петровна спросила — нравится ли ему здесь, Ленин ответил: «Такого спокойного места я еще нигде не встречал. Еще никогда мне не приходилось так спокойно жить»². Но когда он стал просматривать свежие газеты, стало ясно, что покоя — в обозримом будущем — не предвидится...

3 августа, в день окончания VI съезда партии, в Петроград прибыл Корнилов. Он привез записку правительству, в составлении которой участвовали Савинков, Филоненко, Завойко, генерал Плющевский-Плющик и другие. Ее смысл, как сформулировал сам Лавр Георгиевич, сводился к созданию «трех, подчиненных железной дисциплине, армий: армии в окопах, армии в тылу и армии железнодорожников», то есть к милитаризации страны. Как справедливо заметил известный историк Г.З. Иоффе, речь шла об установлении военной диктатуры, которая несла в себе мощный заряд реванша и мщения.

«Военный раздел» записки повторял те требования, которые выдвигались в Ставке 16 июля: полное восстановление дисциплинарной власти начальников, введение смертной казни не только на фронте, но и в тылу, запрет митингов, ограничение функций войсковых комитетов, а в противном случае — «кара по суду» и т. д. Единственная новация: для непо-

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 414, 424–427, 431.

² Яковлев Б.В. Ленин. Страницы автобиографии. С. 607 (РГАСПИ, ф. 71, оп. 51, д. 94).

винующихся — «концентрационные лагеря с самым суровым режимом и уменьшенным пайком».

«Гражданский раздел» требовал: объявить на военном положении железные дороги, а также большую часть заводов и шахт, перевести их на госзаказ, запретить митинги, забастовки и любые попытки рабочих вмешиваться в управление производством. Нарушителей — немедленно на фронт. Общий политический вывод: «Руководительство судьбами государства» должно осуществляться «спокойной и сознательной твердостью людей мощной воли, решившихся во что бы то ни стало спасти свободную Россию»¹.

Любопытно, что экономические программы большевиков и Корнилова в одном пункте совпадали: выход России из кризиса может обеспечить лишь государственное регулирование экономики. Но они разошлись в главном. Большевики ориентировались на инициативу, самостоятельность, вовлечение в контроль за производством самих трудящихся. Корнилов делал ставку на принуждение, подавление любых попыток рабочего контроля, на милитаризацию народного хозяйства по «европейскому образцу». И на VI съезде Милютин справедливо заметил, что тот «государственный социализм», который осуществили в Европе в годы войны, лишь «закрепостил рабочих».

Ознакомившись с запиской, Керенский заметил, что ряд предлагаемых мер «вполне приемлем», но избыточная прямолинейность генерала может привести к «обратным результатам». И 4 августа на заседании правительства Корнилову пришлось ограничиться лишь обзором положения на фронтах, после чего вконец раздраженный главком вернулся в Ставку².

Однако 8 августа, когда в Москве открылся так называемый Съезд общественных деятелей, Корнилов направил туда секретаря главного комитета Офицерского союза капитана В.И. Роженко. На квартире Н.М. Кишкина он провел тайное совещание с М.В. Родзянко, П.Н. Милюковым, А.И. Шингаревым, В.А. Маклаковым, Н.В. Савичем и другими. В информации Роженко «вопрос шел, — пишет Савич, — о походе кавалерии на Петроград, о разгоне Совдепа и объявлении диктатуры... Сразу же стало ясно, что сочувствуют делу все, но никто не верит в успех. Обсуждать тут же этот рассказ увлекающегося офицера не сочли возможным».

А дня через два «общественные деятели» встретились с более солидным представителем Ставки, князем Г.Н. Трубецким. «После долгих объяснений, — пишет Савич, — Милюков сделал... заявление о том,

¹ См.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 88, 89, 93, 94.

² См. там же. С. 92.

что они сердечно сочувствуют намерениям ставки остановить разруху и разогнать Совдеп. Однако... заранее можно сказать, что общественные массы были бы против них, если бы они активно выступили против Временного правительства». Поэтому, как сформулировал позднее Деникин, позиция перетрусивших либералов была проста: «сочувствие, но, к сожалению, не содействие»¹.

Это не совсем точно — поддержка была. Утром 11 августа Кокошкин встретился с Керенским и «решительно потребовал включения в порядок дня так называемой корниловской программы под угрозой выхода в отставку всей группы к. д.». А Съезд общественных деятелей, учредив постоянный Совет, в который вошла кадетская верхушка, создал бюро для связи с одной из главных корниловских опор — Союзом офицеров. В бюро включили его председателя А.Н. Новосильцева. И Рябушинский тут же передал ему на безотчетные расходы 10 тысяч рублей. В приветствии самому Корнилову говорилось: «Мыслящая Россия смотрит на Вас с надеждой и верой»².

11–12 августа состоялось расширенное заседание ЦК кадетской партии. Напрасно сетовал Милюков на привязанность «общественности» к демократическим принципам. Большинство членов ЦК решительно высказалось за немедленное установление военной диктатуры. «Страна ничего не понимает, — говорила Ариадна Тыркова. — С всеобщими [избирательными] правами мы влетим в болото». Ей вторил П.И. Новгородцев: «Надо покончить с большевистской революцией... Страна ждет власти и порядка». П.П. Герасимов искренне сожалел, что «некому даже залить улицы кровью». Мануйлов согласился: «Уговорами управлять нельзя... Остается утвердить власть на физической силе». Главное сформулировал Шингарев: речь идет о «потере власти» и проблема не в том, что думает «общественность». Раз есть надежные воинские части, казаки, кавалерия и артиллерия, то — заключил милейший Андрей Иванович — и *«меньшинство при сильной охране сильной власти может сделать дело»*.

Были, конечно, сомневающиеся — В.А. Оболенский, Н.К. Волков, А.А. Добровольский, А.К. Джигелегов, П.П. Юренев. Но сомневались они не в целесообразности военной диктатуры, а в том, удастся ли *«государственный переворот»* и не поведет ли попытка его совершить к еще худшей анархии».

Как вспоминал Оболенский, Милюков говорил «в крайне осторожной форме», но вполне определенно: «в этой фазе, в которую вступила революция, Временное правительство обречено и что спасти Россию от анархии может лишь военная диктатура». От его речи, пишет Владимир

¹ Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 189, 190.

² См. там же. С. 192, 193; Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 96.

Андреевич,— «создалось впечатление, что он уже вел переговоры с Корниловым и обещал ему поддержку». Но даже если это и произошло, членам ЦК Павел Николаевич не сказал ни слова. Впрочем, и они это «молчание понимали и не хотели нарушать его». Подводя итог, Милюков определил задачи: «нельзя сидеть на середине», надо добиться союза со «здоровыми элементами армии», с «буржуазными элементами», а вот с «умеренными социалистами идти [далее] не можем». Все с этим согласились¹.

Естественно, что в газетах протоколы заседаний не публиковались. Но их отзвуки, сама тональность либеральной прессы, требовавшей подавления новой революционной волны железом и кровью, вполне выдавали намерения буржуазных лидеров. Этого не понимали разве что «умеренные социалисты», которых упомянул Милюков. Даже лучшие и умнейшие из них...

Среди газет, прихваченных Лениным по пути в Ялкау, была «Новая жизнь» от 5 августа, напечатавшая речь Мартова на заседании ЦИК. Надо отметить, что Юлий Осипович собирался выступить на VI съезде большевиков, о чем и было заявлено 28 июля. Но после известных событий 29-го он решил ограничиться письмом, подписанным вместе с И. Астровым и зачитанным на съезде 2 августа, в котором выражалось «возмущение против [антибольшевистской] клеветнической кампании» и уверенность в том, что большевики не станут бороться против «большинства революционной демократии», консолидированного в Советах.

А выступая на заседании ЦИК 4 августа, Мартов сказал: «В наши цели не входит свержение нынешнего правительства или подрыв доверия к нему... Реальное соотношение сил не дает сейчас основания требовать перехода власти к Советам. Это могло бы явиться лишь в процессе гражданской войны, сейчас недопустимой. Мы не намерены свергать правительство, но мы должны указать ему, что в стране есть силы, кроме кадетов и военных. Это — силы революционной демократии и на них должно опираться Временное правительство».

Ленин всегда внимательно читал Мартова. Во-первых, отмечал Владимир Ильич, в отличие от многих эсеро-меньшевистских лидеров, страдавших самовлюбленностью и пустым фразерством,— «Мартов, как публицист, наверное, один из наиболее “левых”, из наиболее революционных, из наиболее сознательных и искусных». А во-вторых, потому, что в тот момент именно он наиболее точно формулировал настроения той колеблющейся массы, которая все еще надеялась на возможность мирного исхода событий.

¹ Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 194, 195, 196.

Первым ее предрассудком являлось представление о том, что всевозможные депутаты и делегаты бесчисленных съездов, конференций, совещаний — это не специфическое отражение реальных борющихся сил, а само поле политической борьбы. Что, в частности, эсеро-меньшевистское большинство в руководстве Советов — это и есть «большинство революционной демократии». Второй предрассудок, считал Ленин, состоял в представлении, будто правительство Керенского является «чем-то вроде надклассового и надпартийного» образования, что оно осуществляет «истинную государственность», проводит «истинный демократизм», что «на него только “давят” слишком сильно справа», и необходимо лишь «посильнее давить слева».

Наконец, третий предрассудок — это представление о том, что угроза гражданской войны исходит исключительно от пролетариата и его «анархических элементов». Между тем, отмечает Ленин, «всемирная история всех революций показывает нам не случайное, а неизбежное превращение классовой борьбы в гражданскую войну». Только превращение это осуществлялось не рабочими, не трудящимися массами, а самой буржуазией.

«Кто же не знает, — пишет Владимир Ильич, — что как раз *после* 4 июля мы видим в России начало гражданской войны со стороны контрреволюционной буржуазии, разоружение полков, расстрелы на фронте, убийства большевиков». Причем «буржуазия не боялась революции и гражданской войны в такие моменты, когда грозил внешний враг... в феврале 1917 года в России». Не побоялась она, «ценой гражданской войны... когда грозил внешний враг», захватывать власть и в июле¹.

Статья «За деревьями не видят леса», отвечавшая Мартову, была опубликована в Питере под псевдонимом Н. Карпов лишь 19 августа, т. е. почти две недели спустя. И сидеть в такие дни в глухой деревушке не только вдали от событий, но и в 12 верстах от станции и почты — было нестерпимо. Тем более что главного связника Ленина — Шотмана ЦК отправлял в длительную командировку на Урал. Впрочем, кое о чем Александр Васильевич успел договориться до отъезда...²

7 или 8 августа в Ялалу из Гельсингфорса приезжают актеры-любители Народного дома Карло Куусела и Густав Каллио. Реквизит они привезли небогатый и в конце концов заgrimировали Владимира Ильича под финского пастора. «Увидев себя в зеркале, — вспоминал Карло, — Ленин смеялся до упаду над своим новым обликом». Но в поезде к утру грим стал расплзаться и пришлось снять его вместе с приклеенной бородой.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 79–85.

² См.: Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 428.

Владимир Ильич спросил — не узнают ли его в таком виде? «Да, если бы это было в Петрограде, а не здесь... далеко в Финляндии, — ответил Куусела. — Кроме того, увидеть Ленина вместе с Куусела... Этому никто не поверит, настолько это невероятно! Скорее вас могут принять за кого-нибудь из наших старых артистов». Этого Владимир Ильич никак не ожидал. «Вы предполагаете, — полюбопытствовал он, — что я могу сойти за артиста?» Карло ответил категорично: «Убежден в этом».

В Лахти они вышли из поезда. «С Лениным под руку, — вспоминал Куусела, — мы ходили по платформе, весело беседуя по-фински. Говорил, конечно, только я, а Ленин ограничивался смехом, что звучало вполне по-фински». Корреспондент социал-демократической газеты Аксели Коски отвел их к себе на квартиру. 9 августа Владимир Ильич переезжает на станцию Мальм, где останавливается на даче депутата финляндского сейма, социал-демократа Карла Вийка, которого он знал по прежним временам. А 10 августа, в 22 ч. 30 мин., в сопровождении Вийка, позвонившего предварительно в управление милиции, выезжает в Гельсингфорс¹.

Звонок в милицию извещал о приезде Ленина ее начальника Густава Ровио, которого еще в апреле рабочие организации Гельсингфорса избрали на этот пост. Работал он прежде токарем в Питере, был членом партии с 1905 года, не раз арестовывался, ссылался в Вологду и Тверь. Но в 1917-м это уже не считалось грехом, и генерал-губернатор Михаил Стахович утвердил Густава сначала старшим помощником, а потом и временно исполняющим должность полицмейстера Гельсингфорса.

Ровио встретил Ленина и Вийка у Хагнесского рынка и привел к себе на квартиру. Здесь их встретил Шотман, который, подстраховывая Владимира Ильича, проделал тот же маршрут из Ялкалы с опережением на сутки. Лишь после этого он уезжает в Питер, а оттуда на Урал.

Первое, о чем стал расспрашивать Ленин своего нового «квартирохозяина», — как наладить получение газет из Петрограда и доставку туда нелегальной почты. Выяснилось, что газеты можно покупать ежедневно с приходом поезда в 6–7 вечера, а отправлять письма в Питер — минуя официальную почту, с надежным товарищем, железнодорожным почтальоном Кэсси Ахмалу. Ровио поставил на стол бутылку коньяка, закуски. Но Ленин пить не стал. И хотя было уже за полночь, как только Вийк и Шотман ушли, Владимир Ильич тут же засел за газеты.

Информация о росте революционных настроений, видимо, порадовала. Достаточно отметить, что собравшаяся 7 августа конферен-

¹ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 316, 318, 319; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 428, 429; Яковлев Б.В. Ленин. Страницы автобиографии. С. 607, 608 (РГАСПИ, ф. 71, оп. 51, л. 94).

ция фабзавкомов приняла резолюцию «О текущем моменте и рабочем контроле», предложенную большевистским ЦК. Но кое-что из публикаций огорчило. Еще в Разливе Ленин узнал, что 4 августа из тюрьмы освободили Каменева. Владимир Ильич вправе был надеяться, что это придаст большую выдержанность партийному курсу. И вот теперь в «Новой жизни» от 7-го было напечатано выступление Каменева на заседании ЦИК об участии в международной конференции социалистов в Стокгольме для выработки «мирных предложений».

Во второй главе уже рассказывалось, что Ленин еще в апреле решительно выступил против такой конференции с участием социалистов, сотрудничающих со своими правительствами. Он справедливо усмотрел в этой затее интригу немецких социал-шовинистов, пытавшихся найти выход из войны с наименьшими для Германии потерями. И Владимир Ильич настоял на том, чтобы Апрельская конференция РСДРП приняла соответствующую резолюцию. Но созыв международной конференции поддержали меньшевики и эсеры. А вслед за ними Каменев, выступая «от себя лично» в ЦИК, заявил о необходимости пересмотра большевиками «прежнего» решения.

Ленин пишет письмо в ЦК «О выступлении Каменева в ЦИК...». Это было действительно письмо, а не статья, как это принято считать, ибо обращалось оно к членам партии и требовало «отпора со стороны верных своей партии и своим принципам большевиков». А для печати была предназначена статья «О Стокгольмской конференции», написанная в ответ на передовицу «Новой жизни» от 10 августа¹.

В статье Владимир Ильич вновь и вновь разъясняет, что «Стокгольмская конференция заведомо собирается и поддерживается людьми, поддерживающими *свои* правительства», что фактически она «есть совещание министров, состоящих в империалистских правительствах». И это не «великое дело объединения международного пролетариата», а лишь «мелкое, мизерное, в значительной мере интриганское, зависимое от империалистов одной из коалиций, дело *объединения социал-шовинистов*». Участвуя в такой конференции, вы лишь рискуете стать «фактически игрушкой, орудием в руках тайных дипломатов немецкого империализма»².

А вот письмо в ЦК было написано в другом тоне. Только что, на VI съезде, приняли новый устав, дополненный требованием обязательного подчинения членов партии партийным решениям. С этой точки зрения, пишет Ленин, выступление Каменева носит «прямо чудовищный характер... С каких это пор в организованной партии по важным

¹ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 70, 98.

² См. там же. С. 102, 105, 106.

вопросам выступают отдельные члены “от себя лично”, раз фракция вопроса не обсуждала... Каменев не только не имел права выступать, но и прямо нарушил постановление партии, прямо говорил против партии, срывал ее волю...» В письме заграничному представительству (бюро) ЦК в Стокгольм, дабы не влипли они в какую-либо историю с пособниками немецких шовинистов, Ленин выражается еще резче: «Выступление Каменева... я считаю верхом глупости, если не подлости, и написал уже об этом в ЦК и для печати»¹.

Статья и письмо были отправлены в Питер, вероятно, 11 или 12 августа. И попали они, как говорится, к месту и времени. До этого руководящая роль «узкого состава ЦК» не подвергалась сомнению, Сталин, Свердлов и другие осуществляли ее достаточно жестко. В частности, когда 13 августа возник конфликт с Военной организацией по поводу газеты «Солдат», члены бюро «военки» обратились в ЦК с заявлением: «Тов. Сталин... заявил, что разговаривать ему с представителями Центрального бюро Военных организаций не о чем, что раз постановление ЦК состоялось, оно должно быть исполнено без всяких разговоров... Подобные *недопустимые* меры и шаги не являются случайностью, а с момента изменения прежнего состава ЦК обратились в прямую систему гонений и репрессий чрезвычайно странного характера по отношению к целой большой организации»².

Выход Каменева из тюрьмы несколько менял ситуацию в руководстве: как-никак, а он принадлежал к первой четверке членов ЦК, избранных съездом. В этой связи письмо Ленина *против* Каменева пришлось кстати. На заседании ЦК 16 августа, без всякого упоминания о выступлении Каменева, подтверждается прежнее решение о том, что на Стокгольмскую конференцию «идти не следует». Но еще утром, до заседания ЦК, в газете «Пролетарий», заменившей «Правду», за подписью Ленина публикуется *не* предназначавшееся для печати его «ругательное» письмо в ЦК. А вот ленинская статья *для печати* появляется в «Пролетарии» лишь 26 августа.

Между тем в целесообразности публикации письма Владимира Ильича именно в этот момент можно было усомниться. 10 августа пресса дала информацию о том, что бывший жандармский полковник Николай Балабин дал показания о связях Каменева в прежние времена с киевской охранкой. В том, что эта информация является чистейшим политическим шантажом, сомневаться не приходилось. ЦИК создал комиссию для разбора «дела», а Каменев подал заявление о своем устранении «от общественной деятельности до разбора дела».

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 70; Т. 49. С. 447.

² Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. С. 24, 25.

Узнав с запозданием об этом, Ленин пишет статью «Политический шантаж», в которой отмечает, что травля, клеветы, инсинуации давно уже стали для буржуазной прессы «орудием политической борьбы и политической мести». Имея в виду и свою судьбу, Владимир Ильич с горечью констатирует: «Царизм преследовал грубо, дико, зверски. Республиканская буржуазия преследует *грязно*, стараясь запачкать ненавистного ей пролетарского революционера и интернационалиста клеветой, ложью, инсинуациями, наветами, слухами и прочее и прочее».

Может ли революционер из-за подобного рода вымышленных «историй» самоустраняться с политической арены? Конечно нет, отвечает Ленин. «Шантажистам только того и надо было». Претензии подобной прессы на выражение «общественного мнения России» являются лишь проявлением «грязной натурежки» сочинителей «дела» и нехитрым приемчиком «подлой бесчестности», цель которой — отнять у противника «возможность политической деятельности».

Есть другая общественность, к голосу которой обязан прислушаться революционер. Это «суд пролетариев, сознательных рабочих, своей партии», не изменившей своему народу и идеалам освободительного движения. И именно в этой связи он пишет слова о партии, которые — кстати и не кстати — любили цитировать совсем в другие времена: «Ей мы верим, в ней мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи...»¹ Эту статью «Пролетарий» опубликовал 24 августа, а 30-го комиссия ЦИК полностью реабилитировала Каменева. Как написал по этому поводу Луначарский, выпущенный из тюрьмы 9 августа, «все рассеялось, как пуф! Был однофамилец [Розенфельд], да подлая работа охранки, пытавшейся перед смертью обрызгать кого можно своим зловонным ядом»².

Запоздание информации, получаемой Лениным, было очевидно. Густав Ровио вспоминал: «По вечерам я караулил на вокзале почтовый поезд, покупал все газеты и приносил Ленину. Он немедленно прочитывал их и писал статьи до поздней ночи, а на следующий день передавал мне их для пересылки в Питер»³. А вот с ЦК связь никак не налаживалась.

17 августа Владимир Ильич пишет, что «после *долгих недель вынужденного перерыва*» он все-таки «*ни спросить ЦК ни даже снести с ним не имеет возможности*». Даже первые номера центрального органа — газеты «Пролетарий», начавшей выходить 13 августа, Ленин получает лишь 18-го. Газета «Рабочий», сменившая 25-го «Пролетарий», доходит лишь 30 августа. А письмо Заграничному бюро ЦК в Стокгольм лежит более

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 90–93.

² 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. М., 2005. С. 243.

³ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 437.

недели, так что «у меня выходит поэтому, — замечает Владимир Ильич, — нечто вроде дневника вместо письма!»¹

На этой почве возникали и недоразумения. Прочитав в «Новой жизни» изложение речи Володарского в ЦИК 24 августа, Ленин пишет в ЦК протестное письмо. Но получив «Рабочий», он 30-го делает приписку к этому письму о том, что «совпадение у нас получилось полное» и опровержение Володарского «“ликвидирует” мои упреки»².

Конечно, отправка Шотмана на Урал сыграла свою роль в нарушении налаженной связи. Но еще большее значение, видимо, имели те бурные события, которые в эти дни происходили в стране.

12 августа в Москве в Большом театре открылось Государственное совещание. Никем не избираемое и никому не подотчетное Временное правительство все время искало какой-то точки опоры, которая создавала хотя бы видимость легитимной власти. Созыв Учредительного собрания откладывался. В прессе пошли разговоры о том, что его вообще можно будет собрать лишь после окончания войны. Но главное, «власть имущие» понимали, что получить «точку опоры» в результате демократических выборов теперь уже невозможно. Поэтому Государственное совещание, собранное с помощью нехитрой манипуляции представительством «общественных организаций», вполне годилось для этой цели.

Из двух с половиной тысяч его делегатов абсолютное большинство представляли буржуазно-помещичьи организации. В правой стороне зала преобладали генеральские мундиры и лишь слева мелькали редкие солдатские гимнастерки. О штатской публике корреспондент «Известий» сообщил кратко: «визитки и сюртуки доминируют над косоворотками». От Советов присутствовало лишь 229 человек. Причем большевиков сам ЦИК в состав делегации не включил.

Керенский вышел на сцену Большого театра в сопровождении двух офицеров-адъютантов в морской и сухопутной военной форме. На протяжении всего совещания они стояли за его спиной, как бы символизирова прочность и могущество власти. Но основным тоном речи Керенского, пишет Милюков, «вместо тона достоинства и уверенности... оказался тон плохо скрытого страха, который оратор как бы хотел подавить в самом себе повышенными тонами угрозы». Левым — за попытки посягнуть на власть — он грозил «железом и кровью», правым — «силой подчинить воле верховной власти и мне, верховному главе её».

Милюков комментирует: «Многие провинциалы видели в этой зале Керенского впервые — и ушли отчасти разочарованные, отчасти возмущенные. Перед ними стоял молодой человек с измученным, бледным

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 445, 447, 450, 451.

² См. там же. Т. 34. С. 121.

лицом, в заученной позе актера... Этот человек как будто хотел кого-то устроить и на всех произвести впечатление воли и власти в старом стиле. В действительности он возбуждал только жалость». В зале явно преобладали те, кто надеялся уже не на Керенского, а на Корнилова. Ходили даже слухи, что передача власти «верховному» может произойти прямо здесь — на совещании. Поэтому встреча претендента в диктаторы, прибывшего в Москву 13 августа, вылилась в открытую контрреволюционную демонстрацию.

Перед Александровским вокзалом выстроилась в конном строю казачья сотня. У виадук — женский «батальон смерти». На перроне — почетный караул с развернутым знаменем, оркестром и множество офицеров и дам с цветами. А когда подошел поезд и из вагона — в красных халатах, с обнаженными кривыми саблями — высыпал личный конвой текинцев, тут-то и началось... «Спасите Россию, генерал, — взывал “первый тенор” кадетской партии Федор Измайлович Родичев, — и благодарный народ увенчает Вас!» В толпе раздались всхлипывания. Миллионерша Морозова бухнулась на колени. Офицеры подняли Корнилова на руки и вынесли на площадь, где состоялся церемониальный марш караула, женского батальона и казаков.

Корнилов прибыл в Большой театр. «Низенькая, приземистая, но крепкая фигура человека с калмыцкой физиономией, с острым пронизывающим взглядом маленьких черных глаз, в которых вспыхивали злые огоньки, появилась на эстраде. Зал дрожит от аплодисментов, — пишет Милюков. — Все стоят на ногах, за исключением... солдат». По их адресу справа несутся крики: «Хамы! Встать!» Слева отвечают: «Холопы!» Керенский успокаивает зал: «Ваше слово, генерал!»

Корнилов был решителен и краток. Взвалив вину за поражение на фронте на солдат и рабочих, он заявил, что если в ближайшее время не будут приняты «решительные меры» — фронт рухнет... «Нельзя терять ни минуты». Остальное «досказал» донской атаман Алексей Максимович Каледин. Ради «спасения страны» он потребовал распустить все Советы как на фронте, так и в тылу, «решительными мерами» восстановить дисциплину, ибо «время слов прошло...» Его поддержали генералы Алексеев, Краснов, а также Гучков, Родзянко, Маклаков, Шульгин и другие. Левые промолчали. «...Сидел с закрытым ртом, — с горечью писал Мартов, — ибо наше большинство (Совета) заранее постановило, что “оппозиция” не имеет право выступать самостоятельно (чтобы не испортить торжественности)». И прав был Ленин, когда написал о соглашателях: «Им плюнул казачий генерал [Каледин] в физиономию, а они утерлись и сказали: “Божья роса!”»¹

¹ См. там же. С. 127; 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. С. 236.

Ответ был дан за стенами Большого театра. Еще 5 августа ЦК РСДРП принял решение «сорвать с совещания маску народного представительства, выставив на свет его контрреволюционную противонародную сущность». Московский комитет принял решение о стачке, и 12 августа в ней приняло участие более 400 тысяч человек. Бастовали даже лакеи и официанты, так что участников совещания некому было обслуживать в гостиницах и ресторанах. Остановился транспорт. Вечером рабочие электростанции вырубili свет: «пусть мракобесы заседают в темноте». Демонстрации прошли в Петрограде, на Урале, в Сибири. Бастовали в Киеве, Харькове, Самаре, Царицыне, Нижнем Новгороде, Саратове...

Было от чего прийти в уныние. И заключительная речь Керенского 14 августа напоминала сцену из трагифарса: «Сегодня, граждане земли русской, я не буду больше мечтать... Пусть сердце станет каменным... Пусть засохнут все те цветы и грезы о человеке (женский возглас сверху: “Не нужно!”)», которые сегодня, с этой кафедры... топтали. Так сам затопчу. Не будет этого. (Женский голос сверху: “Не можете вы этого сделать. Ваше сердце вам этого не позволит!”) Я брошу далеко ключи от сердца, любящего людей. Я буду думать только о государстве». В зале стояла оторопь...¹

«Деловым людям» претила эта сентиментальность премьеры. И уже в дни совещания они потянулись в салон-вагон Корнилова, стоявший на запасных путях Александровского вокзала. Здесь побывали не только генерал Алексеев, лидер черносотенцев Пуришкевич, промышленно-финансовые олигархи Путилов, Вышнеградский и другие. Здесь, пренебрегая обычной осторожностью, побывал и Милюков. С олигархами разговор был сугубо «меркантильным». Лавр Георгиевич просил деньги на переворот, «чтобы разместить людей перед выступлением, кормить». Деньги были твердо обещаны².

С Милюковым разговор был «политическим». Спустя 20 лет Павел Николаевич — естественно, не без «тумана» — рассказал о нем: «Корнилов уже принял решение о сроках его открытого разрыва с правительством Керенского и даже назначил его дату — 27 августа... Я предупредил генерала Корнилова, что, на мой взгляд, разрыв с Керенским несвоевременен, и он не особенно это оспаривал. Я сказал то же самое Каледину, с которым я также виделся в те же дни... Генерал Корнилов не сообщил мне никаких деталей о готовящемся выступлении, но высказал пожелание, чтобы партия к. д. его поддержала, — хотя бы отставкой министров к. д. — в решительную минуту»³.

¹ Троицкий А. Д. История русской революции. М., 1997. Т. 2. Ч. I. С. 171.

² См.: Иоффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 101, 102.

³ Думова Н. Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 196.

В поддержке кадетов сомневаться уже не приходилось. Если на заседании их ЦК 11–12 августа еще были колеблющиеся, то теперь — на заседании 20-го, всего лишь неделю спустя, — позиция Милюкова «получила безоговорочное одобрение». Антон Владимирович Карташев — с 5 августа министр исповеданий в правительстве — с небольшой дозой патетики заявил, что «справиться с развалом» могут только «старые боевые генералы», ибо «власть возьмет тот, кто не побоится стать жестоким и грубым». А Андрей Иванович Шингарев добавил: «Дело идет к расстрелу, так как слова бессильны». Милюков с удовлетворением резюмировал: «Жизнь толкает общество и население к мысли о неизбежности хирургической операции»¹.

Читатель, вероятно, уже давно заметил, что у людей интеллигентных существует одна особенность: они никогда не совершат дурного поступка, не обосновав предварительно, что он есть благо. Но и совершая данный поступок, они скорбят, ссылаясь на обстоятельства, понудившие их к этому.

26 августа Ленин написал: наши «до приторности сладенькие» министры и экс-министры, «которые бьют себя в грудь, уверяя, что у них есть душа, что они ее губят, вводя и применяя против масс смертную казнь, что они плачут при этом — улучшенное издание того “педагога” 60-х годов прошлого века, который... порол не попросту, не по-обычному, не по-старому, а поливая человеколюбивой слезой “законно” и “справедливо” подвергнутого порке обывательского сына»².

Потому-то и рыдал Керенский о растоптанных «цветях и грезях о человеке». Потому и Милюков говорил не о том, чтобы с помощью военной диктатуры «пустить кровь», а лишь о «хирургической операции».

Собственно говоря, можно было уже обойтись и без эвфемизмов. Заговор Корнилова переставал быть тайной. О передвижке войск, концентрации их вокруг Петрограда писали даже в газетах. 17 августа «Новая жизнь» опубликовала статью «Слухи о заговоре», в которой рассказывалось, как после окончания Государственного совещания поползли слухи о том, что «определенные военные группы при сочувствии некоторых общественных кругов» организуют «решительные контрреволюционные выступления». Сообщалось также, что в Москве власти информировали об этом представителей ЦИК и Совета, а те, в свою очередь, привлекли большевиков для совместной организации защиты «от контрреволюции». Иными словами, речь шла о союзе и блоке большевиков с меньшевиками и эсерами для защиты *Временного правительства* Керенского.

¹ Думова Н.Г. Кадетская партия... С. 197.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 97.

Эту газету вместе с другими Ровио принес с вокзала, видимо, вечером 17-го. Статья «Слухи о заговоре» сразу привлекла внимание Ленина. Конечно, для серьезного политического деятеля пользоваться слухами — дело совсем никудышное. Но если нет иной информации, то можно попытаться выудить что-то хотя бы из них. И Владимир Ильич проигрывает возможные сценарии событий...

Выступление генералов напрямую против Керенского мало вероятно. В июльские дни они были вместе, а соглашатели поддержали их. Теперь они хотят изобразить из себя «защитников революции». Войти с ними в блок — невозможно. Это записано в решениях VI съезда. И если нашлись такие наивные «дурачки и негодяи из большевиков», они «были бы немедленно — и по заслугам — исключены из партии»¹.

Так уж совпало, что именно в этот день, 17 августа, Керенский вызвал Бориса Савинкова. О переброске корниловских войск с Юго-Западного фронта к Питеру Александр Федорович знал от начальника штаба Ставки генерала Лукомского. И он сказал Савинкову, что согласен с предложениями, содержащимися в «записке» Корнилова, и отдаст распоряжение подготовить соответствующий законопроект². Так что альянс Керенского и Корнилова, предполагавшийся Лениным, действительно получал новый импульс.

И все-таки Владимир Ильич продумывает и другой сценарий: а если генералы — несмотря ни на что — пойдут на мятеж против Керенского. «...В том исключительно редком случае, который мы предположили, — пишет Ленин, — большевик сказал бы: наши рабочие, наши солдаты будут сражаться с контрреволюционными войсками, если те начнут наступление сейчас против Временного правительства, защищая не это правительство... а самостоятельно защищая революцию, преследуя цели свои, цели победы рабочих, победы бедных, победы дела мира...»³

Прописывая эти сценарии, Ленин все время оговаривает, что никакой иной информацией, кроме этих, возможно, сфабрикованных и вздорных слухов, он не располагает. Но самое мучительное для него — нет никакой связи с ЦК, и он «ни спросить ЦК ни даже снести с ним» до сих пор не имеет возможности⁴. Эти уже приводившиеся строки, в которых сквозит не отчаяние, а плохо прикрытое нервное напряжение, Владимир Ильич написал 17-го. А 18 августа в Гельсингфорс приезжает Крупская...

Видимо, еще перед уходом из Разлива Ленин договорился с Емельяновым о том, что при необходимости он поможет Крупской перебраться

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 75.

² См.: Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 105.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 76.

⁴ См. там же. Т. 49. С. 447.

в Финляндию. Удостоверение для перехода границы на имя тетки Емельянова Агафьи Атамановой, умершей незадолго до этого в Райволе, было получено у тамошнего волостного старосты. Тот же Дмитрий Иванович Лещенко сфотографировал Надежду Константиновну в обычной одежде сестрорецких работниц. Через Ялаву и Зофа ей передали список вещей, составленный Владимиром Ильичем, в котором значились: машинка для стрижки волос под ноль, чашка и порошок для бритья, иголка и черные нитки, шифр для связи с Заграничным бюро ЦК, зубочистки, ручка и перья, черная лента для шляпы, словарь «полиглот шведский и финский», красный, синий и химический карандаши и т. д. И еще он попросил привезти питерского хлеба, свои тезисы VI съезду и газеты «Правда» и «Известия»¹.

«Наконец, — пишет Крупская, — пришла от Ильича книга, в которой химией был нарисован план, как пройти с вокзала, никого не спрашивая, к дому, как подняться по лестнице, в какую дверь позвонить. На другой день поехала к Ильичу...» Из Разлива Емельяновы проводили ее пешком через лес — верст пять — до станции Олилла и там посадили в солдатский поезд. «...Дорога прошла гладко... Правда, пришлось всю ночь простоять, так как вагон был битком набит, но как-то не замечалось усталости, мысли были сосредоточены». В Гельсингфорсе случилась невязка. Когда в Питере Крупская нагревала на лампе химическое письмо с планом прохода от вокзала, обгорел край листа. И теперь ей пришлось долго бродить по городу, прежде чем нашла она нужную улицу, дом и ту самую квартиру.

«Ильич обрадовался очень», — скупой отметила Надежда Константиновна. Они не виделись с 7 июля, когда на квартире у Аллилуевых, прощаясь, он обнял ее и бросил фразу: «Может, уже и не увидимся». Прошел всего месяц с небольшим, но какие это были дни. Через Ялаву и Зофа она получала иногда короткие записки «с разными простыми поручениями. И после каждого такого письма до жути хотелось повидаться...».

Вот и встретились. Она была в той же одежде работницы, в которой сфотографировалась. Эта одежда и косынка на голове очень шли ей. Владимир Ильич попросил Ровию переночевать на другой квартире и добавил, что и «завтра вы не приходите ко мне, я [сам] приду за газетами к вам...» И Густав тут же ушел, оставив их вдвоем².

Крупская привезла почти все, что просил Владимир Ильич: хлеб, газету «Пролетарий» с 13 по 17 августа, выходящую вместо «Правды», шифр для связи со Стокгольмом и прочее. Но словарь, иголку с нитками

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 443, 444, 451.

² Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 459; Т. 2. С. 415.

и кое-какую другую мелочь купить не успела — торопилась. Но не это было главным. «Видно было, — пишет Надежда Константиновна, — как истосковался он, сидя в подполье в момент, когда так важно было быть в центре подготовки к борьбе. Я ему рассказала о всем, что знала»¹.

А знала она многое. И продолжением ответа Ленина на статью «Слухи о заговоре» становится его прямое обращение в ЦК. «Эту статью, — пишет Владимир Ильич, — я прошу переписать в нескольких экземплярах, чтобы одновременно и послать для печати в несколько партийных газет и журналов, и одновременно внести в ЦК от моего имени с такой припиской:

Настоящую статью я прошу рассматривать как мой доклад ЦК...»²

Московская стачка 12 августа, пишет Ленин, показала, что в Москве на почве безработицы, голода и разрухи вполне может вспыхнуть стихийное движение, подобное июльскому выступлению в Петрограде. Но если тогда в Питере задача состояла в том, чтобы «придать мирный и организованный характер» данному выступлению, то теперь этот лозунг «был бы архиневерен». И если в Москве действительно «вспыхнет стихийное движение», то она «может приобрести значение *центра*». В таком случае надо «*взять власть* самим и объявить себя правительством во имя мира, земли крестьянам...»

Поэтому «крайне важно, чтобы в Москве “у руля” стояли люди, которые бы не колебались вправо... которые бы в случае движения понимали *новые* задачи, *новый* лозунг взятия власти, *новые* пути и средства к нему». А посему необходимо во всех деталях проанализировать: были ли на самом деле сговор москвичей — членов ЦК или МК с соглашателями. И если факт подтвердится, «внести вопрос о формальном отстранении их до съезда на первый же пленум ЦК». Это «необходимо не только во имя дисциплины», но прежде всего в «интересах *будущего* движения»³.

На следующий день Владимир Ильич и Надежда Константиновна пошли гулять через большой парк на Хагнесскую площадь к Ровию за газетами. А на другой день она уехала. И опять «захотел Ильич, — пишет Крупская, — непременно проводить меня до вокзала, до последнего поворота довел. Условились, что приеду еще»⁴.

Судя по всему, уже после ее отъезда, 19 августа, к Ленину зашел Карл Вийк. Квартира Ровию, как и ее хозяин, были уж слишком на виду. И Карл предложил Владимиру Ильичу перебраться на пустующую квар-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 506; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 459.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 77.

³ Там же. С. 77, 78.

⁴ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 459; Т. 2. С. 444.

тиру рабочего Артура Усениуса на улице Фредрикинкату. «Поздно вечером, — пишет Ровио, — мы перевезли его туда». Впрочем, через несколько дней вернулись из отпуска и хозяева — Артур и его жена Мария, взявшая на себя заботы о быте гостя. О нем она знала лишь то, что это «самый большой революционер, которого надо очень беречь».

Марии запомнилось, что гость был непритворлив в еде. У Ровио Владимир Ильич питался в основном бутербродами и крутыми яйцами, которые сам варил на плите. Но Усениусы, как и положено рабочей семье, подобных «диет» не признавали, и Мария готовила как обычно. Мясо уже было дефицитом, и однажды — на второе — она нажарила в масле свеклу. Блюдо так понравилось гостю, что он попросил даже записать рецепт. Еще Марии запомнилось, что по ночам у него горел свет и он что-то писал. Хотя Усениусы и отвели ему отдельную комнату, беспокоить, стеснять хозяев Владимир Ильич не хотел и вскоре опять перебрался к Ровио¹.

Каждый день он посылал Густава за газетами и ждал какой-то реакции на свое обращение в ЦК. В формальной просьбе Ленина не только обсудить его статью как доклад в ЦК, но и опубликовать ее в большевистской прессе усматривалось явное желание Владимира Ильича вынести вопрос за рамки «узкого состава» лидеров. И в дореволюционные времена, в ходе внутрипартийных дискуссий, исход борьбы всегда решало обращение к партийным организациям, к социал-демократическим рабочим. Так что ничего «неконституционного» в этой просьбе не было. Однако статья Ленина «Слухи о заговоре» опубликована не была. И никаких следов ее обсуждения нет в протоколах заседания «узкого состава ЦК» ни 20-го, ни 23 августа.

А 21 августа, на третий день начавшегося немецкого наступления, пала Рига, открывая дорогу на Петроград. Угроза Корнилова, предрекавшего на Государственном совещании опасность того, что «фронт рухнет», оправдывалась уж слишком скоро. А в беседе с румынским посланником Константином Диаманди Лавр Георгиевич сказал честно, что «войска оставили Ригу по его приказанию и отступили потому, что он предпочитал потерю территории потере армии». Корнилов добавил, что он «рассчитывает также на впечатление, которое взятие Риги произведет в общественном мнении в целях немедленного восстановления дисциплины в русской армии». Не сказал он лишь о том, что ошибался в указании виновных. Именно «большевистские» полки 12-й армии, неся огромные потери, дрались наиболее героически².

¹ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 4. С. 325; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 437; Яковлев Б.В. Ленин. Страницы автобиографии. С. 614 (РГАСПИ, ф. 71, оп. 51, д. 94).

² См.: Минц И.И. История Великого Октября: В 3 т. Т. 2. С. 728.

Получив известие о сдаче Риги, Ленин пишет листовку. Падение Риги, отмечает он, это «еще одно тяжелое поражение». А дальше еще «десятки и сотни тысяч погибнут от затягивания войны, пока народ будет терпеть такое правительство». Сохранить целостность России, «вернуть» Ригу и другие захваченные неприятелем территории — если на то будет воля их населения — можно лишь предложив немедленно «мир без аннексий, т. е. без захватов чужих земель». Но сделать это сможет лишь рабочее правительство. И надо разъяснять народу «необходимость свержения правительства Керенского и установления рабочего правительства».

В дополнение к этой явно нелегальной листовке Ленин пишет письмо в ЦК. Прекрасно понимая, что ЦК будет изо всех сил держаться — и совершенно справедливо — рамок легальности, он предлагает, дабы не давать повода для новых гонений, *дистанцировать* подобные выступления от партии и под листовкой поставить подпись: «Группа преследуемых большевиков», действующих «вне рамок легальной большевистской партии»¹. Как отреагировали в ЦК на это письмо — неизвестно. Но именно в эти дни происходят события, которые меняют всю политическую обстановку в стране...

Уже в начале августа Корнилов дал приказ о переброске 3-го конного корпуса генерала Крымова и Туземной («Дикой») дивизии генерала Багратиона с Юго-Западного фронта к Великим Лукам, а 5-й Кавказской дивизии из 1-го конного корпуса генерала Долгорукова с Северного фронта в район Белоострова. Относительно Крымова Лавр Георгиевич заметил: «Я убежден, что он не задумается в случае, если это понадобится, перевешать весь состав Совета рабочих и солдатских депутатов». Одновременно, под разными предлогами, в Питер направлялись десятки офицеров. Туда же из Ставки прибыл один из руководителей «Союза офицеров» полковник В. Сидорин. Он связался с полковником Дюсемитьером, возглавлявшим военный отдел «Республиканского центра», и представителем «Военной лиги» генералом Федоровым.

От Путилова, Вышнеградского, Белоцветова и других финансистов были получены обещанные деньги, на которые и велась подготовка к выступлению. На офицерские группы возлагалась задача: при вступлении в Питер корниловских войск немедленно захватить вокзалы, мосты, телеграф и «арестовать Смольный». На этом техническую подготовку мятежа можно было считать законченной².

Выступление наметили на 27 августа. В этот день в столице предполагалось широкое празднование полугодовщины Февральской револю-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 86–89.

² См.: Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 103, 110, 111.

ции. Большевики отказались от совместных акций по данному поводу с соглашательским ЦИК и намеревались выступить отдельно. Именно это и решили использовать заговорщики.

В прессе стали нагнетать панические слухи о скором наступлении немцев на Питер. Во всех деталях расписывались ужасные взрывы на пороховых заводах и артиллерийских складах в Петрограде, Одессе, Казани. Всячески муссировались подробности произошедшего в эти дни зверского убийства героя войны — потерявшего в боях обе руки генерала Гиршфельда и героя апрельских событий в столице комиссара Федора Линде во время солдатского бунта в Особой армии. Но главное место, несмотря на опровержение, данное фракцией Петросовета, занимали слухи о якобы предстоящем 27 августа «восстании большевиков» и готовящейся ими резне в столице. Логика организаторов пиар-кампании была проста: перепуганный обыватель с восторгом встретит любых избавителей от этого кошмара¹.

Оставалось лишь завершить торги с самим Керенским, дабы он придал генеральскому путчу должную легитимность. О передвижении войск, как уже отмечалось, Александр Федорович был осведомлен. И 23 августа по его указанию в Ставку прибыли товарищ военного министра Савинков и шуриин Керенского, помощник министра Барановский.

Они договорились с Корниловым о выделении из Петроградского военного округа столицы с ее окрестностями, переподчинении их Ставке и о том, что войска будут подтянуты к самому городу. В случае, если Советы станут сопротивляться, указал Савинков, «действия должны быть самые решительные и беспощадные». Корнилов и до этого имел суждения на сей счет: «Ленина повесить, а Советы разогнать», а посему ответил Борису Викторовичу, что «иных действий он не понимает и что инструкции будут даны соответствующие». Барановский поддержал: «Необходимо действовать самым решительным образом и ударить так, чтобы почувствовала вся Россия».

Единственная просьба Керенского, переданная Савинковым, — не вводить в Петроград «Дикую дивизию», ибо невозможно, как он выразился, чтобы «русские дела» решали «кинородцы», а также снять с командования 3-м конным корпусом Александра Михайловича Крымова. Как заметил Корнилов, они побоялись, чтобы Крымов «не повесил лишних 20–30 человек». Тем не менее Лавр Георгиевич заверил, что пожелание Александра Федоровича будет выполнено.

Сложнее пошло обсуждение вопроса о правительстве. О том, что в его составе не будет «социалистов», договорились сразу. Но Савинков

¹ См.: Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 106, 107; Протоколы ЦК РСДРП(б). С. 30, 31, 255.

стал добиваться от Корнилова заверений в *лояльности Керенскому*. Лавр Георгиевич уклонялся и даже сказал, что роль министра-председателя должна быть уменьшена. Но в конечном счете он все-таки заявил, что без Керенского правительства не мыслит и полностью поддержит Александра Федоровича, *если* тот встанет на путь создания «твердой власти». На прощание условились, что 27-го Корнилов даст телеграмму о завершении переброски войск, и Петроград будет объявлен на военном положении¹.

24 августа Савинков вернулся в столицу и доложил министру-председателю об успехе переговоров. Но Керенский пребывал в сильнейшем смятении духа. Зинаида Гиппиус, к которой он забежал на чашку чая, записала в дневнике, что «впечатление он производил совершенно гнетущее. От него веяло состоянием большой растерянности и недоверия решительно во всем». Основания для этого были. Со всех сторон поступали самые разноречивые сведения и слухи.

После отъезда Савинкова из Могилева в Ставке ликовали. Необходимая легитимация заговора была получена. В ближайшем окружении Корнилова стали толковать о будущей форме правления. Решили создать «Совет народной обороны» во главе с Корниловым. В заместители, со скрипом, наметили Керенского, членами — генерала Алексева, адмирала Колчака, Савинкова и Филоненко. В правительство стали прочить — от бывшего царского министра М. Покровского до социалиста-патриота Г. Плеханова.

Члены офицерского «Союза» высказывались за более простое решение: вызвать Керенского в Ставку, а поскольку здесь против него существует «крайнее озлобление», то вполне могут и убить... Но Корнилов сам прекратил эти пересуды, заявив, что вопрос о правительстве он будет решать по договоренности с Керенским.

В тот же вечер 24 августа в Могилев приехал Владимир Николаевич Львов, входивший до июля в правительство как обер-прокурор Святейшего Синода. Поскольку гостиницы были забиты съехавшимися в Ставку офицерами, он остановился у знакомого есаула И. Родионова — члена Главного комитета «Союза офицеров». И поскольку есаул и его коллеги пребывали после отъезда Савинкова в эйфории, а возможно, и «под градусом», он тут же выложил Владимиру Николаевичу все, что думает о Керенском и о том, каким способом его лучше повесить².

Утром 25-го Корнилов принял Львова, который заявил, что прибыл от Керенского для окончательного прояснения «конструкции власти». Спор о том, блефовал он или нет, продолжается по сей день. Генрих Иоффе считает, что основания для подобного заявления были. 22 авгу-

¹ См.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 104, 108, 110–112.

² Там же. С. 107, 110, 111, 117.

ста Львов действительно был у Керенского и предложил ему свои услуги для налаживания связей с правыми, прокорниловскими «общественными деятелями», с которыми он контактировал через своего брата Николая. Владимир Николаевич беседовал с Керенским и о «конструкции власти», и о необходимости диктатуры, и об использовании в этих целях Корнилова. При этом было очевидно, что в роли диктатора Александр Федорович видит себя.

Львов, видимо, решил, что настал его «звездный час» и он вновь вернется на политическую арену. О его беседе с Керенским были проинформированы Рябушинский, Третьяков, Родзянко, некоторые офицерские организации и лишь после этого Владимир Николаевич выехал в Могилев¹.

Между тем для Корнилова общее настроение его окружения тоже, видимо, не прошло даром. И в беседе с Львовым он взял куда более жесткий тон, нежели накануне при переговорах с Савинковым. Тогда речь шла о совместных действиях с правительством. Теперь Лавр Георгиевич, говоря о введении в столице военного положения, заявил, что оставаться там Керенскому опасно. А посему пусть приезжает в Ставку, где и будут решены вопросы формирования новой власти. Ближайший помощник главкома Завойко, провожая Владимира Николаевича, дополнил шефа: пусть министр-председатель едет в Могилев не мешкая, но до отъезда он должен отправить в отставку правительство, иначе какая же это будет диктатура...

Днем 26-го Львов явился к Керенскому и заявил, что привез от Корнилова «формальное предложение»: объявить Петроград на военном положении, уволить министров в отставку, прибыть в Могилев и передать всю военную и гражданскую власть главнокомандующему. От себя Владимир Николаевич добавил, что ехать в Ставку не следует ни в коем случае, ибо настроение там таково, что Александра Федоровича могут просто убить.

Обычно считается, что именно эта беседа определила «крутой поворот» Керенского. Но, судя по всему, был и другой источник информации. 25 августа Корнилов встретился с командующим МВО полковником Верховским и на прямой вопрос Лавра Георгиевича тот ответил, что если Ставка выступит против правительства, он двинет на нее войска. Наверняка Верховский тут же доложил о разговоре Керенскому. Во всяком случае, его немедленное производство в генералы и последующее назначение военным министром свидетельствует, что свою лояльность министру-председателю он доказал. «Исчезли у меня последние сомнения!.. — напишет об этих днях Керенский. — Двойная игра сделалась

¹ См.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 113, 115, 116.

очевидной...». Но верховный комиссар правительства в Ставке Максимилиан Филоненко был, пожалуй, более точен: Керенский вел корниловского коня в поводу для собственных целей, но когда обнаружилось, что этот конь троянский, он прекратил свои тонкие маневры¹.

Вечером 26-го Керенский прибыл в военное министерство, по аппарату Юза вызвал Корнилова и попросил его подтвердить «определенное решение», переданное через Львова. Лавр Георгиевич, ничего не подозревая, подтвердил и вновь пригласил приехать в Ставку. А в военное министерство Корнилов телеграфировал, что корпус Крымова и «Дикая дивизия», вопреки просьбе Керенского, подойдут к столице 28 августа и 29-го город необходимо объявить на военном положении. Керенский воспринял все это как ультиматум. И утром 27-го в Ставке получили телеграмму, предлагавшую Корнилову сдать должность генералу Лукомскому и прибыть в Петроград.

28-го утром газеты опубликовали ответ Корнилова: «Русские люди! Великая родина наша умирает... Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и поддержка такого правительства является изменой родине». Партнерство с Керенским было таким образом разорвано. Мятеж стал открытым².

В либеральном стане начался переполох. В ночь на 27 августа кадеты, как и было обещано Корнилову, ушли из правительства в отставку. Утром 27-го «Речь» заявила, что «поворот на другую правильную дорогу должен быть крутым и решительным. Пора перестать клеймить всякую мысль о повороте... кличкой “контрреволюция”». Но теперь легитимность мятежа была дезавуирована Керенским. И днем 28-го к нему, по указанию кадетского ЦК, явился Кишкин. Он предложил Александру Федоровичу, дабы избежать гражданской войны, добровольно уйти в отставку, сдать власть генералу Алексеву, который не медля начнет переговоры с Корниловым³.

Между тем правительство поддержали лишь командующий МВО Верховский и командующий Кавказским фронтом генерал Пржевальский. Четверо командующих фронтами — Деникин, Клембовский, Балухев и Щербачев — выразили протест против смены главкома.

Получив такую поддержку, Корнилов отдал приказ атаману Каледину занять Ростов, генералу Драгомирову — Киев, Балухеву — Оршу и Витебск. 1-я Донская дивизия корпуса Крымова уже двигалась из Пскова

¹ Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 116–118, 120, 121.

² См. там же. С. 124, 128.

³ См.: Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 199, 200.

к Великим Лукам, Уссурийская дивизия — к Ямбургу, «дикая дивизия» от станции Дно к Вырице. У станции Антропшино между черкесами и отрядами из Царского Села завязалась перестрелка. И в ночь на 29 августа Милюков написал для «Речи» передовицу, приветствовавшую вступающего в Петроград Корнилова, цели которого якобы «не имеют ничего общего с контрреволюцией»¹.

Чувствуя, что земля буквально уходит из-под ног и его собираются списать, как заезженную клячу, — когда Некрасов сказал, что дело проиграно и ему остается только честно умереть, — Керенский обратился за помощью в ЦИК. И 28 августа ЦИК принял резолюцию о поддержке Временного правительства. Но еще до этого, 27-го, был создан «Комитет народной борьбы с контрреволюцией». Большевики проголосовали против поддержки Керенского, но в «Комитет» вошли. «Несмотря на то, что они были в меньшинстве, — писал Суханов, — совершенно ясно: в военно-революционном комитете гегемония принадлежала большевикам». Такого же мнения придерживаются историки: именно большевики, считает Генрих Иоффе, стали «наиболее активной силой общедемократического фронта, сложившегося снизу»².

Уже 27-го, как сообщил об этом на заседании ЦИК Григорий Сокольников, они оповестили об опасности заводы, части гарнизона и приняли меры для обороны Петрограда. На предприятиях формировались отряды Красной гвардии, которые инструктировали солдаты-фронтовики. Оружие красногвардейцам безотказно давали воинские склады. На подступах к столице рыли окопы. Днем 28-го, по просьбе Керенского, охрану Зимнего дворца взяли на себя матросы крейсера «Аврора». Любопытно, что когда ЦИК попросил Кронштадт и Выборг прислать надежные воинские части, потребовалось подтверждение просьбы со стороны большевистского ЦК. И 29-го войска, готовые встретить корниловцев, стали прибывать в Питер.

Навстречу корниловским войскам выехали представители ЦИК и делегации солдат и рабочих. Агитацию вели и местные Советы тех станций и городков, куда вступали конники Крымова. Союз шоферов передал в распоряжение революционного комитета все транспортные средства. Союз железнодорожников — Викжель — попросту перекрыл движение, а телеграфисты взяли под контроль связь. Корниловские эшелоны встали. В частях начались митинги. Отказалась двигаться вперед даже «Дикая дивизия», о которой говорили, что ей «все равно кого резать». Сюда была направлена делегация Мусульманского съезда во главе с внуком Шамиля, Захидом.

¹ См.: *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. С. 201.

² См.: *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. С. 128, 130, 143.

Офицеры, ждавшие сигнала в самой столице, не посмели, как говорится, высунуть носа. Казачий полковник Дутов бегал по явкам, квартирам, призывал «выйти на улицу, да за мной, — как он признался позднее сам, — никто не пошел». А полковник Сидорин вместе с офицерским «общаком», полученным от финансистов, сбежал из города.

Не обошлось и без эксцессов. Комендант Выборга генерал Орановский, получив утром 29-го телеграмму о мятеже для сообщения гарнизону, утаил ее. А когда матросы узнали об этом, заявил, что является сторонником Корнилова. Генерала и двух офицеров, не скрывавших своей солидарности с мятежниками, тут же расстреляли. Всего в Выборге самосуду подверглись 11 офицеров. Та же участь постигла и 4 офицеров с линкора «Петропавловск» в Гельсингфорсе, которых команда сочла явными корниловцами.

Корниловские офицеры шли на Петроград для усмирения «быдла». Как в февральские дни Василий Витальевич Шульгин, они были уверены, что «загонят стадо в стойло». В Ставке им говорили, что «это только прогулка». Уже упоминавшийся князь Трубецкой телеграфировал из Ставки в МИД, что успех Корнилову обеспечен, ибо в низах «равнодушные, которое готово подчиниться всякому удару хлыста». Наслушавшись этих разговоров, глава английской военной миссии в России генерал Нокс записал: «Этот народ нуждается в кнуте! Диктатура — это как раз то, что нужно!» Он даже предоставил корниловцам броневики с *английскими экипажами*, которые шли на Питер вместе с Крымовым. Но оказалось, что против «быдла» бессильны и господа офицеры, и даже английские броневики.

«Ошибка в оценке настроения масс, — не без ехидства писал позднее Троцкий, — обращала в прах все остальные расчеты. Заговор велся теми кругами, которые ничего не привыкли и не умеют делать без низов, без рабочей силы, без пушечного мяса, без денщиков, прислуги, писарей, шоферов, носильщиков, кухарок, прачек, стрелочников, телеграфистов, конюхов, извозчиков. Между тем все эти маленькие человеческие винтики, незаметные, бесчисленные, необходимые, были за Советы и против Корнилова»¹.

Уже 30 августа стало ясно, что мятеж потерпел полное поражение. 31 августа застрелился Крымов. Сегодня пишут о загадочности этого поступка. И даже о «масонских кознях», благо Крымов, как и Керенский, принадлежали к российскому масонству. Но вряд ли в этом самоубийстве была «роковая тайна». То, что Керенский оскорбил Крымова, обвинив его в измене, — это бесспорно. А по стародавнему кодексу офицерской чести — если ты не можешь наказать обидчика, то обязан застрелиться

¹ Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. I. С. 201, 207–209, 211, 214.

сам. В этом, видимо, и заключалась вся — непонятная для нашего времени — «тайна». 2 сентября в Могилеве был арестован Корнилов и другие генералы. Такая же участь могла, видимо, постигнуть и Милюкова, о причастности которого к заговору было хорошо известно. Но по совету Керенского он, не медля, уехал в Крым.

Столь детальное описание августовского генеральского путча понадобилось не только потому, что он стал еще одним поворотным событием 1917 года. Но и для того, чтобы понять, что испытывал Владимир Ильич, находясь в Гельсингфорсе и располагая лишь той обрывочной информацией, которую давали газеты. Ибо связь с ЦК так и не заладилась.

Газеты из Питера, как уже говорилось, Ленин получал вечером того же дня. Тут же садился писать. Утром Ровио передавал корреспонденцию либо почтальону Кэсси Ахмалу, либо машинисту Гуго Ялаве и менее чем за сутки все это доставлялось в столицу. А дальше... Дальше начинались сбои. И в момент, когда обстановка менялась чуть ли не ежедневно, ленинские статьи появлялись в печати с недельным, а то и декадным запозданием.

26 августа, в день начала мятежа, «Рабочий» печатает его статью «Бумажные резолюции» — отклик на публикацию «Речи» 19-го. 29 августа, в решающий день мятежа, публикуется статья «Из дневника публициста», анализирующая материал «Известий» от 19-го. 30 августа — в день поражения корниловцев — статья «О клеветниках», отвечающая на заметку «Речи» 20 августа. Наконец, его вторая статья «Из дневника публициста» комментирует «Новую жизнь» от 20 августа. В ней Ленин все еще пишет о Корнилове, Каледине, Керенском как об одной команде и о том, что открытое выступление генералов против Временного правительства весьма *сомнительно*. Эта статья выходит в свет 1 сентября. Легко себе представить, каково было автору читать эти строки...

30 августа ЦК рассмотрел просьбу Зиновьева о его возвращении к регулярной работе. Находясь все еще на квартире Кальске, он давно уже выходил на прогулки в своем районе, к нему приходили жена, товарищи. И Григорию казалось, что ничто не мешает его более активному участию в партийных делах не только в качестве автора статей. ЦК ответил ему, что приложит все усилия, чтобы он стал «возможно ближе к партийной и газетной работе», что будут проведены митинги с требованием освобождения арестованных большевиков и возвращения на свои посты Ленина, Зиновьева и др. Вопрос этот будет поставлен — хотя и не ультимативно, без угрозы выхода — и в «Комитете народной борьбы с контрреволюцией». Но в принципе — и это будет записано на последующем заседании — решили «поднимать дело только об обоих вместе, разделение недопустимо»¹.

¹ См.: Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. С. 32, 47.

Слава богу, 30 августа опять приехала Крупская. «На сей раз как-то запоздала, — пишет Надежда Константиновна, — и решила не заезжать к Емельяновым, а пойти до Олилла самой. В лесу стало темнеть — глубокая осень уже надвигалась, взошла луна. Ноги стали тонуть в песке. Показалось мне, что сбилась я с дороги; я заторопилась. Пришла в Олилла, а поезда нет, пришел лишь через полчаса. Вагон был битком набит солдатами и матросами... Солдаты открыто говорили о восстании. Говорили только о политике. Вагон представлял собой сплошной крайне возбужденный митинг. Никто из посторонних в вагон не заходил. Зашел вначале какой-то штатский, да, послушав солдата, который рассказывал, как они в Выборге бросали в воду офицеров [29 августа. — В. А.], на первой же станции смылся... Когда я рассказала Ильичу об этих разговорах солдат, лицо его стало задумчивым...»¹

Взаимоотношения с ЦК беспокоили его. Еще раньше он написал Крупской, чтобы она, на всякий случай без огласки, подыскала для него надежную квартиру в Петрограде. Ведь жил же Зиновьев у Кальске — и ничего... И вот теперь Надежда Константиновна сообщила, что такая квартира в Выборгском районе есть — у ее хорошей знакомой Маргариты Фофановой².

Надежда Константиновна привезла с собой все шесть номеров газеты «Рабочий», вышедших с 25 по 29 августа. Статьи, опубликованные в них, сняли многие опасения Владимира Ильича. Но он умел читать и между строк. Судя по всему, Ленин уловил, что определенные проблемы во взаимоотношениях с «узким составом ЦК» все-таки имеют место. Те самые, о которых упоминал и Сталин³.

Некоторые из цекистов склонны были считать, что в споре о месте и роли Советов после июльских событий правы все-таки оказались они. Что правы были и москвичи, допускавшие возможность блока с меньшевиками и эсерами, против которого 18 августа в письме в ЦК ополчился Ленин. Но дело в том, что о возможности подобного рода *технических* соглашений Ленин говорил еще на Апрельской конференции. А в том же письме 18 августа Владимир Ильич подчеркивал, что в случае, если генералы «начнут наступление сейчас против Временного правительства», большевистские части вместе с войсками Керенского будут сражаться против контрреволюционных сил. Важно лишь при этом не дать возможности Керенскому выставить себя как «спасителя революции». Важно сохранить *свою* политическую линию.

Именно эти ленинские предложения и легли в основу деятельности партии в дни корниловщины. Поэтому 28 августа большевики проголо-

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 459, 460.

² РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 2152, л. 23, 62.

³ См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 6. С. 340, 341.

совали против резолюции ЦИК о поддержке Керенского. А в директивной телеграмме местным организациям ЦК записал: «Во имя отражения контрреволюции работать в техническом и информационном сотрудничестве с Советом при полной самостоятельности политической линии».

В бурные времена социальных потрясений ход событий гораздо чаще определяется не партийными решениями, а прямым натиском масс. Именно такой натиск вывел борьбу внутри Советов за прежние рамки. Общая опасность встряхнула Советы. На первый план выступило не умение говорить и сговариваться, а способность к революционному действию.

После июльских дней Ленин написал, что Советы смогут возродиться только в ходе нового революционного подъема. Но это будут «не теперешние Советы, не органы соглашения с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней»¹. Так оно и случилось. Став во главе революционного отпора корниловщине, Советы вылезали из болота соглашения и бюрократической рутины. В ходе борьбы в партийных низах, на местах, в возникавших ревкомах и штабкомах и большевики, и меньшевики, и эсеры действительно выступали вместе. И эти обновленные Советы создавали возможность возврата к прежнему лозунгу «Вся власть Советам!».

Все изменилось в считанные дни. И то, что было чревато ошибкой с 4 июля по 27 августа, до разрыва Керенского с Корниловым, теперь становилось вполне возможным и правильным.

Но садясь 30 августа за письмо в ЦК, Ленин не пытается выяснять, кто и когда был прав, а кто — не прав. Его занимало другое: «Восстание Корнилова, — пишет он, — есть крайне неожиданный (в такой момент и такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий...»

Он требует пересмотра и изменения тактики. И, как со всяким пересмотром, «надо быть архиосторожным, чтобы не впасть в беспринципность».

Необходимо прежде всего видоизменить «форму нашей борьбы с Керенским». Новую революционную волну породила ярость рабочих и солдат против *явных* врагов революции. И среди тех, кто еще вчера плелся за соглашателями, немало таких, кто думает, что в этой борьбе и Керенский, и лидеры ЦИК — с ними. Надо дать им возможность на практике проверить «кто есть кто». «...Сейчас свергать Керенского мы не станем», но мы предъявим ему «частичные требования».

Надо требовать от него ареста кадетских лидеров, причастных к мятежу, вооружения рабочих, ввода в столицу революционных войск. Пусть узаконит передачу помещичьих земель крестьянам, рабочий контроль

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 16, 76.

за производством и распределением продовольствия. Разумеется, речь идет не об иллюзорных надеждах на то, что Керенский, наконец, исполнит волю народа. Но отстаивание этих требований, разоблачение *штатный* и слабости Керенского, его неспособности решить стоящие перед страной проблемы может привести к такому натиску революционной борьбы и таким событиям, которые поставят у власти большевиков. «Теперь время *дела...*»

Владимир Ильич пишет: «Возможно, что эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой иногда прямо головокружительной. Я пишу это в среду, 30 августа, читать это будут адресаты не раньше пятницы, 2 сентября. Но все же, на риск, считаю долгом написать...»¹

Вышло именно так. Крупская уехала в Питер 1 сентября. 3 сентября письмо Ленина было зачитано на заседании ЦК. Но никаких решений не принимается, ибо за эти три дня обстановка вновь резко меняется.

31 августа на заседании расширенного состава большевистского ЦК и фракции Петросовета по докладу Каменева принимается резолюция «О власти». Она требует отстранения от власти представителей кадетской партии и буржуазии вообще, отмены исключительных полномочий Временного правительства и передачи всей власти представителям революционного пролетариата и крестьянства.

Эта власть должна декретировать Демократическую республику. Передать помещичью землю крестьянским комитетам. Ввести рабочий контроль над производством. Национализировать нефтяную, угольную, металлургическую промышленность. Обложить «беспощадным» налогом крупный капитал и имущества. Конфисковать военные прибыли. Отменить смертную казнь и прекратить репрессии против рабочих организаций.

Эта резолюция оглашается на заседании ЦИК, но эсеро-меньшевистское большинство отвергает ее. Тогда в ночь на 1 сентября, впервые с марта 1917 года, большинством в 279 голосов против 115 и 50 воздержавшихся ее принимает Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

В тот же день, 1 сентября, происходит и другое событие. Керенский формирует новое правительство — Директорию, в которую входят: он, Верховский, контр-адмирал Вердеревский, правый меньшевик Никитин и миллионер-сахарозаводчик Терещенко. Обязанности Верховного главнокомандующего Керенский возлагает на себя. Начальником штаба, как это было и при царе, назначается генерал Алексеев. И в этот же день, перехватывая инициативу, Александр Федорович провозглашает Россию — Российской республикой, не создавая при этом никаких органов республиканского правления.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 119–121.

Всю эту информацию Ленин получает вечером 1 сентября уже *после* отъезда Крупской. И тут же садится за статью, получившую название «О компромиссах». В постскриптуме к ней Владимир Ильич отмечает: «Преыдушие строки написаны в пятницу, 1 сентября, и по случайным условиям (при Керенском, скажет история, не все большевики пользовались свободой выбора местожительства) не попали в редакцию в этот же день»¹.

Когда Крупская рассказывала Ленину о том, как в вагоне солдаты толковали о расправе над офицерами и о восстании, она отметила: «Лицо его стало задумчивым, и потом уже, о чем бы он ни говорил, эта задумчивость не сходила у него с лица. Видно было, что говорит он об одном, а думает о другом, о восстании, о том, как лучше его подготовить»².

Нет, не об этом думал он. Не о восстании. Здесь Надежда Константиновна не точна. Он думал — и это кажется невероятным — о компромиссе.

Громогласно заявив о том, что Директории принадлежит вся полнота власти, Керенский блефовал. С поражением корниловщины и уходом из правительства кадетов он лишился главной опоры. Поэтому, когда Керенский приказал закрыть большевистскую газету «Рабочий» и газету меньшевиков-интернационалистов «Новую жизнь», ЦИК 31 августа послал в обе редакции вооруженных матросов. Под их охраной вместо «Рабочего» стал выпускаться «Рабочий путь», а «Новая жизнь», выходявшая после июльского закрытия как «Свободная жизнь», вернулась к прежнему названию.

Когда же Керенский потребовал немедленного роспуска «самочинных комитетов», то Комитет народной борьбы с контрреволюцией при ЦИК ответил, что и он, и все ревкомы и штабкомы на местах, «ввиду продолжающегося тревожного состояния, будут работать с той же энергией и выдержкой...»³. Было очевидно, что на ЦИК давит общее настроение, господствовавшее в Советах, а также левые эсеры и левые меньшевики, число которых непрерывно росло. Это были явные признаки того, что с новой революционной волной вновь возникала возможность мирного перехода власти к Советам.

Вот о чем думал Ленин. «Обычное представление обывателей о большевиках, поддерживаемое клеветущей на большевиков печатью, — пишет он, — состоит в том, что большевики ни на какие компромиссы не согласны, ни с кем, никогда... Такое представление не соответствует истине». Надо отдавать себе отчет в том, рассуждает Владимир Ильич, что немирный, насильственный приход к власти связан с неизбежными жертвами. Мало того, он «означает тяжелую гражданскую войну, дол-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 138.

² Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 460.

³ Савокин А.М. В преддверии Октября. С. 115, 116.

гию задержку после этого мирного культурного развития...» Поэтому, если есть хоть «один маленький шанс» — «если есть даже один шанс из ста» на возможность мирного пути — им необходимо воспользоваться.

«Только во имя этого мирного развития революции, — пишет Ленин, — возможности, *крайне* редкой в истории и *крайне* ценной, возможности, исключительно редкой, только во имя ее большевики... могут и должны, по моему мнению, идти на такой компромисс».

Его суть: пусть меньшевики и эсеры сами формируют правительство, ответственное только перед Советом, и передают Советам всю власть на местах. Большевики не входят в это правительство и отказываются «от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование». «Нам бояться, — пишет Ленин, — при действительной демократии нечего, ибо жизнь за нас...» Но такого рода компромисс обеспечил бы «мирное движение революции вперед, *мирное изживание* партийной борьбы внутри Советов».

В ожидании оказии эта статья, более похожая, впрочем, на новое письмо в ЦК, лежит еще два дня. 2 сентября объединенный пленум ЦИК принимает резолюцию о поддержке Директории. И 3 сентября Ленин пишет в постскриптуме: «...По прочтении субботних и сегодняшних, воскресных, газет я говорю себе: пожалуй, предложение компромисса уже запоздало... Да, по всему видно, что дни, когда случайно стала возможной дорога мирного развития, *уже* миновали. Остается послать эти заметки в редакцию с просьбой озаглавить их: “Запоздалые мысли”... иногда, может быть, и с запоздалыми мыслями ознакомиться небезынтересно»¹.

После отъезда Крупской Вийк снова переселил Владимира Ильича из квартиры Ровио. На сей раз к финскому шведу, рабочему Артуру Блумквисту. «Мы, конечно, и понятия не имели тогда, — вспоминала жена Артура Эмилия, — что это был Ленин... Он был очень отзывчивым, чутким к окружающим его людям. Никогда не утруждал и не беспокоил других своим присутствием. Он много работал».

Однажды, рассказывает Эмилия, он перевел хозяевам статью из русской газеты, в которой сообщалось, что сыщики напали на след Ленина, укрывающегося где-то в Петрограде. Статья заканчивалась словами: «Арест Ленина является делом нескольких дней». Лукаво улыбнувшись, гость прищурился и сказал: «Жаль, очень жаль Ленина!» Через год и семья Усениуса и семья Блумквиста получают от Владимира Ильича с дружественными дарственными надписями его книгу «Государство и революция»².

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 133–139.

² См.: Яковлев Б. В. Ленин. Страницы автобиографии. С. 614, 615. (РГАСПИ, ф. 71, оп. 51, д. 94.)

Глава 4. «Кризис назрел»

«Синяя тетрадь»

Вот текст записки Каменеву от 7 июля 1917 года, которая уже цитировалась выше: «Entre nous [между нами]: если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку “Марксизм о государстве” (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса... Есть ряд замечаний и заметок, формулировок. Думаю, что в неделю работы можно издать... Условие: все сие абсолютно entre nous!»¹

Тетрадь доставили в Разлив. А когда Ленин перебирался в Финляндию, то перед тем как лезть в паровозную будку к Гуго Ялаве, передал «синюю тетрадь» Шотману, повторив несколько раз, чтобы берег он ее «пуще глаза своего» и, в случае ареста Владимира Ильича на границе, сразу отдал в ЦК. А уж после границы, в Териоках, первым делом спросил: цела ли тетрадка? И когда Александр Васильевич вернул — «поспешно сунул ее за пазуху»².

Почему? Чего ради в минуту реальной опасности он печется о какой-то тетрадке с цитатами из Маркса? Для начетчиков, для тех, кого Энгельс называл «попами марксистского прихода», ответ очевиден: он искал у классиков указаний для решения проблем, поставленных русской революцией.

Но читатель, возможно, уже убедился, что подобные решения Ленин искал не в книжках, а в самой жизни. А жизнь ставила все тот же «проклятый вопрос», который вставал сотни и тысячи лет назад, еще во времена первых восстаний рабов: *что дальше?*

Ну, хорошо, предположим, что революция в России победит. А дальше? Кто и как будет управлять этой гигантской страной? Ленин много думал, писал об этом и раньше. Но по мере того, как в Европе назревал революционный кризис, вопрос вставал все более остро.

Маркс и Энгельс проанализировали опыт прежних европейских революций. Рекомендаций для русской революции XX столетия они, естественно, дать не могли. Но важен был их угол зрения, метод анализа, их выводы и прогнозы. И еще в Цюрихе Владимир Ильич приступает к сбору материалов для работы «Марксизм о государстве». Итогом как раз и стала «синяя тетрадь» в 48 страниц, исписанная убористым почерком.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 444.

² См.: Яковлев Б.В. Ленин. Страницы автобиографии. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 605. Верстка книги, запрещенная цензурой, хранится в РГАСПИ (ф. 71, оп. 51, д. 94).

Этот материал и был использован Лениным для написания в июле–сентябре 1917 года книги «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции».

В предисловии Владимир Ильич пишет, что «вопрос о государстве приобретает в настоящее время особенную важность и в теоретическом и в практически-политическом отношениях». В теоретическом — потому, что толкование данной проблемы нынешними оппортунистическими лидерами «отличается подлым лакейским приспособлением “вождей социализма” к интересам... “своего” государства». А в практическом отношении — потому, что «вопрос о разъяснении массам того, что они должны будут сделать... в ближайшем будущем» уже приобрел «самое злободневное значение...»¹.

Будь на месте Ленина кто-либо из породы «премудрых пескарей», он, видимо, усомнился бы, стоит ли человеку, сидящему в подполье и мечтающему о возвращении на открытую политическую арену, человеку, официально обвиненному в измене *государству*, человеку, которого все «истинные патриоты» считают предателем своего *отечества*, — стоит ли ему выходить на публику с подобными сюжетами.

Не лучше ли оставаться в кругу понятных массе насущных вопросов, а не залезать в теоретические дебри. Тем более что он неизбежно затронет достаточно болезненные проблемы. Ибо именно в массовом сознании веками укоренялось представление, что отечество и государство — одно и то же. И законная, естественная любовь к своей родине должна распространяться и на «свое» государство, а затем и на «свое» правительство, каким бы оно ни было. Иначе ты — *не* патриот.

Но подобных «премудрых» советов Владимир Ильич все равно бы не услышал. В своей работе он как раз и берется за уяснение того — для всех ли подданных данное государство является «своим»?

Классовую борьбу, пишет Ленин, разрушающую иллюзию «единства нации», придумали не марксисты. Ее жестокую реальность выявили и проанализировали буржуазные ученые задолго до Маркса. По ходу истории эта борьба временами настолько обострилась, что грозила обществу «пожиранием друг друга». Дабы не случилось такого, для обеспечения «порядка» уже на заре человеческой истории и появляется государство.

Но было бы заблуждением полагать, что государство гармонизирует противоречивые интересы граждан. Что оно блюдет «порядок» во имя неких общих и более высоких «государственных» целей. Нет, считает Ленин, — это не благотворительная организация всеобщего примирения.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 3, 4.

Реальная власть в обществе принадлежит наиболее сильному в экономическом отношении классу. Государство делает его сильным и *политически*. И там, где есть богатые и бедные, оно проводит политику, определяемую, и прямо, а чаще — *косвенно*, интересами меньшинства «состоятельных граждан». Именно они являются «элитой» и «власть имущими», ибо государство обеспечивает, как выразился Ленин, — «всевластие богатства»¹.

Даже тогда, когда государство пытается удовлетворить насущные потребности «низов», оно делает это отнюдь не по соображениям гуманности, а тем более — справедливости. Оно понимает, что это — необходимое условие сохранения, стабилизации данного порядка. Ибо напор со стороны «низов» способен разрушить существующий режим как таковой.

«Право есть ничто, — пишет Ленин, — без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права». Государство как раз и является той особой формой «организации насилия», которая позволяет «власть имущим» удерживать данную общественную систему хоть в каком-то — пусть и не очень устойчивом — равновесии, напоминаям состоянии плохо прикрытой «гражданской войны».

Напоминая о всей предшествующей многовековой истории, Владимир Ильич отмечает: «Понятно, что для успеха такого дела, как систематическое подавление меньшинством эксплуататоров большинства эксплуатируемых, нужно крайнее свирепство, зверство подавления, нужны моря крови, через которые человечество и идет свой путь в состоянии рабства, крепостничества, наемничества»².

Но, может быть, все это осталось в прошлом? О каких «морях крови» можно говорить применительно, скажем, к столь демократичному и либеральному Временному правительству Александра Федоровича Керенского?

Оставим в стороне июльские репрессии, о которых пресса писала как о вынужденном обстоятельстве «эпизоде». Но разве не сделало Временное правительство саму войну инструментом внутренней политики? Когда за неповиновение, за участие в протестном движении рабочих и солдат отправляли на фронт, на передовую. А это, как подтвердил 16 июля генерал Клембовский, было, по мнению солдат, куда хуже сибирской каторги. И разве не были за полгода правления Временного правительства убиты и искалечены на фронте *сотни тысяч* граждан «Свободной России». Так что для упоминания о «морях крови» у Ленина были основания.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 6, 12, 13, 34, 51.

² См. там же. С. 13, 23, 24, 90, 99.

Классовая суть государства всегда тщательно маскировалась рас-суждениями о государственных интересах — более высоких, нежели интересы отдельных классов, социальных групп, корпораций и кланов. В России 1917 года, когда старое государство разваливалось буквально на глазах, этот флёр государственности эксплуатировался вовсю. И землю нельзя отдать крестьянам, ибо это противоречит интересам государства. И рабочим надо подтянуть пояса, а не требовать повышения зарплаты — во имя государственных соображений. А главное — нельзя кончить войну, ибо есть союзнические обязательства и высшая государственная целесообразность.

Даже само понятие «порядок» толковалось в таком государстве по-разному. Если, к примеру, солдат безропотно подчиняется тем, кто гонит его на кровавую бойню, — это, с точки зрения «власть имущих», — полный порядок. Но если тот же солдат начинает «умничать», рассуждать о войне — это беспорядок и бунт. Когда хозяин завода объявляет локаут и выбрасывает на улицу тысячи рабочих — это его святое право. Но если эти рабочие, как рассказывал Ленину Сергей Мальшев, берут предприятие под контроль, сами налаживают производство, то это уже — полная «анархия».

Так что не для всех государство является одинаково «своим». Как говорится, для кого оно — мать, а кому — мачеха.

Ленин не собирался писать сугубо научный трактат, предназначенный для ученых мужей. При всей сложности поднимаемых им проблем Владимиру Ильичу хотелось, чтобы смысл его труда был понятен и не столь искушенному читателю.

Анализируя «Государство и революцию», иногда забывают о том, что одновременно, в те же недели и месяцы, Ленин пишет такие работы, как «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть?», «Русская революция и гражданская война» и другие.

И если в «Государстве и революции» он, как правило, остается на поле теории, то в указанных работах полученные выводы используются для решения сугубо практических задач, поставленных 1917 годом. В этом смысле многие страницы данных работ являются прямым продолжением идей, которые развивались в «Государстве и революции».

Мало того, Владимир Ильич тут же «апробирует» эти идеи не только на Зиновьеве, но и на Николае Александровиче Емельянове и его старших сыновьях. «В.И., вообще говоря, не любил читать своих рукописей вслух, — вспоминал Зиновьев... — Но здесь была исключительная обстановка; здесь... было “особое” настроение; и мы не раз читали вслух важнейшие места “Государства и революции”». Особенно внимательно

прислушивался Владимир Ильич к суждениям Николая Александровича, которого считал человеком «выдающегося ума...»¹.

С тем, что прежнее государство необходимо разрушить, все соглашались. Но когда речь пошла о том, что после победы революции необходимо будет строить новое государство, нашелся и оппонент: 16-летний Кондратий Емельянов, учившийся в коммерческом училище и считавший себя «идейным анархистом».

В своей работе Ленин проанализировал, в чем сходятся и где расходятся марксисты и анархисты в вопросе о государстве. Он старался не обидеть, не сравнивал (подобно Плеханову) анархистов с бандитами, а разъяснял, что отмирание государства — процесс долгий, что его нельзя отменить просто так — «с сегодня на завтра». Но ответом были лишь старые анархистские прописи: государство есть насилие, и при любом государстве не будет свободы.

Пришлось начинать с азов и обращаться к Энгельсу, который, высмеивая анархистский «антиавторитаризм», отрицавший «всякое подчинение, всякую власть», приводил в пример завод, фабрику, наконец, судно в открытом море. «...Разве не ясно, что без известного подчинения, следовательно, без известного авторитета или власти невозможно функционирование ни одного из этих сложных технических заведений, основанных на применении машин и планомерном сотрудничестве многих лиц?»

На корабле в открытом море Кондратий еще не бывал. Но свой строрецкий завод и своих приятелей по поселку знал хорошо. Их надежность в товариществе, солидарность в работе и общей беде. Но он не раз видел и их пьяные драки. Знал, что некоторые из них таскают с казенного завода инструменты и детали. Значит, и после революции нужны будут «надсмотрщики». Но не из хозяйских стукачей, а из числа сознательных рабочих, таких, как его отец, из классных профессионалов — мастеров, инженеров. Стало быть, надо сохранить и подчинение им, и власть.

Да, со временем государство начнет отмирать, разъяснял Ленин, но это сможет произойти лишь при ином уровне культуры и материального производства, ибо «предполагает и не теперешнюю производительность труда и *не теперешнего* обывателя, способного “зря” — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного». Когда и как скоро это произойдет, никто сказать не может. Ясно лишь одно: процесс отмирания государства может начаться лишь тогда, когда «люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без

¹ См.: Пролетарская революция. 1927. № 8–9. С. 67, 69.

принуждения, без подчинения, *без особого аппарата* для принуждения, который называется государством».

И Ленин продолжал: «Мы не “мечтаем” о том, как бы *сразу* обойтись без всякого управления, без всякого подчинения; эти анархистские мечты... служат лишь оттягиванию социалистической революции до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь...» И когда на этом основании Владимир Ильич стал объяснять, что «анархистское представление об отмирании государства путано и *нереволюционно*», и еще добавил, что Александр Ге — «один из немногих сохранивших честь и совесть анархистов» — справедливо назвал таких «звезд» анархизма, как Петр Кропоткин, француз Жан Грав, голландец Христиан Корнелиссен — за их пропаганду войны до победного конца — «анархо-траншейниками», тут уж Кондратий, считавший отца и большевиков слишком оппортунистичными, умолк и от обиды, как пишет Николай Александрович, на глазах его появились слезы.

Впрочем, когда окончательно выяснили, что без крепкого государства диктатуры пролетариата, опирающейся на вооруженный народ, нельзя ни сокрушить буржуазию, ни закрепить победу, ни построить новую жизнь, тут уж возражений по существу не последовало¹.

Но зачем «сокрушать»? И почему «диктатура»? Там, в Разливе, оппонентов не нашлось. Но в России их было множество. Разве парламентская демократия западного типа не выражает волю большинства народа и не позволяет вести все государственные дела в его интересах? После сотен лет самодержавного правления российскому обывателю казалось, что стоит лишь перенести на родную почву эту систему, как общество обретет истинную свободу, гармонию и конституционный порядок. Совсем как в Европе...

Эти представления всячески поддерживались российской либеральной прессой. Но Ленин, как, впрочем, и сами европейцы, подобными иллюзиями не страдал. На парламентские выборы, будучи в эмиграции, Владимир Ильич посмотрелся и в Англии, и во Франции, и в Германии, и в Швейцарии. Ходил он и на предвыборные собрания, где выступали кандидаты в депутаты. Их заигрывание с массой избирателей, неприкрытая демагогия иной раз просто поражали своей наглостью и цинизмом. И сами европейцы все это прекрасно понимали...

В Париже Ленин познакомился с популярным французским шансонье Гастоном Монтегюсом. «Рабочие встречали его бешеными аплодисментами, — вспоминала Крупская, — а он, в рабочей куртке, повязав

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 49, 59, 60, 61, 63, 89, 97, 98, 103; Сборник «История пролетариата СССР». 1933. № 4 (16). С. 146–170.

шею платком, как это делали французские рабочие, пел им песни на злобу дня, высмеивал буржуазию, пел о тяжелой рабочей доле и рабочей солидарности».

На одной из русских вечеринок Ленин и Монтегюс встретились. И долго, до глубокой ночи, проговорили о революции — сын парижского коммунара и русский большевик. «Так бывает иногда, — пишет Крупская, — встретятся случайно в вагоне малознакомые люди и под стук колес разговаривают о самом заветном, о том, чего бы не сказали никогда в другое время. Потом разойдутся и никогда больше в жизни не встретятся. Так и тут было. К тому же разговор шел на французском — на чужом языке мечтать вслух легче...»

Крупская рассказывает, что они и Ильичем стали часто ходить на концерты Монтегюса в маленьких театрах парижских предместий. Для Ленина была интересна и сама публика, «больно уж непосредственно реагировали на всё наполнявшие театр рабочие»: соленые шутки, выкрики с мест перемежались топотом ног либо бурей аплодисментов. «Ильичу нравилось, — подметила Надежда Константиновна, — растворяться в этой рабочей массе».

Репертуар Монтегюса Ленин знал наизусть и частенько напевал его. Но особенно запомнилась песенка о том, как «депутат ездит собирать голоса в деревню, выпивает вместе с крестьянами, разводит им всякие турусы на колесах, и подвыпившие крестьяне выбирают его и подпевают: «Правильно, парень, говоришь!»»

А затем, заполучив нужные ему голоса и 15 тысяч франков депутатского жалованья, этот же «народный избранник» преспокойно предает в парламенте интересы избравшего его народа. Поэтому, возвращаясь с предвыборных собраний, Владимир Ильич частенько иронически «мурлыкал монтегюсовскую песенку: “Верно, парень, говоришь!”»¹

Вспоминал он ее, вероятно, и когда писал в «Государстве и революции» о парламентских «говорильнях» о том, как на свободных выборах трудящимся «раз в несколько лет позволяют решать», кто именно «будет в парламенте представлять и подавлять их!»

У Ленина не было иллюзий и относительно того, «будто всеобщее избирательное право “в теперешнем государстве” способно действительно выявить волю большинства трудящихся и закрепить проведение ее в жизнь». Конечно, тогда еще не было современных пиар-технологий и политтехнологов, способных творить на выборах «чудеса демократизма». Монтегюсовскому персонажу вместо этого хватало и дюжины бутылок. Но уже была зависимая ежедневная пресса, широко использовавшаяся для воздействия на умонастроения электората. Были бес-

¹ См.: Воспоминания о В.И. Ленине: В 5 т. М., 1969. Т. 2. С. 342, 590, 591, 601.

численные юридические, технические, практические ограничения демократизма при выдвижении кандидатов и организации голосования. Но даже это не являлось решающим фактором.

Там, где общество расколото на бедных и богатых, угнетателей и угнетенных, у «власть имущих» всегда найдутся тысячи способов воздействия на волеизъявление зависимых от них людей. Совсем необязательно спаивать их или бросать в тюрьмы. Они, пишет Ленин, «остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им “не до демократии”, “не до политики”...» Вот почему «при обычном, мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено».

«Эти ограничения, изъятия, исключения, препоны для бедных, — продолжает Владимир Ильич, — кажутся мелкими, особенно на глаз того, кто сам никогда нужды не видал и с угнетенными классами в их массовой жизни близок не был (а таково девять десятых, если не девяносто девять сотых буржуазных публицистов и политиков), — но в сумме взятые эти ограничения исключают, выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии». Такая демократия «всегда остается поэтому, в сущности, демократизмом для меньшинства, только для имущих классов, только для богатых», а стало быть, является «насквозь лицемерной и лживой...»

Упрекать Ленина в том, что он недооценивал возможности буржуазной демократии, нет оснований. Он лишь констатировал тот факт, что и эта политическая форма предполагает подчинение, а следовательно, и насилие одной части населения (меньшинства) над другой (большинством) и позволяет буржуазии осуществлять свое фактическое всевластие, то есть диктатуру¹.

Решению данной задачи соответствует и само устройство государства. Характерной чертой парламентской демократии является так называемое *разделение властей*. Функции представительного учреждения сводятся к законотворчеству. Функции правительства — к исполнительной власти. Судьи обеспечивают соблюдение законности. Пресса и прочие СМИ — обличают пороки власти и общества.

Такая структура, *теоретически*, должна создавать взаимоконтроль всех ветвей власти, систему сдержек и противовесов, гарантирующих конституционный порядок. Но нетрудно заметить, что никакого участия самого народа в управлении жизнью страны при этом не предполагается.

А на практике вся *реальная* власть над людьми сосредоточивается в руках государственного аппарата, пронизывающего общество сверху

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 14, 83, 87, 88.

донизу, то есть в руках чиновников. Без их контроля невозможны никакие проявления жизни подданных — от рождения до смерти. Только они могли казнить или миловать, разрешить или запретить, дать или не дать, способствовать или препятствовать любой деятельности. И взятка, лихоимство, казнокрадство являлись не случайным казусом, объяснявшимся непорядочностью данного чиновника, а закономерным элементом функционирования такой системы.

Сам факт того, что государственный аппарат является орудием власти и выражает волю господствующих классов и социальных групп — бесспорен. Но это нисколько не исключает того, что, будучи системой бюрократической, он обладал и известной «автономностью». Действуя по предписаниям, исходящим свыше, каждый чиновник не только волен толковать по-своему любые законы и инструкции, но и блюсти корпоративно-бюрократические и сугубо личные интересы. Эта «автономия» и порождала, кстати говоря, иллюзию «независимости» аппарата власти, его «нейтральности», того, что бюрократия стоит как бы «над обществом».

Подобному предрассудку способствовало и то, что сам аппарат формировался не только из представителей имущих классов. В него попадали и те, кто «вышел из народа» благодаря образованию, личным способностям. Кто сумел сделать карьеру и «выбиться в люди». Но данное обстоятельство не меняет сути аппарата. Он лишь, как пишет Ленин, «расширяет число пособников правительственной власти». И эти вышедшие из низов «слуги общества» тоже превращаются в его господ, стоящих «над народом»¹.

Для большинства населения, для «простонародья», бюрократия как раз и олицетворяла волю самого государства. И когда обыватель приходил по самому элементарному делу в какую-либо канцелярию, управу, департамент или министерство и видел сонмы чиновников, важно восседающих в кабинетах, снующих по коридорам с «государственными» бумагами и выражением особой значительности на лицах, его охватывал священный трепет. Ибо видел он воочию, как совершается *таинство власти*. И приходил к убеждению, что если — не дай бог! — сломается этот налаженный механизм, то не только рухнет Россия, но и остановится сама жизнь.

Так думали не только обыватели. И не только в России. Государственная машина, с ее бюрократической и военной организацией управления, отлаженным аппаратом насилия, как раз и являлась целью и главной *добычей* политических партий, борющихся за власть. Так было во времена прежних революций на Западе. Так случилось и в России.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 28, 30, 44, 77; см. также: Т. 21. С. 32, 58.

«Возьмите то, — пишет Ленин, — что произошло в России за полгода после 27 февраля 1917 г.: чиновничьи места, которые раньше давались предпочтительно черносотенцам, стали предметом добычи кадетов, меньшевиков и эсеров. Ни о каких серьезных реформах, в сущности, не думали, стараясь оттягивать их “до Учредительного собрания” — а Учредительное собрание оттягивать помаленьку до конца войны! С делом же добычи, с занятием местечек министров, товарищей министра, генерал-губернаторов и прочее и прочее не медлили и никакого Учредительного собрания не ждали! Игра в комбинации насчет состава правительства была, в сущности, лишь выражением этого раздела и передела “добычи”, идущего и вверх и вниз, во всей стране, во всем центральном и местном управлении. Итог, объективный итог... несомненен: реформы отложены, раздел чиновничьих местечек состоялся, и “ошибки” раздела исправлены несколькими переделами... В правительстве идет перманентный кадрили, с одной стороны, чтобы по очереди сажать “к пирогу” доходных и почетных местечек побольше эсеров и меньшевиков, с другой стороны, чтобы “занять внимание” народа»¹.

Так что же, свергнув буржуазное правительство, народ будет использовать *этот* государственный аппарат в своих целях? Безусловно, нет! Сами министры социалисты, замечает Ленин, ссылаясь на эсеровскую прессу, «настолько потеряли стыд, что не стесняются публично, как о пустячке, рассказывать, не краснея, что “у них” в министерствах все по-старому!! Революционно-демократическая фраза — для одурачения деревенских Иванушек, а чиновничья канцелярская волокита для “ублаговторения” капиталистов — вот вам *суть* “честной” коалиции».

Так что вопрос о том — кто кого использует? — становился более чем проблематичным. И Владимир Ильич приводит слова Маркса о том, что «рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; рабочий класс дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен... устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения...»²

Но если старая «машина» разрушается, то кто же станет осуществлять управление сложнейшим государственным механизмом? Опыт Парижской коммуны 1871 года, когда сами горожане, ликвидировав прежний чиновничий аппарат, проделали все это на практике и взяли власть в свои руки, был проанализирован Марксом. Но осуществимо ли нечто подобное в России? Оппонентов у Ленина по данному вопросу было предостаточно. «Западноевропейский и русский филистер, — замечает Владимир Ильич, — склонен отвечать парой фраз, заимствованных

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 28, 30, 31, 47.

² См. там же. С. 47, 77.

у Спенсера или у Михайловского, ссылкой на усложнение общественной жизни, на дифференциацию функций... Такая ссылка кажется “научной” и прекрасно усыпляет обывателя...”¹

То, что различные социальные и политические идеи по-своему и по-разному отражают реальные процессы, происходящие в обществе и в сознании масс, — это несомненно. Читатель, видимо, уже заметил, что в 1917 году все «доктрины» и «концепции» фактически уперлись в одну проблему. Если отложить в сторону сугубо теоретические суждения о капитализме и социализме, западничестве и самобытности, которыми пестрели все речи и статьи, то эта *первооснова* станет очевидной. *Народ и власть* — вот что разделило всех надвое. На тех, кого ужасала перспектива вхождения во власть самого народа. И тех, кто боролся за переход власти в руки народа.

В моей первой книге биографии Ленина — «Выбор пути»² — уже говорилось о давно забытых аксиомах марксизма. Добавим еще одну: из признания народных масс главной движущей силой истории для марксиста вытекает и то, что не только «наука», не только умудренные профессорскими званиями и академическими регалиями ученые мужи, но и сам народ способен выражать назревшие потребности общественного развития.

Даже тогда, когда признаки новой исторической *перемены* еще не «схвачены» наукой, необходимость такой перемены улавливает *нравственное* сознание масс. «Что неверно в формально-экономическом смысле, — писал Энгельс, — может быть верно во всемирно-историческом смысле. Если нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым, как в свое время рабство или барщину, то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя, что появились другие экономические факты, в силу которых он стал невыносимым и несохранимым»³.

Но, может быть, подобные исторические прозрения — это все там, у них, на Западе, где и берега кисельные и реки текут молочные... Ведь писал же умнейший либерал, профессор В.М. Соболевский, что от русского народа, «от миллионов полурабов, нищих, голодных, пьяных, невежественных» менее всего можно ожидать поддержки обновлению России.

Ан, нет! Не прав оказался Василий Михайлович.

Одной из самых «проклятых» проблем русской жизни был, безусловно, вопрос о земле. Это понимали все. Десятки, если не сотни ум-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 10.

² См.: Логинов В.Т. Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. М.: Республика, 2005. С. 108–110.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 184.

нейших профессоров и чиновников, общественных и правительственных комиссий на протяжении ста лет искали пути решения данной проблемы. При этом все они, естественно, желали «облагодетельствовать» крестьян.

Ничего из этого не вышло. И не в интеллектуальной ущербности авторов проектов — блистательных умов России! — крылась причина. Они были слишком связаны с существующим режимом. И именно это закрыло пути радикального решения проблемы.

А в деревне шли свои разговоры. Владимир Ильич хорошо помнил свои беседы с самарскими крестьянами в конце 80-х годов. И когда вечный смутьян Амос из Старого Буяна или Кисликов из села Гвардейцы наизусть читали «Слово Божье» по третьей книге Моисея из Библии: «Землю не должно продавать навсегда, ибо Моя земля: вы пришельцы и поселенцы у Меня» — каждый «невежественный» мужик понимал, что коли земля божья, то нет на нее у помещика никакого права частной собственности.

А когда в 1905–1907 годах клич «Земля — Божья!» полыхнул по всей России пожарами помещичьих имений, стало очевидно, что такое представление о желаемом решении аграрного вопроса — это и есть «общественное мнение» крестьянства, окончательно признавшего, как выразился Энгельс, «прежний экономический факт несправедливым».

Вот и теперь, 19 августа 1917 года, как раз в дни работы Ленина над «Государством и революцией», газета «Известия Всероссийского Совета Крестьянских депутатов» публикует «Крестьянский наказ». Накануне I крестьянского съезда эти — по мнению либералов — «невежественные полурабы» обсуждали на сельских и волостных сходах свои самые насущные требования. В столице их сдали в редакцию «Известий...». Из них выбрали наиболее повторяющиеся, свели требования воедино и получился «Примерный наказ, составленный на основании 242 наказов, доставленных местными депутатами на I-й Всероссийский съезд крестьянских депутатов в Петрограде в 1917 году».

Оказалось, что мужики прекрасно знают — как решать аграрный вопрос. Как и в 1905 году, они вновь требовали отмены собственности на все помещичьи, государственные, удельные, монастырские, церковные, общественные, а также на свои крестьянские земли и передачи всей земли в общенародное достояние. В пользование государства должны перейти все недра земли, ее ископаемые, руда, нефть, уголь, соль, леса и реки, имеющие общегосударственное значение.

Впервые в истории России равное право на пользование землей получали в «Наказе» все граждане без различия пола, сословий и званий, желающие обрабатывать ее своим трудом. Подробно расписывались права стариков и инвалидов, ограничивались права «порочных» гражд-

дан и дезертиров. Фиксировалась необходимость сохранности высококультурных хозяйств, садов, плантаций, конных заводов, племенных животноводческих и птицеферм, говорилось о порядке использования инвентаря, скота, конфискованных у помещиков, и т. п. И весь этот свод требований сами крестьяне охарактеризовали как *«самое справедливое разрешение земельного вопроса»*.

Вот тебе и «невежественные полурабы»...

Ленин внимательно читывается в строки этого документа. «...Мы, марксисты, — пишет он, — всеми силами должны стремиться к научному изучению фактов, лежащих в основе нашей политики». Но в том-то и дело, что «Наказ», составленный в глухих «медвежьих углах» России, полностью выдерживает научную критику.

Мало того, в трех главных своих пунктах: безвозмездная отмена частной собственности на землю всех видов; передача всей земли в распоряжение крестьянских организаций; не разорение, а сохранение и использование высококультурных помещичьих хозяйств государством или общинами — во всех этих пунктах «Наказ» совпадал с большевистской аграрной программой.

Расхождение в четвертом пункте — в требовании «уравнительного землепользования»: крестьяне хотят не только оставить у себя мелкое хозяйство, но и — как прежде — периодически вновь делить и уравнивать наделы. Ну и что? Им кажется, что так будет лучше? Справедливей? «Пусть, — отвечает Ленин. — Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой... А жизнь покажет, с какими видоизменениями это осуществится. Это дело девятое. Мы не доктринеры»¹.

Все великие и менее великие революции прошлых столетий были борьбой угнетенных против своих угнетателей. Бедных против богатых. В разные эпохи эта борьба шла под разными знаменами и облекалась в различные идейные одежды. Но во все века она была вполне осознанной борьбой за *справедливость*. И не потому, как пишут у нас сегодня, что богатым завидовали. А потому, что считали их богатство несправедливым. Нажитым за счет чужого труда. И были правы. Политическая экономия доказала, что это представление является научным фактом.

За приверженность этой идее Ленину досталось еще на II съезде РСДРП в 1903 году, когда он отстаивал необходимость передачи земли крестьянам. Тогда оппоненты обвиняли его в том, что он сошел с позиций экономического материализма, занялся «исправлением какой-то исторической несправедливости» и вообще встал на «этическую» точку зрения².

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 109, 114–116.

² См. там же. Т. 6. С. 334; Т. 7. С. 280–282.

И вот опять, в 1917 году, «попы марксистского прихода» вновь обвинили его в том, что при анализе российской общественно-политической реальности, где следует оперировать лишь сугубо рациональными научными категориями, он пользуется такими «пустыми» и «бессодержательными» понятиями, как «справедливость».

Ленин ответил достаточно резко: «Справедливость — пустое слово, говорят интеллигенты и те прохвосты, которые склонны объявлять себя марксистами на том возвышенном основании, что они “созерцали заднюю” экономического материализма». Но для народных масс, «разоренных, истерзанных, измученных войной, это не фраза, а самый острый, самый жгучий, самый большой вопрос о голодной смерти, о куске хлеба». И вот почему это якобы «пустое слово», эта жажда справедливости испокон веков является той идеей, «которая двигает во всем мире необъятными трудящимися массами»¹.

Ленин и прежде писал, что марксизм как раз и отличается от прочих псевдосоциалистических теорий «замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей... с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс...». 1917 год еще более укрепил его в этой мысли: нельзя искать решений насущных проблем революции в старых учебниках, ибо «ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение»².

А посему и ответ на вопрос — кто же после победы революции будет управлять новым государством, был для Владимира Ильича очевиден изначально: сам народ. Новая власть, отмечал он еще в 1905 году, должна будет не только выступать «от имени народа». Не только отстаивать его интересы и обеспечивать «волю народа». Этого недостаточно. Главное — новая власть должна осуществляться «посредством народа», его руками. Новое «революционное правительство — апеллирует к народу. *Самодетельность* рабочих и крестьян. Полная свобода. Народ сам устраивает свой быт»³.

Когда-то Белинский написал Гоголю о русском народе: «Приглядитесь попристальней и вы увидите, что это по натуре глубоко-атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности... У него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме и вот в этом-то, может быть, огромность исторических судеб его в будущем». Так думали в ту пору многие интеллигенты.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 332.

² См. там же. Т. 16. С. 23; Т. 35. С. 281.

³ См. там же. Т. 10. С. 339, 359.

Однако после первой русской революции авторы печально знаменитых «Вех» осудили «народолюбие» интеллигенции и ее «народопоклонство». Они были правы лишь отчасти: у многих эта любовь носила сугубо книжный, умозрительный характер. Ибо любить народ, как и все человечество, куда легче и менее хлопотно, чем вполне конкретного работягу или мужика. А уж тем более, когда сталкиваешься со всеми прелестями их быта, привычек, пропитанных, как написал в «Вехах» Сергей Булгаков, — «грубостью нравов» и «вековой татарщиной». И сознательное «опрощенчество» и «упрощенчество», связанное с известным «хождением в народ», было, по мнению другого автора «Вех» Семена Людвиговича Франка, абсолютно противоестественно человеческой натуре, так как лишь оправдывало и укрепляло «варварство»¹.

Так думали не все интеллигенты. Да и помимо сознательного «опрощенчества», столь презируемого указанными авторами, бывают ведь и жизненные обстоятельства...

После июльских событий Юлий Мартов писал из Питера в Швейцарию своему близкому другу пианистке Надежде Кристи о том, как соскучился он по хорошей музыке: «Я, увы, за все время ни одного музыкального звука не слышал и стосковался. Вообще “упрощение” всей жизни после 3 лет войны, выражающееся и в малом, и в большом, как-то болезненно действует. Внешняя, материальная культура так же подавалась назад лет на 50, как и духовная. — Все это и все огорчения не мешают, конечно, тому, что я рад, что живу здесь»².

Степень «упрощения» жизни в эти летние дни 1917 года у Владимира Ильича была, конечно, совсем иной. О хорошей музыке, которую он тоже любил, не приходилось даже и помышлять. Изменился не только быт. Другим стал весь образ его жизни. Но и у него были свои причины не жалеть об этом. Все эти месяцы «подполья» круг его общения был крайне ограничен. И так уж сложилось, что входили в этот круг исключительно рабочие. Сначала Василий Каюров, Николай Полетаев, Сергей Аллилуев, семья Емельяновых, Александр Шотман, Александра Токарева, Эйно Рахья. Потом Гуго Ялава, семья Парвиаинен, Густав Ровио, семьи Артура Усениуса и Артура Блумквиста...

Он и прежде часто встречался и подолгу беседовал с рабочими. С многими из них у него на долгие годы завязались товарищеские, доверительные отношения. Они были рядом на всем его жизненном пути, начиная с 1894 года, с первых питерских рабочих кружков. Но кончались занятия, беседы, и он возвращался домой к своему привычному быту и работе.

¹ Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 66, 68, 69, 176, 177.

² 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. М., 2005. С. 227.

Теперь было иное. Он жил с ними бок о бок, одной повседневной жизнью. И эта перемена прошла для него абсолютно естественно, органично и безболезненно. Судя по всему, лежа на свежескошенной траве у шалаша или сидя на корточках в своей «зеленой беседке» с тетрадкой в синей обложке, он чувствовал себя не менее комфортно, чем в читальных залах цюрихских библиотек. А когда не писалось, любил разговаривать с 13-летним сыном Емельянова — Николаем. Они вместе ходили по грибы, по ночам ловили бреднем рыбу, и, поскольку парнишка был мал, на глубину — по грудь — уходил Владимир Ильич. Вместе они варили уху, каши. Спорили, сколько надо сыпать муки, соли, перца или чая в котелок. И чаще всего прав был Колька.

Ленин думал взять реванш на охотничьих делах: «А как ты тетерку убьешь или зайца?» Но не тут-то было. Колька с жаром объяснял ему, как он караулит, как тихонько подкрадывается, и оба сильно увлеклись. «Я замечал, — рассказывает Емельянов-отец, — что Владимир Ильич вообще с ребятами любил бывать... Помогал им в работе, охотно с ними шутил»¹.

Вспоминал Николай Александрович и о том, как выглядел Ленин: «Владимир Ильич на сенокосе был похож на настоящего рабочего. На нем были серенькие брюки, жилетка, выпущенная рубашка, кепка. Словом, ходил он, как обычно ходят батраки на сенокосе...» Но этот наряд так и остался бы вынужденным маскарадным костюмом, если бы не нечто гораздо более важное и главное... А главным было то, что он не только знал, он глубоко уважал и ценил ум, природную сметку, опыт людей труда, «людей, как он говорил, практической жизни».

Жизненный опыт самого Ленина научил его, что такие понятия, как умный и глупый, хороший или плохой человек, порядочный или прохвост, менее всего связаны с уровнем образования или социальным положением. Просто «сила ума» — если не считать гениев и особо талантливых, одаренных — распределяется у всех по-разному. И если бы существовали какие-то единицы измерения интеллекта, то, вероятно, легко было бы убедиться в примерно равном их количестве у совершенно разных людей. Просто у кого-то из интеллигентов они все ушли «на Гегеля», а у какого-то рабочего или крестьянина — на житейскую мудрость или поразительные успехи в каком-либо ремесле и работе. Владимир Ильич хорошо понимал, что хотя он больше их читал, больше знает, существует огромное количество вопросов, причем самых насущных, в которых они разбираются куда лучше него.

Впрочем, как раз в сентябрьские дни 1917 года сам Ленин написал об этом более точно...

¹ См.: История пролетариата СССР. 1933. № 4 (16). С. 160, 161.

Он вспоминал свой недавний приход к Василию Николаевичу Каюрову: «После июльских дней мне довелось, благодаря особенно заботливому вниманию, которым меня почтило правительство Керенского, уйти в подполье. Прятал нашего брата, конечно, рабочий. В далеком рабочем предместье Питера, в маленькой рабочей квартире подают обед. Хозяйка приносит хлеб. Хозяин говорит: “Смотри-ка, какой прекрасный хлеб. «Они» не смеют теперь, небось, давать дурного хлеба. Мы забыли, было, и думать, что могут дать в Питере хороший хлеб”.

Меня поразила, — размышляет Владимир Ильич, — эта классовая оценка июльских дней. Моя мысль вращалась около политического значения события, взвешивала роль его в общем ходе событий, разбирала, из какой ситуации проистек этот зигзаг истории и какую ситуацию он создаст, как должны мы изменить наши лозунги и наш партийный аппарат, чтобы приспособить его к изменившемуся положению. О хлебе я, человек, не выдавший нужды, не думал. Хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы. К основе всего, к классовой борьбе за хлеб, мысль подходит через политический анализ необыкновенно сложным и запутанным путем.

А представитель угнетенного класса, хотя из хорошо оплачиваемых и вполне интеллигентных рабочих, берет прямо быка за рога, с той удивительной простотой и прямоотой, с той твердой решительностью, с той поразительной ясностью взгляда, до которой нашему брату интеллигенту, как до звезды небесной, далеко. Весь мир делится на два лагеря: “мы”, трудящиеся, и “они”, эксплуататоры... “Мы «их» нажали, «они» не смеют охальничать, как прежде. Нажмем еще — сбросим совсем” — так думает и чувствует рабочий¹.

Старый революционер, газетчик, литературовед Михаил Степанович Ольминский писал: «Этот рассказ В.И. Ленина вводит нас в сокровенную лабораторию его мысли. Голова ищет “интеллигентским” путем, путем сложного теоретического анализа “простоты и ясности” в определении смысла сложного события, чтобы синтезировать результат анализа в лозунгах... И где другой теоретик — интеллигент легко запутается в неразрешимых противоречиях, там наш вождь выйдет из затруднений при помощи пролетарской классовой точки зрения; она стала второй природой “интеллигента” Ленина благодаря постоянному с его стороны пристальному вниманию к ходу пролетарской жизни...

Конечно, не фразой рабочего о хлебе был решен в данном случае вопрос о выборе лозунгов: они определились общим результатом теоретического анализа. Но эта фраза сыграла свою роль — приблизительно такую же, какую, по преданию, сыграло падение яблока с дерева в от-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 322, 323.

крытии Ньютоном закона всемирного тяготения. И кто сможет счесть все яблоки, которые падали перед глазами Ильича с великолепного и вечно плодоносного дерева пролетарской мысли, чтобы облегчить ему нахождение простого и ясного ответа на сложнейшие политические вопросы?»¹

Вот и в разговорах о том, кто же будет управлять страной после победы революции, он в этой среде особых сомнений не встретил. Ясно, что не прежние начальники. Придется самим. И не надо этого бояться.

Но в другой среде с этим не соглашались. Разговоры в светских салонах о «взбесившейся черни» и «грядущем Хаме» дополнялись в прессе учеными статьями о «рабьем» массовом сознании россиян, цветными карикатурами, где интеллигентные служащие совали под нос придурковатым рабочим огромные гроссбухи с бухгалтерской отчетностью, в которой и сам черт сломал бы ноги. И всем становилось «ясно», что «этот» народ, в «этой» стране неспособен выразить не только потребности общественного развития, но и свои собственные интересы. Что это «быдло» может лишь разрушить и великую страну, и великую культуру. О том, что сами «власть имущие» уже не в силах были остановить распад государства и экономическую катастрофу — об этом, естественно, умалчивалось.

Лукавство подобного остроумия состояло в том, что в одну кучу валилось все, что относилось к сфере государственного управления. Между тем в ней сосуществовали совершенно различные функции. Были функции действительно сложные, требовавшие сугубо специальных знаний и опыта. Но гигантская часть государственной машины и основная масса чиновников — как раз те, кто ближе всего соприкасался с гражданами, — занимались теми простейшими функциями управления, которые вполне можно было передать самому обществу.

«Капиталистическая культура, — пишет Ленин, — создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее, а на этой базе громадное большинство функций старой “государственной власти” так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что... можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, “начальственного”». Утратив «политический» характер, данные общественные функции стали бы сугубо административными. И это был бы уже «небюрократический аппарат» власти².

На Сестрорецком заводе и в поселке чиновников было множество. С тем же значительным видом, что и у их министерских коллег, они что-

¹ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 224.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 44, 62, 63; Т. 34. С. 309.

то записывали, регистрировали, распределяли, а главное — указывали и распоряжались. И выходило у них все ужасно бестолково, как говорится, без души. Всегда они опаздывали, что-то путали, и любое простое дело — подписать бумагу, поставить печать — превращалось для людей, которые были для них лишь «просителями», в тягостное «казенное дело».

Так неужели нельзя по-другому?

Владимир Ильич внимательно присматривался к той же Надежде Кондратьевне Емельяновой, вывозившей на своих плечах весь дом и обширное семейство. Для любого барина она была просто «кухаркой». А Ленин поражался ее практической сметке, умению вести столь сложное хозяйство при достаточно скудных средствах.

Так неужели такие «кухарки», как она, облеченные доверием населения, не смогут у себя в квартале или поселке составить списки солдатских вдов на пособие, кормящих матерей — на молоко, справедливо распределить привезенную в лавку муку, добиться того, чтобы вовремя вывозили нечистоты, а мусор убирали не только у себя во дворе, но и на улице?

Смогут, считал Ленин. Смогут, если их — «доселе политически спавших, прозябавших в мучениях нужды и в отчаянии, потерявших веру в то, что и они люди, что и они имеют право на жизнь» — привлекут к работе их поселкового совета, и они на практике убедятся, что это их власть, что и их «с полным доверием зовут к непосредственному, ближайшему повседневному участию в деле управления государством»¹.

Отвечая своим оппонентам на их доводы о «некомпетентности» масс, о необходимости *сначала* научить народ демократизму, Ленин писал: «Мы знаем, что кадеты тоже согласны учить народ демократизму. Кадетские дамы согласны читать, по лучшим английским и французским источникам, лекции для прислуги о женском равноправии... И благодарный народ будет обучаться таким образом наглядно тому, какво республиканское равенство, свобода и братство... Да, мы согласны, что кадеты... по-своему, преданы демократизму и пропагандируют его в народе. Но что же делать, если у нас несколько иное представление о демократизме?»²

Нельзя лезть в воду, не умея плавать — дальше этой «премудрости вяленой воблы» либералы не шли. Их вполне устраивал парламент, на худой конец — Государственная дума, где с 1906 года они упивались законотворчеством «об устройстве оранжереи и прачечной при Юрьевском университете». При всех вариантах, писал Ленин, «им нужна республика “парламентарная”, то есть чтобы демократизм ограничился

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 329.

² Там же. С. 315.

демократическими выборами...» Чтобы раз в несколько лет *электорат* голосовал за старое или новое начальство, а в реальной жизни народа мало что менялось.

«Иное представление о демократизме», о котором упомянул Владимир Ильич, состояло в твердом убеждении, что *нельзя научиться плавать, не залезая в воду*. «...Необходимо не только представительство по типу демократии, но и постройка всего управления государством снизу, самими массами, их действительное участие в каждом шаге жизни, их активная роль в управлении... Вот единственный путь... дающий *возможность* идти планомерно, твердо и решительно к социализму, не “вводя” его сверху, а поднимая громадные массы пролетариев и полупролетариев к искусству государственного управления, к распоряжению *всей* государственной властью»¹.

Итак, речь шла о *возможности* привлечения массы трудящихся к решению их насущных проблем, «*их действительном участии в каждом шаге жизни*», а совсем не о том, что с победой революции управлять государством сразу же станут «кухарки».

Вопрос о «кухарке» был поднят нашими «лениноедцами» поистине на государственный уровень. В остроумии по этому поводу не упражнялся разве что самый ленивый. Остряки не желали портить свои природные дарования — чтением книг. А зря...

«Мы не утописты, — написано у Ленина. — Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами... Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту»².

Конечно, решение простых, знакомых проблем повседневной жизни квартала, поселка, городка можно сразу передать рабочим организациям. И если та же Надежда Кондратьевна и ее товарки не знают, что есть бумаги «входящие» и «исходящие», не ведают общепринятых форм учета и отчетности, то пусть их научат этому. Кто? Те же опытные чиновники...

И когда Ленин пишет о сломе старого государственного аппарата, о перераспределении управленческих функций между государством и обществом, между центром и регионами, он имеет в виду разрушение преж-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 287, 288.

² Там же. Т. 34. С. 315.

ней бюрократической системы власти, а не ликвидацию чиновничества вообще. «Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца, — подчеркивает Владимир Ильич, — не может быть речи. Это — утопия...»

Новая власть «от имени общества» будет нанимать необходимых ей «государственных» служащих. И в первую очередь речь пойдет об управленческом «научно-образованном персонале». Новому государству будут необходимы «в большем и большем, против прежнего, числе инженеры, агрономы, техники, научно-образованные специалисты всякого рода... Мы всем таким работникам дадим посильный и привычный им труд... оставляя на время перехода более высокую плату... А организационную форму работы мы не выдумываем, а берем готовой у капитализма... Нам придется лишь заимствовать наилучшие образцы из опыта передовых стран»¹.

Будут привлечены к работе и другие категории чиновников. Ибо «кроме преимущественно “угнетательского” аппарата... есть в современном государстве аппарат, связанный особенно тесно с банками и синдикатами, аппарат, который выполняет массу работы учетно-регистрационной, если позволительно так выразиться. Этого аппарата разбивать нельзя и не надо». Надо лишь подобно тому, как это было сделано во время войны в Англии с работниками транспорта, превратить их всех в государственных служащих. Такое «огосударствление» массы чиновников, полагал Ленин, вполне осуществимо и технически и политически. Тем более что в большинстве своем они «сами находятся в пролетарском или полупролетарском положении».

Так что же получается? — «И вернулось все на круги своя»? Сначала шел разговор о сломе, разрушении старого бюрократического аппарата. Но аппарат-то этот воплощался в конкретных людях. А теперь выясняется, что все они останутся на своих местах. И какая разница для того же «просителя», как их будут называть — старыми бюрократами или новыми государственными служащими?

Отвечая на этот вопрос, Ленин поясняет разницу между бюрократом и служащим. Классические бюрократы — это слой привилегированных должностных лиц, связанных самыми тесными узами с имущими классами и не только «оторванных от масс», но и «стоящих над массами». В новом государстве все должностные лица и особенно те, кто имеет отношение к распорядительным, «начальственным» функциям, теряют все прежние привилегии, станут выборными и сменяемыми.

«В новых организационно-государственных рамках» их деятельность полностью контролируется Советами. И это блокирует любые притязания управляющих встать «над массами». Мало того, вовлечение

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 48, 49, 101; Т. 34. С. 312.

в аппарат власти сознательных рабочих и работниц, которых не придется учить ни порядочности, ни чувству справедливости, позволит отсеять «худшие стороны этого зла» и сделать государственную машину гораздо «более демократичной» и «более всенародной». Именно так, полагал Ленин, — «должностные лица перестают быть “бюрократами”, быть “чиновниками”...»¹

Именно Советы, полагал Ленин, в силу их теснейшей связи с вооруженными рабочими, солдатами и крестьянами могли бы на деле осуществить диктатуру пролетариата. Ибо это — столь пугающее слово, означает лишь тот факт, что присущие любому государству функции подчинения и насилия перейдут из рук меньшинства к большинству. И обернутся они против тех, кто попытается оказать активное сопротивление новому устройству жизни.

Речь идет не о гильотине. «Гильотина *только* запугивает...» Не об экспроприации собственности. Ибо «не в конфискации имущества капиталистов будет даже “гвоздь” дела...», хотя «особенно упорных и неповинующихся капиталистов придется, разумеется, наказывать конфискацией всего имущества и тюрьмой...».

Главная задача диктатуры в другом: всех капиталистов и управленцев высшего ранга «нам надо *заставить работать* в новых организационно-государственных рамках... Поставить их *на новую государственную службу*». Поэтому «гвоздь» дела — «во всенародном, всеобъемлющем рабочем контроле», который блокирует любые формы саботажа, сокрытия доходов, уклонений от налогов и обхода законов. Это позволит не «ломать сопротивление», не пугать тюрьмой или гильотиной, а просто сделает «сопротивление *невозможным*», ибо от всенародного контроля «нельзя будет никак уклониться, “некуда будет деться”».

Казалось бы, «там, где есть подавление, есть насилие, нет свободы, нет демократии». Но в том-то и дело, что «киное представление о демократизме», о котором говорил Ленин, предполагает не только свободу парламентских выборов или свободу слова для журналистов. Оно означает прежде всего то, что и составляет смысл самого слова «демократия»: *народовластие*. И уровень демократизма измеряется при таком понимании демократии степенью вовлечения самого народа в управление делами общества и государства.

«*Вместе* с громадным расширением демократизма, — пишет Владимир Ильич, — *впервые* становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких», гигантски расширяется и сама арена политического действия. Теперь это будет уже не только борьба между партийными лидерами и партиями,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 80, 100, 115; Т. 34. С. 307, 308, 311.

избирательными блоками и парламентскими фракциями. Общественный контроль за производством и распределением, участие в управлении всеми делами, касающимися народной жизни, втягивает в сферу принятия политических решений «подавляющее большинство населения», ранее стоявшего вне всякой «политики» и за рамками любого «демократизма»¹.

Все эти прогностические размышления вполне можно было бы отнести к жанру фантастики, если бы не основывались они на вполне реальной, уже существующей базе. «Если бы народное творчество революционных классов, — написал Владимир Ильич, — не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя»².

Именно Советы, столь прочно вросшие в 1917 году в российскую жизнь, проникшие буквально во все ее мельчайшие поры, и это всего лишь за полгода после Февраля, могли сразу создать костяк новой власти, пользующейся авторитетом и поддержкой у большинства народа. Именно они могли создать принципиально иной тип государства, более совершенного нежели парламентская республика.

«В любой парламентской стране, — вновь и вновь поясняет Ленин, — настоящую “государственную” работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы, а в самих парламентах только болтают со специальной целью надувать “простонародье”». Но выход из такого «парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в “работающие” учреждения».

Советы как раз и дали «возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов». При такой системе «парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями». Если добавить к этому полный отказ от «привилегированного положения для депутатов» и реальную возможность их отзыва избирателями, то преимущества такой системы станут еще более очевидными. «По сравнению с буржуазным парламентаризмом, — заключает Ленин, — это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение»³.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 89, 90, 101; Т. 34. С. 308–312.

² Там же. Т. 34. С. 305.

³ Там же. Т. 33. С. 46, 48; Т. 34. С. 304, 305.

Опыту русских революций 1905 и 1917 годов, а стало быть, и конкретному анализу истории возникновения и деятельности Советов Ленин собирался посвятить седьмую главу «Государства и революции». Но работу пришлось прервать. «...Кроме заглавия, — заметил Владимир Ильич, — я не успел написать из этой главы ни строчки: “помешал” политический кризис... Такой “помехе” можно только радоваться... Приятнее и полезнее “опыт революции” продельвать, чем о нем писать»¹.

«Грозящая катастрофа...»

В середине августа Ленин узнал, что в ЦК ведутся разговоры о необходимости созыва экстренного съезда партии, но не в обычном формате, а в более узком составе — по типу того «Малого съезда», который был апробирован в дни VI съезда. Узнал он и о том, что 3 сентября на пленуме ЦК с докладами об оценке текущего момента должны были выступить Каменев и Сталин, об Учредительном собрании — Милютин, от Оргбюро — Свердлов, от Литературной коллегии — Сокольников и т. д.

Приезд Крупской к Ленину 30 августа был безусловно связан с подготовкой этого пленума. И 1 сентября она увезла в Питер, помимо письма в ЦК, о котором шла речь в предыдущей главе, еще ряд документов: о поддержке идеи созыва экстренного «узкого съезда» в начале октября; о программе партии; об отношении к Стокгольмской конференции и др. Но главное, Крупская доставила в ЦК «Проект резолюции о современном политическом моменте»².

Однако свое понимание момента, в ряде пунктов вполне созвучное с ленинским, ЦК к этому времени уже выработал. И уже упоминавшаяся резолюция Каменева «О власти» была принята Петросоветом. В ней, правда, не было требования о передаче всей власти Советам, а говорилось лишь о формировании правительства «из представителей революционного пролетариата и крестьянства». Не было в ней и требования о немедленной передаче земли крестьянам, не дожидаясь Учредительного собрания. Указывалось лишь на необходимость ее передачи «в заведывание крестьянских комитетов впредь до решения Учредительного собрания».

Так или иначе, но ни дискуссии, ни пленума ЦК проводить не стали, а 3 сентября опять ограничились текущим заседанием «узкого состава». На нем без всяких комментариев зачитали письмо Ленина. Что же касается ленинского «Проекта резолюции...», то в протоколе он вообще упомянут не был. Так что, когда чуть позже Владимир Ильич напишет,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 120.

² См. там же. Т. 34. С. 140–143; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 30, 38, 39, 257.

что в факте оставления его писем «без ответа» он усматривает «тонкий намек на зажимание рта», — это не будет слишком большим преувеличением¹.

Для тех, кто действительно интересуется взглядами Ленина на революционный процесс, а не теми ужасно учеными трудами, в которых о нем пишут как об «организаторе Октябрьской революции», — указанный проект резолюции крайне важен.

Всю свою жизнь Владимир Ильич утверждал, что революцию нельзя «сделать». Ее нельзя совершить по воле какого-либо класса, по желанию каких-либо радикальных партий, а уж тем более — их вождей. Революции вырастают лишь из общенациональных кризисов, приводящих в движение народные массы, которые, в конечном счете, и решают исход событий.

Вот и в проекте этой резолюции — уже после разгрома Корнилова, после ускорившегося процесса большевизации Советов и армии — Ленин пишет: «События в русской революции... развиваются с такой невероятной быстротой вихря или урагана, что задачей партии никак не может быть ускорение их... Главная задача партии и теперь: разъяснять массам, что положение страшно критическое, что всякое выступление может окончиться взрывом, что поэтому преждевременное восстание способно принести величайший вред».

Необходимо избавиться от иллюзий, будто все зависит от намерений партии. В июльские дни большевики поступили правильно, поддержав стихийное выступление солдат и рабочих. В противном случае, отмечает Ленин, это стало бы «полной изменой пролетариату». Партия поступила правильно, не выставив при этом «ни письменного, ни устного лозунга захвата власти...» Однако партия совершила ошибку, посчитав «общенародное положение *менее* революционным, чем оно оказалось...». Именно поэтому ей и не удалось удержать стихийное движение в мирных рамках.

Вот и теперь «все усилия должны быть направлены на то, чтобы не отстать от событий и поспевать с нашей работой посильного уяснения рабочим и трудящимся перемен в положении и в ходе классовой борьбы». Потому что «критическое положение неизбежно подводит рабочий класс — и может быть с катастрофической быстротой — к тому, что он, в силу поворота событий от него не зависящего, окажется вынужденным вступить в решительный бой с контрреволюционной буржуазией и завоевать власть»².

В статье «Один из коренных вопросов революции», написанной в эти же дни, Ленин отмечает, что «лозунг “власть Советам” очень часто, если не в большинстве случаев, понимается совершенно неправильно... “Мини-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 134, 149, 282.

² Там же. С. 145–147.

стерство из партий советского большинства”, это значит личная перемена в составе министров, при сохранении в неприкосновенности всего старого аппарата правительственной власти...» Но это будет лишь «самообман и обман народа», ибо такой аппарат, «даже при условии полнейшей добросовестности» министров-социалистов, на революционные преобразования «абсолютно неспособен». Поэтому «либо вся власть Советам и в центре и на местах, вся земля крестьянам *тотчас*», либо «доводят крестьян до озлобления и доведут дело до бесконечно свирепого крестьянского восстания»¹. Цитировать Пушкина относительно русского бунта, «бессмысленного и беспощадного», Владимир Ильич на сей раз не стал.

Угроза катастрофы действительно нарастала. И *сентябрь 1917 года стал месяцем, определившим весь дальнейший ход русской революции.*

Прежде всего, по-новому встал вопрос о войне. Даже при той относительно слабой активности боевых действий, которая была характерна для Восточного фронта в 1917 году, Россия, по самым неполным официальным данным, потеряла за год убитыми, ранеными, отравленными газами, контуженными и пленными — 1 миллион 195 тысяч 737 человек. И, как уже отмечалось выше, все эти месяцы, пока в верхах шли бесконечные словопрения, съезды и конференции, манифестации и митинги, каждый день хоронили солдат, в тыл шли эшелоны с калеками, а жены и дети защитников отечества становились вдовами и сиротами².

А на позициях не хватало уже не только артиллерии, снарядов и прочих боеприпасов. Не хватало одежды и продовольствия. Холодную осень 1917 года солдаты встретили без теплого белья и обуви. Из 13-го корпуса Западного фронта писали: «Шинели носим по три года и все тертые, перетертые». Штаны и гимнастерки штопаные-перештопаные, а «сапогто и вовсе нет». И словно в издевательство, солдатам, стоявшим в окопах по колено в воде, военное ведомство прислало миллион пар лаптей. А запасные полки часто не отправлялись на фронт именно потому, что, помимо нехватки оружия, их просто «не во что одеть и обуть».

Еще хуже обстояло дело с питанием. Потребности фронта в продовольствии удовлетворялись менее чем наполовину. Министерство продовольствия прямо заявляло, что из 9 миллионов фронтовиков оно сможет прокормить лишь 7. Генерал Брусилов признавал, что «армии грозит голодовка». «А голодный солдат, — резюмировал генерал Алексеев, — плохой боец». Надо ли удивляться тому, что к осени 1917 года, помимо 2 миллионов дезертиров, русская армия недосчитывала и более 2 миллионов больных³.

¹ См.: *Лешин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 204, 205.

² См.: Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 30.

³ *Френкин М.* Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 25, 285, 287, 289, 292, 293, 302, 311, 488, 490.

Поражение 3-й армии Западного фронта на реке Стоход в марте. Неудача наступления на Кавказском фронте в апреле. Разгром под Тарнополем в июле. Позорная сдача Риги в августе. Отступление 28-го корпуса на Северном фронте и утрата плацдарма на левом берегу Двины в начале сентября... Все это безжалостно свидетельствовало о том, что российская армия держать фронт уже не может.

Многочисленные солдатские резолюции, поступающие с фронта, прямо предупреждали об этом. И 21 сентября, выступая на заседании Петросовета, беспартийный офицер-фронтовик Дубасов твердо заявил: «Что бы вы здесь ни говорили, солдаты больше воевать не будут!». Солдат-окопник выразился еще определенной: нужен немедленный мир, причем любой, пусть даже «какой-нибудь похабный». Этот «похабный мир» станет исторической реальностью позже. А тогда, в сентябре, фронтовики не скрывали своих намерений: армия воевать больше не хочет и готова броситься в тыл, чтобы «уничтожить тех паразитов, которые собираются воевать еще 10 лет»¹.

Ситуацию трезво оценивало и командование. Даже такой решительный офицер, как командир 60-го пехотного полка Румфронта Михаил Гордеевич Дроздовский, был уверен, что «возлагать какие-либо серьезные надежды на современную нашу армию — наивная мечта». А Александр Иванович Верховский, приняв пост военного министра и побывав в Ставке, записал в своем дневнике: «Армия воевать не хочет и слышатся даже требования заключить мир во что бы то ни стало... Большая часть армии воевать не будет, чем бы это не грозило народу»².

Спустя три года Николай Дмитриевич Авксентьев, по оценке члена ЦК эсеров Быховского, — «самый правый оборонец среди эсеров», писал: «Триста лет проклятого рабства, подъяремного безгражданственного подданничества превратили в человеческую пыль то, что должно было быть нацией... И когда пало внешнее принуждение, когда исчез гипноз власти, то естественной усталости от войны, ее ужасов, крови, естественному страху смерти... ничего нельзя было противопоставить. И каким беспомощным ужасом сжималось сердце, когда впервые привезли с фронта безумные слова: “Мы хотим мира — хотя бы и похабного”...»³.

Вся либеральная пресса сетовала на «эгоизм» и «шкурничество» солдат, на отсутствие у них «патриотизма» и «энтузиазма». Вечная история: стремление «власть имущих» сохранить власть, собственность,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 278, 284, 492.

² Френкин М. Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 442; Верховский А.И. Россия на Голгофе. Из походного дневника 1914–1918 гг. М., 1918. С. 125; Гусев К.В. Партия эсеров... М., 1975. С. 129; Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. I. С. 261.

³ Современные записки. 1920. Т. I. С. 127.

доходы — это высокое, благородное чувство и забота о благе родины. А вот желание сохранить свою жизнь тех, кто гниет в окопе под пулями в голоде и холоде — это «шкурничество» и «эгоизм». И пресса ставила русским солдатам в укор Французскую революцию, где поведение солдат было совершенно иным.

Ленин ответил: «Ссылаются постоянно на героический патриотизм и чудеса военной доблести французов в 1792–1793 годах. Но забывают о материальных, историко-экономических условиях, которые только и сделали эти чудеса возможными». Французы тогда не только смели монархию и дали землю крестьянам. Они объявили беспощадную войну всему реакционному и в экономике, и в политике, «переродив, обновив» страну. Вот почему весь народ был охвачен «безграничным революционным энтузиазмом; войну *все* считали справедливой, оборонительной, и она *была на деле* таковой...

А в России? — продолжает Ленин... — Война остается несправедливой, реакционной, захватной... Где уж тут говорить о массовом энтузиазме за войну!.. Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно великие экономические преобразования¹. А если уж вспоминать Великую французскую революцию, то не лучше ли вспомнить, как она решила вопрос о снабжении продовольствием и обмундированием своей армии: она конфисковала продовольственные запасы, теплое белье и обувь у богатых, но не позволила своим солдатам голодать и мерзнуть на фронте.

Ослабление Восточного фронта крайне беспокоило союзников. Один из их представителей при Могилевской Ставке прямо намекнул генералу Алексееву, что в конце концов «союзникам можно было бы договориться с германцами на почве дележа русской территории». Намек скорее походил на шантаж. Но наиболее существенным стало даже не это. Ближайший сотрудник президента Вильсона полковник Эдвард Хаус, оказывавший большое влияние на европейскую политику США, записал в своем дневнике, что даже в случае победы над Германией, при послевоенном устройстве и дележе добычи, «японцы, русские, итальянцы выкинуты из английских, французских и американских расчетов». Так что ни в беде, ни в славе полагаться на союзников уже не приходилось².

Что же касается русской армии, то прав был Деникин: не в большевистской агитации крылись причины развала русской армии в 1917 году. «Своего рода естественной пропагандой, — писал Антон Иванович, —

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 195–197.

² Френкин М. Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 185; Вопросы истории. 2005. № 7. С. 54.

служило неустройство тыла и дикая вакханалия хищений, дороговизны, наживы и роскоши, создаваемая на костях и крови фронта»¹.

Состояние тыла, всего народного хозяйства страны требовало безотлагательных, революционных мер. «России, — пишет Ленин 10 сентября, — грозит неминуемая катастрофа... Об этом говорилось уже во всех газетах бесчисленное количество раз. Неимоверное количество резолюций принято и партиями, и Советами... Резолюций, в которых признается, что катастрофа неминуема, что она надвигается совсем близко, что необходима отчаянная борьба с ней, необходимы “героические усилия” народа для предотвращения гибели... Все это говорят. Все это признают... И ничего не делается»².

Причина крылась в самой сути российских буржуазных отношений. Один из редакторов «Новой жизни», известный экономист Владимир Александрович Базаров (Руднев) писал: «Война и вызванная ею экономическая и финансовая разруха создали такое положение вещей, при котором частный интерес частного предпринимателя направлен не к укреплению и развитию производительных сил страны, а к их разрушению. В настоящее время выгоднее — в ожидании повышения цен — держать в бездействии материальные составные части капитала, нежели пускать их в оборот; выгоднее производить на самых разорительных для страны условиях никуда не годные предметы военного снабжения, нежели добросовестно обслуживать насущные потребности народных масс... Можно ли удивляться, что так называемое “народное хозяйство” превратилось у нас в разухабистую вакханалию мародерства, промышленной анархии, систематического расхищения национального достояния?..».

И Ленин комментирует: «Ни один добросовестный человек не решится отрицать того, что В. Базаров говорит сущую правду. “Вакханалия мародерства” — нет иного слова для поведения капиталистов во время войны»³.

Но существовали ли такие меры, которые могли бы предотвратить катастрофу? Да, существовали — государственный контроль и регулирование производства. И Ленин вновь и вновь повторяет то, о чем он писал еще в «Апрельских тезисах»: «Все воюющие государства, испытывая — в той или иной мере — разруху и голод, давно наметили, определили, применили, испробовали *цельный ряд* мер контроля... Такие меры контроля общеизвестны, об них много говорено и много писано...»⁴.

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 г. М., 1991. Т. 1. С. 98.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 155.

³ Там же. Т. 32. С. 203.

⁴ Там же. Т. 34. С. 160.

Парадокс состоял в том, что необходимость государственного регулирования производства в России признавали не только большевики, но и меньшевики, и эсеры, и даже сам Керенский. «Как страны Антанты, так и Германия, — говорил он, — в войне сразу же встали на путь строгого, серьезного и определенного регулирования всех сторон финансово-экономической жизни своих стран. Экономическая же деятельность России велась довольно кустарно, и в военных и хозяйственных мероприятиях России отсутствовала жизненно необходимая планомерность и рационализация при учете и распределении экономических ресурсов». Поэтому перед Экономическим советом при Временном правительстве еще 21 июля поставили задачу: «выработать новые начала экономической политики»¹.

Однако стремление переложить тяготы войны на плечи народа, бремя «потеснить» капиталистов и помещиков, попытки решить проблему бюрократическими методами свели все правительственное «регулирование» к нулю. И 7 сентября ЦИК констатировал *«полную бездеятельность образованных при правительстве центральных органов регулирования экономической жизни»*. Всякие попытки, как выразился Ленин, «вливать новое вино в старые мехи» старого чиновничьего аппарата были бесплодны².

Правительству не удалось сдвинуть с места и решение продовольственной проблемы. Снабжение и армии, и населения непрерывно ухудшалось. Причина оставалась все той же, что и накануне Февраля: крестьяне не хотели отдавать хлеб за обесцененные деньги. В августе, на заседании правительства министр Пешехонов прямо заявил, что продовольственное положение «критическое вследствие отказа населения продавать хлеб».

Отовсюду шли сообщения, что «крестьяне в деревне не имели ни сох, ни борон, ни лопат, даже не могли достать в городе на рубашки ситца и обуви». Крестьянские съезды и комитеты телеграфировали в министерство, что твердые цены на хлеб, установленные правительством, находятся «в резком противоречии с ценами на предметы крестьянского обихода»³.

Проанализировав подобного рода сообщения прессы, Ленин резюмирует: «Крестьяне отказываются давать хлеб за деньги и требуют орудия, обувь и одежду. В этом решении заключается громадная доля чрезвычайно глубокой истины. Действительно, страна пришла к такой разрухе, что в России наблюдается, хотя и в менее сильной степени, то, что в других странах давно уже имеется: деньги потеряли свою силу...

¹ Френкин М. Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 303.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 158, 204.

³ См. статью Логинова В.Т. «Продовольственная политика (осень 1917-го)» в журн. Свободная мысль. 1997. № 10. С. 27.

Крестьяне, например, денег не берут. Они говорят: «Зачем нам деньги?» И они правы»¹.

Реакция госаппарата на все эти импульсы, исходившие из реальной жизни, была однозначна. Обострился дефицит сельхозинвентаря? — И отдел снабжения данной продукцией в министерстве продовольствия учреждает вместо двух — пять подотделов. Не хватает запчастей для ремонта техники? — Создается специальный подотдел по ремонту. На селе не хватает бумаги, мыла и керосина? — Сразу же возникают три соответствующих подотдела, каждый из которых делится на несколько делопроизводств.

Александр Васильевич Пешехонов был человеком опытным. Он увеличил объем хлебной разверстки по губерниям. Мясную разверстку распространили с 35 на 47 губерний. Увеличили *импорт* скота, мяса и рыбы из-за границы. Одновременно он пытается изыскать товары, необходимые для прямого товарообмена. Через правительство проводится решение о том, что все ткани, производимые сверх госзаказов для армии, поступают в распоряжение министерства продовольствия. Таким образом госзаказ доводится до 100%².

Но все эти меры наталкиваются на жесткое сопротивление. В августе на 2-м Всероссийском торгово-промышленном съезде, где хлебная монополия и попытки государственного регулирования текстильного производства подверглись острой критике, Павел Павлович Рябушинский заявил, что государственные монополии в том виде, в каком они осуществляются, «окончательно разрушат торговый аппарат... Наша власть будет только тогда истинной властью, когда она будет мыслить буржуазно и действовать буржуазно... Но, к сожалению, *нужна костлявая рука голода и народной нищеты*, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и советов, чтобы они опомнились».

На правительство стали оказывать усиленное давление, чтобы оно решило проблему «рыночными» методами — резко увеличило закупочные цены. Выступая 21 августа на заседании Временного правительства, Пешехонов ответил: «Твердые цены, вызывающие столько нареканий, необходимо сохранить из экономических и финансовых соображений. Повышение их до рыночного уровня привело бы к дальнейшему обесцениванию бумажных денег и вызвало бы дальнейшее вздорожание прочих предметов жизни». Александр Васильевич добавил: легко себе «представить сколько миллиардов переплатило бы население, если бы дело заготовки было отдано в руки торгово-промышленного класса».

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 98.

² Логинов В.Т. Продовольственная политика (осень 1917-го) // Свободная мысль. 1997. № 10. С. 28.

Но его уже не слушали. 27 августа, в обход Общегосударственного продовольственного комитета и прочих демократических организаций, правительство удвоило «твердые» цены на закупки хлеба. 31 августа Пешехонов ушел в отставку. «Как известно, — писал Ленин, — Пешехонов — народник самый, самый умеренный. Но по организации продовольственного дела он хотел работать добросовестно... Тем интереснее *опыт* работы Пешехонова и *уход* его, что этот умереннейший народник... готовый идти на какие угодно компромиссы с буржуазией, все же оказался вынужденным уйти!»¹.

Для увеличения денежной массы, необходимой в связи с ростом дороговизны, решено было с сентября приступить к печатанию новых денежных знаков, ибо изготовление «николаевских» купюр уже не окупало их реальной стоимости. Но новые деньги — «керенки» — сразу же стали предметом всеобщих насмешек. На них не было даже казначейского номера — атрибута любой мало-мальски серьезной денежной единицы. И решать проблемы экономики с помощью такой «валюты» стало еще сложнее.

Новым министром продовольствия стал видный кооператор, бывший социал-демократ-«экономист», бывший член ЦК партии кадетов, а теперь — совсем правый меньшевик Сергей Николаевич Прокопович.

Выводы из опыта предшественника были сделаны сразу. 3 сентября госзаказ текстильным магнатам снизили до 60 процентов, и министерство публично заявило, что «в основе экономической жизни капиталистический строй сохраняется, будет предпринимательство, будет частный торговый аппарат». И сразу же в № 4 «Известий Всероссийского союза обществ заводчиков и фабрикантов» Прокопович удостоился «поцелуя»: «По-видимому, новый министр пришел к заключению, что без торгового аппарата государству не обойтись. Будем надеяться, что полное отрезвление придет, что оно коснется и промышленности».

Однако все то, что вызывало восторг у олигархов, встречало яростное сопротивление у населения. Не говоря уже о горожанах, основная масса крестьянства — бедняки и середняки — к «хлебодержателям» не принадлежали. Им самим приходилось докупать хлеб. Поэтому, как писал 5 сентября «Русский листок», от удвоения цен выиграли исключительно «попридержавшие хлеб богатеи». Многочисленные крестьянские сходы требуют возврата к прежним ценам, ибо их повышение «есть ничем не оправданное и незаслуженное благодеяние по отношению к крупным землевладельцам и многоземельным крестьянам, ущерб общегосударственным интересам и всего малоимущего населения». Да и сами местные продовольственные комитеты телеграфируют о том, что повышение цен

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 184.

«не имело никаких реальных оснований» и является лишь «способом дальнейшего обогащения господ капиталистов и кулаков»¹.

Главное же — увеличение цен не привело к росту продовольственных закупок. Наоборот, если в августе для армии заготовили лишь 28 процентов запланированного количества хлеба, а для населения 40–43, то в сентябре фронтовые части получают еще меньше — 26 процентов, а тыловые гарнизоны, по признанию министра Верховского, полностью истощили запасы.

По всем расчетам, при постоянных срывах подвоза продовольствия города уже должны были голодать. Но, как известно, «дурная экономика» всегда вырабатывает и свои механизмы, компенсирующие дефицит. Такими компенсаторами стали «мешочничество», «черный рынок» и частные хлеботорговые компании, допущенные правительством к реализации государственной монополии на хлеб, которые фактически и развалили эту монополию.

Продовольственная ситуация, отмечает Ленин, воспринималась населением особенно остро и потому, что даже при наличии одинаковых карточек слишком кричащим был разрыв между снабжением солдат, городской бедноты и людей состоятельных, которые успешно пополняли свой рацион за счет «черного рынка».

О принесении добровольных жертв «на алтарь отечества», о «напряжении сил всей нации», преодолении «мелкого эгоизма и шкурничества», необходимости претерпеть все тяготы и лишения ради «общего дела» лицемерно писала вся большая пресса во всех воюющих странах. Но как только речь заходила о «меню», тут уж дорожки расходились — кому в «хвосты» продовольственных лавок за скудным пайком, а кому — в шикарные рестораны. Впрочем, «откушать», да еще при хорошей кухарке, можно было и дома.

В России, пишет Владимир Ильич, «особенно бьет в глаза народу, особенно вызывает недовольство, раздражение, озлобление и возмущение масс, что легкость обхода “хлебных карточек” богатыми *все* видят. Легкость эта особенно велика. “Под полой” и за особенно высокую цену, особенно “*при связях*” (которые есть только у богатых), достают все и помногу. Голодает народ». И разве в таких экстремальных условиях, грозящих катастрофой стране, спрашивает Ленин, не было бы справедливым равное распределение тягот и лишений на всех и установление «*контроля за богатыми*, в смысле возложения на них, лучше поставленных, привилегированных, сытых и перекормленных в мирное время, *больших* тягот в военное время»².

¹ Логинов В.Т. Продовольственная политика (осень 1917-го) // Свободная мысль. 1997. № 10. С. 30.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 180, 181.

Но и помещики, и кулаки, и хлеботорговцы «делиться» не собирались и ждали теперь нового повышения цен, а в конце концов и полной «свободы хлебного рынка». Однако Прокопович и его коллеги прекрасно понимали, что при отмене твердых цен и карточек на продукты спекулянты и перекупщики настолько взвинтят их, что даже черный хлеб станет для бедноты предметом роскоши. В ситуации 1917 года этого никто не стал бы терпеть и недели. Голодные бунты и погромы продовольственных лавок, прокатившиеся в сентябре по городам России, стали тому свидетельством¹.

Пойдя на уступки текстильным и прочим магнатам, сократив госзаказ на предметы народного потребления, Временное правительство лишило себя возможности решать продовольственную проблему экономическими методами. Общая стоимость предметов первой необходимости — тканей, керосина, инвентаря, находившихся в распоряжении министерства Прокоповича, исчислялась в 2,07 млрд рублей, а цена необходимых закупок равнялась 9,3 млрд. И печатный орган деловых людей «Известия советов съездов мукомолов» (№ 2) резюмировал: «Купить за 3 миллиарда 9 миллиардов невозможно». Стало быть, хочешь не хочешь — оставались лишь меры внеэкономические, т. е. принуждение и насилие.

Еще в августе, накануне отставки, Пешехонов отправил на места телеграмму, предписывающую «в случае нежелания населения сдавать хлеб, применять меры принудительного характера, в том числе и вооруженную силу». С приходом на пост министра Прокоповича использование в этих целях армии становится политикой. И в сентябрьском отчете министерство утверждало, что «система принудительного отчуждения хлеба в порядке военного вмешательства продолжает быть самым действенным способом осуществления хлебной монополии».

Воинские «продотряды», сформированные из фронтовых и тыловых частей, деревня встретила буквально «в штывки». Из Кременчуга сообщали, что крестьяне «постановили всем миром объявить хлебную войну». В Самарской губернии заявили, что «только через наши трупы возьмете хлеб». По данным министерства и в других губерниях «крестьяне заявляли, что на реквизицию хлеба они ответят вооруженным сопротивлением». И в некоторых местах дело действительно доходило до перестрелок².

Попытка разговаривать с деревней языком силы, а главное — затяжка решения вопроса о земле привели, как и следовало ожидать, к достаточно «свирепому крестьянскому восстанию». Начало положила Там-

¹ *Логинов В.Т.* Продовольственная политика (осень 1917-го)// Свободная мысль. 1997. № 10. С. 33.

² Там же. С. 32, 33.

бовская губерния, где с 7 сентября в Козловском уезде начался погром помещичьих хозяйств. Стихия «черного передела» захлестнула деревню. Восстание распространилось на Кирсановский, Борисоглебский, Уманский, Лебедянский уезды. За считанные дни сожгли свыше *ста* имений. Были убиты и ранены.

Уже 9 сентября сюда прибыла кавалерия, затем карательный отряд казаков и юнкеров из Москвы. Более полутора тысяч крестьян арестовали. Но восстание не утихло, а перекинулось в соседнюю Рязанскую губернию, где в Раненбургском, Ряжском, Данковском, Скопинском уездах также начались разгромы помещичьих имений и захват земли, скота, инвентаря. И здесь прибывшие карательные отряды не смогли умиротворить деревни, а солдаты местных гарнизонов попросту отказывались умирять крестьян.

Антипомещичьи выступления приобрели широкий размах в Орловской, Воронежской, Курской, Тульской губерниях, в Поволжье, на Украине. «Аграрное движение, — доносил губернский комиссар из Бессарабии, — приобрело массовый характер... Захватывают казенные, церковные и частновладельческие земли... Малейшее противодействие захватному движению влечет насильственные действия».

Пензенский крестьянин Бегишев вспоминал: «В сентябре все поехали громить Логвина (его громили еще в 1905 году). К имению и от него тянулась вереница упряжек, сотни мужиков и баб стали угонять и увозить скот, хлеб и пр. Вытребованный Земской управой отряд пытался отбить кое-что из захваченного, но баб и мужиков собралось к волости около 500 человек, и отряд разъехался». А крестьянин Гапоненко из Таврической губернии рассказывал: «Крестьяне стали громить экономии, разгонять заведывающих, забирать хлеб из амбаров, рабочий скот, мертвый инвентарь... Даже ставни с окон, двери с построек, полы из комнат и крыши цинковые срывались и забирались»¹.

Вся большая пресса вновь, как и весной 1917 года, писала о сожженных дворцах, библиотеках и коллекциях картин, о вырубке старинных парков, садов и ставила все это в один ряд с уголовщиной и общим разгулом преступности в стране. Рост преступности действительно вызывал всеобщее беспокойство. В городах вечерами люди боялись выходить на улицу, а жильцы домов организовывали свою «самооборону» против грабителей. Временное правительство оказалось совершенно неспособным справиться с хулиганами и бандитами. Но ставить в один ряд безнаказанную уголовщину и крестьянскую борьбу за землю против помещиков, а тем более винить во всем большевиков могли только люди заведомо недобросовестные.

¹ Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 13.

Ленин еще в апреле писал о необходимости предотвращения разгромов и «абсолютной недопустимости какого бы то ни было ущерба или порчи скота, орудий, машин, построек и пр. и пр.». Но у крестьян была своя «правда». Подмосковный крестьянин Кузьмичев объяснял: «Помещик был наш, мы ему работали, и достояние, бывшее у него, нам одним должно достаться». Когда-то барин говорил своим крепостным: «Вы — мои, и все ваше — мое». Вот теперь мужики и откликнулись: «Барин наш, и все добро наше»¹.

«Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? — спрашивал поэт Александр Блок, имение которого, с прекрасной библиотекой, также было разгромлено в это время. — Потому, что там насиловали и пороли девок; не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? — Потому, что сто лет под их развесистыми липами и кленами господа показывали свою власть: тыкали в нос нищему — мощной, а дураку — образованностью.

Всё так. Я знаю, что говорю. Конем этого не объедешь. Замалчивать этого нет возможности; а все, однако, замалчивают... Но ведь за прошлое — отвечаем мы? Мы — звенья единой цепи. Или на нас не лежат грехи отцов?»²

Предотвратить этот взрыв вековой мести и «неотмщенных обид», остановить поджоги и погромы могли не войско и казаки, на которых уповали и помещики и «почти социалистическое» правительство Керенского, а лишь одно: немедленная передача земли крестьянам. Это могло бы помочь и решению продовольственной проблемы, ибо *безвозмездная передача земли стала бы для крестьян «задатком», залогом того, что государство в очередной раз их не обманет.*

И само крестьянское восстание блестяще это доказало. 13 сентября тамбовские эсеры, преобладавшие в местных Советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, выпустили от имени исполкомов губернских Советов, прокурора и губернского комиссара Временного правительства «Распоряжение № 3». Осуждая погромы как «безумное преступление» и «бессовестный грабеж», они призвали все волостные земельные и продовольственные комитеты немедленно «взять в свое ведение» частновладельческие земли и имения и, «соблюдая спокойствие, ждать Учредительного собрания».

Но в этом официальном документе крестьяне усмотрели лишь то, что им хотелось видеть. Как писала «Козловская газета», «мужик... понял распоряжение № 3 как распоряжение о “черном переделе”». И они тут же приступили к делу: помещики и управляющие, как правило, изгонялись. Земля и имущество тщательно описывались, а нередко и сра-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 167; Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 13.

² Блок А. Соч.: В 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 224.

зу же распределялись. Преимущество предоставлялось семьям солдат и бедняков. Погромы усадеб сошли на нет, ибо «свое» мужики уже не портили и не уничтожали. Мало того, перепуганные помещики начали массовый вывоз зерна на железнодорожные станции для продажи государству в порядке выполнения хлебной разверстки. Иными словами, как только речь действительно зашла о переходе земли к крестьянам, жажда мести и свирепые бунты затихали.

Однако такой способ предотвращения «беспорядков» и решения земельной и продовольственной проблем, дававший правительству явную отсрочку, оказался для него неприемлемым. По настоянию «Союза земельных собственников», т. е. помещиков, действие «Распоряжения № 3» было приостановлено, а его составители, несмотря на их заверения в полной лояльности, преданы суду¹.

То есть происходило именно то, о чем писал и предупреждал Ленин. Не желая «потеснить» буржуазию и помещиков, правительство затягивало решение самых главных и больших вопросов: о войне и мире, о хлебе и о земле. Ссылаясь на высокие «общегосударственные интересы», оно на деле лишь разжигало конфронтацию и еще более обостряло внутртриполитическую ситуацию в стране.

Собственно говоря, и само государство, сама Российская империя стали трещать по этнонациональным швам. Этот треск был слышен и в годы Первой русской революции. Но теперь появились явные признаки распада.

Началось с российских территорий, занятых германскими войсками. Еще 5 ноября 1916 года оккупационные власти, поддержанные определенными кругами польской буржуазии, санкционировали создание «Польского государства». И легионеры Пилсудского сражались против России на стороне немцев. В марте 1917 года Петросовет, а позднее и Временное правительство признали за Польшей право на создание суверенного государства. Керенский разрешил сформировать на русском фронте сначала польский уланский полк, а затем и Первый польский корпус под командованием генерала Довбор-Мусницкого.

Но даже те польские политические круги, которые ориентировались на Антанту, постарались дистанцироваться от России. И когда в августе в Париже стал функционировать «Польский национальный комитет», Англия и Франция, не оглядываясь на Россию, признали за ним право на официальное представительство польского народа.

В июне 1917 года в Петрограде Всероссийский Литовский сейм провозгласил образование независимого государства. Временное прави-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 400; ст. Е.А. Луцкого в журн. «Исторические записки». 1938. Т. 2; Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 г. М., 1975. С. 280–284.

тельство не отреагировало на это заявление. И Литва получила свою «государственность» из рук немцев, когда в сентябре на оккупированной территории собрался «Национальный Совет» (Тариба) и сформировал свое правительство. После взятия Риги на занятой германскими войсками части Латвии стали конструировать столь же «независимое» — «Герцогство Курляндское».

Громогласные мартовские декларации Временного правительства и особенно ЦИК Советов о «новой свободной России» пробудили надежды у финнов на возврат их прежней государственной автономии. Эта автономия с ее конституцией и всеобщим избирательным правом была для монархистов и националистов, как говорится, бельмом в глазу, дурным примером для других «инородцев», которые, по мнению черносотенца Маркова, и так «совсем обнаглели».

С трибуны Государственной думы он и его коллега Пуришкевич призывали это «разжиревшее на русских хлебах Княжество Финляндское сделать таким же украшением русской короны, как Царство Казанское, Царство Астраханское и Новгородская пятина». Пора, наконец, и на чухонцев натянуть «смирительную рубашку». Это и было сделано законом 17 июня 1910 года, который фактически «уничтожил автономию Финляндии, а финляндский сейм превращал в обычное губернское земское собрание». «Finis Finlandiae!» — конец Финляндии! — с восторгом воскликнул Пуришкевич, когда данный законопроект был принят¹.

После Февральской революции финны сразу поставили вопрос о возврате им прежнего статуса. Однако назначенный в марте министром по делам Финляндии, один из кадетских лидеров, Федор Измайлович Родичев всячески препятствовал этому. Тогда 5 июля, после выхода кадетов из правительства, финляндский сейм, в котором преобладали социал-демократы, принял закон о правах, восстанавливающий автономию. Керенский был в ярости. Когда 11 июля к нему явилась делегация финнов во главе с сенатором Карлом Энкелем, Александр Федорович заявил, что распускает сейм и назначает новые выборы. 18-го сейм закрыли. Социал-демократы, державшиеся всегда лояльно по отношению к российским властям, попробовали не подчиниться. И 15 августа двинулись к парламенту. Но русские драгуны, выставленные у здания сейма, быстро охладили их пыл, и депутаты мирно разошлись.

Прибывший в Гельсингфорс в самом начале сентября Николай Виссарионович Некрасов — в июле заместитель министра-председателя, а теперь назначенный генерал-губернатором Финляндии, заявил, что надеется «встретить со стороны ответственных финляндских кругов лояльное отношение к законным правам и интересам российской

¹ История СССР. М.: Наука, 1968. Т. VI. С. 360.

государственности»¹. Однако, вопреки запрету, заручившись поддержкой Областного исполнительного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, председателем которого стал Ивар Смилга, социал-демократы заняли помещение сейма. Но «законопослушность» все-таки одержала верх. Закон о власти они принять не рискнули и, ограничившись резолюцией протеста, вновь разошлись по домам.

На состоявшихся новых выборах это не прошло им даром. Обойдя социалистов на 9 мандатов, победу одержали правые во главе с вернувшимся из сибирской ссылки Пэром Эдвином Свинхувудом. И теперь уже стало очевидным, что удержать Финляндию в рамках прежней автономии не удастся. Свинхувуд был готов согласиться даже на немецкий протекторат, лишь бы дистанцироваться от революционной России.

Прежние военно-полицейские и чиновно-бюрократические скрепы, удерживавшие регионы и национальные окраины империи, не выдерживали. И повсюду стали возникать организации, претендовавшие на представительство тех или иных народов и конфессий.

4 марта в Киеве была создана Центральная Рада (УЦР), возглавившая украинское национальное движение. Ее председателем избрали близкого прежде к кадетам, а затем перешедшего к украинским эсерам профессора-историка Михаила Сергеевича Грушевского. 5–7 апреля на Украинском национальном конгрессе он возглавил и Исполнительный комитет УЦР — Малую Раду. Грушевский был убежден, что настало время «создать украинское народовластие и государственное право Украины». А начинать решили с создания собственной армии и уже в мае военный комитет Симона Петлюры при УЦР приступил к формированию полка имени Богдана Хмельницкого в Киеве, а затем полка имени гетмана Павла Полуботка.

Но Временное правительство выступило против «украинизации» армии, и Керенский даже отказался принять киевскую делегацию, прибывшую 12 мая в Петроград. В ЦИК Советов против «украинских домогательств» выступил Чхеидзе, а кадеты просто заклеили их как «еще одно звено германского плана разложения России».

Ответом стал Первый Универсал об автономии Украины, торжественно провозглашенный в Киеве 12 июня: русское правительство «отклонило все наши требования, оттолкнуло протянутую руку украинского народа», и теперь украинцы «сами будут творцами своей жизни». И 23 июня на пленуме УЦР Грушевский формирует первое украинское правительство — Генеральный секретариат — во главе с лидером украинских с.-д. (УСДРП) Владимиром Винниченко. Петлюра возглавляет комиссариат по военным делам.

¹ Речь. 1917. 13 сентября.

29 июня в Киев прибыла делегация: Керенский, Терещенко, Некрасов и Церетели. Сошлись на достаточно неопределенной формуле: «Украина в союзе с другими народами Европы в федеративной республике Российской». Так или иначе, но автономия Украины со своим законодательным (УЦР) и исполнительным (Генсекретариат) органами фактически была признана, что и зафиксировал 3 июля Второй Универсал. Это, впрочем, нисколько не помешало тому, что 27 июля между русскими кирасирами, несшими караульную службу на станции Киев, и полком Хмельницкого произошла стычка. Началась перестрелка и украинцы были обезоружены. «Мы вам покажем автономию!» — говорили им кирасиры¹.

Аналогичные процессы происходили в других регионах. Еще 15 марта по инициативе депутатов-мусульман IV Думы в Питере было создано Временное центральное бюро российских мусульман, руководителями которого стали адвокаты — меньшевик Ахмед Цаликов и кадет Садретдин Максудов. А 1 мая в Москве состоялся Первый всероссийский мусульманский съезд, 800 делегатов которого представляли мусульманские организации Петрограда, Москвы, Казани, Уфы, Астрахани, Крыма, Баку, Кавказа и Туркестана.

По докладу Цаликова съезд выдвинул требования — гарантировать для мусульман культурно-национальную автономию и превратить Россию в «демократическую республику на национально-федеративных территориальных началах». Для руководства и координации действий мусульман страны избрали Всероссийский центральный мусульманский совет (Милли Шуро), председателем Исполкома которого стал писатель, эсер Гаяз Исхаки.

После июльских событий Милли Шуро поставил вопрос о формировании отдельных мусульманских воинских частей и о введении двух представителей мусульман в состав нового коалиционного Временного правительства. Однако и в том и в другом им было отказано. Тем не менее, несмотря на запрет, 17 июля в Казани открылся Первый Всероссийский мусульманский военный съезд представителей фронтовых и тыловых частей армии и флота. А 22 июля в той же Казани на объединенном заседании Второго Всероссийского мусульманского съезда, Военного съезда и съезда Всероссийского мусульманского духовенства торжественно провозгласили «культурно-национальную автономию мусульман Внутренней России и Сибири» и заявили о ее немедленном введении, не дожидаясь Учредительного собрания.

Первый Общекиргизский (Общеказахский) съезд в Оренбурге, проведенный в конце июля, также высказался за автономию и создание

¹ Политические деятели России. 1917. 1993. С. 66, 91; Френкин М. Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 215–217; Протоколы VI съезда РСДРП(б). М., 1934. С. 310.

самостоятельной партии «Алаш». Один из ее лидеров, член Туркестанского комитета Временного правительства «по устройению киргизского быта в крае», Алихан Нурмухамедович Букейханов, состоявший ранее в кадетях, записал в программу «Алаш» и про национально-территориальную автономию Туркестана и про то, что Россия должна стать федеративной республикой с президентской формой правления.

Однако и эти пожелания были проигнорированы Временным правительством. 20 сентября Ахмед Цаликов заявил: «Приходится с грустью констатировать, что революционная демократия в проблеме устройства народов России далеко не стала на путь, гарантирующий за народами право полного национально-культурного и политического самоопределения»¹.

Временное правительство действительно довольно вяло реагировало и на «федералистов» и на «автономистов» потому, что дело ограничивалось у них, как правило, лишь разговорами и резолюциями. Но совсем по-другому повел себя Керенский, когда в Ташкенте, после корниловского мятежа, на митингах рабочих и солдат 12 сентября приняли резолюцию Ташкентского Совета о переходе власти к Советам и избрали Временный Военно-революционный комитет из 5 левых эсеров, 4 большевиков, 3 меньшевиков-интернационалистов и 2 анархистов.

По приказу председателя Туркестанского комитета Владимира Петровича Наливкина, близкого ранее к социал-демократам, членов Ревкома арестовали. Но солдаты и рабочие освободили их, и власть в городе действительно перешла к Совету. 17 сентября Наливкин предъявил ультиматум, требуя признания власти Временного правительства. Но ташкентские рабочие и солдаты поддержали Совет. И лишь прибытие 24 сентября карательной экспедиции генерала Коровиченко позволило подавить выступление².

Совершенно по иным мотивам против Временного правительства выступила Область Войска Донского. Созванный в Новочеркасске после 196-летнего перерыва Донской Войсковой Круг (26 мая — 18 июня) избрал своим председателем директора гимназии Митрофана Петровича Богаевского, а войсковым атаманом генерала Алексея Максимовича Каледина.

Проект Богаевского об автономии ОВД и создании своего выборного правительства был направлен Временному правительству, но оно внесло «поправку», сводившую автономию на нет: управление ОВД должно было по-прежнему осуществляться комиссаром правительства. Однако Войсковой Круг и атаман отвергли поправку. А когда после кор-

¹ Политические деятели России. 1917. 1993. С. 49, 128, 203, 324, 337, 371, 372.

² Там же. С. 228.

ниловского выступления, 1 сентября, правительство потребовало ареста и явки Каледина в суд, Круг продемонстрировал свою автономию, заявив, что по старому казачьему обычаю — «с Дона выдачи нет!»

Подчиняться Керенскому казаки не собирались. Выступая 6 сентября на Войсковом Круге, атаман Каледин прямо заявил, что «Временное правительство плоть от плоти и кровь от крови Совета рабочих и солдатских депутатов». И позднее — уже в октябре, по инициативе Богаевского, Войсковой Круг провозгласил полную независимость ОВД «до образования в России правительства, приемлемого для казаков». Главой объединенного правительства «Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» стал кадет Василий Акимович Харламов¹.

8 сентября 1917 года, по инициативе Украинской Центральной Рады, в Киеве открылся «Съезд народов и областей России». Его 86 делегатов представляли различные национальные и конфессиональные организации украинцев, казаков, поляков, евреев, литовцев, латышей, эстонцев, молдаван, крымских татар, грузин, азербайджанцев, бурят и др. С посланием от Керенского сюда прибыл и председатель Особого совещания по проведению областной реформы при Временном правительстве М.А. Славинский.

Максим Антипович заявил, что «мы заинтересованы в цельности и неделимости России» и подобный съезд следовало бы проводить в Петрограде. И хотя вопрос о федеративном устройстве страны может решить лишь Учредительное собрание, Временное правительство не препятствует автономистской работе на местах. Тем более что уже сейчас все народы России «державны», Украина уже автономна, а в Прибалтике, на Кавказе и в Сибири идут аналогичные процессы.

Председательствующий Грушевский был сдержан и лишь заметил, что Киев и в древние времена Кирилло-Мефодиевского братства являлся центром федералистского движения славян, да и теперь федерация является единственным спасением для России. Были достаточно сдержанны и другие делегаты. Съезд признал необходимым созыв местных Учредительных собраний до общероссийского, преобразование армии по национальному признаку, призвал к выработке оптимального соотношения между «общегосударственным и краевыми языками». Признавалось право Литвы на самостоятельность, а Белоруссии и Латвии на автономию. Согласились и с представителем Совета Союза казачьих войск Р.К. Ивановым в том, что «казачество — это особая ветвь русского народа» и даже «особая нация», для которой также необходима государственная автономия.

¹ Политические деятели России. 1917. 1993. С. 33, 310, 333.

Не сдержался и сказал лишнее лишь делегат от Грузии И.А. Бараташвили: «Мы за федерацию и не говорим пока о независимой Грузии, но и это слово будет сказано». Грушевский осадил его: украинцы придерживаются иного мнения и от федеративной России будут стремиться к федеративной Европе. Славинский с пафосом поддержал его: «За Российской федерацией последует европейская федерация, а затем — всемирная»¹. Ничего кроме этого фальшивого пафоса ни он, ни Временное правительство противопоставить угрозе распада России не могли.

Для тех, кто хотел предотвратить развал огромной страны, были возможны два варианта противодействия. Первый: попробовать удержать распадающиеся части империи с помощью силы. То есть попытаться спасти «единую, неделимую державу» на прежних — пусть и несколько «олиберальных» основах. Но сил для этого уже не было.

Другой вариант: не отрицая права народов на самоопределение, сохранить Россию на совершенно иной базе. Прежде всего решить главные социально-экономические проблемы «метрополии» так, чтобы сделать ее более притягательной для национальных окраин, чем прежде. И создать тем самым возможность для добровольного объединения.

В свое время, размышляя о судьбах России, Ленин писал: «Отделения мы вовсе не проповедуем. В общем, мы против отделения. Но мы стоим за *п р а в о* на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда *больше* связи получится *после* свободного отделения!!»²

Это отнюдь не означает, что национализм малой нации — «лучше». Даже на чисто эмоциональном уровне он может оказаться гораздо противнее хотя бы в силу своей провинциальности. Но главное, конечно, не в этом. Гипертрофированный национализм малой нации, взращенный на злобе и ненависти по отношению ко всему «не нашему», легко перерастает в самый агрессивный шовинизм.

Когда польские националисты пытались оправдать необходимость войны Германии против России под предлогом того, что она якобы может принести независимость Польше, Ленин написал: «Быть за войну общеевропейскую ради одного только восстановления Польши — это значит быть националистом худшей марки, ставить интересы небольшого числа поляков выше интересов сотен миллионов людей, страдающих от войны»³.

Поэтому в большевистской программе (1913 г.), помимо признания права на самоопределение вплоть до образования собственного государства, содержалось требование областной автономии и самоуправ-

¹ Политические деятели России. 1917. 1993. С. 382, 383.

² Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 48. С. 235.

³ Там же. Т. 30. С. 48.

ления для всех определившихся в хозяйственно-экономическом, национальном и территориальном отношении областей в рамках единого крупного демократического государства.

В эсеровской программе, также не отрицавшей права на самоопределение, стояло требование федерации: «федеративных отношений между различными национальностями». И, как видим, именно оно, после свержения монархии, было выдвинуто на самых различных национальных съездах. Социал-демократы в прежние годы всячески критиковали это требование. Они опирались на определенную марксистскую традицию: критику Марксом федерализма Прудона и Бакунина. И многие социалисты так и остались «упертыми» в данные цитаты.

Но верность Марксу означала для Ленина верность не букве, а духу марксизма. В «Государстве и революции» он анализирует сам подход Маркса и Энгельса к этой проблеме. Владимир Ильич показывает, что критика федерализма носила у них не абсолютный, а конкретно-исторический характер. И в определенных исторических условиях, например, после свержения монархии с ее централистско-бюрократической формой правления, *федерация может сыграть позитивную роль*.

Отношение к федерализму, пишет Ленин, среди прочих конкретных условий, определяется прежде всего остротой национального вопроса в данной стране. Если «национальный вопрос еще не изжит», то федеративная республика, при всех недостатках федерализма, может стать «шагом вперед». Важно лишь, чтобы строилась она на началах «добровольного объединения» и добровольного «демократического централизма», который в едином государстве «устраняет всякий бюрократизм и всякое “командование” сверху безусловно»¹.

Таким образом, все сошлось в одной точке. Временное правительство оказалось неспособным решить ни вопрос о войне и мире, ни вопрос о хлебе и земле, ни вопрос о российской государственности. Мало того, становилось все более очевидным, что именно оно является препятствием на пути решения данных проблем. И не радикализм каких-либо партий, не стремление к власти их «фанатичных» лидеров, а логика народной борьбы за свои насущные интересы диктует необходимость свержения такого правительства.

Американский разведчик полковник Раймонд Робинс был человеком наблюдательным. Работая «под крышей» американского Красного Креста, он много колесил в эти месяцы по России. И вот его наблюдения...

«...Я обнаружил, что Временное правительство не пустило прочных корней в русской жизни... Власть его существовала в большей или меньшей степени только в Петрограде, Москве и немногих других ме-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 53, 54, 72, 73.

стах... С мандатами Керенского в кармане я пытался вести порученное мне дело. При посещении деревень или городов я обращался к местным жителям с просьбой выполнить приказание, но они при виде мандатов Керенского только смеялись и говорили: “Повидайте-ка прежде председателя Совета”.

...Я спросил: “Что такое Совет?” Мне ответили: “Это рабочие, солдатские и крестьянские депутаты”. Я сказал им: “Это революционная организация. Мне же нужна гражданская организация — земская управа, волостное управление — словом, какая-нибудь регулярная гражданская власть”. Они возразили: “Это не приведет ни к чему. Вам лучше повидать председателя Совета”. Во многих случаях, когда мне удавалось увидеть председателя местного Совета и он — не вследствие приказа Керенского, а по собственному решению — соглашался сделать то, о чем я просил, мое желание выполнялось без всяких помех. Если мне был нужен поезд, я его получал. Если нужны были шесть телег для перевозки зерна из деревни на станцию, мне давали эти шесть телег. Я на деле убедился, что реальная власть принадлежит советам, а не органам Временного правительства¹.

Весь опыт 1917 года подтверждал, что воля большинства народа сосредоточена в Советах и воплощена в лозунгах большевистской партии. Их реализация позволит Советам немедленно дать землю крестьянам, ввести рабочий контроль на предприятиях, покончить с войной или хотя бы добиться перемирия, которое сэкономит десятки и сотни тысяч жизней. Если же мир будет отвергнут, то Россия поведет действительно революционную войну, а «оборонеспособность страны, свергнувшей иго капитала, давшей землю крестьянам, поставившей банки и фабрики под рабочий контроль, — пишет Владимир Ильич, — была бы *во много раз* выше оборонеспособности капиталистической страны». Иначе говоря, заключает Ленин, в вопросе о войне и мире пролетариат выступает «поистине как представитель *всей* нации, всего живого и честного *во всех* классах...»²

Что же касается национального вопроса и российской государственности — этих коренных вопросов жизни населения страны, то Советы дадут всем бывшим национальным окраинам России свободу выбора — идти вместе или врозь. Но несомненно одно: если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть и объединят *действия* всех народов и всех регионов в борьбе против буржуазии и помещиков за передачу *«всей* нации» частной собственности на землю, заводы, железные дороги, это как раз и станет проявлением подлинно-

¹ Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. М., 1990. С. 151.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 225, 300, 331.

го, а не декларативного и принудительного «единства нации». То есть и в этом вопросе, резюмирует Ленин, большевистские лозунги могут стать не только программой всех «трудовых масс», но и «угнетенных национальностей», а стало быть — подавляющего большинства народа¹.

Отвечая своим либеральным и ортодоксально-марксистским оппонентам, Владимир Ильич пишет: *«Дело вовсе теперь в России не в том, чтобы изобретать “новые реформы”, чтобы задаваться “планами” каких-либо “всеобъемлющих” преобразований»*. Обвинения большевиков во «введении социализма» — заведомая ложь. «В действительности же положение в России таково, что невиданные тяжести и бедствия войны, неслыханная и самая грозная опасность разрухи и голода сами собой подсказали выход, сами собой наметили, и не только наметили, но и уже выдвинули» именно те неотложные преобразования, которые стали программой большевиков.

Реализовать ее можно с помощью Советов. И *«власть Советам, — продолжает Ленин, — единственное, что могло бы сделать дальнейшее развитие постепенным, мирным, спокойным, идущим вполне в уровень сознания и решения большинства народных масс, в уровень их собственного опыта»*².

Конечно, те, кого затронут эти преобразования — буржуазия и помещики, попытаются оказать сопротивление. Это неизбежно. «Но, чтобы сопротивление дошло до гражданской войны, для этого нужны хоть какие-нибудь *массы*, способные *воевать* и победить Советы. А таких масс у буржуазии *нет* и взять их ей неоткуда».

Как это ни парадоксально, но в таком мирном и наиболее безболезненном переходе власти к Советам, отмечает Ленин, — *последний шанс* буржуазии и помещиков избежать *более тяжелых последствий*. Если эта возможность будет упущена и гражданская война все-таки будет развязана, то «она должна будет кончиться, как показывают все доступные уму человека данные и соображения, полной победой рабочего класса, поддержкой его беднейшим крестьянством для осуществления изложенной программы, но она может оказаться весьма тяжелой, кровопролитной, стоящей жизни десяткам тысяч помещиков, капиталистов и сочувствующих им офицеров»³.

3 сентября 1917 года, после того как ЦИК решил поддержать Директорию Керенского, Ленин написал в ЦК, что надежды на мирный и наименее болезненный вариант решения вопросов, поставленных революцией, уходят в прошлое. «...Пожалуй, предложение компромисса уже

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 51, 53; Т. 34. С. 299, 332.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 206, 207.

³ Там же. С. 223, 238.

запоздало... Да, по всему видно, что дни, когда случайно стала возможной дорога мирного развития, уже миновали»¹.

Статья «О компромиссах» с этой припиской, видимо, тогда же, 3 сентября, или утром следующего дня была доставлена в Питер. Сделать это мог Ивар Смилга. Еще 6 августа ЦК решил направить его в Финляндию для работы среди российских матросов, солдат и рабочих. Но военные инстанции дали пропуск лишь в середине августа. В Гельсингфорсе, по просьбе Ленина, Ровио устроил им встречу у себя на квартире, и у Владимира Ильича появился таким образом еще один канал связи².

В 1924 году, во время партийной дискуссии вокруг проблем 1917 года Григорий Сокольников написал, что, получив статью «О компромиссах», «редакция ЦО высказалась против помещения статьи, считая, что обстановка не дает оснований для “компромисса”. Ленин настоял на помещении статьи, она была напечатана в “Рабочем пути” через два дня [6 сентября. — В. А.]; конечно, в этом случае прав был Ленин, а не редакция ЦО, желавшая взять “чуточку левее” Ленина»³.

В данном случае Григорий Яковлевич явно что-то запамятовал. Среди столичных большевиков действительно было немало противников соглашений с меньшевиками и эсерами. 7 сентября, на следующий день после публикации ленинской статьи, на заседании ПК Антон Слуцкий заявил, что некоторое «полевение» умеренных социалистов и Советов несомненно, но идти на сближение с соглашателями не надо. Что касается Советов, то их следует использовать как боевые центры для взятия власти.

Георгий Филаретович Коломин был еще более решителен: «Наша цель — не идти рука об руку с вождями этих Советов, а стараться оторвать от них более революционные элементы... Никаких компромиссов!.. Будем готовиться к боевой схватке». И пусть ЦК проявит свою позицию «ярче, определенной...» Близкую, хотя и более сдержанную позицию занял на этом заседании член ЦК Андрей Бубнов⁴.

Но эти настроения разделялись отнюдь не всеми. И в резолюции ПК 10 сентября говорилось лишь о невозможности компромиссов с буржуазными партиями и «цензовыми элементами». Центральный Комитет занял также вполне определенную позицию: решая 3 и 6 сентября вопрос о составе президиумов Петроградской думы и Петросовета, он предложил коалицию — распределение мест «пропорционально между

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 139.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 13, 15, 22; Воспоминания о В.И. Ленине: В 5 т. М., 1969. Т. 2. С. 441.

³ За ленинизм. Сб. статей. М.; Л., 1925. С. 165, 166.

⁴ См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 198, 199.

социалистическими фракциями»¹. Так что говорить о том, что питерские цекисты взяли «чутьку левее», нет оснований. Как, впрочем, нет оснований и для того, чтобы говорить о их разногласиях в эти дни с ленинской позицией.

Хотя 3 сентября Владимир Ильич и высказал предположение о том, что время компромисса прошло, он на протяжении еще недели продолжал обдумывать этот вариант развития событий. Возможность избежать гражданской войны была столь желательна, что даже при одном шансе из ста им необходимо было бы воспользоваться. «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, — пишет он, — то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной»².

В статье «Задачи революции» Владимир Ильич еще раз отмечает, что, «взяв всю власть, Советы могли бы еще теперь — и, вероятно, это последний шанс их — обеспечить мирное развитие революции, мирные выборы народом своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов, испытание практикой программы разных партий, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой». Проблема в том, считает Владимир Ильич, — научились чему-нибудь эсеры и меньшевики за полгода революции или нет. Если да, то можно создать устойчивую государственную власть, опирающуюся «заведомо и безусловно на *большинство* населения». Если же не сделать этого немедленно, «революция погибла, и только победоносное восстание пролетариата сможет спасти ее»³.

Удивительное дело: избежать гражданской войны хотели и соглашатели, и большевики. Но эсеро-меньшевистские лидеры полагали, что добиться этого можно лишь не форсируя реализацию радикальных требований народа. Не отпугивая буржуазию и не разрывая коалиции с ней. В противовес им большевики были убеждены, что любое затягивание решения вопросов о мире и земле — а при коалиции это неизбежно — лишь усилит возмущение и озлобление масс. И неизбежно — по всем законам развития революций — приведет к социальному взрыву и гражданской войне.

Статьи, в которых Ленин развивал эти мысли, — «Один из коренных вопросов революции», «Русская революция и гражданская война», «Задачи революции» — обычно относят к «первой половине сентября».

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 41, 47.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 135, 222.

³ Там же. С. 200, 201, 237.

Но Виталий Старцев прав: эти хронологические рамки можно сузить до 6–9 сентября¹.

Меньшевики и эсеры сами позаботились о том, чтобы сделать компромисс между советскими партиями невозможным. 8 и 9 сентября в меньшевистской «Рабочей газете» и эсеровском «Деле народа» они не только отвергли предложение большевиков, но и попытались «поставить их на место». В ЦИК, Советах, прессе была начата кампания по дезавуированию итогов голосования в Петросовете 1 сентября, когда большевики получили большинство. И поскольку кворума тогда действительно не было, решили вновь проверить соотношение сил 9 сентября.

В связи с необходимостью ремонта Таврического дворца для Учредительного собрания Петросовету передали Смольный, где прежде находился Институт благородных девиц. Здесь, при полном составе Совета, старый президиум поставил вопрос о доверии. Причем Церетели особо оговорил, что «проводить тактику большевиков мы не можем» и голосование 1 сентября противоречит всей прежней политической линии Петросовета.

Президиум — Чхеидзе, Церетели, Дан, Анисимов, Скобелев, Гоц и Чернов были уверены, что большинство, как и прежде, поддержит их. И предложили: пусть те, кто высказывается за отставку прежнего руководства, выйдут из зала. Но, к их изумлению, в дверях образовались заторы. И когда результаты этого голосования подсчитали, оказалось, что за эсеро-меньшевистский президиум — 414 депутатов, против — 519, воздержалось — 67.

В состав нового президиума вошли четыре большевика — Троцкий, Каменев, Рыков и Федоров, два эсера и один меньшевик. Низложенные вожди под гром аплодисментов нового большинства молча сходили с эстрады. И лишь Церетели бросил в зал реплику: «Мы полгода держали высоко и достойно знамя революции... Мы можем только выразить пожелание, чтобы вы так же продержали его хотя бы половину этого срока!»

«Соглашательские вожди, — пишет Троцкий, избранный новым председателем Петросовета, — совсем исчезли с горизонта, окопавшись в Исполнительном комитете [ЦИК]... Вместе с [ними]... перестали показываться друзья и почитатели демократических министров, радикальные офицеры и дамы, полусоциалистические писатели, образованные и именитые люди. Совет стал однороднее, серее, сумрачнее, серьезнее².

Так уж случилось, что именно в этот день, 9 сентября, в Гельсингфорсе собрался 3-й Областной съезд Советов армии, флота и рабочих

¹ См. статью В.И. Старцева в кн.: В.И. Ленин в Октябре и в первые годы Советской власти. Л., 1970. С. 30, 31.

² Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 273, 274.

Финляндии. Из 123 делегатов 63 принадлежали к большевикам, 48 — к левым эсерам. И 12 сентября председателем нового Исполнительного комитета, провозгласившего себя высшим органом политической власти на главной базе Балтфлота, избрали Ивара Тенисовича Смилгу — члена большевистского ЦК¹.

Еще до этого, 5 сентября, в Красноярске большевики одержали победу на Среднесибирском съезде Советов. 8 сентября 130 голосами против 66 большевистскую резолюцию принял Киевский Совет. В десятках городов Центрального промышленного района, Прибалтики, Донбасса, Урала — городов и губернских, и уездных, в рабочих поселках — большевики возглавили Советы, которые сосредоточивали в своих руках власть на местах.

Влияние большевиков резко возросло в массе городского населения. 20 августа они получили на выборах в Петроградскую городскую думу 33 процента голосов и 67 мест вместо прежних 20 процентов, заняв второе место после эсеров и их союзников (75 мест). Блок кадетов, трудовиков и плехановцев получил лишь около 50 мест².

Но самой большой сенсацией оказались итоги сентябрьских городских выборов в Москве. «Это голосование на выборах в районные думы в Москве, — пишет Ленин, — является вообще одним из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общенациональном настроении. Что Москва более Питера мелкобуржуазна, это общеизвестно...

И вот в Москве голоса эсеров и меньшевиков с 70 процентов в июне падают до 18... Кадеты усилились с 17 процентов до 30 процентов, но они остались меньшинством, безнадежным меньшинством, несмотря на очевидное присоединение к ним “правых” эсеров и “правых” меньшевиков. А “Русские ведомости” говорят, что *абсолютное* число голосов за кадетов понизилось... Только у большевиков число голосов возросло... Они получили 47 процентов всего числа голосов. Что вместе с левыми эсерами мы имеем теперь большинство и в Советах, и в армии, и *в стране*, в этом ни тени сомнения быть не может». При окончательном подсчете голосов выясняется, что победа большевиков в Москве еще более сенсационна — свыше 51 процента³.

Делая столь серьезный вывод, Ленин учитывал и тот поворот, который происходил в сознании крестьянской массы. «Волна угара и травли против нашей партии среди наших товарищей крестьян прошла, — писал большевик Лобов, побывав в Смоленской губернии. — ...Из моих личных

¹ Рабинсвич А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 193.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 337.

³ Там же. С. 278, 279, 387, 399.

наблюдений в деревне видно, что крестьяне нас теперь хотят понять подробно, и уже слово “большевик” для них не пугало, как было раньше...»¹.

Эсеровский официоз «Дело народа» отмечал: «Большевизм, в тесном смысле этого слова, усилился. Это вне сомнений... Петроградский пролетариат теперь почти сплошь идет за большевиками... Последние дни принесли известие о победах большевиков на выборах в Ревеле, Царицыне, Орехово-Зуеве, Иваново-Вознесенске, Твери и др. городах. Победы эти нельзя назвать иначе, как блестящими, ибо большевики в несколько раз возобладали тут над с.-р. и меньшевиками, вместе взятыми. Это — рабочие. Но вот выборы в уездное *земство* в Московском уезде, земские выборы в некоторых волостях Пермской губернии. И везде неожиданный успех большевиков»².

В сентябре, в связи с крестьянским восстанием, Керенский издал приказ № 911, по которому «лица, учинившие насильственные действия скопом», приговаривались к «отдаче в исправительные арестантские отделения до трех лет». И вот из взбудораженной рязанщины, из своего Данковского уезда крестьянин И.С. Титов пишет в большевистское Московское областное бюро: «Крестьяне все пришли к моему убеждению и все стали большевиками. Социалистов-революционеров, которые ездили к нам на собрания, крестьяне прогнали их к чёрту с криками, чтобы больше не ездили: только сулите нам землю, а давать не даете. Мы уже у помещиков землю отобрали, хлеб реквизировали. Одним словом — по-большевистски».

Элемент преувеличения в этой оценке, конечно, был. Но вот сообщение рязанской эсеровской газеты «Голос труда» из Раненбургского уезда: «Во многих волостях заметно стремление к большевизму. Партия социалистов-революционеров стала уже немодной»³. У Ленина на сей счет были и свои наблюдения. Когда он перебирался в Финляндию и вместе с Зиновьевым зашел к Кальске, Рахья сказал, что на Эмиля можно положиться, он старый подпольщик — *эсер*. Ленин удивился — «Как эсер?» Рахья махнул рукой: «Он такой же эсер, как я — китайский император»⁴.

Безусловно, на многих уездных и губернских съездах Советов крестьянские депутаты, по традиции, еще будут голосовать за эсеров, отдавая при этом предпочтение левым эсерам, все более сближавшимся с большевиками. Но в политической борьбе важна не столько самоидентификация с той или иной партией, сколько характер реального политического действия. Отдавая свои голоса эсерам, крестьяне на деле шли против официального руководства этой партии, осуждавшего «са-

¹ Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975. С. 279, 280.

² Собокин А.М. В преддверии Октября. М., 1973. С. 146, 147.

³ Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. С. 279.

⁴ РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 1673, л. 86.

мовольный» захват помещичьей собственности. И прав был И.С. Титов: как только вставал вопрос о земле — крестьяне на деле действовали «по-большевистски».

Те, кто пытается объяснить гигантский рост влияния большевиков умелой постановкой агитационной работы, нередко забывают о том, какими кадрами блистательных публицистов и ораторов располагали их оппоненты. И Ленин справедливо отметит: «Мы, партия большевиков, Россию *убедили*». Однако народ пошел за большевиками не потому, «что их агитация была более искусна. Нет, дело в том, что агитация их была правдива»¹.

Постепенно складывалось то положение, когда страна психологически все более разламывалась надвое: «бедные» и «богатые», «мы» и «они», «власть» и «народ». А поскольку авторитет рабочих признавали и солдаты, и крестьяне, то все они начинали самоидентифицироваться как «пролетариат», противостоящий «буржуазии».

Любопытную зарисовку, сделанную уже в октябре, оставил Джон Рид... В Царском Селе у вокзала — двое солдат. Явные крестьяне. Их буквально осаждает толпа обывателей. «Атаку вел высокий молодой человек в студенческой форме, с очень высокомерным выражением лица. “Я думаю, вам ясно, — вызывающе говорил он, — что, поднимая оружие против своих братьев, вы становитесь орудием в руках разбойников и предателей”. — “Нет, братишка, — серьезно отвечал солдат, — не понимаете вы. Ведь на свете есть два класса: пролетариат и буржуазия...”

“Знаю я эту глупую болтовню! — грубо оборвал его студент... — Повторяешь, как попугай!..” В толпе засмеялись... “Говорю тебе, что то, за что вы сражаетесь, — это не социализм. Это просто анархия, и выгодно это только немцам... А знаешь ли ты, что Ленина прислали из Германии в запломбированном вагоне? Знаешь, что Ленин получает деньги от немцев?”

“Ну, этого я не знаю, — упрямо отвечал солдат. — Но мне кажется, Ленин говорит то самое, что мне хотелось бы слышать. И весь простой народ говорит так. Ведь есть два класса: буржуазия и пролетариат...”

“Дурак!.. — уверенно заявил студент. — Я борюсь с большевиками потому, что они губят Россию и нашу свободную революцию. Что ты теперь скажешь?” Солдат почесал затылок. “Ничего я не могу сказать! — его лицо искажено было умственным напряжением. — По-моему, дело ясное, только вот неученый я человек!.. Выходит словно бы так: есть два класса — пролетариат и буржуазия... И кто не за один класс, тот, значит, за другой...”²

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 172; Т. 40. С. 69.

² Джон Р. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 159, 160.

Новая революционная волна нарастала, ширилась, оставляя позади и перехлестывая через те партии, которые пытались противиться либо просто не поспевали за ней. Рабочие-меньшевики целыми группами переходили к большевикам. Тираж «Рабочей газеты» с прежних 100 тысяч упал в сентябре до 10–15 тысяч. Большевики-интернационалисты, группировавшиеся вокруг «Новой жизни», признав «несомненный факт полного краха меньшевистского крыла социал-демократии, перехода его в политическое небытие», 12 сентября создали свое Центральное бюро, не подчинявшееся меньшевистскому ЦК. Даже Лев Дейч был вынужден признать, что дни меньшевизма «несомненно уже сочтены»¹.

Обострялся разброд и среди эсеров. Левые эсеры, группировавшиеся вокруг Марии Спиридоновой, Бориса Камкова и Владимира Карелина, все более укрепляли свои позиции и обособлялись от правого руководства партии. «В Питере 10 сентября 1917 г., — отметил Ленин, — городская конференция эсеров дала большинство в две трети *левым* эсерам, тяготеющим к союзу с пролетариатом, отвергающим союз (коалицию) с буржуазией». К ним переходит газета «Знамя труда» и целые организации — в Гельсингфорсе, Киеве, Воронеже, Казани, Сызрани, Барнауле. Само эсеровское руководство признало, что «разногласия внутри партии так обострились, что местами совместная работа стала уже невозможной и что левые максималистские группы во многих местах фактически уже работают отдельно»².

Так о каком компромиссе и с какими именно эсерами и меньшевиками может идти речь? Ленин всегда считал, что компромисс важен не тем, что позволяет усадить за один стол различных партийных лидеров со всеми оттенками их взглядов и настроений. Компромисс имеет смысл лишь тогда, когда за этими лидерами действительно стоят широкие массы.

Но теперь, когда у соглашателей почва явно уходила из-под ног, когда широкое народное движение оставляло их позади, проблема большинства решалась уже не компромиссом, а прямой апелляцией к массам, прямым революционным действием.

Прав был Георгий Коломин, заявивший 7 сентября на заседании ПК: «Как на заводах, так и в крестьянской бедноте мы наблюдаем отход влево». И если революционная волна перехлестнула через эсеро-меньшевистских лидеров, то «теперь нам думать о компромиссе смешно»³.

Опасность того, что массовое движение перехлестнет и через большевиков, что «бесконечно свирепый» взрыв, о котором предупреждал

¹ Новая жизнь. 1917. 13 и 29 сентября; Единство. 1917. 4 октября.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 198, 199; Партийные известия (еженедельный журнал партии социалистов-революционеров). 1917. № 2. С. 12.

³ Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 198, 199.

Ленин, может произойти совершенно стихийно и в самых диких формах, становилась все более очевидной.

Особенно подвержена была такого рода стихийным и диким вспышкам солдатская масса, среди которой было немало элементов в значительной мере деклассировавшихся за годы войны. Их психология и поведение проанализированы в книге Владимира Булдакова «Красная смута» (М., 1997). Именно они в сентябре крушили магазины в Уфе и тут же на улице либо продавали захваченные вещи, либо просто затаптывали их в грязь. В Бендерах, Тирасполе, Остроге, Ржеве, Торжке, разгромив винные склады, пьяные солдаты вместе с хулиганами громили лавки и магазины. В Харькове такие же пьяные солдаты, науськиваемые черносотенцами, бросились на еврейское кладбище, намереваясь вырыть из могил якобы спрятанное там золото.

Неспособность правительства решить вопрос о мире, хлебе и земле вызывала в массах бурю озлобления и ненависти. Эти настроения создали почву для стремительного роста влияния различных групп анархистов. Об этом сообщали в ЦК РСДРП из Севастополя, из Юго-Западного края, из Финляндии, Донбасса и других районов страны.

В письмах в ЦК большевистские комитеты отмечали бесконечную усталость масс, выражавшуюся «в дикой злобе, которая в каждую минуту может вызвать неслыханно дикое выступление», что в провинции массы «бурлят, невтерпеж», что «масса “левее” по-анархистски», что слепая ярость пробуждает самые низменные инстинкты. Антонов-Овсеенко прямо предупреждал: «Масса идет *через нашу голову*... Надо спешить»¹.

Многочисленные сообщения о подобного рода эксцессах всячески муслируются буржуазной прессой. «Все это, — писало “Утро России” 1 октября, — леденит душу ужасом уже не предчувствия, а уверенности, что пробил последний “двенадцатый час”». Ленин тщательно анализирует ситуацию и приходит к выводу, что тот самый «общенациональный кризис», о котором говорилось в резолюции VI съезда партии, становится фактом. Отсюда вытекает и практическая задача: надо торопиться — «иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, чем мы...»²

И именно в этот момент, когда центр тяжести движения все более перемещался непосредственно в массы, на улицу, на заводы и в казармы, большевистский ЦК позволил увлечь себя в новую «говорильню», в новый виток «парламентских игр».

¹ *Собокин А. М.* На путях к Октябрю. М., 1977. С. 266; Источниковедение истории Великого Октября. М., 1977. С. 93, 95, 96.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 340. (Выделено автором. — В. А.)

«На вулкане»

Вечером 14 сентября в Александрийском театре открылось Демократическое совещание. Идея его созыва была изложена Федором Даном еще в ночь на 27 августа, когда стало ясно, что прежняя правительственная коалиция с кадетами рухнула. Предполагалось, что такое совещание создаст правительство «демократической коалиции» из представителей Советов, демократических партий, профсоюзов, кооператоров, органов местного самоуправления и прочих общественных организаций. И поскольку критерии представительства изначально были весьма неопределенными, открывались самые широкие возможности для политического манипулирования.

Так оно и случилось. Из более чем полутора тысяч мест 300 было отдано органам местного городского самоуправления, 200 — земствам, 120 — кооперативам, находившимся в руках эсеров и меньшевиков. Советы, профсоюзы и другие общественные организации получили более тысячи мандатов. Но преимущество было опять-таки отдано сельским Советам, где явно преобладали эсеры. А вот всем Советам рабочих и солдатских депутатов, действительно представлявшим наиболее политически активную часть населения страны, предоставили лишь 230 мест, профсоюзам — 100, рабочим кооперативам — 38, флоту — 15.

Эти манипуляции привели к такому распределению мандатов между партиями, которое уже не соответствовало реальному соотношению сил в стране. Из тех делегатов, которые написали о своей партийности в анкетах, 532 являлись эсерами (71 указали на принадлежность к левым эсерам), 172 — меньшевиками (их них 56 интернационалистов), 134 — большевиками, 133 назвали себя беспартийными. И прав был Милюков, когда позднее написал: «Демократическое совещание... было по самому своему происхождению ловким политическим маневром с целью оттянуть разрешение неразрешимого конфликта»¹.

Между тем уже 3 и 6 сентября ЦК принял решение об участии в совещании и даже поставил вопрос о делегировании на него (при условии депутатской неприкосновенности) Ленина и Зиновьева. Однако понимание целей этого участия было среди большевиков различным.

Редактор «Уральского рабочего» Самуил Цвиллинг 8 сентября предложил обратиться к массам, разъясняя им, что предстоящее совещание «это подмена Всероссийского съезда Советов, продолжение тактики соглашательства и стремление ЦИК опереться на сомнительные в революционном смысле элементы (кооперативы, национальные группы, земства и т. д.) вместо единственно революционных элементов — рабочих,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 484; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 201, 202; Совокин А.М. На путях к Октябрю. М., 1977. С. 184.

солдат и крестьян. Это стремление после корниловского мятежа устроить “коронацию” Керенскому.

Мы послали на это совещание своих представителей *только для того*, чтобы испортить эту коронацию, чтобы потребовать от него сложения полномочий и немедленного созыва Всероссийского съезда Советов... Немедленно организуйте Красную гвардию из рабочих и приступайте к обучению ее военному строю и стрельбе из винтовок... Делайте это возможно скорее и срок обучения чтобы был возможно короче».

Уже упоминавшийся Среднесибирский съезд Советов в Красноярске, посылая своих делегатов на совещание, дает им императивный мандат: «Требовать перехода власти в руки Советов... Принять все меры к немедленному созыву Всероссийского съезда Советов для создания верховной революционной власти». Аналогичные резолюции принимаются съездами Советов Финляндии, Латвии, Ярославля, Челябинска, Ставрополя и др.¹

В большевистском ЦК были более осторожны. Некоторым его членам казалось, что идея «компромисса» все еще вполне реальна. 13 сентября ЦК поручил выработать декларацию для совещания Троцкому, Каменеву, Сталину, Милютину, Рыкову. И в тот же день в «Рабочем пути» публикуется статья Зиновьева «Наша победа и наши задачи». Эмиль Кальске, у которого он жил тогда, пишет, что именно в это время Григорий Евсеевич не раз встречался на квартире у Никандера Кокко с Рыковым и Сталиным. А стало быть, есть основания предполагать, что статья 13 сентября выражала не только личное мнение Зиновьева².

«Главный вопрос, который стоит сейчас перед каждым революционером, — говорилось в статье, — заключается в том, существуют ли еще и сейчас какие-нибудь шансы на мирное развитие революции и что нужно сделать, чтобы эти шансы усилить? И тут-то надо себе сказать: если существуют, то только в том случае, если между рабочим классом, окончательно пошедшим за нашей партией, и массой мелкобуржуазной демократии, идущей за эсерами и меньшевиками, состоится известный компромисс, известное соглашение... И открывающееся на днях Всероссийское демократическое совещание могло бы еще открыть путь для такого мирного исхода». А в подкрепление этой позиции «Рабочий путь», не печатавший после 6 сентября ни одной ленинской статьи, публикует 14-го за его подписью работу «Один из коренных вопросов революции», написанную 7 или 8-го, в которой говорилось о возможности «мирного, спокойного» перехода власти к Советам.

¹ Собокин А.М. На путях к Октябрю. М., 1977. С. 184, 188.

² Красная летопись. 1923. № 5. С. 302.

Трудно сказать, успел Ленин прочесть эти газеты или нет, но именно 13 и 14 сентября он пишет два письма: первое — Центральному Комитету, второе — ЦК, ПК и Московскому комитету партии.

В своих письмах Ленин исходил из того вывода, который он сделал в начале сентября. Вывода о том, что после корниловщины Россия сделала новый рывок к углублению революции. Фактически — к новой революции. И с этой точки зрения, оглядываясь назад, «ясным становится, — отмечает Владимир Ильич, — что виной и ошибкой большевиков была *недостаточная* революционность их тактики, а никак не чрезмерная революционность, в коей нас обвиняют филистеры»¹.

Несомненным фактом является то, что крах корниловщины дискредитировал в глазах народа саму идею коалиции революционной демократии с буржуазными элементами. А это в принципе изменило роль и место в политической жизни Советов как главных выразителей воли народа.

Фактом является и то, что большевики, пойдя на крайние уступки, предложили соглашательскому руководству Советов взять всю власть в свои руки. И «величайшей ошибкой было бы думать, — пишет Ленин, как бы отвечая Зиновьеву, — что наше предложение компромисса *еще* не отвергнуто, что Демократическое совещание *еще* может принять его»².

Что касается самого совещания, то следует исходить из того, что «в нем не представлено *большинство* революционного народа... Это совещание *меньшинства* народа — нельзя забывать этой очевидной истины». Так что же — разогнать его? Нет. Надо лишь определить тактику поведения в нем, а главное понять, что основная арена политической борьбы переместилась из любых «представительных учреждений» — в массы. Поэтому, даже если бы совещание «объявило себя перманентным и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего *не решает*: решение лежит *вне его*, в рабочих кварталах Питера и Москвы»³.

«Мы должны на Совещании, — предлагает Ленин, — немедленно сплотить фракцию большевиков, не гоняясь за численностью, не боясь оставить колеблющихся в стане колеблющихся... Мы должны составить краткую декларацию большевиков, подчеркивая самым резким образом неуместность длинных речей, неуместность “речей” вообще, необходимость немедленного действия для спасения революции, абсолютную необходимость полного разрыва с буржуазией, полного смещения всего теперешнего правительства...

Прочтя эту декларацию, призвав *решать*, а не говорить, действовать, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию *двинуть на заводы*

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 216.

² Там же. С. 244.

³ Там же. С. 244, 245.

и в казармы: там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического совещания». И там «в горячих, страстных речах разъяснять нашу программу и ставить вопрос так: либо полное принятие ее Совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя»¹.

Ленин формулирует три неперемennых условия успешности восстания. Первое и второе — очевидны: «Восстание должно опираться на *революционный подъем народа*», оно должно «опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс». Но «народ» и «пролетариат» — достаточно сложные и неоднородные величины. Это не статисты исторической драмы, дружно шагающие в ногу по указке вождей.

Поэтому третье условие успеха состоит в том, что для восстания необходимо избрать *«переломный пункт в истории»*. Это такой момент, когда выступления наиболее сознательной и решительной части народа достигают наивысшей активности и размаха, а симпатии к вооруженному восстанию со стороны колебавшихся *«друзей революции»* резко усиливаются. Вот тогда руководители восстания и должны приложить все усилия к тому, чтобы выступление не вылилось в стихийный взрыв, как это случилось в июле, а было направлено на вполне осознанное и продуманное взятие государственной власти².

Как это может выглядеть на практике? Ленин набрасывает примерную *иллюстрацию*: организовать штаб восстания, связать с ним все заводы и воинские части, мобилизовать вооруженных рабочих, арестовать правительство, генеральный штаб, блокировать верные им подразделения, юнкерские училища, окружить Александринку и т. д. и т. п. «Все это примерно, конечно, лишь для иллюстрации...», — подчеркивает Ленин. «Вопрос идет не о “дне” восстания, не о “моменте” его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто *соприкасается* с рабочими и солдатами, с *массами*».

А поскольку большевики — делегаты с мест уже съехались в Питер, «наша партия теперь на Демократическом совещании имеет фактически *свой съезд...*». Необходимо обсудить на нем все указанные вопросы, «чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства». Именно эти вопросы и именно «этот съезд решить *должен* (хочет или не хочет, а должен) *судьбу революции*»³.

По своим каналам связи — через Смилгу — Владимир Ильич пересылает оба письма Марии Ильиничне Ульяновой. Она размножает их на машинке и по десять экземпляров отдает секретарю ЦК Елене Стасовой.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 246, 247.

² Там же. С. 242, 243.

³ Там же. С. 240, 247.

Появляясь в Смольном, члены ЦК «заходили в секретариат, — рассказывает Елена Дмитриевна, — где я передавала им это письмо. Когда я вручила письмо А.С. Бубнову, он, прочитав его, сказал, что я должна уничтожить все экземпляры письма.

— На каком основании? — спросила я.

— Я говорю как член ЦК, — заявил он.

— Этот документ прислан членом Центрального Комитета, почему я должна вас слушаться? — Бубнов сказал, что ЦК постановит, чтобы это письмо было уничтожено». Не дожидаясь решения, Стасова тут же отправила три экземпляра писем в «секретный архив»¹.

Уверенность Бубнова в том, что ЦК уничтожит письма, была объяснима. Как раз накануне, 14-го, открылось Демократическое совещание. Приехал Керенский. «Встреченный аплодисментами, — рассказывает Шляпников, — он направился к президиуму, чтобы пожать руки сидевшим за столом. Доходит очередь до нас (большевиков)... Я отодвинулся от предложенной мне руки, а Керенский с протянутой рукой, не встретив наших рук, прошел далее». А когда Александр Федорович стал выступать, к трибуне протиснулся какой-то солдат и прямо в лицо крикнул ему: «Вы — горе родины!»²

От большевиков выступал Каменев. Он призвал представителей российской демократии, сидевших в зале, — *их, а не Советы*, — взять власть в свои руки, создать демократическое коалиционное правительство и орган, перед которым оно будет ответственно. Ему аплодировали. На другой день, 15-го, перед делегатами от Советов держал речь Троцкий. В отличие от Каменева, он говорил о переходе власти к Советам, но также, как и Каменев, ориентировался на мирное развитие событий. Ему тоже аплодировали.

«Авксентьев обратился к сидевшему поблизости Шляпникову: «Возьмите власть, за вами идут массы». Отвечая соседу в тон, Шляпников предложил положить сперва власть на стол президиума». Подобного рода вызовы были «отчасти издевательством, отчасти разведкой». Но одно было очевидно: даже тут понимают, что большевики — серьезная сила, с которой необходимо считаться³.

Вообще этот театральный зал с красным плюшем его кресел и лож, бесчисленными красными знаменами, крытый кумачом стол президиума во всю длину сцены, даже красная трибуна с приколотой табличкой «Не курить!», видимо, вселяли ощущение чего-то значительного и очень революционного. А 5-й ярус, набитый до отказа рабочими, солдатами,

¹ Воспоминания о В.И. Ленине: В 5 т. М., 1969. Т. 2. С. 454, 455.

² Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 299, 300.

³ Там же. С. 301.

делегатами местных Советов, шумно приветствовавший большевиков, он уж точно создавал праздничное и приподнятое настроение¹.

И вдруг, как гром среди ясного неба, эти ленинские письма... Их обсуждали в ЦК после заседания в Александринке 15 сентября. Настроение некоторых цекистов очень точно передал Бухарин: «Мы все ахнули». В помещении ЦК его встретил Милютин: «“Знаете, товарищ Бухарин, вот письмецо получили”». Письмо гласило следующее: “Вы будете предателями и негодяями, если сейчас же всю фракцию большевиков не распустите по фабрикам и заводам, не окружите Демократическое совещание и не арестуете всех мерзавцев”. Письмо было написано чрезвычайно сильно и грозило нам всякими карами... Никто еще так резко вопроса не ставил. Никто не знал, что делать. Все недоумевали первое время. Потом, посоветовавшись, решили. Может быть, это был единственный случай в истории нашей партии, когда ЦК единогласно постановил сжечь письмо т. Ленина»².

Приведенный фрагмент взят из выступления Бухарина на вечере воспоминаний 1921 года. Если бы Николай Иванович цитировал лишь по памяти (4 года!), тогда понятно: в подобных случаях память услужливо подбрасывает наиболее «удобные» сюжеты, смягчающие давнюю реальность. Но ведь как раз в 1921 году, в № 2 «Пролетарской революции» данные письма были опубликованы. Во-первых, их было два, а не одно «письмецо». Во-вторых, никакими «карами» Ленин в них не грозил, «предателями» и «изменниками» членов ЦК не называл, ареста «мерзавцев» из Демократического совещания — не требовал. Сохранился, наконец, и протокол заседания ЦК, из которого видно, что «единогласного» постановления сжечь письма — не было.

К анализу публикации этих воспоминаний в конце 1922 года нам, видимо, придется вернуться в другой книге, относящейся к событиям 1922–1924 годов. Пока же отметим, что — вне зависимости от «фантазий» Николая Ивановича — ЦК действительно предложения Ленина отверг.

Протокол заседания 15 сентября краток. Присутствует 16 человек: Троцкий, Каменев, Рыков, Ногин, Сталин, Свердлов, Бубнов, Бухарин, Ломов (Оппокон), Коллонтай, Дзержинский, Урицкий, Иоффе, Шаумян, Сокольников, Милютин. Единственный вопрос повестки: «Письма Ленина». Однако прений фактически нет. Как будто о главном уже договорились и собрались лишь для того, чтобы зафиксировать решение. И оно принимается в самом начале заседания: «Решено в ближайшее время назначить собрание ЦК, посвященное обсуждению тактических вопросов». И все — никаких оценок.

¹ Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 203; Савокин А. М. На путях к Октябрю. М., 1977. С. 191.

² Ленинский сборник IV. 1925. С. 333; Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 319.

Не высказывая своего мнения по существу, Сталин пытается вывести обсуждение вопроса за рамки ЦК: разослать ленинские письма «в наиболее важные организации и предложить обсудить их». Но и это не принимается, хотя Ленин свое второе письмо адресовал не только ЦК, но и ПК и МК. Впрочем, саму идею рассылки решили обсудить вместе с ленинскими письмами на том же «ближайшем заседании ЦК». После этого и ставится на голосование вопрос об уничтожении копий писем Ленина... Нет! Слово «уничтожение», брошенное Бубновым, или — хуже того — предложение «сжечь», как выразился Бухарин, не обсуждается. Протокольная запись гласит: голосуется «вопрос, кто за то, чтобы был сохранен только один экземпляр писем. За — 6, против — 4, воздержалось — 6».

Возможно, что среди голосовавших «за» были и те, кто исходил из соображений конспирации. Но поскольку те, кто голосовал «против», остались в явном меньшинстве, Каменев тут же раскрывает карты и предлагает резолюцию: «ЦК, обсудив письма Ленина [где и когда? — В. А.], отвергает заключающиеся в них практические предложения, призывает все организации *следовать только указаниям ЦК* и вновь подтверждает, что ЦК находит в текущий момент совершенно недопустимым какие-либо выступления на улице».

А далее в каменевском проекте прямое обращение «к тов. Ленину с *требованием* разработать в особой брошюре поставленный в его письмах вопрос об оценке текущего момента и политике партии». Этот проект резолюции — «отвергается». Однако первая его часть находит отражение в заключительном постановлении ЦК: «Членам ЦК, ведущим работу в Военной организации и в ПК, поручается принять меры к тому, чтобы не возникло каких-либо выступлений в казармах и на заводах»¹.

Остается лишь добавить, что на «ближайшем заседании ЦК» (а также и на последующих) никакого обсуждения писем Ленина не состоялось. Но, как бы для подкрепления позиции Каменева, 16 сентября «Рабочий путь» публикует более раннюю статью Ленина «Русская революция и гражданская война», в которой говорилось о возможности мирного перехода власти к Советам и о желательности союза с меньшевиками и эсерами.

И все-таки — неужели Ленин действительно полагал, что уже 15 сентября можно идти на вооруженный штурм власти? Конечно, нет! Спустя два месяца Владимир Ильич говорил: «Разве мы в сентябре знали достоверно о том, что через месяц революционная демократия в России совершит величайший в мире переворот? Мы знали, что старая власть

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 55.

находится на вулкане. По многим признакам мы угадывали о той великой подземной работе, которая совершалась в глубинах народного сознания. Мы чувствовали в воздухе накопившееся электричество. Мы знали, что оно неизбежно разразится очистительной грозой. Но пророчествовать о дне и часе этой грозы мы не могли¹.

Этот фрагмент — может быть, самое глубокое отражение состояния в стране и тех размышлений, которые занимали Ленина в сентябре 1917 года.

И все-таки, хотя он и говорил, что «вопрос идет не о “дне” восстания, не о “моменте” его в узком смысле», в предложенном им «для иллюстрации» плане выступления было слишком много конкретных, сиюминутных реалий: «окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство...» Именно это члены ЦК и восприняли как призыв к немедленному выступлению.

В 1918 году Зиновьев так изложил суть ленинского письма: «Довольно тянуть канитель, нужно окружить войсками Александринку, разогнать всю шваль и взять власть в свои руки”. ЦК не соглашается с В.И.». О том же говорил Сталин в 1920 году: «Ильич, который в то время находился вне Петрограда в подполье... писал, что эту сволочь (Демократическое совещание) надо теперь же разогнать и арестовать... Несмотря на все требования Ильича, мы не послушались его». Изложение смысла письма Бухариным в 1921 году приводилось выше — и оно совпадает. А в политике имеет значение не только то, что думал автор данного документа. Но и то — как его восприняли и поняли те, кому он был адресован².

Так, может быть, с этой точки зрения члены ЦК были правы? Троцкий писал, что позднее, во время III конгресса Коминтерна (22 июня — 12 июля 1921 года), «Ленин, чтобы смягчить свои удары по некоторым “ультралевым”, ссылался на то, что и ему приходилось делать “ультралевые” ошибки, особенно в эмиграции, в том числе и в последней “эмиграции”, в Финляндии в 1917 году, когда он отстаивал менее выгодный план восстания, чем тот, который был осуществлен на деле. Ссылку на эту свою ошибку, если память нам не изменяет, Ленин сделал и в письменном заявлении в комиссии конгресса... Интересующее нас заявление Ленина, по-видимому, не было опубликовано»³.

Ошибся Лев Давыдович, письмо опубликовано в малоизвестной брошюре Карла Крейбиха «Воспоминания о Ленине», вышедшей в Ленинграде в 1924 году. Хранилась она прежде в «спецхране», теперь — в Го-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 60, 61.

² К дню пятидесятилетия со дня рождения В.И. Ульянова (Ленина). 23 апреля 1870–1920. М., 1920. С. 37; Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 317.

³ Троцкий Л.Д. История русской революции. М., 1997. Т. 2. Ч. 2. С. 314.

сударственной общественно-политической библиотеке. И ее ученый секретарь Майя Давыдовна Дворкина любезно предоставила возможность ознакомиться с интересующим нас текстом.

«На одном заседании комиссии по тактике, — пишет Крейбих, — Ленин с особой резкостью выступил против левых... На следующий день на имя тов. Зиновьева пришло извинительное письмо Ленина с просьбой огласить его в комиссии. Я снял копию с этого письма, которое представляет собой ценный документ, характеризующий личность Ленина. В этом письме Ленин, между прочим, пишет (я перевожу с французского):

“Когда я был в эмиграции, мне не раз приходилось занимать крайнюю “левую” позицию. В августе 1917 года, находясь опять в эмиграции, я представил Ц.К. нашей партии чересчур “левый” план, который, к счастью, был отвергнут. Совершенно естественно, что эмигранты часто идут “слишком далеко налево”»¹.

Любопытно в этой связи наблюдение старого подпольщика Соломона Лозовского: «Он [Ленин] всегда заострял углы своих предложений для того, чтобы установить определенную грань между своей точкой зрения и точкой зрения противника... Средняя линия должна получиться в результате борьбы. Была ли эта тактика результатом его темперамента или расчета? Несомненно, — это был результат политического и стратегического расчета. Он неоднократно говаривал: *“Чем дальше мы загнем влево, тем ближе к нам пройдет равнодействующая”*. Это было суждение большого политика, который предоставлял другим искать средних путей»².

Упоминание Лениным в письме Крейбиху «августа 1917 года» объясняется, видимо, тем, что первая публикация обоих писем о восстании, незадолго до этого состоявшаяся в журнале «Пролетарская революция» (1921. № 2), была дана без дат, под общим редакционным заголовком «Письма Ленина начала сентября 1917 года». При этом, естественно, предполагался новый стиль. При переводе на старый стиль и возник, судя по всему, «август».

Впрочем, важнее другое. Если еще раз перечитать письмо, опубликованное Крейбихом, то нетрудно заметить, что Ленин пишет об ошибочности конкретного «плана» выступления, а не принципиальной постановки вопроса. Между тем тогдашние оппоненты Владимира Ильича в ЦК не принимали главного: мысли о том, что мирный, «парламентский» период развития революции завершился, и всем ходом событий в повестку дня теперь поставлен «штык».

Получив информацию о заседании ЦК 15 сентября, Ленин вновь и вновь анализирует обстановку в стране и реакцию членов ЦК на его

¹ Крейбих К. Воспоминания о Ленине. Л., 1924. С. 14.

² Лозовский С. А. Великий стратег классовой войны. М., 1924. С. 49.

письма. Диагноз: «У большевиков получилось неправильное отношение к парламентаризму в моменты революционных (не — “конституционных”) кризисов... История сделала, с корниловщиной, *очень* крутой поворот. Партия отстала от невероятно быстрого темпа истории на этом повороте»¹.

Но действительно ли в России вызревает кризис «не — конституционный»? И дело на сей раз не ограничится очередной правительственной комбинацией? Да, сентябрь — и прежде всего крестьянское восстание — это доказал. «Народ измучен колебаниями и оттяжками, — записывает Ленин. — Недовольство явно нарастает. Надвигается новая революция».

Существует ли опасность стихийного анархического взрыва в низах? Да, существует. Дальнейшие оттяжки, предупреждал Владимир Ильич, могут «взорвать и взорвут терпение...» А никто не отрицает того, что раньше — в том же июле или августе — не было такой «кипучей ненависти», даже «озверения», такой готовности *«драться»* среди рабочих и особенно солдат.

Ну а наблюдается ли сдвиг влево у той колеблющейся массы «друзей революции», которая до сих пор шла за соглашателями? Да, так считают сами эсеры и меньшевики. У них «нарастает прямой раскол, — пишет Ленин, — вследствие измены “вождей” интересам большинства населения».

Значит большевики могут рассчитывать на то, что сплоченный ими «авангард революции» увлечет за собой массы и обеспечит поддержку большинства народа. Свидетельство тому — сентябрьские победы партии в обоих столичных и многих провинциальных Советах².

Но именно эти победы, если и не вскружили головы, то во всяком случае породили вновь у части большевистских лидеров определенные «конституционные» иллюзии или, как выразился Владимир Ильич, *атмосферу* «некоего увлечения “совещанием”...» Мол, если за нами большинство, то к чему спешить? У нас крепкие позиции на Демократическом совещании. Скоро соберется Съезд Советов. Не за горами и Учредительное собрание. Вот тогда, мол, и будем решать вопрос о власти. Подобного рода иллюзии и привели к тому, замечает Ленин, что «партия дала себя завлечь, на время, в ловушку презренной говорильни».

В письмах Ленина они не уловили важную мысль: в моменты революционных кризисов реальное соотношение сил есть величина не постоянная, а весьма *переменчивая*, зависящая от множества как внутренних, так и внешних факторов.

О внутренних — о нарастании симптомов социального взрыва — говорилось выше. Можно ли рассчитывать на то, что эти факторы оста-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 253.

² Там же. С. 241, 244, 250, 252.

нутя неизменными еще достаточно долгий срок? Конечно нет, ибо «мы очень мало знаем, к сожалению, — пишет Владимир Ильич, — о широте и быстроте этого нарастания». Опыт начала революции в 1905-м и 1917 году был достаточно красноречив. Кстати, именно поэтому Ленин и написал, что время восстания может определить «лишь общий голос тех, кто *соприкасается* с рабочими и солдатами, с *массами*»¹.

Ну, а «внешние» факторы? Прежняя упертость в «войну до победного конца» даже в среде буржуазных политиков уступала место пониманию необходимости пристойного выхода из войны. Во второй половине сентября состоялись два совещания кадетских лидеров, на которых с докладом выступил известный международник Борис Эммануилович Нольде. Присутствовали члены правительства Коновалов, Третьяков, Терещенко, товарищ министра иностранных дел Нератов и другие.

Нольде прямо указывал, что продолжать войну невозможно и «нам нужно напрячь все силы для того, чтобы побудить союзников к мирным переговорам». Его поддержали Набоков, Добровольский, Винавер, Аджемов и другие. Коновалов заметил: «...То правительство, которому удалось бы дать России мир, приобрело бы огромную популярность и сделалось бы чрезвычайно сильным». Позднее сам Нольде сказал очень точно: на этом совещании была «ясно и просто формулирована дилемма, к которой Россию прижали события, — разумный мир или неминувшее торжество Ленина»².

Но могло случиться и другое: вся пресса упорно твердила о возможности сделки между союзниками и Германией относительно «сепаратного раздела России». В Петрограде правительственные учреждения готовились к эвакуации в Москву. Значит, возможность сдачи Питера реальна? Да любого из этих внешних и внутренних факторов было более чем достаточно для того, чтобы полностью изменить всю политическую обстановку в стране. Так что полагаться на «стабильность» не приходилось.

И если революционный кризис действительно грянет, тут уж будет не до голосований. «Ждать “формального” большинства у большевиков наивно, — пишет Ленин, — ни одна революция *этого* не ждет». Надо действовать. И тогда «за нами *верная победа*, ибо народ совсем уже близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход...».

В предыдущей главе отмечалось, что еще 11–12 августа на заседании кадетского ЦК лидеры российского либерализма пришли к твердому убеждению, что полагаться надо не на всеобщее голосование и тем более не на «общественность», а на «физическую силу», на «вооруженное меньшинство». Корниловщина стала пробой сил. Но она провалилась

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 240, 243, 245, 251, 253, 254.

² Дулова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 216, 217.

потому, что «вооруженное меньшинство» не имело за собой никакой народной поддержки.

Если же такая поддержка есть, отмечает Ленин, если это не миф, а реальная готовность «драться» до конца, то в решающий момент вооруженное меньшинство, опирающееся на массы, может действительно решить исход борьбы. Ибо в таких случаях десятков *убежденных* рабочих и солдат *«стоят в тысячу раз больше, чем сотня подтасованных... делегатов от разных делегаций»*. Именно поэтому «большевики, — считал Владимир Ильич, — должны были, в числе 99/100 своей делегации, идти на фабрики и в казармы; там было бы настоящее место делегатов, съехавшихся со всех концов России... И это было бы в миллион раз полезнее, насущнее, серьезнее, дельнее, чем путешествие к Александринке...»¹

Написав статью «О героях подлога и об ошибках большевиков», мысли из которой мы только что привели, Ленин посылает ее в «Рабочий путь». Там ее «редактируют»: выбрасывают не только фразы, но и целые куски текста. А главное — вымарывают упоминания об ошибках большевиков. Так что в свет она выходит под укороченным заголовком — «О героях подлога», да и то лишь 24 сентября.

А именно в эти дни Демократическое совещание полностью оправдало характеристику пустой «говорильни». Речам, казалось, не будет конца. «Безнадежная разногосица, — писала «Речь» (№ 220), — полнейшая рознь едят друг друга поедом». Лучшие меньшевистские и эсеровские ораторы, меняя друг друга на трибуне, вдалбливали одно: спасти страну можно только вместе с буржуазией, вновь передав ей бразды правления. Как будто за прошедшие месяцы она не доказала свою неспособность вывести Россию из кризиса.

18 сентября старейший эсер Осип Минор, приговаривавшийся в старые времена и к смертной казни и к каторге, буквально умолял совещание голосовать за коалицию. Иначе, говорил он, «нечего себя обманывать: мы будем резать». — «Кого?» — спросили с места. — «Мы будем резать друг друга», — закончил Минор при гробовом молчании зала. И не только кооператоры и земцы, дрогнули и крестьянские делегаты. При поименном голосовании, длившемся пять часов 19 сентября, 766 проголосовали — за коалицию, 688 — против и 38 воздержались.

Однако вслед за этим голосуется поправка о *невозможности коалиции* с теми, кто был «прямо или косвенно связан с корниловщиной». За нее — 798 голосов, против — 139, воздержалось — 196. Вторая поправка прямо указывает, что «за пределами коалиции остаются кадеты». 595 — за, 493 — против, 72 — воздержались. Но без кадетов коалиция с буржуазными элементами была немыслима. И при голосовании резолюции

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 241, 244, 253, 255.

в целом с этими поправками против нее голосуют и левые и правые: за — 183, против — 813, воздержалось — 80. Как едко заметил «Рабочий путь»: «Демократическое совещание осталось без резолюции. Демократическая “гора” не родила даже мыши — она лишь явила зрелище мучительных потуг»¹.

Поскольку стало очевидным, что с полуторатысячным корпусом делегатов нужной «каши не сварить», 19 сентября меньшевики и эсеры проводят заключительную резолюцию о пропорциональном выделении из состава фракций и групп совещания — Демократического совета (Предпарламента), который должен *содействовать* формированию власти. 22 и 23 сентября были проведены консультации с кадетским ЦК, и 109 голосами против 84 и 22 воздержавшихся Предпарламент санкционировал новую коалицию.

25 сентября Керенский огласил состав правительства. Все члены Директории остались на своих постах: Керенский — премьером и Верховным главнокомандующим, генерал Верховский — военным министром, адмирал Вердеревский — морским, Терещенко остался в МИДе, а меньшевик Никитин — министром внутренних дел и заодно почт и телеграфов.

Правительство пополнилось четырьмя видными кадетами. Член кадетского ЦК, крупный промышленник Александр Иванович Коновалов стал заместителем премьера и министром торговли и промышленности. Член ЦК Антон Владимирович Карташев — министром вероисповеданий. Член ЦК Николай Михайлович Кишкин — министром государственного призрения. Руководитель бывшего Военно-промышленного комитета, кадет Сергей Александрович Смирнов — министром государственного контроля. И надо сказать, никто из них не скрывал своих прокорниловских симпатий.

Кроме того, в правительство вошли фигуры, близкие к кадетам — профессор Сергей Сергеевич Салазкин стал министром народного просвещения, профессор Михаил Владимирович Бернацкий — министром финансов, а крупный промышленник и банкир Сергей Николаевич Третьяков — председателем Экономсовета при правительстве. Бывшего кадета, а ныне — «нефракционного социалиста» Сергея Николаевича Прокоповича назначили министром продовольствия, председателя железнодорожного Союза инженеров и техников Александра Васильевича Ливеровского — министром путей сообщения, члена меньшевистского ЦК Кузьму Антоновича Гвоздева — министром труда, меньшевика Павла Николаевича Малянтовича — министром юстиции, а на самое «не-

¹ Троицкий А.Д., История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 303; Собокин А.М. На путях к Октябрю. М., 1977. С. 195; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 209, 210.

удобное» кресло — министра земледелия посадили эсера Семена Леонтьевича Маслова.

Таким образом, мнение не только «левых», но и достаточно умеренной «общественности», выраженное на Демократическом совещании, было отвергнуто. И если существовали какие-то варианты выхода из правительственного кризиса, то, безусловно, это был наилучший. Новый кабинет походил не столько на правительство «умиротворения» страны, сколько на правительство гражданской войны.

И как отреагировал на все это большевистский ЦК? После голосования 19 сентября, доказавшего абсолютную неспособность Демократического совещания решить вопрос о власти, Центральный Комитет собирается 20-го. Однако никаких решений, связанных с данным событием, с необходимостью, как предлагал им Ленин, прямого обращения к массам, цекисты не обсуждают. Вместо этого ставится вопрос о проведении партийного совещания из делегатов-большевиков, сидевших в Александринке, с участием членов ЦК и ПК. На этом совещании предполагается заслушать доклады Троцкого о текущем моменте и Свердлова о выборах в Учредительное собрание, а также принять решение о созыве экстренного партийного съезда. Кто-то из членов ЦК высказался за то, чтобы *превратить в съезд партии само совещание*. Но предложение отклонили.

На следующий день, 21 сентября, после принятия Демократическим совещанием резолюции Церетели, санкционировавшей переговоры Предпарламента с Керенским о формировании коалиционного кабинета, ЦК большевиков собирается вновь. В протоколе записано: «По вопросу о Демократическом совещании решено с него не уходить, отозвать лишь из президиума членов нашей партии. Что касается Предпарламента, то 9 голосами против 8 принято решение не входить».

Казалось бы, ясно — бойкот. Однако далее записано: «Считаясь же с тем, что голоса разделились пополам, передать окончательное решение партийному совещанию, которое сейчас же конструировать из собравшейся фракции Демократического совещания». От сторонников бойкота на него направляется Троцкий, от противников — Рыков. На партийном совещании обсуждают только оценку текущего момента. Вопрос об уходе с Демократического совещания и обращении к массам даже не ставится. После дискуссии голосуют: против участия в Предпарламенте — 50 делегатов, за участие — 77. И Центральный Комитет партии утверждает это решение.

На заседании ЦК 21 сентября обсуждался еще один вопрос: «О т. Зиновьеве». А поскольку начали его с того, что еще раз заявили «о полной недопустимости отделения его от т. Ленина», можно предположить, что разговор шел и о Владимире Ильиче. Но «отделение» все-таки произо-

шло. Выше указывалось, что помимо регулярного писания статей, печатавшихся без задержки в «Рабочем пути», Зиновьев постепенно включался в цекистскую работу. Ему обещали разрешить присутствовать и на заседаниях ЦК. На сей раз также записали: «подтверждено решение об организации заседания пленума с его участием». Ни слова об усилении связи, а тем более о возможности возвращения Ленина из Финляндии протокол не зафиксировал¹.

На заседаниях ЦК 20 и 21 сентября присутствовал Смилга. Были у Ленина и другие каналы информации. Поэтому о всем происходившем в Питере он знал. То, что ЦК не принял его предложений, было очевидно. Беспокоило, видимо, и другое. Судя по разговору, возникшему на заседании 20-го, экстренный VII съезд партии — на базе фракции Демократического совещания — мог быть собран в самый ближайший момент. А после VI съезда думать о том, что и VII может пройти без него, Владимир Ильич не хотел, тем более что итоги голосования фракции 21-го говорили сами за себя.

Уже вечером 21 сентября Ленин встречается с Карлом Вийком и заявляет, что намерен срочно выехать в Выборг, а оттуда, возможно, и в Петроград. Ровио тут же стал искать в газетах объявления об изготовлении париков. И на следующий день они направились по указанному адресу. «Парикмахер, — пишет Ровио, — оказался старым петербуржцем, работал там в Мариинском театре». Он с упоением рассказывал, как «омолаживал» князей, графов и прочих аристократов...» А обмерив голову Владимира Ильича, сказал, что, поскольку это очень кропотливая работа, парик будет готов недели через две.

Ленин ответил, что двух недель у него нет, парик нужен сейчас. И что «омолаживать» его не надо. Выглядеть он должен лет на шестьдесят, не меньше. «Бедняга парикмахер, — рассказывает Ровио, — чуть не упал в обморок от удивления. — “Что вы? Вы такой молодой, ведь вам больше сорока лет нельзя дать... Да у вас седина-то еще не выступила”».

Но Владимир Ильич уже не слушал его, а ходил вдоль шкафов с выставленными готовыми образцами. Наконец он выбрал парик с сединой и попросил примерить. Старый мастер совершенно скис, охал и вздыхал, но парик обещал подогнать к утру. И на следующий день Ленин уже ходил в нем, не снимая, чтобы привыкнуть.

А вечером приехал редактор выборгской финской рабочей газеты, депутат сейма Эверт Хуттунен, и утром 23 сентября на скором поезде они уже прибыли в Выборг. Остановились сначала на квартире Эверта,

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 64–66.

но, поскольку она была уж слишком на виду, Ленин переехал в рабочее предместье, в домик журналиста Юхани Латуки¹.

«Меня зовут Ивановым, — сказал ему Владимир Ильич. Причем по его глазам можно было прочесть: “Не спутайте меня, Иванова, с кем-нибудь другим, разыскиваемым по всей России Керенским и его компанией...”» «Рабочий день, — вспоминает Латука, — был распределен у него точно. Установлены были определенные часы, когда вставать утром, для обеда и ужина... Только время, когда ложиться спать, не определялось». Ленин пошутил: «Хотя мы требуем для рабочих 8-часового рабочего дня и даже 6-часового в некоторых отраслях, на работников партии это не распространяется»².

Еще в Гельсингфорсе, 22 сентября, он начинает писать статью «Из дневника публициста». Был у нее и подзаголовок: «Ошибки нашей партии». Данный исторический момент, размышляет Владимир Ильич, таков, что каждый конкретный тактический шаг необходимо рассматривать с точки зрения приближающейся новой революции. А в подобные моменты принципиально меняется соотношение между парламентскими и внепарламентскими формами агитации, пропаганды, организации и борьбы.

Сейчас все внимание — непосредственной работе в массах. И роль даже таких общероссийских трибун для пропаганды, как Демократическое совещание, тем более — Предпарламент, в складывающихся условиях становится *ничтожной*. Мало того, эти «говорильни» способны лишь отвлечь массы от надвигающейся — более эффективной и многообразной — *внепарламентской* борьбы. Поэтому большевикам необходимо признать, что не только Предпарламент, но и само Демократическое совещание надо было бойкотировать.

То, что цекисты, загруженные по уши повседневной работой, болезненно воспринимают его критику, было видно по судьбе статьи «О героях подлога...». Их логику можно понять: нам, здесь на месте, виднее; хватит с нас нападков со стороны и не стоит получать еще тычки изнутри, от своего лидера; что было, то прошло, прошлого не воротить, а стало быть, и нечего в нем копаться...

«Но это возражение против тактики вчерашнего дня, — пишет Ленин, — было бы явно несостоятельно. Мы всегда осуждали и как марксисты обязаны осуждать тактику живущего “со дня на день”. Нам недостаточно минутных успехов. Нам недостаточно и вообще расчетов на минуту или на день. Мы должны постоянно проверять себя, *изучая* цепь политических событий в их целом, их причинной связи, их результатах.

¹ Биографическая хроника В.И. Ленина. Т. 4. С. 355, 358; Воспоминания о В.И. Ленине: В 5 т. М., 1969. Т. 2. С. 442.

² *Яковлев Б.В.* Ленин. Страницы автобиографии. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 619. Верстка книги, запрещенная цензурой, хранится в РГАСПИ (ф. 71, оп. 51, д. 94).

Анализируя ошибки вчерашнего дня, мы тем самым учимся избегать ошибок сегодня и завтра»¹.

Увы, «завтра», 23 сентября, уже в Выборге Ленин получает газеты, которые сообщают, что большевистская фракция Демократического совещания постановила в работе Предпарламента участвовать, и ЦК данное решение одобрил. «Невозможны никакие сомнения насчет того, — заключает Владимир Ильич, — что в “верхах” нашей партии заметны колебания...» Ну и что? Колебания и разногласия вполне естественны, тем более в таком деле, как политика... Но не всегда. Бывают такие моменты, когда они могут стать губительными. Особенно, если политическая борьба поставила в повестку дня *восстание*.

Ленин знал, что питерские цекисты все более связывают вопрос о власти с назначенным на начало октября II Всероссийским Съездом Советов. Но ЦИК перенес дату его созыва. И в воскресенье 24 сентября Ленин написал в своем «дневнике...»: «Съезд Советов отложен до 20 октября. Это почти равносильно отсрочке до греческих календ при том темпе, каким живет Россия».

Работая над «Государством и революцией», Владимир Ильич выписал у Энгельса: «Восстание есть уравнение с величинами в высшей степени неопределенными, ценность которых может изменяться каждый день». Сюда входят величины общие и частные, объективные и субъективные. Решительность и сплоченность руководящего центра тоже играет не последнюю роль. Вот почему в такой ситуации колебания «могут стать *гибельными*, ибо борьба развивается, и в известных условиях колебания, в известный момент, способны *погубить* дело».

Что же делать? Опять писать письма в ЦК, статьи в «Рабочий путь»? Да, но не только это. «Если у нас не все ладно в “парламентских” верхах партии, — пишет Ленин, — надо обращаться к “низам”. Но ведь решение уже принято и «низам» надо выполнять его? Нет, «ни в каком случае мириться с участием мы не можем и не должны. Фракция одного из Совещаний — не высший орган партии, да и решения высших органов подлежат пересмотру, на основании опыта жизни».

«Надо втянуть *массы* в обсуждение вопроса, — продолжает Владимир Ильич. — Надо, чтобы сознательные рабочие взяли дело в свои руки, проводя это “обсуждение” и оказывая давление на “*верхи*”... Больше надзора рабочих за ними...» И необходимо теперь вопрос о бойкоте сделать «платформой для выборов на съезд и для *всех* выборов внутри партии». А в конечном счете, «надо, во что бы то ни стало, добиваться решения вопроса и пленумом Исполнительного комитета и экстренным съездом партии»².

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 257, 260.

² Там же. Т. 33. С. 305; Т. 34. С. 262, 263.

Но кому адресованы эти пожелания: «втянуть массы», организовать «надзор» и «давление на “верхи”»? И что это за «пленум Исполнительного комитета»? Может быть, Исполком Петросовета? Но тогда причем тут «выборы на съезд... и внутри партии»? В поисках ответа на эти вопросы мы вторгаемся в сюжет, крайне редко затрагивавшийся в исторической литературе, за исключением разве что работы Алекса Рабиновича. А именно — о взаимоотношениях между ЦК и ПК осенью 1917 года¹.

Спустя год, 6 ноября 1918 года, Мартын Лацис, который, как помнит читатель, вел в 17-м дневник событий, опубликовал в «Известиях ВЦИК» статью «Накануне октябрьских дней». В ней он достаточно подробно изложил интересные нас факты.

После июльских событий, пишет Мартын Иванович, между ЦК и ПК была достигнута договоренность о том, что Петроградская организация «не сделает ни одного шага, имеющего общегосударственное значение, без ведома ЦК». Для этого в состав ПК вводился член ЦК Бубнов. С другой стороны, условились и о том, что ЦК будет всегда спрашивать «мнение ПК перед каждым серьезным решением». В сентябре, когда приближение новой революции становится все более очевидным, а ЦК занимает позицию «сдерживания», отношения обострились. И ПК, как отмечает Лацис, «стал критически относиться ко всему, что принималось ЦК нашей партии в отсутствие Владимира Ильича»².

Выше уже не раз отмечалось, что, находясь в Разливе, затем в Гельсингфорсе, Ленин поддерживал «многоканальную» связь. Одни контакты выводили его на ЦК, другие на ПК, третьи — прямо на Выборгский райком партии. Это подтверждает и Лацис. «ПК, — пишет он, — имел помимо ЦК прямую связь с Ильичем».

Между тем, когда ЦК 15 сентября постановил ликвидировать копии писем Ленина, ПК об этом не был поставлен в известность, хотя и являлся одним из адресатов. Позднейшие ссылки Бубнова и других на необходимость конспирации были явным лукавством. Георгий Ломов в 1927 году написал более откровенно: «...Мы боялись, как бы это письмо не попало к петербургским рабочим, в райкомы, Петербургский и Московский комитеты, ибо это внесло бы сразу громадный разноречивый в наши ряды... Авторитет Владимира Ильича был настолько велик в наших рядах, что мы боялись: если просочатся слова его к рабочим, то многие станут сомневаться в правильности линии всего ЦК»³.

«Как бы то ни было, — пишет Лацис уже в 1922 году, — а письмо [Ленина] было от нас скрыто и мы получили его с запозданием, да еще

¹ Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 222, 223.

² Известия. 1918. 6 ноября.

³ Пролетарская революция. 1927. № 10 (69). С. 166.

с других рук. Исполнительный] ком[итет] Петроградского комитета, который первым получил это письмо, был доведен до белого каления поведением ЦК». Вероятно, «с других рук» — это либо от Крупской, либо от Марии Ильиничны, которые, судя по всему, передали в ЦК не все сделанные ими копии ленинских писем. Так что питерцы, к которым наравне с ЦК обращался Владимир Ильич, хоть и с опозданием, но получили их¹.

Мало того, Александр Шотман, именно в эти дни вернувшийся с Урала, встретив одного из руководителей Выборгского района Василия Каюрова, узнал, что среди рабочих-партийцев ходит по рукам и статья Ленина «Из дневника публициста. Ошибки нашей партии». Так что адресат и этой работы Владимира Ильича был, как выяснилось, вполне определенным².

А 25 сентября Крупской была отправлена с Ялавой записка «химией», в которой Владимир Ильич просил: не сообщая никому, срочно прислать к нему в Выборг Эйно Рахью³. Утром 27 сентября Рахья был уже в Выборге.

Ленин пишет в Гельсингфорс Смилге: «Общее политическое положение внушает мне большое беспокойство. Петроградский Совет и большевики объявили войну правительству. Но правительство имеет войско и *систематически* готовится... А мы что делаем? Только резолюции принимаем?»

Есть основания полагать, что Рахья привез резолюцию о текущем моменте, принятую 24 сентября на партийном совещании членов ЦК с большевиками — делегатами Демократического совещания. В ней отмечалось полное «высвобождение пролетариата из-под идейного влияния буржуазии», усиление авторитета большевиков среди крестьян и солдат. Указывалось на то, что господствующие классы встали на путь *насилия* по отношению к народу. Говорилось и о том, что переход власти к Советам «становится лозунгом дня». Но партия ориентировалась не на восстание и свержение правительства, а на его постепенное выдавливание Советами, на «повышение их политического значения до роли органов, противостоящих буржуазной государственной власти (правительство, Предпарламент и т. д.)»⁴.

¹ Петроградская правда. 1922. 5 ноября.

² *Старцев В.И.* От Разлива до Смольного. М., 1977. С. 129.

³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 263; *Крупская Н.К.* О Ленине. Изд. 4-е. М., 1979. С. 49; Воспоминания Шотмана в сб. «Последнее подполье Ильича. Воспоминания». М., 1934. С. 69–72; *Старцев В.И.* От Разлива до Смольного. М., 1977. С. 112, 113, 116; Родина. 1990. № 1. С. 17.

⁴ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 70, 71.

Иными словами, резолюция исходила из абсолютной уверенности в том, что нарастание влияния большевиков есть постоянный вектор развития, и власть перейдет к Советам как бы *сама собой*. Мысль Владимира Ильича о том, что соотношение сил может измениться в любой момент, во внимание не принималась. И Ленин пишет Смилге: «Керенский в ставке, явное дело, сталкивается с корниловцами о войске для подавления большевиков и сталкивается *деловым* образом». А большевики систематической работы по подготовке своих войск не ведут. Между тем «история сделала коренным *политическим* вопросом сейчас вопрос военный. Я боюсь, что большевики забывают это, увлеченные “злостью дня”, мелкими текущими вопросами и “*надеясь*”, что “волна сметет Керенского”. Такая надежда наивна, это все равно, что положиться “на авось”».

Поэтому «надо агитировать среди партии за серьезное отношение к вооруженному восстанию...». Иначе «мы можем оказаться в смешных дураках, не сделав этого: с прекрасными резолюциями и с Советами, но без власти!!» Ибо даже если исходить из того, что Всероссийский съезд Советов возьмет власть и предложит воюющим странам мир, даже если, как выразился Владимир Ильич, «терпеть еще три недели войны», а стало быть, новые сотни и тысячи жертв, то даже при таком *предположении* у Финляндского областного Совета этих трех недель нет¹.

Историк Василий Дмитриевич Поликарпов писал: «Вряд ли возможно в полном объеме восстановить весь поток данных, которым он [Ленин] пользовался и перерабатывал в своем уме, — здесь, помимо тех сведений, которые сохранили разного рода письменные источники, были еще, конечно, и переданные устно, часто не фиксировавшиеся, особенно в условиях конспирации. Но проверить соответствие его выводов и характеристик действий контрреволюции действительному положению вещей все же в значительной части вполне возможно»².

После того, как 12 сентября III Областной съезд Советов Финляндии объявил себя «властью» по отношению к русским рабочим и дислоцированным здесь войскам и флоту, Временное правительство распорядилось начать вывод «большевистских» частей из Финляндии. Тогда 21 сентября Областной совет заявил, что без его утверждения указания правительства недействительны. Это, естественно, вызвало в Ставке самую яростную реакцию, и Керенский приказал «ликвидировать Финляндию (Облсовет Финляндии. — В. Л.) несмотря ни на какие вопли...»³.

Значит и эта ситуация не терпела ни оттяжек, ни промедления. Поэтому, с точки зрения политической, пишет Ленин Смилге, не дожидаясь никаких общих решений, необходимо «*начать*» сразу осуществлять тот

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 264, 265.

² Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 293, 294.

³ Там же. С. 299.

блок с левыми эсерами, который один может нам дать прочную власть в России... Пока там суд да дело, заключите немедленно такой блок у себя...»

А с точки зрения технической — не теряя времени, надо «создать тайный комитет из надежнейших военных, обсудить с ним всесторонне, собрать (и проверить самому) точнейшие сведения о составе и расположении войск под Питером и в Питере, о перевозе войск финляндских в Питер, о движении флота и т. д.».

Что касается работы в массах, то «для правильной подготовки умов надо сейчас же пустить в обращение такой лозунг: власть должна немедленно перейти в руки Петроградского Совета, который передаст ее съезду Советов. Ибо зачем терпеть еще три недели войны и “корниловских подготовлений” Керенского». В конце письма Ленин предлагает Смирге встретиться в Выборге, но предупреждает, что сделать это надо не медля, «ибо я могу уехать внезапно»¹.

С этим письмом Рахья 27 сентября уехал в Гельсингфорс.

В тот же день — или утром следующего дня — в Выборг приезжает Шотман. Получилось совсем как в авантюрном романе. Впрочем, история нередко создает такие реальные коллизии, которые не сочинит и профессиональный драматург...

Когда после возвращения с Урала Шотман пришел в ЦК, Яков Михайлович Свердлов, введя его в курс дела, попросил немедленно отправиться к Ленину: «Ильич нервничает, — сказал он, — успокой его». Узнав от финских товарищей, что Ленин — без ведома ЦК — уже переехал в Выборг, Александр Васильевич приехал к нему прямо на квартиру Юхани Латукки. «Одним из первых вопросов, который он задал мне, как только я вошел к нему в комнату, — пишет Шотман, — был: правда ли, что Центральный комитет воспретил ему въезд в Петроград. Когда я ему подтвердил, что такое решение действительно было, что в интересах его личной безопасности ему необходимо пока оставаться в Финляндии, он потребовал от меня письменного подтверждения этого постановления. Я взял листок бумаги и в полшутливой форме написал приблизительно следующее:

“Я, нижеподписавшийся, настоящим удостоверяю, что Центральный комитет РСДРП(б) в заседании своем от такого-то числа постановил: Владимиру Ильичу Ленину, впредь до особого распоряжения ЦК, въезд в город Петроград воспретить (подпись)”. Какого числа состоялось это решение, Александр Васильевич не указывает. Но, как уже отмечалось, вероятно, речь идет о заседании ЦК 21 сентября, где обсуждался вопрос о Зиновьеве.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 265–267.

«Взяв от меня этот “документ”, — продолжает Шотман, — Владимир Ильич бережно сложил его вчетверо, положил в карман и затем, положив руки в вырезы жилета, стал быстро ходить по комнате, повторяя несколько раз: “Я этого так не оставляю, так этого я не оставляю!”»

После того, как Ленин успокоился, у них состоялся долгий разговор о положении в стране и тактике партии. Этот разговор как раз и датирует приезд Александра Васильевича в Выборг. По его рассказу, Владимир Ильич находился под свежим впечатлением сенсационных итогов выборов в Москве. О них он узнал из «Русских ведомостей» от 27 сентября. А питерские газеты приходили в Выборг в тот же день. Значит, и беседа могла происходить либо 27-го, либо 28-го¹.

Ленин расспрашивал, как отреагировали на эти известия в ЦК, доказывал, что «страна явно на нашей стороне», что тянуть дальше с решением вопроса о власти невозможно. Он и Юхани Латукке постоянно напоминал: «Следите за телеграммами “Роста”. Я боюсь, и очень боюсь, как бы мы не прозевали момента. Ведь при вспышке революции мы должны быть на месте».

«Я старался доказать, — пишет Шотман, — что захват власти в настоящий момент еще невозможен, указывал, что технически мы еще не подготовлены... Каюсь, придирался я к Владимиру Ильичу по всякому пустяку, благо времени свободного было много, и он охотно пускался со мною в споры по этому основному тогда для него вопросу...» А Ленин вновь и вновь доказывал ему, что суть дела состоит в том, чтобы, взяв власть, «провести в жизнь такие законы, чтобы весь народ увидел, что это его власть, а раз народ это увидит, он нас поддержит... “Кто же тогда будет против нас?” — восклицал он, близко наклонившись ко мне и пристально смотря мне в глаза, чуть-чуть улыбаясь, прищутив левый глаз». И еще Шотману из беседы с Лениным запомнилось: «“Только бы не пропустить момент!” — повторял он десятки раз и опять настаивал, чтобы я скорее организовал ему переезд в Петроград». Александр Васильевич пообещал и уехал в тот же день, будучи уверенным, что он все-таки «успокоил» Владимира Ильича. Но у Ленина решение, видимо, созрело окончательно и посвящать в свои планы Шотмана он не стал².

Судя по всему, вечером 28-го в Выборг возвращается Рахья. Письмо Смилге он не передал. Ровио сообщил ему, что в связи с беспорядками в Ревеле Смилга уехал и вернется лишь через пару дней. Но, оставив письмо Густаву, Эйно привозит Владимиру Ильичу новую информацию. Ставка готовит переброску надежных войск для разгона Облсовета, Центробалта и наведения порядка в Ревеле, Гельсингфорсе и прежде

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 278, 523; Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964. С. 137.

² Последнее подполье Ильича. Воспоминания. М., 1934. С. 69–72.

всего в *Выборге*, где Совет взял под контроль телеграфные аппараты Юза правительственной связи.

Ленин и сам видел, как за несколько дней до этого из Выборга выводили казачьи части в Усикирко и Перкъярви для «безопасной (от большевиков) изоляции». На этих казаков как раз и рассчитывала Ставка. Так что каратели могли появиться в Выборге в любой момент¹.

Были и другие поводы для того, чтобы торопиться с отъездом. 27 сентября «Рабочий путь» известил о том, что экстренный большевистский съезд соберется 17 октября. А решения партийных совещаний 21 и 24 сентября, о которых говорилось выше, свидетельствовали о том, что личное участие Ленина в подготовке этого съезда совершенно необходимо. Наконец, именно в эти дни — 26-го и 27-го — «Рабочий путь» помещает ленинскую статью (почти месячной давности) «Задачи революции», где Владимир Ильич убеждал в необходимости блока с эсерами и меньшевиками, что еще есть шанс добиться победы «спокойно» и «мирно». Терпеть такое было невыносимо. И Ленин решает — не ждать больше санкции ЦК...

Есть все данные полагать, что *29 сентября в сопровождении Рахьи Владимир Ильич уезжает в Петроград.*

Вопрос о дате и причинах этого переезда поначалу особых споров не вызывал. В юбилейном сборнике, посвященном 50-летию Ленина и выпущенном в 1920 году, в статье об основных вехах его биографии, которая представляла собой перепечатку доклада Зиновьева в Петро-совете 6 сентября 1918 года, говорилось: «Во время Демократического совещания он пишет ЦК партии: «Довольно тянуть канитель, нужно... взять власть в свои руки». ЦК не соглашается с В.И. Он покидает свое убежище в Финляндии и, рискуя попасть в руки агентов Керенского, «самовольно» приезжает в СПб. для организации восстания». И преподнося этот сборник Маргарите Фофановой, Владимир Ильич дважды подчеркнул слово «самовольно»².

В первом прижизненном (1921 г.) собрании сочинений В.И. Ленина в примечаниях указывалось: переехал «в конце сентября»³. О конце сентября писали в своих воспоминаниях Шотман и Рахья. М.В. Фофанова даже называла даты: 22 или 29 сентября. Впрочем, в воспоминаниях других лиц фигурировали и начало октября, и даже 20 октября. После публикации в 1929 году протоколов ЦК крайние даты — 22 сентября

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 266; Поликафров В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 299, 300; Старцев В.И. От Разлива до Смольного. М., 1977. С. 120.

² Сб.: К дню пятидесятилетия со дня рождения В.И. Ульянова (Ленина). 23 апреля 1870–1920. М., 1920. С. 37; РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 2159, л. 11.

³ Н. Ленин (В. Ульянов). Собр. соч. Т. XIV. Ч. 2. М.; Пг., 1923. С. 517.

и 20 октября отпали. И дальнейший спор могли решить лишь новые документы и аргументы.

Однако после дискуссии 1924 года по статье Троцкого «Уроки Октября», где автор всячески эксплуатировал сюжет о разногласиях между Лениным и ЦК, этот вопрос вышел за рамки научной дискуссии. Он становится вопросом *политическим*. И «Краткий курс истории ВКП(б)» кладет конец всяческим спорам. В нем указывалось, что переезд Ленина произошел 7 октября, после того как 3 октября ЦК принял соответствующее решение.

Лишь в конце 50-х годов дискуссия возобновилась. Поводом для нее стала статья «Новые данные о последнем подполье В.И. Ленина» ленинградского историка Павла Николаевича Михрина, который достаточно убедительно ставил вопрос о возвращении к сентябрьской дате¹. В ноябре 1960 года на совещании в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС с участием старых большевиков и историков Москвы и Ленинграда позицию Михрина поддержали М.В. Фофанова, Е.Д. Стасова и группа биохроники НМЛ — Р.М. Савицкая, Э.В. Клопов и В.Т. Логинов.

Единственным *документом*, которым оперировали оппоненты, являлась записная книжка машиниста Гуго Ялавы с датой переезда 7 октября, введенная в научный оборот в 30-х годах. Но она вызывала определенные сомнения. И задолго до указанного совещания, с разрешения заместителя заведующего партархивом Ростислава Александровича Лаврова, автор этих строк передал ее для экспертизы в отдел криминалистики Института милиции МВД СССР. Ответ 4 июня 1959 года был однозначным: в силу того, что на данной страничке записей Ялавы установлены явные *подчистки* и *исправления*, она не может служить подтверждением спорной даты. О заключении экспертов мною и было доложено на совещании 1960 года².

Позднее, в конце 80-х годов, Виталий Иванович Старцев пришел к обоснованному выводу, что первоначально записная книжка Ялавы не содержала никаких пометок, кроме времени отправления поездов. Однако позднее Гуго стал вносить в нее — по памяти, часто с ошибками — даты опорных политических событий 1917 года. Записи, касающиеся переезда Владимира Ильича, Ялава, судя по всему, внес в записную книжку в 1924 году в связи с публикацией своих воспоминаний. И при этом ошибся, указав неправильно дату отъезда Ленина в Финляндию (9 июля). В 1935 году у него состоялась встреча с Исааком Израилевичем Минцем, который указал ему на эту ошибку. А в 1937 году начались неприятности...

¹ См. сб.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964.

² См.: Родина. 1990. № 1. С. 14–17; Вопросы истории. 2001. № 7. С. 157.

О них в 1960 году на совещании в ИМЛ рассказала Маргарита Фофанова. Ялаву исключили из ВКП(б) как «не внушающего доверия партии». Потом вызвали для беседы в Москву. И с тех пор, как писала его жена Лидия Германовна Ялава, он «пользовался официальными датами, с которыми был ознакомлен в 1937 году при его свидании с Шотманом»¹.

Однако наших оппонентов это не убедило. Решающим стал опять-таки аргумент «политический»: Ленин, мол, не мог нарушить решения ЦК и появиться в Питере без его ведома. Созданный историками миф о «твердокаменной» партии, спаянной «железной» дисциплиной, оказался неодолимой преградой для восприятия очевидных фактов прежде всего самими историками. Так появилась новая официозная дата переезда — «между 3 и 10 октября», хотя подобного рода доказательств могли служить лишь предметом толкований, а никак не научного анализа.

Сегодня, когда политическая подоплека этой давней дискуссии ушла в прошлое, можно с достаточным основанием утверждать, что дата переезда 29 сентября — наиболее вероятна. И все последующие события лишь подтверждают это предположение.

Итак, утром 29-го Владимир Ильич надел свой седоватый парик, очки, темную рубашку с белым подворотничком, пальто, шляпу и, посмотрев на себя в зеркало, рассмеялся: вылитый пастор. Рахья пошутил: «Вам бы в церкви выступать с проповедью». Потом они сели в Выборге на пригородный поезд и доехали до станции Райвола. Здесь у пакгауза они дождались питерского поезда, который вел Гуго Ялава. И Владимир Ильич, отдав пальто и шляпу Рахье, облачившись в рабочую одежду, тут же забирается в будку машиниста, а Рахья садится в первый вагон. В Белоострове границу пересекли, как и в прошлый раз: во время паспортного контроля Ялава отогнал паровоз к водокачке. Ленин усердно шуровал в топке, и лишь с третьим звонком подцепили состав и тронулись в путь².

На станции Удельная их ждал Эмиль Кальске, и они пошли к нему на квартиру переодеться. Там Владимир Ильич встретился с Зиновьевым. Ленин работал с Григорием Евсеевичем много лет, и роль «второй скрипки» вполне соответствовала и характеру, и возможностям Зиновьева. Но не прошло и двух месяцев, как они расстались, а общий язык был утерян. В этот день Григорий в очередной раз участвовал в заседании ЦК и в его объяснениях влияние Каменева было вполне заметно.

Разговор шел в комнате, где жил Зиновьев, но Кальске пишет, что он все-таки слышал «оживленную беседу, и, как по крайней мере я помню,

¹ РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 2159, с. 10, 13; Родина. 1990. № 1, л. 15, 17.

² РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 1673, л. 9.

Владимир Ильич не совсем был доволен тактикой наших руководящих товарищей партии. Спустя час Владимир Ильич в сопровождении Эйно Рахья направился на другую квартиру»¹.

Это была трехкомнатная квартира Маргариты Фофановой, находившаяся на Сердобольской улице, на верхнем — четвертом этаже дома, где обычно снимали жилье рабочие и служащие трамвая, заводов «Айваз» и «Лесснер». Добрались до нее благополучно. Но тут случилась неувязка...

Маргарита Васильевна работала секретарем и редактором «Большой сельскохозяйственной энциклопедии», в журнале «Сельскохозяйственное лесоводство» и еще в детском клубе Выборгского района. Выше уже говорилось о том, что квартиру она держала наготове уже с начала сентября. Детей отправила в Уфу к родственникам. Но Крупская, как утверждает Фофанова, переносила приезд Ленина *трижды*. И так случилось, что именно в эту пятницу, 29-го, у нее, помимо домработницы Юзи, сидели трое педагогов из клуба.

Поэтому, когда позвонили, Маргарита Васильевна прикрыла дверь в столовую, где находились ее коллеги, и Владимир Ильич, подняв воротник пальто, быстро прошел в конец коридора в предназначенную для него комнату. Вскоре пришла и Крупская. Узнав о ситуации, она ужасно разволновалась. А когда, выпроводив гостей, Маргарита Васильевна пригласила поужинать, Надежда Константиновна ответила, что Ильич до утра не выйдет, и сама отнесла ему еду в комнату².

Видимо, после разговора с Зиновьевым у него сложилось определенное решение. И он тут же сел писать статью «Кризис назрел», завершающуюся письмом «для *р а з д а ч и* членам ЦК, ПК, МК и Советов»³.

В статье он вновь повторяет и развивает те доводы, которые излагал ранее. «Нет сомнения, — пишет Ленин, — конец сентября принес нам величайший перелом в истории русской, а, по всей видимости, также и всемирной революции». Августовское восстание матросов на крупнейших военных кораблях германского флота. Многочисленные аресты интернационалистов в Англии, Франции, Италии. Крестьянское восстание и обострение национального вопроса в России. Рост влияния большевиков не только в Советах, но и среди населения вообще. Ухудшение положения на фронте. Все это говорит о том, что начался «этап, который можно назвать кануном революции... Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под вопросом».

¹ Красная летопись. 1923. № 6. С. 302.

² РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 2152, л. 23, 62; Воспоминания о В.И. Ленине: В 5 т. М., 1969. Т. 2. С. 445.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 272–283.

А в письме членам ЦК, ПК, МК и Советов Ленин договаривает до конца. «Что же делать? Надо aussprechen was ist, “сказать что есть”, признать правду, что у нас в ЦК и в верхах партии есть течение или мнение за *ожидание* съезда Советов, *против* немедленного взятия власти, *против* немедленного восстания. Надо *побороть* это течение или мнение.

Иначе большевики *опозорили* [бы] себя навеки и *сошли на нет* как партия». Владимир Ильич не преувеличивал. Было уже очевидно, что если большевики не станут во главе новой революционной волны, она либо вылетит в анархический взрыв, либо будет раздавлена или немцами или новой корниловщиной. «Если бы мы ударили сразу, внезапно, из трех пунктов, в Питере, в Москве, в Балтийском флоте, то девяносто девять сотых за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3–5 июля, ибо *не пойдут* *войска* против правительства мира».

А конец этого письма, по существу, являлся формальным заявлением, которое он вряд ли стал бы пересылать из Финляндии даже с самым надежным связным: «Видя, что ЦК оставил *даже без ответа* мои настояния в этом духе с начала Демократического совещания, что Центральный Орган *вычеркивает* из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в предпарламенте, как предоставление места меньшевикам в президиуме Совета и т. д. и т. д. — видя это, я должен усмотреть тут “тонкий” намек на нежелание ЦК даже обсудить этот вопрос, тонкий намек на зажимание рта, и на предложение мне удалиться.

Мне приходится *подать прошение о выходе из ЦК*, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации *в низах* партии и на съезде партии»¹.

«Последнее подполье»

Утром следующего дня, когда Ленин и Крупская вышли из комнаты, Надежда Константиновна познакомила его с хозяйкой: «Вот Владимир Ильич, с которым вы еще не знакомы...» Ленин поправил: «Не Владимир Ильич, а Константин Петрович Иванов». Крупская рассмеялась: «Ты же сам вышел без парика». Пришлось ему возвращаться в комнату за столь надоевшим ему париком. А на будущее договорились, что Ленин будет напоминать Маргарите Васильевне о том, что он Иванов, а она ему — о парике.

За завтраком условились о распорядке дня, а главное о том, что, до ухода на работу в 8 часов, Фофанова будет доставлять «решительно все газеты, какие только выходили тогда в Петрограде». «Что — и черносотенные?» — удивилась она. — «Обязательно», — подтвердил Ле-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 272–283.

нин. И если раньше он, как правило, оперировал в своих статьях прессой одно-, двух-, трехдневной давности, то теперь этого разрыва уже не должно было быть. И в написанной ночью статье «Кризис назрел» Владимир Ильич уже использовал газету «Дело народа» *того же дня* — 29 сентября.

Ленин осмотрел квартиру. Комнаты были чистыми и светлыми. Везде много цветов, кактусов, а на обеденном столе в вазе — лиловые астры. На стенах фотографии и рисунки детей. Хозяйка кончала Стебутовский сельскохозяйственный институт, была агрономом, и на полках стояли книги о полеводстве, лесоводстве, о лошадях, коровах, овцах. У одного из окон квартиры близко проходила водосточная труба. Владимир Ильич обрадовался и пояснил: если появятся незваные «гости» и нельзя будет выйти обычным путем, придется спускаться с четвертого этажа по этой трубе...

Договорились и о том, что никто о местонахождении Ленина, кроме Крупской, Марии Ильиничны и Рахьи, знать не должен. «Решено было, — пишет Крупская, — соблюдать сугубую конспирацию: не говорить адреса... даже членам Центрального Комитета». А поскольку никто из членов ЦК тут действительно не был, в литературе утвердилось мнение, что, кроме перечисленных выше лиц, у Фофановой вообще никто не появлялся. Но это не так.

Первые пять дней в квартире оставалась домработница Юзя. И приходя на кухню, Владимир Ильич подробно расспрашивал ее о настроенных, о чем говорят в очередях, о ценах на хлеб, муку, мясо, молоко. Дважды приходила сестра Маргариты Васильевны, Вера. И Ленин тоже допытывался у нее о том, что думают рабочие на противогазном заводе, где она работала. Несколько раз заходил председатель домкома. Пришел однажды и остался ночевать бывший муж Фофановой. Правда, ни тот, ни другой Владимира Ильича не видели. Как рассказывала Маргарита Васильевна, он закрылся на ключ у себя в комнате и работал тихо, «как сурок»¹.

«Условлено было, — пишет Крупская, — что он дверей не будет никому открывать и не будет отзываться на звонки». Но однажды вечером она застала у дверей юношу: «Знаете, в квартиру Маргариты забрался кто-то... Прихожу, звоню, мне какой-то мужской голос ответил; потом звонил я, звонил — никто не отвечает». Парню я что-то наврала... И только тогда успокоилась, когда он сел в трамвай и уехал... Когда Ильич открыл дверь, принялась его ругать: «Парень мог ведь народ позвать». — «Я подумал, что спешное». Фофанова, придя с работы, тоже

¹ Воспоминания о В.И. Ленине: В 5 т. М., 1969. Т. 1. С. 450, 461, 462; РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 2152, л. 24, 39, 48, 64.

стала успокаивать — это, мол, племянник, хотя приходивший — Женя Фролов был не племянником, а сыном ее друга¹.

Со «спешным» обычно приходил Рахья. Он уносил записки Владимира Ильича Крупской и Жене Егоровой для Выборгского райкома и ПК, приносил ответы, а также газеты, которые не смогла купить Фофанова. И его Ленин расспрашивал о разговорах в трамваях и на улицах, о настроениях на том или ином заводе, о том, что предлагают рабочие. Ответы Рахьи были порой своеобразны: на вопрос, надо ли брать власть, он как-то сказал — надо «потому, что настроение такое. В июле нас били, я в синяках ходил, а сейчас, извиняюсь, не смеешь бить... И другие рабочие так думают». Эйно отметил, что ответом его Ильич «очень был доволен»².

Рахья приносил известия и о том, что происходит в Петербургском комитете, которые получал от брата Ивана, являвшегося членом ПК. Из воспоминаний Лациса 1918 года известно, что отношения между ЦК и ПК все более обострялись. Как указывалось выше, письма Ленина о восстании были питерцам известны. Но было известно и то, что ЦК, «не разделяя его взглядов, молчал и бездействовал...». «Это было, — пишет Мартын Иванович, — уже непростительно»³. И 1 октября, выполняя свое обещание апеллировать к массам, Владимир Ильич обращается с письмом «в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы» (в первом издании Сочинений В.И. Ленина 1921 года оно публиковалось как письмо, адресованное *только* ПК и МК).

Задачи партии, пишет Ленин, определяются не чьими-то желаниями, а всем ходом событий. Репрессии против крестьянского движения. Обострение ситуации на фронте. Рост симпатий к большевикам в войсках. Конфликт правительства с флотом и армией в Финляндии, с железнодорожниками и почтовиками России. Очередной перенос съезда Советов ЦИКом с 20-го на двадцатые числа октября. Все это говорит о том, что «промедление становится положительно *преступлением*... Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны *взять власть тотчас*». Этим можно предотвратить сговор держав, которые *«против нас объединятся»*. Этим можно спасти «и русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, чем мы), и жизнь сотням тысяч людей на войне».

Особенность ситуации состоит в том, что «очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский Совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместе с Питерским Советом) правительством». Взяв власть, Москва сразу получит

¹ Воспоминания о В.И. Ленине: В 5 т. М., 1969. Т. 1. С. 461, 462.

² РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 1673, л. 80, 81.

³ Известия ВЦИК. 1918. 6 ноября. С. 2.

«гигантскую базу и силу, агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: *мир* мы предложим *завтра*, если бонапартист Керенский сдастся (а если не сдастся, то мы его свергнем). *Землю* крестьянам *тотчас*... Если Москва “начнет” бескровно, ее поддержат наверняка... Питерский Совет может выжидать, агитируя за московское советское правительство». Однако, «если нельзя взять власти без восстания, — заключает Ленин, — надо *идти на восстание тотчас*... Победа обеспечена, и на девять десятых шансы, что бескровно»¹.

Ленин пишет «Тезисы для доклада на конференции 8 октября Петербургской организации, а равно для резолюции и для наказа выбранным на партийный съезд». «Объективное положение таково, — констатирует он, — что в стране, несомненно, нарастает революция...» Между тем, «к сожалению, в верхах партии заметны шатания, как бы “боязнь” борьбы за власть, склонность подменить эту борьбу резолюциями, протестами и съездами».

Необходимо понять: дальнейшее мирное сожительство Советов и Временного правительства невозможно. Вопрос стоит так: либо Советы будут оттеснены и революционная волна перехлестнет через них, либо они станут органами революционной власти. «Вне этой задачи Советы пустая игрушка, неминуемо приводящая к апатии, равнодушию, разочарованию масс, коим вполне законно опротивели повторения без конца резолюций и протестов».

Партия сделала явную ошибку, участвуя в «подтасованном для обмана народа» Предпарламенте или, как стали его называть после включения более полутора десятков представителей буржуазных партий и организаций — «Совете республики». Теперь, пишет Ленин, партия совершает новую ошибку, связывая переход власти к Советам с созывом II съезда Советов. Это лишь сбивает «с толку массы иллюзией, будто “резолюцией” съезда Советов можно решить вопрос, который способен решить только восставший пролетариат своей силой».

И, наконец, выполняя свое обещание апеллировать непосредственно к массам, Владимир Ильич пишет листовку-обращение «К рабочим, крестьянам и солдатам». 30 сентября эсеровское «Дело народа», исходя из того, что Керенский никогда и «*ни в коем случае не подчинится*» Советам, призвало своих читателей проявить выдержку и «*претерпеть*» и войну и все невзгоды и лишения.

«Товарищи! — пишет Ленин в обращении. — Посмотрите кругом себя, что делается в деревне, что делается в армии, и вы увидите, что крестьяне и солдаты терпеть дольше не могут... Нет, *ни одного дня* народ не согласен терпеть больше оттяжек! *Ни одного дня* нельзя терпеть, что-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 340, 341.

бы умирляли военной силой крестьян, чтобы гибли тысячи и тысячи на войне... *Долой правительство Керенского... Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов!*»¹

Данных о том, что эту листовку распространили, — нет. Но вот письмо в ЦК, ПК и МК дошло до адресатов. «...В один прекрасный день, — пишет Лацис, — мы получаем от Ильича письмо, в котором он, уже помимо ЦК, обращается непосредственно к ПК... Нас взорвало. Сейчас же было созвано собрание ПК и ответственных работников. Отсюда началось. Решено было выделить несколько лиц для подготовительной работы. Поручили это Исполнительному комитету ПК. ИК выделил Фенигштейна, Москвина и меня. Мы сейчас же наметили себе работу: учет войсковых сил, их размещение, обследование контрреволюционных гнезд, подготовка районов. Для последней цели создавали узкие товарищеские группы из старых нелегальных деятелей. Эти группы обыкновенно представляли собой Исполнительные комитеты районных комитетов. Такие же группы создавались и при районных Советах... В первое время все это делалось втайне от ЦК»².

Письмо Ленина получили и члены Московского областного бюро. От имени бюро на заседании ЦК 3 октября Георгий Ломов заявил, что «выжидательное положение», которое занял ЦК, не соответствует «крайне напряженным» настроениям. Массы требуют не разговоров, а «конкретных мероприятий» по переходу власти к Советам. Судя по всему, именно в этой связи и встал вопрос о Ленине. Его заявление о выходе из ЦК, видимо, воспринималось как результат недостаточной информированности. Поэтому тут же было «принято решение предложить Ильичу перебраться в Питер, чтобы была возможной постоянная и тесная связь»³.

Вероятно, в этот или на следующий день, 4 октября, Свердлов вызывает Шотмана и просит его отправиться в Выборг к Ленину и организовать его переезд. Однако на Финляндском вокзале Александр Васильевич случайно встретился с «Эйно Рахья, который, как пишет Шотман, хитро улыбаясь, сообщил мне, что нет смысла ехать в Выборг, так как Владимир Ильич переехал в Петроград. Затем он с виноватым видом покаялся, что привез его в Питер без ведома ЦК и теперь боится, что ему за это попадет. Я его, конечно, основательно выругал, сказал, что попадет ему от ЦК, как полагается, пошел в ЦК и рассказал покойному

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 284, 286.

² Лацис М.И. Накануне октябрьских дней // Известия ВЦИК. 1918. 6 ноября; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 222.

³ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 74; Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964. С. 123; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 222.

Я.М. Свердлову об этой “неприятной” истории. После продолжительной с ним беседы решили: “так оставить”».

Крупская рассказала эту историю короче: «Финские товарищи перевезли его [Ленина] в Петроград. Сейчас же кое-кто из товарищей начал ворчать: “Без разрешения приехал”; но не такое время было, чтобы ворчать». Заметьте: сомнений в том, что Владимир Ильич приехал до «разрешения», у Надежды Константиновны не было. Зиновьев еще более определен. «Почти всем нам казалось, — писал он в 1918 году, — что еще рано... Тогда Ленин, недолго думая, бросает свое убежище и “самочинно”, не считаясь с опасениями друзей, переезжает из Финляндии в Питер, чтобы проповедовать немедленное восстание»¹.

Поскольку скрывать далее от ЦК факт переезда было уже невозможно, Ленин решает начать «переговоры». Эйно Рахья пишет: «Условились, что ни одного человека к Фофановой не водить, а встречаться у Никандера Кокко». Первая встреча произошла со Сталиным, судя по всему, уже 4 октября, ибо, как отметил Эйно, «на другой день у нас было собрание», а собрание ПК состоялось 5-го.

То, что к воспоминаниям Рахьи, как и ко всем другим мемуарам, необходимо относиться осторожно и критически — это очевидно. Но отметим, что запись, которая используется в данном случае, сделана в феврале 1935 года, т. е. до уже упоминавшихся «разъяснительных» бесед, проводившихся с нашими мемуаристами летом того же года. Важно и то, что именно в этой записи указывается то звено событий, без которого не ясны причины отмечавшегося исследователями серьезного «поворота», который происходит на заседании ЦК 5 октября.

Когда Рахья пришел к Сталину и сообщил ему, что Ильич хотел бы с ним встретиться, Сталин ответил, что в данный момент уехать из Петрограда не может. На это Эйно заметил, что ехать, мол, никуда не надо, ибо Ленин уже в Петрограде. Сталин возмутился: «Какое ты имел право?» Но тут же, бросив дела, пошел за Рахьей на квартиру Кокко, где их ждал Ленин.

«Он меня облаял за то, что я вас привез», — пожаловался Эйно, но Владимир Ильич успокоил его и отправил на улицу караулить. Так что самой беседы Рахья не слышал, но когда вернулся, то «увидел, что ни о каких протестах не может быть и речи, вижу, что они договорились». Когда Сталин ушел, а Ленин и Рахья двинулись к Фофановой, Владимир Ильич, отметил Эйно, «был очень задумчив и говорил, что необходимо точно следить за настроениями»².

¹ Последнее подполье Ильича. Воспоминания. М., 1934. С. 72; Крупская Н.К. О Ленине. Сб. статей и воспоминаний. Изд. 4-е. М., 1979. С. 49; Зиновьев Г.З. Н. Ленин. В.И. Ульянов. Очерк жизни и деятельности. Пг., 1918. С. 60.

² РГАСПИ, ф. 4, он. 2, ед. хр. 1673, л. 20, 21, 22.

Но о чем все-таки шел разговор? Об этом с достаточной уверенностью можно судить по тем предложениям, которые Сталин на следующий день внес на заседании ЦК. Если это так, то Ленин — *дабы снять свое заявление о выходе из ЦК* — выдвинул три условия: 1) немедленный выход большевиков из Предпарламента; 2) созыв партийного совещания из членов ЦК, питерских и московских товарищей, приурочив его к созыву съезда Советов Северной области 8 октября; 3) отложить с 17 октября на короткий срок партийный съезд для более тщательной его подготовки¹.

Договорились, видимо, и о том, что для всех (кроме узкого круга лиц, организовавших переезд), Ленин по-прежнему находится в Финляндии. Стасова утверждает, что о приезде Ленина никому из членов ЦК Свердлов так и не сказал. Это было важно для конспирации. К тому же в сложившейся ситуации столь неожиданное появление Ильича в Питере могло создать в партии нежелательное «*двоцентрие*». В общем, формула Свердлова — «так оставить», — судя по всему, получила именно такую интерпретацию.

Эта первая неделя пребывания в Петрограде была насыщена событиями до предела. Каждый день приносил что-то новое, существенное. И приходилось удерживать и себя и других для того, чтобы не заскочить вперед раньше того времени, когда будет — пора. Комментируя ошибки Бухарина в проекте новой программы партии, Владимир Ильич пишет: «Мы не знаем, победим ли мы завтра или немного позже. (Я лично склонен думать, что завтра — пишу это 6 октября 1917 года — и что можем опоздать с взятием власти, но и завтра все же есть завтра, а не сегодня)... Все это будет и будет, может быть, гораздо скорее, чем многим кажется (я лично думаю, что это должно *начаться* завтра), *но этого еще нет*»².

Откуда эта внутренняя тревога, звучащая за каждой строкой? 5 октября на заседании ПК Михаил Лашевич сказал: «Мы стоим на вулкане. Каждый раз я встаю утром и думаю: не началось ли уже?». Тревога в эти дни исходила и от утренних газет. Происходили события, способные нарушить то переменчивое соотношение сил, о котором предупреждал Ленин. 4, 5 октября и в последующие дни газеты дают подробную информацию о начале нового немецкого наступления на дальних подступах к Петрограду в районе Моонзундских островов.

Для проведения операции «Альбион» под командованием генерала О. фон Гутера было сосредоточено более 300 кораблей. В том числе 10 линкоров, 10 крейсеров, 68 эсминцев и миноносцев, 6 подводных лодок, более 100 самолетов и дирижаблей плюс 25-тысячный десант. С русской стороны в Рижском заливе находилось 116 кораблей, в том

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 76.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 132.

числе 2 устаревших линкора, 3 крейсера, 36 эсминцев и миноносцев, 3 подводные лодки и 30 самолетов. 16 береговых батарей на островах насчитывали лишь 10 тысяч штыков. Впрочем, неподалеку стояла английская эскадра и казалось, что в случае необходимости она сможет прийти на помощь.

Все предшествующие месяцы командование Балтфлота и укрепления района на Моонзундских островах жаловалось Ставке и министрам на «большевистское засилье», «деморализацию» флотских экипажей и воинских частей. Они требовали «пресечь», «наказать», «запретить» и т. п. Но как только 29 сентября под прикрытием корабельной артиллерии немецкий десант высадился на острове Эзель (Сарема), начальник сухопутной обороны Моонзундских островов контр-адмирал Д.А. Свешников вместе со всем своим штабом перебрался на материк, возложив оборону Эзеля на начальника 107-й пехотной дивизии генерал-майора Иванова Ф.М.

Но фактическое руководство обороной легло на оставшихся офицеров, комиссаров Центробалта, матросские и солдатские комитеты. Дрались они героически. Однако силы были слишком неравны, и 3 октября Эзель был оставлен. 4 октября в морском сражении линкор «Слава» получил пробоину, потерял ход и был затоплен экипажем дабы не сдавать его врагу. Выступая 5 октября на заседании ПК, Михаил Лашевич заявил: «Матросы считают делом чести на деле доказать, что, когда надо, большевики будут сражаться насмерть». Только после упорнейших боев оставили острова Моон (Муху) и Даго. Германский флот вошел в Рижский залив. Но русские моряки, загородив фарватер затопленными пароходами и минными полями, закрыли проход в Финский залив.

Понеся большие потери — было уничтожено 10 эсминцев, 6 тральщиков, повреждены 3 линкора и 13 миноносцев — немецкое командование прекратило операцию. Русский флот потерял линкор «Слава», миноносец, 7 судов получили повреждения. Английская эскадра за все это время так и не сдвинулась с места, хотя ее взаимодействие с Балтфлотом могло бы нанести еще больший урон Германии. Было очевидно, что на помощь «союзников» Петрограду рассчитывать не приходится.

А вот в недостатке мужества и стойкости российских солдат и матросов не могла теперь упрекнуть даже самая желтая пресса. И когда в эти дни командующий Северным флотом генерал Владимир Андреевич Черемисов выдал из казенных средств деньги на большевистскую фронтную газету «Наш путь», он заметил: «Если она и делает ошибки, повторяя большевистские лозунги, то ведь мы знаем, что матросы — самые ярые большевики, а сколько они обнаружили героизма в последних боях! Мы видим, что большевики умеют драться». Так что мысль Ленина о том, что обороноспособность страны — в случае перехода власти

к Советам «была бы *во много раз* выше», косвенно подтвердилась и этим свидетельством¹.

Однако уже 4 октября Временное правительство принимает решение о переезде правительства в Москву и эвакуации из Петрограда заводов, что означало закрытие предприятий и массовое увольнение рабочих. На следующий день командующий Петроградским военным округом полковник Георгий Петрович Полковников получает распоряжение о начале вывода из столицы «ненадежных» (т. е. поддерживающих большевиков) воинских подразделений и замене их более надежными частями.

Документов, подтверждающих намерение правительства сдать Питер немцам, не обнаружено. Но общее настроение правящих верхов 6 октября сформулировало «Утро России». В передовой статье прямо говорилось, что судьба Петрограда «не беспокоит русских людей, их сердцам ближе судьба России. С падением Петрограда не погибнет Россия». Еще более откровенно столь «патриотическую» мысль выразил Михаил Владимирович Родзянко. В интервью тому же «Утру России», получившем самый широкий резонанс, он с умилением рассказывал, как после оккупации Риги немцами в городе «вдворился такой порядок, какого никогда не видали: расстреляли десять человек главарей, *вернули городовых*, город в полной безопасности...»

А отсюда следовал вывод: «Петроград находится в опасности... Я думаю, бог с ним, с Петроградом... Опасаются, что в Петрограде погибнут центральные учреждения... Очень рад буду, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли». Под «центральными учреждениями» он имел в виду прежде всего ЦИК Советов, которому, кстати, Временное правительство пояснило, что Советы не входят в число государственных учреждений, подлежащих эвакуации². То есть и на сей раз правительство сделало все для того, чтобы взбаламутить население столицы.

Слухи о начавшихся увольнениях рабочих, о выводе гарнизона, об измене и готовящейся сдаче Питера будоражили рабочих и солдат. Еще за месяц до этого, 6 сентября, солдатская секция Петросовета приняла резолюцию: если «правительство не способно защитить Петроград, то оно обязано либо заключить мир, либо уступить свое место другому правительству»³.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 331; Флот в Первой мировой войне. М., 1964. Т. 1; Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т. 5. С. 383–385; Соболев Г.А. Тайна «немецкого золота». СПб.; М., 2003. С. 217.

² Утро России. 1917. № 242. 8 октября; Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 302.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 498.

И когда на заседании Исполнительной комиссии ПК обсуждали письмо Ленина от 1 октября, большинство поддержало его оценку хода событий, высказалось за восстание и выразило возмущение тем, что ЦК выступил в роли цензора ленинских писем и статей. Кстати, Шотман проинформировал, что о письме Ленина не сообщили не только ПК и МК, но и всем членам ЦК. «Только некоторым членам ЦК, — сказал Александр Васильевич, — о нем было известно». И ПК обратился в ЦК с письмом, в котором повторил предложение Владимира Ильича о срочном созыве «совещания ЦК с питерскими и московскими работниками для намечения политической линии нашей партии»¹.

Не дожидаясь ответа ЦК, 5 октября ПК проводит закрытое собрание членов ПК и представителей районов. Собравшимся зачитали ленинское письмо от 1 октября. Потом с докладом выступил Иван Рахья, который ухватил главное: на примере положения в Финляндии и Кронштадте, которому правительство опять грозило разоружением, он показал, что сложившаяся ситуация не может оставаться неизменной — либо нас вынудят сдать свои позиции, либо мы пойдем вперед к восстанию.

Ему оппонировал Володарский, который начал с байки о том, как в Кинешме большевики взяли в свои руки городскую думу, а когда пришли рабочие и потребовали хлеба, пришлось думцам уйти в отставку, ибо власть у них была, а хлеба — не было. «Если мы не хотим идти на авантюру, — сказал он, — для нас революционный путь — отказаться от компромиссов и не форсировать событий, которые до известной степени форсируются сами по себе, и в то же время укреплять нашу боеготовность, чтобы, когда это будет неизбежно, взять власть». Но не надо спешить, ибо мы вряд ли сможем добиться мира и решения продовольственного вопроса. Поэтому «ход Ильича мне кажется чрезвычайно слабым» и надо «не форсировать события», а ждать «революционной вспышки на Западе».

Его поддержал Лашевич. «С точки зрения экономической и особенно продовольственной, — заявил он, — Россия идет к пропасти... Власть идет к нам. Это — факт. Взять ее надо, хотя 98 шансов за то, что... мы будем побеждены... Но надо ли брать власть сейчас? Я думаю, что нельзя форсировать события... Стратегический план, предложенный т. Лениным, хромает на все четыре ноги... Хлеба мы не дадим. Имеется много шансов, что и мира мы не сможем дать. ...Тов. Ленин нам не дал объяснения, почему надо делать это сейчас, до съезда Советов». Харитонов

¹ Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Сб. документов. М., 1957. Т. 1. С. 315; Вторая и третья общегородские конференции большевиков. Протоколы. М.; Л., 1927. С. 299; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 222, 223.

тут же парировал: потому что раньше «не было десанта на островах... А тактику можно менять в 24 минуты».

Тогда секретарь ПК Глеб Иванович Бокий зачитал собранию тезисы, подготовленные Лениным для общегородской партконференции. Доводы Владимира Ильича о том, что «боязнь» борьбы за власть, подмена ее бумажными резолюциями без решения самих проблем неизбежно приведут «к апатии, равнодушию, разочарованию масс», поддержали многие выступавшие — Иван Рахья, Лацис, Калинин, Молотов, который, в частности, заявил, что «массы могут перейти в анархию... и к выступлению мы должны быть готовы каждую минуту».

Рабочий Александр Еремеевич Минкин сказал: «Я коснусь спора между т. т. Лениным и Володарским. Тов. Ленин верит в революционную победу, а Володарский и Лашевич не имеют этой веры. Мы знаем, что движение идет помимо нас. Публика ждет чего-то от нас, к чему-то готовится. Я думаю, что ждать съезда нам не придется. И мы должны взять власть не сегодня — завтра». Высказываясь за восстание, Григорий Еремеевич Евдокимов напомнил и о том, что «может явиться второй Корнилов, который на этот раз выскажет лозунг мира, — и мы будем задушены»¹.

Между тем одновременно с этим собранием заседал и Центральный Комитет партии. Начали с текущих организационных дел. Обсудили финансовые вопросы, сотрудничество Луначарского в «Новой жизни», предстоящую конференцию работниц и др. Лишь шестым пунктом повестки дня были внесены те предложения, о которых, видимо, Ленин договорился накануне со Сталиным: 1) о выходе из Предпарламента 7 октября после зачитания декларации; 2) о созыве совещания членов ЦК, питерских и московских работников, приуроченного к Северному областному съезду Советов, который переносится из Гельсингфорса в Петроград и назначается на 10 октября; 3) об отсрочке партийного съезда и создании программной комиссии, в состав которой вводится Ленин. Заметим, кстати, что на резолюции ПК о срочном созыве совещания ЦК Свердлов написал, что это решение приняли до получения предложения питерцев, то есть по информации Сталина, а не в результате давления снизу.

В протоколе нет записи прений, хотя видно, что дискуссия была и по вопросу о созыве совещания и о выходе из Предпарламента, против которого голосовал один Каменев. В заявлении он написал, что этот шаг «предопределяет тактику партии на ближайший срок в направлении, которое я лично считаю весьма опасным для партии»².

¹ Вторая и третья общегородские конференции большевиков. Протоколы. М.; Л., 1927. С. 295, 298, 302, 303; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 223–227.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 75, 76; Вопросы истории. 1957. № 10. С. 30.

После окончания заседания трое членов ЦК — Бубнов, Сокольников и Смилга — пришли на собрание ПК. Они поставили два вопроса: каково мнение организации относительно выхода из Предпарламента и когда возможно взятие власти Советами с наименьшими потерями? «До сих пор, — сказал Бубнов, — мы сдерживали массы и впредь будем делать это по силе и возможности. Но ведь всему есть границы». Поскольку после чтения ленинских тезисов большинство собрания уже определилось, предложили голосовать. Но Володарский, заявив, что не расходится «с точкой зрения Ленина... мы идем к власти определенно», убедил собравшихся, что подобную резолюцию надо принимать на общегородской конференции, открытие которой перенесли на 7 октября¹.

Казалось бы, все в порядке — предложения Ленина приняты ЦК, «поворот» очевиден. Но, судя по всему, беспокойство не покидает Владимира Ильича. У него складывается ощущение, что, судя по собранию ПК 5 октября, положение на фронте недооценивается большевиками.

«Нейтралитет» английской эскадры во время морского сражения 4 октября носил явно демонстративный характер. Политическая история знала заговоры не только открытые и тайные. Бывали и такие соглашения, которые даже не обговаривались. «Нейтралитет» англичан и эвакуация правительства в Москву могли служить для немцев достаточно прозрачным намеком на возможность дальнейшего продвижения к Питеру...

И утром 7 октября Ленин обращается с новым письмом к делегатам петроградской конференции. Он излагает свои соображения относительно «заговора» и делает вывод, что проблема обороны столицы и свержения «противонародного правительства» тесно увязаны между собой. Этим он как бы отвечает на вопрос Лашевича о восстании — о том, «почему надо делать это сейчас».

Владимир Ильич предлагает конференции тот вариант, который он излагал в письме 1 октября: «...Взять власть в Москве, объявить правительство Керенского низложенным и Совет рабочих депутатов в Москве объявить Временным правительством в России». Ленин предлагает немедленно направить делегации в Москву, Гельсингфорс, Выборг, Кронштадт, Ревель, в войсковые части южнее Питера для агитации за присоединение к резолюции о быстром общем восстании. И особо обратиться в ЦК с настоятельной просьбой «принять все меры для руководства неизбежным восстанием рабочих, солдат и крестьян...».

Беспокоит Ленина и другое — незавершенность решения о бойкоте «Совета Республики». И он предлагает конференции попросить ЦК

¹ Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 227.

«ускорить уход большевиков из Предпарламента...» Ссылаясь на эти строки, Виталий Иванович Старцев писал, что Ленин приехал в Питер лишь 9-го, а посему не знал о решении ЦК, принятом 5 октября о выходе из Предпарламента¹.

Владимир Ильич знал об этом решении. Но знал он и другое... Угрожая отставкой с поста председателя партийной фракции в ЦИК, Каменев добился того, что вопрос о бойкоте решили вновь обсудить на совещании большевиков — делегатов Предпарламента 7 октября. Этот прием Каменев уже использовал 21 сентября. И тогда, опираясь на провинциальных делегатов, добился пересмотра аналогичного решения ЦК. Так что основания для беспокойства у Владимира Ильича были.

На совещании 7 октября в Смольном «дебаты затянулись и становились временами весьма жаркими. Троцкий опять выступил за бойкот. Возражая ему, Каменев, Рязанов и некоторые другие большевики... доказывали, что уход делегации следует отложить до обсуждения какого-либо серьезного вопроса, благодаря которому он будет выглядеть достаточно обоснованным. В конце концов, — пишет Алекс Рабинович, — все-таки приняли решение бойкотировать Предпарламент, правда, совсем незначительным большинством голосов»². И лишь поздно вечером Троцкий зачитал в Мариинском дворце декларацию об уходе большевиков из «Совета Республики». Поэтому желание Владимира Ильича — «ускорить уход», высказанное *утром* 7-го, вполне понятно и свидетельствует скорее об информированности Ленина о текущих событиях, происходящих в Питере.

Письмо городской конференции Ленин отправил, как и прежде, по своим каналам связи: сначала Кальске, потом Кокко, затем Крупской и, как пишет Кальске, оно «было доставлено по назначению в тот же день». Надо полагать, что столь же своевременно поступала информация и Владимиру Ильичу. А в тот день, 7-го, в Москве обсуждали ленинское письмо от 1 октября. На собрании партийных работников оно получило полную поддержку. Постановили — «немедленно начать борьбу за власть» и брать курс на вооруженное восстание.

«Областное бюро, — вспоминала его секретарь Варвара Яковлева, — совершенно единодушно стояло на такой точке зрения: переворот близок, все к тому идет; рост революционного настроения огромен; надо им овладеть возможно скорее, *не дать ему вылиться в стихийные формы*; надо не упустить момента». Однако при обсуждении на Московском комитете были высказаны серьезные сомнения в том, что Москва — в силу «полнейшей небоеспособности и расхлябанности» гарнизона — сможет

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 347–350; Родина. 1990. № 1. С. 17.

² Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 223.

стать инициатором общероссийского выступления. «Взять на себя почин, — говорил Осип Пятницкий, — нельзя. Москва может лишь поддержать выступление, когда оно где-либо начнется». Эта позиция получила большинство голосов¹.

Получив известие о решении МК, Ленин 8 октября пишет письмо большевикам — делегатам Съезда Советов Северной области. Он повторяет все те доводы, которые излагал в предыдущих письмах — нарастание революционной волны в Европе, крах соглашательских партий в России, гигантский рост влияния большевиков, катастрофическое положение на фронте...

«А мы, — продолжает он, — получив таким образом большинство народных масс на свою сторону, завоевав оба столичных Совета, будем ждать? Ждать чего? Чтобы Керенский и его корниловцы-генералы сдали Питер немцам... Есть признаки роста апатии и равнодушия. Это понятно. Это означает не упадок революции... а упадок веры в резолюции и в выборы. Массы в революции требуют от руководящих партий дела, а не слов, победы в борьбе, а не разговоров. Близится момент, когда в народе может появиться мнение, что и большевики тоже не лучше других, ибо они не сумели *действовать* после выражения нами доверия к ним...

...Дело в восстании, которое *может* и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель. *Под Питером* и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее...

Промедление смерти подобно»².

Итак, главное внимание — Петрограду, той работе по подготовке выступления, которую питерцы уже начали. Но Владимир Ильич получает и другую информацию — о заседании ЦК 7 октября...

Узнав о том, что ПК уже начал практическую подготовку восстания, и опасаясь того, что ситуация — как это случилось в июле — может вновь выйти из-под контроля, ЦК принимает решение о создании для координации действий «Бюро для информации по борьбе с контрреволюцией». От ЦК в него вошли Троцкий, Свердлов, Бубнов, от «военки» — Невский и Подвойский, а от ПК — Лацис и Москвин. Казалось бы, можно лишь радоваться тому, что создан, наконец, практический центр по технической подготовке восстания. Но у Лациса, например, почему-то сложилось впечатление, что «с нами просто ведут игру» и само бюро создано лишь для блокирования их самостоятельности. «Успокаи-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 266; Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 304, 306, 308; Ленин в 1917 году. Воспоминания. М., 1967. С. 169.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 387, 390.

вало только одно, — пишет он, — что мы своей горячностью заставили ЦК зашевелиться»¹.

Как бы то ни было, но именно 8 октября Ленин пишет работу «Советы постороннего». Ее название и подпись «Посторонний» не раз вызывали удивление исследователей. Между тем они достаточно точно передавали ту формальную ситуацию, в которой находился Ленин. 29 сентября он заявил о выходе из ЦК. 4 октября договорился со Сталиным (*если это так!*) о созыве 8 октября широкого совещания. Но 8-е уже пришло. Уже более недели он в Питере. А Съезд Советов Северной области, к которому хотели приурочить совещание, перенесли уже на 11-е...

Спустя несколько дней Владимир Ильич напишет: «Время, которое мы переживаем, настолько критическое, события летят с такой невероятной быстротой, что публицист, поставленный волей судеб несколько в стороне от главного русла истории, рискует постоянно опоздать или оказаться неосведомленным, особенно если его писания с запозданием появляются в свет»².

Как раз накануне 8-го «Рабочий путь» с недельным запозданием опубликовал его *укороченную* статью «Кризис назрел», написанную еще 29 сентября. Может быть, это и навяло мысли о «постороннем». Но не стоял он «в стороне от главного русла истории» и не был «неосведомленным». И «Советы постороннего» он адресует не газете, а непосредственно питерским большевикам «на тот случай, что вероятное выступление рабочих и солдат Питера и всей “округи” состоится вскоре, но еще не состоялось».

Если есть убеждение, пишет Ленин, что новой революционной власти будет «обеспечено величайшее сочувствие и беззаветная поддержка всех трудящихся... русского крестьянства в особенности», то для победы необходимо добиться — в решающих местах и в нужный момент — *«гигантского перевеса сил»* над вероятным противником (юнкера и, возможно, часть казаков), а также «стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны».

Необходимо добиваться не только военного, но и морального перевеса. А для этого «выделить *самые решительные* элементы (наших “ударников” и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды», которые смогли бы взять и удержать — телефон, телеграф, железнодорожные станции и мосты. При этом надо не обороняться, а наступать, добиваясь ежедневно и ежечасно хоть малых, но ощутимых успехов. Что касается Петрограда, то его необходимо брать «комбини-

¹ Петроградская правда. 1922. № 251. 5 ноября; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 228.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 398.

рованной атакой флота, рабочих и войска — такова задача, требующая *искусства и тройной смелости*»¹.

Еще 14 сентября Ленин предлагал ЦК «организовать *штаб*» повстанцев. 27 сентября Владимир Ильич писал Смилге о необходимости создания специального комитета для решения сугубо военных вопросов, связанных с восстанием. Но уже упоминавшееся «Бюро при ЦК для информации по борьбе с контрреволюцией», сформированное 7 октября, после двух, как выразился Лацис, «скучных» встреч, так и не заладилось. А 9 октября попытку создать военный центр предпринял Петросовет.

На заседании Исполкома Марк Бройдо от имени меньшевиков и эсеров предложил сконструировать особый комитет для сотрудничества с правительством по вопросам «обороны столицы». В противовес им большевики выдвинули идею создания — как и в дни первой корниловщины — «революционного комитета обороны» с целью вооружений рабочих для обороны Питера и защиты «от атак, открыто готовящихся военными и корниловцами». Однако на Исполкоме большинство (13 против 12) проголосовало за резолюцию Бройдо. И лишь на бурном пленарном заседании Петросовета, состоявшемся в тот же день, предложение большевиков получило абсолютную поддержку².

Было очевидно, что тянуть дальше с совещанием ЦК, на котором настаивал Ленин, нельзя. И Свердлов телеграфировал в Москву о его созыве.

Собрались вечером 10 октября на квартире уже известного читателю меньшевика-интернационалиста Николая Суханова. «О, новые шутки веселой музы истории! — писал он позднее. — Это верховное и решительное заседание состоялось у меня на квартире, все на той же Карповке (32, кв. 31)». Жена Николая Николаевича, Галина Константиновна была большевичкой и убедила супруга, сутками сидевшего в редакции «Новой жизни» либо в ЦИКе, «не утруждать себя после трудов дальним путешествием».

Квартира была удобной во всех отношениях — большая, парадный и черный ход, бельэтаж, так что можно было и из окна спрыгнуть. Впрочем, собиралась тут разного рода «общественность» довольно часто и для контрразведки Керенского была она вне подозрений. Поэтому, как вспоминала Варвара Яковлева, «собирались очень не конспиративно». Она, Ломов, Троцкий и Дзержинский успели даже посидеть неподалеку в кафе.

Из «узкого состава» ЦК пришли Свердлов, Сталин, Дзержинский, Сокольников, Бубнов, Урицкий. Из членов ЦК — Ленин, Троцкий, Камен-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 382–384.

² Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 258, 259.

нев, Зиновьев, Коллонтай. Из кандидатов в члены ЦК — Ломов и Яковлева. Так что расширенного совещания ЦК не получилось, хотя Ломова и Яковлеву вполне можно было считать представителями Москвы. Из питерского актива никого не пригласили. Но кворум был и даже Каменев признал, что «это собрание решающее», ибо, как отметил позднее Ленин, «про отсутствующих членов ЦК было досконально известно, что *большинство* из них *не согласно с Зиновьевым и Каменевым*».

«Владимир Ильич, — рассказывает Варвара Николаевна, — пришел, когда все уже были в сборе, и появился в совершенно неузнаваемом виде: бритый, в парике, он напоминал лютеранского пастора». О том же пишет и Георгий Ломов: «Грим и парик настолько изменили Владимира Ильича, что узнать его было совершенно невозможно даже нам, сталкивавшимся с ним не раз... Совершенно неузнаваем был и скрывавшийся в то время т. Зиновьев. Он отрастил себе бороду, и когда меня “знакомили” с ним, я совершенно не представлял, кто это».

По опубликованному протоколу заседание открыл Свердлов. Но вот что пишет Яковлева: «Мне было поручено вести секретарские записи. Но они были, по конспиративным соображениям, очень кратки». И по ее воспоминаниям, заседание открыл Ленин: «Владимир Ильич кратко сообщил тему и дал постановку вопроса, а затем предложил заслушать доклад секретаря ЦК о тех сведениях, которые имеются в ЦК о настроении масс и положении дел на местах»¹.

Яков Михайлович проинформировал о том, что на конференции социал-демократических организаций Румынского фронта, при составлении списка для выборов в Учредительное собрание, большевики пошли на блок с меньшевиками-оборонцами. И из 20 выдвинутых кандидатов на их долю пришлось 4. ЦК единодушно постановил, что подобные блоки недопустимы. Затем Свердлов сообщил о конференции литовских социал-демократов, создавших с меньшевиками объединенную организацию. ЦК постановил: сформировать временное бюро, которое смогло бы сплотить все революционные элементы литовской социал-демократии «под знамя большевиков». Эта информация была достаточно удалена от тех проблем, которые волновали Ленина. Но вот третье сообщение, безусловно, заинтересовало его.

Представители Северного фронта, приезжавшие в ЦК, рассказали, «что на этом фронте готовится какая-то темная история с отходом войск вглубь... Готовится новая корниловщина. Минск ввиду характера гарнизона окружен казачьими частями. Идут какие-то переговоры между штабами и Ставкой подозрительного характера... На фронте же на-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 424; Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 304, 305.

строение за большевиков, пойдут за ними против Керенского. Никаких документов [о заговоре. — В. А.] нет. Они могут быть получены, если захватить штаб, что в Минске вполне возможно технически ... Могут из Минска послать корпус в Петроград».

А далее в протоколе записано: «Слово о текущем моменте получает т. Ленин. Он констатирует, что с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти Советами. Поэтому давно уже надо обратить внимание на техническую сторону вопроса. Теперь же, по-видимому, время значительно упущено... Вопрос стоит очень остро, и решительный момент близок».

Владимир Ильич рассматривает проблему в трех аспектах: международном, внутривластном и военно-техническом. Судя по коротким записям, включенным в протокол, он повторял те аргументы, которые приводил ранее в письмах в ЦК, ПК, МК: «По-видимому, многие руководители нашей партии, — писал он, — не заметили *особого* значения того лозунга, который мы все признали и повторяли без конца. Это лозунг: вся власть Советам. Бывали периоды, бывали моменты за полгода революции, когда этот лозунг *не* означал восстания. Может быть, эти периоды и эти моменты ослепили часть товарищей и заставили их забыть, что теперь и для нас, по крайней мере с половины сентября, этот лозунг *равносильен призыву к восстанию*».

Вывод Ленина зафиксирован в протоколе: «Политическая обстановка таким образом готова. Надо говорить о технической стороне. В этом все дело. Между тем мы, вслед за оборонцами, склонны систематическую подготовку восстания считать чем-то вроде политического греха». Его конкретное предложение: «Областным съездом и предложением из Минска надо воспользоваться для начала решительных действий».

Запись прений предельно кратка. Упомянуто выступление Ломова, информировавшего о позиции Московского областного бюро и МК. Приводятся фрагменты выступления Урицкого, который сказал, что «мы слабы не только в технической части, но и во всех других сторонах нашей работы. Мы выносили массу резолюций. Действий решительных никаких... Но во всяком случае, — заявил он, — если держать курс на восстание, то нужно действительно что-либо делать в этом направлении. Надо *решиться* на действия определенные». После этих выступлений, видимо, все и началось...

«На этом заседании ЦК, — вспоминал Ломов, — вопрос о восстании был подвергнут горячей дискуссии. Ленин, Свердлов, Сталин, Троцкий и мы, москвичи, решительно настаивали на резкой линии на восстание. Каменев и Зиновьев как-то неловко и слабо аргументировали в пользу необходимости всяческой оттяжки конфликта, доказывая нам утопизм,

преждевременность вооруженного восстания, предрекая нашу изоляцию и т. д.»

В протоколе не упоминается о каких-либо речах Каменева и Зиновьева, хотя, как писал Троцкий, «заседание 10-го почти целиком свелось к страстной полемике с Зиновьевым и Каменевым». Вряд ли это были развернутые содоклады. Скорее — вопросы, реплики, замечания, возражения, поправки. Не случайно, позднее, отвечая этим двум оппонентам и группируя их вопросы, Ленин в сердцах вспомнил изречение: «один дурак может вдесятеро больше задать вопросов, чем десять мудрецов способны разрешить».

Кстати, против Каменева и Зиновьева выступали как раз десять членов ЦК. «Наступление вел Ленин, — пишет Троцкий, — остальные втягивались один за другим». Но речей и реплик этих «других» тоже нет в протоколе. «Прения носили очень страстный характер», — утверждает Троцкий. Причем даже среди сторонников Ленина вдруг возникали сомнения. «Возражения сводились к тому, что вооруженное восстание может дать победу, а потом что?..» Но никаких следов этих споров в протоколе нет. Нет в нем и записи обсуждения двух вопросов, указанных в повестке дня: «Областной съезд» и «Вывод войск». Хотя их вполне могли обговорить в ходе прений по тому же докладу Ленина о текущем моменте.

Судя по всему, не столь уж профессиональная по части протоколирования Варвара Яковлева, втянутая к тому же в разговор по существу спора, просто не успевала фиксировать ход дискуссии между опытными полемистами. И может быть, уже зная о состоянии записи, Каменев и Зиновьев подали на следующий день в ЦК «краткое резюме произнесенных нами на заседании речей» и попросили приобщить его к протоколу. Так что содержание дискуссии хорошо известно и о ней речь пойдет ниже.

В полночь раздался решительный стук в дверь комнаты, в которой шло заседание. Все всполошились... Юнкера?? А когда дверь открыли, на пороге действительно стоял юнкер... с самоваром в вытянутых руках. Это был брат Галины Константиновны — большевик Юрий Флаксерман, юнкер Петергофской школы прапорщиков.

Нарезали бутербродов с колбасой. Стали пить чай. И прения продолжились. «Каменев и Зиновьев, — отмечает Ломов, — сопротивляются как-то безнадежно, неудачно и в конце концов вяло умолкают». Последним выступил Свердлов, рассказавший «о том, что ему известно о положении дел во всей России». Понимая, что большинство поддержит Ленина, Зиновьев попытался заблокировать принятие решения, заявив, что такие вопросы «не решаются десятью человеками» и необходимо опросить партию. Но его предложение отвергли.

На листке ученической тетрадки в клетку Ленин тут же карандашом написал проект резолюции: «...Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей, минчан и т. д.)». За резолюцию проголосовало 10 членов ЦК. Против — двое: Каменев и Зиновьев¹.

Данная резолюция и столь определенный итог голосования по существу исчерпывали тот конфликт, который дал Ленину повод для заявления 29 сентября о выходе из ЦК. Для большинства цекистов это, видимо, и было главным. И возможно поэтому — дабы не придавать конфликту большей огласки — собирали не широкое совещание, а лишь заседание членов ЦК.

Так или иначе, исчерпание конфликта закрепили решением. «Тов. Дзержинский предлагает, — фиксируется в подлинной секретарской записи, — создать для политического руководства на ближайшее время Политическое бюро из членов ЦК. После обмена мнениями предложение принимается. Политическое бюро создается из 7 чел. (редакция + двое + Бубнов)». При просмотре этой записи Свердлов зачеркнул указанный текст и вместо него написал: «Затем ставится вопрос о создании Политического бюро ЦК. Решено образовать бюро из 7 чел.: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников, Бубнов».

Таким образом формулировка Дзержинского о создании Политбюро «для политического руководства на ближайшее время» — опускается, а список — расшифровывается: «редакция» — это Сталин, Сокольников, Каменев, Зиновьев; «+ двое» — это Ленин и Троцкий; и «+ Бубнов», как важное в тот момент связующее звено с ПК.

«Заседание закончилось поздней ночью, — пишет Троцкий. — Все себя чувствовали примерно так, как после перенесенной хирургической операции». Расходились уже на рассвете, а часть членов ЦК осталась ночевать у Суханова².

Настроение было сложным. Главное — решение о восстании — было принято. Но утвержденный состав Политбюро был, безусловно, компромиссным. Стремясь избежать разрыва, члены ЦК решили таким спо-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 388, 391–393, 411, 424; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 83–86; Воспоминания Троцкого в журн. Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 58; Воспоминания Г. Ломова в журн. Пролетарская революция. 1927. № 10. С. 167, 168; Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. М., 1997. С. 136; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 231; Стафцев В.И. От Разлива до Смольного. М., 1977. С. 140.

² Троцкий Л.Д. О Ленине. М., 1924. С. 73; Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 58.

собом подсластить пилюлю, которую Каменеву и Зиновьеву пришлось проглотить при голосовании. Полагали, что дальнейшая совместная работа поможет преодолеть разногласия. Однако очень скоро выяснилось, что включение двух противников восстания в такой орган делало его непригодным именно «для политического руководства на ближайшее время».

При всех толкованиях значения данного партийного центра, сам факт его создания никем не оспаривался. Но в 1994 году историк Наталья Викторовна Мушиц опубликовала фотографию машинописной копии резолюции ЦК от 10 октября, извлеченной из архива Сталина в РГАСПИ.

На этой копии рукой Сталина (к тексту о «мире империалистов») были вставлены в скобках два слова: «сепаратного» и «со стороны». А под резолюцией, как подстраничное примечание, им же написано: «Слова, поставленные в скобках, видимо, пропущены в тексте по недосмотру». И тут же, внизу, Сталин добавляет: «Образовать для политического руководства восстанием бюро в составе Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого, Сталина, Сокольников и Бубнова».

Порядок перечисления фамилий говорит о том, что протокол заседания ЦК был у него перед глазами. Тем более очевидно, что слова «для политического руководства восстанием» являлись сугубо авторским толкованием формулы Дзержинского о «политическом руководстве на ближайшее время», вычеркнутой в протоколе Свердловым. Эта публикация и дала повод для разговоров и статей о «двух резолюциях», о «фальсификации документа» и «мифологичное» создания самого Политбюро.

Между тем история этой правки проясняется в записке секретаря Сталина, Ивана Товстухи, на обороте данного текста: «Надписи от руки, — пишет Иван Павлович, — сделанные на оригинале этого документа собственноручно тов. Сталиным, сделаны им не в 1917 году, а в 1924 году, во время литературной дискуссии с Троцким, при подготовке к печати книги «На путях к Октябрю», — свидетелем чего лично мне пришлось быть. Товстуха. 10.03.1934 г.»¹.

Для книги «На путях к Октябрю» Сталин использовал свой доклад «Троцкизм или ленинизм?» на пленуме Комфракции ВЦСПС 19 ноября 1924 года. При его подготовке он и затребовал из архива копии октябрьских резолюций ЦК. В опубликованном на следующий день тексте этого выступления резолюция ЦК от 10 октября воспроизводилась без каких-либо отклонений от подлинника. А в подстраничном примечании к сло-

¹ См. статью Н.В. Мушиц в «Независимой газете» 8 февраля 1994 г.; статью З.А. Серебряковой в кн.: Октябрь 1917: смысл и значение. М., 1998; статьи Н.В. Мушиц и В.Б. Беллюбского в журн. Коммунист. 1998. № 5.

вам «мира империалистов» указано: «Очевидно, должно быть: “сепаратного мира”. И. Ст.».

Что же касается Политбюро, то в докладе говорилось: «Центральный Комитет выбирает на этом же заседании политический центр по руководству восстанием под названием Политическое бюро в составе: Ленина, Зиновьева, Сталина, Каменева, Троцкого, Сокольников и Бубнова».

И далее Сталин объясняет: «...Как могло случиться, что разногласия с Каменевым и Зиновьевым продолжались всего несколько дней; как могло случиться, что эти товарищи, несмотря на разногласия, ставились партией на важнейшие посты, выбирались в политический центр восстания и пр.?.. Объясняется это тем, что, несмотря на разногласия, мы имели в лице этих товарищей старых большевиков, стоящих на общей почве большевизма... Мы имели в лице Каменева и Зиновьева ленинцев, большевиков»¹.

Это вольное толкование решения ЦК объяснялось политической конъюнктурой дискуссии 1924 года, в ходе которой Каменев и Зиновьев поддержали Сталина против Троцкого. Когда же спустя несколько лет те же Каменев и Зиновьев перешли в оппозицию вместе с Троцким, подобная трактовка уже не допускалась. И в официальной литературе упоминалось лишь «Политбюро во главе с Лениным»².

Политбюро приобрело таким образом «дооктябрьский стаж». А формула «во главе» — отдавала дань новой эпохе, когда партийная иерархия покоилась не на реальном авторитете, а на занимаемой должности. Но не было у Ленина в 1917 году иной «должности», кроме члена ЦК. А вот авторитет был. Это и делало его признанным лидером.

Заметим, кстати, — то обстоятельство, что Свердлов, к примеру, не вошел в состав данного Политбюро, нисколько не мешало Якову Михайловичу *председательствовать* на последующих заседаниях ЦК. И остается лишь добавить, что все эти перипетии не повлияли на судьбу документальных текстов. И при публикации протоколов ЦК в 1929 и 1958 годах они воспроизводились без каких-либо изменений.

Спустя несколько недель после 10 октября Ленин рассказывал, что накануне заседания ЦК он предполагал, что по вопросу о восстании встретит противодействие со стороны бывших «межрайонцев» («интернационалистов-объединенцев») — Троцкого, Урицкого, Володарского, Иоффе. Но после заседания — «это рассеялось». Против оказались двое старых большевиков — членов ЦК. И «это, — сказал Владимир Ильич, — меня крайне огорчило»³. Но главные огорчения были еще впереди.

¹ Сталин И. В. Соч. М., 1947. Т. 6. С. 326, 327, 345.

² История КПСС. М., 1967. Т. 3. Кн. 1. С. 303.

³ В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 215.

На следующий день, 11 октября, в Смольном открылся Съезд Советов Северной области. Из 94 представителей Советов Питера, Москвы, Гельсингфорса, Ревеля, Новгорода, ближних и дальних окрестностей столицы 51 являлись большевиками, 24 — левыми эсерами. И не случайно этот съезд упоминался в ленинской резолюции ЦК о восстании.

С питерцами и финляндцами Владимир Ильич обговорил все заранее. 7 октября, когда вопрос о созыве заседания ЦК еще не был решен, при открытии Петроградской городской конференции Иван Рахья прямо заявил, что, вполне вероятно, именно Северный областной Съезд положит начало выступлению и «значение его будет чрезвычайное, возможно, что даже перерастет значение Всероссийского съезда Советов».

8 октября, до письма Ленина делегатам съезда, «Рабочий путь» опубликовал статью Ивара Смилги: «Этому съезду, — говорилось в статье, — по всей видимости, придется сыграть крупную роль в политической жизни страны... Совершенно очевидно, что если мы пассивно будем ожидать двадцатое число, то никакого [Всероссийского] съезда не будет... Мы не должны дать захватить себя врасплох. Дело идет к развязке» и Временному правительству осталось лишь «несколько дней», ибо революция «делает шаг вперед и власть переходит в руки Советов».

Боевое настроение было и у делегатов после того, как Александра Коллонтай сообщила им решение ЦК о восстании. Секретарь съезда Борис Бреслав вспоминал: «Сначала многие его участники, особенно большевики, полагали, что он станет центром восстания и возьмет на себя инициативу выступления в деле захвата власти в стране, не дожидаясь созыва Всероссийского съезда Советов». Утром 11-го на большевистской фракции съезда зачитали письмо Ленина делегатам от 8 октября. Член ЦК Григорий Сокольников пояснял: «Настал момент, когда нам нужно вступить в бой за завоевание Советами власти в стране. Создастся даже опасность пропустить удобный момент для восстания... Возможно, что Съезду придется сыграть роль организации, начинающей восстание». А когда представители латышских полков и Балтфлота заявили, что передают себя в распоряжение съезда, боевое настроение еще более возросло¹.

Мысль Смилги о том, что нельзя «дать застать себя врасплох», 11 октября звучала особенно актуально. Утром в «Новом времени» появилась анонимная статья, требовавшая полной реабилитации Корнилова и обстоятельно излагавшая его программу «умиротворения», а точнее — усмирения России, «водворения порядка и поддержания независимой сильной власти». Обстоятельства, связанные с написанием этой статьи,

¹ Бреслав Б.А. Канун Октября 1917 г. М., 1934. С. 20, 21; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 236.

освещены в уже упоминавшейся книге Василия Поликарпова. Но и без этой закулисной стороны дела даже самому неверующему становилось очевидным, что готовится, как выразился Ленин, корниловщина «второго призыва»¹.

Пока развитие революции и контрреволюции, как рельсы двухколейного железнодорожного полотна, шли параллельными путями. 28 сентября, накануне отъезда Ленина из Выборга, в Быхов — место «изоляции» Лавра Корнилова — доставили Деникина и других генералов, арестованных после августовского путча. Отсюда и исходила опубликованная «программа Корнилова». Здесь они приступили к разработке дальнейшей тактики борьбы. Так что параллельные пути обязательно должны были пересечься. И «стрелка» приближалась буквально с каждым днем.

Поликарпов приводит многочисленные телеграммы, исходившие в эти дни из военного министерства и Ставки. Генерал для поручений при главкомверхе генерал-майор Б.А. Левицкий бомбил телеграммами штабы фронтов и армий, требуя надежных частей, «чтобы их можно было экстренно вызвать в Петроград в кратчайший срок». От имени Керенского он настаивал: «Терять не надо ни одного дня». Ударный кулак против Питера предполагалось создать в районе Великих Лук. И уже 10 октября 17-й корпус Румынского фронта начал движение к району сосредоточения².

Итак, момент схватки близился. И именно в это время, 11 октября ЦИК, обсудив информацию о готовящемся выступлении большевиков, «единодушно осудил» его и принял постановление, объявлявшее Северный областной съезд «не полномочным съездом», а сугубо «частным совещанием». 12-го на самом съезде Каменев и Зиновьев раздают делегатам копии своего письма в ЦК. И тут же обстоятельно комментируют его³.

Дело в том, что письмо, поданное Каменевым и Зиновьевым в ЦК 11 октября, предназначалось не только и даже не столько для восполнения пробелов протокольной записи. Нет. Они, как до этого Ленин, обратились по тем же адресам: в Петроградский, Московский, Московский областной, Финляндский комитеты партии, в большевистские фракции ЦИК, Петросовета и Северного областного съезда Советов.

На шести машинописных страницах они препарировали доводы Ленина за выступление, отвергая все его аргументы. Они не винят Владимира Ильича в том, что он проявляет нетерпение. Нет, они признают,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 389, 406; Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 276–283, 303–309.

² Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 306, 309.

³ Рабинович А. Большевики приходят к власти. С. 239, 241, 371; Новая жизнь. 1917. 14 октября.

буя, как минимум, еще две недели, стали «обливать холодной водой всех тех пылких товарищей, которые рвались в бой, не имея представления о всех трудностях выступления»¹.

На Северном областном съезде первыми колебнулись левые эсеры. Вместе с правыми эсерами и меньшевиками они располагали 35 мандатами. Для блокирования большевистских резолюций им надо было добрать лишь десятков голосов. И колебания среди самих большевиков были для них как нельзя кстати. Напирая на то, что ЦИК может не только отсрочить, но и вообще отменить созыв Всероссийского съезда Советов, они добились постепенного перемещения дискуссии с проблем *восстания* на вопрос о «*гарантиях*» созыва Всероссийского съезда. Тон выступлений стал меняться. И резолюция, принятая при закрытии съезда 13 октября, отразила куда более умеренные настроения, нежели те, которые проявились в первый день его работы.

Александр Шотман, участвовавший в Северном областном съезде и прочих конференциях и собраниях, проходивших в это время, вспоминал: «Хорошо помню, что все споры на них вертелись вокруг вопроса: захватить ли власть *немедленно* или отловить до созыва II съезда Советов, который должен был собраться недели через две. В принципе все... высказались за взятие государственной власти в ближайшее время. Против этого не раздалось ни одного голоса. Против же захвата власти *немедленно* высказывалось большинство выступавших делегатов»².

Выше уже отмечалось, что в гигантском водовороте революционных событий существовал свой первый план — та политическая арена, где в данный момент вершились судьбы страны. Но был и второй, третий план. И революционная волна, пробивая себе дорогу, в любой момент могла неожиданно поменять их местами, выдвинув на авансцену события, вчера еще казавшиеся второстепенными. Именно так и произошло с созданием «Комитета по обороне Петрограда» 9 октября.

11 октября работавший в военном отделе Петросовета левый эсер Павел Лазимир — в развитие решения от 9 октября — с помощью членов коллегии этого отдела большевиков Константина Мехоношина и Александра Садовского подготовил проект постановления о составе и организации «Революционного штаба». Как и в предшествующем решении, проект предусматривал меры по повышению боеспособности гарнизона и защите столицы от возможного наступления немцев, а также от «контрреволюционных покушений изнутри», в том числе от погромов.

¹ Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 238.

² Последнее подполье Ильича. М., 1934. С. 72.

В состав штаба вводились представители президиума Петросовета, Центрофлота, железнодорожного союза, Областкома Финляндии и рабочей милиции. Предполагались и тесные контакты со штабом ПВО и комиссарами фронтов. Одновременно при «штабе по обороне» должно было функционировать постоянное Гарнизонное собрание, куда вводились делегаты столичных частей. Таким образом, создавалась вполне легальная структура, которая могла сосредоточить в своих руках если и не весь военный потенциал Петрограда, то, во всяком случае, его «революционно-повстанческую часть».

Большевики из военного отдела сразу же уловили эту *возможность* и, как пишет Троцкий, «об этом решении мною лично было сообщено т. Ленину». О встрече Троцкого с Лениным у Кокко упоминает и Эйно Рахья¹. Уже 12 октября проект был вынесен на заседание исполкома, где наименование «Революционный штаб по обороне...» заменили на Военно-революционный комитет при Петросовете, а также расширили представительство в нем за счет военного отдела ЦИК, фабзавкомов, профсоюзов и военных организаций различных партий.

На следующий день проект должны были обсудить на солдатской секции. Но уже 12 октября на еще не закончившемся съезде Советов Северной области Михаил Лашевич сказал, что Петросовет формирует «солдатский революционный комитет, в руках которого в ближайшее время фактически будет сосредоточена возможность распоряжаться вооруженной солдатской силой частей всего гарнизона. По такому же типу рекомендуем и другим...». А по докладу Антонова-Овсеенко съезд принял резолюцию, предлагавшую «местным Советам, следуя примеру Петроградского Совета, создать военно-революционные комитеты для организации военной защиты революции».

Оставалась самая малость: провести проект о создании ВРК через Петросовет. 13-го с соответствующим докладом на солдатской секции выступил Павел Евгеньевич Лазимир. Несмотря на пестроту представительства в ВРК, его связь и с ЦИК и с штабом ПВО, которую предусматривал проект, меньшевики и эсеры, почувствовав опасность, попытались снять вопрос с повестки дня. Но 283 голосами против одного и 23 воздержавшихся проект положения о ВРК был принят².

Ленин ждал этого решения. Утром 14-го к нему пришел Осип Пятницкий. Еще с «искровских» времен Владимир Ильич абсолютно доверял ему. Поэтому, в порядке исключения, Крупская дала Пятницкому адрес Фофановой. И когда он пришел, Ленин сразу же попросил у него

¹ Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 53, 54; РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 1673, л. 33.

² Источниковедение истории советского общества. Вып. 2. М., 1968. С. 43, 44; Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964. С. 146, 175, 176.

утреннюю газету. В «Известиях» был напечатан отчет о заседании солдатской секции и, прочитав его, Владимир Ильич чрезвычайно обрадовался.

Они разговорились. Пятницкий объяснял, почему он стоит за отсрочку восстания в Москве. Солдаты, голосующие за большевиков, не всегда являются реальной боевой силой. Московский гарнизон не боеспособен и плохо вооружен. А вот юнкера и офицеры, которых полно в Москве, вооружены до зубов и воевать обучены. Иными словами, все упирается в недостаточную военно-техническую подготовку¹.

В этот же день, 14 октября, на квартире машиниста Гуго Ялавы в Ломанском переулке Ленин встречается с руководителями Военной организации при ЦК партии — Подвойским, Невским и Антоновым-Овсеенко. Дата этой встречи и содержание разговора были запутаны до предела многочисленными вариантами их воспоминаний, где события, наслаиваясь друг на друга, утрачивали точные хронологические приметы. Блестящий анализ указанных мемуаров, проделанный Е.Д. Ореховой и А.С. Покровским, привел к дате: между 13 и 16 октября. Причем наиболее достоверными в этом смысле оказались воспоминания 1918 и 1919 годов В.А. Антонова-Овсеенко.

Владимир Александрович писал, что сразу «после собеседования с т. Лениным... я съездил на Северный фронт, был в Валках... присутствовал на латышской партийной конференции». В Валках он выступал 16-го. До этого встречался с латышскими большевиками, представителями солдатских комитетов. Так что 15-го в Питере его уже не было. А вот 13-го он присутствовал на Северном областном съезде. На встрече с Лениным остается лишь 14 октября, что и зафиксировано в Биохронике, хотя и с путаницей относительно участников этой беседы².

«На условный стук нам сразу открыли, — рассказывает Антонов-Овсеенко. — Хозяин квартиры, приземистый пожилой рабочий, легко признал моих спутников.— “Входите, Ильич сейчас будет”. — Ждали недолго. Ну кто бы его узнал... Перед нами стоял седенький, в очках, довольно бодренький старичок добродушного вида, не то учитель, не то музыкант, а может быть букинист. Ильич снял парик, очки и, искрящимся обычным юмором взглядом, окинул нас.— “Ну, что нового?” — Новости наши не согласовывались».

В разговоре о подготовке восстания «Подвойский выражал сомнения, Невский то вторил ему, то впадал в уверенный тон Ильича... Уверенность и твердость Ильича укрепляюще действуют на меня и подбад-

¹ Ленин в 1917 году. Воспоминания. М., 1967. С. 163, 164; Источниковедение истории советского общества. Вып. 2. М., 1968. С. 45.

² Биографическая хроника В.И. Ленина. Т. 4. С. 386; Источниковедение истории советского общества. М., 1968. Вып. 2. С. 687, 690..

ривают т. Невского, но Подвойский упрямствует в своих сомнениях». В конечном счете он формулирует: «Целесообразно было бы восстание несколько отложить, дней так на десять».

Руководители «военки» были убеждены, что вся подготовка восстания должна быть сосредоточена в их руках. И когда Ленин спросил Подвойского, как он мыслит себе работу создающегося Военно-революционного комитета, Николай Ильич уверенно ответил, что ВРК может стать «расширенным Бюро военных организаций при ЦК нашей партии».

«Вот это и неправильно, — сказал Владимир Ильич. — Ни в коем случае не Бюро, а такой полномочнейший, но беспартийный орган восстания, который связан с самыми широкими слоями рабочих и солдат». В ранних воспоминаниях, опубликованных в «Известиях» 6 ноября 1918 года, Подвойский написал, что Ленин предложил «организовать ВРК из представителей Военной организации партии, солдатской секции Петросовета и военной организации левых эсеров»¹.

Когда после беседы Невский, Подвойский и Антонов-Овсенко вышли на улицу, у самых ворот они заметили какого-то высокого незнакомца с велосипедом. «Шпик?!» — мелькнуло у них в головах. Невский вернулся в дом предупредить, а Подвойский и Антонов-Овсенко, сжимая в карманах револьверы, стали по обе стороны улицы. Велосипедист уехал, и «через 2 минуты Ильич, снова неузнаваемый, направился в другое логово»².

Ощущение от состоявшейся беседы у Владимира Ильича было, видимо, достаточно сложным. Складывалось впечатление, особенно после появления в организациях письма Каменева и Зиновьева, что решение ЦК от 10 октября воспринимается лишь как курс на восстание, а не как задача ближайших дней. Мысль эту довольно благодушно сформулировал Михаил Калинин: «Резолюция ЦК — это одна из лучших резолюций, которые когда-либо ЦК выносил... Мы практически уперлись, подошли к вооруженному восстанию. Но когда это восстание будет возможно — может быть через год, — неизвестно»³.

Между тем об угрозе вооруженного выступления буржуазная пресса упоминала с самого начала октября. Теперь об этом открыто заговорили даже левые эсеры. 13 октября в «Знамени труда» Сергей Мстиславский, повторяя аргументы Каменева и Зиновьева, прямо заявил: «Выступление рабочих и солдатских масс в данный момент было бы злейшим преступлением... Те, кто призывает массы к выступлению “для захвата власти”, — лгут: их призыв есть призыв не к победе народной воли, но к ее самоубийству».

¹ Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 124, 125; Подвойский Н.И. Год 1917. М., 1958. С. 95–98; Коммунист. 1957. № 1. С. 37.

² Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 125.

³ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году... С. 316.

На следующий день в «обсуждение» вопроса о восстании включилась либеральная, правая и бульварная пресса. «Газета-копейка» сообщила 14 октября, что «в революционно-демократических кругах имеются определенные сведения, что большевики деятельно готовятся к выступлению на 20 октября». Утром 14-го «Биржевые ведомости» предостерегали: «Большевики все определеннее и решительнее говорят о близком выступлении масс... Все [это] приемлется властью и государственной демократией спокойно и без противодействия... Этот момент... правительство должно использовать для твердых проявлений обороны революционного Петрограда от анархии»¹.

Все это было лишь отзвуком тех дебатов, которые происходили на Втором совещании общественных деятелей в Москве 12–14 октября. После докладов князя Евгения Николаевича Трубецкого об укреплении государственной власти и профессора Александра Алексеевича Кизеветтера о борьбе с большевизмом совещание потребовало объявить местности, «охваченные анархией», на военном положении и «силой оружия» восстановить порядок, «нарушаемый буйством черни».

Еще решительней был настроен X съезд кадетской партии, проведенный 14–16 октября. «Для нас было ясно, — писал позднее Владимир Андреевич Оболенский, — что никакая новая говорильня не может укрепить власть в такой момент, когда не общественное мнение, а одна только физическая сила приобретает решающее значение». Поэтому, вполне логично, съезд открыто признал Корнилова «подлинным патриотом Родины и верным сыном народа», вновь подтвердил необходимость ведения войны до победного конца и потребовал от правительства применения силовых мер на фронте и в тылу. Товарищ председателя Петроградского военного комитета профессор В.Г. Коренчевский доложил, что партия располагает почти шестьюстами ячейками в военных частях фронта и тыла. И под ее руководством земства и городские думы формируют надежные добровольческие отряды, что вполне увязывалось с работой Ставки по созданию «ударных батальонов смерти» на фронте².

Учить правительство не было необходимости. Керенский безвылазно сидел в Ставке в поисках «надежных частей» для отпора большевикам. А вечером 13 октября состоялось частное совещание членов правительства, специально обсудившее данный вопрос. Сошлись на том, что если выступление произойдет, необходимо беспощадно подавить его, «не останавливаясь ни перед какими мерами, вплоть до вооруженной силы». А один из министров, в тот же вечер давший анонимное интервью «Бир-

¹ Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 242.

² Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 217, 218.

жевым ведомостям», заявил: «Если большевики выступят, мы вскроем нарыв хирургически и удалим его раз и навсегда»¹. И уже на следующий день полки столичного гарнизона получили телеграммы, приказывавшие немедленно направить делегатов в штаб Северного фронта в Псков для информации о порядке их переброски из Питера на позиции.

Большевики действительно теряли время. Понимание этого более всего беспокоило и Ленина и партийный актив. 15 октября ПК и представители районов вновь собрались на закрытое заседание. О «текущем моменте» говорил Бубнов: «Мы приближаемся к развязке. Кризис уже назрел, и события начинают разворачиваться... Народные массы начинают набрасываться на всех и на все... Чтобы эту стихию организовать, чтобы спасти революцию, надо нам взять власть... Взятие власти в свои руки может нам дать средство вывести и революцию и страну *на творческую работу*». Если же «мы власти не возьмем, тогда *стихийная волна перехлестнет через наши головы*».

Его оппонентом стал Владимир Невский: «Может ли ЦК сказать, что нас поддержит вся Россия? Все мы прекрасно понимаем, что назрел момент вооруженного выступления. Но готовы ли мы?.. Уверенности в этом нет ни у Военной организации, ни у ЦК». Настроение в районах столицы, как выяснилось, было достаточно пестрым. В одних, как рассказала Ольга Равич, оно было «бесшабашным». И по ее мнению, «массы выйдут по призыву Совета...». В других районах картина была менее оптимистичная.

Сошлись на том, что там, «где наше влияние сильно, там настроение бодрое, выжидательное». А вот в тех местах, где работаем плохо, — «там настроение сильно пало», особенно в связи «с расчетами из-за эвакуации заводов». И от безделья даже в Кронштадте «пьянство большое наблюдается даже среди наших товарищей». Отметили и другое: «...Энергично работают анархисты, так что рабочую массу трудно удержать в организационных рамках».

А когда Бокий огласил резолюцию ЦК о восстании, а затем зачитал письмо Каменева и Зиновьева, стало очевидным, что разброд в руководящем звене партии, хотя и отражает определенные колебания в низах, с другой стороны — лишь усиливает сумятицу. И это при том, что до созыва Съезда Советов оставалось лишь 4 дня². Значит, надо было кончать с разговорами и спорами о восстании и опять собирать Центральный Комитет. Но не его узкий состав, а то самое широкое совещание с партийным активом, на котором все это время настаивал Ленин.

¹ Новая жизнь. 1917. 14 октября.

² Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 году. Сборник материалов и протоколов заседаний ПК РСДРП(б). М.; А., 1927. С. 308, 309, 311, 313, 314.

Шотман рассказывает, что организацию такого совещания ему поручил Свердлов. Александр Васильевич уговорил Калинина предоставить помещение районной думы в Лесном. А затем он и Иван Рахья пришли в ЦК, где постоянно толпились люди, затащили Свердлова в какую-то комнатенку и заперлись изнутри. «Тут втроем, — пишет Шотман, — мы и составили список, который затем тов. Сталин дополнил двумя-тремя товарищами». Сбор назначили на семь вечера 16 октября.

Виталий Старцев выдвинул версию, согласно которой заседание ЦК проходило не 16-го, а 15-го, благо это воскресенье и помещение Лесновско-Удельнинской думы было свободным. Закончилось же оно под утро 16-го, отсюда, мол, и дата протокола. Версия эта, однако, не подтверждается. Сотрудница думы Екатерина Алексеевна Алексеева принимала участие в организации данного заседания. Она подробно рассказывает, как прошел рабочий день 16-го, как в 4 часа стали выпроваживать посетителей и сотрудников, как готовили большую комнату культмассового сектора. В шестом часу пошел дождь. В седьмом — стали собираться¹.

Около семи в условленное место на угол Муринского проспекта Рахья привел Ленина, а Шотман Зиновьева. Двинулись к Лесному. Не доходя до думы, свернули в переулок и решили выждать. Дождь и холодный ветер усиливались. Эйнэ рассказал потом, что когда они вышли от Фофановой и пересекали улицу, порыв ветра сорвал с Владимира Ильича кепку вместе с париком. Пришлось ему в темноте, наспех обтерев платком парик от грязи, снова водружать его на голову и поглубже натягивать кепку. Все посмеялись над этим эпизодом и больше всех сам Ленин.

Шотман пошел в думу — там собралось человек пять-шесть. Потом пошел Рахья... Затем опять Шотман... И вновь Рахья. Прошло около часа. «Владимир Ильич весьма крепко ругался по поводу неаккуратности ответственных товарищей», — вспоминал Александр Васильевич. Наконец, когда собралось человек двадцать, через черный ход поднялись на второй этаж. Мокрый парик Ленин снял и, когда вошел в комнату, его сразу узнали, «все наперебой бросились пожимать ему руку... Владимир Ильич весело улыбался, шутил и, наконец, предложил открыть собрание». Все ждали, как пишет Шотман, доклада «по текущему моменту»².

Ситуация была предельно ясна. Есть резолюция ЦК от 10 октября... И есть письмо Каменева и Зиновьева, фактически предлагавшее эту резолюцию отменить. Поэтому свое выступление Владимир Ильич предложил не как доклад «о текущем моменте», а как «доклад о прошлом собрании ЦК». На этом веселье и шутки кончились. «Водворилась тишина, — рассказывает Шотман. — Владимир Ильич уселся в конце комнаты

¹ Старцев В.И. От Разлива до Смольного... М., 1977. С. 150; Петроград в дни Великого Октября. Воспоминания участников. Л., 1967. С. 273–277.

² Последнее подполье Ильича. М., 1934. С. 74, 75.

на табуретке, вынул из кармана написанные мелким почерком листочки, по привычке поднял руку, чтобы пригладить парик, и, спохватившись, улыбнулся». Председательствовавший Свердлов предоставил ему слово...

Протокол заседания, который на сей раз вела Стасова, и в данном случае был слишком краток: «Тов. Ленин оглашает резолюцию, принятую ЦК на предыдущем заседании. Сообщает, что резолюция была принята против двух голосов. Если возражавшие товарищи пожелают высказаться, то можно развернуть прения, пока же мотивирует эту резолюцию».

Он анализирует международное положение, ситуацию на фронте, итоги выборов в Питере и Москве, поведение соглашателей, консолидацию контрреволюционных сил... Его вывод: «Положение ясное: либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства... Массы дали доверие большевикам и требуют от них не слов, а дел, решительной политики и в борьбе с войной и в борьбе с разрухой... На очереди то вооруженное восстание, о котором говорится в резолюции ЦК»¹.

«Говорил Владимир Ильич, — пишет Шотман, — сначала как-то сдержанно, спокойно, затем, понемногу оживляясь, продолжал в обычном для него духе, пуская время от времени остроты, иногда больно ударяя по инакомыслящим товарищам... Временами он вставал и, заложив за вырез жилета большой палец, ходил взад и вперед, изредка останавливаясь при особенно ударных местах речи»².

Далее Свердлов информирует о положении на местах и о том, что «рост партии достиг гигантских размеров». Он полагает, что она насчитывает около 400 тысяч человек. Позднейшие исследования показали, что цифра эта несколько завышена. В большевистских рядах в октябре находилось около 350 тысяч, то есть за восемь месяцев 1917 года она выросла почти в 15 раз.

Около 70 тысяч партийцев работали в Москве и 14 губерниях Центрального промышленного района. Около 60 тысяч — в Петрограде и губернии. Столько же на Украине, в Молдавии, на Юго-Западном, Румынском фронтах и Черноморском флоте. 35 тысяч — на Урале. Около 30 тысяч — в Белоруссии и на Западном фронте. Примерно столько же в Прибалтике, на Северном фронте, русских войсках в Финляндии и Балтийском флоте. 20 тысяч — в Поволжье. Столько же — в Донской области, на Кавказе и Кавказском фронте. Около 15 тысяч в Сибири и на Дальнем Востоке.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 394, 395.

² Последнее подполье Ильича. М., 1934. С. 75.

По социальному положению, как и до революции, большинство в партии составляли рабочие — 56,9%. Интеллигенты и служащие — 22,4%. Крестьяне — 14,5%. «Прочих» — 6,2%. Как писала 25 октября совсем не дружественная «Новая жизнь», «Ядро большевистской партии составляет *цвет российского рабочего класса, самая сознательная, организованная, самая стойкая и творчески одаренная его часть*»¹.

Свердлов приводит также доказательства огромного роста влияния партии в Советах, армии и на флоте, где вместе с левыми эсерами они составляют абсолютное большинство. Факты, приведенные им, в протоколе не зафиксированы. Но они известны.

На съезде Советов Северной области (11–13 октября) большевики составляли 54%, левые эсеры — 26%. На II съезде Советов Эстонского края (12–14 октября) большевики — 70%, левые эсеры — 26%. На съезде Советов Северного Кавказа (12–15 октября) большевики 29%, левые эсеры — 29%. На III областном съезде Советов Поволжья (15–16 октября) — соответственно 48 и 19%. На I Общесибирском съезде Советов (16–24 октября) — 35 и 19².

Состав участников заседания 16 октября был достаточно репрезентативен. Петроградскую организацию представляли Г.И. Бокий, М.И. Лацис, С.Н. Равич, И.А. Рахья, Я.Г. Фенигштейн и А.В. Шотман. Петроградскую окружную — С.Ф. Степанов. Военную организацию при ЦК — Н.В. Крыленко. Большевистскую фракцию Петросовета — В.М. Володарский, С.Н. Скалов, а городской думы — М.И. Калинин. Центральный совет профсоюзов — В.В. Шмидт, союз металлистов — А.Г. Шляпников, железнодорожников — И.М. Москвин. Центральный совет фабзавкомов — Н.А. Скрышник. Если учесть, что Ногин и Сокольников входили в руководство московской и московской областной организаций, а Милютин — саратовской, то станет очевидным, что это заседание вполне выражало общественное мнение партии.

Глеб Бокий, выступивший первым после Свердлова, рассказал о заседании ПК 15 октября. При всем различии положения в разных районах «настроение круто повернулось в нашу пользу». И если к выступлению призовет не только партия, но и Совет — все выйдут. Володарский подтверждает: «На улице никто не рвется, но по призыву Совета все явятся». Ольга Равич дополняет: «Некоторые указали, что и по призыву партии».

От Военной организации выступает Крыленко. У них в бюро — «резкое расхождение в оценке настроения». Большинство считает, что у солдат «настроение падает». Поэтому «для выступления нужно, чтобы их что-нибудь решительно задело, а именно: вывод войск... Но меньшинст-

¹ История КПСС. Т. 3. Кн. 1. М., 1967. С. 134–137.

² Там же. С. 262.

во [бюро] думает, что можно взять на себя инициативу». Представитель петроградской окружной организации Степанов отмечает, что у них, в отличие от рабочих, которые вооружаются и готовятся к выступлению, в некоторых гарнизонах «настроение угнетенное, но большевистское влияние очень сильно».

О настроениях в петроградских профсоюзах информировал Василий Шмидт. В массовых союзах «влияние нашей партии преобладающее». Даже у железнодорожников, где верховодят соглашатели, «питерский и московский узлы ближе к большевикам». У почтовиков и телеграфистов — «низшие служащие по существу большевики, но высшие служащие нет...». Главный сдерживающий фактор — боязнь увольнений и безработицы. Но «все признают, что вне борьбы за власть нет выхода из положения».

Шляпников соглашается, что «настроение и по России у металлистов преобладает большевистское... Но сознания возможности самим организовать производство нет». Вероятно, поэтому слухи о сугубо большевистском выступлении кое-где «вызвали даже панику». От Центрального совета фабзавкомов возражает Николай Скрипник: «Чувствуется, что руководители не вполне выражают настроение масс; первые более консервативные...» Главное же — «повсюду замечается тяга к практическим результатам; резолюции уже не удовлетворяют».

Ленин предполагал, что после этого обмена мнениями будет обсуждаться вопрос о практических выводах из резолюции ЦК 10 октября. Однако само ее существо поставил под сомнение Владимир Павлович Милютин, предложивший свой контрдоклад «О текущем моменте».

Он соглашался с Лениным, что «лозунг “Вся власть Советам” уже вполне назрел, особенно в провинции, где местами власть фактически в руках Советов». Он соглашался и с тем, что «нужны дела, а не слова» и вопрос о власти «решается не настроениями, не бюллетенями, а организованными силами». Но при всем этом выступление может произойти двояким путем: либо инициативу проявят большевики и «мы делаем первый шаг. Либо этот шаг будет сделан нашими врагами».

Первый вариант неприемлем: «Мы не готовы для нанесения первого удара. Низложить, арестовать в ближайшие дни власть мы не можем». Гораздо предпочтительней, полагал Милютин, второй вариант: ждать, когда первый шаг сделает противник. Тогда это будет лишь оборонительное столкновение. «...Возможность его приближается. И к этому столкновению мы должны быть готовы. Но эта перспектива отлична от восстания». В этом направлении Милютин и предлагал «развернуть резолюцию».

После него слово взял Шотман. «Я вновь и вновь доказывал, — пишет он, — что технически мы совсем не подготовлены, что у нас “в случае чего” не будет даже телефонной связи или хотя бы лошадей. Все это

надо и можно подготовить... Но взять власть *немедленно*... совершенно невозможно, мы провалимся! ...Спросите военную организацию, она вам скажет, готова ли она. Конечно нет!» Протокол более лаконичен: «Тов. Шотман... доказывает, что мы не можем выступать, но должны готовиться».

Ленин сразу оценил сложность возникшей ситуации. На заседании присутствовало 10 членов ЦК. Из десяти цекистов, голосовавших 10 октября за ленинскую резолюцию, отсутствовали пятеро: Троцкий, Урицкий, Бубнов, Ломов, Коллонтай. А среди тех, кто пришел на заседание 16-го, по меньшей мере трое — Милютин, Ногин, Рыков — вполне могли поддержать Каменева и Зиновьева. Исход голосования во многом зависел от того, какую позицию займут 15 приглашенных товарищей. И выступление Шотмана было в этом смысле достаточно тревожным сигналом.

Владимир Ильич вновь взял слово. Оба оппонента, сказал он, рассматривают вопрос о готовности к выступлению с точки зрения противостояния массы и вооруженных сил. Между тем «дело не идет о борьбе с войском, но о борьбе одной части войска с другой». При этом «факты доказывают, что мы имеем перевес над неприятелем». Досталось, по старой дружбе, и Шотману. «Весьма остроумно, — пишет Александр Васильевич, — он проехался насчет “лошадиной связи”, доказывая, что если с моим методом подходить к революции, то нужна не неделя, а годы...» Что же касается предложения Милютина, то не надо вводить в заблуждение собравшихся: речь идет не о корректировке, а о попытке «отбросить резолюцию ЦК»¹.

Впервые после трех месяцев «подполья» Владимир Ильич выступал перед аудиторией партийцев, насчитывавшей около трех десятков человек. Видимо, это тоже давало дополнительный заряд. Во всяком случае, Шотман, много раз слушавший Ленина, отметил, что его выступления на этом заседании были, пожалуй, лучшими из всех, которые он слышал за 20 лет знакомства. Эйн Рахья подтверждает: «У некоторых были тоже колебания, как у Зиновьева и Каменева, но после второй речи Владимира Ильича чувствовалось, что эти колебания сходят»².

Против пересмотра решения ЦК выступил Крыленко. Да, разногласия у них в Бюро, упомянутые Шотманом, есть. Но спад настроений, о котором здесь говорилось, «является результатом наших ошибок». И все Бюро единодушно «именно в том, что вода достаточно вскипела...» Однако определять сейчас момент восстания, как полагает Ленин, нецелесообразно. «Вопрос о выводе войск есть именно тот боевой момент,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 396.

² Последнее подполье Ильича. М., 1934. С. 76; РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 1673.

на котором произойдет бой... Факт наступления на нас уже имеется... И беспокоиться о том, кому начинать, — ответил он Милютину, — не приходится, ибо начало уже есть».

Иван Рахья был более категоричен: «Если бы питерский пролетариат был вооружен, он был бы уже на улицах вопреки всяким постановлениям ЦК... Наступления контрреволюции ждать не приходится, ибо оно уже есть... По-видимому, уже наш лозунг стал запаздывать, ибо есть сомнение, будем ли мы делать то, к чему зовем».

Чтобы понять остроту дискуссии, необходимо напомнить, что на заседании 10 октября — без занесения в протокол — было договорено начать выступление *до открытия* Съезда Советов, намеченного на 20 октября. Об этом не раз упоминалось и на заседании 16-го: «говорили, что выступление, — записано в протоколе, — должно быть до 20-го...» Значит, если следовать «букве» этой неписаной договоренности, оставалось лишь три дня¹.

За это и ухватился Зиновьев: «Нужно пересмотреть резолюцию ЦК, если это возможно. Мы должны сказать себе прямо, что в ближайшие 5 дней мы не устраиваем восстания». Но вопрос о дате стал для него лишь поводом для отказа от восстания вообще. Надо ждать Учредительного собрания — вот главный мотив его выступления. «Не исключена возможность, что мы там будем с левыми эсерами в большинстве». А за это время ничего особенного не произойдет, и «мы не имеем права рисковать, ставить на карту все».

В дискуссию включился Каменев. Он пришел на заседание с большим опозданием, так как с 7 часов вечера председательствовал на пленарном собрании Петросовета. Эйн Рахья отметил, что главные оппоненты Ленина «сильно волновались оба. Каменев меньше, а Зиновьев очень сильно волновался». И поскольку Лев Борисович был более спокоен, он сразу ухватил, что предложение об отказе от выступления здесь не пройдет. А вот на вопрос о моменте восстания действительно можно получить поддержку. «С принятия резолюции, — сказал Каменев, — прошла неделя... За эту неделю ничего не было сделано... Недельные результаты говорят за то, что данных за восстание теперь нет... Социально говоря, кризис назрел, но нет никаких доказательств, что мы должны дать бой до 20-го. Вопрос не стоит так: или сейчас, или никогда...»²

Маневр оказался эффективным. Принципиальную позицию Каменева и Зиновьева отвергли буквально все выступавшие. «То, что предлагают Каменев и Зиновьев, это объективно приводит к возможности

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 103.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 99; РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 1673, л. 107.

контрреволюции сорганизоваться; мы без конца будем отступать и проиграем всю революцию», — сказал Сталин. «Не нужно сходить на путь парламентской борьбы, это было бы неправильно. Ждать, пока нападут, тоже не следует, ибо сам факт наступления дает шансы победе», — говорил Калинин. «Отмена резолюции была бы отменой всех наших лозунгов и всей нашей политики. Массы именно уже усвоили себе взгляд, что восстание неизбежно», — заявила Равич.

Мало того, Володарский прямо сказал: «Если бы не было в ЦК течения, которое хочет классовую борьбу свести к парламентской, то мы были бы готовы теперь к восстанию...» Скрыпник сформулировал еще резче: «Все доводы, которые здесь приводились, — только отсрочка... Здесь повторяют то, что говорили меньшевики и эсеры, когда им предлагали брать власть. Теперь мы слишком много говорим, когда надо действовать. Массы с нас спрашивают и считают, что если мы им ничего не даем, то мы совершаем преступление».

Так что попытка «отбросить» резолюцию ЦК от 10 октября — не удалась. Но как только заходил разговор о сроках, сразу начиналась разногласица: за восстание, «но не в данный момент» (Володарский); резолюция ЦК — «не значит завтра выступать» (Калинин); «по поводу резолюции совершенно напрасно толковали так, что резолюция — приказ выступать» (Сокольников, Иоффе) и т. д. Это и дало повод Милютину заметить: «Резолюция была написана иначе, чем ее толковали теперь; ее так толкуют, что вопрос идет о курсе на восстание... Насчет курса никто не спорит»¹.

Оценив ситуацию, Зиновьев и Каменев идут «ва-банк» и предлагают резолюцию. В ней нет ни слова об Учредительном собрании, о тактике выжидания, угрозе поражения. Они признают, что «восстание неизбежно», что надо продолжать «подготовительные шаги». Они хотят якобы только одного — отсрочки. И даже не на 5 дней, о которых говорил Зиновьев до этого, а лишь на три дня — до совещания с делегатами Съезда Советов.

В ходе прений Сталин говорил о том, что выбор момента выступления должен быть прежде всего «целесообразен» и надо дать возможность «выбора дня и условий...». Иоффе толковал о том, что необходимо «воспользоваться первым подходящим случаем...». И тогда Ленин, дабы заблокировать ход оппонентов, предлагает «предоставить ЦК и Совету решить, когда»².

Тут же он вносит свой проект резолюции: «Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все органи-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917— февраль 1918. М., 1958. С. 100, 101, 102.

² Там же. С. 100, 102, 103.

зации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет не пропустят случая для указания правильного момента и целесообразных способов наступления».

Проект принимается за основу 20 голосами против двух и трех воздержавшихся. При обсуждении проекта слова: «не пропустят случая для указания правильного момента...» заменяются более точными: «ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент...» И в окончательном виде за резолюцию голосует 19 человек против двух и четырех воздержавшихся.

На голосование ставится резолюция Зиновьева. За — 6, против — 15, воздержались — 3. Из шести голосовавших «за», как минимум, трое — члены ЦК. Помимо Каменева и Зиновьева, это наверняка Милютин. «За», видимо, мог проголосовать и Володарский, настаивавший на принятии резолюции Зиновьева в качестве поправки к ленинскому проекту¹.

Вопрос о числе участников этого совещания считался ранее вполне очевидным. В прениях выступило 24 человека. Поскольку заседание затянулось далеко за полночь, а многие из собравшихся пришли после работы, «некоторые товарищи, — как пишет Шотман, — разойдясь по другим комнатам и растянувшись кто на столе, кто просто на полу, сладко похрапывали». Выходили из комнаты заседания и заядлые курильщики. Но и Шотман и Эйно Рахья решительно утверждают, что на голосование собрали всех².

После обсуждения проекта ленинской резолюции было подано 25 голосов, а после зиновьевской — 24. Разницу в один голос, возможно, дала секретарь ЦК Стасова, которая — в отличие от Варвары Яковлевой, не голосовавшей на заседании 10 октября — вполне могла и имела право вотировать ленинский проект. Так что вероятная численность данного собрания — 25 человек.

Однако в 1997 году Наталья Мушиц опубликовала фотокопию заметок Свердлова на заседании ЦК 16 октября. Яков Михайлович попытался расписать — какие организации представляет каждый из участников собрания. В особый столбец он выделил тех, кто «не выступал». Вот этот список: «Глебов-Авилов (от проф. союз или ф-завком). Бубнов. Урицкий? Ногин. Рыков. Троцкий??» Пересчитав *все* фамилии, Наталья Викторвна пришла к выводу, что в заседании участвовало 35 человек³.

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 104.

² Последнее подполье Ильича. М., 1934. С. 78; РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 1673, л. 108.

³ Труд-7. 1997. 6 ноября. С. 14, статья «Власть валялась под ногами и только большевики догадались ее подобрать».

При ближайшем рассмотрении выясняется, однако, что если отбросить повторы фамилий, то в основном списке, включая упомянутую Свердловым Стасову, остается ровно 25 человек. Вместе с шестью «не выступавшими» получается 31. Но странно, что эти шестеро не только не выступали, но и не голосовали, ибо в противном случае число голосов превысило бы 25. А такой вариант бойкота совсем уж невероятен.

Наталья Мушиц подробно объясняет, почему «отмолчался Троцкий». Но разгадка его молчания и неучастия в голосовании гораздо проще: его не было на заседании ЦК 16 октября, на что он и указывал сам еще в 1922 году¹. Троцкий и, вероятно, Бубнов и Урицкий, а возможно, и другие члены «шестерки» с семи вечера заседали под председательством Каменева в Петросовете, где должен был окончательно решиться вопрос о Военно-революционном комитете.

С докладом об организации и плане работы ВРК выступал левый эсер Павел Лазимир. Изложенный им вариант был более сдержанным, нежели тот проект, который рассматривался 9, 12 и 13 октября. В нем, в частности, не было упоминания о защите революции от «внутренней угрозы», о вооружении рабочих и т. п.² Рабочие уже получали оружие с Сестрорецкого завода по ордерам Петросовета. А рекламировать борьбу с новой корниловщиной не было необходимости.

Но и это не удовлетворило ни эсеров, ни меньшевиков. Марк Бройдо — породивший 9-го саму идею создания комитета, заявил с трибуны Петросовета: «Затея революционного комитета — затея большевистская... Проектируемый здесь революционный комитет — есть не что иное, как организация революционного штаба для захвата власти». Эсер Е.И. Огурцовский предложил снять вопрос с обсуждения, а когда предложение отклонили, его фракция отказалась участвовать в утверждении положения о ВРК.

Весьма эмоционально выступил меньшевик-интернационалист Исаак Астров. Большевики, говорил он, недооценивают черносотенной опасности. «Погромная агитация провалит выступление большевиков, если оно и будет организовано, т. к. стихия захлестнет организаторов выступления и оно превратится в резню и грабеж».

Им отвечал Троцкий. Бройдо он прямо заявил: «Нам говорят, что мы готовим штаб для захвата власти. Мы из этого не делаем тайны». А Астрову сказал: да, угроза погромов нарастает. «Погромное движение есть движение отчаявшихся масс, и притом самой несознательной их части. Приехавший из деревни чернорабочий, простаивая часы в “хвостах”, проникается, естественно, ненавистью. К тем, кто лучше одет и богаче

¹ Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 57.

² Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. М., 1989. С. 260.

его, т. к. богач достает, платя вдвое, все продукты без карточек. Их ненависть переносится затем и на тех, кто образованнее его, кто иначе верит, чем он, и т. д.» Но «уменьшить возможность всяких погромов» сможет только революционная власть Советов.

После этого выступает «целый ряд ораторов — представителей с фронта, которые все как один голос *требовали немедленного мифа и передачи власти в руки Советов*. Один из ораторов даже заявил, что если эти требования не будут выполнены, то солдаты уйдут с фронта и штыками заставят правительство исполнить предъявленные к нему требования».

Проекты резолюций меньшевиков и меньшевиков-интернационалистов отвергаются и, как пишет «Рабочий путь», — «подавляющим большинством голосов принимается проект докладчика Лазимира»¹.

Троцкий остается председательствовать, а Каменев покидает Петросовет и отправляется на заседание ЦК. Другие подошли позднее — после обсуждения вопроса о совещании, созывавшемся в Пскове генералом Черемисовым. И прибыли они в Лесновскую думу уже после голосования. Так что Рыкову и Ногину, без выступлений, оставалось лишь написать вместе с Милутиным заявление об «особом мнении» по поводу уже принятого решения ЦК.

В описанной цепи событий некоторые связки между фактами основаны на предположении. Но то, что между собранием Петросовета и заседанием ЦК 16 октября существовала непосредственная связь — несомненно. И когда Шотман писал, что в Лесновско-Удельнинской думе «некоторые товарищи... сладко похрапывали», то, вероятнее всего, они ждали. Ждали решения о ВРК.

Голосование в Петросовете окончательно поставило точку. Если до этого большевики опасались, что соглашатели войдут в состав ВРК и он превратится в еще одну арену для препирательств, то теперь стало очевидным, что революционный комитет будет находиться полностью в руках большевиков и левых эсеров. И надо было решать вопрос о взаимоотношениях большевистского ЦК и ВРК.

Ленин, как и в беседе с руководителями «военки» 14 октября, настаивал на том, что во главе всей работы, связанной с проведением восстания, должен стоять не сугубо партийный, а советский центр. И на ночном заседании в Лесновской думе, где присутствовали уже *только члены ЦК*, принимается постановление: «ЦК организует Военно-революционный центр в следующем составе: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Этот центр входит в состав революционного Советского комитета», то есть ВРК².

¹ Рабочий путь. 1917. № 39. 31 (18) октября.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 104.

Во время дискуссии 1924 года и это решение получило сугубо политизированное толкование. В уже цитированном докладе 19 ноября 1924 года Сталин приводит первую часть данного постановления и оценивает его как создание «практического центра по организационному руководству восстания». Далее он продолжает: «...На этом заседании ЦК произошло, как видите, нечто “ужасное”, т. е. в состав практического центра, призванного руководить восстанием, “странным образом” не попал “вдохновитель”, “главная фигура”, “единственный руководитель” восстания, Троцкий... Между тем здесь нет, собственно говоря, ничего странного, ибо никакой особой роли ни в партии, ни в Октябрьском восстании не играл и не мог играть Троцкий, человек сравнительно новый для нашей партии в период Октября»¹.

Есть что-то неприличное в дележе «лавровых венков» спустя многие годы после победы. Наиболее продуктивным в таких случаях является, как правило, обращение к источникам, максимально приближенным к времени события. Вот цитата из юбилейной статьи «Правды» 6 ноября (нов. стиль) 1918 года: «Вдохновителем переворота с начала до конца был ЦК партии во главе с тов. Лениным. Владимир Ильич жил тогда в Петрограде, на Выборгской стороне, на конспиративной квартире... Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого». Автором этой статьи был Сталин.

К спорам 1924 года о том, кто и какую роль играл в Октябре, мы еще вернемся. Пока лишь еще раз напомним вторую часть постановления ЦК 16 октября: создаваемый «центр» действительно вводился в состав ВРК при Петросовете.

После принятия данного решения стали расходиться. Первым, в сопровождении Рахьи и Шотмана, пошел Ленин. Погода была мерзейшая. По-прежнему дул холодный порывистый ветер. Шел первый снег, который тут же превращался в липкую грязь. До Сердобольской добрались благополучно и там, дабы не привлекать внимания, растались. Владимир Ильич пошел один и, как рассказывает Фофанова, у самого дома наткнулся на патруль. Предъявил удостоверение сестрорецкого Иванова... Сошло...

Но прямо к Маргарите Васильевне он уже идти не стал. Поднялся на железнодорожную насыпь, обогнул дом сзади и стал спускаться вниз через птицеводческий питомник... Пришлось лезть через забор... В общем, когда Фофанова увидела его — всего перепачканного — она ахнула... Смутившись, Владимир Ильич сказал: «Да, после заграницы такие уж дороги тут... Я по колено увяз в грязи»².

¹ Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 328.

² Яковлев Б. В. Ленин. Страницы автобиографии. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 624, 625. Верстка книги, запрещенная цензурой, хранится в РГАСПИ (ф. 71, оп. 51, д. 94).

Глава 5. Восстание

«Время слов прошло»

Днем 17 октября Ленин пишет большое «Письмо к товарищам». Впечатления от ночного заседания были еще слишком свежими и опять-таки довольно сложными. Казалось бы, все в порядке; несмотря на определенную разногласию и активное противодействие двух членов ЦК, резолюция о восстании была подтверждена еще раз абсолютным большинством.

Но нельзя было закрывать глаза и на то, что при голосовании предложения Зиновьева колебания проявили более трети собравшихся. То есть Каменеву и Зиновьеву все-таки удалось внести, как выразился Владимир Ильич, «известную смуту». Утренние газеты добавили. В «Новой жизни» информация: «По городу пущен в рукописи листок, высказывающийся от имени двух видных большевиков против выступления».

И Ленин пишет: «Я вынужден... обратиться к большевикам с этим письмом... ибо колебания, против которых я считаю своим долгом восстать со всей решительностью, неслыханны и способны оказать губительное действие на партию, на движение международного пролетариата, на революцию»¹. Доводы, которыми оперируют Каменев и Зиновьев, являются «поражительным проявлением растерянности, запуганности» перед той гигантской ответственностью, которую возложила на партию сама жизнь. И все их аргументы — «не более, как прикрытие своего *бегства* от действительности».

А растерянность, страх, пишет Ленин, обладает тем свойством, что, подавляя и заглушая многоцветие жизни, он окрашивает все предметы и явления в однообразный желто-серый цвет. Вот тогда реалистический анализ «хода событий во всей стране в целом» и подменяется «интеллигентски-импрессионистским...» И на первый план выступают «субъективные впечатления о настроении...»

Между тем, несомненно, что «твердая линия партии, ее непреклонная решимость *тоже* есть *фактор* настроения, особенно в наиболее острые революционные моменты...» И иногда «ответственные руководители своими колебаниями и склонностью сжечь то, чему они вчера поклонялись, вносят самые неприличные колебания и в настроения известных слоев массы»².

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 398, 399.

² Там же. С. 399, 411, 412.

Если избавиться от запуганности и растерянности, то станет очевидным, что и итоги муниципальных выборов, и большевизация Советов не только в столицах, но и в провинции, и солдатские выступления, и стачки рабочих, железнодорожников, почтовых служащих, и крестьянское восстание свидетельствуют о повороте масс к решительным действиям.

И если уж говорить о настроениях, замечает Ленин, то «все» признают, что «среди сознательных рабочих есть определенное нежелание выходить на улицу *только* для демонстраций, *только* для частичной борьбы, ибо в воздухе носится приближение не частичного, а общего боя...» Мало того, среди таких рабочих зреет «твердая и непреклонная решимость сознательных биться до конца...» Что же касается «малосознательной и очень широкой массы», то опять-таки «“все” единодушно характеризуют настроение наиболее широких масс, как близкое к отчаянию», ибо они «*чувствуют*, что полумерами ничего теперь спасти нельзя, что “повлиять” никак не повлияешь, что голодные “разнесут все..”»¹.

Именно рост подобных настроений, указывает Ленин, создал почву для усиления влияния и «нарастания анархизма». «Именно на этой почве, — продолжает он, — понятен также “успех” поддельвающихся под большевиков негодяев черносотенной печати... И можно ли удивляться тому, что измученная и истерзанная голодом и затягиванием войны толпа “хватается” за черносотенный яд?.. И может ли отчаяние масс, среди которых не мало темноты, не выразаться в увеличенном сбыте всякого яда?» Рост погромночерносотенных настроений, отмечает Владимир Ильич, не является фактом сугубо российским, «это бывало всегда, это наблюдалось во всех без всякого изъятия революциях, это абсолютно неизбежно». Революции всегда сопровождалась «злорадством черной сотни и ее надеждами погреть себе руки»².

И вот в этой обстановке, чреватой в любой момент стихийным взрывом, рабочим, солдатам, крестьянам опять предлагают терпеть и ждать. Ждать, ждать... «Сложить, — как пишет Ленин, — ненужные руки на пустой груди и ждать, клянясь “верой” в Учредительное собрание...»

А чего ждать? «Ждать чуда?» Что немцы не станут выступать? Что Питер не сдадут? Что Ставка и корниловцы не предпримут новой контрреволюционной акции? Что буржуазия прекратит локауты и саботаж подвоза продовольствия городам и фронту? Ни один из этих вопросов «*ожиданиями* Учредительного собрания решить нельзя». А вот война не ждет. Разруха не ждет. Голод не ждет. И крестьяне не стали ждать, а восстали. И окопники не станут ждать — «солдаты просто *убегут*... если они (*уже близкие к отчаянию*) дойдут до полного отчаяния и бро-

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 409, 412, 413.

² См. там же. С. 412, 413–415.

сят все на произвол судьбы». Топчась в ожидании на месте, мы попросту предаем солдат, «мы предаем русских крестьян, не словами, а делами, восстанием против помещиков, зовущих нас к восстанию против правительства Керенского...»¹

Каменев и Зиновьев в который уже раз повторяют, что опасаться нечего, что Советы «не допустят», Советы «не позволят», что они — «револьвер, приставленный к виску правительства». На заседании ЦК 16 октября кто-то иронически спросил: а заряжен ли этот револьвер? Есть ли там пуля? «...Если револьвер “с пулей”, — пишет Ленин, — то это и есть *техническая* подготовка восстания, ибо пулю надо достать, револьвер надо зарядить, да и одной пули маловато будет». Ну, а если револьвер «без пули», то все эти разговоры — чистейший обман, ибо «пугач» всего лишь игрушка².

«...Вот если бы, — говорят Каменев и Зиновьев, — корниловцы опять начали, тогда мы бы показали!» — «История не повторяется, — отвечает Ленин, — но если мы повернемся к ней *задом* и будем, созерцая корниловщину первую, твердить... Авось корниловцы опять начнут не вовремя!.. А если корниловцы второго призыва научились кое-чему? Если они *дождутся* голодных бунтов, прорыва фронта, сдачи Питера, *не начиная* до тех пор?»

Для Каменева и Зиновьева все это — вопросы второго плана. На первом — что скажет «демократическая общественность»? Что скажет Чхеидзе и Чернов, Мартов или Камков. Стало быть, пора делать выбор. «С кем идти? С теми колеблющимися горстками питерских вождей, которые *косвенно* выразили *левление* масс и которые при *каждом* политическом повороте позорно хныкали, колебались... *или с этими полевевшими массами*»³.

Революционная волна находится сейчас в такой точке, когда она может вылиться в повальное дезертирство, в зверские погромы, в голодные бунты, когда отчаявшиеся и голодные «разнесут все, разможат все даже по-анархически». И тогда на арену выйдут с кровавой диктатурой корниловцы.

Либо большевики сумеют повести за собой массы — рабочих, солдат, крестьян, всех голодных и недовольных. И тогда революционная диктатура даст шанс для немедленного решения вопросов о войне, о земле, снабжении фронта и тыла. Только такая диктатура сможет покончить и с «безобразнейшим отравлением народа ядом дешевой черносотенной заразы», сумеет остановить погромы и «черную сотню *раздавит* до конца...»⁴

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 402, 404, 405, 407, 411.

² Там же. С. 403.

³ См. там же. С. 406, 408.

⁴ Там же. С. 413, 414.

Итак, выбор ограничен. Полугодовая история революции доказала, пишет Ленин, что «выхода нет, объективно нет, не может быть, *кроме* диктатуры корниловцев или диктатуры пролетариата...» Поэтому, «чем дольше будет оттянута пролетарская революция, чем дольше отсрочат ее события или колебания колеблющихся и растерявшихся, тем больше жертв она будет стоить... Промедление в восстании смерти подобно...»¹

Начиная данное «Письмо к товарищам», Ленин полагал, что распространит его среди партактива, ибо предназначалось оно «не для печати, а только для беседы с членами партии по переписке». Но, перечитав еще раз утреннюю «Новую жизнь», информировавшую о письме «двух видных большевиков против выступления», Владимир Ильич приходит к выводу, что далее молчать нельзя и предлагает «Письмо к товарищам» направить в «Рабочий путь» и «*напечатать его* возможно скорее»².

В тот же день, 17 октября, из Ставки вернулся Керенский, чтобы «лично руководить всеми действиями в деле подавления большевистского мятежа, если бы таковой начался». Утром был отдан приказ о размещении броневиков с полным боевым комплектом у государственного банка, Центрального почтамта, телеграфа, телефонной станции и Николаевского вокзала.

Вечером в Зимнем дворце состоялось заседание правительства. В повестке дня значился один вопрос: «Большевики». Доклад делал министр Кишкин. Исходную мысль он сформулировал предельно просто — «большевизм сейчас в большинстве...». Оспаривать его никто не стал. Не вызвали возражений и рассуждения Кишкина о том, что сейчас особенно «страшна возможность голодных бунтов». Лишь Гвоздев указал, что при оценке момента надо исходить из того, что «выступление неизбежно с двух сторон...». Помимо большевиков, восстание которых вероятнее всего начнут солдаты столичного гарнизона, правительству грозит удар со стороны корниловцев. Гвоздеву также никто не возразил и, как видим, в анализе ситуации большевистским ЦК и Временным правительством некоторые элементы совпадали.

Совпал и главный вопрос дискуссии — каким должен быть план конкретных действий? Только на правительственном заседании он получил обратное, зеркальное отражение: ждать ли начала восстания, а затем подавить его или же нанести упреждающий удар. «Действовать или нет — вот что надо решить, — говорил министр просвещения Салазкин. — Могут нас обвинить, что мы допустили это выступление и вовремя не приняли меры». И большинство склонилось к необходимости превентивного удара.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 406, 410.

² См. там же. С. 417.

«Пора себя проявить... — говорил Кишкин. — Наша тактика “ожидания событий” уже вредна... Чем дальше, тем хуже. Мы ждать не можем — надо действовать». Его поддержал Гвоздев: «Ждать нельзя... нельзя допустить перехвата власти, чтобы не очутиться в руках победителя». Столь же решителен был и Третьяков. «Мы и так все время ждем, — говорил он. — Больше так продолжать нельзя, сидеть в дураках больше нельзя».

«Скучно слушать, — заметил военный министр Верховский, попытавшийся вернуть членов правительства к реальности. — Активно выступать нельзя. Надо ждать выступления другой стороны. Большевизм в Совете рабочих депутатов и его разогнать нет сил. Я не могу предоставить реальной силы Временному правительству...». Но его поддержал только Прокопович. «Маразм в нас, — сказал он, — ибо мы не можем создать власть в стране. Пока силы не будет, ничего сделать нельзя».

Большинство, однако, было настроено более агрессивно и поддерживало меры, предложенные Кишкиным: немедленно начать «закрытие газет, призывающих к восстанию», разгон массовых митингов, особенно в цирке «Модерн», где господствовали большевики, возбудить против них уголовное преследование, а главное — ввести в столице военное положение и назначить диктатора. «Надо идти на верную победу, — говорил Терещенко, — и можно даже вызвать их, большевиков, на преждевременное выступление».

Дискуссию вызвал вопрос о диктаторе. «Керенскому поручать нельзя, — заявил Никитин, — и надо оставить Полковникова». Это вызвало у Керенского бурную реакцию: «Наши разговоры — это следствие гипноза Петроградом, а не думаем о России... Я спасаюсь в Ставку, чтобы отдохнуть от Петрограда». Что касается диктатора, то «выступление войск должно быть в руках политических. Должен быть даже штатский, пользующийся широким доверием, а Полковников ему подчинен и исполнитель приказаний». На том и разошлись, попросив Гвоздева попробовать через ЦИК «отменить» Съезд Советов или хотя бы отодвинуть срок его открытия¹.

Утром 18 октября Владимир Ильич просматривает свежие газеты. Накануне в Пскове состоялось то самое совещание в штабе Северного фронта, на которое — по приказу Черемисова и настоянию армейских комитетов — прибыли представители столичного гарнизона. Черемисов полагал, что с помощью подготовленных для этого солдат-окопников ему удастся добиться одобрения приказа о замене фронтовых частей солдатами из тыла.

¹ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Т.1. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. АН СССР. Институт истории. М., 1957. С. 263–265; День. 1917. 17 октября; Исторический архив. 1960. № 5. С. 83–85.

Рассчитывая на то, что генеральские погоны и вся обстановка штаба по крайней мере приструнят солдат, Черемисов развесил по стенам, разложил на столах оперативные карты и сам стал докладывать обстановку на фронте. Тон его был категоричен: «Приказ о выводе петроградских войск на фронт он считает боевым и, опираясь на волю армий Северного фронта, не допускает никаких колебаний в выполнении этого приказа». Потом дали слово окопникам, которые стали говорить о бедствиях солдат-фронтовиков, противопоставляя им «жирующих» тыловиков.

Питерцы стали отвечать, и в конечном счете попытка сравнить солдат между собой не удалась. И те и другие стали говорить о необходимости прекращения войны и передачи власти Советам. Председатель военного отдела Петросовета Андрей Садовский зачитал заявление, составленное накануне Свердловым, и делегаты отказались дать обещание о выводе частей гарнизона на фронт и даже не стали подписывать протокол переговоров¹.

Хотя сообщения буржуазных газет были крайне скудными, Владимиру Ильичу было очевидно, что очередной маневр Керенского и Ставки не удался. По всей логике борьбы трещина между властью и петроградским гарнизоном все более ширилась, грозя вылиться в открытое неповиновение и полный разрыв. И это как раз накануне 20-го, дня открытия Съезда Советов.

Но кроме той информации, которую он ждал и искал, Ленин совершенно неожиданно натывается в «Новой жизни» на заметку — «Ю. Каменев о “выступлении”». В ней — от своего и Зиновьева имени — Каменев повторял все свои аргументы против восстания. «Я отказался верить этому, — пишет Ленин. — Но сомнения оказались невозможны». И Владимир Ильич садится за письмо «К членам партии большевиков».

Пока Каменев и Зиновьев защищали свою позицию на заседаниях ЦК и ПК, в письме к большевистским организациям, они партийных норм не нарушали. Да, они против немедленного восстания и контраргументы их не убедили. Ленин заметил, что особенностью обоих оппонентов является «крикливый пессимизм. У буржуазии и Керенского все отлично, у нас все плохо. У капиталистов все подготовлено чудесно, у рабочих все плохо».

Спорить с подобной точкой зрения, считал Владимир Ильич, бессмысленно. Ибо «скептики *всегда* могут “сомневаться”, и ничем, кроме опыта, не опровергнешь их». И буквально накануне, 17 октября, Ленин писал: пусть они «понесут заслуженное ими за их позорные колебания наказание хотя бы в виде насмешек всех сознательных рабочих»².

¹ См.: *Войтинский В.* Годы побед и поражений: 1917. Берлин, 1922. С. 320–324.

² См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 410, 417, 419, 422.

Но теперь было не до смеха. Статья Каменева и Зиновьева в «Новой жизни» не являлась еще одной попыткой отстоять свои взгляды. Это был принципиально иной шаг. То, что газеты трубили о готовящемся восстании с начала октября, нисколько не меняло сути дела. Писать они могли сколько угодно, но все это оставалось лишь домыслами и сплетнями. Теперь же речь шла уже не о слухах.

«По важнейшему боевому вопросу, накануне критического дня 20 октября, — с возмущением пишет Ленин, — двое “видных большевиков” в непартийной печати... нападают на неопубликованное решение центра партии! Можно ли себе представить поступок более изменнический, более штрейкбрехерский?»

Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии... Что касается до положения вопроса о восстании теперь, так близко к 20 октября, то я издали не могу судить, насколько именно испорчено дело штрейкбрехерским выступлением в непартийной печати. Несомненно, что *фактический* вред нанесен очень большой¹.

Газеты за 18 октября приносят и другую весть. Накануне, 17-го, ЦИК обсудил вопрос о созыве II съезда Советов. О просьбе правительства никто не упоминал. Но о связи между съездом и готовящемся восстании лидеры соглашателей конечно знали. Знали и о том, что правительство предпринимает отчаянные усилия для предотвращения выступления. Поэтому, ссылаясь на мнение лояльных по отношению к ЦИК армейских комитетов, принимается решение: «Ввиду выяснившейся невозможности собрать Второй Всероссийский съезд Советов Р. и СД 20 октября... день открытия пленарного собрания перенести на 25 октября».

На заседании правительства 17-го, о котором речь шла выше, Кишкин докладывал, что располагает информацией о том, что восстание, ранее планировавшееся на 18 октября, теперь якобы отложено до 23-го, ибо у большевиков «силы не собраны, массы не подготовлены». Возможно, он получил информацию о большевистском собрании, проходившем в тот день, 17-го, в Смольном. В 18 часов здесь собралось около 200 активистов и агитаторов всех районов столицы для обсуждения координации действий «в связи с выступлением». С докладом выступил Бубнов. Однако конкретного разговора не получилось, ибо опять началась общая дискуссия. «Прения шли до крайности долго», — заметил очевидец. «Чрезвычайно осторожно» высказывались представители «Военки». Против немедленного восстания выступили Рязанов, Ларин,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 420.

Мануильский и Чудновский, энергично доказывавший, что выступление обречено на поражение¹.

Итак — решение ЦИК дало несколько дней отсрочки. Но тем более, полагал Ленин, необходимо кончать с разногласиями. «...Партия с сентября обсуждает вопрос о восстании», — напоминает Владимир Ильич. И в партийных кругах никто не может упрекнуть, что делалось это келейно, внутри самого ЦК. Дискуссии были самые широкие. Все оттенки мнений были обсуждены и решение принято.

Значит необходимо в оставшиеся дни еще более ускорить подготовку выступления. Ибо точно так же ЦИК может перенести съезд на более поздний срок или вообще отменить его созыв. И тем более «для исправления дела, — пишет Ленин, — надо прежде всего восстановить единство большевистского фронта исключением штрейкбрехеров»².

Может сложиться впечатление, что в эти горячие дни и Ленин и ЦК слишком много внимания уделяли разборкам с Каменевым и Зиновьевым. Поскольку «дело» это освещалось в ленинских письмах, протоколах ЦК, в прессе, такое ощущение действительно могло возникнуть³.

Но на самом деле была и другая — *главная* забота, о которой говорили и писали меньше: практическая подготовка восстания. И споря с Каменевым и Зиновьевым, утверждавшими, что «у нас все плохо», Ленин заметил: «Опровергать я *не* мог, ибо сказать, что именно сделано, нельзя»⁴.

По свидетельству мемуаристов, встречавшихся с ним в эти дни, Владимир Ильич был в курсе всех событий и деталей, связанных с подготовкой восстания. Установить все каналы его информации невозможно. Но есть основания полагать, что именно 18-го состоялась очень важная встреча Ленина со Свердловым, Сталиным и Троцким, а также с руководителями «Военки».

Когда внимательно присматриваешься к череде событий этих дней, возникает ощущение, что в них не хватает какого-то связующего звена. На эту мысль наталкивает прежде всего короткое письмо Владимира Ильича Свердлову 22 октября. Тон письма весьма доверителен. Каждая фраза предполагает, что с адресатом все обговорено. Где? Когда? Ссылаясь на эти договоренности, Ленин пишет: «Вы это знаете; не странно ли после этого, что Вы точно сомневаетесь в этом»⁵.

Дело в том, что 18-го Зиновьев написал «оправдывающееся» письмо в редакцию «Рабочего пути». В нем говорилось, что ничего, собственно,

¹ См.: Петроградская правда. 1922. 5 ноября, л. 8; Источниковедение истории советского общества. Вып. 2. М., 1968. С. 58.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 419, 421, 424.

³ См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989. С. 265.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 426.

⁵ Там же. С. 434.

не произошло, что сам Ленин не раз «рассылал свои письма “до принятия каких бы то ни было решений”, и вы не протестовали». А вообще его «взгляды по спорному вопросу очень далеки от тех, которые оспаривает тов. Ленин»¹.

В тот же день, 18-го, на заседании Петросовета, отвечая на вопрос — верно ли, что большевики «назначили» восстание, Троцкий заявил, что восстания никто «не назначал», но «при первой попытке контрреволюции сорвать съезд Советов мы ответим контрнаступлением, которое будет беспощадным и которое мы доведем до конца». Каменев, собиравшийся до этого внести свою резолюцию, тут же солидаризовался с Троцким и заявил, что «подписывается под каждым его словом».

По мнению некоторых членов ЦК, письмо Зиновьева и это заявление Каменева в значительной мере исчерпывали конфликт. Однако Свердлов прекрасно понимал, что решить этот вопрос можно лишь с Лениным. У Троцкого была своя забота: его волновало — как отнесется Владимир Ильич к его «оборонительному» заявлению на Петросовете и «солидарности» с ним Каменева. С ними на встречу с Лениным пошел и Сталин. Встреча эта, судя по всему, состоялась 18 октября на квартире Рахьи в Певческом переулке, д. 3².

Относительно времени данной встречи Троцкий указывает, что, по-видимому, это было между 15 и 20 октября. Более точная дата вытекает из существа тех вопросов, с которыми они шли к Владимиру Ильичу. Зиновьев написал заявление 18-го. А 19-го Ленин прямо указывает, что держал в руках *рукопись* этого письма, которую, видимо, принес Сталин. Троцкого интересовала оценка его речи в Петросовете 18-го. А 19-го такая оценка была дана Лениным в письме Центральному Комитету³.

Когда Троцкий пришел на квартиру Рахьи, Владимир Ильич разговаривал с Михаилом Калинин. В «Письме к товарищам», написанном 17-го, Ленин отметил, что для восстания необходима «твердая и непреклонная решимость сознательных биться до конца...» И Троцкий пишет, что «Владимир Ильич при мне продолжал допрашивать [Калинина] о настроении рабочих, будут ли драться, пойдут ли до конца, можно ли брать власть и пр.»⁴.

После выяснения всех обстоятельств, связанных с заседанием Петросовета, Троцкий стал доказывать, что восстание необходимо напрямую связать с выводом из столицы гарнизона. «...Если такой важный

¹ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 423, 424; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 114.

² См.: Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 54; *Троцкий Л.Д.* О Ленине. М., 1924. С. 60, 73, 74.

³ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 423, 424.

⁴ Там же. С. 413; *Троцкий Л.Д.* О Ленине. С. 60.

вопрос, как вывод гарнизона, — излагал он, — может довести конфликт до открытого переворота, то именно это обстоятельство в высшей степени [помогало] нам установить известный способ переворота... Идея эта навязывалась естественно, тем более, что большинство гарнизона было за нас, и надо было реализовать настроение. Сейчас мы [получили] чисто военную завязку большого конфликта, на основе которого можно разыграть выступление»¹.

Что касается эпизода, произошедшего 18-го на заседании Петровета, то «оборонительная» фраза Троцкого была вполне оправдана. В ЦК Владимир Ильич написал: «Неужели трудно понять, что *долг* партии, скрывшей от врага *свое* решение... *обязывает* при публичных выступлениях не только “вину”, но и почин сваливать на противника»². А вот к идее прямой увязки восстания с вопросом о выводе гарнизона, который мог тянуться неопределенное время, Ленин отнесся настороженно.

Говоря о доминирующем настроении Владимира Ильича в эти дни, Троцкий отмечает: «Это было настроение сдержанного нетерпения и глубокой тревоги. Он видел ясно, что подходит момент, когда нужно будет все поставить ребром». И чем более увлеченно излагал Троцкий свой план, тем чаще задавал Ленин вопросы: «А не предупредят ли они нас? Не захватят ли врасплох?»³. Но определенных договоренностей все-таки достигли. Так, видимо, именно на этом совещании было подтверждено, что, форсируя подготовку восстания, ВРК и большевистская пресса воздержатся от прямых призывов к выступлению.

Это подтверждает опубликованная Городецким записка Сталина. Вот ее текст: «Сокольников написал для завтрашнего номера «Правды» передовицу, заканчивающуюся призывом к Советам и членам партии поднять восстание... Я после переговоров с Марией Ильиничной статью оставил без изменений, выбросив конец (с призывом), сославшись на решение позавчерашнего ночного совещания, противоречащее такому призыву. Ваше мнение?»⁴.

Укороченная статья Сокольникова «Флаг поднят» была опубликована утром 22 октября. Но есть основания полагать, что записка Сталина датируется не 21, а 20 октября. На ее обороте записано, что Мария Ильинична просит еще раз переговорить с ней по данному вопросу, а стало быть, статья пошла в набор не сразу. Да и по содержанию статьи, где упоминается о только что произошедшем разгоне Калужского со-

¹ Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 54.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 423.

³ См.: Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 60, 74.

⁴ Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964. С. 479.

вета (19-го), можно предположить, что написана она была 20-го. Тогда «позавчерашнее ночное совещание» — это и есть встреча 18 октября.

И еще: когда вчитываешься в коротенькое письмо Владимира Ильича Свердлову от 22 октября, то очевидно, что речь идет о выступлении не как *одномоментном* акте, а как о *ряде наступательных шагов* — тоже, видимо, обговоренных, — которые «в несколько дней» приведут к победе¹. Иначе говоря, уже сложилось то соотношение сил, при котором недостаточная прежде тактика изоляции и «выдавливания» правительства может теперь вплотную подвести к его свержению. В этом с членами ЦК Ленин согласился.

Но, переходя к другому вопросу — о Каменеве и Зиновьеве, Владимир Ильич решительно не согласился с мнением тех членов ЦК, которые сочли конфликт исчерпанным. «Я... пойду до конца, — написал он, — [и] добьюсь себе свободы слова перед рабочими». Однако определенная договоренность все-таки была достигнута. О ней и напоминал Свердлову Ленин 22 октября: его статью «Письмо к товарищам», в которой фамилии Каменева и Зиновьева *не упоминались*, с 19-го начнет печатать «Рабочий путь», а вот письма об их исключении из партии будут направляться «только членам ЦК»².

В тот день, 18-го, Свердлов, вероятно, принес еще один документ — письмо руководителей «военки» в ЦК относительно своих взаимоотношений с ВРК. Троцкий пишет: «Я настаивал, чтобы было поручено Военно-революционному комитету готовить момент восстания...»³. Но работа по подготовке выступления и в «военке», и в ПК, и в районах, и в отрядах Красной гвардии уже шла. Складывалась своя система связей и отношений, которые надо было теперь переориентировать на ВРК. Поэтому проблема оставалась все той же: кто кому подчиняется и кто какую играет роль.

Положение о ВРК Петросовет утвердил еще 16-го. Тогда же, как справедливо отметила Елена Орехова, ЦК решил, что именно ВРК станет «военно-оперативным штабом восстания». Но шли дни, а организационное оформление, выборы руководства ВРК недопустимо затягивались. Терпеть такое было невозможно и, видимо, тут же порешили *немедленно* провести встречу Владимира Ильича с руководителями большевистской Военной организации.

Выше уже отмечалось, что их многочисленные мемуары, наслаиваясь друг на друга и подвергаясь воздействию политической конъюнктуры, создали в датах определенный разнобой. При датировке второй встречи мнение исследователей разделилось. В «Биохронике» указано — «в ночь

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 434.

² Там же. С. 427, 434.

³ Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 59.

с 20 на 21 октября». Но 20-го, как раз в связи с письмом «военки», данный вопрос *уже решили* на заседании ЦК. И в достаточно жесткой форме. Значит встреча была раньше. И наиболее вероятным является именно 18-е. Этой даты, в частности, придерживался Е.Н. Городецкий¹.

В тот день в Смольном проходило первое гарнизонное совещание. Собрались представители 18 военных частей. 15 из них заявили, что выражают недоверие Временному правительству. Что же касается восстания, то тут делегаты были более осторожны. Представитель гвардейского Егерского полка сказал: «Мы выступим лишь в том случае, если на это последует приказ Петроградского Совета, но выступим организованно и потребуем немедленного свержения правительства и передачи власти Советам»².

Вероятно, с этого совещания — через Шотмана — и были вызваны руководители «военки». Во всяком случае, Антонов-Овсенко пишет, что произошло это неожиданно, без предварительного согласования. Поскольку надо было спешить, поехали на машине. Место встречи находилось совсем неподалеку от Фофановой, на той же Сердобольской, на квартире рабочего Дмитрия Александровича Павлова.

Владимир Невский очень точно сформулировал смысл претензий «военки»: «Причины этой встречи были все те же: неопределенность положения, какое заняло наше Бюро. Пренебрегать такой крупной и важной организацией, как наша Военная, было, конечно, нельзя...»

Ленин объяснил, что речь идет не о «пренебрежении» или недооценке «военки», а о выполнении наиболее целесообразного политического решения ЦК: о превращении ВРК в советский, а не сугубо партийный штаб восстания. А на вопрос — что же мы там будем делать? — Владимир Ильич ответил очень просто: обеспечивать, чтобы ВРК не сбился с правильной линии. И «ни под каким предлогом не следует допускать ни малейшей тени диктаторства Военной организации в Военно-революционном комитете».

После этого стали обговаривать детали выступления. Антонов-Овсенко доложил о ситуации в гарнизонах Финляндии, о готовности балтийцев, не оголяя фронта, направить в Питер около 3 тысяч моряков и те боевые суда, которые пройдут в фарватер Невы. Затем речь пошла об отрядах Красной гвардии и степени военного профессионализма их командиров. В Финляндию решили направить Невского, в армии Северного, Юго-Западного фронтов, в Минск и Брянск других товарищей из Военной организации.

¹ См.: Источниковедение истории советского общества. Вып. 2. М., 1968. С. 53, 58; Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 78, 179.

² См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 264.

В этой связи Подвойский опять заговорил об отсрочке выступления. Но Ленин резко ответил: «Время на стороне правительства... Всякое промедление с нашей стороны даст возможность правительственным партиям более тщательно подготовиться к разгрому нас с помощью вызванных для этого надежных войск с фронта». А восстание должно произойти до Съезда Советов, «дабы этот съезд, каков бы он ни был, встал перед свершившимся фактом взятия рабочим классом власти». В общем, как заметил Невский, «от моих сомнений не осталось и следа» и, в конечном счете, Ленину удалось, по словам Владимира Ивановича, «слоमित последнее упрямство» руководителей «военки»¹.

Конечно, встреча со Свердловым, Троцким и Сталиным, о которой шла речь выше, как и дата беседы с руководителями «Военки», — лишь предположение, хотя основания для него достаточно весомы. И если так оно и было, то становится более понятной не только последовательность, но и взаимосвязь событий этих дней.

Судя по всему, Свердлов сказал, что для постановки на заседании ЦК вопроса о Каменеве и Зиновьеве требуется формальное заявление. И утром 19-го Владимир Ильич пишет письмо в Центральный Комитет. Доводов своих оппонентов он в этом письме не разбирает. Это сделано накануне в письме к членам партии: «Авось да небось» — вот их главный довод. «Авось с голодом, с разрухой, с истощением терпения солдат, с родзянковскими шагами к сдаче Питера немцам, с локаутами авось еще дотянем». В письме Ленин вновь квалифицирует произошедшее: «Чем больше вдуматься в выступления Зиновьева и Каменева в непартийной прессе, — пишет он, — тем более бесспорно становится, что их поступок представляет из себя полный состав штрейкбрехерства».

Заявлением Каменева в Петросовете и письмом Зиновьева в ЦО конфликт не исчерпан, как полагают некоторые члены ЦК. Каменев утверждает, что «он, видите ли, вполне согласен с Троцким, — пишет Ленин. — Но неужели трудно понять, что Троцкий *не мог*, не имел права, не должен перед врагами говорить больше, чем он сказал... Только дети могли бы не понять этого». Значит «увертка Каменева... есть нечто прямо низкое».

«То же самое, — продолжает Владимир Ильич, — надо сказать про увертку Зиновьева», его ссылку на то, что Ленин, мол, рассылал свои письма «до принятия каких бы то ни было решений... Неужели трудно

¹ См.: Воспоминания Антонова-Овсенко в журн. Пролетарская революция (1922. № 10); Красная газета. 1923. 7 ноября; Воспоминания В.И. Невского в журн. Красноармеец (1919. № 10–15); Красная летопись. 1922. № 4; Воспоминания Н.И. Подвойского в журн. Пролетарская революция (1922. № 10); Красная летопись. 1923. № 8; Коммунист. 1957. № 1; Год 1917. М., 1958. С. 95–98; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 261–263.

понять, что *до* решения центром вопроса... агитировать и за и против можно, а *после* решения... значит быть штрейкбрехером». Что касается предложения Каменева и Зиновьева отложить решение о выступлении до совещания с большевиками — делегатами Съезда Советов, то такая коллегия «над ЦК не властна» и такой коллегии «устав партии не знает».

«Мне, — заключает Владимир Ильич, — нелегко писать это про бывших близких товарищей...» Да, речь идет о видных большевиках, но «чем виднее, тем *опаснее*, тем более недостойно “прощать”. On nest trahi que raz les siens, говорят французы. Изменником может стать лишь *свой* человек». И Ленин вносит проект решения ЦК: «Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии»¹. Письмо это сразу же переправляется Свердлову.

Каково же было удивление Владимира Ильича, когда утром 20-го, получив «Рабочий путь», он — кроме продолжения публикации его «Письма к товарищам» — увидел нечто другое...

Дело в том, что накануне с Каменевым и Зиновьевым встретился Сталин. Зиновьев сократил свое письмо в редакцию, где, повторив, что его взгляды «далеки от тех, которые оспаривает тов. Ленин», написал: «Мы вполне можем сомкнуть ряды и отложить наш спор до более благоприятных обстоятельств». Не советуясь с другими коллегами по газете, Сталин 20 октября опубликовал это письмо в «Рабочем пути», сопроводив его примечанием от редакции, что вопрос о поведении Каменева и Зиновьева «можно считать исчерпанным». Ну, а «резкость тона» Ленина по отношению к ним, «не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками»².

В этот день, 20 октября, Свердлов зачитывает «заявление т. Ленина» на заседании ЦК. Присутствуют: Свердлов, Дзержинский, Сталин, Сокольников, Милютин, Троцкий, Иоффе, Урицкий, позднее приходит Коллонтай. Каменева и Зиновьева не было.

Дзержинский сразу предлагает «потребовать от Каменева полного отстранения от политической деятельности, принимая во внимание, что Зиновьев и без того скрывается и в партийной работе участия не принимает». Однако Сталин заявляет, что лишь пленум ЦК может рассматривать предложение Ленина, а посему его следует снять с обсуждения. С ним соглашаются Урицкий и Милютин, который тут же начинает объяснять, что «вообще ничего особенного не произошло».

Свердлов соглашается, что ЦК «не имеет права исключать из партии», но есть заявление Каменева об отставке, поданное еще 16 октября.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 422, 423, 424, 426.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. С. 115.

И данное собрание «достаточно авторитетно» для того, чтобы отставку принять. Сталин возражает и «доказывает, что все наше положение противоречиво; считает, что исключение из партии — не рецепт, нужно сохранить единство партии; предлагает обязать этих двух тт. подчиниться, но оставить их в ЦК».

Но предложение Свердлова поддерживает Троцкий. Он поясняет, что само его заявление в Петросовете было вынуждено Каменевым, намеревавшимся вносить контррезолюцию, что «создавшееся положение совершенно невыносимо», как недопустимы и заявление Зиновьева и записка от редакции в сегодняшнем «Рабочем пути».

И тут, совершенно некстати, разразился скандал. Сокольников подтверждает, что записка от редакции действительно ошибочна, но его мнения Сталин не спрашивал. Тогда Сталин, оскорбившись, заявляет, что выходит из редакции. Но ЦК отставки не принимает. В этой нервной обстановке голосуют решения. За отставку Каменева — 5, против — 3. Обязать Каменева и Зиновьева не выступать «против решений ЦК и намеченной им линии работы. За — 6». И, наконец, запретить всем членам ЦК «выступать против принятых решений ЦК — единогласно».

Обсуждение второго вопроса — «Заявления Военки», зачитанного Свердловым, проходит более спокойно. И, видимо, не только потому, что ее руководство отсутствует. Но и потому, что все принципиальные вопросы уже решены накануне — во время их встречи с Лениным. Иоффе предлагает «отвергнуть предложение Военки, так как все желающие работать могут войти в революционный центр при Совете». Троцкий снисходительно добавляет, что «все наши организации могут войти в революционный центр и в нашей фракции там обсуждать все интересующие их вопросы»¹.

Судя по всему, руководство «военки» находилось в это время в Смольном, где впервые собрался Военно-революционный комитет. Среди 66 его членов большевики явно преобладали — 48 человек. Но сюда потянулись и наиболее решительные элементы из других партий. Из левых эсеров в состав ВРК вошли Владимир Алгасов, Григорий Закс, Павел, Лазимир, Георгий Сухарьков и другие — всего 14. От меньшевиков-интернационалистов — Г.М. Краморов. От анархо-синдикалистов — Владимир Шатов, от анархистов-коммунистов — Иосиф Блейхман, Ефим Ярчук.

На следующий день, 21-го, на заседании ВРК утвердили Бюро из трех большевиков — Антонова-Овсеенко, Подвойского, Садовского и двух левых эсеров — Лазимира и Сухарькова. Вопрос о взаимоотношениях «военки» и ВРК таким образом был исчерпан. Никто из членов Воен-

¹ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 106–108.

но-революционного центра, созданного ЦК 16 октября, в Бюро не вошел, хотя некоторые из них и являлись членами ВРК. И дабы этот орган никому не показался большевистским «филиалом», председателем ВРК избрали председателя солдатской секции Петросовета Павла Евгеньевича Лазимира¹.

Итак, дело было сделано, хотя и с некоторым опозданием. Ибо со стороны правительства подготовка к подавлению выступления уже шла полным ходом. Еще 18 октября под председательством Керенского состоялось совещание с участием военного министра, министра внутренних дел и главнокомандующего округом. На нем отрабатываются план размещения войск, задачи подразделений, дается указание о возбуждении уголовного преследования против «Рабочего пути» и подтверждается приказ об аресте Ленина².

19-го план начинает приводиться в действие. «На окраинах города, — сообщала меньшевистская “Рабочая газета”, — расположены сильные воинские заставы... Кроме того, установлены конные казачьи патрули, разъезжающие всю ночь в определенных районах города. По всему Петрограду находятся скрытые конные резервы, которые в любой момент должны по вызову прибыть для подавления беспорядков. Охрана города вверена наиболее надежным воинским частям, которые, вне всякого сомнения, будут беспрекословно подчиняться распоряжениям Временного правительства...»

С утра 20 октября всем надежным полкам отдается приказ: «Во-первых, в корне пресечь всякую попытку мятежа; во-вторых, не допустить занятия правительственных и общественных учреждений... Главнейшими объектами захвата являются: Зимний дворец, Смольный институт, Мариинский дворец, Таврический дворец, штаб округа, Государственный банк, Экспедиция заготовления государственных бумаг, почта, телеграф и Центральная телефонная станция, все усилия должны быть направлены на сохранение этих учреждений в наших руках. Для этого необходимо: заняв линию реки Невы, с одной стороны, и линию Обводного канала и Фонтанки, с другой, преградить мятежникам доступ в центральную часть города...». Войскам предписывалось «решительно разгонять, не стесняясь применением оружия, всякие попытки отдельных лиц к образованию групп...». Для этого каждому солдату полагалось иметь «патронов на пехотную винтовку 120, ручных бомб — по 4 на гренадера, пулеметов — по 4 на роту».

¹ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Т. 2. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 226, 227; Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 487.

² См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Т. 2. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 267, 269.

Судя по сообщениям прессы, этот приказ, хотя и не в полном объеме, был выполнен. «20 октября, — писала “Речь”, — в ожидании выступления большевиков были приняты усиленные меры охраны. Воинскими караулами были заняты... почта, телеграф и телефон...». Крупные силы были сосредоточены в самом Зимнем дворце: более 800 юнкеров, солдат и офицеров, 6 орудий, 5 броневиков, 19 пулеметов и т. д.¹

Складывалось ощущение, что правительство вполне готово и ждет лишь повода для упреждающего удара. Такой повод мог возникнуть в воскресенье 22 октября. Так случилось, что противоборствующими сторонами именно на этот день были назначены два мероприятия. Петросовет намеревался массовыми митингами по всему городу отметить «День Петроградского Совета», а «Совет Союза казачьих войск» — с разрешения правительства — провести крестный ход с участием казачьих полков в честь 105-й годовщины изгнания Наполеона из Москвы.

При большевистской фракции исполкома Советов Северной области существовала группа по сбору информации о настроениях в воинских частях и мероприятиях, проводимых противниками Советов. Входивший в эту группу Ян Бирзгал изучил маршрут предполагаемого крестного хода. Его насторожило то, что — петляя по городу — он проходил не только мимо казарм казачьих частей, юнкерских училищ, но и через основные мосты, Петропавловскую крепость и места проведения митингов. Когда Ян рассказал об этом Свердлову, тот, подумав, заметил: «Это же новая корниловщина готовится! Хотят опередить нас». И тогда же большевистской Военной организации, ПК и райкомам дали поручение подготовить план отражения возможного выступления. С 20 октября эта задача уже ложилась на ВРК.

На следующий день, после избрания Бюро ВРК, в Смольном собрали второе экстренное гарнизонное совещание. После речи Троцкого делегаты полков признали ВРК своим руководящим органом и решили участвовать в «Дне Петроградского Совета», превратив его в день «мирного подсчета сил солдат и рабочих». Представители 4-го и 14-го казачьих полков тут же заявили, что участвовать в крестном ходе не будут. И совещание предупредило, что «всякие контрреволюционные попытки со стороны корниловцев и буржуазии... встретят беспощадный отпор... Страна на краю гибели... *Время слов прошло...* Мы все на своих постах, готовые *победить* или *умереть*»².

Большевики не обольщались грозным тоном таких резолюций. Они понимали, что настроение солдат — это одно, а их реальные действия — другое. Некоторые из воинских частей, которые на совещании 18 октяб-

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. С. 270, 273, 274, 275.

² См. там же. С. 170, 232, 233.

ря выражали недоверие правительству, 19 и 20-го все-таки выполнили его приказы. Привычка солдат к подчинению давала о себе знать. Надо было найти способ блокировать правительственные распоряжения. И в этот же день ВРК направляет во все воинские части своих комиссаров.

Между тем уверенность правительства в своих силах стала колебаться. Еще 19 октября военный министр Верховский заявил на заседании правительства: «В самом Петрограде ни одна рука не вступится в защиту Временного правительства. А эшелоны, вытребованные с фронта, перейдут на сторону большевиков». На следующий день — 20-го — на заседании комиссий военной и иностранных дел его, как говорится, прорвало. «Единственная возможность бороться с влиянием большевиков, — сказал Александр Иванович, — это вырвать у них почву из-под ног и самим немедленно возбудить вопрос о заключении мира».

Но «хорошего и выгодного России мира» сейчас не получишь, говорили ему оппоненты. «Надо решать, что нам по карману, а что нет. Если нет средств для лучшего мира, надо заключать тот, какой сейчас возможен. В противном случае положение только ухудшится», — отвечал министр. «Дрожь прошла от этих жутких слов по всему собранию, — вспоминал кадет Максим Винавер. — Кто стоял за сепаратный мир, тот нелегально объединялся с большевиками».

Верховский встретился с лидерами кадетской партии — Милюковым, Набоковым, Шингаревым, Кокошкиным, Аджемовым. И хотя военный министр подчеркивал, что речь идет о мире по согласованию с союзниками, его доводы натолкнулись на глухую стену непонимания. «Как бы ни была обоснована и доказана аргументация Верховского, — писал Набоков, — ... не исключалось предположение, что он просто играет на руку большевикам». Военному министру фактически пришлось уйти в отставку¹.

Главная надежда — «надежные» части Румынского и Юго-Западного фронтов, направлявшиеся по указанию Ставки к Великим Лукам и Невелю, простаивали в пути, митинговали и даже принимали участие в разгромах помещичьих имений по пути следования. Обострилось положение на Северном фронте, где 51-я дивизия отказалась идти в окопы на смену 184-й дивизии, которая заявила, что в таком случае самовольно покинет фронт².

В этот же день, 21 октября, состоялось заседание большевистского ЦК. Присутствовали: Свердлов, Дзержинский, Сталин, Сокольников, Троцкий, Иоффе, Милютин и Муранов. Информацию о положении на Северном фронте сообщил Свердлов. Дзержинский доложил о работе

¹ См. Великая Октябрьская социалистическая революция. С. 365–367; *Старцев В.И.* Крах корниловщины. Л., 1982. С. 211.

² См.: *Поликапов В.Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 309, 310.

Исполкома Петросовета. Поскольку его роль в руководстве выступлением все более возрастала, решили ввести в большевистскую фракцию Исполкома членов ЦК Сталина, Дзержинского, Иоффе, Милютину, а из питерского актива — Володарского, Лашевича, Илью Юренева, Скалова, Павла Пахомова и Дмитрия Зорина.

После этого Дзержинский сообщил, что в партийную типографию сдано ленинское «Письмо к товарищам», публикация которого завершилась в этот день в «Рабочем пути». Предполагалось издать его отдельной брошюрой. Однако ЦК принимает предложение Дзержинского — «не издавать».

Вся последующая часть заседания была посвящена вопросам подготовки Съезда Советов. Сталин предлагает подготовить доклады: о войне; о власти; о рабочем контроле; о национальном вопросе; о земле. Обсуждается способ формирования президиума Съезда, регламент заседаний.

В ходе прений Свердлов замечает, что «к подготовке тезисов докладов необходимо привлечь Ильича». Сталин распределяет обязанности: Ленину поручить подготовку тезисов о земле, о войне, о власти, Милютину — о рабочем контроле, Сталину — о национальном вопросе и Свердлову — доклад о регламенте. Протокол завершается словами: «Все это принимается»¹.

А что — «это»? Согласитесь, что указанные выше решения вызывают уйму вопросов. Не перечисляя тех существенных проблем, которые возникли 21 октября и не нашли места в повестке дня, не вдаваясь в детали прений, отметим главное: решения исходят из того, что к моменту открытия Съезда победа еще не будет достигнута.

Поэтому столь важен и состав президиума Съезда и регламент заседаний, а вопрос о власти сдвинут на второй план. И еще: к началу съезда Ленин все еще будет находиться на нелегальном положении, поэтому речь идет не о его докладе, а лишь о «тезисах», которые при необходимости смогут использовать другие товарищи.

Чем больше присматриваешься к бурным событиям этих дней, тем больше убеждаешься в том, что действия противоборствующих сторон все более приобретали свою логику развития — логику непримиримой борьбы. Как будто давно нависшая лавина сдвинулась с места. Все зигзаги ее пути трудно было предугадать. Но она сдвинулась, пошла и теперь уже ничто не могло ее остановить...

В ночь с 21 на 22 октября, после того как в полки гарнизона были направлены комиссары ВРК, Лазимир, Садовский и Мехоношин приходят

¹ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. С. 117, 118.

в штаб Петроградского военного округа. Их проводят в кабинет Полковникова, который решительно заявил: «Мы не признаем ваших комиссаров. И если они нарушат закон, мы их арестуем». После возвращения делегатов в Смольный экстренное заседание ВРК, состоявшееся ночью, заявляет, что отказ Полковникова от переговоров означает формальный разрыв штаба с Петросоветом и отныне «никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, не действительны»¹.

Для солдат, признавших ВРК своим руководящим органом, это был прямой приказ о неподчинении правительству. И по законам любого государства его можно было квалифицировать как акт неповиновения и мятежа.

В 1923 году Подвойский так и написал: «Приказом Петроградского ВРК от 22 октября — о неподчинении воинских частей Временному правительству началось вооруженное восстание»². День 22-го, с неизбежно пересекавшимися крестным ходом казаков и митингами Петросовета, вполне мог стать и кровавой пробой сил. Но правительство сочло за благо не ускорять ход событий и той же ночью отменило крестный ход, дабы не давать повод «для устройства погромов и вооруженного восстания»³.

Утром 22-го группы верующих с иконами и хоругвями, собиравшиеся священниками у церкви для участия в крестном ходе, всю кляли Керенского за этот запрет. Наблюдавший за ними меньшевик-интернационалист Арсеньев, приехавший из Крыма на Съезд Советов, записал: «Население в широких своих слоях было определено подготовлено к тому, что эта власть доживала последние дни, что свержение ее никого не тронет, не вызовет никаких активных выступлений»⁴.

Поскольку у меньшевиков тираж «Рабочей газеты» упал до минимума, свое обращение к населению они опубликовали 22-го в «Дне»: «В опасности наша родина... Враг у ворот Петрограда. Расстройство жизни растет с каждым часом... В эти страшные дни... большевики и соблазненные ими темные солдаты и рабочие будут бессмысленно кричать: “Долой Правительство! Вся власть Советам!” А темные царские слуги и шпионы Вильгельма станут им подпевать: “Бей жидов, бей лавочников, грабь рынки, громи магазины, разбивай винные склады! Бей, жги, грабь!” И начнется страшная сумятица, война одной части народа с другой»⁵.

¹ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Т. 2. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 226, 228, 234.

² Красная летопись. 1923. № 5. С. 344, 345.

³ День. 22 октября 1917.

⁴ Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 114.

⁵ Большевики в 1917 г. М., 1997. Т. 3. Ч. 2. С. 217.

Но 22 октября действительно стал «Днем Петросовета», а не днем погромов. На митинги большевики бросили лучших своих ораторов — Троцкого, Володарского, Коллонтай, Крыленко, Лашевича, Раскольников... Несмотря на запрет ЦК, выступал со своей «особой позицией» и Каменев.

Наиболее ярко общее настроение масс проявилось в Народном доме на митинге, о котором писали все столичные газеты. Георгий Николаевич Сухарьков вспоминал: «Вокруг меня было настроение, близкое к экстазу, казалось, толпа запоет сейчас без всякого сговора и указания какой-нибудь религиозный гимн... Троцкий формулировал какую-то общую краткую резолюцию... Кто за? Тысячная толпа как один человек подняла руки... Троцкий чеканил слова: “Это ваше голосование пусть будет вашей клятвой всеми силами, любыми средствами поддержать Совет, взявший на себя великое бремя довести до конца победу революции и дать землю, хлеб и мир!” Несметная толпа держала руки. Она согласна. Она клянется...»¹

В этот день, 22-го, Ленин пишет Свердлову: «Отмена демонстрации казаков есть гигантская победа. Ура! *Н а с т у п а т ь* из *о б щ е с* *и л* и мы победим вполне в несколько дней! Лучшие приветы!»².

На следующий день, 23-го, был сделан еще один шаг: на сторону Петросовета перешла Петропавловская крепость. Еще 19-го солдатские комитеты частей ее гарнизона высказались против восстания. И в ВРК поговаривали о том, чтобы взять крепость силой. Не желая, однако, доводить дело до кровопролития, решили обратиться к солдатам еще раз.

Днем на главном плацу крепости устроили митинг. Выступали лучшие ораторы и эсеров и меньшевиков. От ВРК говорили Лашевич, Чудновский, Троцкий, речь которого, как вспоминал Лашевич, напоминала «не столько речь, сколько вдохновенную песню». Когда стемнело, перешли неподалеку в цирк «Модерн». «В 8 часов вечера, — рассказывает Лашевич, — в крайне напряженной атмосфере вопрос был поставлен на голосование... Все, кто был за ВРК, переходят на левую сторону, а его противники — на правую. С криками “ура” подавляющее большинство солдат бросилось влево»³.

Так что и этот шаг закончился победой. Пушки Петропавловки смотрят прямо на Зимний дворец, а Кронверкский арсенал мог дать оружие рабочим. И надо было торопиться. Владимир Ильич понимал, что про-

¹ Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 268, 269.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 434.

³ Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 271.

цесс силового противостояния нельзя затягивать. Фактический и формальный акт свержения правительства должен произойти как можно скорее. Ибо в любой момент, с прибытием «корниловских» фронтовых частей, соотношение сил в столице может измениться. И основания для таких опасений были.

Еще в ночь на 23 октября, получив сообщение о приказе ВРК задерживать любые не санкционированные им распоряжения правительства, Александр Иванович Коновалов доложил об этом Керенскому. Министр-председатель пришел в ярость. Как сообщала информированная «Новая жизнь» — «после обмена мнениями по этому поводу было решено немедленно пресечь всякие попытки к установлению двоевластия. Образ действий главнокомандующего Петроградским военным округом Полковникова был признан недостаточно решительным, ввиду чего все распоряжения А.Ф. Керенского отдавались уже не Полковникову, а начальнику штаба округа генералу Багратуни».

Генерал Яков Герасимович Багратуни немедленно связался со штабом Северного фронта. Главный вопрос, поставленный им, — сколько времени потребуется для переброски в Петроград надежных пехотных частей, кавалерии и артиллерии? Ответ был лаконичен: «Через сутки после отдачи приказа... Кроме того, у нас есть части, уже сидящие в поездах и вполне готовые к отъезду по любому направлению, которые могут прибыть через несколько часов». Багратуни был доволен: «Мне больше ничего не нужно»¹.

Получив столь обнадеживающие сведения, правительство решило нанести *превентивный удар*. Как сообщала все та же «Новая жизнь» — «в течение всего дня 23 октября в Зимнем дворце и штабе округа происходили совещания о мерах борьбы с большевиками...» Городской милиции дали указание о проведении по районам обысков и облав, а Военно-революционному комитету, под угрозой ареста, был предъявлен ультиматум, требовавший отмены приказа, принятого им 22 октября².

И ВРК уступил. Он заявил об отмене «мятежного» приказа и о начале *переговоров* со штабом ПВО. Позднее мемуаристы либо умалчивали об этом эпизоде, либо писали, что это был лишь маневр: Керенский, мол, пошел на попятный с казаками 22-го, а мы сделали вид, что уступили 23-го. То, что такие настроения были, — это факт. Но все-таки дело обстояло сложнее.

На заседании ВРК 23 октября страсти разгорелись до предела. Явившиеся сюда от имени ЦИК меньшевик Борис Богданов и эсер Абрам Гоц сформулировали свой ультиматум: в случае отказа от отмены приказа

¹ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Т. 2. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 276, 277.

² См. там же. С. 279, 280, 334.

и от переговоров со штабом округа ЦИК покинет Смольный и заявит о полном разрыве отношений с ВРК.

Ничего хорошего накануне Съезда, который через день должен был собраться именно в Смольном, этот скандал не сулил. И левые эсеры, да и умеренные большевики, среди которых были члены ЦИК Рязанов и Каменев, принимавшие участие в переговорах, заявили, что если требования ЦИК не будут приняты, — они выйдут из ВРК. Вот так и пришлось действительно уступить. Со своей стороны Богданов и Гоц пообещали, что никаких репрессивных мер против большевиков предпринято не будет.

Вечером Антонов-Овсеенко на заседании Петросовета доложил о действиях ВРК. И Совет констатировал, что именно благодаря комитету «будет обеспечена возможность свободной и беспрепятственной работы открывающегося Всероссийского Съезда Советов»¹.

То обстоятельство, что все это время Петросовет и ВРК во всех публичных выступлениях «осторожничали» и придерживались «оборонительной» фразеологии, — было вполне правомерным. И когда в литературе эту фразеологию уличали в несоответствии с наступательной позицией Ленина, то оснований для такого противопоставления — нет. Для Владимира Ильича важно было лишь то, чтобы оборонительная *фразеология* не перешла ту неуловимую грань, за которой начинается *оборонительная тактика*. Ибо «оборона — есть смерть вооруженного восстания».

Керенский принадлежал к тем, кто прекрасно это понимал. Расценив уступку ВРК как признак неуверенности и слабости, он решает нанести превентивный удар. «В ночь на 24 октября, — сообщала “Новая жизнь”, — Временное правительство проявило большую нервозность. А.Ф. Керенским было принято, по-видимому, решение, не выжидая выступления большевиков, начать активные действия... В ту же ночь были отданы распоряжения во все юнкерские и военные училища, находящиеся как в Петрограде, так и в ближайших окрестностях, быть в полной боевой готовности. С утра 24 октября начались уже активные действия правительства»².

В 5 часов 30 минут утра в типографию «Труд», где печатались большевистские газеты «Рабочий путь» и «Солдат», явился отряд юнкеров. Они предъявили ордер на закрытие газет, устроили в типографии погром и опечатали помещение. Одновременно закрыли и правые газеты — «Живое слово» и «Новая Русь». Но в 9 утра в типографию по указанию ВРК прибыли солдаты Литовского полка под командованием Петра

¹ См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 272, 273; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. С. 120.

² Великая Октябрьская социалистическая революция. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 326.

Дашкевича и разогнали оставленный юнкерами наряд. Выпуск газеты был возобновлен¹.

Утром 24-го в Смольном собрался большевистский ЦК. Присутствовали: Свердлов, Дзержинский, Бубнов, Милютин, Троцкий, Иоффе, Урицкий, москвичи Ломов и Ногин и впервые участвовавший в заседании ЦК Ян Берзин. Присутствовал и Каменев, отставку которого ЦК принял 20 октября. Но о ней никто не вспоминал. Еще 22-го, узнав, что ряд членов ЦК настаивает на достижении в деле Каменева и Зиновьева компромисса, Ленин написал Свердлову: «По делу Зиновьева и Каменева, если *вы* (+ Сталин, Сокольников и Дзержинский) требуете компромисса, внесите *против* меня предложение о сдаче дела в партийный суд... Это будет отсрочкой»².

Отсрочку, видимо, одобрили, и именно Каменев открыл заседание 24-го, предложив, чтобы никто из членов ЦК, без особого постановления, не покидал Смольный. Он же доложил и о переговорах ВРК с штабом округа. Вторым вопросом стала информация «о типографии и газете». Постановили — «озаботиться своевременным выпуском очередного № газеты». Этим, вероятно, и объясняется отсутствие на заседании Сталина, который в это время уже сидел в редакции.

При обсуждении третьего вопроса — об отношениях с бюро ЦИК, Каменев констатировал, что разгром типографии «Рабочего пути» нарушил вчерашнюю договоренность и «разрыв с ЦИК должен произойти именно на этой почве». Троцкий предложил более резкую формулировку: «ЦИК, полномочия которого давно истекли, подрывает дело революционной демократии». Однако Ногин высказал опасение, что разрыв с ЦИК, за которым стоят железнодорожники, приведет к тому, что «мы будем отрезаны от остальной России». Свердлов полагал, что надо ограничиться заявлением «о своей несолидарности» с ЦИК.

К железнодорожникам решают направить Бубнова. На почту и телеграф Дзержинского и Любовича. Милютину поручается «продовольственное дело». Каменеву и Берзину — переговоры и «политический контакт» с левыми эсерами. Наблюдение за Временным правительством поначалу хотели возложить на Подвойского, но его кандидатуру отвели и поручили это дело Свердлову, а он — Лашевичу и Благодравову. Каменев напомнил, что в случае разгрома Смольного необходимо иметь запасной штаб на «Авроре». Но решили, что он разместится в Петропавловской крепости³.

¹ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 289, 290.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 434.

³ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. С. 119–121.

При анализе протокола этого заседания, записанного столь же кратко, как и другие октябрьские заседания, возникает ощущение, что в нем отсутствует нечто весьма существенное. И это предположение полностью подтверждается другим документом: записью выступлений Сталина и Троцкого в 2 часа дня на заседании большевистской фракции Съезда Советов, сделанной делегатом Михаилом Жуковым.

На этом заседании Сталин рассказал о переговорах 23-го: «С фронта идут на нас... Во Временном правительстве колебания... Присылали для переговоров. ЦК партии с.-р. спрашивал, какая цель у Военно-революционного комитета — восстание или охранение порядка? Если первое — отзовем своих (в Комитете дельные левые эсеры). Мы, конечно, ответили: порядок, оборона. Они оставили своих...». И, наконец, Сталин сказал о том, что не зафиксировал протокол заседания ЦК 24-го: «В Военно-революционном комитете 2 течения: 1) немедленное восстание; 2) сосредоточить сначала силы. ЦК РСДРП присоединился ко 2-му...»¹.

Выступление Троцкого частично опубликовал «День»: «Правительство бессильно; мы его совершенно не боимся!.. Некоторые из наших товарищей, например, Каменев и Рязанов, расходятся с нами в отношении оценки момента. Мы, однако, не отклоняемся ни вправо, ни влево. Наша линия диктуется самой жизнью... Наша задача, обороняясь, но постепенно расширяя сферу нашего влияния, подготовить твердую почву для открывающегося завтра Съезда Советов».

Михаил Жаков записал, что, по словам Троцкого, арест правительства в данный момент не является самостоятельной задачей. «Если бы съезд создал власть, а Керенский не подчинился бы, то это был бы полицейский, а не политический вопрос. Было бы ошибкой командировать хотя бы те же броневики, которые “охраняют” Зимний дворец, для ареста правительства, но зато не ошибка решение ВРК открыть типографию “Рабочего пути”... Это оборона, товарищи, это оборона»².

Между тем правительство активизировалось. Около 11 часов утра Керенский неожиданно прибыл в Марининский дворец в Предпарламент и взял слово для внеочередного заявления. Выступая, он всю цитировал ленинское «Письмо к товарищам» и, как вспоминал Федор Дан, «с особенным пафосом несколько раз повторял, что правительством уже отдан приказ об аресте “государственного преступника Ульянова”». Он заверил, что предприняты все меры для борьбы с «изменниками Родине и Революции», которые пытаются «поднять чернь против существующего порядка», а затем потребовал предоставления ему диктаторских полномочий. «Часть населения Петербурга, — сказал он, — находится

¹ Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 92.

² Рабинович Л. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 279.

в состоянии восстания... Правительство, и я в том числе, предпочитает быть убитым и уничтоженным, но жизнь, честь и независимость государства не предаст».

Окончив речь, свою последнюю речь в России, Керенский тут же — около половины третьего — умчался в штаб, а в Предпарламенте начались бурные прения. «Слова министра-председателя, позволившего себе говорить о движении черни, когда речь идет о движении значительной части пролетариата и армии, хотя бы и направленном к ошибочным целям, являются словами вызова гражданской войны», — заявил Мартов. Правительство не получит никакой поддержки, если не даст «немедленных гарантий реализации насущных нужд революции». С правых скамей кто-то крикнул: «Вот министр иностранных дел будущего кабинета!» Мартов отпарировал: «Я близорук и не вижу, говорит ли это министр иностранных дел в кабинете Корнилова».

В конце концов, 123 голосами (при 102 против и 26 воздержавшихся) Предпарламент принял резолюцию, фактически отказывавшую Керенскому в доверии. Делегация в составе Дана, Авксентьева и Гоца немедленно отправилась в Зимний дворец. Они предложили Керенскому тут же принять какие-нибудь «существенные решения по вопросу о войне, земле и Учредительном собрании» и тотчас оповестить об этом население. В ответ Керенский высокомерно заявил, что правительство «в посторонних советах не нуждается и само справится с восстанием»¹.

По сообщению «Новой жизни» — «к 2 часам дня все мосты были заняты юнкерами и с 3 часов движение через мосты автомобилей, извозчиков, подвод и трамваев было прекращено. Около 4 часов дня мосты начали разводиться. В то же время наряды юнкеров заняли электрическую станцию, вокзалы, правительственные учреждения и были расставлены пикеты на углах больших улиц... Сам А.Ф. Керенский все время... находился в штабе округа, лично руководя действиями юнкеров и отдавая распоряжения»².

«Промедление смерти подобно»

Что знал обо всем происходящем Владимир Ильич?

Утром, как обычно, Маргарита Васильевна принесла газеты и ушла на работу. Газеты писали о том, что «план» Керенского по предупреждению беспорядков проводится в жизнь. Что вот-вот придут эшелоны с войсками с фронта. Что излишне «мягкий» военный министр Верховский отправлен в отставку. Сенсацией дня стала информация о том,

¹ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Т. 2. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 283, 392.

² Там же. С. 327.

что мятежный ВРК все-таки вынудили вступить в переговоры со штабом округа. Настораживало сообщение о том, что приезжающие на съезд делегаты-эсеры не делятся на левых и правых, а группируются в одну фракцию... Было над чем задуматься, и весь день Владимир Ильич был крайне напряжен и сосредоточен.

Около 4 часов, находясь в издательстве Девриена на Васильевской стороне, Фофанова узнала, что стали разводить мосты через Неву. Она побежала к Николаевскому мосту. Он действительно был разведен. На следующем — Сампсониевском — никого не пропускали красногвардейцы. Дворцовый мост контролировали юнкера. По Гренадерскому мосту Маргарита Васильевна перебежала на Выборгскую сторону и зашла в райком к Крупской. «В комитете, — пишет она, — удалось получить лишь очень смутные сведения, о которых я рассказала Владимиру Ильичу». Но сколь бы ни были скудны эти сведения, свежий номер «Рабочего пути» с описанием налета юнкеров на типографию и воззванием ВРК Ленин получил наверняка¹.

В воззвании ВРК к населению говорилось, что «контрреволюция подняла свою преступную голову». Что «корниловцы мобилизуют силы, чтобы раздавить Всероссийский Съезд Советов». Что «погромщики могут попытаться вызвать на улицах Петрограда смуту и резню». Но Петросовет «не допустит никаких насилий и бесчинств». И граждане должны сохранять «полное спокойствие и самообладание». И только. А в специальном сообщении ВРК решительно опровергал слухи о том, что он якобы готовит «захват власти»².

Безусловно, необходимость маскировки выступления во многом определяла стилистику и содержание этих документов. Но даже при самых неполных сведениях Ленин все более убеждался в том, что необходимая «оборонительная» фразеология на деле превращается в оборонительную тактику ожидания Съезда Советов. И статья Сталина «Что нам нужно?» в «Рабочем пути» подтверждала эти опасения.

«...В правительстве, — писал Сталин, — сидят враги народа... Нужно нынешнее самозванное правительство, народом не избранное и перед народом не ответственное, заменить правительством, народом признанным, избранным представителями рабочих, солдат и крестьян...

Если вы хотите этого, соберите все свои силы, встаньте все поголовно, как один человек, устраивайте собрания, выбирайте делегации и изложите свои требования через них съезду Советов, который открывается завтра в Смольном. ...Никто не посмеет сопротивляться воле народа.

¹ Воспоминания о В.И. Ленине: В 5 т. Т. 2. М., 1969. С. 447, 448.

² См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 278, 280.

Старое правительство уступит место новому тем более мирно, чем сильнее, организованнее и мощнее выступите вы»¹.

Если Ленин читал данную статью около 5–6 часов дня, то именно в это время на заседании Петросовета Троцкий говорил: «...Конфликт восстания сегодня или завтра не входит в наши планы у порога Всероссийского съезда Советов... Мы считаем, что съезд Советов проведет этот лозунг с большей силой и авторитетом. Но если правительство захочет использовать тот срок, который ему осталось жить, — 24, 48 или 72 часа — и выступит против нас, то мы ответим контрнаступлением, ударом на удар, сталью на железо». В этом тексте, опубликованном «Новой жизнью», пропущена фраза, которая есть в информации «Дня»: «Понадобится ли для этого вооруженное выступление, зависит от политической ситуации, от тех, кто будет противиться воле Всероссийского съезда»².

Фофанова пишет, что Ленин «ушел к себе в комнату и через некоторое время вышел ко мне с письмом в руках... и просил передать его только через Надежду Константиновну, сказав, что он считает, что больше откладывать нельзя. Необходимо пойти на вооруженное выступление, и сегодня он должен быть в Смольном»³.

Это ленинское письмо в полном собрании сочинений озаглавлено как «Письмо членам ЦК». В первом издании оно печаталось как «Письмо к руководящим кругам партии» и, как справедливо отметили С.И. Шульга и Е.Н. Городецкий, такой вариант заголовка гораздо ближе к истине, хотя и нуждается в дополнении. Суть его в том, что Ленин обращался не к членам ЦК, а к ПК, райкомам, партийным ячейкам в полках с тем, чтобы оказать *давление и на ЦК и на ВРК снизу*. Ибо, как пишет Владимир Ильич, — «народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их»⁴.

Сравнение текста ленинского письма со статьей Сталина в «Рабочем пути» дает основания предположить, что письмо Владимира Ильича — в определенной мере — стало реакцией на статью «Что нам нужно?». Если Сталин предлагал: «Соберите все свои силы... устраивайте собрания, выбирайте делегации и изложите свои требования через них съезду Советов», то Ленин настаивает на том, что ждать съезда нельзя. Необходимо без промедления, «чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае

¹ Сталин И.В. Соч. М., 1947. Т. 3. С. 388–390.

² Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 297–280; День. 22 октября 1917.

³ Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 448.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 436.

не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью. История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все». Заканчивалось письмо словами: «Промедление в выступлении смерти подобно»¹.

Эйно Рахья вспоминал, что накануне восстания — 23 октября (?) — именно он доставил в Выборгский райком Жене Егоровой письмо, в котором Ленин «настаивал на решительном со стороны партии действии, говоря: “Промедление смерти подобно”». После перепечатки и рассылки письма по районам у него остался и оригинал, который был утрачен в 1918 году. Эту версию — с поправкой даты на 24-е — Ефим Наумович Городецкий считал вполне вероятной.

Однако она противоречит не только свидетельству Фофановой, но и Крупской, которая прямо писала, что данное письмо принесла Маргарита Васильевна. Да и описание событий 24-го самим Рахьей говорит о том, что появился он у Владимира Ильича лишь к вечеру. Вполне возможно, что, рассказывая о доставке ленинского письма, Эйно мог сменить даты. На протяжении первой половины октября он не раз носил в Выборгский райком письма, в которых Ленин «настаивал на решительном действии». И кстати, одно из них — 8 октября — как раз и заканчивалось словами — «Промедление смерти подобно». Так или иначе, но 24 октября письмо Ленина было размножено и разослано по райкомам столицы. Кому-то, видимо, посылали и персонально. Во всяком случае известно, что копией письма располагал Троцкий².

И что же дальше? Об этом, дабы не умалять роль и не лишать лавров, говоря бюрократическим языком, «центральные инстанции», в официальной литературе не упоминалось. Между тем данный эпизод имеет ключевое значение для понимания хода событий 24 октября.

В воспоминаниях, изданных в 1933 году, Иван Гордиенко рассказывает: «Это письмо принесла и вручила Жене Егоровой, секретарю районного комитета партии Выборгского района, женщина, на квартире которой скрывался Ленин... Через два часа после получения этого письма собрались человек двенадцать ответственных партийных и советских работников...»³ Сохранились ли какие-либо решения данного собрания? Да, сохранились.

В «Петроградской правде» 5 ноября 1922 года опубликована заметка Б. Белова «Позиция Петроградского комитета накануне 25 октября», а в ней — резолюция, принятая 24-го на собрании «активных работни-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 436.

² См. там же. С. 390; Последнее подполье Ильича. Воспоминания. С. 23, 24, 88; Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 480–482.

³ Гордиенко И.М. Из боевого прошлого. Москва; Ташкент, 1933. С. 6.

ков Петроградской организации»: «ПК считает необходимой задачей всех сил революции немедленное свержение правительства и передачу власти Советам рабочих и солдатских депутатов как в центре, так и на местах. Для выполнения этой задачи ПК считает необходимым перейти в наступление всей организованной силой революции, без малейшего промедления, не дожидаясь, пока активность контрреволюции не уменьшит шансы нашей победы».

Достаточно сопоставить этот текст с ленинским письмом, чтобы стало очевидным, что резолюция являлась прямым ответом на обращение Владимира Ильича. Давление «снизу» стало фактом. В том же № 251 «Петроградской правды» член ПК и ВРК Михаил Лашевич вспоминает о том, что «было собрано экстренное заседание Военно-революционного комитета, на котором присутствовало немного народу... Немедленно был дан приказ по всем районам не допустить разводки мостов».

Спустя два года, выступая на партийном собрании Выборгского района, Михаил Калинин сказал: «Вы помните, что в самый ответственный, исключительный момент, в октябрьские дни, когда встал вопрос: быть или не быть? — Владимир Ильич написал письмо в Петроградский комитет... Вы помните, товарищи, когда читали это письмо на вашем собрании, то мы говорили, что момент выступления мы не упустим и все колеблющиеся элементы толкнем на революционный подвиг»¹.

Около 5 часов на Центральный телеграф явился комиссар ВРК Станислав Пестковский. Охрану здесь несли солдаты Кексгольмского полка. Они заверили, что будут подчиняться только ВРК. И без единого выстрела Пестковский взял телеграф под свой контроль. Через час комиссар ВРК Леонид Старк с 12 матросами установил контроль над Петроградским телеграфным агентством. Около семи член ЦК Владимир Милютин явился как комиссар ВРК с вооруженным отрядом в Особое присутствие по продовольствию и установил охрану продовольственных складов².

Между тем Фофанова, вернувшись из райкома, сообщила Владимиру Ильичу, что Крупская связывалась с ЦК, но его просьба о переходе в Смольный — отвергнута: слишком опасно. Маргарита Васильевна попыталась соорудить обед, но Ленин воспротивился: «Бросьте всю эту готовку. Я уже сегодня ел — ставил чайник». Он снова пишет записку и вторично отправляет Фофанову к Крупской.

«Вскоре, — пишет Маргарита Васильевна, — я принесла от нее ответ, который его не удовлетворил». В ЦК опять ссылались на опасность и отсутствие охраны. Ругался Ленин нещадно: «Не знаю — все, что они

¹ Калинин М.И. Избранные произведения. Т. 1. С. 147.

² См.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 83; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 287.

мне говорили — они все время ввалили или заблуждались? Что они трусят? Тут они все время говорили, что тот полк — наш, тот — наш... А спросите — есть ли у них 100 человек солдат... 50 человек? Мне не надо полк». Он опять написал записку Крупской и отдал Фофановой: «Идите, я вас буду ждать ровно до 11 часов. И если вы не придете, я волен делать то, что хочу»¹.

Фофанова ушла, а вскоре появился Эйно Рахья. Ни в ПК, ни в райком он не заходил. Рассказал о положении в городе. Об угрозе разводки мостов. О том, что на улицах патрули и уже постреливают. «Мы напились чаю и закусили, — пишет Рахья. — Владимир Ильич ходил по комнате из угла в угол по диагонали и что-то думал».

Он был уверен, что и на сей раз Фофанова принесет отказ, и попросил Эйно пойти прямо в Смольный и добиться ответа от Сталина. Но Рахья объяснил, что при том, что творится в городе, на это уйдет слишком много времени. Тогда Ленин сказал, что отсиживаться здесь больше не намерен и они пойдут в Смольный вдвоем. Как ни запугивал его Эйно опасностью такого путешествия, Владимир Ильич настоял на своем. И привыкший ко всему Рахья принялся за «маскировку»: «Ильич переменял одежду, перевязал зубы достаточно грязной повязкой, на голову напялил заваливающуюся кепку». Фофановой Ленин оставил записку: «Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич». И они пошли...²

От дома двинулись к Сампсониевскому. На пустом попутном трамвае доехали до угла Боткинской. Владимир Ильич не удержался и стал расспрашивать кондукторшу — что, мол, происходит... Та отрезала: «Ты что — с луны свалился?» Они ехали к центру от рабочей окраины. На улицах было довольно безлюдно. Лишь у магазинов стояли молчаливые очереди. «Какие-то таинственные личности шныряли вокруг хлебных и молочных хвостов и нашептывали несчастным женщинам, дрожащим под холодным дождем, что евреи припрятают продовольствие и что, в то время как народ голодает, члены Совета живут в роскоши». Изредка проходили патрули юнкеров, рабочие отряды да проносились грузовики, набитые солдатами.

Людно было на заводах и в казармах. «Помещения комитетов были завалены винтовками». Формировались группы и отряды Красной гвардии. Приходили и уходили связные из районных Советов и Смольного. А во всех солдатских казармах шли «бесконечные и горячие споры».

Слова, взятые в кавычки, — из записей американского журналиста Джона Рида. Весь день он мотался по столице и увидел город как бы

¹ РГАСПИ, ф. 4, оп. 2, ед. хр. 5152, л. 86; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 448.

² См.: Последнее подполье Ильича. Воспоминания. С. 88, 89; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 448.

расколотым надвое. Потому что, в отличие от окраин, в центре всю гуляла «чистая публика». «Словно волны прилива, двигались они вверх и вниз по Невскому». В переулки не сворачивали: «грабежи дошли до того, что в боковых улочках было опасно показываться...» Все театры и рестораны были открыты. «Игорные клубы лихорадочно работали от зари до зари; шампанское текло рекой, ставки доходили до двухсот тысяч рублей... В центре города бродили по улицам и заполняли кофейни публичные женщины в бриллиантах и драгоценных мехах... Под холодным, пронизывающим дождем, под серым тяжелым небом огромный взволнованный город неся все быстрее и быстрее навстречу... Чему?...»¹

Трамвай, на котором ехали Ленин и Рахья, сворачивал в парк и до Литейного моста дошли пешком. На этом конце моста стояли красногвардейцы, но с той стороны — юнкера, требовавшие пропусков из штаба округа. Вокруг них толпились рабочие, ругань стояла страшная и, воспользовавшись сумятицей, Ленин и Рахья «прошмыгнули через часовых на Литейный, потом свернули на Шпалерную».

Тут-то они и натолкнулись на патруль — двух конных юнкеров: «Стой! Пропуска!» У Эйно в карманах куртки лежали два револьвера. «Я разберусь с ними сам, а вы идите», — сказал он Ленину и, сунув руки в карманы, прикинувшись пьяным, ввязался в пререкания с патрульными. «Юнкера угрожали мне нагайками, — пишет Рахья, — и требовали, чтобы я следовал за ними. Я решительно отказывался. По всей вероятности, они в конце концов решили не связываться с нами, по их мнению, с бродягами. А по виду мы действительно представляли типичных бродяг. Юнкера отъехали»².

Именно в это время — нарочно не придумаешь! — совсем рядом, буквально в двух кварталах, у дома 6 по Финляндскому проспекту, где располагалась редакция «Рабочего пути», затормозили автомашины с юнкерами во главе с подполковником Г.В. Германовичем. В прежней «Истории гражданской войны в СССР» писали, что они прибыли для ареста Сталина. Но это не так. По агентурным сведениям штаба округа, именно в этом доме на 3-м этаже скрывался Ленин. И приказ был арестовать именно его. Однако, когда юнкера ворвались на 3-й этаж, оказалось, что там находится рабочий клуб «Свободный разум». А по соседству — районный штаб Красной гвардии. Вместе с рабочими красногвардейцы разоружили подполковника, юнкеров и отправили их в Петропавловскую крепость³.

¹ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 55, 56.

² Последнее подполье Ильича. Воспоминания. С. 89, 90.

³ См.: История гражданской войны в СССР. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1947. С. 217; Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 100, 103; Старцев В.И. От Разлива до Смольного. М., 1977. С. 173.

Всего этого Ленин и Рахья, естественно, не знали и вскоре добрались до Смольного. А тут новая напасть. Сменили пропуска. По старым никого не пускали и образовалась огромная орущая толпа. Тогда опытный по части уличных потасовок Рахья вместе с другими стал раскачивать эту толпу «на прорыв». Охрана не выдержала натиска, расступилась и Эйно вместе с Лениным оказались внутри Смольного. Владимир Ильич попросил Рахью найти кого-либо из ЦК, а сам уселся в коридоре на подоконнике.

То, что было дальше, — это уже не только история, но и «политика». Ибо после дискуссии 1924 года вопрос о том — с кем встретился Ленин, приобрел «политическое» значение. В первые годы после Октября полагали, что это был Троцкий. Но позднее — даже в воспоминаниях Рахьи, в дополнение к Троцкому стал фигурировать Сталин, а затем уже только Сталин, который «информировал Владимира Ильича о совершившихся событиях»¹.

Если верить Троцкому, а говорил он в 1920 году на вечере воспоминаний в присутствии активных участников октябрьских событий в Питере, они с Лениным зашли в какую-то маленькую проходную комнату по соседству с актовым залом. И первый вопрос, который задал ему Владимир Ильич, — о переговорах ВРК со штабом округа. Газеты писали, что вот-вот «соглашение будет достигнуто» и, как заметил Троцкий, «Владимир Ильич, прочитав эти газеты, весьма яростно был настроен против нас».

«Неужели это правда? Идете на компромисс? — спрашивал Ленин, всверливаясь глазами. Я отвечал, что мы пустили в газеты успокоительное сообщение нарочно, что это лишь военная хитрость... “Вот это хо-рошо-о-о, — нараспев, весело, с подъемом, проговорил Ленин и стал шагать по комнате, возбужденно потирая руки. — Это оч-чень хорошо!”»²

Видимо, в этот момент и произошел забавный эпизод, который позднее не раз эксплуатировался кинематографистами и художниками. В комнату неожиданно вошли Дан и Скобелев. Ленин и Троцкий сидели к ним спиной в конце длинного стола, а Дан вынул сверток с харчами, принесенными из дома, и стал раскладывать их на другом конце.

Узнать Ленина было весьма затруднительно: «Он был обвешан платком, как от зубной боли, с огромными очками, в плохом картузишке, вид был довольно странный. Но Дан, у которого глаз опытный, наметанный, когда увидел нас, посмотрел с одной стороны, с другой стороны, толкнул локтем Скобелева, мигнул глазом и...» Он мигом сгреб бутерброды и оба выскочили из комнаты. «Владимир Ильич, — пишет Троцкий, — тоже толкнул меня локтем: — “Узнали подлецы!”». А Рахья добавляет:

¹ См.: Последнее подполье Ильича. Воспоминания. С. 90, 91.

² Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 56; *Троцкий Л.Д.* О Ленине. С. 74, 75.

«Этот случай привел Владимира Ильича в веселое настроение, и он от души хохотал»¹.

Перешли в другую комнату — 36 (или 31). Когда стали собираться члены большевистского ЦК, Ленин снял парик, повязку, кепку, очки. Скоро здесь стало тесновато. Стульев не хватило и Рахья подал пример: «Я уселся на полу у двери в уголочке, прижавшись подбородком к коленям». В такой позе обычно сидели в переполненных общих камерах. И так как большинство присутствовавших имело на сей счет опыт, проблеме размещения решили быстро. Кто сел, прислонившись к стене, кто просто улегся на пол, ибо многие не спали вторые сутки².

Между тем разговор продолжился. И о существовании этой беседы в нашей литературе писали неохотно и невнятно. В 1920 году на вечере, посвященном 50-летию Ленина, в отличие от тех, кто пел дифирамбы юбиляру, Сталин говорил об умении Владимира Ильича публично признавать свои ошибки. Напомнив о разногласиях между ЦК и Лениным в сентябре–октябре 1917 года, Сталин сказал, что ЦК ставил тогда задачу «созвать съезд Советов, открыть восстание и объявить съезд Советов органом государственной власти...

И, несмотря на все требования Ильича, — продолжал Сталин, — мы не послушались его, пошли дальше по пути укрепления Советов и довели дело до съезда Советов 25 октября, до успешного восстания. А когда Ленин вышел из подполья и встретился в Смольном с членами ЦК, то улыбаясь и хитро глядя на нас, он сказал: “Да, вы, пожалуй, были правы”... Товарищ Ленин не боялся признать свои ошибки»³.

В том же 1920 году Троцкий по-иному осветил этот сюжет. Говоря о том, что в октябрьские дни действительно существовали «два оттенка в отношении восстания», он пишет, что питерцы — имея в виду прежде всего *себя* — «связывали судьбу этого восстания с ходом конфликта из-за вывода гарнизона. Владимир Ильич... связывал судьбу этого восстания не только с одним ходом конфликта в Питере. И это был не оттенок, а скорее подход к делу. Наша точка зрения была питерская, что вот-де Питер поведет дело таким образом. А Ленин исходил из точки зрения восстания не только в Питере, а во всей стране»⁴.

И только придя в Смольный и убедившись, что выступление развивается успешно, «он стал молчаливее, подумал и сказал: “Что ж, можно и так...” Я, — пишет Троцкий, — понял, что он только в этот момент

¹ Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 56; Последнее подполье Ильича. Воспоминания. С. 91.

² Последнее подполье Ильича. Воспоминания. С. 92; Милютин В.П. О Ленине. М., 1924. С. 4, 5.

³ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 317, 318.

⁴ Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 58.

окончательно примирился с тем, что мы отказались от захвата власти путем конспиративного заговора (?! — В. Л.). Он до последнего часа опасался, что враг пойдет наперерез и застигнет нас врасплох. Только теперь... он успокоился и окончательно санкционировал тот путь, каким пошли события»¹.

Нетрудно заметить, что оба мемуариста стремятся толковать произошедшее объяснение с Лениным не только по-своему, но и каждый в свою пользу. К вопросу о том, кто на самом деле оказался прав, мы еще вернемся чуть ниже. Но тогда — в ночь на 25 октября — Владимир Ильич вполне мог сказать Сталину и другим цекистам, что правы они, а Троцкому: «можно и так...». Выяснить отношения не было времени. Куда важнее было оценить происходящее в данный момент. Тем более что сообщения о ходе событий, как отмечал Милютин, поступали непрерывно.

Информация была пестрой и бестолковой. То, что писала «Новая жизнь» о планомерных действиях правительственных войск, скорее отражало намерения правительства, а не реальность. Еще утром морское министерство приказало вывести «Аврору» от Франко-Русской верфи в море. Но, по настоянию ВРК, Центробалт отменил приказ и крейсер остался в Питере.

Приказ о разведении мостов, дабы воспрепятствовать продвижению к центру рабочих отрядов, полностью выполнен не был. Когда юнкера Михайловского училища попытались занять весь Литейный мост, рабочие и красногвардейцы — без всякого указания ВРК — тут же разоружили их и принудили вернуться в казармы. Солдаты, взявшие под контроль Гренадерский и Сампсониевский мосты, заявили, что будут подчиняться только ВРК. Корреспонденты «Новой жизни» были людьми сторонними. А стороннему наблюдателю трудно было разобраться в этот день, за кого выступают те или иные воинские команды и патрули — за правительство или против него.

Через два дня в ленинском «Декрете о мире» будет говориться о «революции 24–25 октября», то есть 24-е включалось в дни восстания. Но поначалу это было «странное» восстание. Как напишет 25-го в газете «День» известный журналист Давид Заславский: «восстание без темперамента и страсти».

«Днем и вечером в Смольном, — писал Георгий Ломов, — чувствуется какая-то нерешительность: ни мы, ни Керенский не рискуем стать на путь окончательной схватки... Какая-то нерешительность чувствуется у нас в Центральном комитете... Настроение какое-то выжидательное, словно еще должно что-то произойти, после чего и начнется на-

¹ Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 75.

стоящее восстание... что, пожалуй, надо немного “погодить”, как бы не “зарваться”»¹.

Складывалось ощущение, что противоборствующие стороны тянут время. Керенский ждал подкрепления с фронта. Члены ВРК ждали матросов из Кронштадта и Гельсингфорса и было у них — частью сознательное, частью неосознанное — желание дотянуть до Съезда Советов без, как им казалось, лишних осложнений. Выступление таким образом превращалось в процесс силового противостояния, в ходе которого одна сторона — правительство — все более теряла почву под ногами, другая — наращивала мощь.

Однако Ленин прекрасно понимал, что процесс противостояния, при всех благоприятных для большевиков изменениях в соотношении сил, должен завершиться вполне определенным актом — свержением правительства. И оттягивать его было нельзя — об этом он писал во всех своих октябрьских статьях и письмах. Ибо в любой момент, с прибытием верных правительству войск, соотношение сил в столице могло измениться.

А может, зря он опасался? Да нет — не зря. Керенский позднее писал: «Сейчас же после окончания заседания правительства [в 23 часа 24 октября. — В. А.] ко мне явился командующий войсками вместе со своим начальником штаба. Они предложили мне организовать силами всех оставшихся верными Временному правительству войск, в том числе и казаков, экспедицию для захвата Смольного института — штаб-квартиры большевиков... Этот план получил сейчас же мое утверждение, и я настаивал на его немедленном осуществлении»². Так что прав был Ленин. Благодушие в этот момент могло обойтись дорого.

Насчет отсутствия «темперамента и страсти» у руководителей восстания Заславский был, конечно, не прав. Грандиозность происходящего ощущалась всеми. «События, — писал Бубнов, — неслись молниеносно, были резко напряжены и переживались как могучий ход громадного революционного вала». Этот гигантский вал порождал множество конкретных задач, малых, но неотложных дел. Все были на месте, все при деле, все безумно заняты. И события захлестывали, не давая возможности ухватить целое. Отчасти поэтому и сами руководители восстания, как заметил Станислав Пестковский, «по случаю переворота находились в состоянии “растрепанных чувств”»³.

С приходом Ленина в Смольный ситуация меняется. При том, что все были возбуждены и «чрезвычайно рассеянны, — записал тот же Пестковский, — Владимир Ильич сохранял чрезвычайное присутствие духа...» Сам факт, что все каналы информации — ЦК, ПК, ВРК — соеди-

¹ Пролетарская революция. 1927. № 10. С. 170, 171.

² Керенский А. Ф. Издалека. Сб. статей (1920–1921). Париж, 1922. С. 200.

³ См.: От Февраля к Октябрю. М., 1957. С. 64, 283.

нились теперь в одной точке, сложил пеструю мозаику событий в цельную картину. И это придало целенаправленность дальнейшим действиям повстанцев.

Алексу Рабиновичу удалось зафиксировать тот момент, когда в тактике ВРК произошел явный перелом. Сделать это ему позволили воспоминания комиссара ВРК в Павловском полку Освальда Дзениса. Около 9 вечера, по приказу ВРК, он с павловцами занял Троицкий мост и стал делать то, что до этого делали юнкера: выставил заставы, стал задерживать и проверять машины. Важных, по его мнению, чиновников, направлявшихся к Зимнему дворцу, Дзенис арестовывал и доставлял в Смольный.

Но вскоре оттуда ему позвонил Подвойский и устроил выволочку за преждевременные и несанкционированные действия. Он сказал, что до завтрашнего дня ВРК никаких наступательных и активных шагов предпринимать не будет. Однако около 2 часов ночи Дзенис получил прямо противоположный приказ: установить самый жесткий контроль за движением и усилить патрулирование на своем участке¹.

Примерно в это же время сменили небоеспособную охрану и коменданта самого Смольного, эсера Грекова. Около 2 часов ночи матросы, красногвардейцы и солдаты захватили Главный почтамт. Тогда же заняли Петроградскую электростанцию. В 2 часа были взяты под полный контроль Николаевский и Балтийский вокзалы, куда могли прибыть «ударники» с фронта.

«Ночь была морозная, — вспоминал один из участников этих событий. — Северный ветер пронизывал до костей. На прилегающих к Николаевскому вокзалу улицах, поеживаясь от холода, стояли группы саперов... Луна делала картину фантастической. Громады домов походили на средневековые замки, саперов сопровождали тени великанов, при виде которых изумленно осаживала коня статуя предпоследнего императора».

В 3 часа 30 минут, пройдя по Неве, «Аврора» отдала якорь у Николаевского моста. После того, как матросы навели прожектора на мост, юнкера бежали. А крейсер развернули так, чтобы пушки его смотрели прямо на Зимний дворец².

Именно в это время, в четвертом часу утра, Керенский в сопровождении Коновалова прибыл в Генеральный штаб. Информация была неутешительной. Фактически все опорные пункты столицы находились

¹ См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 292, 293.

² См.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 194; Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 55, 56; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 293.

в руках восставших. Генерал для поручений при Керенском Борис Антонович Левицкий телеграфировал в Ставку: «Весь город покрыт постами гарнизона, но выступлений на улицах никаких нет... В общем впечатленье, как будто бы Временное правительство находится в столице враждебного государства, закончившего мобилизацию, но не начавшего активных действий»¹.

Ленин понимал, что пора уже было переходить к этим «активным действиям», то есть доводить восстание до конца, до свержения правительства и создания новой власти. Однако большевистскому ЦК, которому предстояло решать эти задачи и форсировать выступление, так и не удавалось начать нормальное заседание.

Выше уже упоминалось о сценическом приеме, именуемом симультанным действием, когда на разных соседствующих площадках одновременно происходит театральный перформенс. Так вот — чуть ли не за стеной той комнаты, где собрались члены ЦК, с половины первого ночи, в большом зале под председательством Гоца шло экстренное объединенное заседание ЦИК Советов и Исполкома Совета крестьянских депутатов.

Ухо надо было держать востро. Ибо туда же пригласили всех съехавшихся к этому моменту делегатов II съезда Советов. Перед ними выступали Дан, Мартов, эсеры Гендельман, Колегаев. И членам большевистского ЦК приходилось то и дело уходить на это заседание, чтобы ответить тому же Дану, исполнявшему обязанности председателя ЦИК вместо уехавшего 5 октября в Грузию Николая Чхеидзе.

Ситуация складывалась достаточно сложная. В результате бойкота съезда Исполкомом Совета крестьянских депутатов многие местные чисто крестьянские Советы своих представителей на Съезд не послали. По предварительным данным, из 670 зарегистрировавшихся делегатов лишь 300 определились как большевики. 193 считали себя эсерами (правыми, левыми и центра), 68 — меньшевиками и 14 — меньшевиками-интернационалистами, 95 принадлежали к беспартийным, различным национальным и мелким партийным группкам.

То есть при сохранении целостности эсеровской и меньшевистской фракций 300 большевикам мог противостоять эсеро-меньшевистский блок из 275 делегатов, а 95 «нефракционных» открывали широкий простор для различного рода комбинаций, интриг и сугубо личных сговоров. Именно это имел в виду Ленин, ежедневно следивший за ходом регистрации, когда написал 24-го о ненадежности «колеблющегося голосования»².

¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 340.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 436; Второй Всероссийский Съезд Советов. М.; А., 1928. С. 108, 109; Правда. 1917. 29 октября.

Между тем изначально, с момента постановки вопроса о восстании, Владимир Ильич предполагал, что большевики будут идти к власти вместе с левыми эсерами. Ибо «блок с левыми эсерами», — писал Ленин в сентябре Смильге, только он «один может нам дать прочную власть в России», опирающуюся на большинство народа¹.

Этот блок уже стал складываться не только в Питере, но и в ряде регионов. 6 октября, во время переговоров Троцкого и Каменева с Натансоном и Григорием Шрейдером об уходе из Предпарламента, левозсеровские лидеры заявили, что хотя в Предпарламенте они пока останутся, но твердо обещают «полную поддержку большевикам в случае революционного выступления *вне его*»².

В решающие октябрьские дни в ВРК они действительно работали бок о бок с большевиками. Буквально накануне восстания, анализируя крестьянский «Наказ», Ленин с удовлетворением отметил: «Вот и соглашение с левыми эсерами готово». И, как отмечалось выше, утром 24-го, когда выступление уже начиналось, ЦК поручил Каменеву и Берзину переговоры с левыми эсерами о дальнейших действиях. Спустя несколько дней Ленин прямо укажет: «Мы хотели советского коалиционного правительства»³.

Однако именно в этот момент лидеры левых эсеров не пошли на раскол с правыми эсерами и руководством ЦИК и ИКСКД. Стремительный рост их влияния в крестьянской среде вселял амбициозные надежды на то, что из меньшинства они смогут превратиться в большинство самой многочисленной российской партии. «Несмотря на огромную напряженность “внутренних отношений”, — писал левый эсер Сергей Мстиславский, — партия официально была еще единой: фракция Съезда была *одна*. И поскольку “на местах” настроение партийных масс было несомненно левее застывших в февральских настроениях верхов, у нас была смутная надежда вырвать фракцию, а стало быть и партию целиком из рук Центрального Комитета...»⁴.

Но рассчитывая переиграть правых на столь привычной для них арене совещаний, вынужденные ради этого идти на уступки, левые явно недооценили противника. Надо отдать должное Федору Дану. На этом ночном экстренном заседании он не стал отрицать правомочности перехода власти к Советам. Он лишь пугал. Пугал черносотенной опасностью...

«Никогда контрреволюция, — говорил Дан, — не была еще так сильна... На фабриках, заводах и в казармах гораздо более значитель-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 366.

² Штейнберг И. От Февраля по Октябрь 1917 года. Берлин; Милан, б/г. С. 115.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 36, 37; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 470.

⁴ Мстиславский С. Пять дней. 2-е изд. Берлин, 1922. С. 121–122.

ным успехом пользуется черносотенная печать — газеты “Новая Русь” и “Живое Слово”...» А посему «для всякого мыслящего политически здраво ясно, что вооруженные столкновения на улицах Петрограда означают... торжество контрреволюции, которая сметет в недалеком будущем не только большевиков, но все социалистические партии».

Либер, как обычно, поддержал Дана: «Советы власти не удержат, она перейдет к неорганизованным массам». Начнутся анархия и погромы. Напомнив, как в июльские дни на улице избивали меньшевика Монозона (С.М. Шварца), он заключил: «Кто бы ни производил насилие, хулиганы или большевики, самый этот факт говорит против движения, которое принимает такие формы».

Масло в огонь подлил эсер Михаил Гендельман. Он рассказал, как, приехав в Петропавловскую крепость на митинг, услышал в свой адрес: «“А, Гендельман, значит жид и правый!” Там же слово “сволочь” было самым распространенным синонимом слова “интеллигент”». Но большевиков Моисея Володарского, Моисея Урицкого, Льва Троцкого те же солдаты встречали с восторгом. Их буквально носили на руках. И Гендельман предостерегал: те, кто сегодня «поднимают “рабочего” Троцкого на щит, [завтра] растопчут интеллигента Бронштейна»¹.

В обращении к населению 24 октября ВРК предупредил: «Гарнизон Петрограда не допустит никаких насилий и бесчинств... Преступники будут стерты с лица земли». И Троцкий пишет, что, придя в Смольный, Владимир Ильич сразу заметил этот плакат ВРК, «угрожавший громадам, если бы они попытались воспользоваться моментом переворота, истреблением на месте. В первый момент Ленин как бы задумался... Но затем сказал: “Пр-р-равильно”»². То есть и в данном случае, осознавая реальную угрозу, большевики предпочитали «ужасикам» — решительное противодействие опасности. Поэтому запугивание погромами они восприняли как попытку отвлечь делегатов съезда Советов от главного.

Явившись на это заседание из комнаты, где собрались члены большевистского ЦК, Троцкий заявил: «Если вы не дрогнете, то гражданской войны не будет, так как наши враги капитулируют... Если Всероссийский съезд Советов не хочет обескуражить массы, желающие революционной власти и революционных методов борьбы, то все члены Съезда должны идти со штабом Революции, а не со штабом ее врагов»³.

А такой «штаб» — помимо правительственного — уже стали создавать. В упоминавшейся выше резолюции Совета Республики, принятой 24 октября после отъезда Керенского, предлагалось создать Комитет

¹ См.: *Меньшевики в 1917 году*. Т. 3. Ч. 2. С. 220–223.

² *Рабочий путь*. 1917. 25 октября; *Троцкий А.Д.* О Ленине. М., 1924. С. 74, 75.

³ *Меньшевики в 1917 году*. Т. 3. Ч. 2. С. 222; *Галили З., Хеймсон Л., Миллер В., Ненафков А.* РСДРП(б) в 1917 году. Документально-исторические очерки. М., 2007. С. 293.

Общественного Спасения для оказания помощи правительству. В проекте кадетов, кооператоров и плехановцев говорилось прямо, что Предпарламент «окажет полную поддержку» правительству и требует от него «самых решительных мер» для подавления большевистского мятежа.

Однако принятая тогда резолюция народных социалистов, правых и левых меньшевиков и эсеров звучала несколько мягче. Комитет Общественного Спасения создавался «для борьбы с активным проявлением анархии и погромного движения» и должен был действовать «в *контакте с Временным правительством*». Выступая в Смольном на экстренном совещании ЦИК и ИКСКД в ночь на 25 октября, Дан умолчал о том, что извещение о создании Комитета Общественного Спасения уже разослано им от имени ЦИК до начала данного собрания с делегатами съезда¹.

Теперь предстояло хоть как-то легитимизировать это решение. Но самого Дана слушали плохо. Его выступление то и дело перебивали репликами. Особенно после того, как он стал протестовать против «травли правительства», ибо «управлять в настоящий момент нашим государством — каторжная задача и никакая власть, ни Керенского, ни Советов — вполне справиться с этой задачей не сможет».

Он опять призывал ждать! Ибо Предпарламент уже, мол, потребовал от правительства немедленного решения вопросов о земле и мире. О том, что Керенский выставил их с этими «требованиями» за дверь, Дан, естественно, опять-таки умолчал. Впрочем, на ходатайства перед *этим* правительством делегаты уже не надеялись. «Поздно!» — крикнули Дану из зала. А когда он заявил, что «штыки враждующих сторон скрестятся между собой только *через труп ЦИК*», выкрик из зала был уж совсем оскорбительный: «А ЦИК давно уже стал трупом!»².

В этой ситуации проект резолюции поручили зачитать Мартову, к голосу которого прислушивались более внимательно. Он сразу заявил, что «среди членов ЦИК нет ни одного, который отрицал бы право пролетариата на выступление... И хотя меньшевики-интернационалисты не противятся переходу власти в руки демократии, но они высказываются решительно против тех методов, которыми большевики стремятся к этой власти».

В зачитанной им резолюции говорилось, что выступление используют «притаившиеся банды хулиганов и погромщиков», что контрреволюция уже «мобилизовала свои силы», что армии грозит голод, а Питеру — немцы. В этой связи и конструировался — но не Комитет Общественного Спасения, как предложил Совет Республики, а *Комитет Общественной*

¹ См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 186, 252.

² См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 221; Галли З., Хеймсон А., Миллер В., Нена-роков А. РСДРП(б) в 1917 году. Документально-исторические очерки. С. 293.

Безопасности. О его «контакте с Временным правительством» не упоминалось.

Иными словами, проект фактически повторял основные пункты резолюции Предпарламента 24 октября. И Володарский заявил, что принимать ее на данном совещании перед самым открытием съезда Советов — неправомерно и нецелесообразно. Большевики покинули зал, и резолюцию утверждали уже без них. После этого эсеры и меньшевики разошлись на свои фракционные собрания¹.

Шел уже четвертый час ночи. Надо было определяться. Поведение левых эсеров на прошедшем ночном совещании показало, что их попытки «переиграть» правых — малопродуктивны. Опыт 1917 года говорил о том, что в создавшейся ситуации существует один выход. Необходимо увлечь колеблющихся своим примером, решительностью, довести борьбу до победы, ибо «только наша победа в восстании, — писал Ленин, — положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете»².

Тот факт, что столичный пролетариат и гарнизон за большевиков, никто не оспаривал. Но это не означало, что правительство и Ставка не могут собрать из «меньшинства» боеспособный кулак тех же фронтовых ударных частей и обрушить его на Петроград. И если «сегодня вечером, сегодня ночью» наша победа обеспечена, считал Ленин, то завтра «можно потерять все!». Тогда уже речь будет идти не о соблюдении демократических процедур и даже не о съезде Советов. «Цена взятия власти тотчас: защита *народа* (не съезда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от корниловского правительства...» Так ставил вопрос Владимир Ильич³.

И в той же комнате, куда с полуночи приходили, расходились и вновь собирались цекисты, Ленин открыл заседание ЦК большевиков. Его наиболее полный анализ был дан Евгением Алексеевичем Луцким. Он считает, что «состав участников менялся в зависимости от разных обстоятельств, связанных с вооруженным восстанием, некоторые члены ЦК уходили с заседания, другие приходили». Протокол не велся⁴.

«Центральный Комитет партии (большевиков), — вспоминал Милютин в 1924 году, — заседал в маленькой комнатке № 36 на первом этаже Смольного. Посреди комнаты — стол, вокруг — несколько стульев, на пол сброшено чье-то пальто... В углу прямо на полу лежит товарищ

¹ См.: Меньшевики в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 185, 224–226, 252; Галили З., Хеймсон А., Миллер В., Ненафок А. РСДРП(б) в 1917 году. Документально-исторические очерки. С. 293.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 245.

³ См. там же. С. 435.

⁴ Луцкий Е.А. Заседание ЦК РСДРП(б) ночью 25–26 октября 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 84.

Берзин... ему нездоровится. В комнате исключительно члены ЦК, т. е. Ленин, Троцкий, Сталин, Смилга, Каменев, Зиновьев и я... Время от времени стук в дверь: поступают сообщения о ходе событий»¹.

Милютин запамятовал: на заседании присутствовали и представители ПК. Ольга Равич в 1927 году вспоминала: заседание «было в Смольном, на первом этаже, в комнате, носившей № 31 (или 36). За небольшим столом сидело несколько человек: Владимир Ильич, Дуначарский и еще кто-то. Остальные: Троцкий, несколько членов ПК стояли или сидели на полу, так как стульев на всех не хватало»².

Важнейшим источником, освещающим ход данного заседания, являются обширные анкеты Истпарта, заполненные участниками Октябрьской революции в 1927 году. Лишь в 1957 году значительная часть этих анкет была опубликована Р.А. Лавровым, В.Т. Логиновым, В.Н. Степановым и З.Н. Тихоновой в сборнике от «От Февраля к Октябрю», а затем в журналах «Исторический архив», «Новый мир» и др. Однако другие анкеты по действовавшим тогда цензурным условиям напечатать не удалось. Е.А. Луцкий знал их содержание, но по тем же причинам использовать не мог³.

Заседание начали с информации о ходе событий. Доклад сделал Иоффе, который после решения ЦК 21 октября вошел в руководящее ядро ВРК. Он доложил о том, какие мосты заняты, какие вокзалы блокированы, какие части гарнизона и отряды Красной гвардии подтягиваются к Зимнему дворцу, что в ближайшие часы отправятся корабли с десантом из Кронштадта, а из Гельсингфорса в 3 часа вышел в Питер эшелон с матросами...

Но выяснилось и другое: до сих пор не занят Варшавский вокзал, куда могут из Пскова доставить корниловские части с Северного фронта. Не занят Государственный банк. Не взяты под контроль телеграф, Центральная телефонная станция, и Керенский поддерживает постоянную связь со Ставкой...

И все-таки общий настрой был оптимистичным. «...Вопрос еще не решен — на нашей ли стороне победа или нет, — писал Милютин, — но соотношение сил вполне определилось — перевес на нашей стороне». Ломов еще более категоричен: «Положение совершенно определилось: фактически власть находилась в наших руках».

И даже мрачно настроенный Каменев изрек: «Ну, что же, если сделали глупость и взяли власть, то надо составлять министерство». Иоффе пишет, что реплика эта запомнилась «потому, что после суматохи этой

¹ Милютин В.П. О Ленине. С. 4, 5.

² РГАСПИ, фонд № 70, опись № 4, дело № 199, л. 60.

³ Вопросы истории КПСС. 1989. № 11. С. 132.

ночи мне лично, я думаю, и многим другим только после этих слов стало вполне ясно, что власть-то мы ведь действительно взяли»¹.

Милютин пишет, что когда он тоже поддержал предложение о формировании правительства, оно «некоторым показалось настолько преждевременным, что они отнеслись к нему как к шутке». Кто-то даже заметил, что мы «едва продержимся две недели». Ленин ответил: «Ничего, когда пройдет два года и мы все еще будем у власти, вы будете говорить, что [вряд ли] еще два года продержимся»².

По настоянию Владимира Ильича Милютин «взял карандаш, клочок бумаги и сел за стол». О характере нового правительства споров не возникало. Это должно быть, полагал Ленин, «Рабоче-крестьянское правительство». И, как вспоминал Иоффе, Владимир Ильич высказал пожелание, чтобы в его состав по возможности «были назначены рабочие, а интеллигенты при них замами». В разговор втягиваются присутствующие члены ЦК и ПК и «в конце концов, — пишет Милютин, — все приняли участие... Возник вопрос, как назвать новое правительство и его членов». Ленин рассуждает вслух: «Только не министрами: гнусное, истрепанное название». Все соглашаются. «Название членов правительства “министрами”, — замечает Милютин, — отдавало бюрократической затхлостью. И вот тут Троцкий нашел то слово, на котором все сразу сошлись».

«Можно бы, — предлагает он, — комиссарами, но только теперь слишком много комиссаров. Может быть, верховные комиссары?.. Нет, “верховные” звучит плохо. Нельзя ли “народные”?» — «“Народные комиссары”? Что ж, это, пожалуй, подойдет, — соглашается Ленин. — А правительство в целом?» Каменев подхватывает: «А правительство назвать Советом Народных Комиссаров». Владимир Ильич пробует на слух: «Совет Народных Комиссаров?.. Это превосходно: ужасно пахнет революцией!..». Вспомнил он, как отметила Ольга Равич, и комиссаров Парижской коммуны. «И мною, — рассказывает Милютин, — было записано — Совет Народных Комиссаров...»³

Е.А. Луцкий полагает, что, видимо, тогда же решили все узаконения будущего правительства называть, как и акты Парижской коммуны, — «Декретами». Это тоже пахло революцией. «А затем, — вспоминал Милютин, — приступили к поименному списку»⁴.

¹ См.: *Милютин В.П.* О Ленине. С. 5; *Ломов Г.* В дни бури и натиска // Пролетарская революция. 1927. № 10. С. 171; Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 134.

² См.: *Милютин В.П.* О Ленине. С. 5; Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 135, 136.

³ См.: Ленинский сборник. XXI. С. 51; *Милютин В.П.* О Ленине. С. 5, 6; *Троцкий А.Д.* Моя жизнь. Т. II. Берлин, 1930. С. 50, 60; Воспоминания А. Иоффе — РГАСПИ, фонд № 70, опись № 4, ед. хр. 378, л. 170; Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 135; О. Равич. — РГАСПИ, фонд № 70, опись № 4, ед. хр. 199, л. 60.

⁴ См. статью Е.А. Луцкого в журн. Вопросы истории КПСС (1986. № 11. С. 89).

Начало оказалось для всех неожиданным. «...На заседании Центрального Комитета партии, — пишет Троцкий, — Ленин предложил назначить меня председателем Совета Народных Комиссаров. Я привскочил с места с протестами — до такой степени это предложение показалось мне неожиданным и неуместным. “Почему же? — настаивал Ленин. — Вы стояли во главе Петроградского Совета, который взял власть”».

Вот, как нынче говорят, «хороший вопрос» для «лениноедов», которые извели уйму чернил, рассказывая, как Ленин всю жизнь рвался к власти. Но факт этот — загадка лишь для тех, кто не может вырваться за рамки пошлости. Владимир Ильич был напрочь лишен *«личного тщеславия»*. Это засвидетельствовал не кто иной, как Мартов. Для Ленина проблема власти была не целью, а средством осуществления воли народа, а вопрос о «премьерстве» — лишь вопросом политической целесообразности¹.

«Я, — пишет Троцкий, — предложил отвергнуть предложение без прений. Так и сделали». Все сошлись на том, что пост главы правительства должен занять сам Ленин. Пришлось его убеждать, ибо, как свидетельствует Иоффе, «Владимир Ильич сначала категорически отказывался быть председателем СНК и только ввиду настояний всего ЦК согласился»².

Но тут же он предложил, чтобы Троцкий «стал во главе внутренних дел: борьба с контрреволюцией сейчас главная задача. “Я, — пишет Троцкий, — возражал и, в числе других доводов, выдвинул национальный момент: стоит ли, мол, давать в руки врагам такое дополнительное оружие, как мое еврейство?” Ленин был почти возмущен: “У нас великая международная революция, какое значение могут иметь такие пустяки?” — На эту тему возникло у нас полухуливное препирательство. — “Революция-то великая, — отвечал я, — но и дураков осталось еще не мало”. — “Да разве ж мы по дуракам равняемся?” — “Равняться не равняемся, а маленькую скидку на глупость иной раз приходится делать: к чему нам на первых же порах лишнее осложнение?..”» Спор закончился тем, что Свердлов предложил назначить Троцкого комиссаром по иностранным делам, с чем все и согласились³.

А комиссаром по внутренним делам наметили Алексея Ивановича Рыкова, учившегося когда-то на юридическом факультете Казанского университета. Выглядел он в этот момент достаточно решительно. После июльских дней, когда в Москве его избili черносотенцы, Алексей Иванович ходил с револьвером. И в начале заседания ЦК он — под все-

¹ См.: Логинов В.Т. Владимир Ленин. Выбор пути. С. 261.

² РГАСПИ, фонд № 70, опись № 4, ед. хр. 378, л. 170.

³ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. II. С. 61–63.

общий смех и шутки — «вынул из кармана большой наган и положил его перед собой, а на мой вопрос, рассказывает Иоффе, зачем он его с собой таскает, мрачно ответил: “Чтобы перед смертью хоть пяток этих мерзавцев пристрелить”».

«Когда выяснилось, — продолжает Иоффе, — что у меня вообще никакого револьвера нет, Владимир Ильич тоже шутил, что надо, чтобы ЦК мне в складчину купил револьвер. И т. Стасова тут же подарила мне маленький дамский браунинг, о котором кто-то (не помню, сам ли Владимир Ильич) заметил, что он как раз годится, ибо им только блох убивать можно»¹.

Георгий Ломов, присутствовавший в начале этого заседания, вспоминал: «Наше положение было трудным до чрезвычайности. Среди нас было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии и Верхоянска... Каждый из нас мог перечислить чуть ли не все тюрьмы в России с подробным описанием режима... Мы знали, где бьют, как бьют, где и как сажают в карцер, но мы не умели управлять государством и не были знакомы ни с банковской техникой, ни с работой министерств... Желających попасть в наркомы было немного. Не потому чтоб дрожали за свои шкуры, а потому что боялись не справиться с работой... Все народные комиссары стремились всячески отбояриться от назначения, стараясь найти других товарищей, которые могли бы с большим успехом, по их мнению, занять пост народного комиссара».

Именно так случилось с самим Ломовым. Он покинул заседание, ибо ЦК срочно отправил его в Москву. А поскольку Георгий Ипполитович в свое время успешно окончил юридический факультет Петербургского университета, то, «пользуясь моим отсутствием, — пишет Ломов, — т. Рыков, на которого начали взваливать, помимо звания народного комиссара внутренних дел еще и Комиссариат юстиции, предложил в народные комиссары юстиции меня. И так как я был далеко, а народного комиссара юстиции так-таки и не было, то в состав первого Совнаркома ввели и меня»².

Относительно комиссара просвещения сомнений не было: Луначарский. Он, кстати, был одним из тех «немногих», кто внутренне уже был готов принять этот пост. Разговоры о том, что в «социалистическом правительстве» он будет министром просвещения, шли еще в августе. А когда в сентябре он стал заместителем городского головы Петрограда по данным вопросам, Анатолий Васильевич расценил это именно как «ми-

¹ РГАСПИ, фонд № 70, опись № 4, ед. хр. 378, л. 170.

² Пролетарская революция. 1927. № 10. С. 171, 172.

нистерское» назначение. Вот и теперь он воспринял предложение с некоторым пафосом: «Это совершалось в какой-то комнатухе Смольного, где стулья были забросаны пальто и шапками и где все теснились вокруг плохо освещенного стола. Мы выбирали *руководителей обновленной России*»¹.

Речь зашла о кандидатуре комиссара по продовольствию. Поскольку левые эсеры согласия на вхождение в правительство так и не дали, предложили Ивана Теодоровича. В свое время он успешно окончил естественный факультет Московского университета. Был автором многих статей по вопросам аграрной политики. Продовольственное положение в стране иначе как критическим назвать было нельзя. И Ленин грустно пошутил: «Ну, надо кого-нибудь похуже, а то его все равно через неделю в Мойке утопят»².

Еще более сложным в «обновленной России» должен был стать пост комиссара земледелия. Конечно, после Чернова и Маслова хорошо было бы назначить «крестьянским министром» левого эсера. Того же Андрея Лукича Колегаева. Но по уже указанной причине выбор пал на Владимира Павловича Милютина. Сам он был из семьи сельского учителя Курской губернии. Учился в Петербургском университете. Работал земским статистиком. Являлся автором статей и брошюр по земельному и финансово-экономическому развитию России. На VI съезде партии выступал с докладом «Об экономическом положении».

Соглашаясь занять пост комиссара земледелия, Владимир Павлович тут же предложил вариант проекта декрета о земле, разработанный им вместе с Михаилом Лариным. Текст этого проекта до сих пор не найден. Но тогда, ознакомившись с ним, Ленин сразу понял, что при всей «ортодоксальности» документа, он никак не выходит за рамки вопросов, обсуждавшихся еще на Апрельской конференции РСДРП.

Между тем как раз 24 октября «Рабочий путь» опубликовал статью Владимира Ильича «Новый обман крестьян партией эсеров», которая ставила вопрос о земле совсем по-иному. Его главная мысль была проста: нельзя навязывать крестьянам рецепты, якобы вытекающие из «доктрины». Способы решения аграрной проблемы может дать лишь само крестьянское движение. И не надо бояться «неортодоксальности» решений. Ибо «история, ускоренная войной, так далеко шагнула вперед, что старые формулы заполнились новым содержанием»³.

В 1917 году появился документ, который без лишних идеологических наслоений сформулировал чаяния деревни. Речь идет об упоминавшемся

¹ 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. М., 2005. С. 230, 239; *Луначарский А.В.* О Владимире Ильиче. М., 1933. С. 25.

² РГАСПИ, фонд № 70, опись № 4, ед. хр. 378, л. 170.

³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 114.

«Примерном наказе», составленном из крестьянских наказов. Уже тогда Ленин написал, что именно этот документ должен быть положен в основу аграрных преобразований в России. А то обстоятельство, что в ряде пунктов «Наказ» не совпадал с прежней большевистской программой, не может и не должно мешать этому. «Мы не доктринеры, — написал тогда Ленин. — Наше учение не догма, а руководство к деятельности»¹.

На заседании большевистского ЦК, после критики Ленина, проект декрета о земле Милютина и Ларина отклонили. Сам Владимир Павлович в воспоминаниях подтвердил это в более мягкой форме: «Мы были лишены возможности долгого обсуждения», а посему «окончательную формулировку и написание проекта декрета о земле» поручили Ильичу².

Наталья Ивановна Седова — жена Троцкого — записала в своем дневнике: «Я зашла в комнату Смольного, где увидела Владимира Ильича, Льва Давидовича, кажется Дзержинского, Иоффе и еще много народу. Цвет лица у всех был серо-зеленый, бессонный, глаза воспаленные, воротнички грязные, в комнате было накурено... Мне казалось, что распоряжения даются, как во сне». И Наталья Ивановна вдруг подумала, что если они не выспятся и не поменяют воротнички — все рухнет³.

Но это взгляд со стороны. Сами члены ЦК ощущали себя совсем по-иному. «Все несколько утомлены бессонными ночами, — писал тот же Милютин, — но напряжение нервов, важность совершающегося — все это делает незаметным утомленность, наоборот, веселые разговоры прерываются разными шутивными замечаниями»⁴.

О том, чтобы в этой круговерти поменять воротнички, не могло быть и речи. А вот часок-другой передохнуть — можно было попробовать. Разбрелись кто-куда. Ленин, Троцкий и Сокольников устроились, как пишет Григорий Яковлевич, «в одной из комнат Смольного — видимо, занятой издательством ЦИК. В ней не было никакой мебели. Навалены были кипы газет. Ночевало нас трое. Мы улеглись на газетных кипах, укрылись газетными листами и так подремали несколько часов». Троцкий добавляет, что потом две подушки и одеяла все-таки принесли.

Троцкий пишет о Ленине: «На уставшем лице бодрствуют ленинские глаза. Он смотрит на меня дружественно, мягко, с угловатой застенчивостью... — “Знаете, — говорит он нерешительно, — сразу после преследований и подполья к власти...” — он ищет выражения, — “es schwindelt [кружится голова]”, — переходит он неожиданно на немецкий язык и показывает рукой вокруг головы. Мы смотрим друг на друга и чуть

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 116.

² Вопросы истории КПСС. 1986, № 11. С. 89.

³ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. II. С. 58, 59.

⁴ Милютин В.П. О Ленине. С. 5.

смеемся. Все это длится не более минуты-двух. Затем простой переход к очередным делам»¹.

Так что поспать Ленину так и не удалось. Он поднялся на 3-й этаж, где размещался Военно-революционный комитет. Те указания, которые были даны ночью на заседании ЦК, успешно реализовывались. В пять утра заняли телеграф. Около шести моряки Гвардейского флотского экипажа захватили Государственный банк. В седьмом часу под руководством Лашевича и Калягина красногвардейцы Выборгского района и солдаты Кексгольмского полка разоружили юнкеров на Центральной телефонной станции и отключили связь с Зимним дворцом и штабом округа. К семи часам, прямо под окнами Керенского, моряки отбросили юнкеров, охранявших Дворцовый мост. В восемь был занят Варшавский вокзал².

Наивно звучат утверждения, что власть, мол, «валялась на дороге и только большевики догадались подобрать ее». Власть не валялась на дороге подобно дамской шляпке, которую сдуло ветром. Охотников до власти было множество. Но ее надо было не подбирать, а завоевывать. Шаг за шагом. Ибо Временное правительство собиралось удерживать ее до конца, не считаясь ни с чем. Буквально накануне, в беседе с английским послом Бьюкененом, Керенский, говоря о большевиках, «не раз восклицал: “Я желаю только того, чтобы они вышли на улицу. И тогда я их раздавлю”»³. Он все еще надеялся, что ударные части все-таки придут с фронта.

Основания для таких надежд были. Под утро начальник штаба главноверха генерал Николай Николаевич Духонин, еще до отключения связи с Зимним, сообщил из Ставки генералу Левицкому, что приказ об отправке в Петроград 44-й пехотной дивизии с двумя батареями, 5-й Кавказской казачьей дивизии с артиллерией, 43-го Донского казачьего полка, 13-го и 15-го Донских полков с артиллерией, 3-го и 6-го самокатных батальонов уже отдан⁴.

К казакам, расквартированным в самой столице, на рассвете обратился сам Керенский: «Во имя свободы, чести и славы родной земли Верховный главнокомандующий приказал 1, 4, 14-му казачьим полкам выступить на помощь ЦИК Советов, революционной демократии и Временному правительству для спасения гибнущей России». Казаки запро-

¹ См.: Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 77; РГАСПИ, фонд № 70, опись № 4, ед. хр. 385, л. 70; От Февраля к Октябрю. С. 64; *Троцкий А. Д.* Моя жизнь. Т. II. Берлин, 1930. С. 59.

² См.: Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 195; История Гражданской войны. Т. 2. С. 232, 233.

³ *Бьюкенен Д.* Мемуары дипломата. Изд. 2-е. М., 1925. С. 264.

⁴ См.: История Гражданской войны. Т. 2. С. 235.

силы поддержки пехоты и заявили, что через 15–20 минут «начнут седлать лошадей»¹.

В самом Зимнем дворце в это время находилось около 3 тысяч офицеров, казаков, юнкеров и ударниц женского «батальона смерти»². Американскому журналисту Джону Риду удалось пробраться во дворец. «В подъезде дворца, — рассказывает он, — от нас вежливо приняли пальто и шляпы все те же старые швейцары в синих ливреях с медными пуговицами и красными воротниками с золотым позументом. Мы поднялись по лестнице. В темном, мрачном коридоре, где уже не было гобеленов, бесцельно слонялись несколько старых служителей...

К нам подошел старик-швейцар: “Нельзя, барин, туда нельзя!” — “Почему, дверь заперта?” — “Чтоб солдаты не ушли”, — ответил он... Мы открыли дверь... По обеим сторонам на паркетном полу были разостланы грубые и грязные тюфяки и одеяла, на которых кое-где валялись солдаты. Повсюду груды окурков, куски хлеба, разбросанная одежда и пустые бутылки из-под дорогих французских вин... Душная атмосфера табачного дыма и грязного человеческого тела спирала дыхание... На меня вдруг пахнуло слева запахом спирта и чей-то голос заговорил на плохом, но беглом французском языке: “...Американцы? Очень рад! Штабс-капитан Владимир Арцыбашев. Весь к вашим услугам... Мне бы очень хотелось уехать из России. Я решил поступить в американскую армию... Не будете ли вы добры помочь мне в этом деле у вашего консула”»³.

Поскольку «гарнизон» Зимнего, располагавший броневиками и орудиями, был достаточно велик, а бездействие лишь разлагало его, решено было до прихода фронтowych частей активизировать оборону. Отряд офицеров-ударников из 32 человек направили развести Николаевский мост. Однако, увидев, что его охраняют около 200 матросов и рабочих, ударники поспешно ретировались. То же самое случилось с полуротой женского батальона, отправленной для разведения Троицкого моста. Прибыв на место и узрев направленные на них пулеметы Петропавловской крепости, ударницы убрались восвояси. Столь же безуспешной оказалась и попытка юнкеров, предпринятая около 8 часов утра, отбить телеграф⁴.

Получив доклад командующего округом Полковникова о том, что положение «критическое» и в «распоряжении правительства нет никаких войск», Керенский решает выехать из Петрограда навстречу якобы

¹ См.: Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905–1917. С. 313; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 294.

² См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 303.

³ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 83, 84, 85.

⁴ См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 287, 293.

идушим на помощь фронтовым частям. В 9 часов утра 25 октября он означает *временным главой Временного правительства* Александра Ивановича Коновалова и приказывает изыскать для своей поездки в Псков автомобиль¹.

«К гражданам России!»

Именно в это время в Смольном, в помещении Военно-революционного комитета началось совещание членов большевистского ЦК и ВРК. Сергей Уралов — член Центрального совета фабзавкомов и комиссар ВРК, находившийся там в этот момент, вспоминал: «Мне необычайно повезло, совершенно неожиданно я очутился не то на заседании ЦК, не то на совещании отдельных членов ЦК — понять было трудно».

В комнату вошел Владимир Ильич, «быстрой походкой подошел к стоящему прямо против двери у окна маленькому канцелярскому столу и, отодвинув старенький венский стул, сел за столик... Вслед за Лениным в комнату вошли Дзержинский, Сталин, Свердлов, Урицкий и другие, всего человек семь или восемь. Вошедшие разместились вокруг Владимира Ильича, кто на подоконнике, кто у окна, кто у столика, один стоял напротив Ильича, опершись коленкой на стул, остальные стояли вокруг стола. В.И. Ленин был в те минуты заметно взволнован...»²

По первоначальным наброскам ВРК «предполагалось, — пишет Антонов-Овсеенко, излагая план взятия Зимнего дворца, — начать наступление ранним утром 25-го...» Основной ударной силой должны были стать балтийские моряки из Гельсингфорса и Кронштадта. Но выяснилось, что эшелон из Финляндии из-за поломки паровоза застрял в чистом поле у Выборга. А кронштадтцы лишь в 9 часов закончили погрузку десанта на корабли и вот-вот начнут двигаться к Петрограду. И по мнению ВРК, пишет Антонов-Овсеенко, «начинать без них атаку Зимнего [было] рискованно»³.

Между тем в 12 часов предполагалось открытие II съезда Советов⁴. И говоря о том, что Ленин «был в те минуты заметно взволнован», Уралов отметил и другое. Лицо Владимира Ильича — как у человека, пришедшего к важному для него выводу, — выражало «непреклонную решительность». Он был уверен, что пора ставить точку.

¹ См.: Исторический архив. 1960. № 6. С. 41; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 295.

² Великая Октябрьская социалистическая революция. Сб. воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. С. 262, 263.

³ Антонов-Овсеенко В.А. В революции. М., 1957. С. 160; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 296, 302.

⁴ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Сб. воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. С. 350.

Деятельность правительства восставшие парализовали полностью. Его заблокировали в Зимнем дворце. Учреждением, которому — одни добровольно, другие вынужденно — подчинялись в Петрограде буквально все, стал ВРК. К нему обращались уже не только в связи с ходом восстания, положением в районах, снабжением населения продовольствием, но и по вопросам, возникавшим на заводах, даже по сугубо частным делам граждан, ибо все прочие учреждения были закрыты. И теперь ВРК имел все основания для того, чтобы объявить себя *единственным органом государственной власти*.

Разговор об этом, судя по всему, начался еще в комнате, где находились члены ЦК. И Ленин привел их в ВРК для того, чтобы завершить обмен мнениями. Ну, а то, что Уралов — при достаточно точном воспроизведении обстановки — вспомнил лишь четырех присутствующих — Дзержинского, Сталина, Свердлова и Урицкого, объясняется, видимо, лишь поздней датой написания воспоминаний, когда список «персон желательных» был достаточно ограничен.

Обстоятельный анализ данного совещания был дан опять-таки Е.А. Луцким. И в полемике с С.Н. Валком он, судя по всему, прав в главном: центральным вопросом обсуждения являлось ленинское обращение «К гражданам России!»¹. Собственно говоря, дискуссировались все те же проблемы, которые Владимир Ильич ставил в своих сентябрьских и октябрьских письмах, но особенно четко в письме 24 октября:

1) Власть надо брать до открытия съезда, ибо «на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массами, борьбой вооруженных масс»;

2) Нельзя ставить вопрос о власти в зависимость от результатов прений на съезде Советов, «народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой»;

3) «Кто должен взять власть? Это сейчас неважно, — считает Ленин, — пусть ее возьмет Военно-революционный комитет... Взяв власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них»².

Здесь, в комнате ВРК, Ленин зачитывает первый абзац обращения: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки... Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона». Этот абзац принимается. ВРК действительно является реальной властью. А кроме того, он обладает еще одним важным качеством: многопартийностью. В нем работают не

¹ Статью Е.А. Луцкого см. в сб.: Проблемы источниковедения. Вып. X. М., 1962. С. 14–16.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435, 436.

только большевики, но и эсеры, меньшевики, анархисты, представители фабзавкомов, профсоюзов.

Ленин зачитывает второй абзац: «В.-Р. Комитет созывает сегодня, 25 октября в 12 час. дня Петроградский Совет, принимая так. обр. немедленные меры для создания Советского правительства». Это предложение вызывает наибольшие возражения. Аргументы известны: надо дотянуть до съезда. Они уже высказывались на предыдущих заседаниях. Переубедить оппонентов и тогда и сейчас не удалось.

И Ленин, перечеркнув этот абзац, пишет новый: «Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль за производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено». То есть вопрос — кто утвердит новое правительство — в данный момент не предпрешается. Главное сейчас — заявить о свержении власти Керенского и завершить восстание.

Заключительные фразы также подвергаются редакции: вместо — «Да здравствует революция! Да здравствует социализм!» пишется — «Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!». Ленин меняет и заголовок документа: вместо «Ко всему населению» пишется — «К гражданам России!»¹.

Вероятность того, что вся дискуссия и редактирование документа проходили на заседании ЦК до прихода в ВРК, — существует. Воспоминания Уралова дают для этого основания. И все-таки доводы Луцкого, полагающего, что все это происходило именно в ВРК и обращение стало «результатом этого совещания», кажутся более убедительными².

Владимир Бонч-Бруевич вспоминал: «Владимир Ильич быстро писал и перечеркивал, и вновь писал. Вскоре он закончил и прочел нам вслух это первое обращение к широким народным массам... Я сейчас же переписал обращение, дал его еще раз прочесть Владимиру Ильичу и отвез в типографию». Под документом стояла дата: «25 октября 1917 г., 10 ч. утра»³.

Обращение «К гражданам России!» опубликовала в этот день газета «Рабочий и Солдат». А в типографии «Копейки» его срочно отпечатали листовкой-плакатом для расклейки на улицах и разбрасывания с грузовиков. И так уж случилось, что именно в это время, когда ВРК известил о свержении Временного правительства, Керенский покинул Петроград.

Военные достали ему открытый автомобиль «Пирс-эрроу». Он сел на заднее сиденье с двумя штабс-офицерами. Американское посольство в качестве машины сопровождения дало «Рено» под американским фла-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 1.

² См.: Проблемы источниковедения. Вып. IX. М., 1961. С. 14, 15, 16.

³ Там же.

гом. Промчавшись под главной аркой Генерального штаба мимо красногвардейских пикетов, мимо Мариинского дворца, где заседал Предпарламент, машины взяли курс на Псков. Лишь у Московской заставы их обстрелял какой-то случайный патруль. Но все обошлось¹.

Около полудня Коновалов собрал в Малахитовом зале кабинет министров. Он проинформировал собравшихся об отъезде Керенского и сообщил, что в сложившейся ситуации командование округом вряд ли сможет обеспечить безопасность самих членов правительства. Морской министр адмирал Дмитрий Николаевич Вердеревский заявил, что имеет смысл провести совместное заседание с Предпарламентом. Но именно в эти минуты стало известно, что Совет Республики уже не существует.

Комиссар ВРК вручил Авксентьеву предписание об освобождении Мариинского дворца. Делегаты заявили официальный протест и после проверки документов были отпущены. Никого не задерживали. Подоспевший Джон Рид успел записать лишь рассказ матроса о том, как он подошел к председательствовавшему и, показав ему мандат ВРК, сказал: «Нет больше вашего Совета... Ступай домой!»².

В Малахитовый зал приходит еще одно известие. В полдень к Петрограду подходят наконец корабли с десантом из Кронштадта. Шли они так долго потому, что взятый для устрашения старый учебный линкор «Заря свободы» пришлось тащить четырьмя буксирами. А уже в 13 час. отряд матросов во главе с Иваном Сладковым занимает военный порт, Главное адмиралтейство и арестовывает морской штаб.

Министр путей сообщения Александр Васильевич Ливеровский записал реплику адмирала Вердеревского: «25 октября. 1 час 20 мин. Вердеревский говорит, что он не понимает, для чего это заседание [правительства] собрано и для чего мы будем дальше заседать. У нас нет никакой реальной силы, а следовательно, мы бессильны что-либо предпринять»³.

Но Коновалов убеждает, что необходимо дождаться помощи фронта, а пока соорудить перед Зимним баррикаду. Американская журналистка Луиза Брайант, находившаяся на Дворцовой площади, видела, как «из дворца вышел высоченного роста “дядя” [Алберт Рис Вильямс], спокойно пересек площадь, установил свой треножник и начал фотографировать женщин-солдат, строящих баррикаду». Строили ее из дров, приготовленных для отопления дворца и Генерального штаба. «Это выглядело очень комично, — пишет Брайант, — как в оперетте»⁴.

¹ См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 298.

² Исторический архив. 1960. № 6. С. 42, 43; Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 82.

³ Исторический архив. 1960. № 6. С. 42, 43.

⁴ Антонов-Овсеенко А. В. Напрасный подвиг? М., 2003. С. 129.

Это действительно выглядело достаточно наивно, ибо несколько кораблей кронштадтской флотилии, войдя в Неву, продвинулись дальше «Авроры» и бросили якорь прямо у Зимнего. А в 14 часов около университета с минного заградителя «Амур» и других судов начали высадку десанта. И студенты из окон наблюдали, как сотня за сотней на набережной выстраивалась трехтысячная колонна вооруженных моряков¹.

На Финляндский вокзал из Гельсингфорса прибывает застрявший в пути сводный отряд моряков и рабочих (800 человек) под командой Михаила Горчаева. Продолжали подходить новые отряды кронштадтцев. К вечеру приехал второй гельсингфорский эшелон Василия Марусева. Всего Балтфлот дал ВРК 25 военных кораблей и 15 тысяч дисциплинированных бойцов².

В первоначальном варианте обращения «К гражданам России!» Ленин писал о том, что заседание Петросовета соберется в 12 часов. Но открылось оно в 14 ч. 35 мин. «От имени Военно-революционного комитета объявляю, — сказал председательствовавший Троцкий, — что Временное правительство больше не существует». Под гром аплодисментов он продолжил: «Я не знаю в истории примеров революционного движения, где замешаны были бы такие огромные массы и которые прошли бы так бескровно». Он сказал, что Зимний дворец пока не взят, но судьба правительства решена...

И вдруг собравшиеся поднялись и устроили овацию: к трибуне подошел Ленин. «Да здравствует товарищ Ленин, он снова с нами», — крикнул Троцкий и уступил трибуну. «Товарищи! — сказал Владимир Ильич. — Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась».

Он говорил о незамедлительном окончании войны. О немедленной передаче крестьянам помещичьей земли. О рабочем контроле над производством. И о новом правительстве, которое претворит эти требования в жизнь: «...У нас будет Советское правительство, наш собственный орган власти... Угнетенные массы сами создадут власть... Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма».

Потом опять выступал Троцкий, за ним Луначарский, Зиновьев, а Володарский зачитал написанную Лениным резолюцию: «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов приветствует победную революцию пролетариата и гарнизона Петрограда. Совет в особенности подчеркивает ту сплоченность, организацию, дисциплину, то полное

¹ См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 299.

² См.: Антонов-Обвеевко А. В. Напрасный подвиг? С. 127, 128.

единодушие, которое проявили массы в этом на редкость бескровном и на редкость успешном восстании»¹.

Кто-то крикнул с места: «Вы предпринимаете волю Всероссийского съезда Советов!». Троцкий, как заметил Джон Рид, довольно холодно ответил: «Воля Всероссийского съезда Советов предпринята огромным фактом восстания петроградских рабочих и солдат, произошедшего в ночь на сегодня. Нам остается лишь развивать нашу победу»².

В принятой резолюции вопрос о новом правительстве, как и в выступлении Ленина, был лишь упомянут: оно «будет создано революцией». И эта осторожность отчасти объяснялась тем, что колебания левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов все еще продолжались.

После успеха Мартова на ночном совещании делегатов съезда меньшевики-интернационалисты находились в приподнятом настроении. Им даже казалось, что еще немного и все делегаты-меньшевики будут готовы идти за ними. «Несмотря на разброс мнений, стало ясно, — пишут авторы и составители многотомного издания “*Меньшевики в 1917 году*”, — что тактическая линия меньшевиков-интернационалистов находит большую поддержку, а Мартов фактически сменяет Дана на посту лидера партии».

Но у Мартова и его коллег, видимо, появилось и ощущение того, что, проведя на ночном совещании решение, осуждавшее большевиков и одобрявшее создание Комитета общественной безопасности, они все-таки сыграли на руку «правым». Тем более что пресловутый комитет трансформировался в Комитет спасения Родины и Революции с участием кадетов и главной своей задачей провозгласил борьбу с большевиками и «воссоздание нормальной государственной жизни».

Выступая на заседании фракции, один из докладчиков, Борис Кибрик, прямо заявил, что осудить выступление большевиков, конечно, надо, но необходимо твердо сказать и о том, что «в случае столкновения Правительства с пролетариатом нужно стать на сторону последнего». Его поддержал П.Ф. Арсентьев. И после долгих прений 39 голосами против 6, при 12 воздержавшихся постановили: «Отрицательно относясь к выступлению большевиков, осудить политику правительства, провоцирующую выступление большевиков», а «попытку со стороны правительства — подавить выступление силой встретить дружным отпором». В окончательной редакции слово «отпор» заменили на более деликатное — «осуждение»³.

Нечто похожее происходило и на фракции эсеров. Левые эсеры все еще пребывали в надежде, что им удастся повести за собой всех эсеров-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 2, 4.

² Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 89.

³ См.: Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. М., 1997. С. 74, 226, 227.

ских делегатов. «По составу, — писал Сергей Мстиславский, — фракция не оставляла желать лучшего... ЦК и сам почувствовал, что обстановка не в его пользу. Он не принял поэтому боя по основному вопросу: об отношении к переходу власти; он даже, если угодно, молчаливо признал его, переместив центр тяжести своих тезисов — на вопрос о составе будущего центрального правительства...»¹. И левым эсерам казалось, что в случае, если они одержат верх, то войдут в новое правительство не как осколок эсеровской партии, а как представители самой многочисленной социалистической организации России.

Левый эсер Петр Бухарцев встретил Ленина на выходе с заседания Петросовета. «Он был в толпе. Все на него смотрели и носился шепот — “Ленин, Ленин”. Разговаривать было невозможно... “С нами вы или против?” — здороваясь со мной, почти в ухо, спросил он... Ильич ухватил меня за рукав и прижал в угол... Почему левые эсеры против восстания и вместе с тем в ВРК? “Подвох это или нет?” — требовал он от меня прямого ответа. “Вы секретарь фракции в ЦИК, вы должны это знать... Революция и История требуют от вас этого ответа”, — Ильич прямо в лицо смотрел на меня и ждал.

Обдумывая ответ, я медлил... Ильич нервно тербил меня за рукав и говорил: “Бывают моменты, когда всякие партийные разногласия стираются... Сейчас или никогда... Я большевик, вы — эсер, но мы вместе шли к определенной цели. Вспомните наказания пославших вас... Мы у цели!”»

Ошарашенный этим напором, Бухарцев стал поименно перечислять тех левых эсеров, на которых можно положиться. «Но Ильич меня не слушал. Прищурясь, он смотрел мимо меня в сторону и о чем-то думал. Уходя, он попросил меня срочно связаться со Свердловым, а так как я знал Урицкого и Каменева, то и с ними, на предмет совместного распределения надежных левых эсеров по заданиям ВРК. Ильич также просил меня срочно свести его со стариком Натансоном... Ильич торопился. Было заметно, как все его мускулы в теле и на лице, — пишет Бухарцев, — были напряжены до крайности»².

Все делегаты II съезда Советов находились в этот день в Смольном. И, как пишет Джон Рид, они «сваливались и засыпали тут же на полу, а потом просыпались, чтобы немедленно принять участие в прениях». Партийные фракции заседали буквально по соседству и информация немедленно перетекала из одного зала заседаний в другой.

«Я, — продолжает Рид, — спустился в первый этаж, в комнату 18-ю, где шло совещание делегатов-большевиков. Резкий голос не видного за

¹ Мстиславский С. Пять дней. Изд. 2-е. Берлин, 1922. С. 122.

² РГАСПИ, фонд № 70, опись № 4, дело 197, л. 19, 20, 21.

толпой оратора уверенно твердил: «Соглашатели говорят, что мы изолированы. Не обращайтесь на них внимания! В конце концов им придется идти за нами или остаться без последователей...»¹

Между тем в Зимнем дворце продолжало непрерывно заседать и Временное правительство. Министры постановили, что в силу чрезвычайного положения никто из них дворец не покинет. Достигли договоренности и о том, что штаб округа оказался недееспособным и необходимо назначить «диктатора», предоставив ему неограниченные полномочия.

После двухчасового обсуждения выбор пал на министра государственного призрения, кадета Николая Михайловича Кишкина. Был он врачом-физиотерапевтом, участвовал в корниловском заговоре и слыл человеком решительным. Около 16 часов, вместе с помощниками Петром Пальчинским и Петром Рутенбергом, Кишкин прибыл в Генеральный штаб. И первое — сделал то, что не довел до конца Керенский: уволил Полковникова и назначил на его место Багратуни. Но это лишь усугубило сумятицу и ряд офицеров тут же подали в отставку. Правда, уйти домой они не успели: на набережной Мойки и по Миллионной уже шли революционные отряды.

Секретная телеграфная связь со Ставкой у штаба сохранилась. И это было как нельзя кстати. В 18.15 пришло известие, что юнкера Михайловского артучилища, прихватив 4 орудия, покинули Зимний. А около 18 час. 30 мин. был получен ультиматум ВРК. В нем членам бывшего правительства, чинам Генштаба и защитникам Зимнего дворца предлагалось до 19 час. 10 мин. завершить эвакуацию лазарета и сложить оружие. В противном случае дворец будет подвергнут артиллерийскому обстрелу. Передав парламентару самокатчику В. Фролову просьбу о продлении срока ультиматума, Кишкин и сопровождавшие его лица перебежали через площадь в Зимний. И, как говорится, вовремя: в 19.40 здание штаба было занято революционными войсками. Кольцо вокруг Зимнего дворца замкнулось².

Своим сообщением об ультиматуме Кишкин испортил членам правительства ужин. Как раз в 18.30 им подали борщ, затем рыбу и артишоки, а тут... Кто-то спросил у адмирала Вердеревского: «Что грозит дворцу, если «Аврора» откроет огонь?» Дмитрий Николаевич, как всегда спокойно, ответил: «Он будет обращен в кучу развалин» и добавил: «не повредив ни одного [другого] здания».

В 20 часов 15 минут Ливеровский записал в дневнике: «Вердеревский и Карташев подняли вопрос о действительности в обстоятельствах текущего момента наших полномочий. Все от нас откололись. Не должны ли

¹ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 76.

² См.: История гражданской войны. Т. 2. С. 249, 250.

мы сдать власть?»¹ В Зимнем, как до этого и в Генеральном штабе, после отключения телеграфа все еще продолжала работать линия — то ли железнодорожного, то ли военного ведомства, — связывавшая дворец со Ставкой. Коновалов проинформировал генералов о положении в столице и ультиматуме ВРК. В ответ его заверили, что войска уже двинулись на выручку.

Еще в 19 часов генерал Краснов отдал приказ о выступлении. Уже сегодня, 25-го, в Питер должны прибыть самокатные батальоны. К утру 26-го — 9-й и 10-й донские полки с артиллерией и два полка 5-й Кавказской дивизии, а вечером — 23-й Донской полк. Остальные полки Кавказской дивизии подойдут утром 28-го. И Ставка просила продержаться до прихода фронтовых частей. После столь обнадеживающих известий сдаваться было не резон и правительство решило на ультиматум ВРК не отвечать².

Но это неизбежно вводило в действие силовой вариант взятия Зимнего дворца, разработанный Антоновым-Овсенко, Подвойским, Чудновским и другими членами ВРК. Антонов-Овсенко и его коллеги не зря увлекались шахматами. План, казалось бы, предусматривал все случайности и выглядел вполне реалистично. А когда в 79-й комнате ВРК на карте Петрограда расставили разноцветные флажки, получилось даже красиво.

Предполагалось, что наступление на Зимний начнется не позднее 21 часа. Сигнал красным фонарем даст Петропавловка. Затем предупредительный залп «Авроры». Пауза для возможной капитуляции. А уж потом — артобстрел Зимнего из Петропавловской крепости и общий штурм дворца³... Но, как всегда, «гладко было на бумаге...». И не случайно Ленин влезал во все детали и мелочи, когда Подвойский докладывал ему о том, как будет арестовано Временное правительство. Владимир Ильич знал, что именно на мелочах, на «вишневой косточке» вероятнее всего можно поскользнуться⁴.

Когда комиссар ВРК Георгий Благонравов приехал в Петропавловку, выяснилось, что «орудия, грозно стоящие на парапетах, для стрельбы не приспособлены и поставлены были исключительно для большего эффекта. Стреляла только одна пушка, заряжаемая с дула, возвещавшая время... На дворе арсенала, — пишет Георгий Иванович, — мы нашли несколько трехдюймовых орудий, по внешнему виду нам, не-артиллеристам, показавшихся исправными». Их на руках вытащили и поставили за кучи мусора между крепостной стеной и обводным каналом Невы.

¹ См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 305, 306; Дневник министра Ливеровского // Исторический архив. 1960. № 6. С. 38–48.

² См.: История гражданской войны. Т. 2. С. 249, 252, 301.

³ Известия. 1918. 6 ноября.

⁴ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974. С. 1.

Теперь вроде можно было бы начинать — дать сигнал «Авроре». Но тут выяснилось, что нет сигнального фонаря. Стали искать. Наконец притащили фонарь, но без красного стекла. Обмотали его кумачом. Теперь надо было подвесить фонарь на флагшток, да так, чтобы увидели с «Авроры». Однако, как на грех, под рукой не оказалось веревки. Побежали искать веревку. А тут подошли артиллеристы и заявили, что в орудиях, предназначенных для боевой стрельбы, в противооткатные устройства не залита компрессионная жидкость и палить из них крайне опасно — разорвет на куски.

Когда прибывший в крепость Антонов-Овсеенко услышал все это, он на какой-то миг заподозрил в саботаже не только артиллеристов. «Изда за вас, — сказал он, прищурившись, Благодравову, — черт знает что может произойти». Срочно вызвали артиллеристов с морского полигона и, осмотрев орудия, матросы согласились рискнуть. Но вот беда — не все заготовленные снаряды по калибру подходят к этим пушкам. И опять помчались на поиски в крепостной арсенал и артсклад аж на Выборгской стороне...

В этот момент примчался вестовой и сообщил, что ультиматум принят и Зимний сдается. Ура! Благодравов со слезами на глазах бросается обнимать Антонова, а потом оба мчатся на автомобиле к Дворцовой площади и... попадают под ружейно-пулеметный обстрел. Выясняется, что, как и было уговорено, в 21 час, не дождавшись залпа «Авроры», красногвардейцы, матросы и солдаты двинулись в атаку¹.

Унтер-офицер Петроградского женского батальона Мария Бочарникова вспоминала: «В 9 часов вдруг впереди загремело “ура”... Большевики пошли в атаку. В одну минуту все кругом загрохотало. Ружейная стрельба слилась с пулеметными очередями... Мы с юнкерами, стоя за баррикадой, отвечали частым огнем. Я взглянула вправо и налево. Сплошная полоса вспыхивающих огоньков, точно порхали сотни светлячков. Иногда вырисовывался силуэт чьей-нибудь головы. Атака захлебнулась, неприятель залег»².

Между тем около 21 часа усталый и мрачный Керенский добрался наконец до Пскова. По пути он пытался заправить машину в Гатчине, но по лицам солдат, ставших кучковаться вокруг, понял, что его тут же арестуют, и немедленно поспешил дальше. В Пскове, не заезжая в штаб фронта, Александр Федорович остановился у своего родственника генерала Барановского, который сообщил, что местный Совет заявил о поддержке съезда Советов, запретил отправку войск на Питер и создал ВРК, взявший под контроль все средства связи и транспорта. Вызванный

¹ См.: Пролетарская революция. 1922. № 4. С. 30–37; № 10. С. 128; Московские новости. 1986. № 45. 9 ноября. С. 3.

² Новая газета. Свободное пространство. 2007. № 42. 2–8 ноября. С. 4.

на квартиру Барановского главком Северного фронта генерал Черемисов подтвердил эту информацию и прямо заявил, что не только не имеет возможности отправить на Петроград фронтовые части, но не может гарантировать даже личной безопасности Керенскому, а посему посоветовал немедленно покинуть Псков¹.

Александр Федорович остался ночевать у Барановского и на упреки в «саботаже генералов» тот, видимо, сказал ему то же самое, что телеграфировал в Ставку: «Издали кажется хорошо и просто двинуть к Луге войска, но это неверно... Мы совершенно одиноки, и за нашей спиной ничего — ни штыков, ни силы». Даже если бы удалось собрать какие-то крохи, «мы не можем поручиться, что против этих частей не пойдут части с фронта, полностью находящиеся во власти большевиков».

А Черемисова в это время вызвали на заседание псковского ВРК, где присутствовали представители ревкомов армий Северного фронта. Его предупредили, что в случае направления им каких-либо частей на Питер «армии в тыл вышлют свои отряды и силой принудят вернуться». После этого, где-то незадолго до 22 часов, Черемисов вынужден был отменить свой приказ о движении эшелонов к столице².

Примерно в это же время в Петропавловскую крепость возвращается от Зимнего Благодрагов, и артиллеристы подают сигнал «Авроре» уже не фонарем, а выстрелом вестовой пушки — той самой, которая «заряжается с дула». И в 21 час 40 минут крейсер производит, наконец, холостой выстрел из носового орудия...

Матрос-большевик Иван Флеровский вспоминал: «Набережные Невы усыпаны глазющей публикой. Очевидно, в голове питерского обывателя смысл событий не вмещался, опасность не представлялась, а зрелищная сторона была привлекательна. Зато эффект вышел поразительный, когда грохнула «Аврора». Грохот и сноп пламени при холостом выстреле куда значительнее, чем при боевом, — любопытные шарахнулись от гранитного парапета набережной, попадали, поползли. Наши матросы изрядно хохотали над комической картиной...»³

Холостой выстрел, естественно, не произвел никаких разрушений, но сумятица в Зимнем дворце усилилась. Потребовали объяснений юнкера. «Мы выстроились, — вспоминал один из них. — Явился кто-то, назвал себя генерал-губернатором Пальчинским и стал очень долго говорить. Говорил бессвязно» — о долге, о том, что Керенский с войсками уже в 40 км, в Луге. «В тишине раздался мрачный иронический голос:

¹ См.: *Керенский А. Ф.* Издали. Сб. статей (1920–1921). С. 206.

² См.: *Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917. С. 314, 315.

³ Московские новости. 1986. № 45. 9 ноября.

«Справьтесь по железнодорожному справочнику, сколько верст от Луги до Петрограда, прежде чем выступать»». До Луги было около 140 км.

Потребовали объяснений и те немногие казаки, которые по приказу Керенского все-таки «осадили лошадей» и явились к Зимнему. Пришел казачий полковник и офицер. С ними говорили Кишкин и Коновалов. «Полковник, — пишет Малянтович, — слушал, то поднимая, то опуская голову... Из учтивости дослушал... Вздохнул и оба ушли — ушли, мне казалось, с недоумением в глазах... А может быть, с готовым решением»¹.

До 22 часов из Зимнего ушли все три казачьих сотни, юнкера Петроградской школы прапорщиков и полурота женского батальона. Гарнизон защитников Временного правительства таял на глазах. И даже в своей резиденции правительство уже не было хозяином. Через подъезды со стороны набережной, через то крыло дворца, где размещался лазарет, группы красногвардейцев, матросов, солдат просачивались в здание. Сталкиваясь с юнкерами, они либо обезоруживали их, либо те без стрельбы сами складывали оружие.

Группа красногвардейцев и солдат автобронемастерских пробралась во двор Зимнего, где стояли броневики, и сняла с них магнето и карбюраторы. Не обошлось и без курьезов. Необычность дворцовой обстановки, бархат и позолота мебели — все это порой повергало солдат в оторопь. Один из них, приоткрыв дверь какого-то зала, увидел вдруг отраженную в огромном зеркале картину конного парада... «Кавалерия!» — закричал он и шарахнулся в сторону. Воспользовавшись замешательством, юнкера разоружили тех, кто не успел убежать.

В 22.40 Ливеровский записал в дневнике: «В нижней галерее встретил юнкеров с захваченными во дворе красногвардейцами. При обыске у них отобрали, кроме ружей, револьверы и ручные гранаты. Когда же лазутчиков стало много, они принялись разоружать юнкеров, причем все это, по рассказу одного офицера, совершалось мирно, без стрельбы»².

Именно в этот момент, в 22.40, открылся II съезд Советов. Еще днем представители фракций договорились открыть его в 8 часов вечера и в большой зал стали стягиваться делегаты. Однако меньшевики попросили об отсрочке, поскольку дебаты в их фракции еще не закончились. Открытие перенесли на 22 часа. Но и к этому времени меньшевистское заседание не завершилось. Тогда, по предложению Каменева, к ним направили делегацию и спустя полчаса лидеры старого ЦИК стали занимать места в президиуме.

«Освещенные огромными белыми люстрами, — рассказывает Джон Рид, — на скамьях и стульях, в проходах, на подоконниках, даже на краю

¹ История гражданской войны. Т. 2. С. 252, 253.

² См. там же. С. 252, 253, 254; Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? С. 134, 135.

возвышения для президиума, сидели представители рабочих и солдат всей России... Помещение не отапливалось, но в нем было жарко от испарений немых человеческих тел. Неприятный синий табачный дым поднимался вверх и висел в спертом воздухе. Время от времени кто-нибудь из руководящих лиц поднимался на трибуну и просил товарищей перестать курить. Тогда все присутствующие, в том числе и сами курящие, поднимали крик: “Товарищи! Не курите!”, и курение продолжалось...

Было 10 часов 40 минут вечера. Дан, бесцветный человек с дряблым лицом, в мешковатом мундире военного врача, позвонил в колокольчик. Сразу наступила напряженная тишина, нарушаемая лишь спорами и бранью людей, теснившихся у входа...

“Власть в наших руках”, — печально начал Дан. Он остановился на мгновение и тихо продолжал: “Товарищи... Вы, я думаю, поймете, почему ЦИК считает излишним открывать настоящее заседание политической речью. Для вас станет это особенно понятным, если вы вспомните, что я являюсь членом президиума ЦИК, а в это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров, возложенный на них ЦИК (смутный шум в зале)”¹.

Причин для столь минорного тона у Федора Ильича было предостаточно. И лежали они не только вне съезда. Принципиально изменилось соотношение сил и на самом съезде. К моменту открытия на нем присутствовало 648 делегатов. С прибытием представителей промышленных регионов число большевиков возросло до 338 и они располагали теперь на съезде устойчивым большинством в 52,2%. Мало того, эсеровская фракция к вечеру все-таки раскололась и к левым эсерам ушло 98 делегатов. То есть блок большевиков и левых эсеров мог дать 436 голосов — 67,3%.

У эсеров — вместе с эсерами центра и правыми (32 + 40 + 16) — оставалось лишь 88 голосов. У меньшевиков и меньшевиков-интернационалистов (14 + 16) — 30. А из 94 неопределившихся «интернационалистов», «оборонцев», представителей национальных социалистических партий и беспартийных (33 + 22 + 15 + 23) могли черпать поддержку не только правые, но и левые. Поэтому единственно реальной формой борьбы для прежних лидеров ЦИК оставались — обструкция и бойкот съезда Советов².

По соглашению между большевиками, левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами президиум съезда решили составить на основе пропорционального представительства. В результате выборов

¹ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 89, 90.

² См.: Второй Всероссийский Съезд Советов. М.; Л., 1928. С. 108–109; Мстиславский С. Пять дней. С. 123.

прошли: 14 большевиков, 7 эсеров, 3 меньшевика и 1 меньшевик-интернационалист. От имени эсеров правых и центра Гендельман тут же заявил об отказе от участия в президиуме. Такое же заявление от имени меньшевиков делает Лев Хинчук. Меньшевики-интернационалисты откладывают вхождение в президиум «до выяснения некоторых обстоятельств».

Старый ЦИК покидает сцену и их места занимают Троцкий, Луначарский, Каменев, Коллонтай, Ногин, левые эсеры — Спиридонова, Мстиславский, Камков и др. «Весь зал встает, — фиксирует Джон Рид, — гремя рукоплесканиями». Председательствующий Каменев предлагает повестку дня: 1) об организации власти; 2) о войне и мире; 3) об Учредительном собрании.

Однако тут же меньшевик-интернационалист Лозовский предлагает сначала обсудить отчет Петросовета, затем дать слово членам прежнего ЦИК и представителям партий и лишь после этого обсуждать повестку дня. Принятие такого предложения оттянуло бы решение главных вопросов даже не на часы, а на дни. Но именно в этот момент — около 23 часов — за окнами тяжело громыкнули орудия Петропавловской крепости...¹

Моряки-артиллеристы, хоть и с запозданием, управились со всеми орудийными проблемами и открыли огонь. Первые снаряды разорвались над Невой. «Из углового окна, — вспоминал Малянтович, — мы видели широкие просторы могучей реки. Равнодушные холодные воды... Обреченные, одинокие, всеми покинутые, мы ходили взад и вперед по этой огромной мышеловке, иногда собираясь все вместе или группами для коротких разговоров... Вокруг нас была пустота, и такая же пустота была у нас на душе».

Созерцать разрывы орудийных снарядов было страшновато. А когда один из них разрушил часть карниза Зимнего, а осколки другого разбили угловое окно на 3-м этаже — как раз над залом, где сидели министры, они поспешно, пригнувшись, перекочевали в Малую столовую, окна которой выходили в световой дворик.

Настроение на баррикадах было не лучше. «В 11 часов, — пишет Мария Бочарникова, — начала бить артиллерия... Было сознание какой-то обреченности... Мы были окружены... Когда я представляла, что в конце концов дойдет до рукопашной и чей-то штык проколет мне живот, и он как арбуз затрещит по швам, то, признаюсь, холодок пробежал по спине. Надеюсь, что минует меня чаша сия и я заслужу более легкую смерть от пули»².

¹ См.: Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 90, 91.

² См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 309; Антонов-Обвсеенко А. В. Напрасный подвиг? С. 134; Новая газета. Свободное пространство. 2007. № 42. 2–8 ноября. С. 4.

Когда орудийные раскаты докатились от Петропавловки до Смольного, делегаты съезда Советов на мгновение замерли. Кто с места стал кричать, что съезд надо закрывать, что в таких условиях работать нельзя... Но Троцкий — не без вызова — ответил: «Кому могут мешать звуки перестрелки? Напротив! Они помогают работать»¹.

Тут же слово взял Мартов: «Задача съезда, — сказал он, — заключается прежде всего в том, чтобы решить вопрос о власти. Этот основной вопрос съезд нашел если не решенным, то предрешенным». Поэтому предлагается немедленно начать переговоры «с другими *социалистическими* партиями, чтобы достигнуть прекращения начавшегося столкновения» и создать правительство, которое признает «вся демократия». И поскольку все поняли, что речь шла о правительстве из партий, представленных на съезде, все — в том числе и большевики — проголосовали за предложение Мартова.

Однако эсеро-меньшевицкие лидеры менее всего были настроены на конструктивную работу. От находившейся всецело под их влиянием «фронтальной группы» на трибуну поднимается капитан Яков Хараш. За ним поручик Георгий Кучин. От имени фронта они заявляют, что сам съезд «несвоевременен», что необходимо противодействовать «авантюре захвата власти», что группа «покидает этот съезд. И отныне арена борьбы переносится на места». Это уже звучало угрозой... Зал взорвался криками: «Дожь!», «Вы представляете не солдат, а штабы и офицеров!», «Провокаторы!». На трибуне фронтовики — Гжельцак, Лукьянов, латыш Петерсон: «Больше ни одной резолюции! Довольно слов! Нужны дела. Мы должны взять власть в свои руки! Пусть эти самозванные делегаты уходят! Армия не с ними!». В ответ — буря аплодисментов.

Но Лев Хинчук оглашает декларацию меньшевиков: «Единственным возможным мирным выходом из положения, — говорится в ней, — остаются переговоры с *Временным правительством* об образовании власти, опирающейся на все слои демократии». С аналогичным заявлением от имени эсеров выступает Гендельман. А бундовец Эрлих предлагает всем делегатам покинуть зал и вместе с гласными городской думы «пойти безоружными под расстрел на площадь Зимнего дворца».

Делегаты в полном недоумении: переговоры с Временным правительством? Но Мартов говорил лишь о социалистах! И при чем тут городская дума? Абрамович объясняет: «25 минут тому назад из Зимнего дворца сообщили, что он обстреливается, и требовали, чтобы мы пошли на помощь».

Рязанов информирует делегатов о том, что полтора часа назад в Смольный приходил городской голова Александр Шрейдер. Он пред-

¹ Мстиславский С. Пять дней. С. 127.

ложил посредничество между ВРК и Зимним дворцом. Ради того, чтобы «предупредить кровопролитие», говорит Рязанов, ВРК делегировал в посредническую группу двух своих представителей. А несколько гласных думы в сопровождении члена ВРК Вячеслава Молотова пошли к Зимнему, чтобы заручиться согласием министров на переговоры. Однако, несмотря на белый флаг, который они несли, юнкера обстреляли их из дворца. На том «переговорный процесс» и завершился¹.

Почему же теперь из Зимнего что-то «требуют» от съезда Советов? Но спрашивать уже было не у кого, ибо группа эсеров, меньшевиков, бундовцев и часть «фронтальной группы», под протестующие крики и свист подавляющего большинства оставшихся, уходят со съезда.

Выяснилось, что, помимо телеграфной линии, в одном из помещений Зимнего дворца действует и телефонный канал. Министр Никитин позвонил на квартиру товарищу министра Хижнякову и попросил передать «всем общественным организациям» требование правительства о поддержке. Никитин уверял, что если отправить в тыл осаждающим дворец даже небольшие силы, рабочие и солдаты разбегутся.

А министр Маслов дозвонился в Городскую думу эсеру Быховскому: «Нас расстреливают... — говорил он. — Мы умрем здесь, но последним моим словом будет — презрение и проклятие той демократии, которая... не сумела нас защитить». Быховский тут же рассказал о звонке министра думцам и предложил идти на помощь к Зимнему, чтобы «умереть вместе с ними».

Собравшиеся встретили предложение овацией. Один из членов Исполкома Совета крестьянских депутатов попросил у них разрешения «выйти и умереть вместе с ними». Оказавшийся здесь же министр Прокопович тоже молил со слезами в голосе позволить ему «разделить участь своих товарищей». Но и этого показалось мало: предложили провести поименное голосование о готовности каждого «умереть вместе с правительством».

Голосование затянулось. Потом готовили бутерброды с колбасой для министров. И на улицу вышли около полуночи. Выстроились в колонну по четыре. Впереди стали городской голова Александр Шрейдер и Прокопович, который держал в одной руке фонарь, а в другой — зонтик².

Свидетелем дальнейшего оказался вездесущий Джон Рид. «...На углу Екатерининского канала под уличным фонарем цепь вооруженных матросов перегораживала Невский, преграждая дорогу толпе людей... Здесь было триста — четыреста человек: мужчины в хороших пальто,

¹ См.: Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 241, 242; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 309.

² См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 310, 318.

изящно одетые женщины, офицеры — самая разнообразная публика. Среди них мы узнали многих делегатов съезда, меньшевистских и эсеровских вождей... Я увидел и репортера газеты “Russian Daily News” Малкина. “Идем умирать в Зимний дворец!” — восторженно кричал он. Процессия стояла неподвижно, но из ее передних рядов неслись громкие крики. Шрейдер и Прокопович спорили с огромным матросом...

“Мы требуем, чтобы нас пропустили! — кричали они. — Вот эти товарищи пришли со съезда Советов!.. Вот их мандаты!..” Матрос был явно озадачен. Он хмуро чесал своей огромной рукой в затылке. “У меня приказ от Комитета — никого не пускать во дворец...” — “Мы настаиваем, пропустите!.. Мы все равно пойдем! — в сильном волнении кричал старик Шрейдер... — Мы готовы умереть! Мы открываем грудь перед вашими пулеметами!” — “Нет”, — заявил матрос с упрямым взглядом.

“А что вы сделаете, если мы пойдем? Стрелять будете?” — “Нет, стрелять в безоружных я не стану. Мы не можем стрелять в безоружных русских людей... Что-нибудь да сделаем”, — отвечал матрос, явно поставленный в тупик... Тут появился другой матрос, очень раздраженный. “Мы вас прикладами! — решительно крикнул он. — А если понадобится, будем и стрелять. Ступайте домой, оставьте нас в покое!”

...Прокопович влез на какой-то ящик и, размахивая зонтиком, стал произносить речь... “Против нас применяют грубую силу! Мы не можем допустить, чтобы руки этих темных людей были запятнаны нашей невинной кровью!.. Вернемся в думу и займемся обсуждением наилучших путей спасения страны и революции!” После этого толпа в строгом молчании повернулась и двинулась вверх по Невскому все еще по четверо в ряд¹.

Когда Шрейдер приходил в Смольный договариваться о «посредничестве», он, между прочим, сказал Троцкому, что, с конституционной точки зрения, единственной законной властью в Петрограде является сейчас Городская дума, а не Петросовет. Но Шрейдер прекрасно понимал, что претендовать на власть и ссылаться на «конституционность» в стране без конституции, да еще в момент восстания, когда решает лишь реальное соотношение сил — достаточно наивно.

Поэтому, когда участники «хождения к Зимнему» вернулись в Городскую думу, первое же заседание «Комитета спасения Родины и Революции» занялось решением именно этой задачи — собиранием сил. Часть гласных Городской думы, та часть фракций меньшевиков и эсеров, которые ушли со съезда, Исполком Совета крестьянских депутатов, члены бывшего Предпарламента и Совета республики — были налицо.

Эсеры и меньшевики преобладали. Но нередко забывают о том, что реальный политический вес Комитета усилился за счет вхождения в него

¹ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 96, 97.

кадетов. Свою партийную принадлежность они не афишировали и выступали как члены «сеньорен-конвента» Совета Республики.

Член ЦК кадетов Владимир Оболенский писал, что поначалу возник спор о названии комитета. О «спасении революции» кадеты и слышать не хотели. «Такое название в момент, когда нужно было спасти Россию от *торжествующей революции*, — заметил Владимир Андреевич, — звучало уж очень фальшиво». Однако пришлось уступить. Зная, что для соглашателей важна именно «революционная фразеология», он предложил поправку, которую приняли — «Комитет спасения Родины и Революции». В Комитете спасения кадетов ужасно раздражали бесконечные «споры социалистов между собой об их участии в правительстве». Но поскольку споры эти, как выразился Оболенский, «никакого реального значения» не имели, а меньшевик Скобелев сразу же заявил, что комитет будет «опираться на физическую силу», кадетский ЦК счел необходимым связаться с этим очагом «военного сопротивления большевикам». Помимо Оболенского, в него делегировали Софью Панину и Владимира Набокова. И эта воскресная «коалиция» бывших соглашателей с бывшими либералами сразу дала необходимые средства и связи¹.

Устанавливаются контакты с профсоюзами железнодорожников, почтово-телеграфных, банковских служащих, с помощью которых можно было попытаться взять в свои руки управление городом. Сюда приходят члены съездовской «фронтальной группы», Центрофлота, Союза георгиевских кавалеров, Союза увечных воинов, имевшие связи с армейскими подразделениями, а затем и представители Союза казачьих войск. Комитет избирает бюро и обращается с воззванием к «Гражданам Российской республики», в котором заявляет: «Сохраняя преемственность единой государственной власти, Всероссийский комитет спасения Родины и Революции возьмет на себя инициативу воссоздания Временного правительства...»²

Меньшевик-интернационалистов на собрании Комитета спасения не было. Они по-прежнему оставались в зале заседаний съезда, где бушевали страсти и гремели аплодисменты. «Сидя в задних рядах, — написал Мартов, — я с тяжелым сердцем наблюдал за ликующим залом. Как бы я хотел присоединиться к ним! Но я не мог...»³

Мартов зачитывает декларацию меньшевик-интернационалистов и еврейской социал-демократической партии «Поалей-Цион». Они считают, что «единственным исходом из этого положения, который еще мог

¹ См.: *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (Октябрь 1917–1920 гг.) М., 1982. С. 25, 26; *Меньшевики в 1917 г.* Т. 3. Ч. 2. С. 252, 254, 257.

² *Меньшевики в 1917 г.* Т. 3. Ч. 2. С. 252, 253; *Рид Дж.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 109.

³ *Антонов-Овсеенко А.В.* Напрасный подвиг? С. 180.

бы остановить развитие гражданской войны, могло бы стать соглашение между *восставшей частью демократии* и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства... которому могло бы сдать власть Временное правительство безболезненно». А до этого следует «съезду *приостановить* свои работы».

Среди всеобщего шума и криков, рассказывает Джон Рид, «Каменев размахивал председательским звонком... Троцкий встал со своего места. Лицо его было бледно и жестоко. В сильном голосе звучало холодное презрение. “Восстание народных масс, — сказал он, — не нуждается в оправдании... Народные массы шли под нашим знаменем, и наше восстание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю: с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда?.. С ними должны заключить соглашение, как равноправные стороны, миллионы рабочих и крестьян, представленных на этом съезде?.. Нет, тут соглашение не годится. Тем, кто отсюда ушел... мы должны сказать: вы — жалкие единицы, вы — банкроты, ваша роль сыграна и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории...”»

Он предлагает резолюцию: «Уход соглашателей не ослабляет Советы, а усиливает их... Заслушав заявление с.-р. и меньшевиков, съезд продолжает свою работу, задача которой предопределена волей трудящегося народа...» Съезд ответил бурными аплодисментами. «Тогда мы уходим!» — крикнул Мартов и с группой сторонников покинул зал¹.

На трибуну поднялся Дмитрий Сагарашвили. «Я — сам рабочий, — под аплодисменты сказал он, — и не могу быть безучастным свидетелем в то время, когда рабочие, когда солдаты борются против наших вековых врагов. Мои товарищи по фракции, меньшевики-интернационалисты, сделали большую ошибку, уйдя со съезда... Я останусь с теми, которые сражаются с врагами народа и революции»².

От левых эсеров выступили Карелин и Камков. «Правые эсеры ушли со съезда, — заявил Борис Камков, — но мы, левые эсеры, остались!» А когда стихли аплодисменты, предложил резолюцию Троцкого не принимать, ибо «нельзя изолировать себя от умеренных демократических сил, а необходимо искать соглашения с ними». Ему ответил Луначарский: «Если бы мы, начав заседание, сделали какие-либо шаги, отмечающие или устраняющие другие элементы, тогда тов. Камков был бы прав. Но мы все единогласно приняли предложение Мартова о том, чтобы обсудить вопрос о мирных способах разрешения кризиса. Но ведь нас

¹ См.: Второй Всероссийский Съезд Советов. С. 34–44; Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 239–241; *Рид Дж.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 91–94.

² Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 243, 244.

засыпали градом заявлений. Против нас вели форменную атаку... Не выслушав нас, не обсудив ими же внесенное предложение, они сразу же постарались отгородиться от нас... Несмотря на их предательство, будем продолжать наше дело»¹.

Обструкция съезда меньшевиками и эсерами, колебания «левых» в определенной мере объяснялись и незавершенностью восстания. Да, Временное правительство ВРК низложил еще утром. Но то обстоятельство, что министры все еще сидели в своей резиденции и рассылали во все концы телеграммы о помощи, делало Зимний потенциальным центром сплочения сил, выступающих против новой власти. Вот почему, как вспоминал Николай Подвойский, «т. Ленин присылал мне, Антонову, Чудновскому десятки записок», в которых нещадно ругал их за затянувшуюся осаду Зимнего².

Что же происходило у Зимнего? Один из главных героев этих событий, Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, написал в свое время, что к ночи «вообще вся атака дворца носила совершенно беспорядочный характер». В более поздних официозных работах никакая «беспорядочность» уже не допускалась. Наоборот, колонны осаждающих двигались по строго установленному графику и диспозиции. А вся операция в целом подавалась как образец революционной тактики и военного искусства.

В 1921 году свое выступление на эту тему Антонов-Овсеенко назвал «Взятие Зимнего дворца». Ему, видимо, и в страшном сне не снилось, что спустя почти сто лет копыта публицистов и историков скрестятся вокруг слов «Штурм Зимнего»... Был он или не был?

Поскольку ничего кроме политических игр за этими «баталиями» не стоит, не станем спорить о словах. Расскажем лишь, как это было. И пусть читатель извинит автора за то, что он будет воспроизводить известные и малоизвестные детали, ибо утверждение о том, что не только «штурма», но и вообще никакого «восстания» не было, а Временное правительство пало не в результате силового давления, а вследствие самораспада, стало уже общим местом в нашей исторической публицистике.

В 1920 году Антонов-Овсеенко рассказывал: «У дворца беспорядочная стрельба... Темнота. Всплески выстрелов, таканье пулеметов. По Миллионной беспорядочная толпа матросов, солдат, красногвардейцев то наплывает к воротам дворца, то отхлынет, прижимаясь к стенкам, когда с дровяных баррикад юнкера открывают стрельбу»³.

¹ Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 317.

² См.: Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 78, 79.

³ Там же. С. 128; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 319.

К пушкам Петропавловской крепости присоединяются еще два орудия, отобранные красногвардейцами у ранее сдавшихся юнкеров. Трехдюймовки поставили у арки Главного штаба. И первая же шрапнель разорвалась слева от Александровской колонны прямо над баррикадами. Мария Бочарникова пишет, что одна ударница была убита, несколько юнкеров ранено и отряд юнкеров и женскую полуроту сразу отвели с площади во дворец¹.

Но и в самом Зимнем было уже небезопасно. Проникновение небольших групп матросов, солдат, красногвардейцев во дворец со стороны Адмиралтейства и Эрмитажа продолжалось. Узнав, где находится Временное правительство, матросы поднялись на верхнюю галерею, разыскали световые люки и бросили гранату вниз, в темный коридор у Малой столовой, перепугав — в очередной раз — министров.

И опять где-то рядом стрельба. Малянтович записывает: «Опять шум... Он стал уже привычным... Опять, вероятно, ворвались большевики... Вошел Пальчинский. Конечно, это так и оказалось. И опять дали себя обезоружить без сопротивления. И опять их было много... А сколько их уже во дворце?.. Кто фактически занимает дворец теперь — мы или большевики?»².

Вопрос был резонным. Один из матросов рассказывал Джону Риду: «...Мы увидели, что со стороны Невы не осталось ни одного юнкера. Тогда мы ворвались в двери и полезли вверх по лестницам, кто в одиночку, а кто маленькими группками. На верхней площадке юнкера задерживали всех и отнимали винтовки. Но наши ребята все подходили да подходили, пока нас не стало больше. Тогда мы кинулись на юнкеров и отобрали винтовки у них...»

Группа красногвардейцев и солдат автобронедивизиона во главе с Евсеевым, выведя из строя броневика, проникла в караульное помещение, арестовала офицера и разоружила дежурную смену часовых. «Мы, — рассказывает Евсеев, — подошли к парадной двери, выходящей на Дворцовую площадь. Возле двери стоял на посту юнкер. Мы разоружили его и открыли дверь — она оказалась незапертой»³.

Огонь со стороны Зимнего стал затихать, хотя пулеметные очереди из верхних окон дворца время от времени прочесывали площадь. Отряд гельсингфорсских моряков Михаила Горчаева, на который более всего полагался Антонов-Овсеенко, не появлялся. Ему поручили блокировать

¹ См.: Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? С. 134; Новая газета. Свободное пространство. Еженедельное обозрение 2007. № 42. 2–8 ноября. С. 4.

² Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 319.

³ Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? С. 135.

Константиновское юнкерское училище, там завязалась перестрелка и на Дворцовую площадь они вовремя не пришли¹.

Но зато подошли солдаты Павловского полка, большой отряд сестро-рецих рабочих со знаменем, на котором было начертано только одно слово — «Революция!». Стрельба из Зимнего все еще продолжалась. «“Не предложить ли им сдаться?” — спрашивает Чудновский, приведший часть павловцев... Я соглашаюсь», — рассказывает Антонов-Овсеенко.

Возвратившись, Григорий привел с собой группу юнкеров. «Они тут же на панели складывают винтовки и под конвоем уходят по Миллионной. Чудновский хотел им оставить оружие, но я не согласился. Остальные юнкера упорствовали еще час. По узкой извилистой лестнице атаковать их было трудно. *Несколько раз они отражали натиск осаждавшей толпы. Но и эти дрогнули, прислали сказать, что сопротивление прекращают.* Вдвоем с Чудновским мы поднялись в палаты дворца. Повсюду разбросаны остатки баррикад, матрацы, обоймы, оружие, обгрызки. Разношерстная толпа хлынула за нами. Расплываясь по всем этажам, юнкера сдавались». По информации ВРК 50 человек было ранено и 6 солдат Павловского полка убито².

А вот описание событий из другой точки — рассказ Джона Рида, который и на сей раз оказался в нужном месте и в нужный час: «Стрельба прекратилась... Кто-то крикнул: “Юнкера послали сказать, что они ждут, чтобы мы пошли и выгнали их!” Послышались слова команды, и в глубоком мраке мы рассмотрели темную массу, двигавшуюся вперед в молчании, нарушаемом только топотом ног и стуком оружия. Мы присоединились к первым рядам.

Подобно черной реке, заливающей всю улицу, без песен и криков прокатились мы под красной аркой... Выйдя на площадь, мы побежали, низко нагибаясь и прижимаясь друг к другу. Так бежали мы, пока внезапно не наткнулись на пьедестал Александровской колонны...

Простояв здесь несколько минут, отряд, насчитывавший несколько сот человек, ободрился и вдруг без всякого приказа снова кинулся вперед... Передовые двести — триста человек были все красногвардейцы. Солдат среди них попадалось очень мало. Мы вскарабкались на баррикады... Под нашими ногами оказались груды винтовок, брошенных юнкерами. Двери подъездов по обе стороны главных ворот были распахнуты настежь... Увлеченные бурной человеческой волной, мы вбежали во дворец через правый подъезд, выходящий в огромную и пустую сводчатую комнату...»³

¹ От Февраля к Октябрю. С. 118.

² Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 128, 129; Бюлетени Бюро Военных комиссаров. № 2. 30 декабря 1917 г.

³ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 98.

Так что взаимодействие атакующих с разных сторон и изнутри дворца, хотя и достаточно хаотичное, не выглядело так, как позднее это изображалось в кино. Но оно действительно имело место. А как назвать результат: «Взятие Зимнего дворца» или «Штурм Зимнего» — это уже спор о словах, которые при избыточной политизации вообще теряют смысл.

Отряд моряков, рабочих и солдат, который вели Антонов-Овсеенко и Чудновский, устремился в глубь дворца в поисках Временного правительства. Сопротивления юнкера уже не оказывали. Вдруг навстречу им выскочил Пальчинский: «Мы только что сносились с вашими и пришли к соглашению. Сюда идет делегация с Прокоповичем. Вы, господа, не в курсе дела».

Пальчинский, видимо, был уверен, что после того, как ВРК послал своих представителей в «посредническую группу» Городской думы, какой-то договоренности о «предупреждении кровопролития» достигли. О том, что гласные думы во главе с Прокоповичем пошли к Зимнему, членов Временного правительства оповестили по телефону. Но о том, чем кончился этот «поход», Пальчинский либо не знал, либо хитрил, выигрывая время.

Его арестовали и двинулись дальше. Юнкера сдавали оружие. «Но вот в обширном зале у ворот какой-то комнаты — их недвижимый ряд с ружьями наизготовку. Осаждавшие замялись. «Мы с Чудновским, — рассказывает Антонов-Овсеенко, — подошли к этой горсти юнцов... Они как бы окаменели, и стоило трудов вырвать винтовки из их рук. “Здесь Временное правительство?” — “Здесь, здесь, — заюлил какой-то юнкер, — я ваш”, — шепнул он мне. Вот оно — правительство временщиков, пытавшееся удержать неудержимое, спасти осужденное самой жизнью... Все тринадцать... застыли они за столом, сливаясь в одно трепетное, бледное пятно»¹.

А вот взгляд из другой точки: «Вдруг возник шум, где-то и сразу стал расти, шириться и приближаться, — это пишет Малянтович. — И в его разнообразных, но слитных в одну волну звуках сразу зазвучало что-то особенное, не похожее на те прежние шумы — что-то окончательное. Стало вдруг сразу ясно, что это идет конец...»

Кто лежал или сидел, вскочили и все схватились за пальто... А шум все крепнул, все нарастал и быстро, широкой волной подкатился к нам... Уже у входной двери — резкие взволнованные крики массы голосов, несколько отдельных редких выстрелов, топот ног...» Дверь распахнулась и «в комнату влетел как щепка, вброшенная к нам волной, маленький че-

¹ См.: Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 129; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 319; Антонов-Овсеенко А. В. Напрасный подвиг? С. 137.

ловечек под напором толпы, которая за ним влилась в комнату...» Это был Антонов-Овсеенко. «Объявляю вам, всем вам, членам Временного правительства, что вы арестованы!» Чудновский стал записывать фамилии присутствующих¹.

В комнату набивалось все больше и больше людей. Толпа волновалась и шумела. Раздались крики: «Чего там! Кончить их! Перестрелять всю шайку! Тут их и повесить!» Антонов-Овсеенко крикнул: «К порядку! Большевики флота! Не допускайте анархии!» и приказал: «Товарищи матросы! Удалите посторонних!»

«Вспоминаю бледное аскетическое лицо Антонова, густые, светлые волосы под живописной широкополой шляпой, спокойный, сосредоточенный вид, заставляющий забыть его сугубо гражданскую внешность». Его приказ был исполнен. «Мы вывели штатских из комнаты, — вспоминал военный моряк Н. Точеный, — и окружили стол, за которым сидели министры».

Зазвонил телефон. Кто-то взял трубку. Городской голова Шрейдер спросил: «Хочу знать, что у вас делается?». Грубоватый, незнакомый ему голос ответил: «Я часовой. Ничего у нас тут не делается»².

Но когда министров вывели на площадь, дабы препроводить их в Петропавловку, толпа преградила путь. Самосуд мог произойти в любую минуту. «Взявшись за руки, — рассказывает моряк Н. Точеный, — мы образовали вокруг арестованных три живых цепи. Каждого министра держали под руки два матроса». Так вышли на Миллионную. Но тут толпа была еще более агрессивной. Ее оттеснили и повели арестованных на Дворцовую набережную. Но как только вышли на мост, с Каменноостровского выкатилась черная легковая машина, с которой открыли стрельбу.

«Ложись!» — крикнул Антонов и все, кроме Коновалова, рухнули на мостовую. В Питере потом долго рассказывали, как Александр Иванович стоял под градом пуль, не склонив гордой головы, среди распростертых тел. Но красногвардеец С.В. Морозов запомнил этот эпизод иначе: «Впереди идущие легли на панель, а задний, высокого роста в черном пальто министр не лег, а только пригнулся. Тогда я толчком приклада заставил его прилечь. Солдат-ратник, с крестом на папахе, лежавший рядом, сказал: “Э, барин, на чистой панели боишься запачкать костюм... Мы на фронте по пояс в грязи сидели...” — “Сволочь”, — сквозь зубы процедил министр. “Сволочь это не я, а ты! Я солдат — слуга и защитник отечества”»³.

¹ Былое. 1918. № 12. С. 129, 130.

² См.: Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? С. 138, 139; Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. С. 320.

³ Антонов-Овсеенко А.В. Напрасный подвиг? С. 140, 141.

«В Петропавловке, — вспоминал Антонов-Овсеенко, — министры пришли в себя. Всех хуже держал себя Гвоздев, который трусил страшно... Стороной держались Малянтович и Никитин... “Меня не узнаёте?” — “Вас, господин Малянтович? Очень хорошо” — “Скрывал вас лет десять назад в Москве после побега с каторги...” — “Помню! Помню! Тогда вы заигрывали даже с большевизмом”». Но самый содержательный диалог, который повсеместно шел в стране на протяжении всего 17-го года, состоялся между Терещенко и матросом с «Авроры»: «Ну и что вы будете делать дальше?! Как управитесь без интеллигенции?» — «Ладно! Уж управимся! — весело отвечает моряк. — Только бы вы не мешали»¹.

Когда Подвойский доложил Ленину о взятии Зимнего и аресте министров, Владимир Ильич не сказал ни слова. Поздновато, мол, но дело сделано. Из Петропавловки Антонов-Овсеенко привозит список арестованных, подписку министров о сложении ими своих полномочий. И Ленин сразу садится писать обращение съезда Советов к «Рабочим, солдатам и крестьянам».

На самом съезде в 2 часа 40 минут — уже 26 октября — объявили перерыв, а в 3 часа 10 минут заседание возобновилось информацией Каменева о произошедших событиях. Тут же слово берет меньшевик Наум Капелинский. Он опять предлагает переговоры «со всеми демократическими организациями» и пугает: к Питеру подъезжают войска и «нам грозит катастрофа». Ной Бару от «Поалей-Цион» был еще более нервным: «Вы погубите и себя, и нас, и революцию». Но их уже никто не слушает. Среди всеобщего шума стенографистки фиксируют лишь выкрики: «А мы думали, что вы ушли прошлой ночью! Сколько раз вы будете уходить?»²

Во всех этих, казалось, нескончаемых прениях Ленин участия не принимал. Для него было очевидно, что надо поворачивать съезд к более конструктивной работе. Поставив первым в повестку дня вопрос о власти, делегаты неизбежно увязали в дискуссии о способах формирования и составе правительства. А у таких споров, особенно когда они переходят на личности, конца не бывает. И на передний план выходят совсем не те проблемы, ради которых совершалось восстание.

Для Ленина было очевидно и то, что новое правительство создается не для того, чтобы ублажить министерскими портфелями всех общественных деятелей. И уж совсем не для оформления прихода к власти «группы большевиков». Правительство — лишь инструмент решения совершенно конкретных задач. Прежде всего — прекращения войны и пе-

¹ Антонов-Овсеенко А. В. Напрасный подвиг? С. 142.

² Большевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 244, 245.

редачи земли крестьянам. А перед лицом именно этих задач «общественные деятели» на протяжении 1917 года показали свое бессилие.

Значит, надо сначала затвердить программу действий новой власти, принять декреты, выражающие *беспорные* требования народа, а уж потом — под эту программу создавать кабинет, способный ее реализовать. Именно эти идеи Владимир Ильич и кладет в основу обращения съезда Советов к «Рабочим, солдатам и крестьянам!».

Прежде всего обращение констатировало правомочность съезда решать судьбы страны. «На нем представлено громадное большинство Советов, — пишет Ленин. — На съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов», то есть он вполне выражает «волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян».

Во-вторых, поскольку Временное правительство низложено, а его члены арестованы, съезд заявляет, что — опираясь на вышеуказанную «волю громадного большинства» и на «совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона», он «берет власть в свои руки». Съезд постановляет также, что и на местах вся власть «переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...»

И третье. Главная задача новой власти состоит в том, чтобы обеспечить: демократический мир и немедленное перемирие на всех фронтах; безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов; полную демократизацию армии; подлинный революционный порядок; созыв Учредительного собрания; право всем нациям России на самоопределение.

Казалось бы — *декларация*, не более того. Сколько их было за этот год. И какое дело огромной стране до всех этих воззваний и обращений?! Но в том-то и смысл понятия «кризис назрел». Россия ждала перемен. Как и в Феврале, ей нужен был импульс, исходящий из центра.

Если бы восстание ограничилось Петроградом, оно так бы и осталось столичным переворотом. И если бы фронт и провинция не поддерживали — оно было бы обречено. Но Всероссийский съезд Советов дал толчок. Гигантская волна повсеместного перехода власти к Советам в считанные недели и месяцы — по большей части бескровно — залила Россию. И масштабы, содержание такого «переворота» превращали его в великую революцию.

Съезд заявил, что отныне революционная власть переходит на позиции «оборончества» — защиты страны от внешней опасности. Съезд призвал «солдат в окопах к бдительности и стойкости», выразил уверенность, что «армия сумеет защитить революцию... пока новое правительство не добьется заключения демократического мира...». А для этого правительство обеспечит армию всем необходимым, не останавливаясь

перед обложением имущих классов для улучшения положения солдат на фронте и их семей в тылу.

И еще: Советская власть установит рабочий контроль над производством и «озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню». На языке того времени это означало переход к товарообмену с деревней, дабы уйти от силового изъятия «излишков» с помощью воинских команд.

Таковы первоочередные шаги, которые обязано сделать «избранное вами правительство». И они будут сделаны. Но в данный момент главная задача — отразить наступление Керенского и Краснова на Петроград¹. Ибо слова Капелинского об угрозе движения войск к Питеру отражали некую новую опасность, ставившую под удар петроградское восстание...

Тот факт, что у Керенского в решающий момент не оказалось надежных войск, конечно, отражал определенную закономерность. Ситуация — точь-в-точь — напоминала Февраль 1917-го, когда царский министр внутренних дел Александр Дмитриевич Протопопов рассылал повсюду приказы, но никто уже им не подчинялся.

Но, как говаривал Герцен,— «история любит шибать в сторону». Она всегда оставляет место для случайности. Иногда глупой. Для события, которое может изменить сам вектор развития. И если бы Ленин полагался на «закономерность», якобы гарантирующую каждый шаг революции, события вполне могли бы действительно «шибануть в сторону». Ибо Керенский все-таки нашел войска, способные, как он полагал, двинуться на Петроград.

Где-то за полночь, на квартиру Барановского в Пскове, где ночевал Керенский, пришел генерал Краснов. Симпатий к Александру Федоровичу он не испытывал, но приказ Черемисова о задержке воинских эшелонов против Питера Краснова глубоко возмутил. Он связался с начальником штаба главковерха генералом Духониним, тот с Черемисовым и буквально стал взывать к его «священному долгу перед Родиной». Но Черемисов перебил: «Пока все, что говорилось, держите про себя, но имейте в виду, что Временного правительства в Петрограде уже нет».

После недолгого совещания Керенский приказал Барановскому собрать все казачьи полки 3-го конного корпуса Краснова. Придать ему 1-ю кавалерийскую и 37-ю пехотную дивизии, а также 17-й армейский корпус. На вопрос Керенского — хватит ли сил? — Краснов ответил: «Да, если все это соберется и если пехота пойдет с нами, Петроград будет занят и освобожден от большевиков». В 5 час. 30 мин. утра ставка

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 11–13.

рассылает по фронтам приказ Керенского о возобновлении движения группы войск Краснова на столицу¹.

Информацию о событиях, происходивших в Пскове, в Смольном получили гораздо раньше. Поэтому обращение съезда к «Рабочим, солдатам и крестьянам!» Ленин закончил словами:

«Солдаты, окажите активное противодействие корниловцу Керенскому! Будьте начеку!»

Железнодорожники, останавливайте все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград!

*Солдаты, рабочие, служащие, — в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира!»*²

В пятом часу утра на заседании съезда Советов Луначарский зачитывает это обращение. Его встречают бурей аплодисментов. Но подпись, поставленная Лениным — «Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов», — не удовлетворяет крестьян: как-никак, а они представляют около трети всех крестьянских Советов России. И по их требованию под обращением ставится вторая подпись — «Делегаты от крестьянских Советов». Каменев предлагает резолюцию, ранее внесенную Троцким, отложить, а вотировать данное обращение. Лишь двое голосуют против и 12 воздерживаются.

Таким образом, Съезд декларировал и узаконил фактический переход всей власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в центре и на местах, определил первоочередные шаги рабоче-крестьянского правительства, опираясь, как указывалось в обращении, на «волю победоносного восстания». И это, в частности, дает ответ на вопрос — кто же оказался прав и как получилось: так, как предлагали те большевики-цекисты, которые считали, что новая власть будет создана лишь на съезде, его решением, или же так, как полагал Ленин.

Около 5 часов заседание съезда закончилось. Делегаты стали расходиться по общежитиям, казармам, съемным квартирам. А Ленин и Крупская через запасной выход спустились вниз к машине, за рулем которой сидел матрос Рябов, и поехали к Бонч-Бруевичу. «Владимир Ильич, видимо, очень устал, — пишет Бонч, — и подремывал в автомобиле». Приехали на Херсонскую, наспех «поужинали кое-чем» и уложили Ленина спать в кабинете.

Но из соседней комнаты Владимир Дмитриевич заметил, что лампа в кабинете не гаснет. Значит, что-то пишет... И уже «стало сереть позднее петроградское осеннее утро, — вспоминал Бонч-Бруевич, — когда наконец Владимир Ильич потушил огонь, лег в постель и тихо-тихо за-

¹ Архив русской революции. Т. I. Берлин, 1922. С. 151; Т. VII. Берлин, 1922. С. 299, 309.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13.

снул или задремал». А утром, когда «собрались все пить чай и вышла Надежда Константиновна, также ночевавшая у нас, Владимир Ильич вынул из кармана чистенько переписанные листки и прочел нам свой знаменитый Декрет о земле.— “Вот только бы объявить его и широко распубликовать и распространить. Пускай попробуют тогда взять его назад!”»¹

«Председатель Совнаркома»

Слова Ленина — «пусть попробуют взять назад» — приобрели вполне конкретное содержание, когда он вернулся в Смольный. Выяснилось, что на власть претендует не только съезд Советов. Прошедшей ночью свои претензии на «воссоздание правительства» заявил Комитет спасения Родины и Революции. А пока он явно повел дело к двоевластию, блокируя ВРК с помощью саботажа чиновников всех органов управления страной. И фактически уже началась «информационная война», нагнетавшая атмосферу общего психоза и конфронтации.

Утренние газеты 26 октября описывали «кошмары» прошедшей ночи. Поскольку руин на месте Зимнего и других дворцов не оказалось, а улицы не были завалены трупами и залиты кровью, то подробно расписывали, как «солдатня» зарезала нескольких министров, дотла разграбила Зимний дворец, как в казармах зверски насильовали несчастных ударниц, а в подвалах пачками расстреливали юнкеров и т. п.

Утром 26-го, после бессонной ночи, возвращаясь из Зимнего, Джон Рид и его коллеги журналисты встретили знакомого — бывшего секретаря Милюкова, а затем Терещенко. Этот хорошо выспавшийся человек «отвел нас в сторону и рассказал нам все подробности о взятии Зимнего дворца. “Большевики вели германские и австрийские офицеры!” — утверждал он». Американцы фактически сами стали не только свидетелями, но и участниками взятия Зимнего, но, будучи людьми воспитанными, отреагировали деликатно: «“Так ли это? — вежливо спрашивали мы. — Откуда вы знаете?” — “Там был один из моих друзей. Он рассказал мне.” — “Но как же он разобрал, что это были германские офицеры?” — “Да они были в немецкой форме!..”

Такие нелепые слухи, — продолжает Джон Рид, — распространялись сотнями. Мало того, что их печатала вся антибольшевистская пресса. Им верили даже такие люди..., которые всегда вообще отличались несколько более осторожным отношением к фактам... Но что еще хуже, отцы и матери юнкеров и женщин читали все эти ужасные рассказы в газетах, где часто даже приводились имена пострадавших...

¹ См.: *Бонч-Бруевич В.Д.* Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е. М., 1969. С. 124–126.

Характерен случай с князем Тумановым, чей труп, как утверждали многие газеты, был выловлен в Мойке. Через несколько часов это сообщение было опровергнуто семейством самого князя, которое заявило, что он арестован. Тогда было напечатано, что утопленник не князь Туманов, а генерал Денисов. Но генерал тоже оказался жив и здоров. Мы произвели расследование, но никаких следов якобы выловленного из Мойки трупа не обнаружили...»¹.

Крутым поворотам истории всегда сопутствует накопление *«исторической помойки»* — сплетен, слухов, наветов и клевет. Рождаются они по разным причинам. Реже всего — от отсутствия информации. Чаще — от предвзятости и обид, которые приносят эти повороты. От неспособности осмыслить происходящее. Но чаще — от обывательского спроса на втапывание в грязь всего того, что не укладывается в рутинные понятия. Увы, эта помойка не растворяется во времени. Она тоже является специфической частью человеческой памяти. А когда возникает потребность, ее обязательно вызывают из небытия. И тогда она становится для средств массовой информации богатейшим источником «нового прочтения» давних событий.

Ну ладно, сотни работ честных и добросовестных исследователей можно проигнорировать, воспоминаниями тысяч рабочих, солдат, крестьян можно пренебречь, ссылаясь на их якобы заведомую ангажированность. Но вот четверо профессиональных американских журналистов: Джон Рид, Алберт Рис Вильямс, Луиза Брайант, Бесси Битти. Как быть с ними?

О грабежах в Зимнем Джон Рид рассказывает: в подвале восточного крыла дворца, куда он попал с отрядами, ворвавшимися в Зимний, стояло множество каких-то забитых ящичков, приготовленных, видимо, для отправки. «Красногвардейцы и солдаты набросились на них с яростью, разбивая их прикладами и вытаскивая наружу ковры, гардины, белье, фарфоровую и стеклянную посуду. Кто-то взвалил на плечо бронзовые часы. Кто-то другой нашел страусовое перо и воткнул его в шапку. Но, как только начался грабеж, кто-то закричал: “Товарищи! Ничего не трогать! Не берите ничего! Это народное достояние!” Его сразу поддержало не меньше двадцати голосов: “Стой! Клади все назад!..” Десятки рук протянулись к расхитителям. У них отняли парчу и гобелены. Двое людей отобрали бронзовые часы. Вещи постепенно кое-как сваливались обратно в ящички, у которых самочинно встали часовые. Все это делалось совершенно стихийно...

Мы пошли к западному крылу дворца. Здесь тоже уже был восстановлен порядок. “Очистить дворец! — кричали красногвардейцы... —

¹ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 112, 113.

Идемте, товарищи, пусть все знают, что мы не воры и не бандиты! Всех вон из дворца, кроме комиссаров!..” Двое красногвардейцев — солдат и офицер — стояли с револьверами в руках. Позади них за столом сидел другой солдат, вооруженный пером и бумагой. Отовсюду раздавались крики: “Всех вон! Всех вон!”, и вся армия начала выходить из дверей, толкаясь, жалуясь и споря.

Самочинный комитет останавливал каждого выходящего, выворачивал карманы и ощупывал одежду. Все, что явно не могло быть собственностью обыскиваемого, отбиралось... Были конфискованы самые разнообразные предметы: статуэтки, бутылки чернил, простыни с императорскими монограммами, подсвечники, миниатюры..., пресс-папье, шпаги с золотыми рукоятками, куски мыла, всевозможное платье, одежда... Виновные либо мрачно молчали, либо оправдывались как дети...

Стали появляться юнкера кучками по три, по четыре человека. Комитет набросился на них с особым усердием... Юнкера казались очень испуганными. Их карманы тоже были полны награбленных вещей. Комитет тщательно записал все эти вещи... “Ну что, будете еще подымать оружие против народа?” — спрашивали громкие голоса. “Нет!” — отвечали юнкера один за другим. После этого их отпустили на свободу¹.

Что ж — так ничего и не растащили? Конечно, тащили. Была создана специальная комиссия из художников и археологов для определения нанесенного ущерба. И сам Джон Рид, видевший, как солдаты срезали кожу с испанского кресла — «на сапоги», писал: «Некоторые люди из числа всех вообще граждан, которым на протяжении нескольких дней по занятии дворца разрешалось беспрепятственно бродить по его комнатам, крали и уносили с собой столовое серебро, часы, постельные принадлежности, зеркала, фарфоровые вазы и камни средней ценности. Всего было расхищено, таким образом, на сумму около 50 тысяч рублей».

Среди расхитителей были, видимо, и профессиональные воры, знавшие куда сбыть краденое. «Около половины пропавших вещей, — пишет Джон Рид, — удалось разыскать, причем кое-что было обнаружено в багаже иностранцев, уезжавших из России». Что касается самого дворца, то его закрыли, выставили охрану, а затем преобразовали в «Народный музей», воспретив в нем «всякую политическую деятельность»².

А что же с изнасилованными женщинами-ударницами, которых якобы выбрасывали на мостовую из окон дворца или сами они покончили с собой, будучи не в состоянии пережить все эти ужасы...

Вот рассказ уже упоминавшейся выше унтер-офицера Марии Бочарниковой. После баррикад их полуроту разместили во дворце на втором

¹ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 98, 99.

² Там же. С. 288, 289.

этаже. «Поручик Сомов долго не возвращается. Стрельба стихла. В дверях поручик. Лицо мрачно. “Дворец пал. Приказано сложить оружие”. Похоронным звоном отозвались его слова в душе...

И вдруг под напором громадная дверь с треском распахнулась и ворвалась толпа, впереди матросы с выставленными вперед наганами, за ними солдаты. Видя, что мы не оказываем сопротивления, нас окружают и... ведут в Павловские казармы. По нашему адресу раздаются крики, брань, хохот, сальные прибаутки... В казарме нас заводят в комнату с нарами в 2 яруса. Дверь открыта, но на треть чем-то перегорожена. В один миг соседняя комната наполняется солдатами. Со смехом и прибаутками нас рассматривают, как зверей в клетке... В жизни я не ругалась и не выношу сквернословия. Но помню какое было искушение — единственный раз в жизни, забыв девичий стыд, за их издевательства — пустить их “вниз по матушке по Волге” с упоминанием всех прародителей...

Настроение солдат постепенно менялось. Начались угрозы, брань... Мы затаились. Казалось, еще момент, и мы очутимся во власти разъяренных самцов. “Товарищи! — вдруг раздался громкий голос; к двери, через толпу, протиснулись два солдата — члены полкового Комитета, с перевязкой на рукаве. — Товарищи, мы завтра разберем, как добровольцы попали во Дворец. А сейчас прошу всех разойтись!” Появление комитетчиков подействовало на солдат отрезвляюще... По очистке от них комнаты, дверь была заперта».

На другой день ударниц благополучно переправили в Левашево, где находился их лагерь, а позже, по их же просьбе, — демобилизовали. Одна из них действительно погибла — покончила жизнь самоубийством, оставив записку о том, что она «разочаровалась в своих идеалах»¹.

А как же «зарезанные» министры и юнкера, которых якобы раздевали догола, пытали и расстреливали в казематах Петропавловки?

Когда встал вопрос о их постановке на довольствие за счет лимита гарнизона крепости, некоторые из солдат стали возмущаться: «С какой стати? Самим досыта не хватает». Но комендант — молодой унтер-офицер с рукой на перевязи, оборвал: «Мы революционеры, а не разбойники!» Сложнее оказалось с куревом. Когда у арестованных кончились папиросы, пришлось солдатам делиться с ними махоркой и учить министров вертеть самокрутки.

И после того, как специальная комиссия Городской думы, явившись в Петропавловку, встретилась с заключенными, Джон Рид от группы иностранных журналистов попросил Шрейдера «официально сообщить нам результаты вашего расследования... Он повернул ко мне свое испол-

¹ Новая газета. Свободное пространство. Еженедельное обозрение. 2007. № 42. 2–8 ноября; Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 102, 289.

ненное глубокого достоинства лицо. “Во всех этих сообщениях нет ни малейшей доли истины, — медленно сказал он. — За исключением тех инцидентов, которые имели место во время доставки министров сюда, с ними все время обращаются как нельзя лучше. Что до юнкеров, то ни одному из них не нанесено ни малейшего ранения...”¹.

Естественно, что никаких опровержений газеты, как правило, не помещали. Слухи продолжали распространяться, сея ужас, панику и дезорганизацию. Мало того, воззвание Комитета спасения призвало чиновников всех министерств и ведомств к отказу от подчинения большевикам и бойкоту новой власти. А это грозило разрушением всей существовавшей системы жизнеобеспечения населения.

Ленин прекрасно понимал, что в этих условиях необходимо не медля переходить от деклараций о власти к овладению ее реальными рычагами. И прежде всего — овладеть управлением армией и флотом. Памятуя о том, какую дезорганизацию внесла кадровая чехарда, которую устроили Гучков, а потом Керенский, Владимир Ильич отнесся к данному вопросу крайне осторожно.

Еще накануне, утром 25-го, после ночного заседания ЦК, обсуждавшего вопрос о составе правительства, Ленин обговаривал с Бонч-Бруевичем возможные варианты замены верховного главнокомандующего. Речь, в частности, зашла о генерале Михаиле Дмитриевиче Бонч-Бруевиче. Но, будучи геодезистом, он не имел опыта оперативного командования войсками и, по мнению брата — Владимира Дмитриевича, вряд ли дал бы согласие на такое назначение. Это, кстати, и подтвердилось через несколько дней, когда данное предложение было сделано ему официально. Но уже тогда — утром 25-го — Владимир Ильич попросил Владимира Дмитриевича посоветоваться с братом относительно самого принципа выборности командования и выдвижения «низами начальников»².

К утру 26 октября Ставка проявила свою позицию уже вполне определенно. Медлить было нельзя и Ленин проводит в Смольном совещание с Антоновым-Овсеенко, Крыленко и Дыбенко. Решили, не смещая пока Духонина и командующих фронтами, потребовать от них подчинения новой власти и назначить, как это было и при Временном правительстве, новых комиссаров фронтов, которые могли бы взять под контроль деятельность генералов.

Договорились и о том, что Крыленко возьмет на себя «внешний» — русско-германский фронт. Антонову-Овсеенко поручался «внутренний» фронт против контрреволюции. Он должен был овладеть военным министерством, штабом округа, переехать туда и восстановить весь ап-

¹ См.: *Рид Дж.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 103, 148, 149.

² См.: Ленинский сборник. XXI. С. 91; Вопросы истории КПСС. 1986. № 11. С. 86; *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам! М., 1957. С. 201.

парат управления войсками. Точно так же Дыбенко, который отвечал за военно-морской флот, должен был наладить работу морского министерства, чтобы поддерживать связь с кораблями и экипажами.

Владимир Ильич особенно настаивал на том, чтобы при данном разделении функций вооруженные силы действовали как единое целое. «Никакого расчленения руководства!!» — подчеркивал он. И, привлекая в соответствующие коллегии специалистов и офицеров, комиссарам ВРК ни в коем случае нельзя «переуступать руководства». Вполне вероятно, что, принимая в этот день солдатские делегации, беседуя о положении в армии и на фронте, Ленин обсуждал с ними и перечисленные выше вопросы¹.

Столь же неотложными были проблемы, связанные с необходимостью управления экономической жизнью страны. Причем и в этой сфере Ленин предлагал действовать как можно осторожнее, как он выразился позднее, — «с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки»².

Влас Чубарь — токарь питерского оружейного завода, член Центрального совета фабзавкомов писал, что 26 октября в Смольном «на совещании с группой работников профсоюзов и Центрального совета фабрично-заводских комитетов (Глебов, Шмидт, Амосов, я и еще кто-то) в одной из комнат Смольного он [Ленин] прямо спросил: “Чем мы сейчас располагаем (в отношении людского состава) и какие учреждения нужно захватить в первую очередь?”... Силы были распределены, двинуты на важнейшие пункты и этим обеспечено удовлетворение неотложных нужд промышленности».

Встал вопрос о создании всероссийского органа управления экономикой страны. Владимир Ильич попросил собравшихся подумать об этом. И буквально через день рабочие П.Н. Амосов и М.Н. Животов принесли ему листок бумаги, где коряво, но очень старательно, с помощью кружков и треугольников изображалась схема некоего учреждения. С нее-то и началась разработка декрета о Высшем Совете народного хозяйства России.

Но Ленина волновало в этот момент не столько создание новых учреждений, сколько подключение к управлению экономикой самих рабочих — через создание на предприятиях органов рабочего контроля. Проект положения о рабочем контроле был изложен и обоснован Владимиром Ильичем на данном совещании и получил одобрение.

Тогда же он попросил секретаря Центрального Совета профсоюзов С.А. Лозовского ознакомить с проектом, не дожидаясь отработки всех его деталей, профсоюзный актив. «Из того, что он мне говорил в част-

¹ См.: Антонов-Обвеевко А.В. Напрасный подвиг? С. 176; От Февраля к Октябрю. С. 373.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 202.

ной беседе, — пишет Соломон Абрамович, — было ясно, что для него организационная сторона дела в данном вопросе была второстепенной, ибо в декрете о рабочем контроле он усматривал прежде всего развертывание инициативы рабочих масс и близкий, практический подход их к процессу производства»¹.

В ВРК к Ленину пробился корреспондент меньшевистской «Рабочей газеты». На следующий день газета сообщила, что «нынешний хозяин положения на заданные нами вопросы ответил следующее: “В настоящее время укрепляется достигнутое. Организация новой власти зависит от Всероссийского съезда Советов, который еще сегодня, вероятно, выскажется по этому вопросу. С фронта поступают сведения удовлетворительные. Нужно работать”. На этом беседа прервалась, — пишет корреспондент, — вследствие страшного шума, стоявшего в помещении военно-революционного комитета. Там царила невероятная толчея...» И ему пришлось продолжить интервью с Петром Дашкевичем. «На наш вопрос о дальнейшей организации власти поручик Дашкевич — правая рука Ленина — говорит: “Вместо министров будут временно комиссары, которые будут действовать не самостоятельно, а с участием специальных коллегий, но окончательно вопрос о конструкции власти зависит от [съезда] Советов”»².

Постоянная сутолока в ВРК действительно не давала возможности сосредоточиться. И, видимо, тогда же решили выделить для Ленина комнату. Во всяком случае, рабочий завода «Эриксон» Семенов встретился с Владимиром Ильичем 26 октября уже в его «кабинете». И хотя он указывает комнату 76 на третьем этаже, судя по всему, речь шла об угловой комнате 67 левого, южного крыла того же этажа Смольного³.

Появление Семенова было весьма симптоматичным в том смысле, что оно лишний раз показало: проблема власти касается не только, и даже не столько, вопросов «высокой политики». Власть нужна и для решения тех будничных дел, которые ежедневно рождала сама жизнь. Буквально накануне восстания налетчики прямо на улице похитили у кассира завода 450 тысяч рублей — всю зарплату рабочих. Что делать? Жаловаться некому. И вот завком послал в Смольный, к «новой власти» члена Петросовета, старого рабочего-меньшевика А.С. Семенова.

«Пробьюсь, думаю, к Ленину и через него достану, — пишет Семенов. — Провели меня на 3-й этаж... В первой комнатухе — секре-

¹ В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 7, 12; *Клопов Э.В.* Ленин в Смольном. М., 1965. С. 278; Народное хозяйство. М., 1918. № 11. С. 8, 23, 24; Ленин во главе великого строительства. Сб. воспоминаний. М., 1960. С. 57; *Лозовский С.А.* Великий стратег классовой войны. Памяти единственного. Изд. 2-е, доп. М., 1924. С. 110.

² Рабочая газета. 1917. № 197. 27 октября. Л. 2.

³ См.: В.И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 3, 10.

тарь. — “Вам товарищ Ленин? Пройдите в комнату рядом”... Вошел в кабинет. Помню отчетливо, особенно как-то резко бросилась тогда в глаза пустота, тишина кабинета-комнаты... В сторонке, за столом, притулился Владимир Ильич... Сидел Ильич сгорбившись и, видимо, усталый донельзя... Манишка топорщилась, была измята. Та же усталость звучала и в голосе... Я рассказал ему о наших неудачах с деньгами. Он слушал внимательно... Я знал Керенского, — сравнивает Семенов, — и бывал на его “аудиенциях”. Знал хорошо Дана — и его тоже частенько посещал. Бывал у Мартова и вел с ним беседы... Но я, простой рабочий от станка, ни у одного из этих деятелей, ни в одном из этих кабинетов не сидел вольно и спокойно, как равный товарищ».

Поговорив с Семеновым, Ленин «взял бумажку и быстро написал: “Сим уполномочен Семенов привезти в В.-Рев. комитет комиссара Менжинского”». Но как подписать сей «мандат»? Правительства все еще нет. Есть только безусловный авторитет ВРК. За председателя ВРК в эти дни подписывались и Лазимир, и Подвойский, и Антонов-Овсеенко, и Мехоношин, и Садовский, и Свердлов, и Скрыпник, и Пупырев, и Сухарьков, и Шатов. Но Владимир Ильич подписывает записку: «Член В.-Рев. Ком. Ленин»¹.

Пустота и тишина в кабинете, поразившие Семенова, скоро кончились, ибо в этой комнате сразу же стали собираться члены ЦК. «Помню комнату в Смольном окнами на Неву... — вспоминала Александра Коллонтай. — Стол Владимира Ильича упирался в стену, над столом низко висела лампочка». И когда сходились цекисты, они «сидели вокруг Владимира Ильича и частью за его спиной... Всякий раз, когда Ленин давал кому-нибудь слово... ему приходилось оборачиваться. Но переставить стол поудобнее никто не подумал тогда, заняты были большими делами. Не до себя было!»

Александр Шляпников вспоминал: «26 октября днем было заседание Центрального Комитета. Какие вопросы обсуждались на нем, я не знаю, но мне лично было передано, что я должен “овладеть” министерством труда. Назначение правительства предполагалось сделать к концу съезда, а поэтому мандат мне был выдан Военно-Революционным комитетом за № 1420...»².

Видимо, вопрос об «овладении» министерствами и прочими органами управления как раз и обсуждался на заседании ЦК, а потом в ВРК. Рыкова назначили временным комиссаром в министерство внутренних дел. Урицкого — в МИД. Рязанова — в министерство торговли и промышленности. Менжинского — в министерство финансов.

¹ Рабочие и крестьяне России о Ленине. М., 1958. С. 38, 39; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. М., 1969. С. 457.

² Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 23, 24.

Левого эсера Вильяма Спиро — в министерство почт и телеграфов. Николая Дербышева — в Управление гостипографией, Чудновского — комиссаром Зимнего дворца, а левого эсера поручика Ивана Нестерова — «градона начальником», то есть комиссаром Петрограда и т. д. Судя по номеру мандата Шляпникова, таких назначений было множество.

Петр Алексеевич Козьмин, инженер-мукомол, командовал в ВРК автомобильным хозяйством. Ленин знал его еще по эмиграции и, столкнувшись с ним 26 октября в Смольном, сказал: «Ну, мукомол, действуйте, не теряя ни секунды. Идите в Военно-Революционный комитет, получите мандаты, какие нужно, и давайте муку Петрограду. За целостность мельниц и правильную их работу на вас возлагается строжайшая ответственность».

Зная, как встречают чиновники комиссаров ВРК, Владимир Ильич спросил: «Можно ли заменить дипломированных саботажников бездипломными мастерами и техниками, конечно, стоящими на советской платформе?» Козьмин ответил: «Такие люди с административными способностями найдутся». Ленин задал второй вопрос: «А скажите, в какой мере можно рассчитывать на вашу инженерную братию... Тащите инженеров, т. Козьмин, тащите в Смольный. Без инженеров, без специалистов мы пропадем»¹.

Между тем Семенов вернулся в Смольный вместе с Менжинским. Но Ленин уже ушел на первый этаж, где заседал ВРК. Вячеслав Рудольфович пошел туда и вскоре принес новую записку: «Немедленно выдать т. Семенову 500 тысяч рублей для раздачи жалованья рабочим завода «Эриксон». Ленин». Семенов комментирует: «Печатей и штампов на документе не было». Но для комиссара ВРК в Госбанке этой подписи было достаточно².

Направление комиссаров ВРК во все важнейшие учреждения, связанные с обороной и жизнеобеспечением населения, не снимало вопроса о срочном формировании нового правительства. И еще утром 26 октября Владимир Ильич выступил с докладом на эту тему в колонном зале Смольного на заседании большевистской фракции съезда.

Делегат от Иваново-Вознесенска Иван Болякшин рассказывает, что когда Ленин появился, даже те, кто встречался с ним раньше, не узнали его. Лишь потом по залу пошел шепот: «Ленин, Ленин, Ленин» и грянуло «Ура!». «Тов. Ленин, — пишет Болякшин, — весь бритый, объяснял наши задачи, крах правительства и положение страны»³.

¹ Козьмин П. А. Избранные статьи. М., 1958. С. 17, 35.

² Рабочие и крестьяне России о Ленине. М., 1958. С. 38, 39; Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 2. С. 457.

³ Рабочий край. 1924. 2 февраля. Л. 2.

Здесь же Владимир Ильич зачитал делегатам тот предварительный и неполный список членов правительства, который был выработан ЦК в ночь на 25 октября. Соломон Лозовский вспоминал: «Когда 26 октября, утром, на фракции II съезда Советов Ленин сделал от имени ЦК доклад о составе нового правительства, то первые слова: “Председатель Совета Народных Комиссаров — Владимир Ильич Ульянов-Ленин” произвели потрясающее впечатление на всю фракцию. Как-то жутко стало; каждый понимал всю серьезность сделанного шага, причем ближайшее будущее представлялось пока еще в тумане»¹. И «туман» этот, в известной мере, определялся тем, что правительственная «коалиция» советских партий никак не складывалась.

Надо сказать, что вопросу о взаимоотношениях большевиков с левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами в эти октябрьские дни в нашей исторической литературе явно не повезло. Он был «политизирован» и «идеологизирован» связанной с ним проблемой *однопартийности* правительства. Одни видели в ней некую позитивную закономерность, а в попытках вовлечь в кабинет представителей других партий — чуть ли не «оппортунизм». Другие именно в однопартийности усматривали «первородный грех» Октября и укоряли Ленина за нежелание «поделиться властью» с другими партиями революционной демократии.

И та и другая крайности — от «лукавого». Ибо факты свидетельствуют о том, что до последнего момента Владимир Ильич добивался вхождения и левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов в состав нового рабоче-крестьянского правительства.

Что касается меньшевиков-интернационалистов, оставшихся на съезде, то их влияние несколько возросло. «Еще 24 октября, вечером, — пишет Дмитрий Алексеевич Сагарашвили, — на совместном заседании обеих социал-демократических фракций (интернационалистов и обронцев...) я доказывал необходимость для социал-демократов остаться на съезде и всю гибельность ухода их и предоставления большевиков самим себе... Со мной остались один или два рабочих-меньшевика и группа “Новой жизни” в количестве 6–7 человек. А на следующий день нас уже было до 16–17 человек»².

Было бы оптимальным получить от них кандидатуру на пост министра труда. В прежних коалиционных кабинетах он традиционно принадлежал меньшевикам: сначала инженеру Скобелеву, потом — рабочему Кузьме Гвоздеву. Теперь Матвей Иванович Скобелев активно функцио-

¹ Лозовский С. А. Великий стратег классовой войны. С. 54.

² Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Очерк первый. Лондон, 1991. С. 102.

нировал в Комитете спасения Родины и Революции и отрицал любую возможность сотрудничества с большевиками.

А что, если вместо инженера Скобелева пригласить на этот пост инженера Красина? Меньшевиком Леонид Борисович никогда не был. И в Петросовет и в Городскую думу прошел по списку большевиков. Но на протяжении всего 1917 года он тесно сотрудничал с «новожизненцами». О том, что такое предложение Красину было сделано, написал Шляпников. И он же утверждает, что Леонид Борисович отказался¹.

Тогда решили пригласить рабочего-меньшевика Дмитрия Сагарашвили. Об этом факте впервые сообщил Юрий Фельштинский и подтвердили Зива Галили и Альберт Ненароков в книге «Меньшевики в 1917 году». После Февраля Дмитрий Алексеевич был «оборонцем», являлся членом ЦИК. Потом стал активным меньшевиком-интернационалистом. По старым временам его хорошо знал Сталин и ему поручили переговорить с Сагарашвили. Однако, согласившись вместе со своими коллегами войти в состав нового ЦИК, Дмитрий Алексеевич от правительства отказался².

С левыми эсерами тоже пока не складывалось. Вбирая в себя все колеблющиеся элементы из эсеров правых и центра, они сами теряли устойчивость. Даже вечером 25-го, когда левые выделились, наконец, в самостоятельную фракцию, они все еще колебались в главном вопросе — продолжать ли участвовать в дальнейшей работе съезда. «За» голосовало 92 делегата, «против» — 63 и 9 воздержалось.

Среди их лидеров наиболее последовательную позицию занимали Натансон, Спиридонова, Колегаев, Алгасов, Устинов. И позднее Мария Александровна укоряла товарищей по партии: «Вы должны признаться, пусть это и дело прошлое, как вас насильно надо было уговаривать, чтобы вы были впереди в Октябрьскую революцию. Нас было пять человек здесь борцов»³.

Поэтому первые заседания фракции превращались в сплошную перепалку и принять единое решение было затруднительно. Левые эсеры — делегаты съезда настаивали на немедленных переговорах с большевиками. Но амбиции, видимо, брали верх и лидерам фракции казалось, что пойти «на поклон» к большевикам значит «потерять лицо». Тогда делегаты послали на переговоры Петра Васильевича Бухарцева.

Включить его воспоминания 1927 года в сборник «От Февраля к Октябрю» по цензурным условиям 1957 года мы не смогли. И впервые, спу-

¹ Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 31.

² Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Очерк первый. С. 131; Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 243.

³ Разгон А.И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977. С. 89, 90.

стя 20 лет, их использовал известный историк Анатолий Разгон. Но и он, по тем же причинам, смог сделать это лишь частично. А между тем воспоминания эти весьма содержательны.

Большевицких лидеров Бухарцев нашел в большом зале заседаний съезда. Он подошел к Троцкому, дремавшему у края трибуны, но тот сразу переадресовал его: «Это дело Ильича... Говорите с ним».

Ленин, информированный о шатаниях левых эсеров, «устало меня спросил: “А вы сами-то... остаетесь с нами или нет?” — “Остаюсь”, — ответил Петр Васильевич. — “А ручаетесь ли вы за то, что левые эсеры сегодня-завтра не уйдут со съезда и не устроят нам скандал?”».

Бухарцев стал уверять, что они приложат все силы, чтобы удержать фракцию на правильной позиции.

«Ильич задумался, что-то переговорил с окружавшими его товарищами, как это он умел делать» и тут же «предложил левым эсерам разделить власть». Он пообещал и другим «социалистическим партиям, которые останутся на съезде, дружную и совместную работу»¹.

Окрыленный беседой, Бухарцев вернулся во фракцию и доложил о своем разговоре с Лениным. Но не тут-то было. Опять разгорелись страсти и добиться согласия никак не удавалось. Не дождавшись ответа, Ленин, около 19 часов, решает сам пойти к левозэсеровскому руководству. При этом, естественно, никаких тщеславных амбиций относительно того — а не «потеряет ли он лицо», у него, судя по всему, не возникало.

Разговор состоялся со Спиридоновой. Возможно, беседа эта происходила в одной из комнат президиума съезда, но, поскольку там была постоянная толчея, вернее, что встретились они в комнате, где располагались лидеры левых эсеров. «В памяти, — пишет Крупская, — осталась обстановка этого совещания. Какая-то комната в Смольном с мягкими темно-красными диванчиками. На одном из диванчиков сидит Спиридонова, около нее стоит Ильич и мягко как-то и страстно в чем-то ее убеждает». Но, увы, заключает Надежда Константиновна, «с левыми эсерами договоренности не получилось»².

Собственно, саму Марию Александровну уговорить было можно. Участие левых эсеров в органах новой власти она считала «неизбежным». Точно так же, как и Владимир Алгасов, который полагал, что отказ от вхождения в Совнарком «алогичен», ибо, как утверждал он, «различие между большевиками и левыми социалистами-революционерами в процессе повседневной будничной работы ВРК стерлось», а о допуске в правительство правых эсеров и меньшевиков не могло быть и речи³.

¹ РГАСПИ, ф. 70, оп. 4, д. 197, л. 22, 23.

² Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 473.

³ Политические деятели России. 1917 год. Биографический словарь. М., 1993. С. 14, 301.

Однако этой позиции противостоял Борис Камков. Он считал, что новая власть должна быть «признана если не всей революционной демократией, то хотя ее большинством». Он по-прежнему был убежден, что левые эсеры могут стать ядром правительства. Но если вчера он полагал, что, поглотив правых, они смогут повести за собой всю многочисленную эсеровскую партию, то теперь расчет строился на том, что, взяв на себя роль посредника между большевиками и другими социалистами, они займут лидирующую роль.

«Мы понимали, — писал Камков, — что не поможем делу, если в эту чисто большевистскую власть вольем *одного или двух* левых эсеров... Наша задача... связать порванную цепь, объединявшую два фронта русской демократии»¹. А уж «объединители», в случае успеха, были вправе рассчитывать не на одно-два места и вообще на более важные посты. «Этот парень у себя на уме», — заметил Ленин в разговоре с Бухарцевым. По слухам, проникавшим в эсеровскую прессу, на пост наркома по военным делам мог бы вполне котироваться Сергей Мстиславский, сам Камков — на пост наркома внутренних дел, Карелин — на юстицию, Коллегаев — на земледелие...²

Позднее Спиридонова, презиравшая «революционный карьеризм», заметила: «Как партия классовая, народная, ПАСР не имеет права строить политику на основании личных переживаний, и в эпоху социальной революции играть в политическую игру»³. Но поскольку общей точки зрения не складывалось, ее попытался сформулировать Владимир Карелин: «Если будет образовано однородное большевистское правительство, то мы голосуем против этого... Но на съезде остаемся, входим в ЦИК. Правительство это будем поддерживать»⁴.

Голосуем против, но будем поддерживать?! Объяснить делегатам столь «мудрый» ход было невозможно. Поэтому в 19 часов 5 минут в зале заседаний съезда, где в ожидании начала томились делегаты, было объявлено, что левые эсеры «остаются в Военно-революционном комитете», то есть поддерживают ту революционную власть, которая существует в данный момент. По записи Джона Рида, Ленин якобы по этому поводу заметил: «Так и есть... Они тянутся за нами!»⁵.

Был, вероятно, еще один повод для колебаний, о котором левые эсеры не упоминали: наступление Керенского — Краснова. Ленин прямо указывал, что — среди прочих причин — «они хотят подождать, пока

¹ Политические деятели России. 1917 год. Биографический словарь. С. 137.

² См.: Грубов В.И. Пасынки Октября. Умеренная социалистическая оппозиция большевизму в центральных органах власти Советской России (октябрь 1917 — июль 1918). М., 2007. С. 40.

³ Политические деятели России. 1917 год. Биографический словарь. С. 302.

⁴ Знамя труда. 1917. 27 декабря.

⁵ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 115.

кончится борьба с Керенским». Луначарский написал еще жестче: «Левые эсеры испугались и в правительство идти не хотели»¹.

Что же дальше? Ждать? На этот вопрос Ленин не раз отвечал публично. Второй Всероссийский съезд Советов провозгласил передачу всей власти в России Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Если заниматься не политическим комбинаторством, а относиться к данному решению всерьез, то это означает теперь, что «в России не должно быть иного правительства, кроме *Советского правительства*»².

Тот же съезд Советов, отмечает Ленин, «дал большинство делегатов из партии большевиков». К концу съезда это стало еще более очевидным, ибо после ухода небольших групп правых эсеров и меньшевиков произошла дальнейшая передвижка сил «влево». Из 625 делегатов, заявивших о своей партийной принадлежности, уже не 300, а 390 (62,4%) определились как большевики. Примерно со ста до 179 выросла фракция левых эсеров. С 14 до 35 — объединенные с.-д. интернационалисты. С 7 до 21 — группа «украинских социалистов»³.

И никто из делегатов не оспаривал того, что именно большевики, получив абсолютное большинство (62,4%), «вправе и *обязаны* перед народом составить правительство». Это их долг, считал Ленин. Отказ от него был бы изменой революции, воле народа. И если левые эсеры и меньшевики-интернационалисты не желают работать в революционном правительстве, то необходимо формирование «*чисто большевистского правительства*», не закрывая дверей для представителей других советских партий, разделяющих платформу съезда Советов⁴.

Современные «лениноеды» усматривают в этой логике неумную жажду власти, которая, по их мнению, была импульсом деятельности большевистских лидеров. Владимир Ильич, вероятно, назвал бы подобные рассуждения не иначе, как пошлостью. Оппоненты 1917 года говорили о другом. Они полагали, что, взваливая на свои плечи бремя власти и теряя поддержку умеренных социалистов, большевики идут к «самоизоляции» и краху.

Среди людей, восседающих в президиумах различных съездов, конгрессов и форумов, иллюзия того, что именно они выражают волю народа, что единение «партийного начальства» равнозначно сплочению самих масс, — эта иллюзия не только широко распространена, но и вполне объяснима.

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 36; Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Очерк первый. С. 98.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 72.

³ См. там же. С. 72; Октябрьская революция: вопросы и ответы. М., 1987. С. 276.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 73.

Но в революционные эпохи, когда на политическую арену выходит сам народ, лидеры зачастую становятся не «ведущими», а «ведомыми». И на прочность своего положения они могут рассчитывать лишь до тех пор, пока действительно выражают чаяния масс.

А стало быть, результат того или иного соглашения зависит не от покладистости лидеров. Даже если они, взявшись за руки и возлюбив друг друга, станут демонстрировать полное согласие и мир между собой, ущемляя при этом волю народа, — ни мира, ни согласия не будет. Об этом как раз и говорил печальный опыт «коалиций» предшествующих месяцев.

На протяжении всего 17-го года в резолюциях сотен съездов, конференций и совещаний, в тысячах наказов и требований массовых митингов, собраний и сельских сходов воля народа была определена. И не опосредованно, а именно прямым волеизъявлением масс.

Никаких сомнений в том, какова эта воля, ни у большевиков, ни у их противников не было: немедленное прекращение войны, передача земли крестьянам, безотлагательное решение продовольственного вопроса. И как условие реализации этой воли — передача власти Советам в центре и на местах.

Никакой новый съезд, совещание или сход не могли изменить эту волю. А вот заболтать ее, довести депутатов съезда Советов до одури очередной говорильней, с помощью демократических процедур манипулировать голосами и опять оттягивать и оттягивать — это было вполне возможно.

Это, собственно, и показал весь первый день работы съезда. В конце его председательствовавший Каменев сказал: предложение Мартова обсудить вопрос о создании правительства из представителей советских партий «не могло быть приведено в исполнение только потому, что съезд все время занимается внеочередными заявлениями». И это наводит на мысль о том, что «уход меньшевиков и эсеров был предreshен еще до выяснения нашего отношения к их предложению».

Лев Борисович оказался прав. Еще 25 октября, за день до *открытия* съезда Советов, ЦК меньшевиков по предложению Дана постановил: 1) фракция меньшевиков «покидает съезд», приглашая с собой другие фракции; 2) «ЦК не признает нового правительства»; 3) ЦК «организует борьбу» с этим правительством, опираясь на комитеты общественного спасения в центре и на местах. Так что и меньшевики, и эсеры изначально шли на съезд отнюдь не для конструктивной работы. И Ленин справедливо заметил: «Вы говорите, что мы экстремисты, ну, а вы кто? Апологеты парламентской обструкции, того, что называлось раньше кляузничеством»¹.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 58; Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 200, 244.

Если говорить о тех особенностях, которые отличали большевизм, то, пожалуй, одной из главнейших являлась та, что революционную инициативу и самостоятельность масс они ставили превыше всего.

Для тех представителей «профессорской науки», писал Ленин еще в 1906 году, которые мечтают «вершить дела за народ *от имени масс*», политическая пассивность самих масс — это «эпоха мысли и разума».

«Они кричат об исчезновении мысли и разума, когда вместо кропления законопроектов всякими канцелярскими чинушами... наступает период непосредственной политической деятельности “простонародья” со всеми «неупорядоченными» и просто «незаконными» приемами борьбы.

«Момент истины» — так озаглавил свою интереснейшую книгу о русской революции известный историк Теодор Шанин. И это определение очень точно. Именно в революционной инициативе масс выступает разум народа, а не только разум отдельных личностей. «Это — та великая пора, — писал Ленин, — когда мечты лучших людей России о свободе претворяются в дело, дело самих народных масс, а не одиночек-героев»¹.

При рождении большевизма, в 1903 году, на II съезде РСДРП Плеханов говорил: «Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно к принципу, гласящему, что *salus populi suprema lex* [благо народа — высший закон]. В переводе на язык революционера это значит, что успех революции — высший закон».

Да, в октябре 1917 года на II съезде Советов не было представлено большинство крестьянских Советов. Саботаж эсеровского Исполкома Советов крестьянских депутатов дал результаты. Но воля крестьян была известна. И Ленин был убежден, что «не надо идти назад к старым предрассудкам, которые интересы народа подчиняют формальному демократизму»².

С попытками «заболтать» решение главных вопросов революции надо было кончать. И в 20 часов 40 минут, когда в переполненном зале заседаний появился, наконец, президиум съезда, Каменев, с несвойственной ему твердостью, сказал: «Съезд постановил, что он берет власть в свои руки. И мы теперь предлагаем вашему вниманию те проекты законов, которые мы считаем необходимыми как можно скорее»³.

К трибуне выходит Ленин. «Вопрос о мире, — говорит он, — есть жгучий вопрос, больной вопрос современности. О нем много говорено, написано, и вы все, вероятно, не мало обсуждали его. Поэтому позволю-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 384, 385, 390, 391.

² См. там же. Т. 35. С. 137, 185.

³ Рабочая газета. 1917. № 198. 28 октября.

те мне перейти к чтению декларации, которую должно будет издать избранное вами правительство». Это правительство должно прежде всего предложить всем воюющим странам немедленно заключить справедливый демократический мир. Мир без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народов и без всяких контрибуций.

Все прежние международные соглашения и обязательства России, точнее — «все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать». Но любые тайные договоры, которые содержат «пункты об аннексиях и контрибуциях», аннулируются и будут немедленно опубликованы. «Мы отвергаем, — сказал Ленин, — все пункты о грабежах и насилиях...» Продолжение войны ради таких целей новое правительство России «считает величайшим преступлением против человечества...».

Прекрасные слова! Кто от них откажется?! Но и их можно «заболтать» и тянуть, затягивать войну до бесконечности. Поэтому, дабы не терять времени, немедленно «мы, — говорит Ленин, — предлагаем перемирие на три месяца, но не отвергаем и более короткого срока, чтобы хоть на некоторое время могла вздохнуть свободно измученная армия...» Мало того, мы не считаем наши предложения единственно возможными. «Мы рассмотрим всякие условия мира, все предложения»¹.

При этом правительство России готово вести переговоры не только на дипломатических встречах и международных конференциях, для организации которых опять-таки необходимо время. Но и «посредством письменных отношений, по телеграфу». Однако при этом Россией решительно отвергается всякая «тайная дипломатия» и мирные переговоры должны быть «совершенно открыты перед всем народом»².

Демонстративная *неультимативность* предложений являлась характерной чертой всего «Декрета о мире». Ибо наша задача состоит в том, подчеркивал Владимир Ильич, чтобы «вышибить из рук наших врагов возможность сказать, что их условия другие, и поэтому нечего вступать с нами в переговоры»³.

Ничего кроме иронии и скепсиса у оппонентов Ленина по этому поводу не нашлось. Меньшевик-интернационалист Борис Авиллов заявил, что правительства союзных держав не станут «вступать в сношения с новой властью и ни в коем случае не согласятся на предложение о мирных переговорах. Послы собираются уезжать... Новая власть окажется изолированной, и ее предложения повиснут в воздухе»⁴. Что ж, такая возможность была вероятна. И большевики не были столь наивны, что-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13, 14, 17, 20.

² См. там же. С. 15.

³ См. там же. С. 17.

⁴ Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 248.

бы полагаться на чудесное превращение милитаристов в миротворцев. Поэтому, говорил Ленин, «наше обращение должно быть направлено и к правительствам и к народам». И это тоже была принципиальная особенность декрета.

Обращаясь к трудящимся Англии, Франции, Германии, имеющим богатейший опыт революционной борьбы, а ныне — истерзанным мировой бойней, «мы должны, — сказал Ленин, — помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира». И не надо бояться, что правительства скроют от них наши предложения, ибо «надо помнить, что мы живем не в глубине Африки, а в Европе, где все может быть скоро известно»¹.

То, что предлагает новое правительство России, говорил Владимир Ильич, «сообразно правовому сознанию демократии вообще...». Но, связывая вопрос о прекращении войны с революцией в России и борьбой трудящихся других стран против своих империалистических правительств, он ухватывал тем самым реальную возможность соединения стремления народов к миру с движением к социализму².

Современный исследователь Леонид Истягин, говоря о пацифизме Октября, справедливо заметил, что при таком подходе лозунг мира выводил борьбу масс за сугубо демократические рамки и «должен был облекаться в качественно иные организационные формы»³.

Вопрос о связи Октября с идеей «мировой революции» был настолько гиперболизирован и тогдашними дискуссиями и нынешней публицистикой, что появилось даже деление лидеров большевизма 1917 года на две категории. Первая — те, кто видел в Октябре «революцию для России». Вторая — те, кто придерживался принципа «Россия для мировой революции». Это, конечно, пустяки и в лучшем случае такое деление надуманно.

Октябрь, независимо от того, что о нем думали современники и участники, был революцией «для России» и решал прежде всего те задачи, которые стояли перед Россией. Что же касается «мировой революции», то к ней относились двояко. Во-первых, как к возможности получения революционной Россией поддержки с Запада. А во-вторых, как к некой конечной цели, «путеводной звезде», которая, как всякая великая цель, не может быть сугубо прагматичной и пробуждает энтузиазм, поднимая на борьбу самые широкие народные массы.

«...Все великие революции, — пишет профессор Истягин, — выдвигали и даже в меру сил пытались реализовать лозунги “революционных войн”. Октябрьская революция в лице, кстати сказать, не в первую очередь большевиков, попросту уже в силу традиции не могла от-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 16, 18.

² См. там же. С. 14, 18.

³ Альтернативы. 2008. № 2. С. 82.

бросить овевянные романтикой милитаристские идеалы. Но не в этом была ее специфика, а в том, что... во многих отношениях в противоречии с ними она ставила и в целом последовательно развивала идею и практику мироутверждения, как главной предпосылки решения всех неотложных задач, а в перспективе и возведения самого строя социальной справедливости»¹.

Одна реплика Ленина в ходе дискуссии вокруг декрета проливает свет на вопрос — «Революция для России» или «Россия для мировой революции».

Меньшевик-интернационалист А.Д. Еремеев упрекает его в том, что «наша неультимативность» будет воспринята империалистами как «наше бессилие». Владимир Ильич отвечает: он опасается не того, что могут подумать там, на Западе. Его волнует прежде всего — «что скажет крестьянин какой-нибудь отдаленной губернии...»² И в этой реплике, если хотите, и смысл и импульс его побуждений.

После окончания прений и заключительного слова Ленина «Декрет о мире» ставится на голосование. И, несмотря на всяческие оговорки и скептические возражения оппонентов — принимается *единогласно*.

«Неожиданный и стихийный порыв, — пишет Джон Рид, — поднял нас всех на ноги, и наше единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании “Интернационала”. Какой-то старый, сидящий солдат плакал, как ребенок. Александра Коллонтай потихоньку смахнула слезу... “Конец войне! Конец войне!” — радостно улыбаясь, говорил мой сосед, молодой рабочий. А когда кончили петь “Интернационал” и мы стояли в каком-то неловком молчании... запели похоронный марш, медленную и грустную, но победную песнь, глубоко русскую и бесконечно трогательную... “Настанет пора, и проснется народ, / Великий, могучий, свободный. / Прощайте же, братья, вы честно прошли / Свой доблестный путь благородный!”»³

Замолчать «Декрет о мире» было невозможно. Хотя первая реакция дипломатов Антанты была именно таковой. Французский министр иностранных дел Пишон телеграфировал послу в России Жозефу Нулансу, что Франция не намерена вести переговоры с «псевдоправительством» и «максималистами». Не получив ответа от правительств стран Антанты, Совнарком вступил в переговоры с Германией. 20 ноября (3 декабря) русская делегация прибыла в Брест-Литовск. И уже на следующий день было договорено, что с 24 ноября (7 декабря) на всем протяжении Восточного и русско-турецкого фронтов устанавливается перемирие.

¹ Альтернативы. 2008. № 2. С. 84.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 19, 21.

³ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 121.

3 (16) декабря его продлили до 1 января 1918 года¹. Прекращение военных действий стало фактом.

Предложение революционной Россией мира без аннексий и контрибуций, официально заявленное немцами согласие вести переговоры на этой основе вызвали широкий резонанс в Европе. Президент США Вудро Вильсон предложил правительствам Антанты выступить с аналогичной декларацией об отказе от аннексий и контрибуций. В декабре такой документ был подготовлен. Но не тут-то было. Жорж Клемансо, который в ноябре возглавил французское правительство и ввел в стране режим военной диктатуры, решительно отказался. Тогда Вильсон стал действовать самостоятельно и в послании Конгрессу 8 января 1918 года изложил в 14 пунктах свои принципы будущего миропорядка².

Ощущение того, что здесь, в Смольном, на II съезде Советов, в ночь на 27 октября, на их глазах и при их участии творилась история, видимо, присутствовало и у делегатов. Когда они, после единодушного вотирования «Декрета о мире», запели — «Вы жертвою пали...», Джон Рид записал: «Похоронный марш обнажает всю душу тех забытых масс, делегаты которых заседали в этом зале, строя из своих смутных прозрений новую Россию, а может быть и нечто большее...»³

Когда песня и аплодисменты стихли, Ленин начал доклад «О немедленном уничтожении помещичьей собственности на землю». Именно так назвал доклад председательствующий.

«Правительство рабоче-крестьянской революции, — сказал Владимир Ильич, — в первую голову должно решить вопрос о земле...» Само возникновение «Октябрьской революции ясно доказывает, что земля должна быть передана в руки крестьян». И тот факт, что Временное правительство под разными предлогами оттягивало решение земельного вопроса, является преступлением, ибо привело страну «к разрухе и к крестьянскому восстанию»⁴.

«Декрет о земле» отменял помещичью собственность на землю без всякого выкупа. Передавал все помещичьи имения, а также земли удельные, монастырские, церковные в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных крестьянских Советов. Любая порча конфискуемого имущества объявлялась «тяжким преступлением». А конкретным руководством по проведению данной реформы должен был стать уже не раз упоминавшийся сводный крестьянский наказ.

¹ См.: *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Очерк первый. С. 152, 153, 157.

² См. статью Вл. Романова «Полковник Эдвард Хаус» // *Вопросы истории.* 2005. № 7. С. 55, 56.

³ *Рид Дж.* 10 дней, которые потрясли мир. С. 121.

⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 23.

Об истории возникновения этого документа рассказывалось выше. Когда летом ЦИК предложил крестьянам сформулировать свои требования, мужики отнеслись к этому серьезно. Раньше их никто за людей не считал. И хотя в Государственной думе крестьянские депутаты не раз излагали свои чаяния, ни одна из правительственных комиссий по «земельному вопросу» мнением их не интересовалась. А зря. Оказалось, что «темные мужики», о которых так пеклись реформаторы и законотворцы, разбирались в аграрном вопросе вполне здраво и компетентно.

Писались указы в разных волостях, уездах, губерниях. Но, при всей пестроте местных условий, основные требования повторялись из указа в указ. Совпадало главное: *«Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду... Все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства»*.

«Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней».

Прежде землю в общине делили «по мужикам». Женщины в счет не шли. Теперь в указах писали: «Право пользования землей получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе...»

«Формы пользования землей должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках». Но конские заводы, племенные скотоводства и птицеводства, а также высококультурные хозяйства: плантации, сады, оранжереи, рассадники, питомники, крупный хозяйственный инвентарь конфискованных земель — *не подлежат разделу*, а, в зависимости от значения, «передаются в исключительное пользование *государства или общин»*.

Указы предусматривали буквально все детали «великих земельных преобразований»: порядок периодических переделов пашни, переселение на свободные земли за государственный счет, сохранение приусадебных садов и огородов за прежними владельцами, неприкосновенность земли рядовых казаков, обеспечение стариков, инвалидов, нетрудоспособных.

Что касается помещиков и всех тех, кто пострадал от «имущественного переворота», за ними признавалось, во-первых, право на получение

земельных наделов в соответствии с численностью семьи, а во-вторых, «право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования»¹.

Можно лишь поражаться тому, насколько взвешенно, продуманно, истинно по-государственному, без эгоизма и мстительности, с максимальным стремлением избежать углубления конфликтов подходили к проблемам «Великой реформы» крестьяне. Те, кого «большая пресса» травила как «чернь» и «быдло», как воплощение «анархии» и «пьяного разгула».

Общим местом в нынешней исторической публицистике стало утверждение, что Ленин «перехватил», а говоря проще — «украл» у эсеров их аграрную программу. Это утверждение, по меньшей мере, некорректно. То, что прежняя эсеровская аграрная программа отражала требования крестьянства, — это факт. То, что эсеровская фразеология о «социализации», хотя и толкуемая по-своему, влияла в свою очередь на крестьянские умы, — это тоже факт. Но столь же необходимо признать и другие факты.

18 и 19 октября в «Деле народа» был опубликован написанный Семеном Леонтьевичем Масловым — министром земледелия Временного правительства, аграрный законопроект, о котором Чернов написал, что проект выражает позицию эсеровской партии и является шагом «к великой реформе социализации земли».

«Партия эсеров, — замечает Ленин, — торжественно и всенародно на своих съездах первой (1905 года) и второй (1917 года) русской революции обязалась поддерживать крестьянское требование *конфискации* помещичьих земель, т. е. перехода их к крестьянам *безвозмездно*». Об отмене частной собственности на землю и передаче ее в общенародное достояние говорилось и в «Наказе». Но ничего этого не содержалось в масловском проекте².

Помещичьи земли не конфисковывались, а зачислялись во «Временный аграрный фонд» и из него передавались в аренду крестьянам. Но в «фонд» поступали не все помещичьи владения. У прежних хозяев оставались плантации и посевы технических культур, а также земли, необходимые прежним собственникам для содержания не только семьи, но и наемных рабочих и наличного скота. Мало того, земля отчуждалась не безвозмездно, а за плату, соответствующую доходности хозяйства. И эта арендная плата, за вычетом платежей государству, поступала прежнему владельцу, то есть помещику.

Наконец, земельные комитеты — главный инструмент «великой реформы» — наводнялись чиновниками, за которыми в конфликтных си-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 24.

² Там же. Т. 34. С. 428.

туациях оставалось последнее слово, дабы крестьяне не могли обидеть «законных» собственников. Словом, как заметил Ленин, эсеровский проект делал все «для соглашения с помещиками, для спасения их». В этом смысле «партия эсеров обманула крестьян: она переползла со своего земельного проекта на помещичий, кадетский, план “справедливой оценки” и сохранения помещичьей собственности на землю»¹.

И все это оказалось пустыми хлопотами. Так уж сошлось, что именно 24 октября, в день, когда была опубликована ленинская статья «Новый обман крестьян партией эсеров», когда большевистский ЦК обсуждал проект «Декрета о земле», масловский проект, поддержанный Исполкомом Совета крестьянских депутатов, поставили в повестку дня заседания Временного правительства. Однако, посчитав уступки крестьянам чрезмерными, кадеты и народные социалисты сняли его с обсуждения и отложили «до Учредительного собрания»².

Что же мы имеем в «сухом остатке»? За все время пребывания в правительстве, удерживая в своих руках министерство земледелия, эсеры даже не пытались узаконить крестьянские требования. Это — факт первый. Второй — они фактически отошли к октябрю 17-го и от своей программы, и от требований крестьянского «Наказа», заменив их компромиссным масловским проектом. И, наконец, третий факт — сама история возникновения того «Примерного наказа», который составил ядро ленинского декрета...

Когда в августе в редакции «Известий» накопилось достаточное количество крестьянских наказов, из них отобрали 242 наиболее содержательных и решили свести их воедино. Причем поручили сделать это не эсеровским теоретикам, а некой «г-же Ф.». Написавший об этом эсер В. Булатов подчеркивает, что ей было указано: *не редактировать* крестьянские требования, а лишь «выделить в этих наказах основные мотивы, общие всем им, и положить их в основу сводного наказа...».

Именно эту работу «г-жа Ф.» и проделала. Сводный наказ как раз и цитировался выше. Так что эсеровская «огранка» данного документа, о которой часто упоминают исследователи, более чем проблематична. И гораздо ближе к истине был Ленин, когда на II съезде Советов сказал, что «все содержащееся в этом наказе» является выражением «безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян России...».

Главное же заключалось в том, что именно это *непосредственное волеизъявление* крестьян Владимир Ильич и предложил съезду сделать Законом нового государства, который будет «проводиться в жизнь по возможности немедленно...». А эсер Булатов, написавший об истории

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 428, 432.

² См.: Политические деятели России. 1917 год. С. 210.

создания сводного Наказа, заметил: «Г-жа Ф. не подозревала, какую честь готовит сюрпризом история ее скромному труду»¹. Мировая история действительно знает не столь уж много прецедентов, когда устои и формы собственности в огромной стране формулировались не политиками, а напрямую — самим народом.

Оппоненты Ленина оказались в сложном положении. Спорить по существу декрета в этом зале было невозможно. Оставалось одно — устроить скандал. И как только Ленин закончил чтение проекта, на трибуну, силой расталкивая сидевших в проходах, взобрался член Исполкома крестьянских Советов Иван Пьяных. От имени Исполкома он заявил протест против ареста министров-социалистов Салазкина и Маслова и потребовал их немедленного освобождения. Его поддержал другой член Исполкома — солдат, который, размахивая кулаком, заявил, что они не позволят «тиранам и узурпаторам... расправиться с выборными представителями крестьян».

Троцкий ответил, что приказ ВРК об освобождении не только Маслова и Салазкина, но и меньшевиков Гвоздева и Малянтовича был отдан еще до начала заседания съезда. Но тут, совершенно неожиданно, на трибуну поднялся тверской делегат — бородатый мужик в овчинном тулупе.

Степенно поклонившись президиуму и делегатам, он сказал, что надо, во-первых, выразить благодарность товарищу Ленину — «самому стойкому защитнику крестьянской бедноты». А во-вторых, «не останавливаться перед арестом всего Исполнительного Комитета Крестьянского Совета, потому что там сидят не крестьянские представители, а кадеты, которые не защищают народные интересы, а предают их, и что место им в тюрьме».

Зал одобрительно загудел, и кто-то крикнул с места: «Кто они, все эти Авксентьевы и Пьяных? Они вовсе не крестьяне! Они только языком болтают!». А следующий оратор, эсер-максималист Звездин, заключил: «Мы не можем не отдать должное той политической партии, которая в первый же день без всякой болтовни проводит в жизнь такое дело!..»

Казалось бы, все — можно ставить декрет на голосование. Но тут включается «вторая тормозная система»: левые эсеры требуют полу-часового перерыва для обсуждения проекта на фракции. Меньшевики-интернационалисты поддерживают их. Около 11 часов объявляется перерыв, и Ленин обращается к делегатам: «Нам нельзя терять времени, товарищи!.. Никаких задержек!»²

¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 26; статья Е.А. Луцкого в сб. Источниковедение Великого Октября. Сб. статей (М., 1977. С. 139).

² См.: Меньшевики в 1917 г. Т. 3. Ч. 2. С. 247; Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 123, 124.

Итак, последний перерыв. Левые эсеры видели настроение зала. В том, что декрет о земле будет принят, сомневаться не приходилось. ЦК большевиков в последний раз запрашивает левых эсеров — войдут ли они в Совет Народных комиссаров? И есть основания полагать, что ЦК ПЛСР признал допустимость вхождения своих членов в СНК, но не как представителей партии, которая еще не оформилась, а в сугубо личном качестве.

Если такое решение было принято, то понятно, почему в этот последний перерыв было немедленно созвано заседание большевистского ЦК, на которое пригласили трех левозэсеровских лидеров — Камкова, Спири и Карелина.

Никаких документов данного заседания не сохранилось. Мало того, в исторической литературе и совещание у Спиридоновой, которое проходило, как пишет Крупская, около 19 часов, и ночное заседание большевиков слиты воедино. Между тем существует заявление самого Ленина, в котором данное событие поставлено на свое место.

«...Всем известно, — пишет Ленин, — что Центральный Комитет партии большевиков, за несколько часов до образования нового правительства и до предложения списка его членов Второму Всероссийскому съезду Советов, призвал на свое заседание трех виднейших членов группы левых эсеров, товарищей Камкова, Спири и Карелина, и предложила им участвовать в новом правительстве. Мы крайне сожалеем, что товарищи левые эсеры отказались, мы считаем их отказ недопустимым для революционера и сторонника трудящихся, мы во всякое время готовы включить левых эсеров в состав правительства...»¹

Видимо, в этот же последний перерыв произошел и разговор Сталина с Дмитрием Сагарашвили. Во всяком случае, в своих воспоминаниях Дмитрий Алексеевич отметил, что после их беседы очень «скоро съезду Советов был предложен на утверждение список будущих народных комиссаров...»²

Многие лидеры левых эсеров понимали, что совершили ложный шаг. «Я считаю, что в этом отношении, — заявил Владимир Алгасов, — была совершена политическая ошибка». Его поддержал Табаков: «Для нас с самого начала было ясно, что создание однородного социалистического министерства совершенно неприемлемо». А посему партия «совершила большую ошибку, что не вошла в Совет народных комиссаров». Андрей Колегаев вообще считал, что этот шаг может привести лишь к тому, что «трудовое крестьянство отойдет от нас. А второе — революция пройдет мимо нас»³.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 72, 73.

² Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Очерк первый. С. 131.

³ Протоколы Первого съезда Партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М., 1918. С. 60, 62; Политические деятели России. 1917 год. С. 157.

Буквально спустя несколько дней Владимир Ильич с полным правом мог заявить: «Не наша вина, что эсеры и меньшевики ушли. Им предлагали разделить власть... К участию в правительстве мы приглашали всех... Мы хотели советского коалиционного правительства. Мы из Совета не исключали никого. Если они не хотели совместной работы, тем хуже для них»¹.

Между тем фракционные заседания делегатов съезда затянулись за полночь. И у левых эсеров и у меньшевиков-интернационалистов после дебатов о вхождении в правительство больше всего говорили не о том, насколько полно выражает проект «Декрета о земле» интересы крестьян, а о том, кого именно следует считать его автором.

У большевиков тоже возникли проблемы. Многие из них уловили, что между декретом и партийной программой есть существенные нестыковки. И Ленину пришлось обстоятельно разъяснять данный вопрос. «Чувствовалось, что он, — вспоминал Филипп Голощекин, — опасается, что большевики, привыкшие долгие годы спорить против “социализации”, будут возражать, поэтому он штурмовал в своей речи эту позицию»².

Вместо получаса перерыв растянулся на два с половиной часа. А когда делегаты вновь собрались в зале, прения по «Декрету о земле» были недолгими. Какой-то солдат стал протестовать против ущемления в Наказе права на землю дезертиров. Ленин ответил: «Мы высказываемся против всяких поправок в этом законопроекте, мы не хотим детализации... Россия велика, и местные условия в ней различны; мы верим, что крестьянство само лучше нас сумеет правильно, так, как надо, разрешить вопрос».

В своем заключительном слове Владимир Ильич не стал скрывать, что между большевистской программой и декретом действительно существуют расхождения. «Пусть так, — сказал он. — Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы — не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь. (Шумные аплодисменты.)»³.

В два часа ночи «Декрет о земле» ставят на голосование. Подавляющее большинство — за. Против лишь один. Восемь — воздержалось.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 36, 37.

² От Февраля к Октябрю. С. 112.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 27.

Джон Рид записывает: «Крестьянские делегаты были в неистовом восторге...»¹

«В 2 часа 30 минут ночи, — продолжает Джон Рид, — наступило напряженное молчание. Каменев читает декрет об образовании правительства: “Образовать для управления страной впредь до созыва Учредительного собрания временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров. Заведование отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям... в тесном единении с массовыми организациями рабочих, рабочих, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т. е. Совету Народных Комиссаров”.

Далее шел список: Председатель Совета — Владимир Ульянов (Ленин); нарком по внутренним делам — А.И. Рыков; земледелия — В.П. Милютин; труда — А.Г. Шляпников; комитет по делам военным и морским — В.А. Антонов (Овсенко), Н.В. Крыленко, П.Е. Дыбенко; по делам торговли и промышленности — В.П. Ногин; народного просвещения — А.В. Луначарский; финансов — И.И. Скворцов (Степанов); по делам иностранным — Л.Д. Бронштейн (Троцкий); юстиции — Г.И. Оппоков (Ломов); по делам продовольствия — И.А. Теодорович; почт и телеграфов — Н.П. Авилов (Глебов); по делам национальностей — И.В. Джугашвили (Сталин)².

Средний возраст этих 15-ти членов правительства был равен 37 годам. Старше 40 были лишь четверо: Ленину и Скворцову-Степанову по 47, Луначарскому и Теодоровичу — по 42. До 30 лет было Дыбенко (28), Ломову-Оппокову (29) и Глебову-Авилову — 30. Восемь наркомов были моложе 40 лет: Крыленко и Шляпников — 32, Милютин — 33, Антонов-Овсенко — 34, Сталин и Троцкий — 38, Ногин — 39.

Большинство — 10 человек являлись русскими, двое — украинцами, плюс один — поляк, один — еврей и один — грузин. Из дворян — пятеро, из рабочих — двое, из крестьян — двое, остальные из семей служащих и служилой интеллигенции.

Высшее и неполное высшее образование имели восемь членов правительства: Ленин, Рыков, Милютин, Крыленко, Луначарский, Скворцов-Степанов, Ломов, Теодорович. Остальные компенсировали отсутствие университетских дипломов самообразованием, благо тюрьмы, ссылки и эмиграция давали для этого возможность. И оттого, что тот же Луначарский так и не успел окончить Цюрихский университет, а Троцкий —

¹ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 125; Политические деятели России. 1917 год. С. 391.

² См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 28, 29; Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 125.

Одесское реальное училище, нисколько не помешало им стать энциклопедически образованными людьми.

Во всяком случае, американский разведчик, полковник Раймонд Робинс, который часто общался с министрами правительства Керенского, а затем с большевиками — народными комиссарами, написал: «Первый Совет Народных Комиссаров, если основываться на количестве книг, написанных его членами, и языков, которыми они владели, по своей культуре и образованности был выше любого кабинета министров в мире»¹. И Ленин стал признанным главой такого правительства.

Данный состав Совета народных комиссаров съезд утвердил подавляющим большинством голосов. Вслед за этим утверждается состав Всероссийского Центрального исполнительного комитета — постоянно действующего советского парламента. В него избирается 101 человек! 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 меньшевиков-интернационалистов, 3 украинских социалиста и 1 эсер-максималист.

На этом в 5 часов 15 минут утра съезд Советов закончил работу. Делегаты затянули «Интернационал», но песня не заладилась. За эти дни все были измотаны до предела и засыпали тут же в зале. Те, кто уезжал или ночевал в городе, потянулись к выходу. Ленин сел в машину и опять поехал к Бонч-Бруевичам.

И тогда и теперь антибольшевистская пресса жевала и будет жевать сюжет о «темной, неграмотной массе», которая, поддавшись влиянию большевиков, «не ведала, что творит». Читать это не только скучно. Это просто неправда. И гораздо большего доверия вызывают уже многократно цитировавшиеся записи того же Джона Рида, которого все эти дни более всего поражала именно осознанность действий масс...

«Огромное помещение было битком набито солдатами с суровыми лицами и рабочими. Долгими часами стояли они здесь, неумоимо внимая ораторам. Тяжелый, спертый воздух был полон табачного дыма; пахло потом, человеческим дыханием и грязной одеждой».

«Мне никогда не приходилось видеть людей, с таким упорством старающихся понять и решить. Совершенно неподвижно стояли они, слушая ораторов с каким-то ужасным, бесконечно напряженным вниманием, хмурая брови от умственного усилия. На их лбах выступал пот. То были гиганты с невинными детскими глазами, с лицами эпических воинов».

«Делегаты бурно аплодировали, они горели дерзанием, чувствуя себя борцами за все человечество. И с этих пор во всех действиях восставших масс появилась и осталась навсегда какая-то осознанная и твердая решимость»².

¹ Новый мир. 1967. № 5. С. 260.

² Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 126, 129, 141.

В последующие дни и недели, заполняя вакансии, в Совнарком вошли большевики: Александра Михайловна Коллонтай — народный комиссар общественного призрения, Марк Тимофеевич Елизаров — нарком путей сообщения, Вячеслав Рудольфович Менжинский — наркомфин, Петр Иванович Стучка — наркомюст, Григорий Иванович Петровский — нарком внутренних дел, Александр Григорьевич Шлихтер — нарком продовольствия, Эдуард Эдуардович Эссен — нарком государственного контроля, Николай Ильич Подвойский — наркомвоен и Валерьян Валерьянович Оболенский (Осинский) — председатель Высшего Совета народного хозяйства и нарком по урегулированию и организации производства.

С ноября правительство пополнилось левыми эсерами. Андрей Лукич Колегаев стал народным комиссаром земледелия. Исаак Захарович Штейнберг сменил Стучку на посту наркома юстиции. Проша Перчевича Прошьяна назначили наркомом почт и телеграфов, Владимира Евгеньевича Трутовского — наркомом городского и земского самоуправления. Два Владимира Александровича — Алгасов и Карелин стали наркомами «без портфелей» с правом решающего голоса. Александра Адольфовна Измайлович — наркомом по дворцам Республики, а когда ЦК левых эсеров отозвал ее на партийную работу, наркомом государственных имуществ назначили Карелина¹.

Из 16 человек, пополнивших Совнарком в октябре–декабре 1917 года, старше 40 лет были пятеро (Елизарову — 54, Стучке — 52, Шлихтеру — 49, Коллонтай — 45, Менжинскому — 43), не старше 30 — шестерым (Карелин — 26, Трутовский — 28, Штейнберг — 29, Оболенский, Алгасов и Колегаев — по 30). Полное и неполное высшее образование имели 11 человек (из них 8 — юристы). Из дворян — шестеро, из рабочих — один (Петровский), из крестьян — двое (Елизаров и Стучка).

Совнарком стал таким образом коалиционным двухпартийным «народно-социалистическим правительством», а Третий съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов (январь 1918 года) постановил именовать его — «Рабочее и Крестьянское Правительство Российской Советской республики»².

Расширился состав советского «парламента» — ВЦИК. Еще в июне 1917 года начались переговоры о *немедленном* объединении Исполкомов Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских депутатов и Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Однако, в связи с большевизацией Советов, эсеры притормозили этот процесс.

¹ См.: Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 гг. М., 2006. С. 95–97.

² Знамя труда 1917. 21 ноября; 1918. 20 января.

Лишь в ноябре 17-го Чрезвычайный Всероссийский съезд крестьянских депутатов, проведенный левыми эсерами, принимает соответствующее решение и 15 ноября 108 членов крестьянского Исполкома (82 левых эсера, 16 большевиков, 3 эсера-максималиста, 1 меньшевик-интернационалист, 1 анархист и 5 — «прочих») входят в состав объединенного ВЦИК, к которому переходят все права Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

И расклад сил в этом «советском парламенте» уже иной: 113 левых эсеров, 92 большевика, 7 — меньшевиков-интернационалистов, 4 эсера-максималиста, 3 украинских социалиста, 1 анархист и 7 «прочих». Левозэсеровское большинство сохранялось до 25 ноября. И современный исследователь Владимир Лавров сетует на то, что левые эсеры не воспользовались этим для «парламентского переворота».

Если бы речь шла о «борьбе за власть», как это принято считать сегодня, то такой соблазн вполне мог бы появиться. Но он не возник, ибо соглашение предусматривало, что объединение происходит на платформе Второго съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, лидерами которого являлись большевики. Да и сами левые эсеры — члены ВЦИК, особенно матросы, пресекали любые попытки вбить клин между ними и большевиками.

Согласно условиям объединения, выработанным еще в июне 1917 года, помимо членов Исполкомов обоих съездов в состав ВЦИК вводились 80 представителей армии, 20 — флота и 50 — профсоюзов. По мере их прибытия соотношение сил менялось. И уже с 25 ноября большевики стали вновь располагать большинством голосов¹.

А в январе 1918 года Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов избрал ВЦИК из 326 (а не 306, как принято считать) членов, среди которых было 169 большевиков, 132 левых эсера, 5 эсеров-максималистов, 5 *правых эсеров* (Пумпянский, Чернявский и др.), 4 анархиста (Ге, Шатилов и др.), 4 меньшевика-интернационалиста (Суханов, Линдов и др.), 2 *меньшевика* (Ф. Дан и Ю. Мартов). Партийность пятерых не установлена². И теперь уже вряд ли можно было сомневаться, что этот *многопартийный* парламент представляет большинство Советов и трудящихся России.

В бурные октябрьские дни Джон Рид записал: «Пусть все свершилось не так, как они представляли себе, не так, как ожидала интеллигенция. Но все-таки свершилось — буйно, властно, нетерпеливо, отбрасывая формулы, презирая всякую сентиментальность, истинно...»³

¹ См.: Разгон А.И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. С. 34, 36, 311; Лавров В.М. Крестьянский парламент в России. М., 1996. С. 138, 170, 174, 176, 177, 235.

² См.: Политические деятели России. 1917 год. С. 407, 408.

³ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 121.

«...И идут без имени святого / Все двенадцать — вдаль / Ко всему готовы, / Ничего не жаль... / Так идут державным шагом — / Позади — голодный пес, / Впереди — с кровавым флагом, / И за вьюгой невидим, / И от пули неведим, / Нежной поступью надвьюжной, / Снежной россыпью жемчужной, / В белом венчике из роз — / Впереди — Исус Христос» — это Александр Блок.

«Господа, вы никогда не знали России и никогда ее не любили... Дело не в том “достойны ли они его”, а страшно то, что опять он с ними и другого пока нет...» И еще он написал? «Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих; она калечит в своем водовороте достойного; она часто выносит на сушу неведимыми недостойных; но — это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот все равно всегда — о *великом*.

Размах русской революции, желающей охватить весь мир (меньшего истинная революция желать не может...), таков: она лелеет надежду поднять мировой циклон... “Мир и братство народов” — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать»¹. И какой мещанской пошлостью веет от попыток принизить это *великое*, опустить его до уровня «дворцового переворота» и драчки за власть.

Помимо пошлости, проявилось, вероятно, и другое — провинциальная ограниченность наших «ленинцев». Это провинциализм урюпинского уездного исправника или того персонажа Салтыкова-Щедрина, который полагал, что можно «закрыть Америку».

Современный исследователь Валерий Дмитриевич Соловей заметил, что нашей публике, к сожалению, не известны труды одного из наиболее авторитетных западных историко-социологических направлений, которое называется «теория революций». Его представители полагают, что за всю историю человечества было лишь две Великих революции: Французская (XVIII ст.) и Октябрьская 1917 года в России.

«...Я уверен в абсолютной исторической правоте данного утверждения, — пишет В. Соловей. — Рядом с Октябрьской революцией можно поставить только Великую французскую. Никакая другая революция — английская, китайская и т. д. — не стоит вровень с Октябрем по своим масштабам и последствиям. Октябрь, действительно, определил XX век»².

¹ Блок А. Соч.: В 2 т. Т. II. М., 1955. С. 221, 495, 496.

² МФСЭПИ. Горбачевские чтения. Мифы о советской эпохе рождаются сегодня. М., 2008. С. 19.

Что же касается «драчки за власть», то прислушайтесь к тому, что писал Жак Садуль.

Профессиональный разведчик, атташе при Французской военной миссии капитан Садуль был умным и наблюдательным человеком. Он встречался и беседовал с Лениным, часто разговаривал с Троцким. 26 декабря 1917 года он записал в своем дневнике: «Меня часто спрашивают, любят ли, на мой взгляд, Ленин и Троцкий власть ради власти. В том, что касается Ленина, никакие сомнения недопустимы. Власть для него не самоцель, но только средство привести к победе Идею. И мне также кажется, как бы ни было заметно удовольствие, которое испытывает от своей власти Троцкий, что он бы не оставил ее за собой, если бы должен был через нее служить иному, чем большевизму, делу»¹.

Власть ради «Идеи»? Или, как писал генерал Волкогонов Д.А. — власть якобы для того, чтобы «реализовать те книжные схемы, которые он создал, опираясь на «первоисточники марксизма»»? Так ли это?²

Конечно нет! Для «генералов от марксизма» характер октябрьских событий всегда оставался тайной за семью печатями. О подобного рода оппонентах 17-го года Ленин писал: они «свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими донельзя мертвенно».

А что такое Русская революция 1905–1907 годов? Она, отвечает Ленин, была «народной революцией». Ее главный признак, как и в 1917 году, состоит в том, что «масса народа, большинство его, самые глубокие общественные “низы”, задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по-своему построить новое общество...».

В такой народной революции как раз и проявляется, считал Ленин, — «действительный интерес “народа”, большинства его, рабочих и большинства крестьян... А без такого союза непрочно демократия и невозможно социалистическое преобразование»³.

Об этой «Идее» народной революции Ленин писал весь 17-й год. И теперь, говоря о политике нового правительства, он заявил: «Это не политика большевиков, вообще не политика “партийная”, а политика рабочих, солдат и крестьян, т. е. большинства народа... Весь народ именно той политики желал, которую ведет новое правительство. Оно взяло ее не у большевиков, а у солдат на фронте, у крестьян в деревне и у рабочих

¹ Садуль Ж. Записки о большевистской революции (октябрь 1917 — январь 1919). М., 1990. С. 146.

² См.: Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. М., 1994. Кн. 1. С. 293, 294.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 39, 40.

в городах»¹. Ту же мысль сформулировал один из левозсеровских лидеров Алексей Михайлович Устинов: большевистское правительство «не вступило на путь партийной диктатуры, а проводит в жизнь требования всего народа»².

На самом съезде Советов Ленин изложил свое понимание «государственности»: «Пора отбросить всю буржуазную фальшь в разговорах о силе народа. Сила, по буржуазному представлению, это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинаясь указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное. По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»³.

Он постоянно повторял: «Мы заявляем, что мы хотим нового государства, что Совет должен заменить старое чиновничество, что всему народу следует учиться управлять. *Станьте во весь рост, выпрямитесь*, и тогда нам не страшны угрозы»⁴.

Когда Ленин говорил об этом с трибуны съезда, Джон Рид записал: «Невысокая коренастая фигура с большой лысой и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок, бритый, но с уже проступавшей бородкой... Потертый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, может быть, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту...»⁵

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 36, 37.

² Правда. 1917. 5 ноября.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 21.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. С. 116.

Оглавление

ГЛАВА 1. ВОЗВРАЩЕНИЕ.....	5
«Я люблю свою профессию...».....	5
«Штурм приближается!».....	23
«План Мартова».....	42
«Пломбированный вагон».....	63
ГЛАВА 2. «САМЫЙ БЕЗБОЛЕЗНЕННЫЙ ПУТЬ».....	82
«Мои личные тезисы...».....	82
«Против течения».....	106
«То, что мы спорим, — очень ценно».....	133
«Окажите доверие нам».....	155
ГЛАВА 3. «МЯТЕЖ».....	186
«Принимай власть, коли дают!».....	186
Клевета.....	212
«Крутой поворот».....	238
Генеральский путч.....	272
ГЛАВА 4. «КРИЗИС НАЗРЕЛ».....	306
«Синяя тетрадь».....	306
«Грозящая катастрофа...».....	329
«На вулкане».....	360
«Последнее подполье».....	386
ГЛАВА 5. ВОССТАНИЕ.....	428
«Время слов прошло».....	428
«Промедление смерти подобно».....	453
«К гражданам России!».....	478
«Председатель Совнаркома».....	506

Научное издание

Логинов Владлен Терентьевич

Ленин и революция

Редактор: Дамте Д.С.
Корректор: Моисеева Т.Г.
Компьютерная верстка: Исакова Т.В.
Группа допечатной подготовки изданий:
Зеленцов П.О.
Иванова М.В.
Коновалова Т.Ю.
Крылов К.А.
Кудинова Е.В.

Подписано в печать 09.12.2017. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,75. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Академический проект»
(общество с ограниченной ответственностью),
адрес: 111399, г. Москва, ул. Мартеновская, 3;
сертификат соответствия
№ РОСС RU. АЕ51. Н 16070 от 13.03.2012;
орган по сертификации РОСС RU.0001.11АЕ51
ООО «Профи-сертификат».

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»,
адрес: 109316, г. Москва, Волгоградский просп., 42, корп. 5,
телефон: +7 495 221 8980

По вопросам приобретения книги
просим обращаться в издательство:

телефоны: + 7 495 305 3702, + 7 495 305 6092,
факс: + 7 495 305 6088,
e-mail: info@aproject.ru, zakaz@aproject.ru,
интернет-магазин: www.academ-pro.ru.